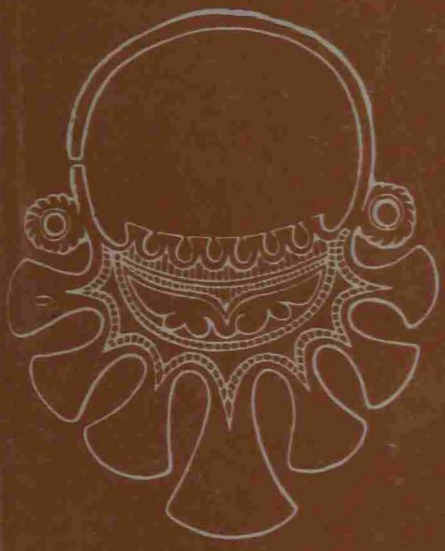
ISSN 0038—5034

Советская археология



1992

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор)

А. А. Аскаров, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. В. Виноградов, В. И. Гуляев (зам. главного редактора),
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе,
Г. А. Кошеленко, В. П. Любин, Т. И. Макарова,
В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич,
Р. М. Мунчаев, В. С. Ольховский (отв. секретарь),
Т. М. Потемкина, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов,
П. П. Толочко, В. Л. Янин

АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

1992 1

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан
в январе 1957 г.

Выходит
4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Васильев С. А. Освоение человеком каменного века гор Западного Саяна . . 5
Телегин Д. Я., Константинеску Л. Ф. Многослойное поселение на Стрильчей Скеле эпохи неолита — энеолита в Днепровском Надпорожье 13
Клочко Л. С. Скифская обувь . 26
Обломский А. М. О роли позднезарубинецкого населения в сложении киевской культуры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья 34
Смирнов К. А. Жилище на городище у д. Лесничино на р. Вазузе . 48
Енуков В. В. Псковские и смоленские длинные курганы (по данным погребального обряда) 57

Дискуссии

Генинг В. Ф. Проблема построения фундаментальной археологической теории 69
Аникович М. В. К определению понятия «археологическая эпоха» 85

Публикации

Жилин М. Г., Энговатова А. В. Стоянка Велетьминская 2 — памятник с накольчатой керамикой на Нижней Оке 95
Логвин В. Н. Поселения терсекского типа Соленое Озеро 1 110
Гадзяцкая О. С. Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы (Волго-Клязьминское междуречье) 122
Прохорова Т. А., Гугуев В. К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника . . . 142
Сергацков И. В. О времени заселения сарматами северной части Волго-Донского междуречья . . . 162
Беспалый Е. И. Курган сарматского времени у г. Азова . . 175
Паньков С. В. Металлургия железа у племен Восточной Волыни (Житомирщины) рубежа и первой половины I тыс. н. э. 192
Петрашенко В. А., Пашкевич Г. А. К изучению земледелия Древней Руси по материалам поселения у с. Григоровка на Среднем Днепре . 198
Чернов С. З., Бойцов И. А. Раскопки в Историческом проезде и изучение Великого посада Москвы XIII—XIV вв. 211

© Отделение истории РАН, Институт археологии РАН, Издательство «Наука», «Советская археология», 1992

Заметки

Давыдова А. В. Бронзовая печать сюнну . . 231
Разуваев Ю. Д. Курганы I в. н. э. у южной окраины г. Воронежа 234
Соловьев В. С. Денежно-вещевой клад из Душанбе 239
Полякова Г. Ф. Заготовки обкладки колчана из Болгар 243

История науки

Жервэ Н. Н. Пятнадцатый археологический съезд . . . 245
Щавелев С. П. Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д. Я. Самоквасова 1872—1873 гг. и ее результаты) 255
Малышев А. А., Семенова И. В. Павел Давидович Рау 264
Зуев В. Ю. Об одном письме П. Д. Рау к А. А. Захарову 278
Нерсесов Я. Н. Касас Грандес — крупнейший археологический памятник Северной Мексики (к 100-летию исследования) 281

Критика и библиография

Амирханов Х. А. *Inizan M.-L.* Préhistoire à Qatar. Mission archeologique francaise a Qatar. Edition Recherche sur les Civilisations. P., 1988 285

Хроника

Могильников В. А. Конференция «Скифо-сибирский мир (социальная структура и общественные отношения)» (Кемерово, 1989) 288
Емец И. А. IV научные чтения памяти профессора В. Д. Блаватского (Москва, 1990) 293
Седов В. В. VII Международный конгресс финно-угроведов (археологическая проблематика) (Дебрецен, 1990) 296

ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

1992 1

SOVIET ARCHAEOLOGY

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Vasilyev S. A. The spread of the Stone Age man in the Western Sayan mountains 5
Telegin D. Ya., Constantinescu L. F. The multilayer settlement at Strilcha Skelya of the Neo-Aeneolithic in the Dnieper Cataracts 13
Klochko L. S. The Scythian foot-wear 26
Oblomsky A. M. On the role of late Zarubintsy culture in formation of Kiev culture in the Middle Dnieper basin and on the left bank of the Dnieper 34
Smirnov K. A. A dwelling at the fortified settlement near the Lesnichino village on Vazuza river 48
Yenukov V. V. The long kurgans of Pskov and Smolensk (the data of the burial rite) 57

Discussions

Gening V. F. A problem of creation of fundamental archaeological theory 69
Anikovich M. V. On the definition of the term „archaeological epoch". 85

Publications

Zhilin M. G., Engovatova A. V. The settlement Veletminskaya 2 — a site with stroke pottery on the Lower Oka river 95
Logvin V. N. A settlement of Tersek type Solyonoe Ozero 1 110
Gadzyatskaya O. S. Fatyanovo component in the Late Bronze Age culture on the territory between the Volga and Klyazma rivers 122
Prokhorova T. A., Guguev V. K. A rich Sarmatian burial in the kurgan 10 of Kobyakovo cemetery 142
Sergatskov I. V. On the date of the spread of the Sarmatians in the northern part of the territory between the Volga and the Don rivers 162
Bespaly Ye. I. A Sarmatian kurgan near the town of Azov 175
Pan'kov S. V. The iron metallurgy of the inhabitants of the Eastern Volyn (Zhitomir region) during the first half of the 1st millenium A. D. 192
Petrashenko V. A., Pashkevich G. A. A contribution to the study of agriculture in Medieval Russia according to the materials from the settlement near Grigorovka village on the Middle Dnieper 198
Chernov S. Z., Boytsov I. A. The excavations in the Istorichesky proezd and the investigations of Veliky posad in Moscow in the 13th — 14th centuries 211

Notes

Davydova A. V. A bronze sunnu seal 231

Razuvaev Yu. D. The kurgan of the 1st century A. D. to the south of Voronezh town 234
Solovyev V. S. A hoard of coins and artefacts from Dushanbe 239
Polyakova G. F. A non-finished quiver inlay from Bolgary 243

The history of science

Zherve N. N. The Fifteenth Arcahaeological Congres 245
Shchavelev S. P. The first attempt of mass registration of archaeological sites in Russia (D. Ya. Samokvasov's questionnaire of 1872—1873 and its resultes) 255
Malyshev A. A., Semenova I. V. Pavel Davidovich Rau 264
Zuev V. Yu. A letter of P. D. Rau to A. A. Zakharov 278
Nersesov Ya. N. Casas Grandes, the principle archaeological site in Northern Mexico (100 years of investigations) 281

Critics and bibliography

Amirkhanov Kh. A. *Inizan M.-L.* Préhistoire à Qatar. Mission archeologique francaise a Qatar. Edition Recherche sur les Civilisation. Paris, 1988 285

Chronicle

Mogilnikov V. A. The conference „Scythian Siberian world (social structure and social relations)", Kemerovo, 1989 288
Yemets I. A. The Fourth scientific conference in memory of professor V. D. Blavatsky, Moscow, 1990 293
Sedov V. V. The Seventh International Congres of Finno-Ugrian studies (the archaeological problems), Debrecen, 1990 196

С. А. ВАСИЛЬЕВ

ОСВОЕНИЕ ЧЕЛОВЕКОМ КАМЕННОГО ВЕКА ГОР ЗАПАДНОГО САЯНА

Западный Саян представляет собой обширную горную область на юге Сибири, входящую в состав Алтае-Саянской страны. Его хребты протягиваются широкой полосой с юго-запада на северо-восток более чем на 600 км. Горы отделяют Минусинскую котловину на севере и систему впадин Центральнотувинской депрессии (Хемчикскую, Улуг-Хемскую и Кызыльскую) на юге (рис. 1). С запада к Западному Саяну примыкают горы Кузнецкого Алатау (Абаканский хребет), а на востоке он выклинивается между Восточным Саяном и Тоджинской впадиной Тувы. Западный Саян характеризуется сильно расчлененной структурой с преобладанием средневысотных гор.

В рельефе выделяются три основных орографических пояса с рядом хребтов и внутригорных впадин. Северный пояс охватывает ветвь хребтов (Джойский, Джебашский, Кантегирский, Борус, Березовский, Кулумыс), окружающих с юга Южно-Минусинскую впадину. Здесь господствует низко- и среднегорный рельеф, абсолютные высоты 1300—1500 м. В осевой части Саяна протягивается центральный орографический пояс, включающий наиболее высокие хребты (Саянский с абсолютными отметками 2300—2825 м, Ойский, Мирской, Араданский, Эргак-Торгак-Тайга). Доминируют альпийские высокогорные формы рельефа. В пределах центрального пояса выделяется Усинская котловина в среднем течении р. Ус — правого притока Енисея между Куртушибинским и Мирским хребтами. Южный орографический пояс включает хребты и плато, постепенно снижающиеся к котловинам Тувы, преобладает среднегорный рельеф, абсолютные отметки колеблются от 2800 до 1250 м. В него входят восточные отроги Шапшальского хребта, Алашанское плато, Хемчикский, Куртушибинский и Уюкский хребты и внутригорная Турано-Уюкская впадина [1].

В меридиональном направлении хребты Западного Саяна на протяжении около 300 км прорезаются долиной Енисея, образующего здесь своеобразное живописное ущелье — Саянский каньон. В каньоне Енисей принимает ряд притоков, главнейшими из которых являются Хемчик, Ус и Кантегир. Помимо каньона имеется ряд перевальных троп, связывающих Минусинскую котловину с Тувой, которые могли использоваться древним человеком при освоении горной страны.

Многолетние работы, проводимые Саяно-Тувинской экспедицией ЛОИА АН СССР в этом районе (исследования по каменному веку велись отрядами под руководством С. Н. Астахова, Вл. А. Семенова и автора) привели к открытию десятков памятников, относящихся к различным эпохам. При этом неоднократными разведочными маршрутами были пройдены как долина самого Енисея на всех ее участках, так и его важнейших притоков. Это дает возможность с достаточной определенностью судить о географическом распространении разновременных стоянок. Комплексное ведение работ с участием ряда специалистов в области естественных наук (геоморфология, стратиграфия, литология, палинология, палеозоология, радиоуглеродное и палеомагнитное датирование) позволило реконструировать сложную картину освоения человеком горной страны на фоне изменений природной среды в позднем плейстоцене — раннем голоцене.

© С. А. Васильев, 1992 г.

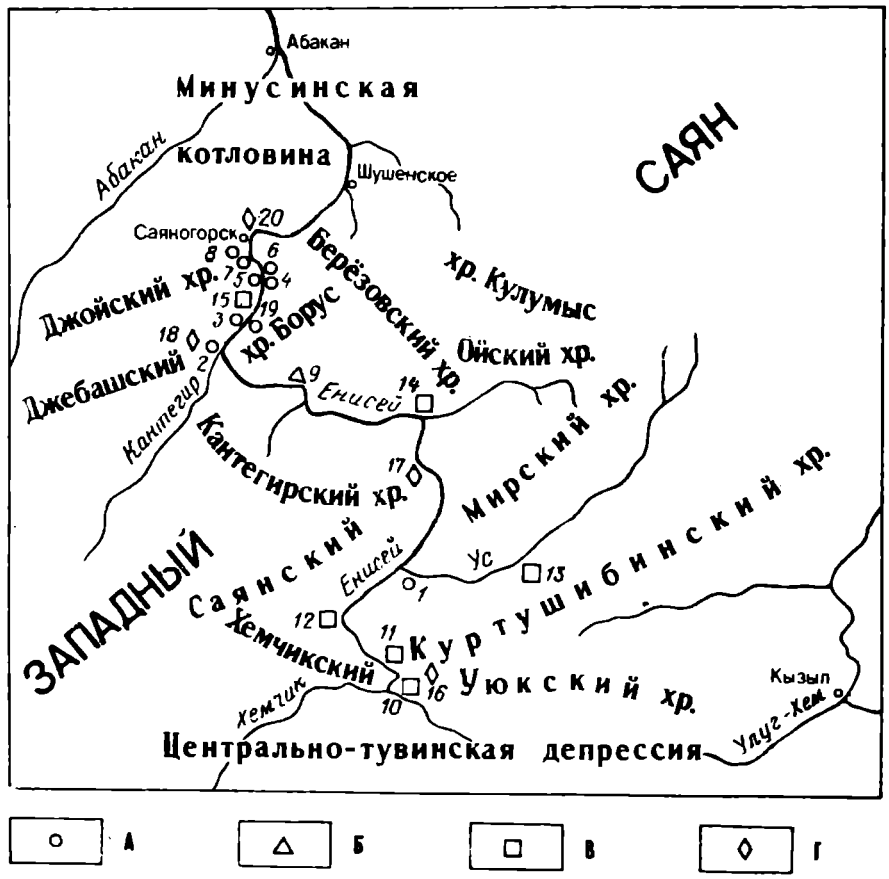


Рис. 1. Основные стратифицированные памятники каменного века Западного Саяна. *А* — поздний палеолит; *Б* — эпипалеолит; *В* — докерамический неолит; *Г* — неолит. *1* — Нижний Иджир I; *2* — Кантегир; *3* — Джой; *4* — Голубая I, IV; *5* — Уй I, II, Майнинская стоянка, Майнинский Лесозавод; *6* — Сизая I, V, VIII; *7* — Большой Карак; *8* — Означенное I; *9* — Сосновка Голованьская; *10* — Усть-Хемчик 3; *11* — Е-17, Е-19; *12* — Малые Уры I; *13* — Теплая; *14* — Казыр-Сук; *15* — Майнинская, Уй II; *16* — Тоора-Даш; *17* — Мадарак; *18* — Усть-Кантегир; *19* — Сосновка Джойская; *20* — Створ 2

Все известные нам памятники привязаны к отложениям или поверхности террас низкого позднечетвертичного комплекса, имеющих широкое распространение как в пределах долины самого Енисея, так и вдоль его притоков (рис. 2). Культурные слои стоянок приурочены к аллювию или покровным отложениям I—III террас с превышениями 23—28, 15—18 и 7—12 м. Абсолютные отметки террасовых уровней значительно варьируют в зависимости от мощности покровных и склоновых отложений. Новейшие исследования показывают, что при хронологической оценке культурных слоев, залегающих в аллювиальных толщах, нельзя преувеличивать значение гипсометрических отметок, как это делалось раньше в рамках так называемой «табличной стратиграфии». В особых гидрологических условиях осадконакопления, свойственных перигляциальному режиму сартанского времени, хронологически близкие аллювиальные свиты могли накапливаться на разновысотных уровнях [2, с. 6—26]. Кроме того, характер осадконакопления зачастую зависит от сугубо локальных условий, и на соседних участках террасового уровня одновозрастные толщи имеют различный литолого-фациальный характер.

Можно выделить четыре этапа последовательного продвижения человека в глубь хребтов и долин Западного Саяна. Первый из них относится к эпохе палеолита. Естественно, что пути первоначального заселения Западного Саяна шли из котловин — Минусинской на севере и Центральнотувинской на юге. Как в Минусе, так и на территории Тувы открыты мустьерские памятники [3; 4, с. 92—98], правда, на значительном удалении от Западного Саяна. Грот Двуглазка

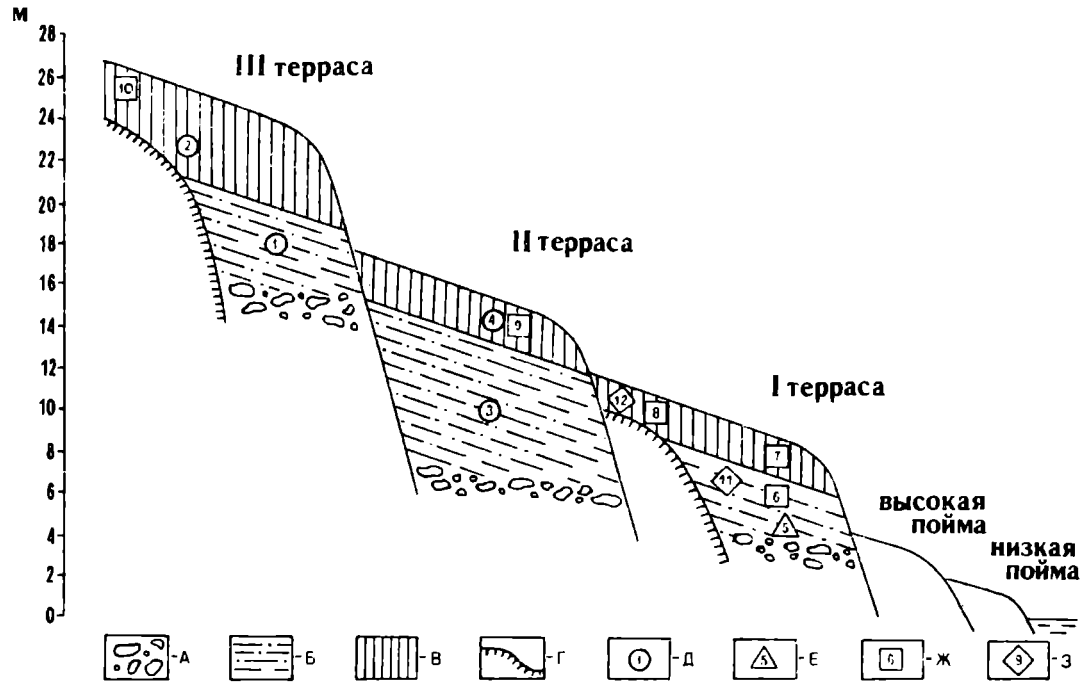


Рис. 2. Схема террасовой стратиграфии долины Енисея и его основных притоков в Западном Саяне и положения культурных слоев памятников каменного века. *А* — галечниково-валунный аллювий; Б — песчано-супесчаный аллювий; *В* — покровные отложения; *Г* — скальные выходы; *Д* — культурные слои позднего палеолита; *Е* — культурные слои эпипалеолита; *Ж* — культурные слои докерамического неолита; *З* — культурные слои неолита. *1* — Уй I, слой 2, Нижний Иджир I, Майнинская, слои В—Г; *2* — Майнинская, слои А—Б, Означенное I; *3* — Кантегир, слои 2, *5*, Голубая I, слои 1—3, Джой, Майнинская, слои 2—9, Уй II, слои 2—7; *4* — Кантегир, слой 1, Голубая IV, Майнинский Лесозавод, Майнинская, слои 0—1, Сизая VIII, слои 1—2; *5* — Сосновка Голованьская, слой 2; *6* — Малые Уры I, слой *5*; *7* — Малые Уры I, слои 2—4; *8* — Е-17, Е-19, Теплая, Казыр-Сук; *9* — Усть-Хемчик 3, слои 1—2, Уй II, слой 1; *10* — Майнинская, неолитический слой; *11* — Тоора-Даш, слои I—IV, Усть-Кантегир, слой 4, Мадарак; *12* — Створ 2, Сосновка Джойская

в Хакасии и серия саглынских местонахождений на юге Тувы относятся к наиболее распространенному в Северной и Центральной Азии варианту — леваллуа-мустье. Из числа более близких к Западному Саяну пунктов с нижнепалеолитическими находками можно отметить Чинге-Даг-Ужу в долине Чадана. Сложнее судить о возрасте необычной галечной индустрии, представленной на нескольких местонахождениях в районе Шагонара и пунктах Е-13 и Е-14, расположенных уже непосредственно в начале Саянского каньона, на правобережье Улуг-Хема, у р. Чинге [3, с. 50, 51]. Архаизм находок может быть в данном случае объяснен как их древним возрастом, так и функциональной спецификой памятников, тем более что галечные орудия и крупные ядрища архаичного облика доживают в Северной Азии до довольно позднего времени. Вероятность открытия нижнего палеолита в Западном Саяне очень мала, что определяется строением террасового ряда (все террасы выше третьей неизменно носят эрозионный характер).

Пока можно лишь констатировать отсутствие в регионе достоверных памятников как нижнего, так и ранних этапов верхнего палеолита. Древнейшим свидетельством заселения человеком на сегодняшний день является нижний культурный слой стоянки Уй I в северной части Саянского каньона Енисея. Культурные остатки приурочены здесь к нижней части перигляциального аллювия III (23—25 м) террасы со следами неоднократных криогенных деформаций. Серия радиоуглеродных датировок, ложащаяся в основном в интервале 19—22 тыс. лет, позволяет отнести памятники к раннесартанскому времени. Палинологические данные свидетельствуют о существовании в ту эпоху смешанных ландшафтов с чередованием хвойно-лиственных лесов и открытых остепненных участков. В фауне доминируют бизон, кулан, баран аргали и сибирский козерог, есть остатки

лошади, зайца, сурка, лисицы и благородного оленя. Интересно, что из вышележащих отложений определены кости яка, характеризующего на Енисее относительно ранние памятники.

В слое был открыт ряд интересных объектов — оригинальные каменные конструкции, овал из вертикально вбитых костей, остатки легкого наземного жилища с очагом в каменном ящике и т. д. [5, с. 17—20; 6, с. 97—99]. Комплекс дал необычную каменную индустрию с мелкими призматическими и конусовидными ядрищами, сопровождающимися крупными плоскими одноплощадочными, пирамидальными и дисковидными нуклеусами, есть и леваллуазские формы. Встречены торцовые и клиновидные микронуклеусы. Среди орудий доминируют разнообразные скребки на пластинках и отщепах и долотовидные изделия. Имеются ретушированные пластинки, пластинки с притупленным краем, острия, зубчато-выемчатые орудия. Оригинальна галька со сточенными краями и заготовка бифасиального наконечника. Комплекс дополняют костяное изделие с ретушью, проколки, фрагмент рогового наконечника, клык-подвеска. Эта индустрия входит в круг памятников средней поры сибирского позднего палеолита, представленных на Среднем Енисее комплексами типа Тарачиха — Афанасьева Гора [7, с. 43—50; 8, с. 25—36], а также Шленка [9, с. 77—87]. Явного типологического сходства между этими индустриями не прослеживается, но общий технологический уровень довольно близок. Эта стадия предшествует кокоревской и афонтовской культурам финального палеолита.

Если средняя пора позднего палеолита представлена пока всего одним, хотя и выразительным, комплексом, то последующая эпоха оставила целый ряд многослойных памятников. Древнейшие из них, судя по радиоуглеродным и палеомагнитным датировкам, это 6—9-й слои восточного участка Майнинской стоянки (16—18 тыс. лет), залегающие в нижней части перигляциального аллювия II террасы. К этому же времени относится и культурный слой стоянки Нижний Иджир I в приустьевой части долины р. Ус, приуроченный к верхам аллювия III террасы (датировка более 17 тыс. лет). Возможно, в эту хронологическую группу входят нижние (В, Г) слои западной части Майнинской стоянки. Находки на всех этих памятниках немногочисленны. Судя по материалам Майнинской стоянки, в это время уже существовала афонтовская культура, получившая значительное распространение в последующий период.

Интересно географическое положение стоянки Нижний Иджир I в пределах центрального пояса Западного Саяна. Наиболее вероятно проникновение сюда людей с юга, из Тувы, тем более что в пределах Усинской и Турано-Уюкской котловин, как и в центральной части Саянского каньона, достоверных следов палеолита не обнаружено. Упоминаемое С. Н. Астаховым [3, с. 79—82] местонахождение Катушка вызывает сомнения в плане палеолитического возраста находок. Часть предметов, безусловно, относится к неолиту, а стратиграфическая картина из-за многочисленных нарушений далеко не ясна. Да и терраса, к которой приурочены культурные остатки, имеет, вероятно, голоценовый возраст. Таким образом, можно говорить о необитаемости средней части Саян в позднеплейстоценовое время. Южная часть каньона (до устья р. Ус) посещалась палеолитическими охотниками, северный участок долины, до устья Кантегира, был обжит им уже довольно основательно.

Следующий период (16—12 тыс. лет) характеризуется серией памятников, расположенных в северной части Саянского каньона Енисея, залегающих в верхней части перигляциального аллювия II террасы. Это такие стоянки, как Кантегир (2—5-слои), Джой, Майнинская (восточный участок, 2—5-слои), Уй II (5—7 слои), Голубая I (1—3-й слои). К этому же периоду относятся стоянка Означенное I и слой Б западного участка Майнинской стоянки, приуроченные к покровным отложениям III террасы [3, с. 83—99, 116, 117; 6; 10; 11]. Как видно по карте, стоянки тяготеют к северной части каньона, образуя крупнейшее скопление в районе пос. Майна на стыке двух физико-географических зон (горной области и степей Минусинской котловины). Здесь к основной долине примыкают

широкие лога — прекрасные места для охоты. Судя по обильным фаунистическим коллекциям, доминировала охота на лесные виды (благородного оленя, косулю, лося, лисицу, росомаху, зайца) и обитателей остепненных предгорий и плато (аргали, бизона). Обитатели стоянки Означенное I охотились на северного оленя. Палеолитические люди, жившие в окрестностях Майны, нередко отправлялись за добычей в Минусинские степи, о чем свидетельствуют находки костей степных видов (лошади, кулана). На ряде памятников найдены остатки птиц. Особый вид деятельности составлял промысел сибирского козерога — специфически горного вида. По мере удаления стоянок в глубь Саян роль козерога в составе фауны возрастает [12, с. 133—135]. Судя по материалам Кантегира, появляется рыболовство, на Майнинской стоянке фиксируется собирание птичьих яиц.

Палинологические анализы позволили установить неоднократные колебания климатической обстановки с распространением попеременно то остепненных ландшафтов с редкостойными лесами, то березово-кедрово-сосновых ассоциаций. Периодам наступания ледника соответствуют видимые в ряде разрезов ярусы мощных псевдоморфоз по ледяным клиньям.

Культурные слои упомянутых выше памятников довольно тонкие и отражают, вероятно, сезонные поселения. Большинство остатков концентрируется в линзах углистого слоя вокруг очагов, в ряде случаев обложенных камнями. Иногда подобные скопления могут интерпретироваться как остатки легких наземных жилищ. Присутствуют и обычные для енисейского палеолита «рабочие площадки» — места расщепления камня и изготовления орудий. В 3-м слое Майнинской стоянки найден клад отборных каменных орудий.

Практически все основные памятники этой эпохи принадлежат к наиболее распространенной в долине Енисея афонтовской культуре, образуя крайнюю южную группу этой общности. Каменная индустрия основана на технике снятия отщепов с крупных одно- и двухплощадочных ядрищ, реже встречаются дисковидные, торцовые и леваллуазские нуклеусы. Развита микропластинчатая техника, основанная на разнообразных торцовых и клиновидных микроядрищах. В орудийном наборе доминируют скребла, скребки на отщепах и долотовидные изделия. Реже встречаются зубчато-выемчатые и клювовидные орудия, чопперы, ретушированные отщепы, острия. Единичными экземплярами представлены резцы, остроконечники, ретушированные пластины, пластинки с притупленным краем, микроострия, проколки. Великолепное развитие получила индустрия из кости и рога, представленная серией наконечников с пазами и беспазовых, острий, игл, стержневидных поделок. Привлекает внимание единственное произведение искусства — глиняная статуэтка из 5-го слоя Майнинской стоянки.

В то же время около 13 тыс. лет в массу афонтовских памятников «вклинивается» пластинчатая индустрия совершенно иного облика, представленная материалами из нижнего культурного слоя стоянки Голубая I [3, с. 99—109]. Для нее характерны своеобразные микронуклеусы, сходные с многофасеточными резцами, скребки на пластинках, ретушированные пластины разных типов, пластинки с притупленным краем, микроострия, резцы, выемчатые и комбинированные орудия. Скребла редки, а долотовидные изделия вовсе отсутствуют. Генезис подобной индустрии, вероятно, связан с уже упоминавшимися пластинчатыми комплексами более раннего времени типа Тарачихи — Афанасьевой Горы.

Памятники финальной поры позднего палеолита (12—10 тыс. лет) по большей части приурочены к покровным отложениям II (Кантегир, слой 1, Майнинский Лесозавод, Майнинская, восточный участок, слои 0—1, Сизая VIII, Голубая IV) и III (Майнинская, западный участок, слои А-1-3) террас [3, с. 86, 109, 110, 114, 115; 10; 11; 13]. На стоянке Уй II в это время в силу особенностей ее расположения продолжалось формирование аллювиальной толщи II террасы, включающей культурные слои 2—4. Географически, таким образом, обитание продолжалось на освоенной в предшествующее время территории. В фауне сохраняется в основном тот же видовой состав, но, судя по материалам Майнинской стоянки, все большую роль начинает играть косуля. По данным палинологии,

преобладали сосново-березовые леса со значительным участием пихты, ели и лиственницы. Периоды похолодания чередовались с теплыми интерстадиальными фазами финала сартана, отмеченными следами неоднократного образования погребенных почв.

Развитие афонтовских индустрий в это время продолжалось во многом параллельно на Среднем и Верхнем Енисее. Так, если материалы нижних слоев Кантегира, Майнинской стоянки и Джоя находят ближайшие аналогии в Кокорево II, то индустрия слоев А-1-3 Майнинской стоянки — в Кокорево III [14]. Вместе с тем имеется ряд типологических отличий, свидетельствующих об определенной степени территориальной дифференциации афонтовских групп. Особняком стоит комплекс 1-го культурного слоя Майнинской стоянки, где к обычному афонтовскому набору ядрищ и орудий прибавляется выразительная серия мелких призматических нуклеусов, а также своеобразные проколки с плечиками и пластинки с притупленным краем.

Вопрос о выделении памятников раннего мезолита (или эпипалеолита, предпочитая терминологию А. П. Окладникова [15]) столь же остро стоит на Верхнем Енисее, как и для западной части Сибири в целом. Колонки многослойных памятников Западного Саяна обрываются на рубеже 10 тыс. лет. Вероятно, данное обстоятельство действительно отражает резкое уменьшение заселенности Приенисейской Сибири, поскольку отложения раннего голоцена распространены достаточно широко и этот период как будто не сопровождался крупномасштабной эрозией, могущей уничтожить памятники. Единственным стратифицированным комплексом в Западном Саяне, которому можно приписывать раннеголоценовый возраст, является нижний слой стоянки Сосновка Голованьская [16]. Слой приурочен к нижней части покровных отложений I террасы непосредственно на контакте с галечным аллювием. Если предполагать, что он немного отстоит во времени от конца накопления аллювия террасы (оцениваемого геологами как финал плейстоцена — начало голоцена), то возраст культурных остатков приближается к 8 тыс. лет назад. Инвентарь стоянки, несомненно, позволяет отнести ее к афонтовской культурной традиции. Интересно географическое положение памятника на необитаемом в палеолите участке выше устья р. Кантегир, рисующее дальнейшее продвижение человека в глубь горной страны.

Следующий этап освоения Западного Саяна связан с серией памятников, для которых характерны типично неолитические формы каменных орудий при отсутствии керамики. Это обстоятельство не может быть объяснено функциональной спецификой стоянок, ибо в эту группу входят как мастерские (Е-17, Е-19, неолитический слой Майнинской стоянки), так и поселения (Уй II, 1-й слой, Малые Уры I, Усть-Хемчик 3). Для обозначения этого периода мы, следуя традиции А. П. Окладникова и Л. П. Хлобыстина [17], употребляем термин «бескерамический неолит». Культурные слои памятников [18—20] приурочены к аллювию (Малые Уры I, слой 5) и покровным отложениям (Е-17, Е-19, Малые Уры, слои 2—4, Теплая, Казыр-Сук) I террасы, а также к покровным отложениям II (Усть-Хемчик 3, Уй II, 1-й слой) и III (Майнинская стоянка, неолитический слой) террас. Географически памятники располагаются двумя скоплениями — в южной части каньона, в районе устья Хемчика, и в северной, в окрестностях Майны. Вместе с тем обращает на себя внимание расположение стоянок в самом центре Саян, на Большом Пороге Енисея (Казыр-Сук) и в Усинской котловине (Теплая). Таким образом, можно констатировать заселение человеком всей территории Западного Саяна, включая его глубинные труднодоступные уголки.

Хозяйство упомянутых выше стоянок базировалось на охоте на сибирского козерога (в южной части каньона), благородного оленя и аргали (в северной). Характер культурных слоев с их приочажными скоплениями сходен с позднепалеолитическими памятниками; на стоянке Уй II открыта крупная хозяйственная яма. Вместе с тем впервые фиксируются специализированные места для расщепления камня — мастерские, до этого функции стоянки и мастерской совмещались в рамках единого поселения.

Основной памятник данной стадии — Усть-Хемчик 3 по радиоуглероду датирован V тыс. до н. э. Облик индустрии верхних слоев Майнинской стоянки и Уй II носит более развитый характер, и, вероятно, в целом хронологический диапазон существования бескерамических индустрий можно определить как V—IV тыс. до н. э. Каменный инвентарь базируется на пластинке (Усть-Хемчик 3, неолитический слой Майнинской стоянки) или отщепе (Уй II, 1-й слой, Малые Уры I). Характерна призматическая техника в сочетании с крупными одно- и двухплощадочными ядрищами, продолжают существовать клиновидные нуклеусы. Среди орудий наиболее выразительны наконечники стрел треугольной формы с выемкой в основании, наконечники с боковой выемкой, изредка ромбовидные и овальные наконечники более крупных размеров. Распространены также двусторонне обработанные вкладыши (кроме Усть-Хемчик 3). Основную часть орудийного набора составляют скребки, скребла, долотовидные изделия, встречаются чопперы, ретушированные отщепы, зубчато-выемчатые изделия, ретушированные микропластинки и т. д.

В последующее, собственно неолитическое время фиксируются памятники как в северной, так и в южной части каньона. На последнем участке расположена опорная для неолита—бронзы Тувы многослойная стоянка Тоора-Даш [21]. Нижние культурные слои ее, датируемые Вл. А. Семеновым предафанасьевским временем (первая половина III тыс. до н. э.), представлены комплексами гребенчатой керамики, сопровождаемой каменной индустрией с преобладанием отщепов, наконечниками стрел с выемкой в основании, вкладышами, скреблами, скребками, а также костяным гарпуном, подвесками из клыков марала и др. Сходны с Тоора-Дашем по керамике материалы из северной части каньона — нижнего слоя Усть-Кантегира [22] и местонахождения Кибик II близ р. Голубой (сборы автора, 1980 г.). Вместе с тем в этом районе присутствуют комплексы с керамикой, не находящей аналогий в выделенной Вл. А. Семеновым на основании изучения колонки Тоора-Даша верхнеенисейской неолитической культуре. Это стоянки Сосновка Джойская [22], Соболиный Бычек [23] и Створ 2 (раскопки С. Н. Астахова, 1971 г.). Имеющихся материалов явно недостаточно для суждения относительно культурно-хронологических различий в неолите Верхнего Енисея. Можно только сказать, что, судя по обилию пунктов с находками, северная часть каньона в этот период была заселена не менее густо, чем в палеолите.

Такова на сегодняшний момент картина освоения Западного Саяна. В ней еще немало неясных мест, особенно в голоценовой части. Однако общая тенденция последовательного продвижения древнего человека в глубь горной страны с севера и юга прослеживается достаточно определенно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зятькова Л. К.* Новейшая тектоника Западного Саяна. Новосибирск: Наука, 1973.
2. *Ямских А. Ф.* О полицикловых террасах в долине Среднего Енисея//Палеогеография Средней Сибири. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1988.
3. *Астахов С. Н.* Палеолит Тувы. Новосибирск: Наука, 1986.
4. *Абрамова З. А.* Мустьерский грот в Хакасии//КСИА. 1985. № 181.
5. *Васильев С. А.* Палеолитические стоянки в зоне строительства Майнинской ГЭС//Древние культуры Евразийских степей. Л.: Наука, 1983.
6. *Васильев С. А.* Палеолитический человек в горах Западного Саяна//Природа. 1988. № 3.
7. *Абрамова З. А.* Палеолитическая стоянка Гарачиха на Енисее//КСИА. 1983. № 173.
8. *Лисицын Н. Ф.* Афанасьева Гора//Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск: ИИФиФ, 1987.
9. *Астахов С. Н., Ямских А. Ф.* Новая верхнепалеолитическая индустрия и геолого-геоморфологическое положение стоянки «Шленка»//Природные условия и ресурсы юга Сибири. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1984.
10. *Васильев С. А., Ямских А. Ф., Ермолова Н. М. и др.* Палеогеографические условия обитания человека каменного века на Майнинской стоянке//Палеогеография Средней Сибири. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1987.
11. *Васильев С. А., Цейтлин С. М., Свеженцев Ю. С.* Стратиграфия и геологический возраст

многослойной Майнинской стоянки на Енисее//Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. 1986. № 55.
12. *Васильев С. А.* Охота палеолитических обитателей Западного Саяна на сибирского козерога//Палеоэкономика Сибири. Новосибирск: Наука, 1986.
13. *Васильев С. А.* Палеолитическая стоянка у пос. Майна//КСИА. 1987. № 189.
14. *Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск: Наука, 1979.
15. *Окладников А. П.* К вопросу о мезолите и эпипалеолите в Азиатской части СССР//МИА. 1966. № 126.
16. *Васильев С. А.* Сосновка Голованьская — новый многослойный памятник каменного века в Западном Саяне//КСИА. 1981. № 165.
17. *Хлобыстин Л. П.* Древнейшие памятники Байкала//МИА. 1965. № 131.
18. *Беляева В. И.* Неолитическая стоянка Усть-Хемчик 3 в Западной Туве//КСИА. 1972. № 131.
19. *Беляева В. И.* Кремневая мастерская на р. Шугур//КСИА. 1975. № 141.
20. *Васильев С. А.* Неолитическая стоянка Малые Уры//Палеолит и неолит. Л.: Наука, 1986.
21. *Семенов В. А.* Многослойная стоянка Тоора-Даш на Енисее//Древние культуры Евразийских степей. Л.: Наука, 1983.
22. *Семенов В. А.* Неолитические памятники Верхнего Енисея//Палеолит и неолит. Л.: Наука, 1986.
23. *Астахов С. Н.* Новые памятники каменного века в северной части ущелья Енисея в Саянах//ИСОАН. Сер. обществ. наук. 1989. Вып. 1.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

S. A. VASILYEV

THE SPREAD OF THE STONE AGE MAN IN THE WESTERN SAYAN MOUNTAINS

Summary

The long-term investigations of the Sayan-Tuva expedition of the Leningrad Department of the Institute of archaeology of the Academy of Sciences of the USSR in the Western Sayan mountains resulted in discovery of numerous sites dated to various periods of the Stone Age. These sites characterize the consecutive stages of primitive man's spreading in this vast mountainous area of the Southern Siberia. During the Late Palaeolithic the sites were concentrated in the northern part of the Sayan canyon of the Yenisey river and in the South, in the Us river valley. Thus the two main ways of the migration of the primitive population should be suggested: the northern one from the Minusinsk valley, and the southern one from Tuva. In the Early Neolithic (the 5th and the 4th millenia B. C.) all the territory of Western Sayan was inhabited, including the inner almost inaccessible districts.

Д. Я. ТЕЛЕГИН, Л. Ф. КОНСТАНТИНЕСКУ

МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА СТРИЛЬЧЕЙ СКЕЛЕ ЭПОХИ НЕОЛИТА—ЭНЕОЛИТА В ДНЕПРОВСКОМ НАДПОРОЖЬЕ

Для решения вопросов хронологии и периодизации археологических культур кроме датировок памятников методами точных и естественных наук, несомненно, важное значение имеют стратиграфические наблюдения и анализ инокультурных «импортов». К сожалению, стратифицированные памятники встречаются весьма нечасто. Если взять, например, территорию Нижнего Поднепровья в эпоху неолита — энеолита, то среди многих известных здесь поселений этого времени стратифицированных исследовано всего три-четыре. Среди них одно из наиболее важных мест, несомненно, занимает многослойное поселение на Стрильчей Скеле. Материалы этого памятника, где представлены горизонты двух неолитических и двух энеолитических культур, уже довольно широко используются при решении вопросов относительной хронологии неолита и энеолита юга Украины, хотя их полная публикация и не проведена. В данной статье мы хотим восполнить этот недостаток.

Стрильча Скеля представляет собой скальный остров, расположенный под правым берегом Днепра, немного ниже с. Волошское Днепропетровского р-на Днепропетровской обл. (рис. 1). До затопления порогов размеры острова были значительно больше; сейчас сохранилась лишь небольшая гранитная скала размером 60×50 м, которая поднимается над уровнем оз. им. Ленина на 10—12 м. В восточной части острова имеется котловина длиной около 25 м и при ширине 15—17 м, окруженная с трех сторон скальными выступами. Лишь в восточной части уровень западины понижается, образуя спуск к воде. На площади котловины имеется мощный культурный слой эпохи неолита—энеолита.

Следы древнего поселения здесь были обнаружены еще в дореволюционные годы. Материалы из этого памятника экспонировались на XI—XII Археологических съездах. В 1907 г. Стрельчу Скелю посетил Н. А. Макаренко [1, с. 106]. Стоянка обследовалась и в предвоенные годы в связи со строительством Днепрогэса, но наибольший объем работ здесь был проведен уже после окончания Великой Отечественной войны в 1946 г. А. В. Добровольским и В. Н. Даниленко [2, 3]. К сожалению, материалы довоенных исследований памятника не сохранились. В фондах Института археологии АН УССР находится лишь коллекция из раскопок 1946 г. и разведок А. В. Бодянского, который также неоднократно посещал это местонахождение.

Долгое время считалось, что поселение на Стрильчей Скеле уже полностью раскопано. Это, однако, оказалось не так. Работами первобытной экспедиции Института археологии АН УССР в 1986 г. было установлено наличие здесь культурного слоя, а в двух зачистках, заложенных нами вдоль северного края раскопа 1946 г., получен новый археологический материал эпохи неолита — энеолита. Всего на поселении в раскопе 1946 г. и зачистках 1986 г. вскрыта площадь около 200 м^2 (рис. 2). Мощность культурного слоя здесь достигает 1,2—1,3 м.

Стратиграфия наслоений характеризуется следующими данными: на гранитном ложе залегает тонкая (до 0,2 м) прослойка бурого песка, которая почти по всей

© Д. Я. Телегин, Л. Ф. Константинеску, 1992 г.

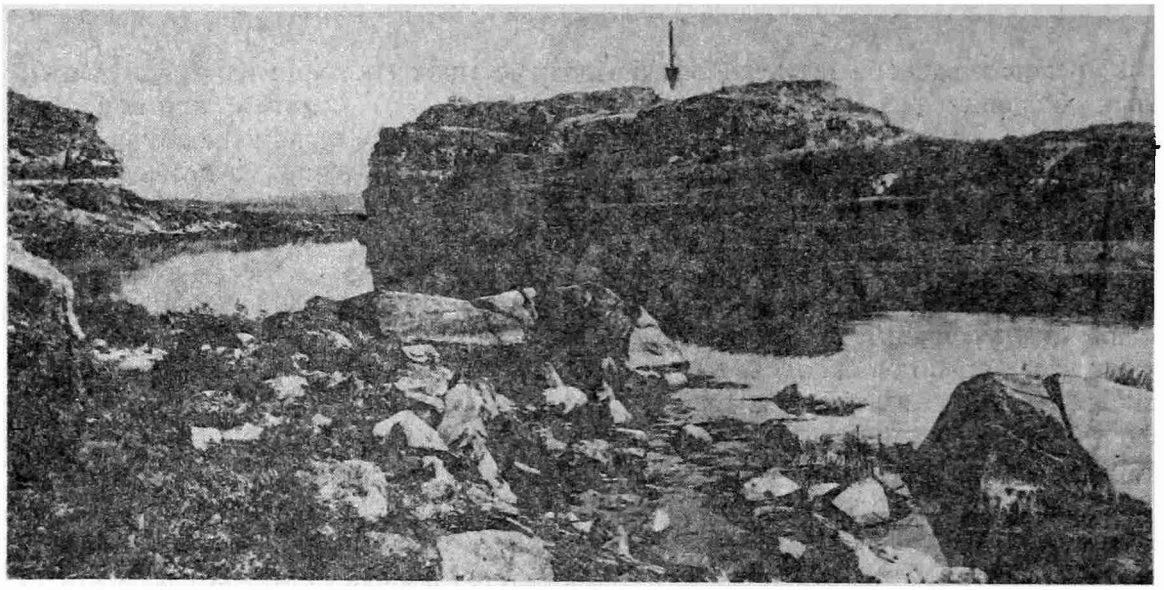


Рис. 1. Общий вид на о-в Стрильча Скеля на Днепре, 1946 г.

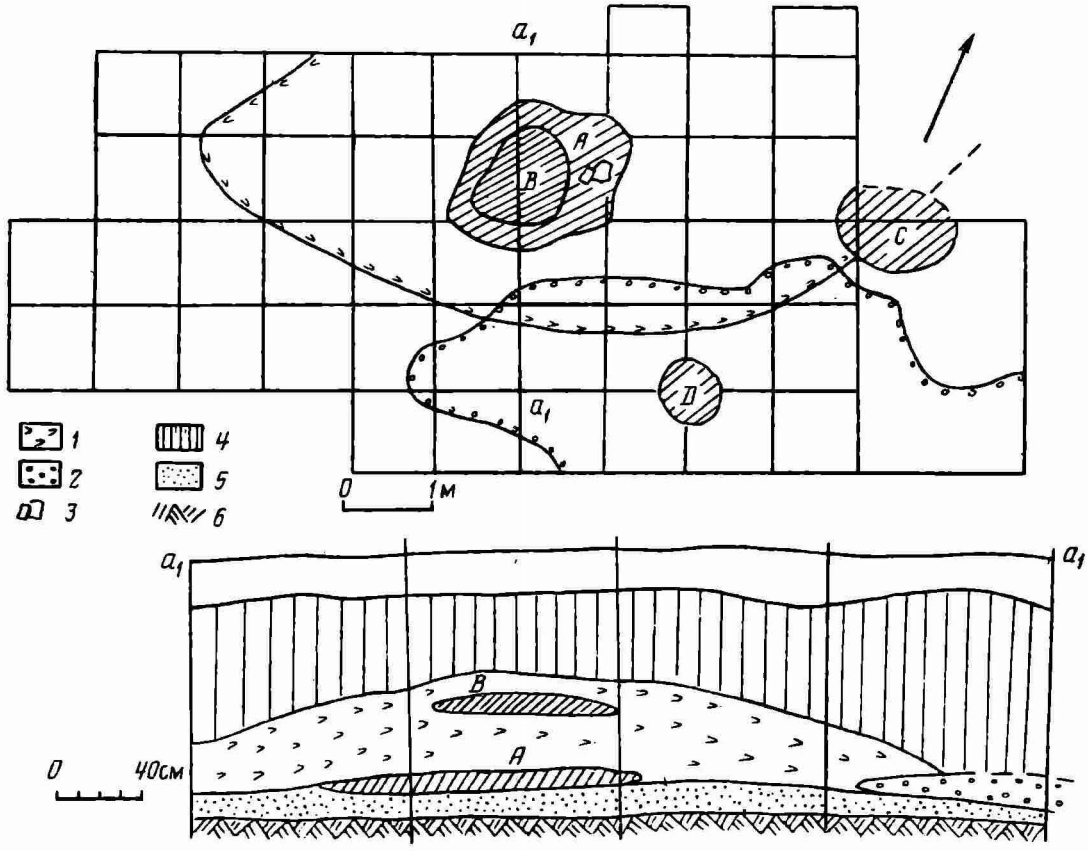


Рис. 2. Стрильча Скеля. План раскопок и поперечный разрез наслоений. *1* — ракушка унио; *2* — ракушка палюдино; *3* — камни; *4* — темный песок с рыжим оттенком и тонкой гумусной прослойкой в верхней части; *5* — бурый песок; *6* — каменное ложе острова. *A* — *D* — кострища

площади раскопа перекрывалась мощным (местами до 0,7 м) слоем ракушек. Последний в свою очередь перекрыт слоем темного песка разной толщины (от 0,5 до 1,0 м) с коричневатым оттенком. Верхняя часть этого слоя (0,2 м) хорошо гумусирована (рис. 2). По данным раскопок 1946 г., раковинный слой стоянки включал два отдельных скопления, состоявших из раковин двух различных видов — унио и палюдино. Скопление первых занимало более северную часть раскопа, вторых — южную. Местами отмечалось, видимо, перекрывание скопления палюдино слоем унио.

В пределах раскопа исследованы остатки четырех кострищ: одно (*A*) сравнительно больших размеров, три поменьше (*B*, *C*, *D*). Большое кострище — в поперечнике более 2 м, толщиной 0,2—0,3 м — имело неправильные очертания; состояло оно из остатков золы, угольков, пережженных ракушек. У его восточного края лежали три больших камня, служивших в древности, видимо, в качестве ветрового заслона со стороны реки. Расчищено это кострище на глубине около 1 м под скоплением ракушек унио, на поверхности прослойки бурого песка. В его окружении залегала в основном керамика сурской культуры. Примерно на том же уровне были обнаружены остатки кострищ *C* и *D*. Кострище *C* находилось также под скоплением унио, а *D* — в районе сосредоточения ракушек палюдино. Около последнего собраны в основном черепки гребенчато-накольчатой надпорожской керамики, хотя встречаются также фрагменты сурских сосудов. Наиболее поздним на поселении было кострище *B*, которое обнаружено прямо над кострищем *A* в верхней части скопления раковин унио, на глубине 0,7—0,8 м, т. е. на уровне, где сосредоточивалась керамика среднестоговского типа.

Следует отметить хорошую сохранность культурного слоя поселения, его большую насыщенность материалом, особенно керамическим. Местами отмечаются развалы сосудов, форма которых в большей или меньшей степени реконструируется или реставрируется. На разных уровнях наслоений найдено также пять небольших фрагментов трипольской керамики.

Культурные остатки обнаружены по всей толще наслоений. Состав находок на разной глубине был, однако, различный, хотя заметных стерильных прослоек между разновременными и разнокультурными археологическими слоями не отмечается. В связи с этим находки в слое брались по глубинам: 0,0—0,25; 0,25—0,50; 0,50—0,75; 0,75—1,00; 1,00—1,35 м. В раскопе 1946 г. В. Н. Даниленко каждая из этих глубин членилась еще на две равные половины. Всего в наслоениях поселения собрано около 2 тыс. находок, в том числе кремневые и костяные орудия труда, керамика и фаунистические остатки.

Среди кремневых изделий довольно хорошо представлены ножи (20 экз.), изготовленные из крупных ножевидных пластин (рис. 3, *1—6*). Из таких же пластин, а чаще из крупных отщепов изготавливались скребки (60 экз.), среди которых преобладают концевые, а некоторые из них имеют почти круговую ретушь (рис. 3, *7—9*). В коллекции имеются также орудия с двусторонней обработкой. Среди них три наконечника дротика и небольшой топорик. Наконечники подтреугольной формы (рис. 3, *10*, *12*), лезвие топорика хорошо пришлифовано (рис. 3, *11*). Есть несколько обломков таких топоров. Почти весь комплекс кремневых изделий Стрильчей Скели имеет позднеолитическо-раннеэнеолитический облик.

Костяных и роговых орудий обнаружено сравнительно немного — 10 экз., но они весьма выразительны. Среди них поворотный гарпун прекрасной работы из рога животного (рис. 3, *13*), гарпун с одним крупным зубом, рыболовный крючок и обломок такого же изделия, какая-то лопаточка с отверстием на конце, а также несколько шильев (рис. 3, *14—19*). Для определения культурной принадлежности материалов Стрильчей Скели и выяснения вопроса стратиграфии в их залегании, несомненно, главное значение имеет керамика.

Всего здесь обнаружено более 1300 фрагментов глиняных сосудов, которые типологически относятся к четырем культурам: сурской, или сурско-днепровской, днепро-донецкой в ее надпорожском проявлении (надпорожская культура)[1], среднестоговской и ямной. Общее распределение находок керамики по горизонтам приведено в табл. 1, из которой видно, что преобладающее количество фрагментов неолита (сурская, надпорожская культуры) залегало в нижней части наслоений (0,75—1,30 м), а энеолитические — среднестоговские и ямные — в верхней части разреза (0,20—0,75 м). Причем наибольшее количество среднестоговских черепков лежало ниже (0,50—0,75 м), а ямных — выше (0,50 м).

[1] По терминологии В. Н. Даниленко, азово-днепровская культура.

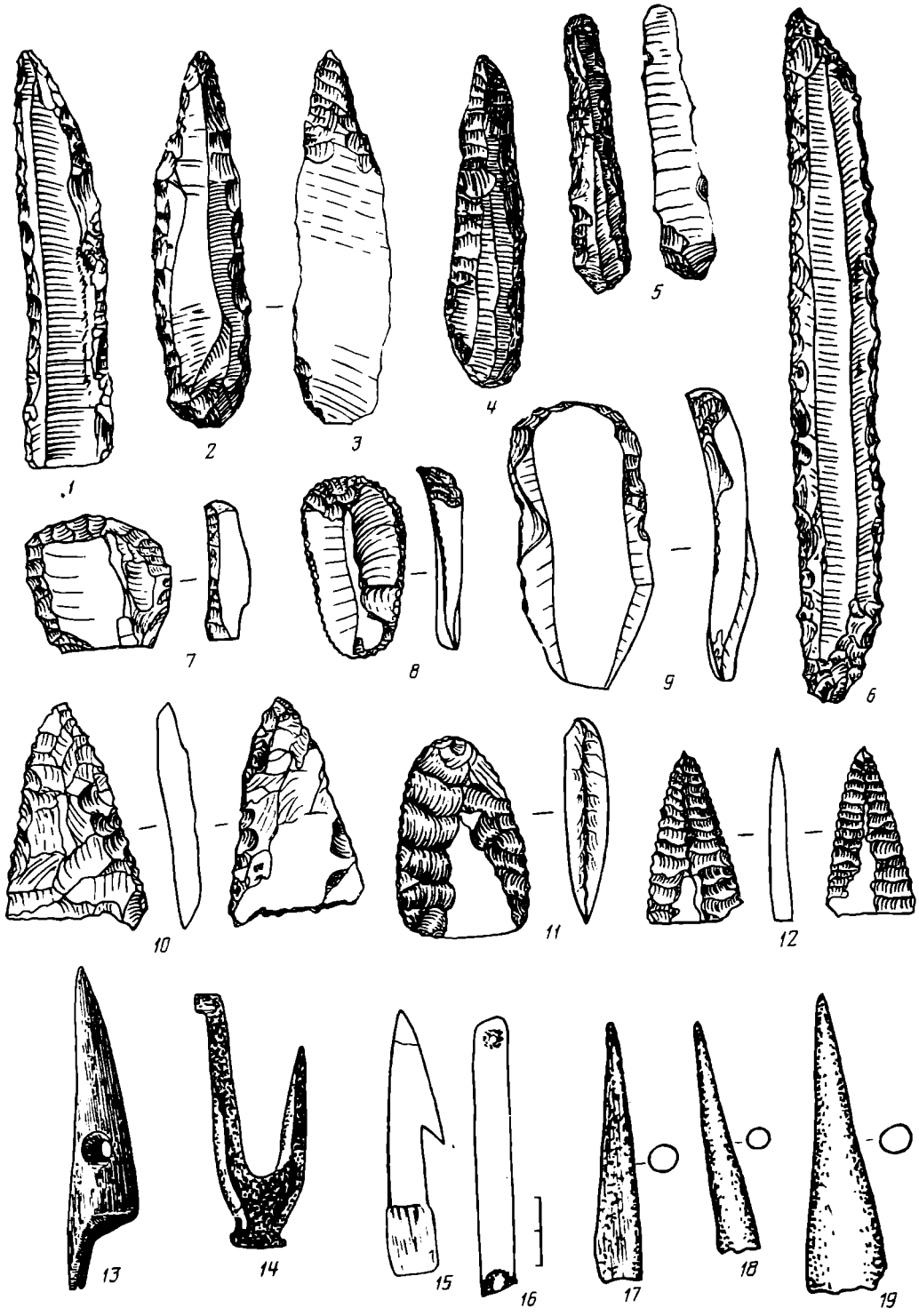


Рис. 3. Стрильча Скеля. Орудия труда со стоянки. *1—12* – кремень; *13—19* — кость

Следовательно, уже на основании этих данных мы можем говорить о том, что наиболее древними обитателями на поселении были носители неолитических культур и только потом здесь отложились последовательно среднестоговский и ямный культурные слои. Этот суммарный анализ состава керамики по глубинам на поселении не дал нам, однако, ответа на вопрос хронологического взаимоотношения материалов двух неолитических культур между собой.

Как видно из табл. 1, распределение сурской и надпорожской керамики в целом на глубине 0,75—1,30 м было примерно одинаковым. Для решения этой

Таблица 1

Стрильча Скеля. Количественное распределение керамики сурской (I), надпорожской (II), среднестоговской (III) и ямной (IV) культур по глубинам

Глубина, м	Тип керамики			
	I	II	III	IV
0,00—0,25	1	8	14	61
0,25—0,50	18	39	73	169
0,50—0,75	50	113	187	67
0,75—1,00	60	123	106	24
1,00—1,30	134	165	42	22

проблемы нами был проведен дополнительный, более углубленный анализ по методу, предложенному Ю. Б. Цетлиным [4, с. 48—50]. Исходным положением последнего является вывод о том, что мелкие фрагменты керамики в наслоениях почвы обычно больше подвержены перемещению, в том числе и по вертикали, чем крупные черепки. Последние в этом плане более устойчивы и вместе с развалами сосудов надежно фиксируют собой истинный уровень древнего культурного слоя. Для выяснения взаимоотношения фактического уровня культурного слоя сурской и надпорожской культур все фрагменты керамики последних разделены нами в зависимости от их размеров в поперечнике на четыре группы: 1—5, 5—10, 10—15 и более 15 см. Процентное содержание этих групп представлено на поглубинном графике (рис. 4), из которого очевидны более низкий уровень залегания сурского слоя (1,0—1,3 м) и несколько выше (0,75—1,00 м) слоя с надпорожской керамикой. Уровень сурского культурного слоя хорошо фиксируется также и наличием здесь развалов сосудов. Все это дает нам основания утверждать, что первыми поселенцами на острове были носители сурской культуры и лишь затем возникло надпорожское поселение. Об обособлении этих двух слоев здесь свидетельствуют также и данные планиграфии, о чем будет сказано дальше.

Итак, на основании проведенного анализа и условий залегания материалов на поселении Стрильча Скеля выделяется четыре культурных слоя: I — сурской, II — надпорожский, III — среднестоговский и IV — ямный.

Первый (сурской) слой залегал в основном в прослойке бурого песка и в нижней части раковинного слоя на глубине 1,0—1,3 м. Большинство сурской керамики собрано в северной части раскопа; здесь таких черепков было в два раза больше, чем в южной половине исследованной площади.

Всего на стоянке собрано более 260 фрагментов сурской керамики, почти все они (около 250 экз.) орнаментированы. Часть крупных обломков залегали кучно, образуя развалы сосудов, которые в значительной степени удалось реконструировать (рис. 5, *5—9*). Это горшковидные сосуды, обычно небольших размеров, S-видного профиля. Венчик простой, без утолщений, плавно отведен наружу. Дно острое, лишь в одном случае слегка уплощено. Среди реконструированных сосудов несколько иную форму имеет лишь один (рис. 5, *8*), у которого венчик сведен внутрь без отгиба наружу. Особенностью этого сосуда, по форме несколько напоминающего днепро-донецкую керамику Среднего Поднепровья, является и то, что под срезом венчика он имеет ряд глубоких округлых ямок. На других сосудах стоянки такой тип орнамента не встречен ни разу.

В глиняном тесте сосудов первого слоя преобладает мелкий песок, а около 30% сосудов имеют также примесь мелкотолченой ракушки. Сосуды относительно тонкостенные; их поверхность хорошо сглажена, иногда подлощена до блеска

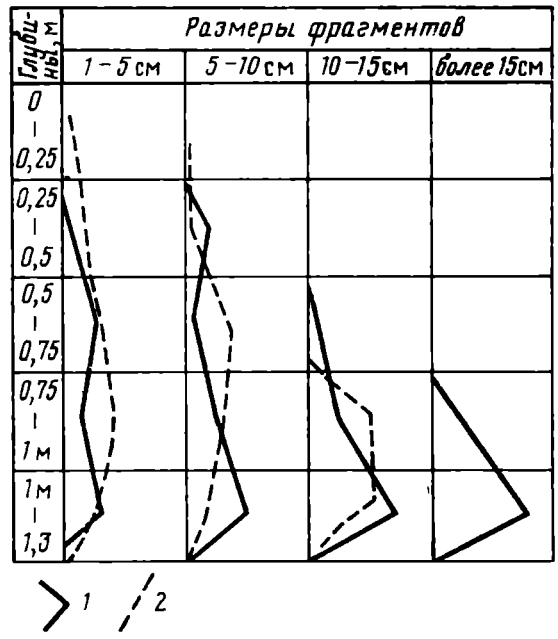


Рис. 4. Стрильча Скеля. График поглубинного распределения керамики сурской (*1*) и надпорожской (*2*) культур в зависимости от размеров фрагментов сосудов

(рис. 6, *7*). Расчесы, обычные для днепро-донецкой керамики Поднепровья, здесь отсутствуют.

Среди орнаментальных элементов сурской керамики преобладают проглаженные прямые линии и разного рода ямки (рис. *5*, *5—9*; 6, *1*, *2*, *4—7*). Значительно реже встречаются насечки краем ракушки (рис. *5*, *6*; 6, *3*, *9*) или ямки-наколы, нанесенные в отступающей манере (6, *8*). Система узора на сосудах разнообразная, иногда довольно сложная; она включает принцип горизонтальной зональности, вертикальные полосы, реже подтреугольные или геометрические мотивы (рис. *5*, *8*; 6, *4*). Важной особенностью узора этой керамики является сложение линейно-ямочного мотива (рис. *5*, *7*; 6, *4—6*). Орнамент обычно покрывает всю поверхность сосуда, хотя в нижней его части он часто имеет разреженный характер.

Керамика этого типа находит прямые аналогии в материалах позднесурских стоянок Надпорожья — Сурской остров, Игрень *5* и др. Типологически она относится ко второму позднему этапу сурской культуры.

Второй слой Стрильчей Скели представлен материалом надпорожской культуры днепро-донецкой этнокультурной общности. Залегал он в основном на глубине 0,75—1,00 м в южной части раскопа в слое ракушек палюдино. Здесь около кострища *D* расчищено несколько развалов сосудов. Всего выявлено около 350 фрагментов надпорожской керамики, которая характеризуется совершенно иными чертами, чем сурская. Все сосуды слоя плоскодонны, часто подбиконической формы (рис. *5*, *4*); у них хорошо развит венчик, обычно с воротничковым утолщением снаружи (рис. *5*, *4*; 7, *3*). В глиняном тесте примесь крупного песка или дресвы; цвет сосудов желтоватый; поверхность нередко несет на себе следы полосчатого сглаживания. Основным элементом орнамента являются отступающие наколы подтреугольной формы (рис. *5*, *4*; 7, *1—6*); реже отмечается присутствие оттисков гребенчатого штампа (10 экз.) и линий-насечек (рис. 7, *7*). Орнамент обычно покрывал снаружи всю поверхность сосуда, часто включая и плоское дно. Мотивы узоров довольно сложные, отмечаются горизонтальные, вертикальные или диагональные полосы, подтреугольные или подпрямоугольные и другие фигуры (рис. *5*, *4*, *7*). Узор, выполненный насечками-линиями, образует мотив «елки» (рис. 7, *7*).

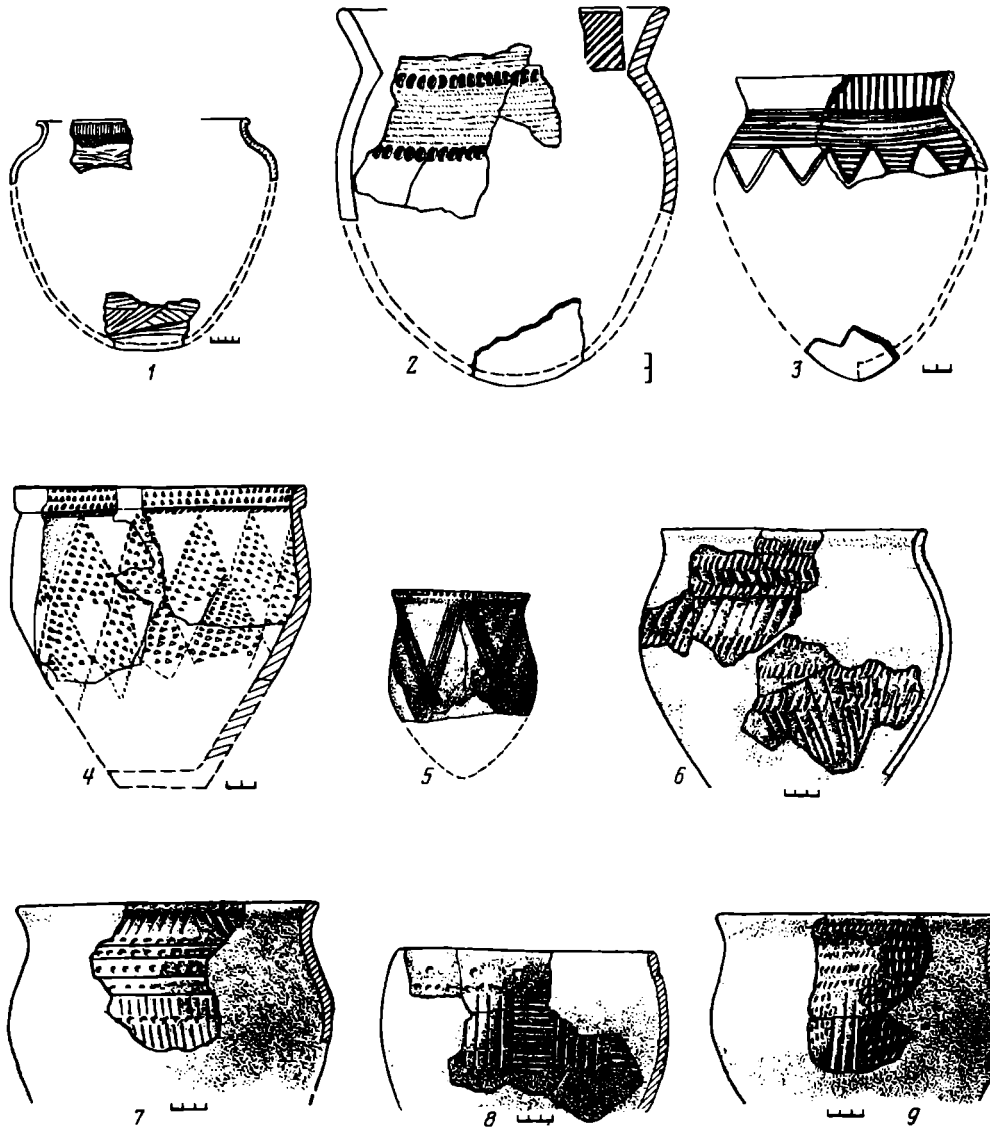


Рис. 5. Стрельча Скеля. Реконструкции сосудов сурской (*5—9*), надпорожской (*4*), среднестоговской (*3*) и ямной (*1*, *2*) культур

Керамика этого типа находит прямые аналогии среди материалов стоянок (Средний Стог 1, Собачки и др.) и могильников (Никольский, Лысая Гора и др.) Надпорожья. Она относится к позднейшему (II*б*) этапу надпорожской культуры [5, с. 73—77].

Третий слой, со среднестоговской керамикой, залегал в основном в нижней и средней частях слоя серого песка на глубине 0,5—7,0 м, где собрано подавляющее количество керамики этой культуры, в том числе все крупные фрагменты (табл. 1). Всего в комплексе более 400 черепков глиняных сосудов, которые по ряду признаков резко отличаются как от надпорожской, так и от сурской керамики. Это обычно высокогорлые остродонные горшки с желобчатым венчиком (рис. 5, *3*). В глиняном тесте примесь толченой ракушки, обычно в большом количестве. Орнамент покрывает, как правило, лишь венчик и верхнюю половину сосуда. Среди орнаментальных элементов — мелко- или крупнозубая гребенка, ямки-наколы, врезанные линии, насечки (рис. 8, *1—4*, *6—10*); отмечено присутствие перевитого шнура и др. (рис. 5, *3*; 8, *5*). Узоры включают горизонтальные ряды, шевроны, фестоны, зигзаг, геометрические фигуры и др. Количественное и процентное соотношения разных элементов и мотивов орнамента среднестоговского слоя Стрильчей Скели приведены на табл. 2. Керамика третьего слоя Стрильчей

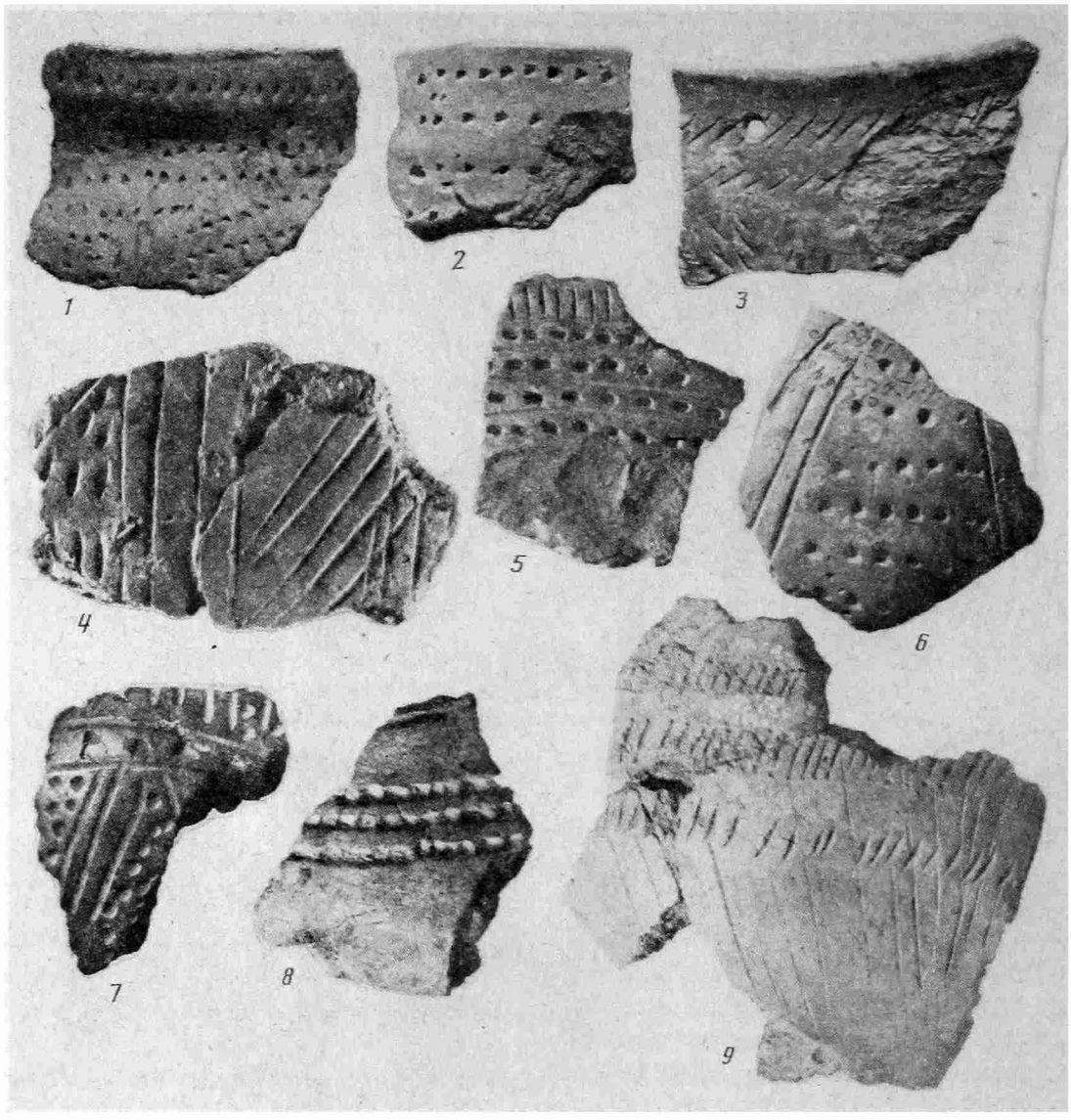


Рис. 6. Керамика сурской культуры с орнаментом из первого слоя поселения Стрильча Скеля

Скели по всем признакам аналогична находкам этого рода на поселении Средний Стог 1, Игреньского могильника и других местонахождениях Нижнего Поднепровья [6]. Она относится к заключительному этапу (I*в*) дошнурового (волошского) периода среднестоговской культуры [6, рис. 61].

Четвертый (верхний) слой Стрильчей Скели относится к ямной культуре. Основные находки керамики были собраны в верхней части слоя серого песка на глубине 0,0—0,5 м. Всего в коллекции Стрильчей Скели присутствует более 300 фрагментов ямной керамики. Среди них выделяются две группы сосудов. К первой (более 50 экз.) принадлежат фрагменты круглодонных горшков с прямыми «раструбными» шейками, плавно переходящими в округлое тулово (рис. 5, *2*). Край венчика либо заострен, либо имеет прямой срез. В средней части венчиков появляется утолщение. Толщина стенок 0,7—1,0 см. Внутренняя и внешняя поверхности хорошо заглажены, ангобированы, отмечаются расчесы гребенкой. В тесте примесь толченой раковины и песка. Все обломки орнаментированы, причем узор занимает верхнюю часть сосуда. Выполнен орнамент отпечатками веревочки, гребенки, пальцевыми защипами и др.

Вторую группу составляет керамика с короткими, отогнутыми наружу венчиками, резко переходящими в раздутое тулово. На плечиках, в месте перегиба,

Таблица 2

Стрильча Скеля. Элементы и мотивы орнамента на среднестоговской керамике третьего слоя поселения

Орнамент	Горизонтальные ряды	Шевроны, фестоны	Зигзаг	Иные	Всего	Процент
Гребенка, насечки	Вертикально поставл. гребенка-28, горизонтально-16	8	15	1	68	47
Линии	6	32	7	—	47	32
Наколы отступающие	2	4	1	—	7	6
Ямки-наколы	16	—	—	3	19	13
Скоба	2	—	—	—	2	2
Шнур перевитой	1	—	1	—	2	2
Всего фрагментов	71	44	24	6	145	—
Процент	48	31	15	8		100

появляется уступ (рис. 5, *1*). Дно уплощенное. Толщина стенок 1,0—1,4 см. Тесто плотное, хорошо обработанное, без видимых примесей. Обе поверхности покрыты глубокими расчесами, которые выступают, видимо, и как орнамент. Из этой группы орнаментировано лишь 50% сосудов. Узор более упрощенный, выполнен небрежно, занимает либо шейку, либо плечики. Основные орнаментальные элементы — крупный зубчатый штамп, отпечатки веревочки, прямоугольные вдавления.

Керамика ямного времени Стрильчей Скели типологически во многом повторяла находки среднего и верхнего слоя Михайловского поселения ранне- и позднеямного времени; она известна во многих погребениях степного междуречья Днепра и Волги [7, с. 80—92].

Выше мы отмечали наличие в наслоениях Стрильчей Скели значительного количества кремневых и костяных орудий труда. К сожалению, последние по условиям залегания нередко трудно увязать с каким-либо определенным горизонтом находок, поэтому их культурно-хронологическая принадлежность может быть установлена лишь относительно. Судя по типологическому составу, подавляющее большинство ножей, скребков, а также наконечников копий и топориков может быть отнесено ко второму и третьему слоям поселения, так как такие изделия на юге Украины в общем характерны как для заключительных этапов надпорожской культуры (Мариуполь, Никольское), так и для культуры Средний Стог 2 [5, с. 131—142; 6, с. 60—71; 8]. К концу неолита — началу медного века, видимо, относится и подавляющее большинство описанных выше костяных изделий поселения. Что-либо определенное о кремне первого слоя с сурской керамикой сказать трудно; возможно, с ним следует связывать отдельные находки небольших скребков на отщепах и небольших пластин с ретушью, напоминающих типологически орудия из Сурского, Шулаевого и других местонахождений сурской культуры.

В затруднительном положении мы находимся также и при попытке увязать с определенным слоем поселения остеологический материал, который встречается в одинаковом количестве во всех четырех слоях. По определению И. Г. Пидопличко, здесь присутствуют кости быка, овцы-козы, лошади, свиньи, собаки, а также благородного оленя.

Таким образом, судя по составу керамики, мы можем говорить о бытовании на Стрильчей Скеле четырех разновременных и разнокультурных поселений.

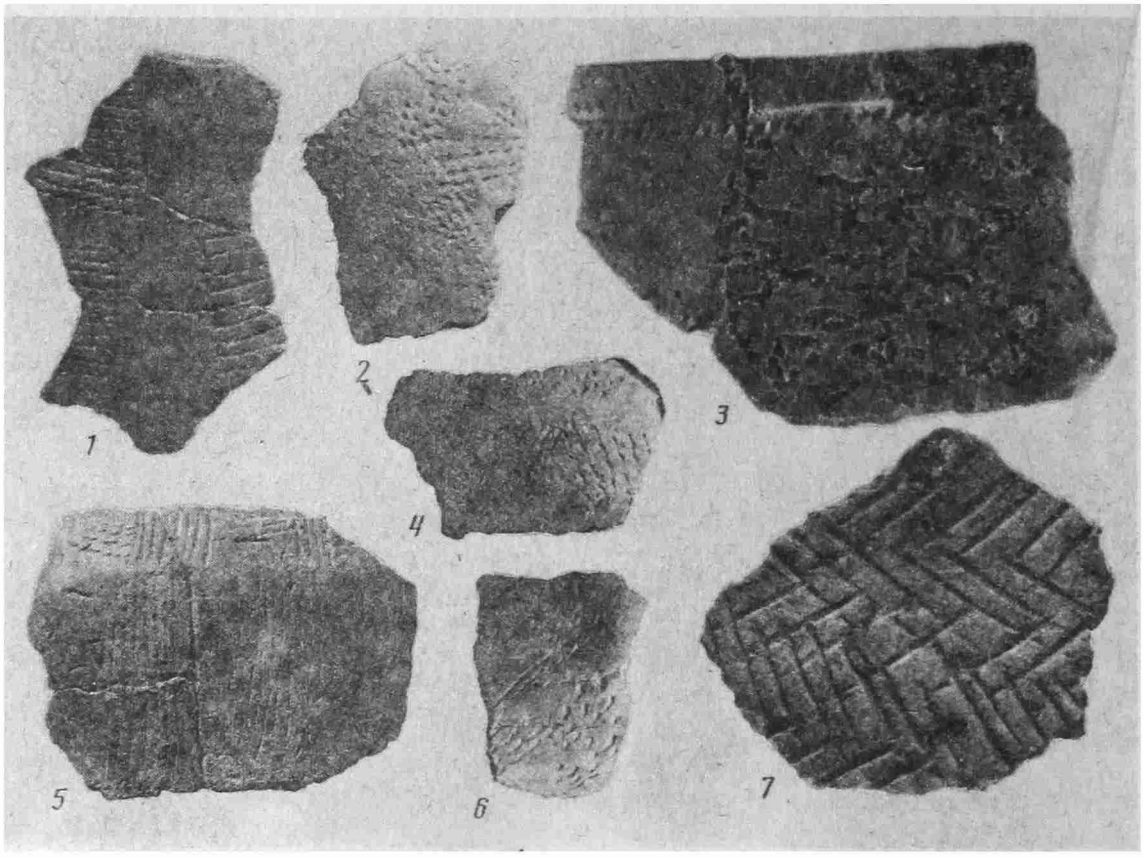


Рис. 7. Стрильча Скеля. Керамика надпорожской культуры из второго слоя поселения

Сначала котловина была заселена носителями сурской культуры, с обитанием которых здесь связывается появление большого кострища *A* и, возможно, начало скопления ракушек унио. Затем сюда пришла группа носителей надпорожской культуры гребенчато-накольчатой керамики. Они оставили следы кострища *D* и скопление ракушек палюдино.

Непосредственно над надпорожским слоем отмечается мощное скопление среднестоговской керамики третьего слоя поселения. Видимо, с этими обитателями на Стрильчей Скеле связывается скопление ракушек унио и появление кострища *B*. Завершает стратиграфическую колонку Стрильчей Скели горизонт ямной культуры. Интересно отметить наличие здесь материалов раннего и позднего этапов этой культуры. К сожалению, стратиграфически последние расчленить не удается. Послойным анализом керамики не установлено наличие здесь двух слоев сурской культуры, как это предполагалось В. Н. Даниленко [9, с. 47].

Хронология описанных выше слоев Стрильчей Скели определяется на основании полученных радиокарбонных дат, по аналогии с иными памятниками этого рода, а также по присутствию в наслоениях этого поселения трипольских керамических импортов. В Киевской лаборатории получено шесть радиокарбонных определений по ракушкам, взятым на разной глубине. Для основания скоплений ракушек сделано три определения (Ки 2948 — 3415 ± 70; Ки 2973 — 3215 ± 70; Ки 2937 — 3190 ± 60 лет до н. э.); средней части — два определения (Ки 2970 — 3310 ± 80; Ки 2936 — 3110 ± 60 лет до н. э.) и одно для верхней части наслоений (Ки 2933 — 2620 ± 50 лет до н. э.)[2]. Выше мы говорили, что возникновение скопления ракушек на поселении относится ко времени появления здесь обитателей позднейшего этапа надпорожской и раннего этапа среднестоговской культур, к хронологии которых, видимо, и имеют отношение первые пять радиокарбонных определений. В целом они укладываются в рамки середины —

[2] Даты не калиброваны.

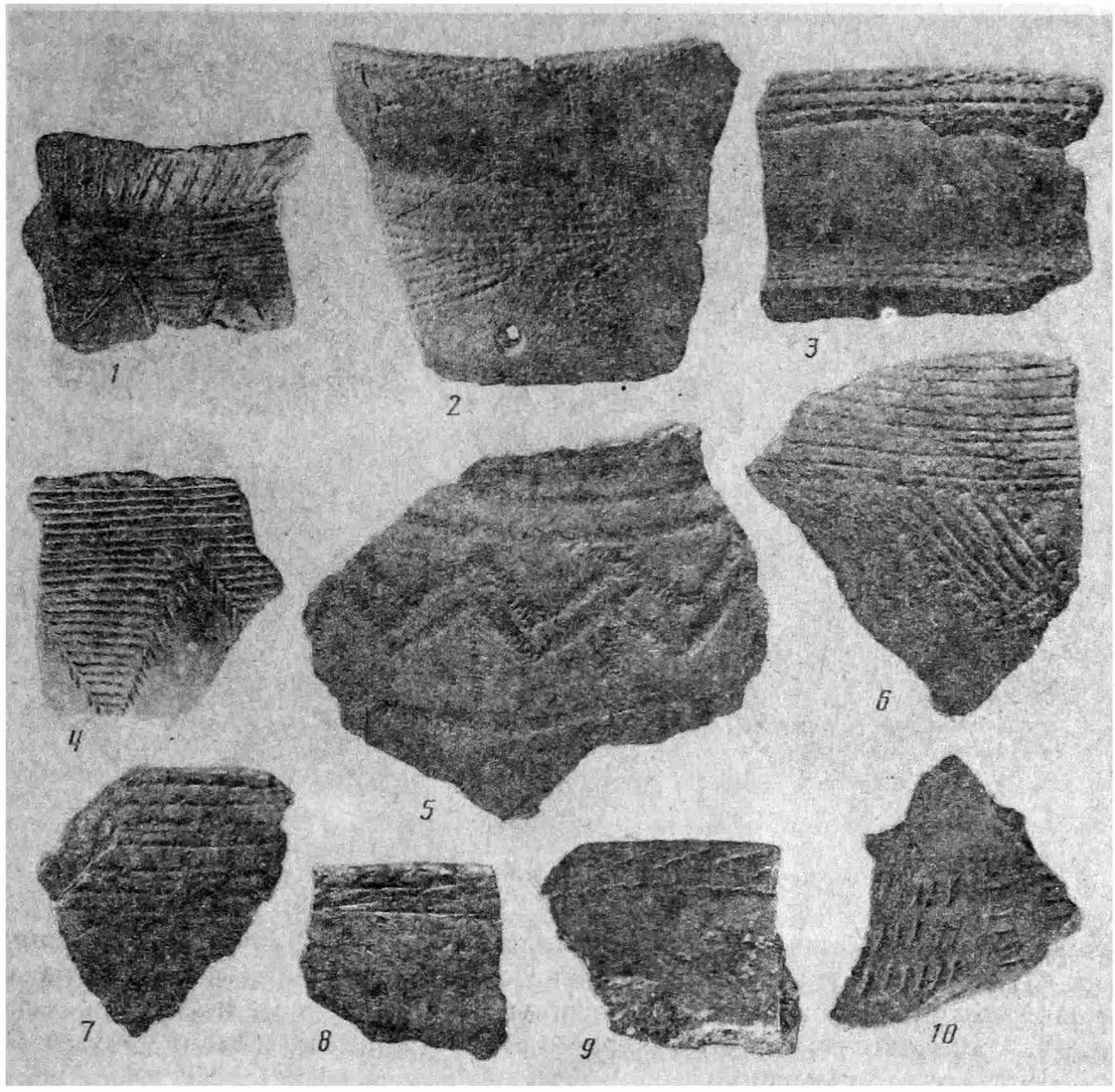


Рис. 8. Керамика среднестоговской культуры из третьего слоя поселения на Стрильчей Скеле

второй половины IV тыс. до н. э. Дата, полученная по пробе, взятой из верхней части разреза, указывает на возраст ямных материалов поселения (середина III тыс. до н. э.).

В разных частях раскопа Стрильчей Скели и на разной глубине обнаружено пять небольших фрагментов привозной трипольской керамики. Два из них, в том числе украшенный широкими каннелюрами и строчками оттисков крупногребенчатого штампа (рис. 9, *2*) и маленький тонкостенный черепочек с черной росписью (рис. 9, *3*), залегали на уровне неолитических слоев сурской и надпорожской культур. Остальные три обнаружены выше, на уровне среднестоговского и основания ямного слоев. Причем два чернолощеных черепка с узкими слегка волнистыми каннелюрами, относящиеся, видимо, к одному сосуду (рис. 9, *4*, *5*), лежали несколько ниже, а третий, расписанный белой и бурой красками (рис. 9, *1*),— чуть выше. Определение возраста этих трипольских черепков особой трудности не составляет. Все они относятся к концу этапа А и В-2 Триполья и датируются серединой — третьей четвертью IV тыс. до н. э. [10]. Следовательно, появление на Стрильчей Скеле фрагментов трипольской керамики следует связывать с образованием здесь надпорожского и среднестоговского слоев.

Подводя общий итог исследованиям на поселении Стрильча Скеля, следует заметить, что здесь удалось стратиграфически установить последовательность в развитии четырех культур эпохи неолита — энеолита. Наиболее древними оби-

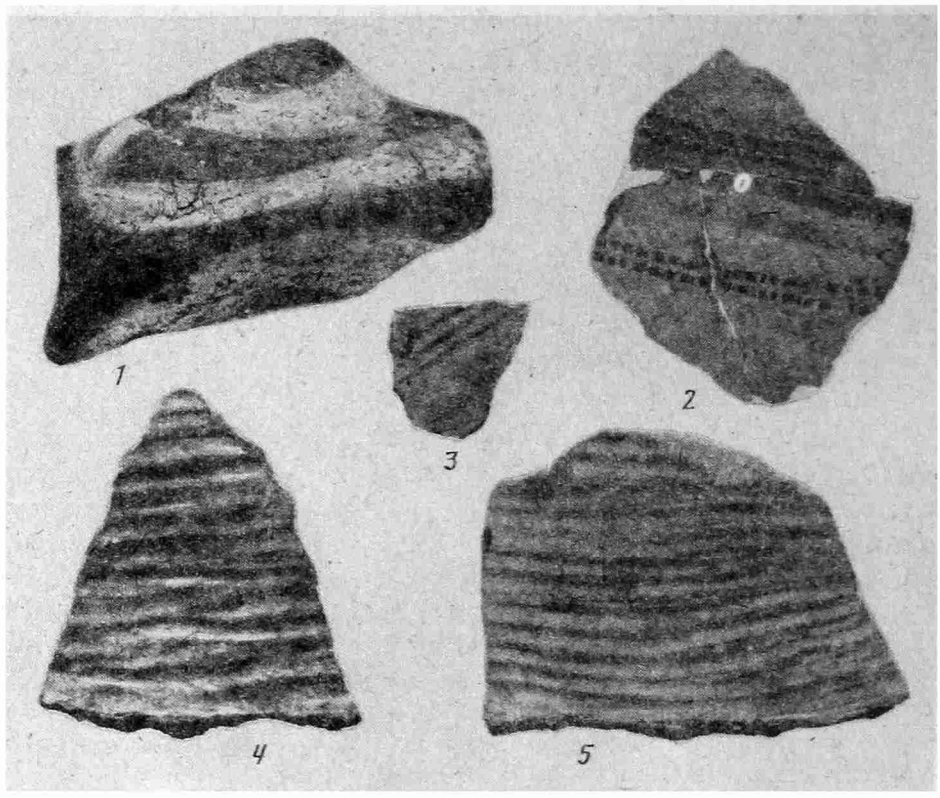


Рис. 9. Фрагменты расписных и каннелированных трипольских сосудов из Стрильчей Скели

тателями здесь были носители сурской культуры, их сменили племена надпорожской культуры днепро-донецкой общности, за которыми последовали среднестоговские, ямные. Если учесть, однако, что материалы сурской и надпорожской культур представлены здесь их позднейшими этапами, то можно предполагать, что на более ранних этапах эти культуры могли сосуществовать. Окончательное вытеснение сурского населения надпорожским произошло где-то в конце первой половины — середины IV тыс. до н. э. Период сосуществования раннего этапа сурской культуры и этапов I, II*а* надпорожской, таким образом, следует относить к V — первой половине IV тыс. до н. э. Новые радиокарбонные определения для исследованного поселения позволяют предполагать, что поздние памятники надпорожской культуры (Никольский могильник и др.), возможно, продолжали развиваться еще и в начале второй половины IV тыс. до н. э., а не прекратили свое существование в середине этого тысячелетия, как мы предполагали раньше.

Хотя нам не удалось стратиграфически расчленить ранние и поздние слои ямной культуры, все же можно сделать вывод, что между среднестоговской и позднеямной культурами был период раннеямного времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Макаренко Н. О.* Археологические исследования 1907—1909 гг.//Изв. археологической комиссии. 1911. Вып. 43.
2. *Добровольский А. В.* Неолітична стоянка на Стрільчій Скелі//Звіт Дніпропетровської експедиції 1946 р. Архів ІА АН УССР. Фонд. экон. № 488.
3. *Даниленко В. Н.* «Стрільча Скеля»//Звіт Дніпровської експедиції 1946 р. Архів ІА АН УССР. Ф. експ. № 2155, 2156.
4. *Цетлин Ю. Б.* О методе периодизации древней керамики//Проблемы эпохи неолита... Тезисы. Оренбург, 1986.
5. *Телегін Д. Я.* Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.
6. *Телегін Д. Я.* Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973.

7. *Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревіч М. К.* Михайлівське поселення. Київ, 1962.
8. *Макаренко М. Е.* Маріупольский могильник. Київ, 1933.
9. *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев: Наук. думка, 1974.
10. *Телегін Д. Я.* Радіокарбонне і археомагнітне датування трипільської культури//Археологія. 1985. № 52.

Институт археологии АН Украины,
Киев

D. Ya.TELEGIN, L. F. CONSTANTINESCU

THE MULTILAYER SETTLEMENT AT STRILCHA SKELYA OF THE NEO-AENEOLITHIC IN THE DNIEPER CATARACTS

Summary

In 1986 the authors excavated the area of 200 sq.m at the settlement of Strilcha Skelya where A. V. Dobrovolsky and V. N. Danilenko worked in 1946. The layer is 1,3 m thick. Two shell accumulations and four fireplaces were found. Nearly two thousand finds were collected, mainly potsherds and flint tools. There are four chronological horizons, two of them of the Neolithic period (Surskaya and Dnieper-Donets cultures), and two other of the Aeneolithic (Sredny Stog and pit-grave cultures). The most reliable date can be stated for the Dnieper-Donets horizon which has a number of analogies in the Nikolsky cemetery in the cataracts area. This site yielded some Tripolye materials of mid 4th millenium B. C. The lowest Surskaya horizon thus should be dated to late 5th — early 4th millenia B. C. These datings of the Neolithic strata correspond with the finds of Tripolye AB II sherds at Srtilcha Skelya settlement and a number of radiocarbon dates. The upper horizons are dated to late 4th and the 3rd millenia B. C.

Л. С. КЛОЧКО

СКИФСКАЯ ОБУВЬ

Известно, что элементы костюма представляют большой интерес в изучении некоторых аспектов истории и культуры этноса. Обувь относится к тем компонентам костюмного комплекса, которые особенно сильно отражают этнокультурные характеристики: формирование обуви всегда находилось в зависимости от природно-климатических условий проживания народа, а также его хозяйственной деятельности.

Современные исследователи истории костюма большое внимание уделяют изучению обуви. В работах Н. И. Оятевой предлагается методика обработки данных об археологических находках обуви, типологическая схема конструкций форм обуви [1, с. 105]. Интересны труды исследовательницы по выяснению семантики средневековой кожаной обуви [2, с. 86—92].

Древней обуви посвящено монографическое исследование А. С. Армаганяна [3]. Автор рассматривает различные источники по истории обуви на территории современной Армении. В их круг попадают изобразительные и археологические материалы культуры хеттов, урартийцев, древнего Армянского государства. В основном в памятниках зафиксированы различные типы обуви II—I тыс. до н. э. Как показал автор, в древности большое внимание уделяли конструкции обуви, поэтому в употреблении были многодетальные ее типы, отличающиеся друг от друга техникой заготовки деталей [3, с. 41—69].

Различные виды источников позволяют проследить тенденции в развитии конструкций обуви у многих народов древности. Для обуви, которая была в употреблении у населения Армянского нагорья во II—I тыс. до н. э., характерна трехчастная конструкция верха. Формирование обуви способом соединения носочной части, головки и голенища демонстрируют сосуды-сапожки, найденные при раскопках археологических памятников на территории Армении [3, рис. 20, 22]. Эта обувь относится к подошвенной.

Сложной конструкцией достигалась изящная форма сапожек урартийцев. «Урартские сапожники стремились сделать обувь удобной, износоустойчивой и в то же время красивой, добивались все большего разделения обуви на детали» [3, с. 64]. Урартийские мастера применяли для соединения подошвы с верхом сапога бортовой шов, который является удачно найденным конструктивным приемом.

Среди материалов по истории обуви имеются данные об обуви саков: изобразительные и археологические. На рельефе из Персепольского дворца саки-тиграхауда изображены в высоких сапогах (до колен) с перевязкой вокруг щиколотки и стопы — обувь мягкого типа, без каблука [4, с. 46]. На золотых пластинках из Амударьинского клада саки переданы в одеянии, подобном персепольскому, но сапоги отличает одна деталь: выделенный задник [5, с. 54, рис. 69].

Сакскую обувь можно представить благодаря сохранившимся деталям в захоронении юноши в кургане Иссык [6, с. 52]. Исследователь кургана К. А. Акишев восстановил высокие сапоги по декоративным элементам, которые их оформляли. Мелкие прямоугольные бляшки зафиксированы по верхнему и нижнему краям

© Л. С. Клочко, 1992 г.

голенищ, а также отмечают место соединения носка с головкой. К сожалению, не удалось проследить более частные детали формирования сапог, например нельзя установить, имели ли они подошву.

Древняя обувь хорошо известна по находкам в горноалтайских курганах. Во 2-м Пазырыкском кургане в комплекте женского костюма сохранились кожаные короткие сапожки [7, с. 101, 102]. Они состояли из трех деталей: голенища (не сшитые сзади) пришивались к краю головок, которые огибали всю ступню и сшивались сзади сухожильными нитками. Третья деталь — подошва, по форме она напоминает стопу, но значительно меньших размеров. Чтобы достигнуть соответствия размера обуви размерам стопы, головку сапога спереди, у носка, собирали в сборы, загибали вниз и пришивали к подошве. Такая же технология изготовления характерна для всех образцов обуви (кожаной и войлочной), найденных в Пазырыкских и Башадарском курганах [7, с. 91, 92, 104—108].

Итак, в I тыс. до н. э. широко распространяется мягкая детальнокроеная обувь закрытого типа (сапоги). Общая линия развития обуви отражена в изменении приемов кроя: увеличение количества деталей было вызвано не только необходимостью экономного расходования материалов, но и стремлением повышения износоустойчивости, а также соображениями удобства и простоты в изготовлении. Однородные тенденции в создании различных форм обуви не лишают специфики обувь конкретного этноса.

Скифская обувь не была объектом специального исследования, хотя о ней упоминают всегда в общих очерках о материальных остатках скифской культуры и быта. Обычно речь идет о мужских коротких сапожках, название которых известно благодаря замечанию, содержащемуся в схолии к Феокриту: «Амиклы — род обуви амиклийцев... и скифики — скифов» [8, с. 261].

Некоторые черты обуви скифов можно выделить по памятникам торевтики Северного Причерноморья. Изобразительный материал дает основание для характеристики мужской обуви. Уже не раз подчеркивалось, что древние мастера отразили в предметах торевтики одеяния и обувь скифов, которые составляли их этнокультурную характеристику. Короткие сапожки — скифики, вероятно, как раз и были одной из особенных черт в облике скифов.

Наше внимание привлекают способы закрепления скификов на ногах. Многие персонажи сцен, представленных на предметах причерноморской торевтики, обуты в сапожки, подвязанные узким ремешком вокруг щиколотки и вокруг стопы (рис. 1, *1* — *3*). Закрепление скификов таким образом четко обозначено в костюмах действующих лиц сюжетных композиций, изображенных на чертомлыцкой амфоре, гребне, горите и вазе из кургана Солоха, воронежской вазе, гривне из кургана Куль-Оба, пекторали из Толстой Могилы, чаше из кургана Гайманова Могила. Этот способ ношения коротких сапожек не составляет своеобразия только скифского костюма. Примеры подобного закрепления обуви — вокруг щиколотки и поперк стопы — можно увидеть в передаче древних художников и памятниках других народов. Так, на ногах ахеменидского сатрапа, изображенного на ритоне из Эрибуни, четко прочерчены перекрещенные вокруг щиколотки и посредине стопы завязки [9, с. 127]. Эта деталь — перевязка стопы и щиколотки ремешком — прослеживается и в обуви саков, хотя для них характерны высокие сапоги [6, с. 46, рис. 61]. Вероятно, этот способ закрепления обуви был рожден особенностями строения стопы: ремень, проходя через выемку стопы, создавал для нее упругую опору, необходимую при большой нагрузке на ногу. По-видимому, таким образом чаще всего носили бесподошвенную обувь.

Имеются изображения сапожек, которые закреплялись только вокруг щиколотки. Так изображена обувь скифов — персонажей сцен, переданных на вазе из кургана Куль-Оба: скифики перехвачены завязкой (возможно, кожаным ремешком) вокруг щиколотки (рис. 1, *4*). Такой же способ закрепления сапог можно наблюдать у скифов в сцене стрельбы из лука — бляшка из Куль-Обы [10, рис. 3].

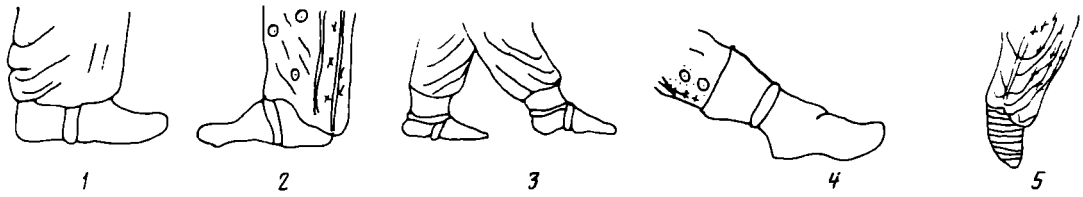


Рис. 1. Изображение скифской обуви в памятниках торевтики. *1*, *3* — чертомлыцкая амфора; *2* — гребень из кургана Солоха; *4* — сосуд из кургана Куль-Оба; *5* — бляшка из кургана Куль-Оба (охота на зайца)

Из всего круга изображений сапожек в памятниках причерноморской торевтики выделяется своеобразием передача обуви у скифа в сцене «охота на зайца» на бляшке из Куль-Обы. Многочисленные поперечные линии охватывают стопу и придают обуви вид ременных сандалий или обмоток (рис. 1, *5*). Единичный случай передачи такой обуви, нечеткое отражение ее силуэта не дает возможности проанализировать ее всесторонне.

Изучая изображения скификов, можно отметить некоторые детали, определяющие их конструкцию. Внешние очертания коротких скифских сапожек указывают на мягкий тип обуви: они состоят из деталей, не укрепленных прокладками, многослойными подошвами. Мягкая обувь обычно включает в себя цельнокроеные и детальнокроеные заготовки. Подробный анализ изображений скификов выявляет черты детальнокроеной обуви. Так, обувь царя с нагайкой в композиции на чаше из Гайматовой Могилы состоит из двух деталей — голенища и головки [10, рис. 2]. Во всех изображениях скифов не передана такая важная деталь, как подошва: ракурс, выбранный торевтами для персонажей композиций, исключает отражение некоторых деталей обуви. Вероятно, изображенная древними художниками обувь скифов относится к бесподошвенной, двухдетальной. Голенище можно было сформировать при помощи шва, который находился сзади,— выворотного или тачного. Способ формирования головки представить труднее. Может быть, ее смоделировали, закрепив деталь выворотным или тачным швом в верхней части стопы, вдоль нее. Тачной шов, соединяющий детали встык, не давал на поверхности грубого, выпуклого рубца. Хорошая разработка деталей, конструктивное их сопряжение обеспечивают полное соответствие обуви конфигурации стопы.

Изображения не отвечают на многие вопросы. В частности, как достигалось формирование деталей, были ли варианты моделировки скификов, были ли в употреблении у скифов другие типы обуви?

Самые надежные данные о способах моделировки скификов и об изготовлении обуви других типов можно получить из археологических наблюдений. И хотя органические остатки обуви крайне скудны, некоторые находки последних лет несут в себе большую информацию.

Остатки кожаных сапог на ногах погребенного в парном захоронении в кургане № 5 (погр. № 1) у с. Булгаково (Николаевская обл.) предоставляют материалы для выяснения покроя, особенностей изготовления, а также для муляжного восстановления их внешнего вида [11, с. 9—11].

Скифики в Булгаковском погребении были на ногах мужчины небольшого роста (возможно, подростка). Они представляют собой короткие сапожки с подошвой, головки и голенища их изготовлены из кожи, раскроенной большими плоскостями. Кожа верхних деталей мягкая, тонкая, хорошей выделки. Подошвы же вырезаны из грубой, толстой кожи, изнутри они продублированы слоем войлока, который сохранился в виде рыхлой массы. В пяточной части подошвы наблюдались три слоя войлока. В 3 см от верхнего края голенища хорошо сохранились завязки в виде длинных ремешков, которые закручивались вокруг щиколотки.

Благодаря тому, что удалось полностью развернуть оба скифика, распластать все фрагменты их деталей, можно проследить особенности конструирования обуви

в данном конкретном случае. Детали обоих сапожков скроены идентично, изгибы на подошвах, позволяющие идентифицировать левый и правый сапоги, выражены очень слабо, почти незаметно. Подошвы прикреплялись к головке выворотным швом, который располагался близко к краю обеих деталей — подошвы и головки — в 2 мм от края. Швы выполнены мелкими стежками: дырочки от проколов находятся на расстоянии 2 мм друг от друга.

Головки и голенища представляют собой одно целое — они смоделированы в виде больших пластин, нижний край которых пришивался к подошве (длина его равна длине окружности стопы — 52 см), а верхний край представляет собой край голенища (длина 31 см). Головки сапожков присоединялись к нижнему краю голенища в месте перехода стопы в голень. Детали, охватывающие верхнюю часть ступни, сформированы в виде небольших выступов, напоминающих по форме силуэт стопы. Подъем — расстояние от подошвы до верхней точки головки — составляет 10 см. Эти детали (головки и голенища), скроенные из одной пластины кожи, сшивались выворотным швом, который проходил посредине верхней части стопы и передней части голени. По органическим остаткам можно проследить характер шва: в том месте, где соединялись детали головки (посредине верхней части стопы), проколы располагались близко друг от друга (стежки составляли 2 мм) и от краев элементов кроя. Шов голенища выполнен более крупными стежками — 4 мм и проходит в 1 см от краев кроя, которые распластаны по обе стороны линии шва и не образуют толстого рубца.

Высота сапожков 20 см. Голенища достаточно широкие, чтобы можно было надеть скифики на ногу. Вокруг щиколотки они стягивались кожаными ремешками, обвивающими ногу 2 раза. Ширина ремешков 2 см, длина приблизительно 50 см. Интересно, что перевязки не охватывали ступню поперек. Вероятно, известная по изображениям перевязка ступни характерна только для бесподошвенной обуви.

Итак, в результате анализа органических остатков обуви в кургане № 5 у с. Булгаково удалось восстановить способ моделировки и сделать муляжную реконструкцию скифских сапожков. Скифики из Булгаковского погребения представляют собой подошвенную двухчастную обувь мягкого типа. Моделировка деталей, войлочная прокладка (стелька) на подошве, утолщение пяточной части подошвы — факты, которые в сопоставлении с данными анализа изобразительного материала позволяют представить принципы изготовления скифской обуви в различных аспектах (рис. 2).

О женской обуви можно судить только по археологическим остаткам. Они включают в себя фрагменты кожи и декоративные элементы. Археологам представилось несколько случаев наблюдать остатки кожаной женской обуви, по которым с большой достоверностью удалось восстановить покрой и внешний вид. В захоронении девушки в кургане Вишневая Могила (с. Гюновка Запорожской обл.) были обнаружены башмачки с кожаными завязками. Исследование позволило определить, что башмачки относятся к типу мягкой одночастной (цельнокроеной) обуви. Заготовка имеет вид пласта с расчлененными контурами носочной и пяточной частей. Конструктивные швы были расположены спереди, вдоль носка и сзади — посредине пятки. Прослежено, что детали соединены при помощи тачных швов. Сохранившиеся ремешки свидетельствуют о том, что башмачки (типа поршней) крепились к ноге с их помощью: ремешки обвязывались вокруг щиколотки [12].

В женском погребении кургана № 5 у с. Зеленое (Херсонская обл.) найдены остатки обуви, изучение которых позволяет предположить, что на ногах погребенной были надеты сапожки [13, с. 52]. Сохранились маленькие кусочки кожи на костях стоп, а также ремешки-завязки на костях голени. Органические следы здесь крайне скудны и недостаточны для извлечения полной информации о способах моделировки, изготовления обуви. Можно только в общих чертах, контурно наметить силуэт: мягкая обувь, высотой приблизительно 15 см, вокруг щиколотки голенища стягивалась кожаными завязками. Судя по всему, вокруг стопы сапожки не перевязывались, т. е., возможно, имели подошву, хотя никаких

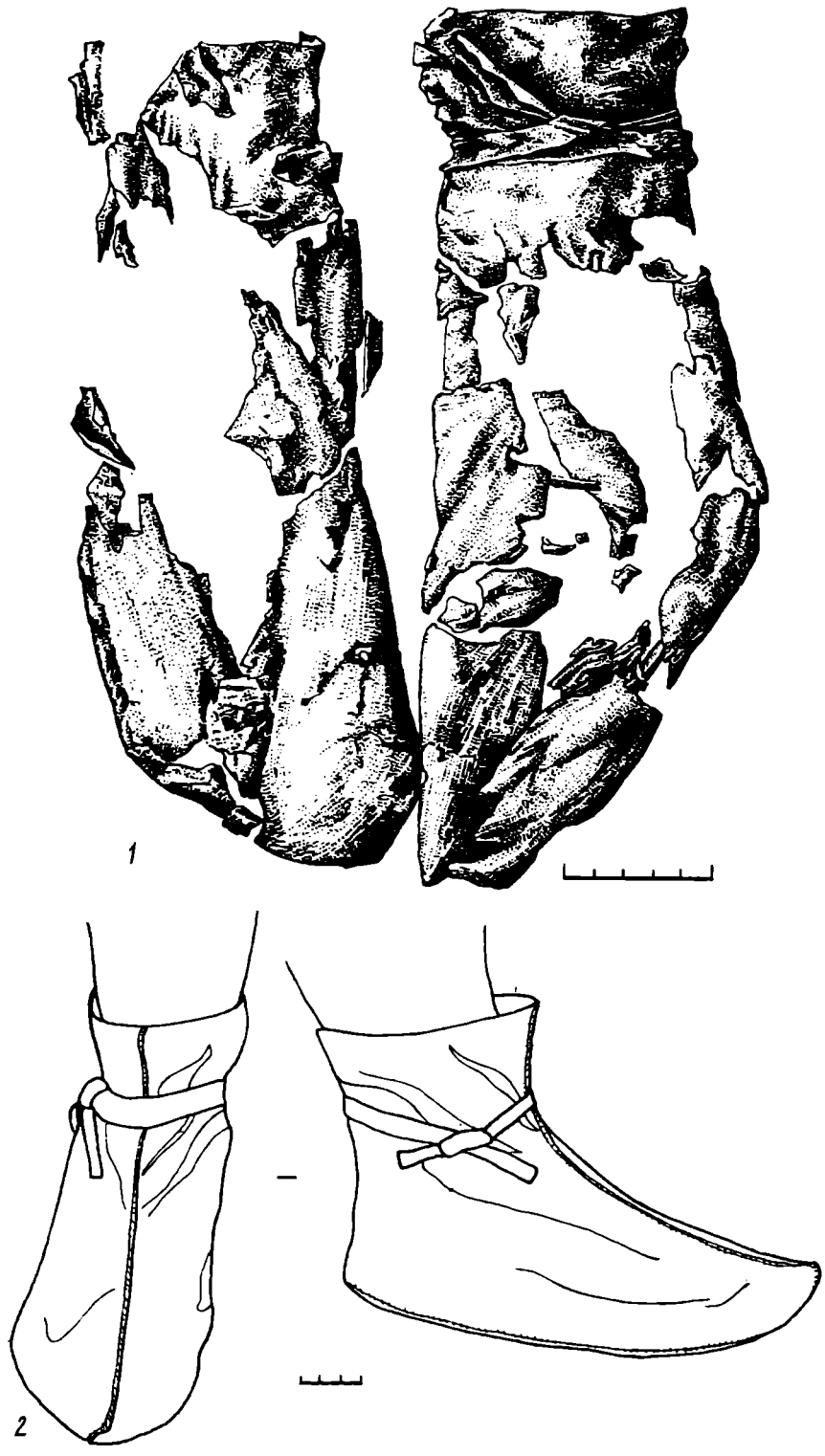


Рис. 2. Реконструкция сапожек из захоронения в кург. № 5 у с. Булгаково (Николаевская обл.). *1* — фрагменты скификов; *2* — графическая реконструкция

других данных об этом, как и о прочих конструктивных характеристиках обуви, нет.

Декоративные элементы, украшавшие обувь, были найдены в курганах, входящих в разряд «царских»: Мелитопольском, Гайматовой и Толстой Могилах [14]. Во всех случаях декор представлен золотыми бляшками с изображением цветов арацеи (Мелитопольский курган), крестов (Толстая Могила), треугольников с псевдозернью (Гайманова Могила). Пластинки были сосредоточены на

фалангах пальцев, их конфигурация в общем плане напоминает треугольник. Вероятно, бляшки украшали обувь, которая имела вид невысоких башмачков, сформированных из одночастной заготовки. Передняя, носковая часть их была обшита золотыми бляшками. Они прикрывали шов не только из эстетических соображений, а скорее с целью апотропеической, согласно общим законам оформления одежды. Моделировка обуви, декоративные элементы которой были найдены в ряде курганов, может быть, напоминает способ конструирования башмачков из Вишневой Могилы (рис. 3, 4). Очевидно, одночастная обувь в виде башмачков была характерна в качестве компонента женского костюма. В историческом ряду развития конструкций обуви цельнокроеная, одночастная стоит в самом начале. Простота в изготовлении и удобство в употреблении определили долгую жизнь цельнокроеной обуви. Так, например, в костюмных комплексах многих народов Кавказа мягкая обувь, сшитая из одночастной заготовки, сохранилась до наших дней [15, с. 67].

Следует отметить еще одну находку кожаной обуви — в археологическом комплексе Павловского кургана. Здесь, очевидно, было погребение представительницы эллинского населения [16, с. 194]. На ногах погребенной сохранились сапоги, которые можно отнести по имеющимся характеристикам к подошвенной двухчастной обуви. Каждый сапожок состоит из голенища и подошвы. Один шов соединяет головку, которая представляет собой единое целое с голенищем и подошвой. Голенище сшито сзади тачным швом. Сапожки довольно высокие — 24 см. Размеры стопы позволяет отнести их к женскому наряду.

Вероятно, сапоги описанной конструкции были компонентами женских костюмных комплексов в среде эллинизированного населения Северного Причерноморья. В употреблении скифянок степной части Скифии в основном, наверное, были башмачки типа поршней, а также скифики, идентичные мужским.

В контурах заготовок деталей для создания обуви различие между мужской и женской обувью в древности отмечалось только в размерах; конфигурация заготовок, форма основных деталей, способ их формирования были одинаковы. Вероятно, не было и социальных различий ни в способах изготовления обуви, ни в ее формах. Очевидно, высокое социальное положение человека отражалось в декоративном оформлении обуви, материале ее изготовления.

Скифики и башмаки скорее всего дополнялись другими видами обуви. Употребление в скифском быту войлока могло породить и войлочную обувь. Из шерстяной пряжи, вероятно, выполняли различную вязаную обувь. Но данных об использовании для изготовления обуви других материалов, кроме кожи, у нас нет.

Изготовление обуви скорее всего было домашним ремеслом. Этнографические материалы свидетельствуют о том, что мягкие типы обуви, предназначенные и для мужчин и для женщин, выполнялись женщинами, так как труд этот требовал большого мастерства, терпения [15, с. 69]. Можно предположить, что скифики и башмаки шили скифянки. Изготовление обуви этих типов относилось к разряду женских работ, о которых говорят амазонки [17, с. 114].

Характер моделировки скифской обуви свидетельствует о длительном развитии форм основных заготовок по линии полного конструктивного соответствия деталей друг другу. Возможно, в процессе этого развития появились шаблоны для основных деталей. Но ни археология, ни история обуви не подкрепляют это предположение доказательствами.

Наряду со своеобразием в создании и оформлении скифской обуви следует отметить, что она обладает чертами, характерными для развития обуви в рассматриваемый период на обширной территории Евразии. Утилитарность этой детали костюма не исключает и ее знаковых функций. Обувь защищает ногу от воздействий в прямом смысле, но, вероятно, на нее возлагалась задача и магического усиления ног, защиты их от злых сил. С этой целью в скифской обуви используется декор: золотые бляшки, возможно, бусы, а также аппликация

Рис. 3. Реконструкция женских «башмачков» по материалам из Мелитопольского кургана

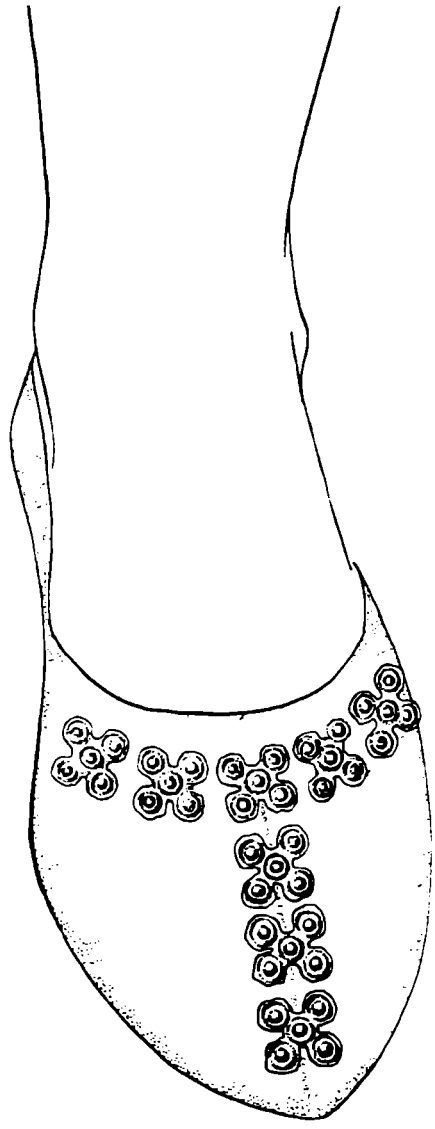


Рис. 4. Реконструкция обуви по материалам из кургана Толстая Могила (Днепропетровская обл.)

и вышивка. Может быть, роль апотропея играли различные завязки, пересекающие обувь в местах основных швов.

Итак, в качестве элемента скифского костюма можно назвать два вида мягкой обуви: детальнокроеные сапожки — скифики и цельнокроеные башмачки. Сапожки изготовляли и как бесподошвенную обувь, и с подошвой, которая способствовала повышению износоустойчивости. Сапожки-скифики составляли характерную особенность облика скифов. Археологические их остатки зафиксированы в захоронениях. Имеются остатки и женских башмачков типа поршней. Тенденция развития форм и конструкций обуви вызывает предположение, что оба вида (цельнокроеный и детальнокроеный) обуви могли сочетаться в комплексах и мужского и женского костюмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Оятева Е. И.* К методике изучения древней кожаной обуви//АСГЭ. 1973. № 15.
2. *Оятева Е. И.* Семантика ритуального башмака//АСГЭ. 1978. № 19.
3. *Армаганян А. С.* Обувь Древней Армении. Ереван: Айстан, 1978.
4. *Apor Eva.* Perszepolisz. Budapest, 1974.

5. *Зеймаль Е. В.* Амударьинский клад. Л.: Искусство, 1979.
6. *Акишев К. А.* Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978.
7. *Руденко С. И.* Горноалтайские находки и скифы. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
8. *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе//ВДИ. 1947. № 3.
9. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии//Археология СССР с древнейших времен до средневековья. М.: Наука, 1985.
10. *Клочко Л. С.* Верхній плечовий одяг скіфів//Археологія. 1984. № 47.
11. *Шапошникова О. Г.* Отчет Ингульской экспедиции за 1971 год//НА ИА АН УССР. 1971/28.
12. *Болтрик Ю. В.* Отчет Запорожской экспедиции за 1976 год//НА ИА АН УССР. 1976/6.
13. *Евдокимов Г. Л.* Отчет Краснознаменской экспедиции за 1983 год//НА ИА АН УССР. 1983/2.
14. *Мозолевський Б. М.* Товста Могила. Київ: Наук. думка, 1979.
15. *Гаджиева С. Ш.* Одежда народов Дагестана XIX — начала XX в. М.: Наука, 1981.
16. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. М., 1925.
17. Геродот. История в 9 книгах. Кн. 4. Мельпомена. Л.: Наука, 1972.

Музей исторических драгоценностей Украины,
Киев

L. S. KLOCHKO

THE SCYTHIAN FOOT-WEAR

Summary

The study of foot-wear characterizes some aspects of ancient culture, as it reflects ethnocultural situation. One of the types of scythian foot-wear are short boots, well known from the pieces of jewellery. The archaeological materials give a lot of information about this component of scythian costume. In the Northern Pontic area soft types of foot-wear were spread: short boots made of many pieces (scythics) and one-piece shoes. The boots were made of a set of well modelled detailes attached together to correspond the form of the foot. One-piece shoes were characteristic for women costume only, as it is clear from the archaeological data. This type of foot-wear was wide-spread due to its simple construction and comfort. There was no social difference in forms of the scythian foot-wear and in ways of its production. Social ranges were marked by the decorative elements of the foot-wear.

А. М. ОБЛОМСКИЙ

О РОЛИ ПОЗДНЕЗАРУБИНЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СЛОЖЕНИИ КИЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ И ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

Большинство исследователей киевской культуры рассматривали проблему ее происхождения в типологическом аспекте. Констатировалось наличие зарубинецких традиций в керамическом комплексе, наборе орудий труда, домостроительстве [1, с. 66, 67, 91; 2, с. 8; 3, с. 68; 4, с. 4, 5], указывалось, что в целом киевская археологическая общность формируется на «зарубинецкой основе», т. е., иными словами, киевские памятники оставлены тем же населением, что и более ранние зарубинецкие.

Иное направление исследований намечено в ряде опубликованных в последнее время работ К. В. Каспаровой, М. Б. Шукина, Е. В. Максимова, Р. В. Терпиловского и автора настоящей статьи. В них указывается, что в середине — третьей четверти I в. н. э. зарубинецкая культура как единое археологическое целое переживает период распада, который сопровождается массовыми миграциями, охватившими территорию лесостепи от Прикарпатья до Оскола, а также, вероятно, южную часть лесной зоны. В результате этого процесса возникает серия новых культурно-типологических групп памятников, в той или иной степени связанных с зарубинецкой культурой по общему набору составляющих их элементов, но представляющих собой особую археологическую структуру, для обозначения которой предложены два термина: «позднезарубинецкие памятники» или «древности горизонта Рахны — Лютеж — Почеп» [5, с. 14—17; 6, с. 68, 69; 7, с. 29; 8, с. 123, 124; 9, с. 74—83; 10]. Преемственность традиций, таким образом, еще не свидетельствует о плавном, эволюционном развитии. В этой связи актуальной становится проблема соотношения позднезарубинецких древностей и материалов киевской культуры [6, с. 68, 69], т. е. вопрос о конкретном механизме ее формирования.

На территории лесостепи и юге лесной зоны памятники киевской культуры, по современным данным, сосредоточены в Среднем Поднепровье, Подесенье, на водоразделе Днепра и Дона (рис. 1). Отдельные пункты известны в Днепровской левобережной лесостепи (Беседовка, Сенча, Курган-Азак, Боромля-2 и др. [11, с. 49; 12, с. 59, 60]), а также на юге Припятского Полесья (некоторую близость к киевским имеет серия сосудов из Лепесовки [13]), однако поскольку эти районы очень плохо обследованы, закономерности расположения в их пределах киевских поселений пока не ясны.

В целом южные позднезарубинецкие и киевские памятники независимо от их принадлежности к какой-либо конкретной культурно-типологической группе имеют ряд общих черт. Это сходство проявляется в совпадении областей, на которых концентрируется большинство поселений и могильников, в близости топографии селищ и их планировки. Некоторые общие характеристики имеет керамический комплекс и традиции домостроительства.

По территории среднеднепровский вариант киевской культуры совпадает с ареалом позднезарубинецких древностей типа Лютежа. Известны в этом регионе и памятники круга Гриней (рис. 1). На водоразделе Днепра и Дона в раннеримский

© А. М. Обломский, 1992 г.

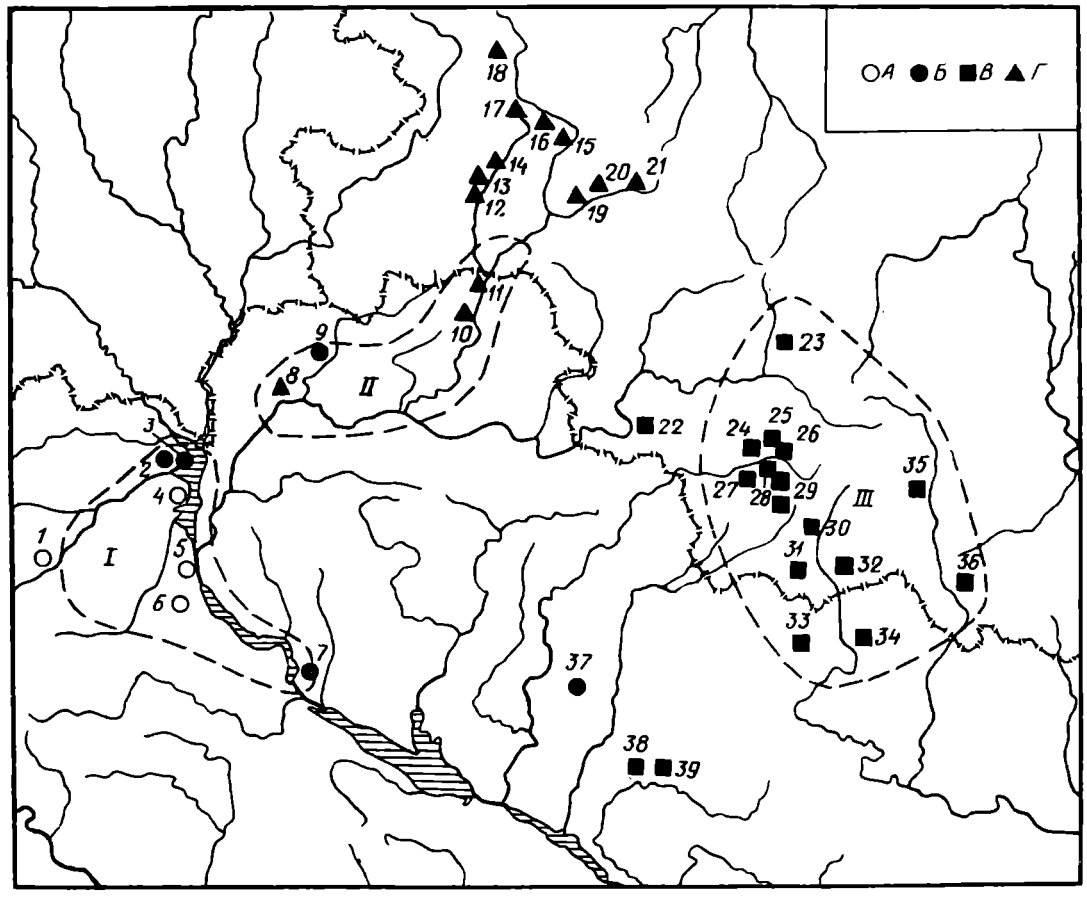


Рис. 1. Позднезарубинецкие памятники Среднего Поднепровья — Днепровского Левобережья и локальные варианты киевской культуры. Памятники I—II вв.: *А* — типа Лютежа (исследованные стационарно); *Б* — типа Гриней — Вовков; *В* — типа Картамышево-2 — Терновки-2; *Г* — типа Почепа. Локальные варианты киевской культуры: I — среднеднепровский, II — деснинский; III — сейминско-донецкий. *1* — Тетеревка, *2* — Грини-2, *3* — Грини-1, *4* — Лютеж; *5* — Оболонь; *6* — Таценки-1, *7* — Решетки, *8* — Киселевка-3, *9* — Змеевка, *10* — Чулатово, *11* — Колодезный Бугор, *12* — Почеп, *13* — Синьково-Дмитриево, *14* — Синьково, *15* — Белокаменка, *16* — Хотылево, *17* — селище в устье р. Гасомы, *18* — Спартак, *19* — Парня-2, *20* — Партизанское, *21* — Железное, *22* — Комаровка, *23* — Жерновец, *24* — Шмырево, *25* — Картамышево-1, *26* — Картамышево-2, *27* — Богдановка, 28 — Бобрава-3, *29* — Гочево-1 и Гочево-7, *30* — Терновка-2, *31* — Головино-1, *32* — Шоссейное, *33* — Родной Край-1, *34* — Новодоновка-1, *35* — Приоскольское-1, *36* — Колосково-4, *37* — Вовки, *38* — Осиповка (ур. Пляж), *39* — Осиповка (ур. Лиман)

период распространены древности типа Картамышево-2 — Терновки-2, а в Подесенье — почепские. Во всех трех регионах близки топографические особенности расположения киевских и позднезарубинецких селищ: киевские, как правило, занимают сниженные участки первых надпойменных террас рек, дюны и прочие останцы в пойме [11, с. 8; 14], большинство позднезарубинецких памятников находится в схожих условиях [10].

Сведения о планировке поселений пока предварительны, так как лишь на немногих из них вскрыты настолько большие площади, чтобы можно было судить о закономерностях взаимного расположения объектов. Общий жилой участок на некоторых селищах I—II вв. обособлен от «хозяйственной зоны» (Почеп, Картамышево-2). Известны также памятники, где постройки находятся далеко друг от друга (поодиночке или группами), а между ними (и вокруг них) расположен единый, не поддающийся расчленению хозяйственный участок (Лютеж, Гочево-1). Часть памятников (Грини-1, Терновка-2) имеют усадебную планировку («свои» хозяйственные сооружения тяготеют к каждому из жилищ). Среди киевских селищ планировку первого типа имеет Букреевка-2, второго — Каменево-2, Роище, третьего — Гочево-3, Глеваха.

Для керамического комплекса позднезарубинецких поселений характерно сосуществование груболепной кухонной и лощеной столовой посуды. Лощеная керамика обнаружена и на многих киевских селищах. В Подесенье она встречена на поселениях Лавриков Лес, Форостовичи, Киреевка-2, Роище [11, с. 23, 24], т. е. как на ранних памятниках, так и на селищах периода черняховского влияния. В Среднем Поднепровье лощеные горшки и миски происходят из Казаровичей, Сушков-2, Новый Безрадичей, Обухова II, III и VII [14, с. 69, 70], иными словами, они употребляются на протяжении всех трех выделенных Н. С. Абашиной этапов развития киевской культуры — от раннего до финального. На востоке Днепровского Левобережья находки лощеной керамики зафиксированы на ранних киевских поселениях и могильниках Шишино-5, Шмырево, Приоскольское-2, Кулига, а также на памятниках времени контактов с черняховской культурой (Букреевка-2, Родной Край-3, Авдеево, Цепляево-2 и др.). Традиции изготовления лепной лощеной посуды являются, таким образом, достаточно устойчивыми. Они присущи всем локальным вариантам киевской культуры. Правда, по сравнению с позднезарубинецким периодом резко уменьшается количество лощеной керамики: в Лютеже она составляет 17,2%, в Киселевке-3 — 11, в Почепе — 4—5, в Приоскольском-1 — 5—6, в Терновке-2 — около 8 [10], в Головино-1 (в нижнем горизонте) — от 2 до 7%. На киевских поселениях и могильниках обычно встречаются лишь отдельные черепки или единичные формы сосудов этой категории. Общая доля их, как правило, меньше 1%.

Как на киевских, так и на позднезарубинецких памятниках встречается груболепная керамика с расчесами. На селищах раннеримского времени отдельные черепки с этим приемом орнаментации поверхности обнаружены в Лютеже [15, с. 66], Синьково, Парне-2, Почепе, Жерновце, Терновке-2, Гочево-7 и Березовке-2, а в Картамышево-2 и Жерновце зафиксировано использование зубчатого штампа, которым иногда в сочетании с заостренной палочкой наносились расчесы, для орнаментации венчика сосуда перпендикулярными к его краю насечками [10]. Относительно широкое применение расчесов в качестве орнаментального мотива характерно лишь для памятников круга Гриней — Вовков и продолжающих их традиции в Нижнем Подесенье поселений позднеримского периода (Мена-5, Верхнестриженское-3) [16, с. 47—52; 17, с. 81, 82]. На киевских памятниках Среднего Поднепровья расчесами орнаментируется около 4% сосудов [14, с. 54], на селищах деснинского варианта черепки с подобной поверхностью очень редки [11, с. 19], а на востоке Днепровского Левобережья они встречены всего в двух пунктах: в Шишино-5 и на могильнике Кулига.

Излюбленным приемом орнаментации груболепных горшков позднезарубинецкого периода являются насечки и вдавления по краю венчика. На памятниках круга Почепа и Картамышево-2, т. е. на Десне и в западной части водораздела Днепра и Дона, орнаментируется подавляющее большинство сосудов, несколько реже горшки с насечками и вдавлениями встречаются в древностях круга Лютежа, Гриней и в бассейне Северского Донца [10]. Основная масса сосудов киевской культуры лишена орнамента, однако на ранней ее стадии традиции декорирования венчика еще сохраняются. В Среднем Поднепровье насечками и защипами украшено около 9% горшков [11, с. 54], на востоке Левобережья и в бассейне Северского Донца — примерно столько же (Шишино-5 — 8, Шмырево — 10%). В Подесенье сосуды с орнаментом по венчику крайне редки. Единичные экземпляры встречены в Форостовичах [11, табл. 4, *1*], на селище и могильнике Киреевка-1 [11, рис. 10, *5*, табл. *5*, *7*], на поселениях Выбли [11, табл. 7, *10*] и Мена-5 [19, рис. 3, *1*, 4, *4*, *18*, *19*, 6, *4*, *9*, *10*]. В литературе, кроме того, неоднократно отмечалось «общее типологическое подобие» позднезарубинецкого и киевского комплекса груболепных сосудов [3, с. 65—68; 19, с. 35—40]. Определенные параллели наблюдаются и в конструкции жилищ. Во всех группах позднезарубинецких памятников распространены прямоугольные в плане полуземлянки с длиной стены около 3—4,5 м (изредка встречаются постройки бо́льших и меньших размеров). На селищах круга Лютежа исследовано 57

углубленных жилищ (3 — в Лютеже, 54 — в Оболони), типа Почепа — 18 (12 — в Почепе, 3 — в Синьково; в Киселевке-3, Железном и Хотылево — по одному), круга Картамышево-2 — Терновки-2 — 19 (9 — в Картамышево-2, 2 — в Приоскольском-1, 2 — в Головино-1, 3 — в Гочево-1; в Терновке-2, Шоссейном и Гочево-7 — по одному) [10], а также две полуземлянки — в Гринях-1 и Вовках. Для Подесенья специфичны длинные наземные дома [20, с. 65, 66], на Почепском селище обнаружена круглая полуземлянка [21, рис. 2, 8], а в Спартаке и Киселевке-3 — две, близкие в плане к многоугольнику [22, рис. 72; 23, рис. 1]. В Картамышево-2 и Терновке-2, кроме того, исследованы две небольшие по размерам наземные постройки, а в Вовках — остатки сооружения с глинобитным полом, имевшим субструкцию из обломков сосудов [24, с. 109]. Судя по расположению ям от столбов либо их отсутствию, стены полуземлянок возводились преимущественно тремя способами. Они были срубными, каркасными с закладом из бревен между вертикально стоявшими столбами (этой конструкции обычно соответствуют четыре столбовые ямы по углам сооружения, иногда может быть еще несколько дополнительных опор по периметру котлована). Вероятно, использовались также комбинации из первых двух приемов возведения стен с фахверковой (каркасно-рамчатой) конструкцией. Применительно к салтовским постройкам она детально описана Г. Е. Афанасьевым. Археологическим индикатором ее может служить наличие одной или нескольких нерегулярно расположенных ям у стен постройки [25, с. 45—48].

Использовались и иные конструктивные приемы, однако они имели локальное распространение. Так, только в Среднем Поднепровье зафиксировано применение обмазки при возведении стен углубленных в землю жилищ (Оболонь, постройка 11), а в Подесенье — плетня [10].

Отопительными сооружениями служили открытые очаги, как правило, представлявшие собой кострища, устроенные в небольшой ямке или непосредственно на полу жилища. В Среднем Поднепровье и на востоке Днепровского Левобережья изредка встречаются очаги в виде округлых или овальных глинобитных площадок, сооруженные обычно на субструкции из камней или черепков сосудов (Оболонь, жилища 11, 24, 27, 39, 46, 52, 62, Терновка-2, постройка 4). В Гринях-1 и Вовках очажные поды были снабжены невысокими бортиками [10].

Характерной, но не обязательной деталью интерьера является центральный опорный столб для поддержки кровли. На памятниках типа Лютежа его следы зафиксированы лишь в трех жилищах, на востоке Левобережья — в семи. Только на почепских поселениях постройки с центральными столбами преобладают среди полуземлянок (16 из 20 сооружений всех форм планировки).

Господствующим типом жилищ на селищах ранней стадии киевской культуры южных регионов ее распространения также являются полуземлянки, по размерам, конструкции стен и очагов аналогичные позднезарубинецким [3, с. 62—65; 11, с. 10—14; 14 с. 30—39; 26, с. 119]. Центральный опорный столб используется несколько шире, однако постройки с этой деталью конструкции численно преобладают лишь в Подесенье.

Параллели в археологическом комплексе позднезарубинецких и киевских памятников заставляют сделать вывод, что они относятся к одному и тому же культурному кругу. Правда, не все черты сходства в этом плане равнозначны. Близость ландшафтного расположения и планировки селищ свидетельствует не столько об этническом родстве населения, сколько о сходных способах ведения хозяйства и одном и том же уровне общественных отношений. С другой стороны, аналогии в конструкции жилищ и в керамическом наборе, по всей видимости, подтверждают высказанный еще первооткрывателем киевской культуры В. Н. Даниленко тезис о генетическом родстве ее населения и племен, оставивших позднезарубинецкие памятники. Однако аналогии эти имеют слишком общий характер и не дают ответа на вопрос, как конкретно формировался каждый из трех известных на юге локальных вариантов киевской культуры. Единственным путем решения этой проблемы, обещающим успех, является, по моему мнению,

анализ соотношения позднезарубинецких и киевских памятников в каждом из регионов их распространения. Учитывая, что жилища по своей конструкции сходны, а погребальный обряд позднезарубинецкого периода фактически неизвестен, единственным индикатором в этом отношении может быть керамический комплекс.

Генезис киевских древностей Среднего Поднепровья детально рассмотрен Н. С. Абашиной. Наиболее ранними, дочерняховскими, являются селище и могильник Казаровичи, поселение Сушки-2, а также некоторые объекты из Новых Безрадичей и Бортничей [14, с. 96—98, 102]. Специфика набора материалов начального этапа определяется тем, что в его основе лежат традиции обеих групп позднезарубинецких памятников, представленных в Среднем Поднепровье в предшествующий период: как типа Лютежа, так и Гриней.

Из девяти видов и вариантов груболепных сосудов, выделенных на ранних киевских памятниках Н. С. Абашиной (рис. 2, 3), непосредственные прототипы на селище Лютеж имеют восемь (рис. 4, *1—11*), т. е. совпадает большинство форм округлобоких и ребристых горшков. Специфическим приемом орнаментации киевской керамики Среднего Поднепровья является налепной валик, расчлененный иногда пальцевыми вдавлениями. По данным Н. С. Абашиной, таким образом декорировано 2% сосудов [14, с. 54] (рис. 3, *6*). Валики имеются на некоторых горшках с поселения Лютеж [15, с. 64] (рис. 4, *9*). В классическое зарубинецкое время они достаточно типичны для кухонной керамики Среднего Поднепровья [27, с. 85, 86].

Керамический комплекс круга Гриней менее разнообразен (рис. 4, *12—15*). Явно под влиянием этой традиции в Казаровичах и на синхронных им памятниках появляются слабопрофилированные округлобокие и ребристые формы, а также «тюльпановидные» сосуды (ср. рис. 2, *3*, *5*, *6*; 3, *4*, *5*; 4, *12—15*). С участием в сложении киевской культуры населения, оставившего древности типа Гриней, связано и относительно широкое распространение керамики с расчесами в Среднем Поднепровье по сравнению с ранними киевскими комплексами Подесенья и лесостепной части водораздела Днепра и Дона. Тем не менее вряд ли можно рассматривать материалы круга Гриней — Вовков в качестве прямого «прообраза» киевской культуры [7, с. 29; 28, с. 136]. В наборе посуды ее начальной стадии значительно отчетливее проявляются среднеднепровские позднезарубинецкие черты. Пока, к сожалению, не найдены памятники, непосредственно заполняющие лакуну между Лютежем, глазчатая фибула из которого относится к периоду В2а [7, с. 26, 27], и «этапом Казаровичей», который датируется Н. С. Абашиной концом II — первой половиной III в. н. э. [14, с. 96—102]. Типологическое сходство керамического комплекса, как мне кажется, свидетельствует о том, что население с традициями среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры сохраняется и во второй половине II в. Некоторые признаки того, что памятники круга Лютежа существовали в Среднем Поднепровье в это время, имеются. Фибулы типа А-84 найдены с позднезарубинецкими материалами, ничего общего не имеющими с керамикой круга Гриней, в Пасечном и Рудяках [29, с. 91]. Правда, эти украшения происходят из сборов на поверхности. Е. Л. Гороховский упоминает находку фрагмента подковообразной фибулы с выемчатой эмалью на Оболони, т. е. изделия, максимально допустимой нижней хронологической границей которого является середина II в. н. э. [30, с. 17, 34].

В лесостепной части водораздела Днепра и Дона к начальной фазе киевской культуры (до периода черняховского влияния) относятся поселения Шмырево, Шишино-5, Приоскольское-2 (ранний горизонт), жилище 11 Шоссейного, возможно, Гочево-2, а также могильники Шишино-5, Приоскольское-2, Шмырево и Кулига. Набор нелощеных сосудов этого этапа приводится на рис. 5 и 6. Всего выделено 10 основных форм. В комплексах присутствуют также плоские или со слабовыраженным краем диски (рис. 5, *17*, *18*). Все сосуды имеют прямые прототипы в предшествующих древностях круга Картамышево-2 — Терновка-2 (рис. 7 и 8), за исключением только одной формы — округлобоких горшков с

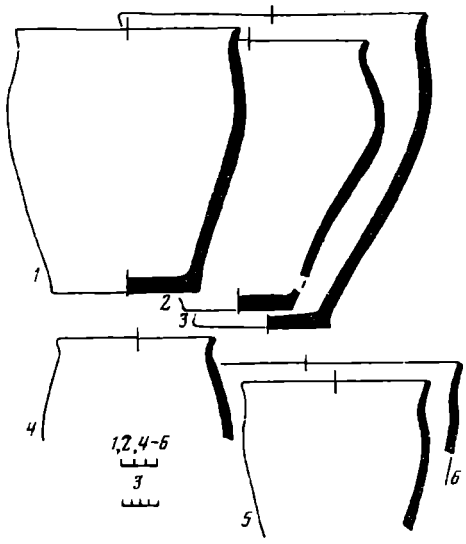


Рис. 2. Груболепная керамика с поселения и могильника Казаровичи (округлобокие сосуды). *1* — вид I, вариант 1 (по классификации Н. С. Абашиной); *2*, *3* — вид I, вариант 2; *4* — вид II, *5*, *6* — вид I, вариант 3

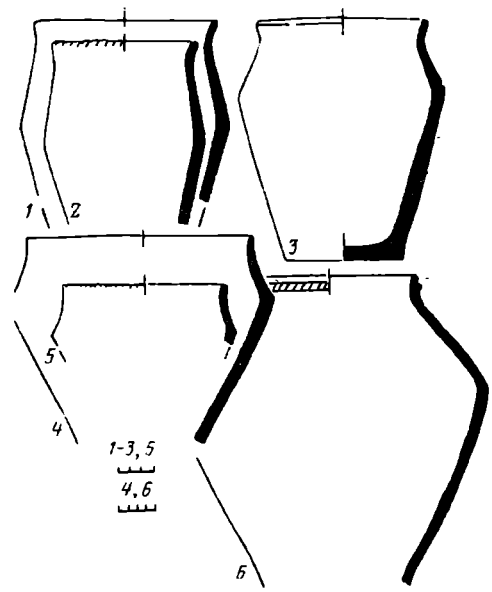


Рис. 3. Груболепная керамика с поселения и могильника Казаровичи (ребристые сосуды). *1*, *2* — вид IV; 3 — вид V, *4*, *5* — вид VI; *6* — вид VII

прямым вертикальным венчиком (рис. 5, *6*, *7*), но последние вообще довольно редки. На наиболее полно исследованном раннем киевском селище Шишино-5 сосуды с такой структурой профиля составляют в среднем 3,8% общего количества груболепных горшков, сохранность которых позволяет дать типологическое определение. Расчеты пропорций показали, что основные соотношения высот и диаметров приблизительно одинаковы для горшков как киевского, так и позднезарубинецкого периода. Сосуды лишь двух форм на памятниках круга Шишино-5 — Шмырево (рис. 5, *1—3*, *8—10*) — тюльпановидные и слабопрофилированные округлобокие — в тенденции становятся несколько более приземистыми. Сохраняется сложившаяся еще в раннеримское время устойчивая взаимосвязь между формой и объемом горшка. По размерам все сосуды позднезарубинецких и раннекиевских памятников региона делятся на три группы: «горшки», «малые» и «большие корчаги». На селищах круга Картамышево — Терновки все округлобокие сосуды и часть ребристых относятся к категории горшков, а корчаги имеют только ребристую форму. На памятниках типа Шишино-5 — Шмырево среди малых корчаг встречаются и округлобокие сосуды, однако подавляющее большинство форм этого класса принадлежит к категории горшков. Для корчаг же характерно наличие ребра в месте наибольшего расширения тулова.

Параллели наблюдаются и в декоре сосудов. Прием обработки поверхности расчесами, как уже упоминалось, употреблялся для орнаментации некоторых горшков как позднезарубинецкого, так и раннего киевского периода. На памятниках раннеримского времени Картамышево-2, Терновка-2, Жерновец и Головино-1 встречены фрагменты хроноватых сосудов (рис. 7, *10*). Искусственно ошершавленную поверхность имеют и некоторые горшки из Шишино-5. В двух позднезарубинецких пунктах (Гочево-1, Жерновец) обнаружены обломки сосудов с ложными валиками (поясами пальцевых вдавлений или защипов по тулову). Единичные фрагменты горшков с таким орнаментом встречены и в Шишино-5. Венчики некоторых ранних киевских сосудов орнаментированы насечками и пальцевыми вдавлениями, т. е. в «позднезарубинецкой манере».

Приведенные выше сопоставления демонстрируют, что керамический комплекс памятников круга Шишино-5 — Шмырево является результатом развития местных традиций раннеримского периода. На новом этапе, однако, наблюдается целый ряд модификаций, нарушающих «позднезарубинецкую норму».

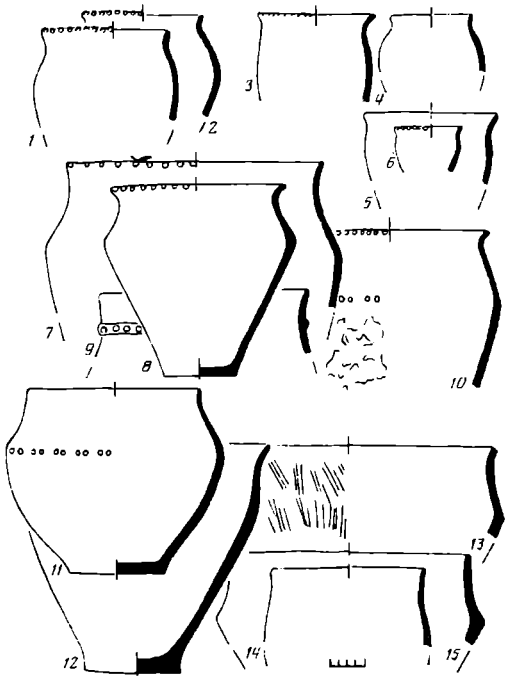


Рис.4.

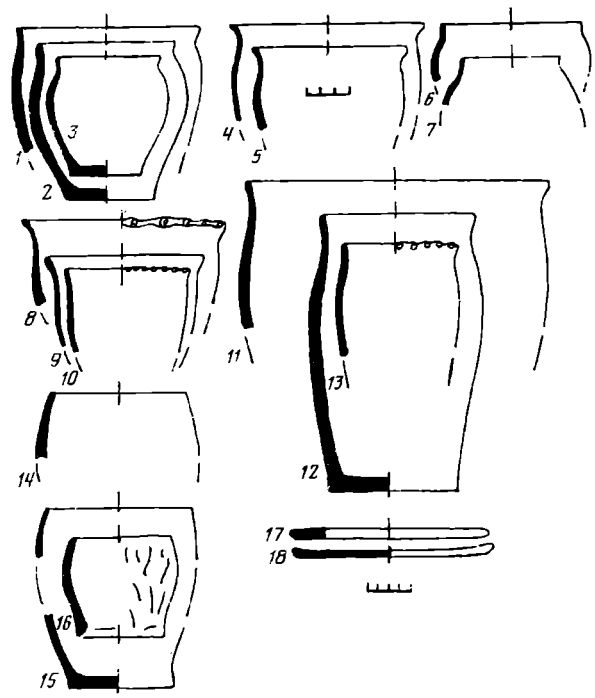


Рис. 5.

Рис. 4. Груболепная керамика позднезарубинецких памятников Среднего Поднепровья. *1—11* — Лютеж; *12*, *13* — Грини-1; *14* — Грини-2, *15* — Вовки

Рис. 5. Округлобокие сосуды сейминско-донецкого варианта киевской культуры. *1*, *3—9*, *11—18* — Шишино-5, *2*, *10* — Приоскольское-2. *1—3* — тип I 1, вариант а, разновидность а (по А. М. Обломскому); *4*, *5* — тип I 1, вариант а, разновидность б; *6*, *7* — тип I 1, вариант б; *8—10* — тип I 3, разновидность б; *11—13* — тип I 3, разновидность а, *14*, *15* — тип I 4, *17*, *18* — диски

Ситуация на водоразделе Днепра и Дона в I—II вв. была довольно сложная. Несмотря на то что все селища этого периода близки по общему набору груболепной посуды, типам жилищ и своему ландшафтному расположению, памятники восточной и западной частей региона имеют черты своеобразия. Диски, например, совершенно отсутствуют на поселениях верховьев Сейма и Псла и достаточно часто встречаются на памятниках бассейна Северского Донца — Оскола. Насечками и защипами в «западной зоне» орнаментируется не менее половины груболепных сосудов, а в Терновке-2 они единичны, в Приоскольском-1 составляют 23% от общего количества кухонных горшков (подсчет производился по венчикам). Наибольшие различия наблюдаются в наборе лощеной посуды. В бассейне Днепра, т. е. к западу от водораздела, ведущей формой являются мискообразные сосуды, диаметр венчика которых приблизительно равен высоте, с зигзаговидным ребристым профилем. Они часто орнаментируются гравированными композициями в виде меандров, свастик, пиктограмм (рис. 9, *6*). Для восточной области характерны низкие миски. Среди них преобладают формы с загнутым внутрь венчиком, сглаженным или острым ребром, а также чашевидные округлобокие (рис. 9, *10—14*). Применение гравированного орнамента не отмечено. Спецификой селищ бассейна Северского Донца является традиция возведения многочисленных и разнообразных по планировке хозяйственных построек. На поселении Терновка-2, например, их обнаружено восемь (на два жилища), в то время как на наиболее полно исследованных селищах «западной зоны» не зафиксировано ни одной. Таким образом, внутри общей группы памятников круга Картамышево-2 — Терновка-2 можно выделить две этнографические области, границей между которыми служит линия водораздела Днепра и Дона. Они довольно консервативны и существуют вплоть до конца позднезарубинецкого периода. По крайней мере все перечисленные черты специфики имеют финальные селища этого этапа: на

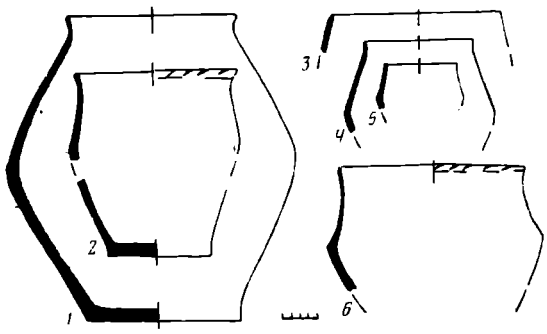


Рис. 6.

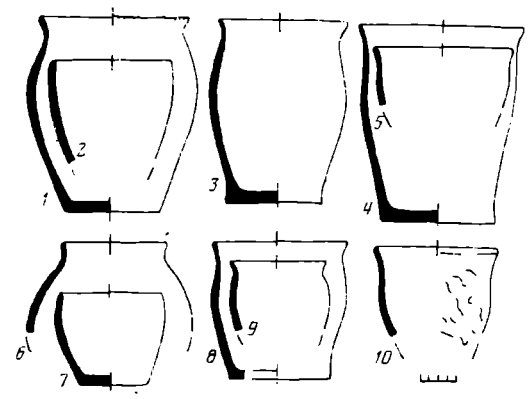


Рис. 7.

Рис. 6. Ребристые сосуды сейминско-донецкого варианта киевской культуры. *1* — Шмырево, *2* — Приоскольское-2, *3—6* — Шишино-5. *1* — тип II 2, вариант а; *2, 6* — тип II 1; *3, 5* — тип II 5; *4* — тип II 2, вариант б

Рис. 7. Округлобокие сосуды памятников круга Картамышево-2 — Терновки-2. *1—5* — западная область; *6—10* — восточная область. *1* — Жерновец; *2—4* — Гочево-1; *5* — Картамышево-2; *6, 7, 9, 10* — Приоскольское-2; *8* — Терновка-2. *1, 6* — тип I 1, вариант а, разновидность а; *2, 7* — тип I 4; *3, 8* — тип I 3, разновидность а; *4—10* — тип I 3, разновидность б; 9 — тип I 1, вариант а, разновидность б

западе — Гочево-1 (раннеримский период его существования), на востоке — Головино-1 (нижний горизонт).

С появлением памятников типа Шишино-5 — Шмырево (ранних киевских) локальные особенности археологического комплекса нивелируются. Диски встречаются как на востоке региона, так и западнее водораздела. В Шишино-5, т. е. на поселении, расположенном в поречье Северского Донца, их 27,3%, а в Шмырево, находящемся на Пеле,— 39% общего количества груболепных сосудов. В Приоскольском-2 и Шишино-5, т. е. в восточной области, обнаружены фрагменты лощеных ребристых мисок с S-овидным профилем (рис. 9, *2*) и высоких мискообразных сосудов, причем некоторые из них украшены гравированными орнаментами (рис. 9, *1, 3*). Хозяйственные постройки начинают возводиться на селищах Днепровского бассейна. В Шмырево они, правда, не зафиксированы. Вероятно, это объясняется сохранностью памятника: он расположен в лесу, поэтому там было вскрыто несколько небольших изолированных площадей. Зато они хорошо известны на поселениях, относящихся к несколько более позднему времени, но генетически связанных с киевскими древностями дочерняховского этапа. В Букреевке-2 и в Тазово, например, изучено восемь построек [31, с. 184—188]. По планировке они аналогичны сооружениям Шишино-5, которых всего 11.

Таким образом, на киевских памятниках востока Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца элементы, в предшествующее время в пределах региона имевшие локальное распространение, как бы комбинируются в общем археологическом комплексе. Местный вариант киевской культуры, следовательно, является результатом синтеза двух типов позднезарубинецких древностей, т. е. процессы, приведшие к его формированию, близки к зафиксированным в Среднем Поднепровье.

Взаимоотношению киевских и почепских памятников Подесенья была посвящена специальная статья [16]. Сопоставление набора груболепных сосудов показало, что некоторая степень сходства наблюдается лишь между двумя формами (из семи типов киевских и четырех почепских). Пропорции горшков совпадают лишь частично: у почепских они более разнообразны, киевская посуда в массе своей слабее профилирована. В почепских комплексах отсутствуют диски. На киевских селищах не возводились длинные наземные дома, население III—V вв. не использовало конических грузил для рыболовных сетей — специфических «постъюхновских» предметов быта. Не полностью совпадают и основные зоны

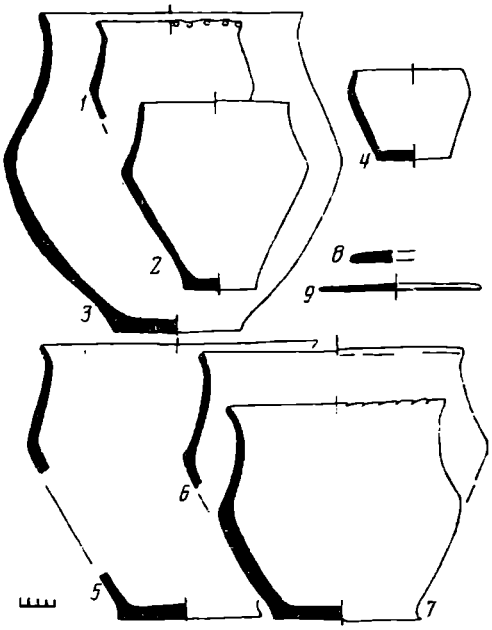


Рис. 8.

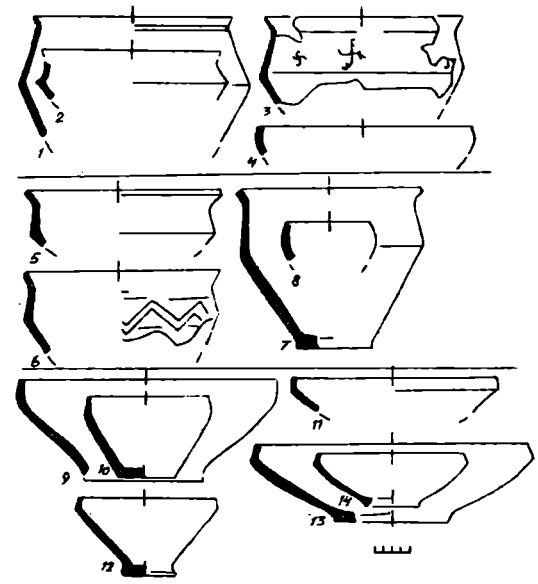


Рис. 9.

Рис. 8 Ребристые сосуды памятников круга Картамышево-2 — Терновки-2. *1—3* — западная область; *4—9* — восточная область. *1* — Жерновец; *2* — Осиповка (Пляж); *3* — Гочево-1; *4, 6* — Приосколь-ское-1; *5, 8, 9* — Терновка-2; *7* — Шоссейное. *1, 5* — тип II 2, вариант а; *2, 6* — тип II 1; *3, 7* — тип II 3; *4* — тип *5*; *8, 9* — диски

Рис. 9. Лощеная керамика позднезарубинецких и ранних киевских памятников водораздела Днепра и Дона. *1—4* — ранний этап киевской культуры; *5—8* — позднезарубинецкие памятники западной области; *9—13* — позднезарубинецкие памятники восточной области. *1, 3* — Шишино-5; *2, 4* — Приосколь-ское-2; *5* — Осиповка (Пляж), *6, 8* — Картамышево-2, *7* — Шмырево; *9, 11, 13* — Тер-новка-2, *10* — Шоссейное; *12* — Новодоновка-2, *14* — Приосколь-ское-1

концентрации памятников: почепские распространены преимущественно в Верхнем Подесенье, а киевские — в Нижнем и Среднем (в Верхнем их почти нет) [16, с. 45—47]. Все эти наблюдения, по моему мнению, достаточно наглядно демонстрируют отсутствие генетических связей между почепскими и киевскими древностями деснинского локального варианта. Подосновой последнего не могли быть также и памятники типа Гриней, известные в Нижнем Подесенье (Змеевка, Верхнестриженское-3, Мена-5). Фибула из жилища 2 Мены-5 датируется серединой III — началом IV в., т. е. материалы этого круга синхронны (полностью или частично, пока сказать трудно) деснинскому варианту киевской культуры [16, с. 49—52]. Создается ощущение, что население, оставившее Лавриков Лес, Форостовичи и подобные им памятники, пришло на территорию Подесенья откуда-то извне.

Неизвестная пока подоснова деснинского варианта киевской культуры должна быть по своему происхождению позднезарубинецкой. Кроме отмеченного выше общего сходства позднезарубинецких и киевских древностей, которое справедливо для деснинского региона в той же степени, что и для Среднего Поднепровья, а также для водораздела Днепра и Дона, об этом свидетельствует ряд других обстоятельств. Все три южных варианта киевской культуры представляют собой определенное археологическое единство. В наборе груболепной посуды интегрирующим признаком является комбинация округлобоких сильно профилированных, тюльпановидных и близких к баночным форм, а также ребристых горшков с вогнутой или прямой линчей профиля на участке, находящемся выше места наибольшего расширения тулова — ср. сосуды из Среднего Поднепровья (рис. 2, *1, 2, 4—6*; 3, *1—5*), востока Левобережья (рис. 5, *1—3, 8—13*; 6, *1, 2, 4, 6*) и Подесенья [11, с. 38—42]. При этом процентное соотношение типов, пропорции сосудов, некоторые элементы декора могут различаться. В общий комплекс

каждого из регионов, как правило, входят горшки и некоторых других, специфических форм, однако сочетание этих пяти типов является обязательным правилом. Для всех трех вариантов киевской культуры характерны, как уже упоминалось, небольшие прямоугольные полуземлянки с открытыми очагами и длиной стены около 3—4,5 м, а также очень близкий погребальный обряд. Захоронения представляют собой трупосожжения на стороне. Остатки кремации помещены в круглые или овальные ямы. Размеры, глубина и профиль ямы при этом могут варьировать, однако обязательными признаками являются отсутствие урн (всего лишь два урновых захоронения, которые представляют собой исключение из общего правила, обнаружены на водоразделе Днепра и Дона: в Шмырево и Кулиге), наличие в подавляющем большинстве погребений угля или золы, черепков от различных сосудов, часть из которых могла испытать повторное воздействие огня. В Среднем Поднепровье и на востоке Левобережья зафиксированы следы послойной засыпки могильных ям [11, с. 16, 17; 14, с. 45—49; 26, с. 119]. Близость основных черт, характеризующих киевский археологический комплекс, не случайна. Памятники типа Лютежа и круга Картамышево-2 — Терновки-2, которые являются основными компонентами среднеднепровского и сеймино-донецкого вариантов киевской культуры, формируются преимущественно на базе среднеднепровских зарубинецких традиций [10]. Какой-то подобный им тип древностей должен лежать в основе и деснинской группы киевских памятников.

Начальная дата среднеднепровского варианта киевской культуры обоснована в работах Р. В. Терпиловского и Н. С. Абашиной. По фибулам, относящимся к прогнутым подвязным варианта 1 А. К. Амброза (Казаровичи — 1 экз., Новые Безрадичи — 2 экз.), типу А-41—43 (Бортничи), пряжкам из Казаровичей и Новых Безрадичей, шпоре из Новых Безрадичей и другим находкам она определяется в рамках конца II — первой половины III в. [14, с. 96—103; 32, с. 54].

Ранние памятники киевской культуры востока Левобережья по составу керамического комплекса представляют собой промежуточный этап, нижняя хронологическая граница которого определяется по финалу позднезарубинецкого периода, а верхняя — по началу массового употребления киевским населением региона гончарной черняховской посуды. Как уже упоминалось выше, лощеная лепная керамика «позднезарубинецкого облика» встречена на селищах и могильниках круга Шишино-5 — Шмырево в мизерном количестве (менее 1%), т. е. эти памятники начали функционировать после того, как традиция относительно широкого использования лощеной посуды прекратилась. Находки отдельных черняховских черепков в Шишино-5 и Кулиге свидетельствуют о том, что эти памятники доживают до периода импорта гончарной посуды с запада. По объему этот импорт еще не велик, «процесс» только начинается.

Наиболее поздним узко датируемым предметом, связанным с комплексами круга Картамышево-2 — Терновка, является фрагмент бронзовой гривны с грибовидным окончанием из постройки 3 Головино-1 (рис. 10, *1*). Аналогии этого изделия широко распространены в Восточной Прибалтике. М. Михельбертас относит их к периодам B2/C1 и C1a, т. е. приблизительно ко второй половине II — первой трети III в. [33, с. 147—162, рис. 25, 26].

Подробный анализ хронологии начала широкого поступления гончарной керамики на водораздел Днепра и Дона приводится в работах А. В. Кропоткина и автора настоящей статьи, а также в докладе А. Н. Некрасовой, прочитанном на конференции по археологии Центральночерноземного региона в Белгороде в 1990 г. Этот период датируется фибулами группы VII О. Альмгрена (рис. 10, *2*), которые происходят из семи пунктов региона. На некоторых памятниках они встречены с фрагментами светлоглиняных амфор типа Д и раннего варианта типа F (Боромля-2, Родной Край-3, Головино-1, Букреевка-2), а в постройке 5 Головино-1 обнаружен медный тетрасарий Тиры 238—253 гг. н. э. (определение Н. А. Фроловой). Процент гончарной керамики в киевских комплексах с фибулами группы VII составляет около 7—10%. По сочетанию находок начало периода

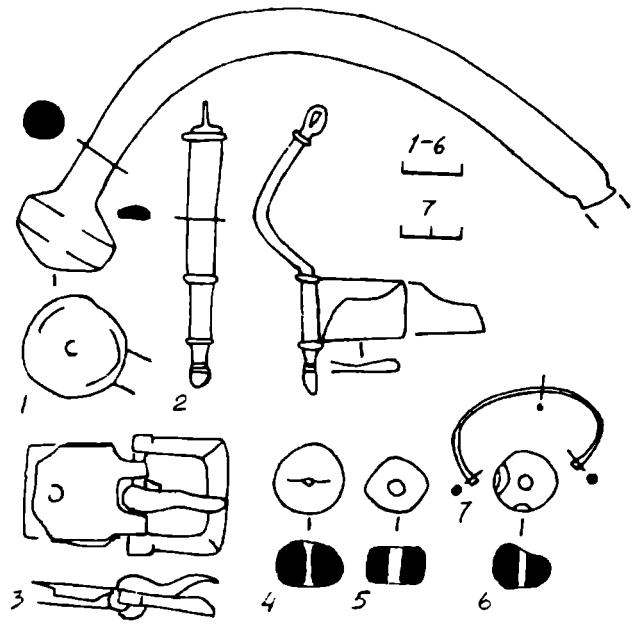


Рис. 10. Некоторые датирующие вещи с памятников водораздела Днепра и Дона. *1* — фрагмент гривны; *2* — фибула; *3* — пряжка; *4—6* — бусы; *7* — браслет. *1—3*, *7* — бронза; *4* — сердолик; *5* — белое глухое стекло; *6* — синее стекло с тремя глазками, каждое из которых имеет синее ядро и белую обводку. *1* — Головино-1, постройка 3; *2* — Букреевка-2, постройка 8; *3* — Шишино-5, раскоп Б, слой; *4—6* — Шишино-5, раскоп В, погребение 1; *7* — Шишино-5, раскоп I, яма 5

черняховского влияния на киевскую культуру востока Левобережья датируется серединой, возможно, второй половиной III в. [12, с. 59, 60; 34; 35, с. 62, 63]. Учитывая верхнюю хронологическую границу позднезарубинецких древностей, ранние киевские памятники должны были существовать приблизительно в рамках первой половины III, не исключая и конец II в.

К сожалению, немногочисленные датирующие вещи начального этапа киевской культуры (все они происходят с поселения и могильника Шишино-5) не дают оснований для уточнения хронологии этого периода, хотя и не противоречат предложенной дате. В погребении 1 обнаружены три бусины: сердоликовая, стеклянные циллиндирическая белая, а также прозрачная синяя с тремя сине-белыми глазками (рис. 10, *4—6*). Они относятся соответственно к типу 2, варианту а каменных бус, типу 55 одноцветных и типу 33, варианту а полихромных стеклянных по Е. М. Алексеевой. Первая из них датируется эпохой эллинизма — III в. н. э., вторая — второй половиной I —III в., третья — эпохой эллинизма — I—II вв. [36, с. 67; 37, с. 15; 38, с. 56]. Дата комплекса, таким образом,— вторая половина I—II вв.

Бронзовая пряжка с прямоугольной рамой, железным язычком и пластинчатой обоймой из слоя раскопа Б (рис. 10, *3*) близка к аналогичным изделиям из могильника Брест-Тришин [39, табл. VI, *1в*, XIX, *58 г*]. Ю. В. Кухаренко датирует их второй половиной I—II вв., отмечая, что они могли существовать и в III в. [39, с. 48]. Приблизительно тем же временем период их бытования определяет и Р. Мадыда (от фазы B2 до C1a, частично C1в, т. е. преимущественно 70—230 гг.) [40, с. 374]. Однако пряжка из Шишино-5 является не полной аналогией, а подражанием типу 3 Брест-Тришина: она имеет одночастную, а не двухчастную схему, хотя и сохраняет элемент декора двухчастных — два выступа у места крепления обоймы. Одночленные пряжки с прямоугольной рамой и обоймой той же формы встречаются и в восточносарматских комплексах римского времени [41, с. 41], однако хронология их неопределенна.

Браслеты со слаборасширенными концами (рис. 10, *7*) хорошо известны в комплексах раннеримского периода могильников Юго-Западного Крыма (Бель-

бек-2—4; Скалистое-3) [42, рис. III, *1*, *8*, *10*, VI, *7*, *24*, *25*, VII, *15*, XVII, *37*; 43, рис. 2, *50*, 5, *29*, 8, *72*, 9, *12*, *29*]. В Северном Причерноморье употреблялись в I—II вв. и, вероятно, позже [44, табл. XVII, *14*].

Для комплексов начального этапа киевской культуры довольно характерны «варварские» вещи с выемчатой эмалью и сопутствующие им бронзы с чеканным орнаментом, параллелепипедные бусы из глухого красного стекла и другие находки. Для территории Среднего Поднепровья сводку их приводит Е. Л. Гороховский [45, с. 127—130]. На востоке Днепровского Левобережья они появляются в позднезарубинецкий период [9, с. 74, 75, 82], сведения о новых находках см. в [10]. С ранними киевскими материалами связаны лунница из Шмырево, крестопрорезная подвеска из Приоскольского-2, клад из двух фибул, трех браслетов и одного пряслица из Шишино-5 [46, с. 15]. Начало распространения эмалей в лесостепном Поднепровье Е. Л. Гороховский датирует серединой II — началом III в. [45, с. 131—136; 47, с. 17, 18]. Недавно эта дата получила «радиоуглеродное подтверждение» на Дьяковом городище в Москве [48, с. 42, рис. 1, 2].

Время образования киевских памятников Подесенья пока недостаточно ясно. Р. В. Терпиловский в своей монографии 1984 г. селища, на которых отсутствует черняховский импорт (типа Лаврикова Леса — Форостовичей), датировал началом III — первой половиной IV в. [11, с. 40—42]. В его работе 1985 г. нижняя дата этого круга памятников изменена: они возникают не ранее второй половины III в. [32, с. 56, 57]. Обе даты в одинаковой степени условны: для их определения привлекаются лишь три изделия: фибулы из Куриловки и Лаврикова Леса, а также пряжка из Салтыковой Девицы. Никакой уверенности, что киевская культура в Подесенье не существовала раньше выпадения в землю этих находок, нет. Период ее образования пока не подтверждается датой ante quem, как, например, в Среднем Поднепровье или на водоразделе Днепра и Дона: верхняя хронологическая граница почепских памятников довольно неопределенна [10].

Подведем краткие итоги. Позднезарубинецкие и киевские древности в наиболее общем виде («при первом приближении») имеют серию черт сходства почти во всех основных характеристиках археологической культуры. Это может служить подтверждением гипотезы В. Н. Даниленко и П. Н. Третьякова о том, что они оставлены родственным населением. Конкретный механизм формирования киевской культуры был, однако, довольно сложным. Ни один из ее южных локальных вариантов не является следствием эволюционного развития местных позднезарубинецких памятников. Среднеднепровские древности типа Казаровичей — Сушков и восточнолевобережные круга Шишино-5 — Шмырево возникают в результате проходивших в конце II — начале III в. этноконсолидационных процессов, приведших к смешению традиций среднеднепровского зарубинецкого населения, оставившего памятники типа Лютежа, и верхнеднепровско-посожского на западе, а также двух родственных групп позднезарубинецких древностей на востоке. В какой-то период времени (в пределах II в. н. э.) почепское население покидает Подесенье. Затем на эту территорию передвигаются откуда-то извне племена, оставившие памятники деснинского варианта киевской культуры. В низовьях Десны в позднеримское время известны, кроме того, поселения, близкие к древностям круга Гриней — Абидни. Киевская культура, таким образом, представляет собой особую археологическую структуру, находящуюся в таком же отношении к позднезарубинецким памятникам, как и сами они к древностям классического зарубинецкого периода. Возникающее в конце II — начале III в. в Среднем Поднепровье и левобережной лесостепи определенное археологическое единство является отражением перегруппировки населения и серии этнических процессов, протекавших в позднезарубинецкой среде.

В предложенной картине, разумеется, не хватает многих деталей. Насущной задачей археологических исследований являются поиски и раскопки позднезарубинецких могильников. Необходимо также закрыть территориальные и хронологические лакуны между киевскими и позднезарубинецкими памятниками в

Среднем Поднепровье и Подесенье. Чрезвычайно слабо изучены пока древности I—III вв. левобережной лесостепи. По этой причине предложенные в статье выводы не окончательны, а представляют собой лишь попытку обобщения сведений определенного этапа изучения памятников зарубинецкой линии развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Даніленко В. М.* Пізньозарубинецкі пам"ятки київського типу//Археологія. 1976. № 19.
2. *Поболь Л. Д.* Археологические культуры железного века Гомельщины. Проблемы происхождения славян//Первая Гомельская областная конференция по историческому краеведению, посвященная 70-летию БССР и КПБ. Гомель, 1989.
3. *Кравченко Н. М., Гороховский Е. Л.* О некоторых особенностях развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья в первой половине I тыс. н. э.//СА. 1979. № 2.
4. *Третьяков П. М.* З історії східних слов"ян у I тисячолітті н. е.//Археологія. 1973. № 10.
5. *Каспарова К. В.* Поздняя фаза зарубинецких могильников//Культуры Восточной Европы I тыс. н. э. Куйбышев, 1986.
6. *Щукин М. Б.* К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций//АСГЭ. 1979. № 20.
7. *Щукин М. Б.* Горизонт Рахны — Лютеж — Почеп: причины и условия образования//Культуры Восточной Европы I тыс. н. э. Куйбышев, 1986.
8. *Максимов Е. В.* Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев: Наук. думка, 1982.
9. *Обломский А. М.* О финале среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры//СА. 1987. № 3.
10. *Обломский А. М., Терпиловский Р. В.* Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые вв. н. э. М., 1990.
11. *Терпиловский Р. В.* Ранние славяне Подесенья. Киев: Наук. думка, 1984.
12. *Некрасова А. Н.* Хронология распространения черняховской культуры в Днепровском лесостепном Левобережье//Археологические исследования в Центральном черноземном районе в XII пятилетке. Белгород, 1990.
13. *Щукин М. Б.* Керамика киевского типа с поселения Лепесовка//СА. 1988. № 3.
14. *Абашина Н. С.* Население Среднего Поднепровья в III—V вв. н. э. (по материалам киевской культуры): Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1986//Архив ИА АН УССР.
15. *Бидзиля В. И., Пачкова С. П.* Зарубинецкое поселение у с. Лютеж//МИА. 1969. № 160.
16. *Обломский А. М.* Культурно-типологические группы позднезарубинецких памятников Подесенья и их взаимоотношения с деснинским вариантом киевской культуры//Культуры Восточной Европы I тыс. н. э. Куйбышев, 1986.
17. *Горюнова В. М., Романова Г. А., Щеглова О. А.* Поселения Верхнестриженское-2 и 3 у с. Сибереж Черниговской обл.//Первая Гомельская областная научная конференция по историческому краеведению, посвященная 70-летию БССР и КПБ. Гомель, 1989.
18. *Кухарська О. М., Обломський А. М.* Матеріали перших століть н. е. на поселенні Мена-5 у Середньому Подесенні//Археологія. 1988. № 62.
19. *Козак Д. Н., Терпиловський Р. В.* Про культурно-історичний процес на території України в першій чверті I тис. н. е.//Археологія. 1986. № 56.
20. *Амброз А. К.* К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н. э.//СА. 1964. № 1.
21. *Заверняев Ф. М.* Почепское селище//МИА. 1969. № 160.
22. *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.; Л.: Наука, 1963.
23. *Зеленецька І. Б.* Нове поселення зарубинецького типу в Подесенні//Археологія. 1980. № 33.
24. *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981.
25. *Афанасьев Г. Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры)//Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М.: Наука, 1987.
26. *Обломский А. М.* О начальной дате сейминско-донецкого варианта киевской культуры//Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Киев: Наук. думка, 1987.
27. *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже н. э. Киев: Наук. думка, 1972.
28. *Максимов Е. В.* Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев: Наук. думка, 1982.
29. *Циндровська Л. О.* Про деякі типи фібул перших століть н. е. на Середньому Подніпров"ї//Археологія. 1982. № 37.
30. *Гороховський Є. Л.* Підковоподібні фібули Середнього Подніпров"я з вимчастою емаллю//Археологія. 1982. № 38.
31. *Сымонович Э. А.* Раннесредневековое поселение Тазово под Курском//СА. 1986. № 4.
32. *Терпиловский Р. В.* Киевская культура//Этнокультурная карта территории УССР в I тыс. н. э. Киев: Наук. думка, 1985.
33. *Михельбертас М. М.* Литовское Понеманье в I—V вв. н. э. Дис. докт. ист. наук. Вильнюс, 1985//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 2369.
34. *Кропоткин А. В., Обломський А. М.* Про етнокультурну ситуацію на вододілі Дніпра та Дону у III—V ст. н. е.//Археологія. 1990. № 2.

35. *Обломский А. М.* Памятники «зарубинецкой линии развития» на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н. э.//Археологические исследования в Центральном черноземном районе в XII пятилетке. Белгород, 1990.
36. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. 1981. Вып. Г1—12. Ч. 2.
37. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. 1982. Вып. Г1—12. Ч. 3.
38. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. 1978. Вып. Г1—12. Ч. 1.
39. *Кухаренко Ю. В.* Могильник Брест-Тришин. М.: Наука, 1980.
40. *Madyda R.* Sprzaczki i ocucia pasa na ziemiach Polskich w okresie rzymskim//MSW. 1977. T. IV.
41. *Скрипкин А. С.* Нижнее Поволжье в первые вв. н. э. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1984.
42. *Гушина И. И.* Население сарматского времени в долине р. Бельбек в Крыму//Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
43. *Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И.* Могильник Скалистое-3 в Юго-Западном Крыму//СА. 1976. № 4.
44. Античные государства Северного Причерноморья//Археология СССР. М.: Наука, 1984.
45. *Гороховский Е. Л.* Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья//Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: Наук. думка, 1982.
46. *Обломский А. М., Гороховский Е. Л.* О дате Мощинского и Межигорского кладов//Проблемы древнейшей истории Верхнего Поочья: Тез. докл. 1-й Калуж. историко-археологической конф. Калуга, 1986.
47. *Гороховский Е. Л.* Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н. э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: Автореф. дис. канд. ист. наук. Киев, 1988.
48. *Кренке Н. А., Сулержицкий Л. Д.* Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища//КСИА. 1988. № 194.

Институт археологии РАН,
Москва

A. M. OBLOMSKY

ON THE ROLE OF LATE ZARUBINTSY CULTURE IN FORMATION OF KIEV CULTURE IN THE MIDDLE DNIEPER BASIN AND ON THE LEFT BANK OF THE DNIEPER

Summary

After the late Zarubintsy sites were outlined as an independent culture a question of their relations with the Kiev-type antiquities was raised. Generally the materials of the mid 1st and the 2nd cent. A. D. and the early Kiev culture have some common features in their pottery, housebuilding, enviromental conditions and structure of the settlements; so they could be left by the related tribes. The process of formation of Kiev culture was complicated enough. The Middle Dnieper variant of it emerged in the late 2nd — early 3d cent. after mixture of the two groups — Lutezh-type and Grini-type. The Seim-Donets variant was formed in the same time on the basis of the two archaeological units located in the eastern part of the left bank of the Dnieper and in the Seversky Donets basin. The Desna variant of Kiev culture came to life somewhere out of the Desna basin, as its connections with local Pochepy-type antiquities is minimal. Thus Kiev culture emerged as a result of mixing late Zarubintsy tribes during a series of ethnic processes. Consequently, it became a new archaeological culture, connected with late Zarubintsy, similarly to the connection of Kiev culture with classical Zarubintsy antiquities.

К. А. СМИРНОВ

ЖИЛИЩЕ НА ГОРОДИЩЕ У Д. ЛЕСНИЧИНО НА Р. ВАЗУЗЕ

Жилище относится к числу важнейших элементов материальной культуры любого общества. Оно позволяет судить о ряде сторон жизни: об экономике, строительном искусстве, общественном строе, культурных традициях. Поэтому понятен интерес археологов к остаткам жилых сооружений. К сожалению, как правило, удается изучить только отдельные незначительные детали построек. У населения лесной полосы Восточной Европы в I тыс. до н. э.— I тыс. н. э. для сооружения жилищ использовались главным образом органические материалы, которые, как правило, не сохранились. Дошедшие до нашего времени детали малочисленны и дают отрывочную информацию. Надо отметить, что при раскопках поселений в лесной полосе далеко не на всех были найдены остатки жилищ, а в тех случаях, когда их детали удалось обнаружить, число выявленных построек было значительно меньше, чем можно было ожидать. Число поселений, где при раскопках было выявлено количество построек, близкое к реальному, невелико. Но, несмотря на фрагментарность находок, есть возможность выделить разные типы жилищ и разные строительные традиции для определенных периодов и районов. Поэтому чрезвычайно важен учет всего имеющегося материала, особенно относящегося к раннему этапу жизни городищ.

В связи с этим большой интерес представляет жилая постройка, обнаруженная при исследовании городища у д. Лесничино в низовьях р. Вазузы (приток Волги). Городище расположено на левом берегу реки, на мысу, образованном долиной реки и оврагом.

По комплексу находок оно должно быть отнесено к городищам дьякова типа и входит в число наиболее западных. Городище сильно разрушено, особенно верхний слой, естественными природными процессами и деятельностью человека.

Культурный слой на городище в разных местах имеет различную толщину — от 0,25—0,30 м в центре на водоразделе до 1—1,20 м у западного края площадки, где слой достигает наибольшей мощности. В этой части городища были обнаружены остатки построек и найдена большая часть находок. У восточного края площадки, со стороны реки мощность слоя достигает 0,90 м. Здесь также были обнаружены детали построек, но по сравнению с западной частью худшей сохранности. Это, по-видимому, обусловлено тем, что со стороны реки площадка разрушалась интенсивнее, чем со стороны оврага. Малая мощность культурного слоя в центре площадки объясняется тем, что, как было установлено в процессе раскопок, она не застраивалась, поэтому культурный слой в центре поселения отлагался в меньшем количестве.

На городище было выявлено три слоя, которые, судя по находкам, отложились в разные периоды. Наибольший интерес представляет нижний слой, в котором были обнаружены остатки жилой постройки, прослеженные в виде отложений на материке и в виде канав и столбовых ям в материке. Наиболее полное представление об устройстве постройки дают ее детали, прослеженные в западной части городища (рис. 1). Здесь были обнаружены две канавы, проходящие параллельно краю площадки. Одна канава была прослежена на протяжении 14 м. В северной части она распадалась на две канавы, которые располагались парал-

© К. А. Смирнов, 1992 г.

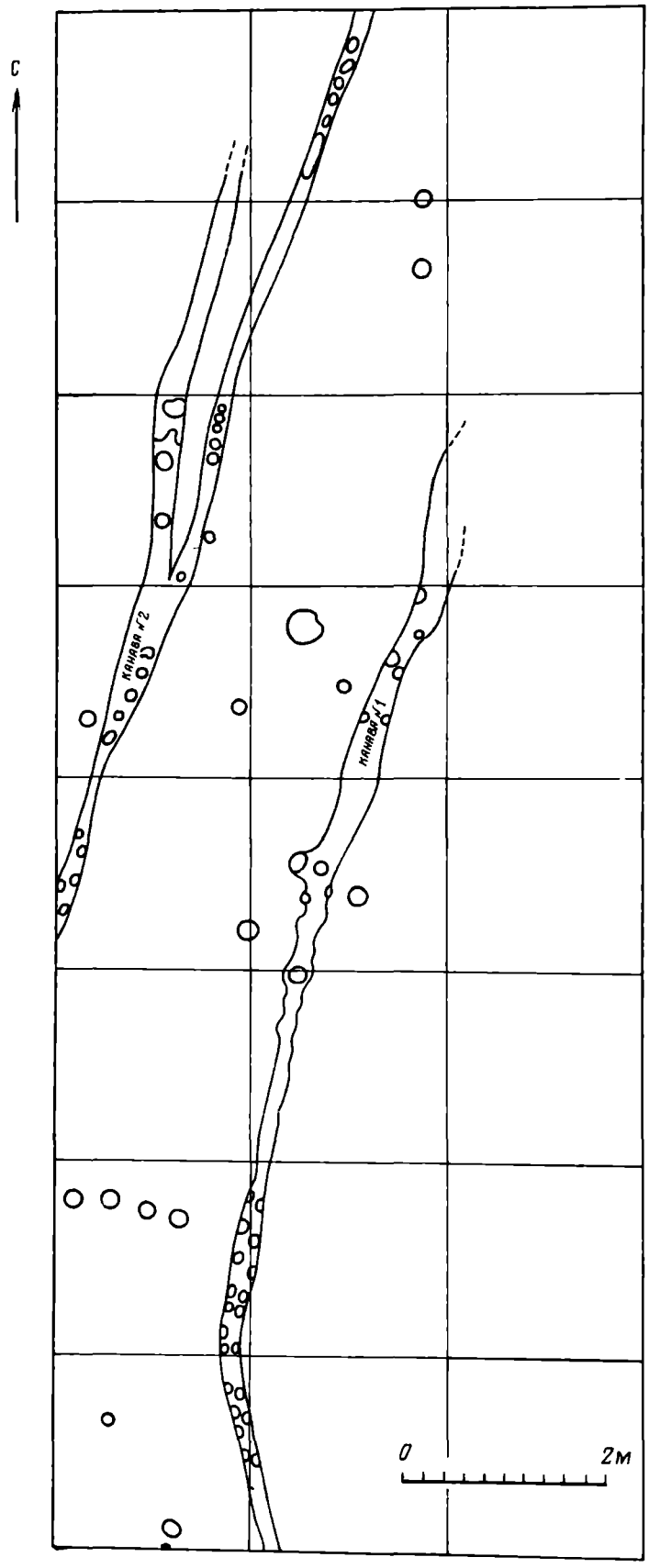


Рис. 1. Городище Лесничино. Детали постройки в западной части площадки

лельно. По-видимому, это является результатом ремонта постройки, когда новую стену частично поставили точно на место старой, частично рядом. В северной части глубина канавки уменьшается и она исчезает, что можно объяснить только тем, что еще в древности на городище производилась планировка и часть слоя вместе с поверхностью материка была удалена с площадки. Ширина канавки колеблется в пределах от 0,15 до 0,40 м, а глубина от 0,15 до 0,35 м. В южной части в ней были прослежены столбовые ямы, расположенные в два ряда.

На расстоянии 2,40—2,80 м к востоку (считая от внешнего края канавы) на протяжении 12 м была прослежена вторая канава. В северной части глубина ее уменьшается и она исчезает, так же как и параллельная ей западная. Ширина канавки колеблется в пределах от 0,15 до 0,40 м, а глубина от 0,10 до 0,30 м. Вдоль стенок канавки были прослежены два ряда вертикальных столбиков. Местами проследить их не удалось, что обусловлено плохой сохранностью стенок. У восточного края площадки были обнаружены две аналогичные канавки. На дне были ямки от столбиков, расположенных в два ряда. Расстояние между канавками 3,60 м. Они были прослежены на небольшом протяжении, так как восточный край городища сильно разрушен рекой.

Проследить канавки на всем протяжении не удалось из-за нарушений культурного слоя, а в северной части площадки из-за того, что часть слоя и поверхность материка были удалены в древности. В южной части площадки была обнаружена одна канавка с двумя рядами столбовых ям. К югу от канавки, параллельно ей, проходил небольшой ров шириной 2,70 м и глубиной 0,80 м. Ров отделял мыс от поля и, судя по стратиграфии, несомненно, связан с постройкой.

Постройка хорошо прослеживалась в разрезах (рис. 2). Надо отметить, что поверхность материка, которая в древности являлась полом сооружения, имеет сильный уклон к западу, к оврагу. Уклон в настоящее время на расстоянии около 2 м превышает 0,40 м. Однако в древности, в эпоху жизни на городище, он, вероятно, был меньше. По мере того как овраг развивался, происходило искривление слоев.

Судя по профилям, рассматриваемая постройка является наиболее ранней на городище. Слой, относящийся к периоду ее существования, перерезанный канавками, лежит непосредственно на поверхности материка, как между канавками, так и за их пределами. Слой представляет собой глину с примесью угля и многочисленными гумусными и зольными вкраплениями. Мощность его 0,08—0,20 м. Этот слой перекрыт слоем времени гибели постройки, который заполняет канавки и полностью перекрывает нижний слой. Он состоит из угля и глины. Его мощность (помимо канавок) колеблется в пределах 0,05—0,18 м. Выше залегают прослойки глины и песка. По-видимому, они образовались после разрушения постройки, когда люди на мысу не жили, и состоят из породы, смытой с более высоких мест дождями и талыми водами. Это слой запустения. Надо также отметить, что при расчистке постройки были найдены угли ясеня. Определение дерева было произведено в лаборатории Института археологии АН СССР Г. Н. Лисицыной.

Сооружение можно реконструировать следующим образом. На площадке, выбранной для поселения, были выкопаны две параллельные канавки и в их дно вбиты столбики толщиной 8—15 см. По-видимому, первоначально они стояли в один ряд. Второй ряд появился после ремонта. Свободное пространство канавок было заполнено глиной и утрамбовано. Столбики были оплетены лозой и обмазаны глиной. О наличии глиняной обмазки позволяет судить слой, относящийся к постройке, поскольку он в значительной степени состоит из глиняных прослоек, чередующихся с прослойками супеси, золы и угля. Судя по углям, найденным при расчистке, для постройки был использован ясень, вероятно, наряду с другими породами. Между канавками и рядом с ними было обнаружено большое количество столбовых ям, из которых одни относятся к рассматриваемой постройке, другие — к более позднему времени. По-видимому, с постройкой должны быть сопоставлены

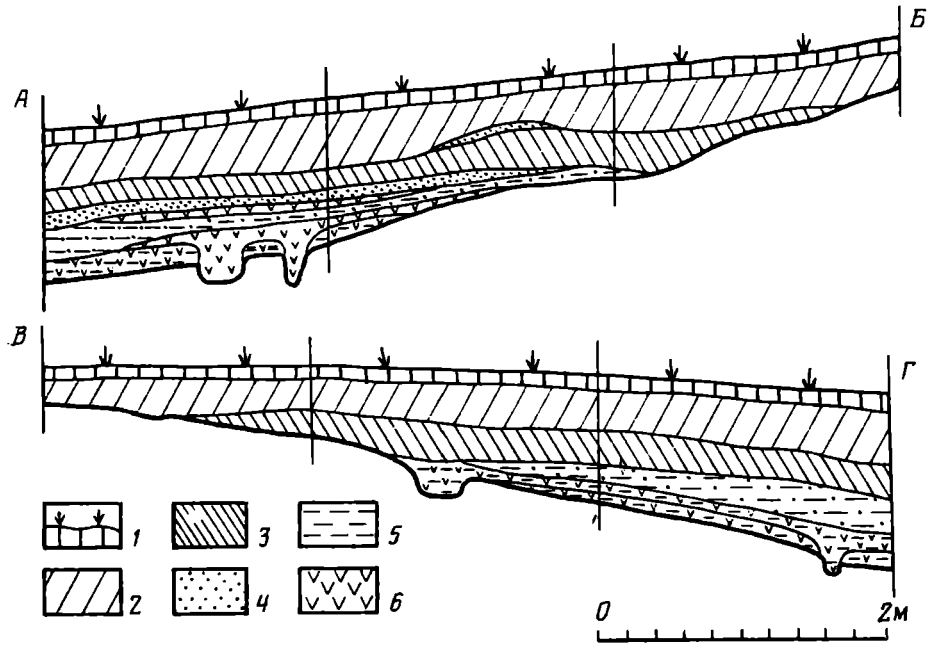


Рис. 2. Профиль постройки. *1* — дерн; *2* — светлая супесь; *3* — темная супесь; *4* — песок; *5* — глина; *6* — уголь

ямы, имеющие глубину 0,35—0,40 м, достаточную для того, чтобы прочно удерживать вертикальный столб. Такие ямы четко выделяются среди прочих оставшихся от столбов, вбитых с более позднего горизонта. Однако хотя столбовые ямы, сопоставимые с постройкой, выделяются довольно четко, понять их конструктивную роль трудно.

Нет оснований говорить о делении постройки на отдельные камеры. Трудно сказать, представляла ли она ряд помещений с выходами на площадку или это было жилище в виде коридора. В пространстве между канавками было обнаружено большое количество угля, как в виде мелких вкраплений, так и в виде прослоек. Несомненно, это остатки сгоревшей постройки и относившихся к ней очагов. Это были небольшие костры, не имевшие каменной обкладки. Говорить о наличии в жилище нар нет оснований. Каких-либо конструкций, которые могли бы быть с ними сопоставлены, найдено не было. На плетеные стены они опираться не могли.

По-видимому, один раз сооружение перестраивалось. Об этом можно судить по наличию в канавке второго ряда кольев и по делению одной канавки на две.

С постройкой могут быть сопоставлены некоторые находки. Самой многочисленной категорией находок является керамика. Всего при раскопках было найдено 3014 фрагментов, из них 12% составляют обломки с сетчатой поверхностью, 4% — со штрихованной и 84% с гладкой.

Основная масса керамики находилась в нижней части верхнего слоя и в среднем слое. В нижнем ее было значительно меньше. Соотношение гладкой, сетчатой и штрихованной керамики в разных слоях примерно одинаковое. В какой-то мере это, по-видимому, обусловлено тем, что слой имеет многочисленные нарушения, но вместе с тем, несомненно, разница в процентном соотношении керамики в разных слоях была невелика. Среди гладкой лепной керамики часть имеет орнаментацию.

Особо следует коснуться сетчатой керамики. В разных слоях она составляет примерно одинаковый процент всего керамического материала. Для сетчатой керамики этого памятника характерен небрежный оттиск сетки поверхности сосуда, рисунок оттиска часто плохо различим. Значительные участки поверхности сосудов совсем не имели оттисков сетки. Это явление, в какой-то мере отличающее

памятник от более восточных, где процент фрагментов с четкими оттисками обычно высок, по-видимому, обусловлено расположением городища на западной границе ареала сетчатой керамики.

Анализ материала показал, что приблизительно 20% фрагментов имеют сетку, нанесенную путем наложения ткани или шнура на сырую глину. Надо отметить, что пять фрагментов одного сосуда с сеткой, нанесенной при помощи ткани, были найдены на уровне пола рассматриваемой постройки. Около 80% фрагментов имели сетку, нанесенную при помощи гребенчатого штампа. Среди них встречаются образцы, имеющие аналогии в ранних слоях городищ Верхней Волги.

На сетчатой керамике встречаются следующие виды орнамента: прорезной, гребенчатый, тычковый, ямочный. Судя по тому, что фрагменты верхних частей сосудов в большинстве случаев орнаментированы, можно предположить, что большинство сосудов имело орнаментацию. Чем объяснить малое количество керамики в слое постройки, сказать трудно. Возможно, что в этот период большую роль играла хозяйственная утварь из органических веществ — дерева, бересты.

При раскопках на городище были найдены восемь «грузиков дьякова типа» и их обломки. Надо отметить, что с рассматриваемой постройкой ни один из них не может быть связан. По-видимому, в эпоху существования постройки «грузики» в этом районе еще не бытовали. Все найденные предметы имели хорошо развитую форму. Грузиков ранних форм на городище найдено не было.

В слое постройки обнаружены два костяных наконечника стрел, одношипный и двушипный. Оба они имеют сильно вытянутую правильную форму и хорошо заполированы. Все это позволяет относить их к раннему времени, но для определения абсолютных дат они не годятся. Был найден обломок костяной грибовидной рукоятки ножа. Такие рукоятки обычно встречаются в слоях середины I тыс. до н. э. [1, с. 39]. Обычной находкой на памятниках лесной полосы, относящихся ко времени до рубежа н. э., являются проколки, представляющие собой тонкие кости с заостренным концом. В слое постройки их было обнаружено две.

Особого упоминания заслуживает длинная бронзовая игла с ушком. При расчистке постройки были найдены четыре обломка литейных форм: два обломка форм для отливки браслетов, два вкладыша от форм для отливки кельтов акозинско-миларского типа и льячка. Хотя типология и хронология ананьинских и акозинско-миларских кельтов хорошо разработана А. Х. Халиковым, на основании вкладыша формы можно указать только суммарную дату VIII—VI вв. до н. э. [2, с. 108, 123—136].

Таким образом, имеющиеся находки позволяют отнести постройку ко второй четверти — середине I тыс. до н. э. Примитивный характер сооружения, по-видимому, позволяет отнести его к более раннему времени. Постройки, близкие по устройству к рассматриваемой, известны в лесной полосе. Наиболее близкой по времени, фактически, по-видимому, одновременной, является постройка, исследованная на городище Кузина Гора на р. Сейм А. Е. Алиховой. Постройка, так же как и рассматриваемая, расположена на мысу над рекой. От нее сохранились две канавы в материке, в которых были установлены вертикальные столбы [3, с. 197]. Надо отметить, что в первой публикации А. Е. Алихова писала, что открытые ею канавы аналогичны тем, которые Б. Н. Граков обнаружил на Каменском городище: «От этой постройки сохранились канавы, аналогичные канавам на скифском Каменском городище, описанном Б. Н. Граковым» [3, с. 198].

При такой формулировке может сложиться впечатление, что при исследовании Каменского городища было найдено сооружение, аналогичное постройке на городище Кузина Гора. Однако это не так. На Каменском городище канавки являются остатками прямоугольных построек. По мнению Б. Н. Гракова, в канавки устанавливались или вертикальные столбы, или плетень. Плетень не имел обмазки [4, с. 179—181, 185].

Постройка на городище Кузина Гора по сравнению с рассматриваемой мною больше и фундаментальнее. По мнению А. Е. Алиховой, на площадке поселения по ее периметру располагались два дома, разделенных двумя въездами со стороны поля и с мыса. Ширина дома равнялась 4 м. Внешняя канава достигала глубины 0,90 м, и в ней, по мнению автора, были установлены вертикальные столбы. Внутренняя стена имела несколько другое устройство. Следы перегородок, деливших постройку на отдельные камеры, проследить не удалось. Не были также обнаружены очаги внутри постройки. Судя по опубликованным материалам, городище было исследовано не полностью [5, с. 88]. Судя по плану, первоначально границей поселка была внешняя стена постройки, потом потребовалось дополнительное усиление и были установлены ряды частокола.

Время постройки А. Е. Алихова определила по найденным при раскопках фрагментам чернофигурных аттических сосудов VI—V вв. до н. э. и обломкам ионийских амфор VI в. до н. э. [3, с. 200]. Интересно отметить, что один фрагмент чернофигурного сосуда был найден на дне внешней канавы. Постройка аналогичной планировки была исследована при раскопках на Троицком городище на р. Москве [6, с. 136].

После удаления культурного слоя на площадке городища были обнаружены остатки наиболее ранней постройки. Она была окружена рвом. На основании столбовых ям Р. Л. Розенфельдт реконструировал постройку следующим образом. На площадке вдоль рва тремя рядами располагались столбовые ямы. Между двумя внешними рядами столбов помещались горизонтально положенные бревна, которые как бы составляли два бревенчатых панциря стены, между которыми были уложены куски дерева и глины. По мнению исследователя, стена служила основанием для частокола, который был установлен вплотную к внешнему панцирю. Верхний конец бревен, вероятно, был заострен. Общая высота укреплений должна была быть не менее 5 м, чтобы человек, вставший ногами на спину лошади, не мог достать руками до края стены [6, с. 138]. Это укрепление являлось задней стеной кольцевой постройки. Перекрытие опиралось одним концом на оборонительную стену, а другим — на третий ряд столбов, установленных на расстоянии 4—5 м. Перекрытие, по-видимому, представляло собой накат, поверх которого были уложены кора и дерн. Сооружение было разделено на камеры стенками из горизонтально уложенных жердей, зажатых между попарно установленных столбов небольшого диаметра. При расчистке сооружения были обнаружены остатки очагов без обкладки камнями. Часть помещений без очагов, по мнению Р. Л. Розенфельдта, могла использоваться в качестве стойл для скота. Исследователь датировал постройку рубежом — началом I тыс. н. э. [6, с. 139].

А. Ф. Дубынин начало жизни на городище и возведение рассматриваемого сооружения относил к IV—III вв. до н. э. [7, с. 57]. Дата, предложенная А. Ф. Дубыниным, представляется более правильной.

Нельзя не назвать сооружение, обнаруженное Т. Н. Никольской на городище Николо-Ленивец на р. Угре [8, с. 221]. Она определяет его как «большое строение подковообразной формы» [8, с. 228]. Однако приведенный ею план [8, с. 222] дает основание предположить, что холм, на котором помещалось поселение, был в какой-то период сильно разрушен р. Угрой и площадка сохранилась примерно на $^2/_3$. Трудно предположить, чтобы постройка упиралась в обрыв, который, судя по обозначениям на плане, разрушается и в настоящее время. Представляется вероятным, что первоначально постройка окружала площадку. Пол постройки был слегка углублен, стены, по-видимому, имели столбовую конструкцию. Были обнаружены остатки поперечных перегородок, разделявших сооружение на отдельные камеры. Внутри были найдены остатки очагов открытого типа. Т. Н. Никольская датирует разрушение постройки примерно рубежом нашей эры [8, с. 222]. Вместе с тем она отмечает, что в слое были найдены обломки бронзовых пластинчатых браслетов времени Латена II, датируемых III—II вв. до н. э.

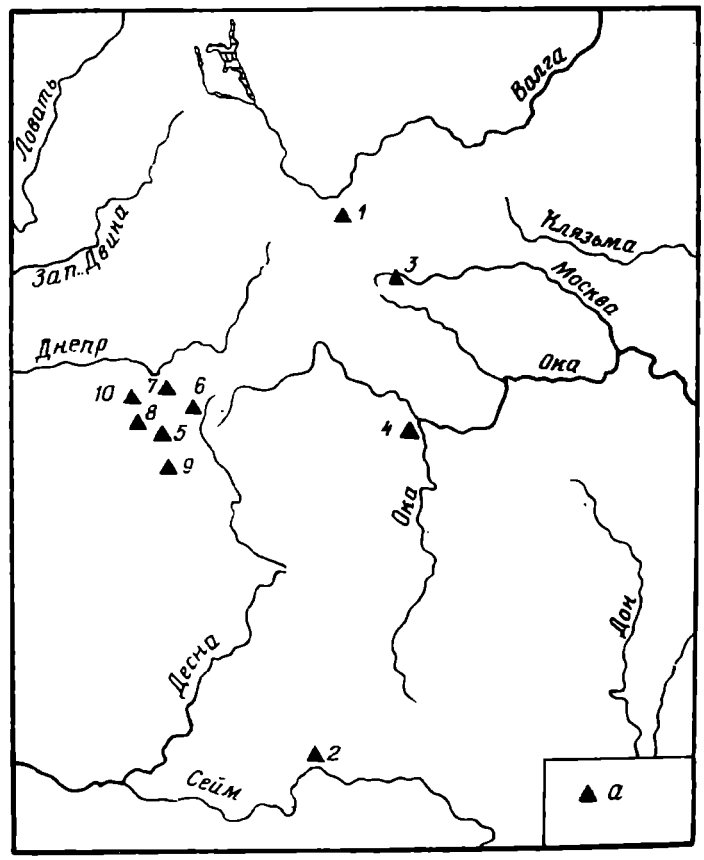


Рис. 3. Городища: *1* — Лесничино; *2* — Кузина Гора; *3* — Троицкое; *4* — Николо-Ленивец; *5* — Тушемля; *6* — Городок; *7* — Вошкино; *8* — Слобода Глушица; *9* — Устье; *10* — Новые Батеки

Нельзя не упомянуть группу городищ (рис. 3), исследованных П. Н. Третьяковым на р. Сож. Из них наиболее полно было раскопано и лучше всех сохранилось городище Тушемля, которое исследователь датировал концом I тыс. н. э. [9, с. 11]. На поселении кольцевая постройка окружала площадку, на которой размещалось святилище. Аналогичные сооружения были найдены исследователем на ряде памятников. Надо отметить постройку на городище у д. Городок, которая, по мнению П. Н. Третьякова, имела двухскатную крышу [9, с. 99].

Аналогичные сооружения были найдены и на городищах у д. Вошкино [9, с. 103], у д. Слобода Глушица (датируется третьей четвертью I тыс.) [9, с. 108], на селище у д. Устье. Все перечисленные сооружения датируются второй половиной I тыс.

К более раннему времени относится сооружение, исследованное Е. А. Шмидтом на городище у д. Новые Батеки. В основании культурных отложений были обнаружены остатки постройки, по-видимому, столбовой конструкции. Она имела ширину от 3 до 3,5 м и была прослежена на протяжении 24 м. От постройки сохранились столбовые ямы, прослойки золы на полу и очаги. По мнению исследователя, это было сооружение, одновременно являвшееся и укреплением и жилищем [10, с. 149]. На основании находок оно должно быть отнесено ко времени VI—III вв. до н. э. [10, с. 174].

Таким образом, жилая постройка, исследованная на городище у д. Лесничино, имеет многочисленные аналогии разного времени. Наиболее близкими являются постройки на городищах Кузина Гора, Николо-Ленивец, Троицкое и у д. Новые Батеки. Последнее сохранилось хуже других. Сооружения на городищах второй половины I тыс. н. э. удалены хронологически и, по-видимому, были связаны со святилищами — возможно, не все.

Из сооружений I тыс. до н. э. постройка на городище Лесничино производит впечатление наиболее примитивной. Она представляет собой загон для скота, вдоль стены которого пристроены помещения для людей.

Большая роль скотоводства в этот период известна. Об этом свидетельствует остеологический материал с городищ лесной полосы [11, с. 66]. Находки с городища Лесничино свидетельствуют о занятии населения скотоводством: 76% костей принадлежит домашним животным — крупному рогатому скоту, лошади, свинье, мелкому рогатому скоту. Постройка, представлявшая собой сооружение из плетня (колья, оплетенные лозой и обмазанные глиной), предназначалась, вероятно, для защиты скота не столько от врагов, сколько от диких животных.

Постройка на городище Кузина Гора, существовавшая одновременно или даже немного раньше, представляет собой гораздо более мощное фортификационное сооружение.

Переделки свидетельствуют о том, что требования к оборонительным сооружениям повышались довольно быстро. По-видимому, это было обусловлено близостью городища к степи, где жили кочевники. Происходившие там войны вызывали перемещение населения в полосе лесостепи и в южной части лесов. В районе Верхней Волги, на Вазузе эти события, вероятно, оказывали слабое влияние на ход жизни местного населения.

Во второй половине I тыс. до н. э. положение в лесной полосе, по-видимому, изменилось. Троицкое городище, возникшее в IV—III вв. до н. э., удалено от степи в такой же мере, как и городище Лесничино. Однако постройка на Троицком городище представляет собой мощную крепость, рассчитанную на отражение нападения врагов.

Судя по рассмотренному материалу, кольцевые постройки, которые можно назвать «жилыми стенами», к рубежу н. э. выходят из употребления повсеместно, кроме городищ Смоленщины, где они сохранялись до конца I тыс. н. э. На остальной территории они сменились прямоугольными жилищами столбовой или срубной конструкции. По-видимому, наличие жилищ разного устройства у населения Волго-Окского междуречья в ранний период дьяковской культуры обусловлено тем, что в ее формировании участвовали различные группы населения с различными культурными традициями. Наряду с «жилыми стенами» в этот период существовали многокамерные «длинные дома», не связанные с укреплениями, круглые жилые постройки, прямоугольные дома. К рубежу н. э. на всей территории Волго-Окского междуречья господствующей формой жилища становятся прямоугольные дома столбовой или срубной конструкции. По-видимому, это, с одной стороны, связано со сложением на этой территории относительно однородного населения, с другой — с процессами социального характера, связанными с разложением общинно-родовых отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Смирнов К. А.* Дьяковская культура//Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
2. *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII—VI вв. до н. э. М.: Наука, 1977.
3. *Алихова А. Е.* Особый тип сооружений на городище Кузина Гора//СА. 1958. № 3.
4. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре//МИА. 1954. № 36.
5. *Алихова А. Е.* Древние городища Курского посеймья//МИА. 1962. № 113.
6. *Розенфельдт Р. Л.* К вопросу об оборонительных сооружениях Троицкого городища//МИА. 1970. № 156.
7. *Дубынин А. Ф.* Троицкое городище//МИА. 1970. № 156.
8. *Никольская Т. Н.* Городище у д. Николо-Ленивец//СА. 1962. № 1.
9. *Третьяков П. Н.* Древние городища Смоленщины//Древние городища Смоленщины. М.; Л.: 1963.
10. *Шмидт Е. А.* Городище у д. Новые Батеки//Древние городища Смоленщины. М.; Л.: 1963.
11. *Цалкин В. И.* К истории животноводства и охоты в Восточной Европе//МИА. 1962. № 107.

Институт археологии РАН,
Москва

K. A. SMIRNOV

A DWELLING AT THE FORTIFIED SETTLEMENT NEAR THE LESNICHINO VILLAGE ON VAZUZA RIVER

Summary

During the investigations of the fortified settlement near the Lesnichino village on Vazuza river (the tributary of Volga) in the lower part of the cultural deposit the ruins of a construction were discovered. It encircled the territory of the settlement leaving its centre free. The traces of the construction consisted of pole-pits, little trenches in the virgin soil and the layers of clay, charcoal and ash. The reconstruction of this building is presented. On the place chosen for the settlement two parallel little trenches were dug, then vertical poles 8—15 cm thick were placed in them. This was the base for the wattle-and-daub construction. The author found no traces of any walls dividing the building in some parts. It served as fortification and dwelling either. The set of finds is typical of the sites of Dyakovo type. After the analysis of stratigraphy and the finds, the author dated the building to the second quarter of the 1st millenium B. C. Similar constructions were investigated at the Kuzina Gora (Seym river), Troitskoye (Moskva river) and Nikolo-Lenivets (Ugra river) fortified settlements dated to the 1st millenium B. C. and at the group of sites on the Sozh river dated to the 1st. millenium B. C.

В. В. ЕНУКОВ

ПСКОВСКИЕ И СМОЛЕНСКИЕ ДЛИННЫЕ КУРГАНЫ
(по данным погребального обряда)

Обширная территория на северо-западе Восточной Европы во второй половине I тыс. до н. э. характеризуется появлением специфических погребальных памятников — длинных курганов. Они известны от верховьев Сожа и Белорусского Подвинья на юге до верховьев Луги на севере, от Юго-Восточной Эстонии и Подисенья на западе до верховьев Волги на востоке. В литературе длинные курганы обычно подразделяют на смоленские и псковские. Смоленские занимают южную часть ареала (Смоленское Поднепровье и Белорусское Подвинье), псковские — превосходящую по размерам северную.

Ряд признаков помимо чисто территориальных отличает псковские длинные курганы от смоленских (далее — ПДК и СДК). Это проявляется уже в их ландшафтной приуроченности, а также ориентации насыпей. ПДК чаще всего возводились на высоких боровых песчанистых местах, нередко в удалении от воды, на расстоянии 0,5—3,5 км, причем насыпи обычно располагались параллельно дорогам и водоемам [1, с. 14]. Необходимым условием для СДК является расположенный рядом водоем, а длинные насыпи сооружались зачастую перпендикулярно к нему [2, с. 30, 31].

В погребальном инвентаре ПДК отсутствует комплекс украшений, характерный для СДК (височные кольца с серповидными концами, головные венчики-вайнаги, биэсовидные, трапециевидные, грибовидные и колпачковидные подвески, круглые бляхи и т. д.). В то же время в погребениях ПДК встречены вещи, неизвестные в СДК (например, бляшки-скорлупки, блоковидные кресала) [1, с. 32, 33, табл. XX]. К вещам, известным как в ПДК, так и в СДК, принадлежат предметы, широко распространенные как в территориальном, так и в хронологическом отношении: бронзовые спиральки, футляры для трута, четырехугольные пряжки и некоторые другие. Существенно отличается и керамика, представленная в ПДК крупными слабопрофилированными горшками, в то время как в СДК это небольшие, приземистые, с ярко выраженным высоким плечиком сосуды [1, с. 26].

Две группы памятников различаются и хронологически: ПДК обычно относят к VI—VIII вв. н. э. [1, с. 35; 3, с. 92], СДК — к VIII—X вв. [4, с. 16; 5, с. 119, 121; 6, с. 22]. Нередко в числе характерных черт ПДК называют подошвенные зольно-угольные прослойки, которые связывают с обычаем выжигания площадки перед совершением погребения. Существует, однако, мнение, согласно которому темные прослойки в ПДК имеют естественное происхождение [7].

Таким образом, разделение длинных курганов на псковские и смоленские имеет серьезные основания. В современной историографии есть два решения вопроса об их соотношении, наиболее полно сформулированные в работах двух ведущих по данной проблематике исследователей.

В. В. Седов относит псковские и смоленские длинные курганы к единому культурному массиву. Различия он объясняет тем, что смоленские длинные курганы оставлены славянами, впитавшими в себя местных балтов, тогда как

© В. В. Енуков, 1992 г.

псковские сформировались на основе активных контактов между славянскими переселенцами и прибалтийско-финскими аборигенами [1, с. 39, 40]. Е. А. Шмидт считает, что СДК являются памятниками самостоятельной культуры. Он полагает, что обычай сооружать длинные насыпи мог появиться у разных племен, оказавшихся на одинаковой ступени развития и в одинаковых условиях [8, с. 229].

Настоящая работа посвящена анализу погребальной обрядности длинных курганов с целью ответа на вопрос, связано ли происхождение традиции возведения СДК с памятниками типа ПДК или нет. Для этого были использованы все доступные нам материалы по курганам, раскопанным на снос (рис. 1). Погребальный обряд памятников типа СДК рассматривался в специальной публикации. В ней было проанализировано около 200 курганов, содержащих более 300 погребений. Ряд полученных выводов был использован в настоящей работе [9]. Что касается ПДК, то перед началом исследования необходимо решить один важный в методическом отношении вопрос: надо ли в процессе работы рассматривать круглые курганы, образующие вместе с длинными единые могильники. Нередко их относят к более позднему по сравнению с длинными насыпями времени. Однако известны круглые курганы, синхронные по инвентарю псковским длинным. Объясняются эти случаи «недостроенностью» насыпей до вытянутых пропорций. Но грань между круглыми «достроенными» и круглыми «недостроенными» курганами никак не определена. Таким образом, сравнению ПДК и СДК на уровне отдельных погребений должен предшествовать анализ круглых и длинных псковских курганов, встреченных в рамках общих могильников. В данном случае условно считалось, что круглые курганы имеют соотношение длины и ширины насыпи (l) 1:1,1. Всего в нашем распоряжении оказалось 111 псковских курганов, содержащих 405 погребений, а также 43 бескурганных погребения из Узмени и Съезжего, которые также связывают с кругом памятников типа ПДК [10, 11].

Первоначально сравним псковские и смоленские курганы по абсолютным размерам и пропорциям. В обоих случаях круглые насыпи, сопровождающие длинные, близки по размерам. Их диаметр обычно колеблется от 5 до 10—12 м. Однако длинные курганы существенно различаются, на что в литературе уже обращалось внимание [1, табл. V]. Если среди СДК насыпи длиной более 20 м исключительно редки (всего 3, или 3,4% учтенных в работе курганов вытянутых пропорций), то среди псковских их доля весьма значительна (20 курганов, или 37%).

Гистограммы на рис. 2 дают возможность сравнить псковские и смоленские длинные курганы по соотношению длины и ширины насыпей (l). Среди СДК подавляющее большинство насыпей вытянутых пропорций имеет $l \leq 1{,}5$ (всего 68, или 77,3%), тогда как насыпи с $l > 2$ крайне малочисленны (2, или 2,3%). Иная картина в ПДК. Половина длинных насыпей имела $l > 2$ (26, или 48,1%)[1]. Отметим различную группировку ПДК и СДК на гистограмме. В СДК прослеживается почти прямая зависимость между l, и количеством курганов: чем меньше у них значение l, тем реже они встречаются. В ПДК такая зависимость практически отсутствует. Следовательно, псковские курганы по сравнению со смоленскими гораздо более «длинные» как по пропорциям, так и по абсолютным размерам.

Общее количество погребений в кургане типа смоленских длинных редко превышает 4. ПДК довольно часто содержат по 8—10 захоронений, а в некоторых случаях даже 16 (Северик, кург. 1) и 22 (Линдора, кург. 11). Интересно, что в насыпях круглой формы, расположенных в одних группах вместе с ПДК, нередко размещалось по 2—3, а иногда по 5 (Городня, кург. 11; Козеский лес, кург. 7; Линдора, кург. 9) и даже 7 (Городня, кург. 7; Линдора, кург. 15а) захоронений.

[1] Здесь и в дальнейшем не учитывались l отдельных куганов, насыпи которых были сильно нарушены.

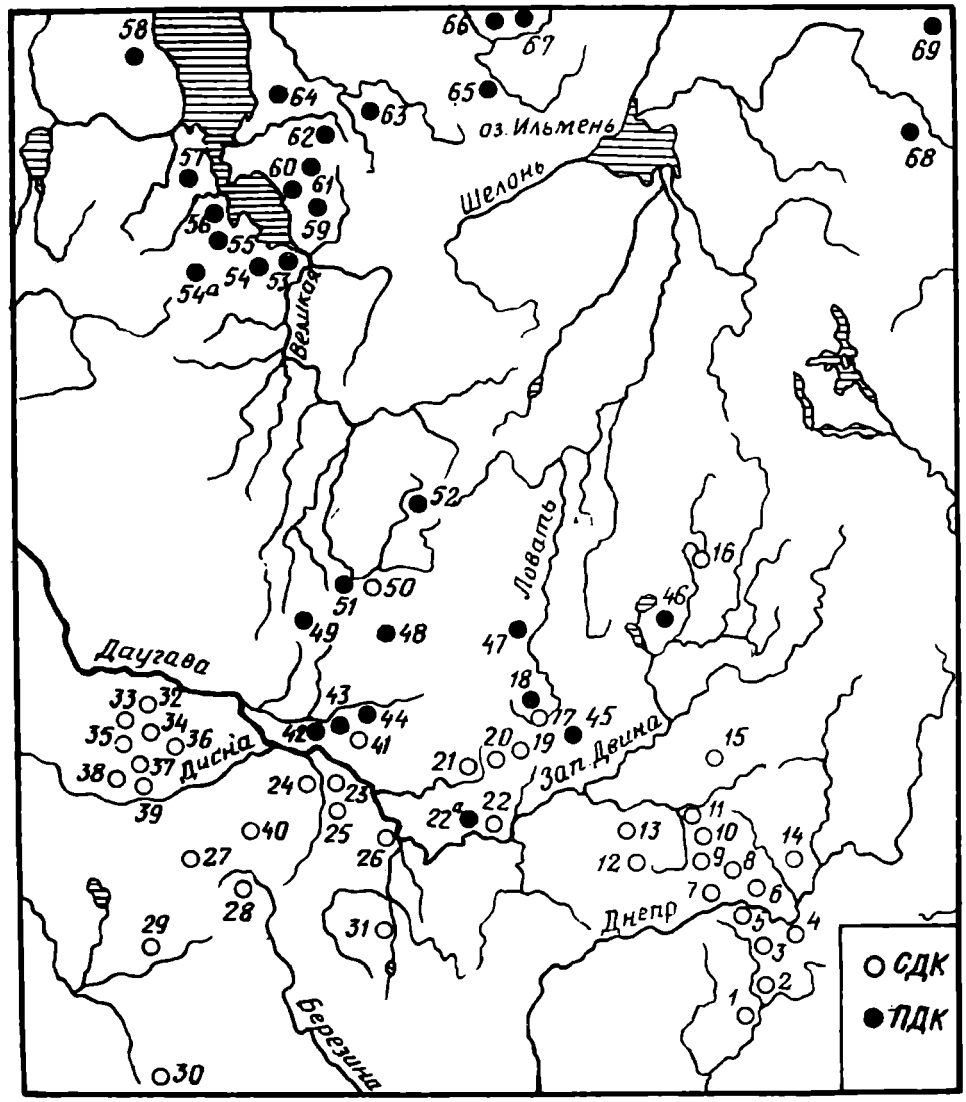


Рис. 1. Памятники типа ПДК и СДК, использованные в работе. *1* — Еловцы; *2* — Слобода Глушица; *3* — Путятинки; *4* — Арефино; *5* — Цурковка; *6* — Колодня; *7* — Василевщина; *8* — Заборье; *9* — Кислая; *10* — Акатово; *11* — Дроково; *12* — Заозерье; *13* — Ковали; *14* — Ярцево; *15* — Шугайлово; *16* — Торопец 2; *17* — Дорохи II; *18* — Дорохи I, III, IV, VI; *19* — Вышадки; *20* — Бескатово; *21* — Смольки; *22* — Старое Село (у городища); *22а* — Старое Село (в лесу); *23* — Глинище; *24* — Рудня; *25* — Плусы; *26* — Селище; *27* — Варганы; *28* — Поречье; *29* — Гурки; *30* — Озерцо; *31* — Слободка; *32* — Браслав; *33* — Рацкий бор; *34* — Бельмонт; *35* — Опса; *36* — Кублищино; *37* — Довбор; *38* — Богин; *39* — Устье; *40* — Свила I; *41* — Борки; *42* — Горовые; *43* — Повалишино; *44* — Атоки; *45* — Узмень; *46* — Михайловское; *47* — Полибино; *48* — Грицково; *49* — Глубокое; *50* — Казиха (группа с кург. 19); *51* — Казиха (группы с курганами 5, 8, 10, 18, 20—22); *52* — Зайцево; *53* — Северик; *54* — Лезги; *54а* — Линдора; *55* — Рысна-Сааре; *56* — Лаоссина II, V; *57* — Арнико III; *58* — Козеский лес; *59* — Володи; *60* — Грядище; *61* — Городня; *62* — Безьва; *63* — Лосицы; *64* — Залахтовье; *65* — Рапти-Наволок; *66* — Мерево III; *67* — Поддубье III; *68* — Плесо; *69* — Съезжее

Зависит ли форма насыпи кургана от количества погребений или нет? В современной литературе имеется два полярных ответа на этот вопрос [1, с. 5; 12, с. 288—291].

Обратимся к графику на рис. 3. Как видно, увеличению в СДК *l* всего на 0,2 неизменно сопутствует увеличение среднего количества погребений, приходящихся на одну насыпь соответствующего интервала. Исключение составляет только интервал с $l = 2{,}2—2{,}3$. Однако неожиданное падение среднего количества погребений в данном случае объясняется очень просто. Участок графика с *l* от 1 до 2,1 отражает данные по 208 курганам, тогда как на заключительный

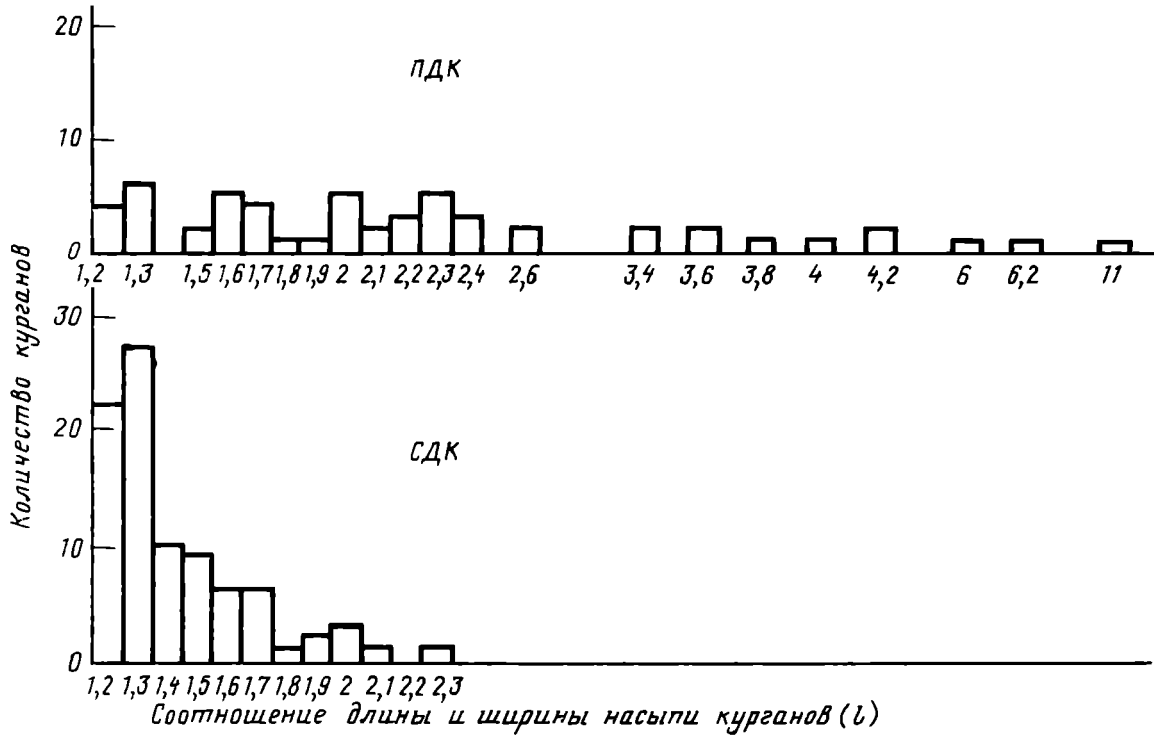


Рис. 2. Пропорции псковских и смоленских длинных курганов

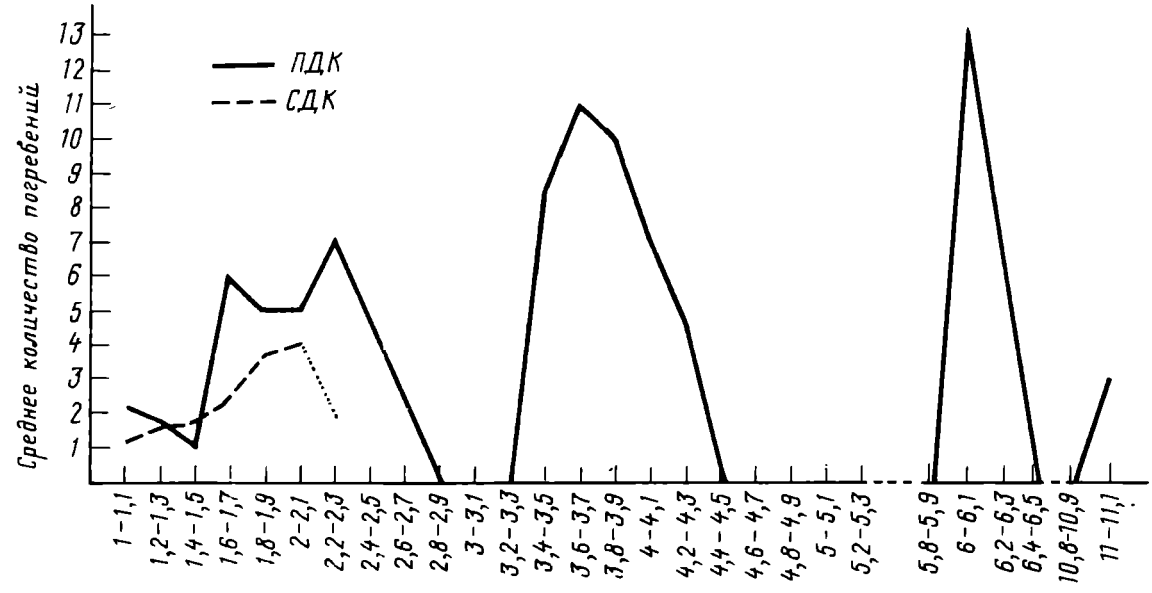


Рис. 3. График зависимости между *l* и средним количеством погребений в ПДК и СДК

интервал (*l* = 2,2—2,3) приходится единственный курган. Вне всякого сомнения, здесь мы имеем дело со случайностью, которой можно пренебречь.

Прямая зависимость формы насыпи от количества погребений позволяет считать, что совершению нового погребения в СДК соответствовал очередной этап возведения насыпи. И действительно, в курганах с несколькими погребениями очень часто стратиграфически, по разному составу насыпи прослеживается поэтапность в сооружении. На это неоднократно указывал Е. А. Шмидт [13, с. 101—103; 14, с. 136]. К насыпям, возведенным в несколько приемов, относятся курганы 2 в Цурковке [15], 1 и 2 в Заборье [16], 3 в Заозерье [17, с. 24, 25], курганы с несколькими захоронениями в Слободе Глушице [18, с. 180], исследованный нами курган 13 в Колодне и др. Следует отметить, что иногда

совершение очередного погребения не приводило к удлинению насыпи. Так, у кургана могла быть выровнена площадка, где помещались остатки трупосожжения, которые присыпались сверху грунтом. Но, во-первых, в данном случае все равно проводились определенные земляные работы, изменявшие форму насыпи, а во-вторых, в подавляющем большинстве курганов совершению нового захоронения все-таки соответствовало увеличение длины насыпи, что доказывает уже рассмотренный график. Таким образом, специфической чертой процесса сооружения СДК являлась *поэтапность*.

Что касается ПДК, то некоторая зависимость между l и средним количеством погребений отмечается (рис. 3). Так, курган с большим количеством захоронений нередко имеет и сравнительно большое значение l. Однако зависимость эта носит отнюдь не такой прямой характер, как в СДК. На графике хорошо видно, что очень часто увеличение l связано не с увеличением, а с уменьшением среднего количества погребений. Была попытка сгладить «ломаную» ПДК, для чего интервал значений l постепенно увеличивался от 0,2 до 1, однако общая картина от этого не изменилась. Отсюда следует предположение, что для ПДК характерной чертой является *отсутствие поэтапности* в сооружении в том виде, в каком она имела место в СДК.

Отсутствие поэтапности в ПДК подтверждается полевыми наблюдениями. Хорошо известны длинные курганы с большим количеством погребений, сооруженные в один прием. Это курганы 8 и 22 в Казихе (22×10 м, 5 погребений и 31,7×7,5 м, 7 погребений) [19, с. 92, 93, 95], 3 в Лезгах (28×6—7 м, 7 погребений), [20, с. 82], 1 в Грицково (28,5×8,5 м, 6 погребений) [21, с. 55], 1 в Грядище (21×8 м, 2 погребения) [22, с. 148], 1 в Северике (17×10 м, 16 погребений) [22, с. 142], 2 в Лаоссина V (12×5,6 м, 9 погребений) [23, с. 75] и др. Следует отметить, что подавляющее большинство ПДК имели насыпи однородного состава.

Казалось бы, обязательно в несколько приемов должны быть сооружены псковские комбинированные курганы, сочетающие в себе одновременно круглые и длинные насыпи. В настоящей работе их учтено четыре — курганы 13, 14 в Городне, 4 в Глубоком, 3 в Грядище (раскопки С. А. Тараканової), 11 в Лаоссина II. Однако авторы раскопок утверждают, что эти курганы были возведены в один прием [22, с. 152; 23, с. 73; 24, с. 121; 25, с. 5]. Интересно, что захоронения в этих курганах размещены неравномерно, что косвенно подтверждает отсутствие поэтапности в сооружении. Погребения в курганах 13, 14 в Городне (всего 5), 3 в Грядище (3) и 11 в Лаоссина II (6) располагались в круглой части насыпи или в непосредственной близости от нее. Наоборот, единственное погребение кургана 4 в Глубоком было обнаружено в длинной части.

В отдельных случаях под насыпями ПДК прослеживались поперечные углубления, которые трактуются как ровики и рассматриваются в качестве доказательства сооружения таких насыпей в несколько приемов [1, с. 17]. Таких углублений-ровиков бывает 1 (Дорохи III, кург. 5; Рысна-Сааре, кург. 3; Линдора, кург. 11), 2 (Грицково, кург. 18; Рысна-Сааре, кург. 1 и 5), 4 (Володи, кург. 2). Однако по составу насыпи этапы не прослеживались. Это позволило М. Аун предположить, что исследованные ею курганы в Рысна-Сааре были насыпаны в результате единовременного акта, а ровики связаны с материковыми площадками, на которых совершались погребения до сооружения насыпи [26, с. 341; 27, с. 87].

Единственный раз было высказано предположение о сооружении в два этапа встреченного вместе с псковскими длинными круглого кургана на основании того, что он имел двойные концентрические ровики. Это курган 9 в Лаоссина II, содержавший 4 захоронения [28, с. 61, 62]. Однако его насыпь опять-таки однородна по своему составу, а в кургане отсутствовали погребения, которые можно было бы связывать с предполагаемым вторым этапом.

К бесспорным случаям возведения в несколько приемов относятся только четыре кургана типа псковских длинных. Эти случаи лишний раз подтверждают отсутствие в ПДК поэтапности в том виде, в котором она существовала в СДК. Во-первых, количество этапов в сооружении минимально — не более двух. Во-

Название	Отдел I. В ямке										
	тип 1, в материке					тип 2, в насыпи					тип 3
	а	*б*	*в*	*г*	*д*	*а*	*б*	*в*	*г*	*д*	*а*
ПДК	0	12	2	9	96	4	15	7	6	163	0
СДК	29	6	0	14	11	5	0	0	1	6	1
(кол-во)											
ПДК	0	3,1	0,5	2,3	24,5	1	3,8	1,8	1,5	47,1	0
СДК	10,4	2,1	0	4,9	3,8	1,7	0	0	0,3	2,1	0,3
(доля в %)											

вторых, в трех случаях из четырех каждому из этапов соответствовало не одно, как в СДК, а несколько захоронений (Рысна-Сааре, кург. 5; Казиха, кург. 21; Залахтовье, кург. 154). Так, например, в кург. 21 в Казихе в более древней северной части было обнаружено 5 захоронений, в южной — 2 [19, с. 93—95]. И только в единственном случае (Мерево III, кург. 2) каждому из двух этапов соответствовало одно погребение [29, с. 6—8].

Таким образом, если СДК приобретали вытянутые пропорции постепенно, в зависимости от совершаемых погребений, то ПДК, являясь в основном результатом единовременного акта возведения, изначально имели длинную форму, а большинство погребений совершались уже в готовых насыпях.

Сравним теперь обрядность СДК и ПДК на уровне отдельных погребений. Классификация захоронений ПДК проведена на основе признаков, использованных при типологии СДК (таблица) [9, с. 78—80]. Отделы выделялись по способу размещения остатков трупосожжения (I — в ямке; II — на площадке; III — высыпаны на поверхность кургана), типы — по месту их размещения (1 — на (в) материке, т. е. под насыпью; 2 — в насыпи; 3 — часть на материке, часть в насыпи), варианты — по ситуации с сосудом (*а* — помещен вверх дном; *б* — стоял; *в* — один сосуд накрыт другим; *г* — разбит в ритуальных целях; *д* — отсутствовал).

При классификации были использованы захоронения, совершенные как в псковских длинных, так и в круглых насыпях, составлявших единые могильники. Некоторая часть погребений при этом не вошла в классификацию ввиду отсутствия полных данных. Сравним типологический набор захоронений, встреченных в этих двух группах насыпей (рис. 4). Распределение вариантов погребений оказывается удивительно близким, что дает возможность говорить об идентичности обряда в круглых и длинных псковских курганах.

В настоящей работе учтено более 50 круглых курганов, встреченных вместе с ПДК. Ни в одном случае не было встречено материалов, позволяющих датировать круглые курганы более поздним по сравнению с длинными временем. Инвентарь в погребениях обеих групп курганов зачастую идентичен. Так, например, в Мерево III в длинном кургане 2 и круглых курганах 1 и 4 найдены одинаковые пластинчатые браслеты с тремя ребрами-выступами [29, с. 6, 7; 30, с. 14]. В круглом кургане 7 в Козеском лесу найдено блоковидное кресало [31, с. 475]. На основе находок таких кресал во многом базируется начальная дата сооружения длинных насыпей. Круглый курган 12 в Арнико III М. Аун по вещам датировала V—VI вв., что подтвердил радиоуглеродный анализ: 518±70 г. н. э. [28, с. 60].

Таблица

Классификация погребений ПДК и СДК

Отдел II. На площадке													Отдел III. Высыпано на курган		Всего
тип 1, на материке					тип 2, в насыпи					тип 3					
а	*б*	*в*	*г*	*д*	*а*	*б*	*в*	*г*	*д*	*а*	*б*	*в*	*г*	*д*	
1	0	1	4	36	0	0	0	1	7	0	0	0	2	25	391
15	14	0	36	36	12	14	0	28	46	2	2	3	0	5	286
0,3	0	0,3	1	9,2	0	0	0	0,3	1,8	0	0	0	0,5	6,4	100
5,2	4,9	0	12,6	12,6	4,2	4,9	0	9,8	16,1	0,7	0,7	1	0	1,7	100

Пока не дает никаких оснований относить к более позднему времени круглые курганы и встреченная в них керамика.

Как уже отмечалось, в литературе распространена точка зрения, согласно которой такие круглые курганы объясняются недостроенностью по каким-либо причинам, а в целом они более поздние по сравнению с ПДК. Такое предположение имеет основания в случае с СДК. Однако применительно к ПДК оно не может быть признано верным, так как обычая «достраивать» круглые курганы по мере совершения очередного погребения не существовало. Судя по всему, они сразу были задуманы как круглые.

Приведенные факты позволяют считать, что в ареале ПДК обычаи возводить как длинные, так и круглые насыпи возникли одновременно и сосуществовали вплоть до того времени, когда традиция возведения длинных насыпей стала отмирать. Подробное рассмотрение этого вопроса выходит за рамки настоящей работы. Для нас в данном случае важен неизбежный вывод о необходимости использовать при сравнении с СДК на уровне отдельных погребений как длинные, так и круглые псковские курганы. При проведении классификации учитывались также материалы бескурганных могильников в Узмени и Съезжем.

Нами уже был проведен анализ взаимосвязей признаков захоронений СДК, в основе которого лежит расчет коэффициента сопряженности (контингенции) [9, с. 80—83]. На основе полученных данных построен граф, распадающийся на комплексы признаков (рис. 5). Комплекс III носит промежуточный характер. Особый интерес представляют комплексы I и II, которые сформировались вокруг признаков 1 (погребение в ямке) и 2 (погребение на площадке). Кратко распределение признаков по комплексам можно определить следующим образом. Для погребений в ямках характерно размещение в материке, т. е. под насыпью, наличие целого сосуда, помещенного вверх дном, а также кальцинированных костей коня. Погребения на площадке отличает размещение в насыпи, отсутствие сосуда, а в случае, если он имеется, то разбит преднамеренно. Для этих захоронений характерен обычай посыпки площадки глиной или песком.

Выявленные существенные различия дают основания полагать, что в рамках обрядности СДК существовали, условно говоря, две традиции: первая (комплекс признаков I) и вторая (комплекс признаков II) — см. граф на рис. 5.

На серьезные отличия между двумя традициями указывает и неодинаковая роль, которую они играли в сооружении длинных насыпей. Это доказывают графы (рис. 6), которые иллюстрируют связи между вариантами погребений, с одной стороны, и формой насыпи кургана и общим количеством в нем захоро-

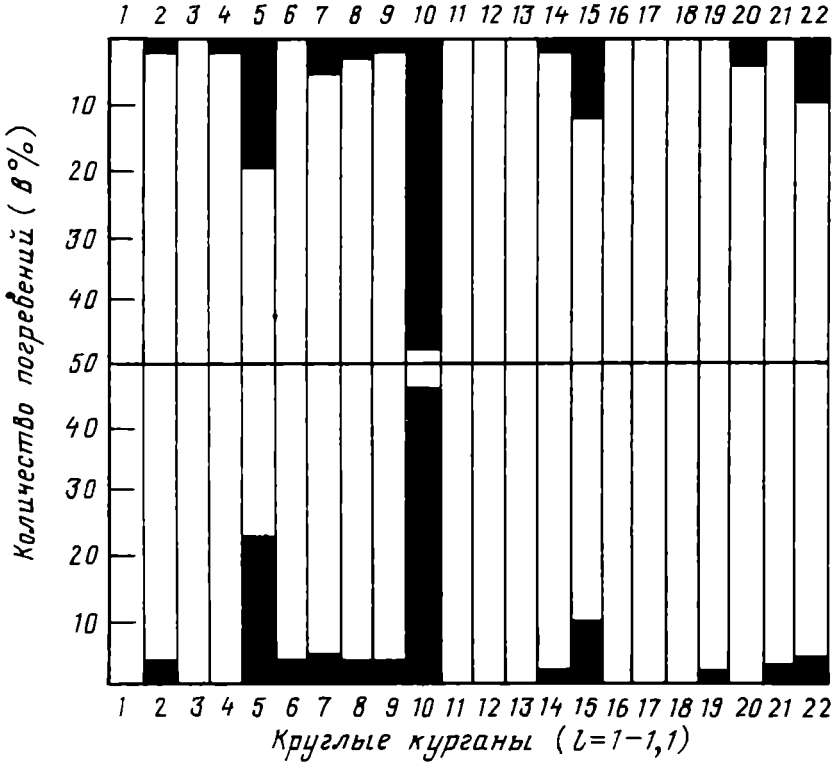


Рис. 4. Гистограммы распределения вариантов погребений в псковских курганах. *1* — ОIT1*а*; *2* — ОIT1*б*; *3* — ОIT1*в*; *4* — ОIT1*г*; *5* — ОIT1*д*; *6* — ОIT2*а*; *7* — ОIT2*б*; *8* — ОIT2*в*; *9* — ОIT2*г*; *10* — ОIT2*д*; *11* — ОIIT1*а*; *12* — ОIIT1*б*; *13* — ОIIT1*в*; *14* — ОIIT1*г*; *15* — ОIIT1*д*; *16* — ОIIT2*а*; *17* — ОIIT2*б*; *18* — ОIIT2*в*; *19* — ОIIT2*г*; *20* — ОIIT2*д*; *21* — ОIIIг; *22* — ОIIIд; (О — отдел; I—III номер отдела; Т — тип; *1*, *2* — номер типа; *а* — *д* — вариант погребения)

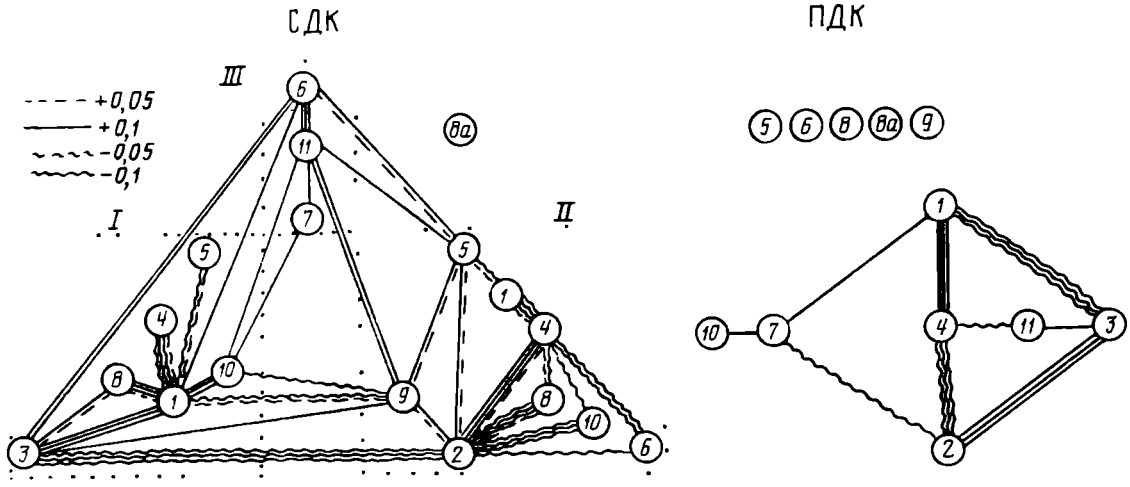


Рис. 5. Граф взаимосвязей признаков погребального обряда ПДК и СДК. *1* — погребение в ямке; *2* — погребение на площадке; *3* — погребение на (в) материке (под насыпью); *4* — погребение в насыпи; *5* — погребение на посыпке; *6* — погребение с сосудом; *7* — сосуд стоит; *8* — сосуд помещен вверх дном; *8а* — один сосуд стоит, а другой его накрывает; *9* — сосуд разбит в ритуальных целях; *10* — наличие кальцинированных костей коня; *11* — наличие инвентаря помимо керамики

нений — с другой[2]. В основу построения графов также положены расчеты коэффициента сопряженности по выборке в 254 погребениях, принципы формирования которой были оговорены ранее [9, с. 80].

Как видно, связи между различными вариантами погребений в ямках с признаками «количество погребений в кургане» и «форма насыпи» фиксируются

[2] Для признака «количество погребений» установлено четыре градации: «1 погребение», «2», «3», «4» и более; для признака «форма насыпи» — три градации: «круглая (l = 1—1,1), «удлиненная (l = 1,2—1,4)», «длинная (l >1,5)».

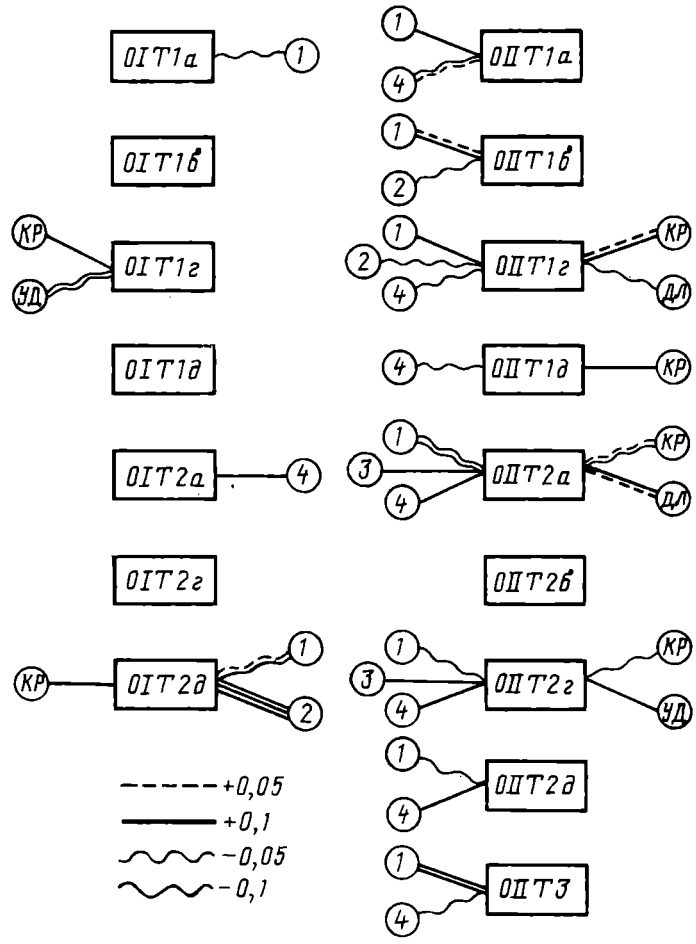


Рис. 6. Графы связей вариантов погребений СДК с формой насыпи (круглая, удлиненная, длинная) и количеством погребений в ней (1—4 и более)

в редких случаях, при этом никаких закономерностей не прослеживается. Иную картину дает параллельный граф. Почти все варианты захоронений на площадках имеют многочисленные связи с количеством погребений в курганах, а 4 из 9 и с его формой. Наблюдается закономерность в распределении связей. Так, захоронения на площадках под насыпью (OIIT1 вариантов *а, б, г, д*) чаще всего оказываются единственными в кургане, форма которого тяготеет к круглой. Погребения на площадках в насыпи (OIIT2 *а, б, г, д*) составляют характерную черту смоленских курганов удлиненной и длинной формы с общим количеством погребений 3—4 и более. Таким образом, захоронения на площадках определяют форму и общее количество захоронений в смоленских курганах.

Анализ взаимосвязей признаков погребений ПДК обнаруживает значительно более простую картину (рис. 5). Нет таких существенных различий, как в СДК, между захоронениями в ямках и на площадках. В основном они сводятся к тому, что для погребений в ямках более характерно размещение в насыпи кургана. Зато общего у этих двух групп погребений много. Но это в первую очередь указывает на отсутствие каких-либо связей с рядом признаков, что говорит об их одинаковом распределении. Действительно, в обоих случаях безраздельно господствует вариант *д* (без сосуда), а доли других вариантов достаточно близки.

ПДК	*а*	*б*	*в*	*г*	*д*
Отдел I (в %)	1,3	8,6	2,9	4,8	82,6
Отдел II (в %)	2	0	2	10	86

Могла ли одна из традиций в обрядности СДК взять свое начало в ПДК?

Погребения в ямках (центральный признак первой традиции) в СДК составляют четвертую часть (25,6%), а ПДК — подавляющее большинство (80,2%). В основном близки размеры ямок: диаметр 0,2—0,7 м, глубина — 0,2—0,5 м, хотя последний параметр в ПДК часто превышается. Однако сочетаний признаков, характерных для первой традиции в обрядности СДК, в ПДК просто неизвестно. В отличие от СДК, погребения в ямках в ПДК в большинстве случаев размещались в насыпи (62,1%) и не имели сосуда (82,3%). Если сосуд имелся, то обычно внутри ямки, тогда как в СДК сосуд, как правило, помещался над ней. Таким образом, происхождение первой традиции в СДК не связано с ПДК.

Рассмотрение возможной связи второй традиции в обрядности СДК с ПДК представляет особый интерес, так как именно она определяет форму насыпи. В СДК погребения на площадках составляют большинство (72,7%), в ПДК они весьма редки (12,8%). Уже в силу своей малочисленности в ПДК они не могли регулировать форму насыпи и общее количество погребений в кургане, как в СДК. Для погребений на площадках в ПДК и СДК ведущей является ситуация *д* (погребение без сосуда). Но если в ПДК такие захоронения составляют подавляющее большинство (86%), то их доля в СДК хоть и велика, однако существенно меньше (39,4%). В ПДК неизвестен ритуал посыпки. Погребения на площадках в насыпи (тип 2) наиболее характерны для смоленских курганов вытянутых пропорций (рис. 6). В ПДК такие захоронения исключительно редки (2% всех вошедших в классификацию). Для этих памятников характерно размещение погребений на площадках под насыпью (таблица, рис. 5). Наконец, вторая традиция в обрядности СДК является носителем обычая поэтапности в сооружении насыпи, который в ПДК вообще неизвестен.

Кратко остановимся на еще одном варианте происхождения СДК от ПДК. В обеих группах памятников имеются, хотя и немногочисленные, погребения отдела III (остатки сожжения высыпаны на поверхность кургана). Однако на Смоленщине из 5 известных такого рода захоронений 4 были единственными в круглых курганах, а одно располагалось на немного удлиненной насыпи. Следовательно, проникновение с севера обычая возводить длинные насыпи через погребения отдела III выглядит также нереальным.

Подведем итоги. Сравнение обрядности ПДК и СДК показывает, что им свойственны взаимоисключающие принципы сооружения насыпей, а также отличные, отчасти противоположные сочетания признаков на уровне анализа отдельных погребений. Это дает новые доказательства в пользу точки зрения, согласно которой в основе многочисленных различий между псковскими и смоленскими длинными курганами лежит независимость происхождения последних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей//САИ. 1974. Вып. Е1-8.
2. *Шмидт Е. А.* Погребальный обряд смоленских кривичей VIII—X вв.// Древнерусское государство и славяне. Минск: Наука и техника, 1983.
3. *Аун М.* Курганные могильники Восточной Эстонии. Таллин: Валгус, 1980.
4. *Шмидт Е. А.* Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Ч. 1. М.: Моск. рабочий, 1982.
5. *Штыхов Г. В.* Археология Полоцкой земли за 50 лет//Древности Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1969.
6. Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 2. Минск: Наука и техника, 1972.
7. *Рыук А. М.* Некоторые вопросы сооружения и морфологии курганов Юго-Восточной Эстонии//Изв. АН ЭССР. Обществ. науки. 1978. № 28/3.
8. *Шмидт Е. А.* О смоленских длинных курганах//Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
9. *Енуков В. В.* Эволюция погребального обряда культуры смоленских длинных курганов//Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1987. № 3.
10. *Миносян Р. С.* Поселение и могильник на берегу озера Узмень//ТГЭ. 1979. Т. XX.
11. *Носов Н. Н.* К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов//КСИА. 1984. № 179.

12. *Шмидт Е. А.* Результаты изучения археологических памятников Смоленской области в 1949—1955 гг.//Сб. науч. работ Смоленского краеведческого НИИ. 1957. Вып. 1.
13. *Шмидт Е. А.* Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области//Материалы по изучению Смоленской области. 1963. Вып. 5.
14. *Шмидт Е. А.* Балтийская культура в верховьях Днепра во второй половине I тысячелетия н. э.//Acta Baltica — Slavica. 1969. VI.
15. *Шмидт Е. А.* Длинные курганы у д. Цурковки в Смоленском районе//СА. 1958. № 3.
16. *Шмидт Е. А.* Курганная группа у деревни Заборье Смоленского района//Смоленский край в истории русской культуры. Смоленск, 1973.
17. *Шмидт Е. А.* Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Ч. 2. М.: Моск. рабочий, 1983.
18. *Шмидт Е. А.* Длинные курганы у д. Слобода Глушица в Смоленской области//Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л.: Наука, 1963.
19. *Седов В. В.* Казихинские курганы на р. Великой//КСИА. 1969. № 120.
20. *Гроздилов Г. П.* Археологические памятники Старого Изборска//АСГЭ. 1965. Вып. 7.
21. *Седов В. В.* Грицковские курганы//КСИА. 1971. № 125.
22. *Тараканова С. А.* Псковские курганы с трупосожжениями//КСИИМК. 1951. № 36.
23. *Аун М.* Длинные курганы в Лаоссина//Изв. АН ЭССР. Обществ. науки. 1977. № 26/1.
24. *Тараканова С. А.* Себежские городища и курганы//Вопросы этнической истории Прибалтики. М.: Наука, 1959.
25. *Чернягин Н. Н.* Отчет о раскопках курганов в Середкинском районе Псковского округа//Архив ЛОИА АН СССР. 1939. Ф. 35. № 146.
26. *Аун М.* Об исследовании длинных курганов у д. Рысна-Сааре//Изв. АН ЭССР. Обществ. науки. 1978. № 27/4.
27. *Аун М.* Курганный могильник у д. Рысна-Сааре//Изв. АН ЭССР. Обществ. науки. 1978. № 27/1.
28. *Аун М.* Исследование курганов в Пыльваском районе//Изв. АН ЭССР. Обществ. науки. 1976. № 25/1.
29. *Лесман Ю. М.* Отчет Оредежского отряда 1978 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 8510.
30. *Лесман Ю. М.* Отчет Оредежского археологического отряда 1979 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 7692.
31. *Селиранд Ю.* Курганы второй половины I тысячелетия в Западном Причудье//Изв. АН ЭССР. Обществ. науки. 1965. № 14/3.

Курский педагогический институт

V. V. YENUKOV

THE LONG KURGANS OF PSKOV AND SMOLENSK (THE DATA OF THE BURIAL RITE)

Summary

Specific burial constructions known as «long kurgans» were built in the north-western part of Eastern Europe in the second half of the Ist millenium A. D. Usually they are divided in Smolensk type and Pskov type. The author is interested whether there existed some link between them in the field of the burial rite. The construction of both types of the mounds was different, the rites practiced during the funerals were also different enough. These facts support the opinion about the independent origin of the long kurgans in Pskov and Smolensk regions.

Дискуссии

От редакции

Начатая в 1983 г. на страницах журнала дискуссия по проблемам теории археологии (СА, 1983, № 3; 1989, № 3; 1991, № 2) привела к публикации целого ряда весьма острых отзывов, затронувших тему со стороны предмета археологии, ее статуса как науки, характера археологических источников, синтеза археологических и неархеологических исследований при решении общеисторических проблем. Редколлегия не считает себя вправе отказываться от продолжения обсуждения столь важных, основополагающих для дальнейшего развития науки тем. В связи с этим предлагаем вниманию читателей очередную весьма объемную и, судя с первого взгляда, фундаментальную работу В. Ф. Генинга, в которой, как представляется, автору удалось высказаться полностью и окончательно. Редколлегия не сомневается, что статья будет способствовать оживлению дискуссии; она по меньшей мере в этом качестве является полезной. Редколлегия считает необходимым отметить, что точка зрения ее членов по многим позициям отличается от авторской.

В. Ф. ГЕНИНГ

ПРОБЛЕМА ПОСТРОЕНИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

I. В современной археологии наблюдается активный процесс рефлексии науки, в котором наиболее актуальны вопросы обоснования различных типов и уровней познания, системы их построения, соответствующие современному науковедению. Среди археологов общепризнано, что наибольшие трудности встречаются при осмыслении археологических источников в контексте социально-исторической интерпретации. Это во многом связано с тем, что в отличие от традиционного образного знания, основанного на изучении конкретных материальных объектов — археологических источников, социоисторическое знание не наблюдаемо, оно не лежит «на поверхности» предметного мира археологии. Это знание «выводное», логическое, теоретическое, которое может быть лишь результатом конструирования нашим интеллектом идеальных социальных систем.

Главная функция науки — получение нового знания самого разнообразного характера, отображающего изучаемую реальность, однако решающая роль отводится объяснению научных фактов. Принципиальное методологическое значение имеет *теоретическая систематизация научного знания.* Достаточно очевидно, что реализация данной функции может быть осуществлена лишь при наличии генерализирующей идеи (теории, принципов), в которой изучаемое множество объектов и многообразие их состояний было бы сведено к некоторому единству. Для этого сама идея должна отражать столь же генерализирующий закон развития данной объективной реальности, поскольку лишь тогда систематизация научного знания будет соответствовать главным сущностным параметрам развития этой реальности. Подобная идея и составляет ядро фундаментальной теории любой науки, которая обычно выступает в качестве основания науки, обусловливающего всю ее познавательную систему.

В современной проблемной ситуации археологии наиболее актуальны вопросы познания социально-исторического развития древних обществ [1], и это требует специальных логико-методологических разработок, в том числе исходного базиса — фундаментальной археологической теории (ФАТ) [2, с. 20], формируемой в соответствии с содержанием объекта и предмета археологии.

Отправным моментом в построении такой теории в современной археологии является признание того, что археологическое знание по своей сущности социоисторическое знание, которое отражает (познает) процессы социального развития отдельных конкретных обществ прошлого в пространстве и времени. Акцентируем внимание — именно социального развития, ибо в археологии немало изысканий культурно-исторического типа, а некоторые археологи даже считают главной задачей археологии — изучение культурогенеза [3, с. 20].

Социоисторическое знание археологии представляет собой лишь один из его специфических видов, охватывающий и другие науки (история, социология, демография и т. п.). *Вид социоисторического знания археологии* определяется тем, что оно является синтезом исследований специфического вида непосредственного (чувственно воспринимаемого) эмпирического объекта исследования — остатков предметного мира прошлых обществ — археологических источников, в связи с чем вырабатывает и использует свои специфические методы исследования,

© В. Ф. Генинг, 1992 г.

предопределяющие получение специфической формы знания, характерного только для данной науки. Эта «тройная специфичность» — источника, метода и формы знания — обеспечивает самостоятельность археологии как науки в рамках исторического знания и является основанием для выделения особого вида — археологического социоисторического знания. Именно специфика знания этого вида и должна найти свое обоснование в ФАТ, которая будет определять построение любых социально-исторических концепций, исследуемых средствами археологии.

ФАТ, как и любая теория, многоуровневая, и как социоисторическое археологическое знание ее структура включает три основных уровня: теорию, отражающую фундаментальные законы социальных форм развития человеческой жизнедеятельности (общесоциологический уровень), затем теорию и фундаментальные закономерности исторического процесса и специфики развития конкретного общества прошлого (исторический уровень) и, наконец, фундаментальные теории и законы развития предметного мира этих обществ, поскольку именно он обеспечивает их непрерывное воспроизводство (археологический уровень). Археологическим данный уровень назван потому, что предметный мир этих обществ в сохранившихся остатках является для археологии исходной объективной реальностью — источником непосредственного исследования обществ прошлого.

При характеристике каждого уровня обратим особое внимание на то, какая сторона объективной действительности лежит в основе его рассмотрения, на познании каких закономерностей сосредоточивается внимание и каковы основополагающие принципы познания каждого уровня.

1. **Общесоциологический уровень** отражает наиболее общие законы социального движения материи. Здесь рассматривается социальная система как таковая, безотносительно к разнообразию конкретно-исторических форм существования, поэтому определяющим фактором социального развития является деятельность, направленная на удовлетворение материальных потребностей социальной системы, осуществляемых за счет природы (или, как часто пишут, за счет энергии внешней среды). Именно эта система отношений социум — природа определяет закон внутренней структурной организации любого социального формирования.

В основе познания данного уровня лежит исторический материализм и материалистическое понимание истории — теории исторической необходимости, содержащей основные законы социальной эволюции: определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию: определяющей роли общественного производства по отношению к непроизводительным сферам; соответствия форм производственных отношений ступени развития производительных сил; развития социальной формации как естественно-исторического процесса; смены социальных формаций путем социальных революций.

Основополагающим в познании социальной действительности данного уровня являются принципы *социального детерминизма*: признание объективной закономерности взаимосвязи и взаимообусловленности компонентов социальных систем и закономерный характер социального развития на основе разрешения внутренних противоречий.

2. **Исторический уровень**, при котором объективной стороной действительности выступают отдельные автономные социальные системы в их историческом функционировании на основе реализации общесоциологических законов в пространстве и времени. Общесоциологические законы определяют, с одной стороны, неизбежность, неотвратимость тех или иных преобразований, структур, обусловливающих социальный прогресс. Но, с другой стороны, историческая действительность определяет степень возможности, вариативность, силу или слабость действия этих законов, что и создает в совокупности широкую палитру специфики каждого общества реального исторического мира.

Основу познания исторических систем составляет учение о социальных формациях, в котором определяющим фактором выступает способ производства, обусловливающий закономерности развития каждого общества как особой специфической системы. Обратим главное внимание на закономерности социально-

исторического развития ранних социальных формаций: основной социальной целостностью, объектом и субъектом исторической действительности является социально-исторический организм (СИО) — отдельный народ, адекватный в археологическом познании археологической культуре (АК) [4, с. 6 сл.; 5, с. 10—27]; основной низовой общественно-экономической ячейкой СИО/АК, универсальной формой организации жизнедеятельности, являются общины различного типа; неравномерность социально-исторического развития отдельных СИО/АК обусловлена в первобытности колоссальной зависимостью материального производства от экологических условий; ведущая роль пищевого производства и быта, на обеспечение которых затрачивается абсолютное большинство труда; объективная актуальная цель первобытности — рост народонаселения, гарантирующий непрерывность существования СИО/АК, расширение базы производственного опыта и накопления положительных знаний; медленные темпы социального прогресса в силу ограниченности практики и неразвитости форм информационных связей и обмена; устойчивость, консервативность традиций как форма усвоения и сохранения накопленного социального опыта.

Основополагающим принципом познания данного уровня является *принцип историзма*, сущность которого предельно ясно выразил В. И. Ленин: «Не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67).

Принцип историзма предполагает изучение СИО/АК прежде всего в их развитии, что означает рассмотрение их как системы со своей внутренней структурой и взаимосвязями компонентов, обеспечивающими функционирование ее как целостности; как процесса во времени, в котором последовательно сменяются связи и зависимости компонентов системы; как необходимость выявления и фиксации качественных изменений в компонентах системы и в ее целостности; как закономерности перехода (развития) от одного состояния общества (сфер) к другому, от одной структуры к другой.

Конечно, все изложенное здесь об общесоциологическом и историческом уровнях в содержании ФАТ это общие положения, разрабатываемые философией, социологией и общей историей. Археология лишь адаптирует эти знания к своей познавательной системе. Но именно эти общие принципы социоисторического знания формируют стиль мышления археолога, определяют принципы постановки цели, познавательных задач и содержание конечного результата исследования.

3. Археологический уровень — объективной стороной действительности берется предметный мир, составляющий основу существования конкретных СИО/АК. Этот мир — продукт целенаправленной деятельности каждого общества по преобразованию природных веществ для удовлетворения своих потребностей (освоение энергии внешней среды) во всех сферах жизни. Это составляет *содержание процесса опредмечивания социальных потребностей в жизнедеятельности каждого* СИО/АК. Законы опредмечивания социальных потребностей базируются на законах преобразования внешней природы в продукты потребления и законах удовлетворения социальных потребностей, которые в конечном итоге определяют и способ производства, и социальную сущность каждого общества. Кроме того, следует иметь в виду, что остатки предметного мира (в виде археологических факторов) составляют чувственно воспринимаемый, непосредственный объект археологического исследования. Анализу данного уровня будет в дальнейшем уделено основное внимание, поэтому ограничимся здесь лишь приведенными замечаниями.

II. Специфика ФАТ всецело зависит от того, каково будет содержание ее археологического уровня, поскольку именно он является отправным моментом социоисторических изысканий в археологии. Действительно, если в исследовании не берется за основу объяснение археологического факта (источника), то вполне естественно, что данные исследования вообще не являются археологическими и,

следовательно, никакие положения ФАТ к нему не приложимы. Поэтому основным условием разработки и применения в практике исследования ФАТ является наличие в ней слоя знаний, связанного в той или иной мере с археологическими источниками. Но изучение последних проводилось, да и в настоящее время проводится с различными целями и с различных гносеологических позиций. Поскольку изначально было определено, что ФАТ органически связана с системой социоисторического знания археологии, постольку при изучении специфики содержания и структуры археологического уровня исследования ее будут осуществляться с позиций знаний именно этого типа.

Исходной посылкой анализа археологического уровня в структуре ФАТ служит рассмотрение социальной системы с наиболее универсальной стороны организации в субстанционально-компонентном срезе, по которому компоненты выделяются согласно качественно различающимся функциям в системе, что определяется их субстанцией — материалом организации этих компонентов. В данном срезе выделяются четыре основных компонента: 1) предметный мир — материальные тела, вовлеченные в орбиту жизнедеятельности человека; 2) знание как идеально осмысленный опыт жизнедеятельности, которым люди и руководствуются в своей деятельности; 3) деятельная активность индивида, группы и т. д., которая проявляется в разнообразных социальных процессах; 4) человек, социальные объединения как всеобщий универсальный носитель всех социальных системных качеств [6, с. 203; 7, с. 112, 144, 131].

Исходя из общих законов системы, отметим два основных положения, на которые нам придется постоянно опираться. Во-первых, достаточно жесткая взаимосвязь данных компонентов между собой, из чего следует, что изменение одного из компонентов непременно ведет к тем или иным изменениям и других; во-вторых, полиинформативность каждого компонента системы, когда в каждом из них содержится информация, конечно, с различной степенью полноты, о всех других. Особенно это характерно для предметного мира.

В основе ФАТ, как отмечалось, должна быть генерализующая идея, отображающая объективный закон развития объекта, изучаемого археологией. Исходя из главной цели современного археологического познания, таким законом должен быть **закон функционирования отдельных конкретно-исторических обществ прошлого — СИО/АК** как автономных социальных систем. Обычно указывается на закон развития материального производства, способ производства и т. п. Безусловно, это основа жизни общества, но все же это только одна ее сторона, в то время как задача состоит в рассмотрении закона жизни общества как социальной целостности, включающей и многие другие стороны: общественную организацию, быт, духовную жизнь, воспроизводство жизни человека и т. д., словом, всего того, что может охватить понятие **«социальная жизнедеятельность»** как совокупность всех видов деятельности, направленных на воспроизводство социальной и физической жизни человека, общества; деятельности — как условия самого существования любой социальной системы. Но исторические науки изучают подобную жизнедеятельность как конкретный социально-исторический процесс развития десятков, сотен, тысяч отдельных обществ, поэтому здесь объектом познания выступает социально-историческая жизнедеятельность СИО/АК.

Объективная реальность, в том числе и познание социально-исторической жизнедеятельности прошлых обществ, дана нам в научной практике. Это значит, что при постановке вопроса об объективной реальности нельзя полностью отвлечься и от условий ее познания. Исходя из того, что условием познания прошлых обществ для археологии как науки является наличие остатков предметного мира (археологических памятников), связанных с повседневной, обыденной жизнью этих обществ, необходимо социально-историческую жизнедеятельность рассматривать в обыденности ее реального функционирования, т. е. как реальное протекание жизни, как процесс, в который был включен предметный мир, как процесс, в котором главная задача — воспроизводство постоянно сменяющихся (расходуемых) жизненных средств и условий их воспроизводства, как процесс

удовлетворения жизненных потребностей, обеспечивающих непрерывность функционирования жизни самого общества. Это и будет отображать содержание понятия воспроизводства социально-исторической жизнедеятельности СИО/АК, законы которого составляют объективную действительность, рассматриваемую на археологическом уровне в структуре ФАТ. Для того чтобы подойти к пониманию сущности этих законов, необходимо раскрыть объективное содержание категории воспроизведения социально-исторической жизнедеятельности СИО/АК.

Главная отличительная черта социальной деятельности это практика, как деятельности, направленной на удовлетворение жизненных потребностей, и предметность, которая, с одной стороны, «заземлена» на материальных потребностях — предметах, способных удовлетворить социальные потребности, а с другой — предметна, поскольку включает предметный мир как органичный компонент — средство деятельности, поэтому данная деятельность и характеризуется как предметно-практическая деятельность.

Предметная деятельность, практическое созидание предметного мира выражают самую сущность человеческой жизнедеятельности, сущность социальной системы. К. Маркс, исследуя отчуждение предметного мира и содержания человеческих сущностных сил, отмечал: «В обыкновенной материальной промышленности мы имеем перед собой под видом чувственных, чуждых, полезных предметов, под видом отчуждения, опредмеченные сущностные силы человека» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 123).

Таким образом, полезные предметы как вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям, и полезные предметы как средство самой деятельности — все это предметный мир, выражающий опредмеченную сущность социальной системы (сущностные силы человека).

Важнейшим видом предметно-практической деятельности является производство, которое, как писал К. Маркс, «создает потребление, создавая определенный способ потребления и затем создавая влечение к потреблению, саму способность потребления, как потребность» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 30). В равной мере категории «потребление», «потребность» и «способ потребления» относятся ко всем видам предметно-практической деятельности, поскольку производство — лишь частный его случай. В процессе меняющегося разнообразия жизнедеятельности отдельных индивидов и социальных формирований — субъектов деятельности постоянно возникают потребности в новых материальных предметах потребления для той или иной сферы, причем они жизненно необходимы, без них не может существовать сама эта сфера, в том числе и сам человек. Рождается, таким образом, идеальный, внутренне побуждающий мотив, который осознается субъектом потребности и находит выражение в интересе, формирующем целенаправленную деятельность. Цель — это осознанный интерес, поэтому сама потребность, с точки зрения активности субъекта, выступает в виде целеполагающей деятельности.

Итак, потребность в предметах потребления — это осознание их жизненной необходимости субъектом потребления (это, по К. Марксу, «влечение к потреблению») для обеспечения нормального функционирования определенной сферы жизни (следовательно, «способности потребления»), что в свою очередь формирует целенаправленную деятельность по получению необходимого продукта потребления (предметного мира).

Потребление в социальной сфере — это усвоение данной системой энергии внешнего мира, способ воспроизводства среды и, следовательно, в конечном итоге — условие существования любой социальной организации. Но само это потребление, как и потребности, обусловлено конкретно-историческими условиями. Процесс потребления хотя и специфичен для каждого общества, но не может быть приостановлен и в целом становится мощным рычагом, движущей силой исторического прогресса. Существенно отметить еще один момент, который считается одним из важнейших открытий марксистской теории общества: «Потребление воспроизводит самого индивида в его определенном способе суще-

ствования, не только в его непосредственной жизненности, но и в определенных социальных отношениях ..., воспроизводит их (индивидов.— *В. Г.*) в их общественном бытии, так же как и их общественное бытие — общество» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. С. 226).

Способ потребления — это прежде всего отображение многообразия сторон жизнедеятельности общества, выражающееся в функциональной специфике сфер деятельности, каждая из которых «это как раз ее **своеобразная сущность**, следовательно и своеобразный способ ее опредмечивания, ее **предметно-действительного, живого бытия**» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 121).

Таким образом, потребности, потребление, способ потребления, реализуемые через деятельность, направленную на создание предметов — продуктов удовлетворения потребностей, являются системообразующими факторами воспроизводства социальной жизнедеятельности, а сам этот процесс, как писал К. Маркс, «есть самоутверждение человека как сознательного родового существа...», и далее, подчеркивая отличие человека от животных, отмечал, что животное производит только самого себя, в то время как человек воспроизводит как себя, так и окружающий его мир, и прежде всего предметный мир, что представляет собой «опредмечивание родовой жизни человека» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 93, 94).

При этом предметный мир, опредмечивание[1] следует представлять достаточно широко: как способ освоения социальной системой энергии внешней среды, как элемент, вовлекающий природу в социальную систему; как средство удовлетворения собственных потребностей человека (физических и социальных) для непрерывного воспроизводства человека и его социальной системы; как средство самой социальной деятельности во всех сферах жизни; как главную цель социальной жизнедеятельности, направленной на создание предметного мира, обеспечивающего непрерывное воспроизводство социальной системы.

Поэтому процесс опредмечивания социальных потребностей отображает внутренние движущие силы развития социальной системы, ибо только этот процесс — опредмечивания — обеспечивает воспроизводство жизнедеятельности самой системы.

Следовательно, отправным моментом рассмотрения объективной действительности на археологическом уровне ФАТ является воспроизводство социально-исторической жизнедеятельности отдельных обществ (СИО/АК) на основе их предметно-практической деятельности и понимание того, что непременным компонентом этой жизнедеятельности является предметный мир, выражающий опредмеченную сущность самого человека, его социальную систему.

Опираясь на категории «предметный мир» и «опредмечивание», становится возможным свести огромное многообразие явлений и фактов исторического про-

[1] Опредмечивание в философии обычно употребляется в оппозиции к понятию «распредмечивание». Деятельность вообще включает в себя два взаимно противоположных процесса: «распредмечивание», или усвоение индивидом социального опыта, и «опредмечивание», или проявление, объективация творческих созидательных сил человека, отдача и умножение социального опыта [8, с. 173]. Разделить эту пару практически невозможно, но поскольку чаще всего в нашем исследовании акцентируется внимание на созидательной форме, в дальнейшем будем употреблять понятие «опредмечивание». В системе археологического познания это понятие было предложено нами впервые в начале 70-х годов, затем развивалось в других публикациях. В 1986 г. В. А. Башилов и Э. Н. Лооне в одной весьма путаной статье обвинили меня в том, что я якобы понимаю под этим то, что «обычно называется экономикой, материальным производством» [9, с. 203]. На это можно было бы не обращать внимания, ибо авторы удосужились изучить соответствующую литературу, где изложена моя позиция, но они, судя по всему, вообще отрицают правомерность введения данного понятия в систему познания. В связи с этим приведу мнение большого авторского коллектива по теории исторического процесса, который отмечает, что «исследователи не оценили пока в полной мере то, что имеет конкретно-всеобщее генерализующее значение для всех этапов человеческой истории,— саму опредмеченную деятельность Через опредмеченную деятельность людей в своеобразном объективированном виде представлены и действовавшие индивиды и материальные условия их жизни, т. е. все то, что К. Маркс и Ф. Энгельс называли действительными предпосылками человеческой истории» [10, с. 18, 96 и сл.].

шлого, изучаемого археологией, к определенному единству, которое и служит основанием для систематизации научного археологического знания. При этом в систематизации эмпирического знания, когда оперируют в основном артефактами, используется преимущественно категория «предметный мир», его взаимосвязь с различными сферами деятельности, а на теоретическом, призванном объяснять закономерности исторического развития древних обществ — СИО/АК,— категория «опредмечивание», выражающая сущность социальной жизнедеятельности. Поэтому идея опредмечивания социальной жизнедеятельности и становится ядром построения ФАТ.

III. Опредмечивание социальных потребностей реализуется в предметно-практической деятельности социума на уровне его повседневной жизни, направленной на удовлетворение обыденных жизненных потребностей во всех сферах путем создания предметов потребления. В процессе этой деятельности формируются определенные отношения человека к природе, человека к человеку, человека к предметному миру, общины к индивиду, общины к общине и т. д., что и составляет базу общественных отношений. Причем все эти элементарные отношения регулируются обыденным общественным сознанием, которое исходит из интересов и социальных потребностей каждого данного индивида, общества, но именно эти объективные отношения в конечном итоге и лежат в основе формирования закономерностей социального развития, которые определяют направленность социально-исторического процесса. Таким образом, **опредмечивание социальных потребностей — это** объективное начало начал социальной системы, основа ее структурной организации, и понять ее можно, лишь раскрыв механизм **опредмечивания** как анатомию и физиологию общественной жизни, как процесс создания предметов потребления, необходимых для существования самой социальной системы, процесс, в основе которого лежат определенные законы социального развития. Опредмечивание социальных потребностей СИО/АК имеет две стороны. С одной — это, безусловно, деятельность постоянная, непрекращающаяся во всех сферах жизни, деятельность по созданию средств, предметов, условий, обеспечивающих непрерывное функционирование этих сфер. Но, с другой стороны, это жизнедеятельность конкретных обществ в конкретно-исторических и экологических условиях, которые оказывают решающее воздействие на характер деятельности в каждой сфере жизни. Взаимопроникновение отдельных структурных элементов каждой стороны или ряда и формирует живую функционирующую систему опредмечивания или механизм опредмечивания каждого СИО/АК, определяющих характер законов их развития, которые оказываются результатом взаимодействия компонентов деятельности и их конкретно-исторических условий реализации.

Обратимся к первому ряду категорий, рассматривающих жизнедеятельность как всеобщую абстракцию — процесс взаимодействия социальной системы с внешней средой — источником ее существования. Главное в этом процессе, очевидно, преобразование продуктов внешнего мира с целью придания им качеств, способных удовлетворять конкретные жизненно необходимые потребности системы, т. е. предметов (продуктов) потребления.

Социум — социальная среда как известная целостность, интегрирующая взаимодействие всех компонентов, как среда, в которой осуществляется деятельность по созданию продуктов потребления и их конкретной реализации — потреблению.

Знание — социальная память общества, индивида, содержащая в идеальном виде накопленный опыт жизнедеятельности, необходимой для осознания интересов, постановки целей и задач, сознательного регулирования деятельности, направленной на удовлетворение потребностей. Знания выражаются в знаковых системах, прежде всего в языке, который является средством общения и координации социальной деятельности.

Деятельная активность — как проявление физической целенаправленной практической деятельности человека, группы, общины и т. д., обладающих определенными навыками, умением, опытом, позволяющими осуществить преобразование продуктов природы в продукт социального потребления. Но этот компонент

отображает также способ включения индивида (группы) в деятельность по созданию продукта потребления и уровень мастерства исполнителей.

Средство деятельности — главная специфика человеческой деятельности — включение в нее внешнего по отношению к человеку предметного мира — орудий, различных вещей, животных и даже других индивидов для реализации процессов преобразования природного материала в продукт потребления.

Природный материал — источник энергии — внешняя среда, включаемая в деятельность для преобразования природного вещества в предметы потребления, а также природные условия — климат, рельеф, водный режим и т. п., непосредственно связанные с деятельностью по созданию предмета потребления.

Предметы потребления — готовый продукт — результат деятельности — природное вещество, преобразованное в предмет потребления: достижение цели — создание качественно нового предмета — продукта, способного удовлетворить социальные потребности индивида, общины, общества в целом. Именно здесь, по словам К. Маркса, завершается переход из «формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 200).

Таковы категории социальной деятельности, рассмотренной в плане ее функциональной структуры.

Второй ряд анализа социальной жизнедеятельности — это подход к ней как к конкретно-историческому процессу. Здесь главное внимание должно быть обращено на факторы, выступающие в качестве движущих сил исторического процесса, и особенно факторы, определяющие конкретность, специфичность жизнедеятельности каждого отдельного общества в соответствии с имеющимися общественными, экономическими, традиционалистскими, экологическими и иными условиями развития исторического процесса. В целом исторический процесс в данном аспекте берется как срез конкретных социальных и природных условий опредмечивания жизнедеятельности конкретных социальных образований, прежде всего отдельных обществ — СИО/АК. В значительной мере данный подход рассматривает этот процесс в аспекте социально-нормативной предметной деятельности, которая формирует правила, нормы, традиции регуляции экономических, общественных, бытовых и иных процессов, составляющих жизнедеятельность. При опредмечивании эти социально-исторические закономерности воплощаются в различные социальные институты, способы и формы деятельности.

Факторы, регулирующие деятельность по удовлетворению социальных потребностей, формируют конкретно-исторические типы отношений, ибо все они проявляются лишь в функционирующем конкретном СИО/АК. Обычно рассматривая социальные системы, пишут об общественных отношениях, которые выражают связь субъектов по поводу объектов. Вне субъектов, как отмечал В. И. Ленин, нет отношений, и «чтобы понять отношение взаимодействия, мы не должны оставлять обе стороны отношения как непосредственно данные..., их должно признать моментами третьего» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 147). Этим третьим и являются материальные объекты, предметный мир человека.

Общественный фактор. В процессе деятельности люди организуются в конкретные группы, в которых формируются отношения как друг к другу, так и к внешним объектам — предметам потребления, средствам деятельности и природным материалам с точки зрения их владения, распределения и т. п. Причем потребности всегда детерминированы социально-историческими условиями каждого конкретного общества. Этот компонент выражает *субъект деятельности и потребления*, определенные общественные структуры и их отношения между собой с социальным акцентом.

Этнический фактор. Удовлетворение потребностей в каждом конкретном обществе (у каждого народа — СИО/АК) осуществляется в своих традиционных формах, своим специфическим способом, что накладывает определенную специфику на весь процесс деятельности и его результаты. Этот фактор отображает *закрепление всех составляющих предметно-практической деятельности в кон-*

кретных специфических формах, средствах и способах ее реализации. Этнические отношения — это одна из сторон общественных отношений, но с акцентом на специфичность, отдельность.

Функциональный фактор. Потребности конкретны, и удовлетворение их связано с конкретной сферой жизнедеятельности, каждая из которых выполняет в социальной системе заданную ей функцию, что и определяет специфику деятельности, ее организации, среду и предметный мир, необходимые для осуществления этой деятельности.

Технологический фактор. Функциональная заданность предмета потребления определяет и *особый способ преобразования природных материалов в продукт потребления.* Причем главное здесь то, что уровень развития техники детерминирует как количественные, так и качественные возможности создания и удовлетворения продуктов потребления. В истории, как писали К. Маркс и Ф. Энгельс, «каждая ее ступень задает в наличии определенный материальный результат, определенную сумму производительных сил, исторически создавшиеся отношения людей к природе и друг к другу, застает передаваемую каждому последующему поколению предшествующим ему поколением массу производительных сил и предшествующих ему собственные условия жизни...» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 44, 45).

Экологический фактор. Деятельность по созданию продуктов потребления — это не только использование природного вещества, но и взаимодействие с окружающей человека природной средой, с многообразием ее природно-сырьевых ресурсов, климатических, почвенных и тому подобных условий, в которых он постоянно обитает, что, естественно, накладывает определенную печать на всю деятельность.

Таковы основные факторы, характеризующие условия, при которых совершается предметно-практическая деятельность, направленная на удовлетворение потребностей каждого конкретного общества, деятельность, в ходе которой формируются различные типы социальных отношений.

Описанная здесь кратко структура компонентов предметно-практической деятельности, рассматриваемая как функциональная система, порождает не только материальный объект, но и продукт духовной (идеологической) деятельности, поэтому данная структура универсальна и относится к общесоциологическому уровню характеристики социальной системы.

Выше было определено, что в основании ФАТ должен быть закон функционирования отдельного конкретного общества — СИО/АК, объективное содержание которого отражает воспроизводство социально-исторической жизнедеятельности. Последнее осуществляется путем опредмечивания социальных потребностей в процессе предметно-практической деятельности. Рассмотрев структурное содержание основных компонентов этой деятельности, можно перейти к анализу самого *механизма опредмечивания*, в котором проявляются *основные законы, регулирующие процесс опредмечивания социальных потребностей.*

Механизм опредмечивания раскрывается при анализе предметно-практической деятельности как функционирующей системы, которая представляет собой взаимодействие двух основных структурных категорий предметно-практической деятельности, порождающее систему отношений, регулируемых объективными законами опредмечивания социальных потребностей.

Структуру механизма опредмечивания социальных потребностей для наглядности можно представить в виде матрицы (см. таблицу), которую назовем «решеткой опредмечивания социальных потребностей» (РОСП). Каждая ее ячейка, лежащая на пересечении отдельных структурных звеньев, описанных выше компонентов предметно-практической деятельности, отображает взаимодействие двух простейших элементов, в результате которого и рождаются определенные элементы социальных отношений, а в совокупности РОСП отображает в целом внутренний механизм опредмечивания как целостного процесса деятельности, направленной на удовлетворение социальных потребностей.

В каждой ячейке отношения осуществляются в соответствии с социальной

Таблица

Общая структура и содержание элементов опредмечивания социальной жизнедеятельности (решетка опредмечивания социальных потребностей — РОСП)

Компонент предметно-практической деятельности	Социально-исторические факторы				
	общественные	этнические	функциональные	технологические	экологические
Социум	Закон формирования субъекта социальных потребностей — инициатора деятельности по созданию продукта потребления для удовлетворения своих потребностей	Закон сохранения этноисторических традиций опредмечивания (закон преемственности традиций в формах и способах удовлетворения потребностей)	Закон функциональной обусловленности опредмечивания спецификой потребностей конкретных сфер жизнедеятельности	Закон соответствия уровня развития техники и технологии удовлетворения потребностей социальной ступени развития общества	Закон социоэкологического детерминизма: соответствия социальных потребностей экологическим условиям среды обитания субъекта потребностей
Знания	Закон осознания субъектом потребности необходимости их удовлетворения и формулирования цели деятельности по созданию продукта потребления	Закон закрепления в социальной памяти образов специфических форм и способов удовлетворения потребностей	Закон моделирования функций продуктов потребления и способа их производства в соответствии с потребностями социальных сфер	Закон формирования модели преобразующей деятельности: закрепления технологического опыта в техническое знание о соответствующей сфере	Закон накопления знания о природной среде, в том числе о возможностях преобразования природных материалов для потребления на основе практики
Деятельность	Закон выбора исполнителя деятельности по созданию продукта потребления. Способ включения исполнителя в деятельность	Закон сохранения традиций подбора исполнителя и способов включения в деятельность по удовлетворению потребностей	Закон структурной организации деятельности в соответствии со спецификой потребности социальных сфер	Закон реализации модели преобразующей деятельности на основе преемственности опыта исполнителя создания продуктов потребления	Закон выбора природного материала и среды в соответствии с опытом исполнителя деятельности потребления
Средства деятельности	Закон собственности на средства деятельности, связанные с получением продуктов потребления	Закон сохранения традиционных форм собственности на средства деятельности	Закон соответствия средств деятельности целям достижения заданного качества функций продуктов деятельности	Закон соответствия средств деятельности технологии получения продуктов удовлетворения социальных потребностей	Закон выбора средств деятельности возможностям переработки природного материала
Природный материал	Закон собственности на природные ресурсы	Закон приспособления традиционных потребностей к местным природным условиям	Закон рационального выбора качества природного материала заданным функциям предмета потребления	Закон рационального выбора технологии обработки природных материалов для получения продуктов потребления	Закон выбора местного природного материала для создания продуктов потребления
Предмет потребления (предметный мир)	Закон собственности и распределения предметов потребления	Закон традиционных форм распределения и способов потребления предметов потребления	Закон удовлетворения социальных потребностей соответствия предметов потребления образцам, смоделированным в целях деятельности по удовлетворению потребностей	Закон технологии преобразования заданного предмета, удовлетворяющего социальные потребности из избранного природного материала	Закон образования отходов деятельности, отсечение материала с ненужными свойствами и количеством

природой взаимодействующих элементов по определенному правилу. «Это правило,— писал Ф. Энгельс в работе „К жилищному вопросу",— вначале выражающееся в обычае, становится затем законом» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 272). Поэтому «правило каждой ячейки» — клеточки и представляет первичный объективный элементарный закон опредмечивания (ЭЗО). Эти законы выражают простейшие отношения, происходящие в сложноинтегрированной целостности, образующей специфическую результанту — продукт, способный удовлетворить качественное многообразие потребностей социальной системы, что и составляет опредмечивание социальной жизнедеятельности. Именно так, по-видимому, можно понимать слова К. Маркса : «Практическое созидание предметного мира, переработка неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного — родового существа...» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 93). Только проникнув в механизм опредмечивания на уровне обыденной жизни, можно обнаружить закономерности самого опредмечивания как важнейших законов объективного развития СИО/АК.

Объем статьи не позволяет дать характеристику каждой из 30 ячеек РОСП, но содержание их нетрудно представить по взаимодействующим компонентам. Кроме того, этому поможет прилагаемая таблица РОСП, в которой сделана попытка обрисовать в каждой ячейке основное содержание ЭЗО. Конечно, это всего лишь первые наметки, требующие более глубоких разработок как по содержанию, так и по формулировкам. Пока что представляется важным раскрыть суть данной познавательной конструкции.

Даже краткая характеристика содержания отдельных ЭЗО, раскрывающих механизм опредмечивания социальных потребностей, причем учитывающих далеко не все влияющие на это факторы, показывает, насколько сложна и многогранна данная структура. Но ведь и сама социальная жизнедеятельность, воспроизводимая непрерывным опредмечиванием жизненно необходимых ей компонентов за счет усвоения энергии внешней среды (природных веществ) и внутреннего самодвижения, выражает суть социальной системы — самой сложной и высокоорганизованной системы, созданной Природой. Поэтому, естественно, что богатство разнообразия связей и взаимодействий компонентов, составляющих подобную систему, должно отображаться в ее истоках, где зарождаются и формируются те качества, которые в конечном счете определяют природу экономических, общественных, технологических и тому подобных отношений, характеризующих сущность любой социальной системы.

Надо полагать, что вообще ЭЗО далеко не исчерпываются теми, которые включены в РОСП, так же как и уровень их элементарности. Но это уже предмет специального исследования [2, с. 22, 23].

В целом, в наиболее общих чертах, закон опредмечивания будет иметь такую форму: **опредмечивание социальных потребностей индивидов, общин, отдельных обществ (СИО/АК) детерминировано спецификой функции потребностей в различных сферах деятельности, этноисторическими традициями, экологическими и общественно-экономическими условиями жизни каждого общества в соответствии со ступенью его формационного развития.**

Таково в кратком изложении онтологическое содержание тех объективных законов социальной действительности, которые в ФАТ формируют основание ее археологического уровня. Как уже отмечалось, данный слой теории должен обеспечить *включение в нее фундаментальных фактов их эмпирии,* в качестве которых выступает *реконструируемая повседневная, обыденная, постоянно воспроизводившаяся жизнедеятельность общества,* опредмеченная в его социальных потребностях. Фактически опредмечивание это форма существования социальной системы.

Опредмечивание социальных потребностей выступает, таким образом, центральной системообразующей категорией в слое археологического уровня, определяющей специфику всей ФАТ. В соответствии с изложенными обоснованиями и учетом определений объекта и предмета археологии как особой научной системы социоисторического познания конкретных СИО/АК средствами археологии можно

предложить следующую формулировку ФАТ. **Определяющим фактором закона функционирования отдельного общества — СИО/АК является его материальная жизнедеятельность, которая находится в соответствии со ступенью развития общественного способа производства в данных конкретных природных и исторических условиях и предметно-практической деятельностью, направленной на преобразование природных веществ в предметный мир для удовлетворения своих социальных потребностей.** Это *закон воспроизводства жизнедеятельности путем непрерывного опредмечивания социальных потребностей,* закон функционирования любого конкретно-исторического общества.

IV. В теории, в том числе и фундаментальной, в зависимости от различных обстоятельств, среди которых немалое значение имеет и уровень теоретизации данной науки, включаются не только собственно эмпирические и теоретические конструкции, отображающие объективные законы действительности, но и определенные совокупности гносеологических и логико-методологических установок, образующих своеобразный «мостик» перехода от методологических теорий к практике археологических исследований. При краткой характеристике социологических и исторических уровней ФАТ обращалось внимание и на основные принципы познания, которые на археологическом уровне, с точки зрения гносеологического подхода, должны обрисовывать способы познания социально-исторической действительности средствами археологии [2, с. 23, 43]. Специальные исследования проблемы так называемого «начала науки» — выделение эмпирической «клеточки» (артефакта) и исходной категории познания в археологии (опредмечивания) с позиций системности социальной деятельности [11, с. 226], которая «проявляется прежде всего в том, что каждый вид живой деятельности имеет свою диалектическую противоположность — соответствующий вид опредмеченной деятельности» [12, с. 122], позволили сделать вывод, что артефакты и опредмечивание «необходимо брать в единстве с реконструируемой живой деятельностью, поскольку лишь в таком единстве они могут быть использованы для построения всей научной системы археологии». Исходя из этого, было введено особое понятие «**опредмеченность**» как единство деятельной и вещной субстанций в социальной системе [11, с. 226]. Далее отмечалось: «Опредмеченность как категория системы обществоведения означает выделение наиболее общей абстрактной формы сущности, специфического отличия общественной системы, ее простейшего исходного социального отношения, опираясь на которые в системе археологического познания необходимо раскрыть логическую взаимосвязь всех категорий» [11, с. 227].

Опираясь на данные положения, можно выделить **принцип опредмеченности** как основополагающий исходный принцип социоисторического познания археологического уровня. Введение таких принципов в теорию означает, что найден конкретный способ отражения в познании общего в различных совокупностях тех или иных фактов, а значит, и отображение этого общего и всеобщего в объективной действительности [13, с. 36].

Принцип опредмеченности, с точки зрения специфики движения археологической научной мысли, позволяет выделить три основных положения.

1. Принцип социальной детерминированности предметного мира (артефакта), любой элемент которого является элементом социальной жизнедеятельности и за ним «стояли» определенные социальные отношения[2]. Данный принцип утверждает правомерность исследований предметного мира для анализа социальной

[2] В этом плане интересно вновь обратиться к философским категориям опредмечивания и распредмечивания. Рассмотрим различные уровни этих процессов, в одном из них совершается опредмечивание и распредмечивание самого субъекта деятельности, происходит включение его в межчеловеческие отношения, т. е. приобщение к другим субъектам, приобщение к историческим связям с обществом. Отсюда очевидно, что опредмечивание, предметный мир может выступать как исходная база для исследования системы социальных отношений — определяющего фактора характеристики любого конкретного общества.

системы, в том числе и СИО-АК, в любом ее подходе или срезе, раскрывающими сущностные параметры ее сфер и всей целостности.

2. Принцип системного единства опредмеченности. Как непременный компонент социальной системы предметный мир отображает состояние и взаимодействие других компонентов в системе по фиксированным правилам (законам), которые обеспечивают качественную стабильность системы, ее структурированность в целостности образа жизни. Отсюда анализ опредмечивания артефактов как основа способа первичного познания социальной системы — реконструирования ее образа жизни.

3. Принцип уровней структуры опредмеченности как отражения в любом явлении социальной жизни социальных законов и организации различного уровня. В каждом ЭЗС при структурно-генетическом более глубоком рассмотрении можно выделить свойства и законы трех уровней: во-первых, присущие им как социальному явлению в его абстракции, во-вторых, как проявление их на определенных ступенях социально-исторического развития и, наконец, как правило, действующее в каждом конкретно-историческом обществе. Именно эта структура позволяет предметный мир — артефакт использовать как исходный источник познания социальных законов любого уровня.

Конечно, каждый из этих принципов освещает систему археологического познания в макроструктуре — на стратегическом уровне общих принципов, которые не пригодны для конкретных, прикладных исследований. Но это уже функция логики и методологии археологии [2, с. 24—26, 42—57], которые должны разрабатывать теорию и практику выполнения конкретных социоисторических исследований средствами археологии, в том числе и внедрения ФАТ. Это сфера **археологической** парадигмы — модели решения исследовательских задач. К сожалению, все это пока еще не привлекло серьезного внимания археологов, и здесь проблемы не только не сформулированы, но и не поставлены как актуальные вопросы дальнейшего развития науки.

Относительно ФАТ рассмотрим лишь несколько частных вопросов, иллюстрирующих практические возможности использования данной теории в арсенале уже имеющихся сегодня средств научно-познавательной деятельности археологов.

Опредмеченность в своей структурированной целостности достаточно обстоятельно описана выше, в том числе и РОСП, что дает наглядное представление об основных взаимосвязях различных компонентов и факторов опредмечивания, ЭЗО и их роли в функционирующей системе предметно-практической деятельности. Все это — исходные ориентиры построения логической связи отдельных конструкций в процессе исследования. Представляется, что эвристическая ценность РОСП состоит в том, что она наглядно фиксирует внимание ученого на многообразии связей отдельных компонентов и необходимости исследования их для получения объективного, адекватного отражения в знании исторической действительности. Удержать в памяти всю эту сетку логических связей и проводить изыскания по каналам, образующим эту сетку, практически почти невозможно или малоэффективно, ибо неизбежны пропуски, сбои, потери определенных ячеек и каналов. Поэтому в логике исследования — РОСП — это ориентир, каркас поставленной задачи, на который необходимо нарастить фактологическое и теоретическое знание. При этом связи на пересечении компонентов и факторов получают общесоциологическое обоснование в ЭЗО каждого звена, которые детализируются по мере приближения исследователя к конкретно-историческому уровню. Таким образом, здесь РОСП работает в режиме кибернетической машины, в которую многократно можно запускать исходный материал для нового цикла работы [14, с. 167].

Главная цель археологического исследования — реконструкция прошлой исторической действительности и познание закономерности ее развития. В этой функции может быть использован «режим работы» РОСП как для исследования вопросов эмпирического типа — реконструирования на уровне образа жизни, так и теоретического — раскрытия закономерностей социально-исторического разви-

тия различных сторон конкретных сфер жизнедеятельности, самих сфер или СИО/АК как целостностей [2, с. 27—42; 15, с. 27—37]. Здесь все будет находиться в зависимости от того, какая задача «заложена в машину», насколько глубоко будут раскрываться ЭЗО в отдельных звеньях. При этом познавательная задача и конкретная сфера деятельности определяют, какие звенья и связи РОСП должны быть разработаны более основательно, а какие могут оставаться пока в стороне, как не имеющие решающего значения.

Подобное свойство РОСП обусловлено ее положением в ФАТ — это центральный компонент функционирующей исследовательской системы. Но главное заключается в том, что ФАТ в своей методологической функции обладает свойством высокого структурного изоморфизма (подобия) с теоретическими конструкциями разрабатываемых на базе исследования археологических источников. Это означает, что любая конкретная социально-историческая теория о закономерностях развития того или иного СИО/АК как в целом, так и в частных ситуациях (то, что нами выделяется в методологии археологии как категория археологического теоретического знания — АТЗ [2, с. 127, 135, 159, 168 и сл.]) конструируется и разрабатывается на основе ФАТ, путем ее детализации, внесения данных, необходимых для решения конкретной задачи. Иначе говоря, АТЗ представляет собой всегда известную модификацию АТФ, и их структурный изоморфизм составляет основную эвристическую ценность, поскольку позволяет положения ФАТ переносить в практику археологических исследований.

На начальном этапе исследования создается обычно гипотеза, предваряющая АТЗ. В процессе переработки гипотезы в теорию возникает промежуточное звено — *теоретическая модель*, обрисовывающая все основные положения теории [2, с. 147, 179, 199, 243 и сл.]. Главный компонент модели — ее *эмпирическая схема* [2, с. 140, 229, 249], в которой необходимо все ведущие социологические понятия представить в их опредмеченном виде, основываясь на упомянутом выше понимании системности социальной деятельности, когда каждый вид живой деятельности (в виде социального понятия) имеет свою диалектическую противоположность — соответствующий опредмеченный мир. РОСП и представляет практически идеальную возможность построения эмпирической схемы — совокупности предметного мира, задействованного в той или иной сфере или какой-либо ее стороны, ситуации или событии, которые являются предметом данного исследования. Отличительная черта элементов эмпирической схемы — их ориентировочная направленность, отображающая лишь основные сущностные параметры предметного мира (например, орудие обработки земли — ручное или с применением тягловой силы животных и т. п.).

Теоретическая модель и ее эмпирическая схема являются каркасом для наполнения артефактами: объективными, косвенными, опосредованными, гипотетичными и т. п.— на основе совокупности предметного мира, обозначенного в эмпирической схеме. В процессе этого наполнения, естественно, идет активный поиск недостающих данных. Артефакты после соответствующей достаточно сложной операциональной обработки[3] на основе специально разработанной методики исследования формируют эмпирический базис теории [2, с. 162, 230, 247, 251]. И в этой процедуре огромную роль может играть РОСП, позволяющая ориентироваться в исследуемой сфере деятельности. При этом следует иметь в виду, что когда речь идет о РОСП, подразумевается чаще всего не одна такая матрица. Социально-историческая проблема, как правило, сложная конструкция, в которой необходимо вычленять подпроблемы, подразделения, соотносимые с более или менее самостоятельными актами исторической действительности, требующими построения самостоятельных РОСП. Все исследование — это серия, иерархия задач и РОСП, которые в конечном итоге и синтезируются в эмпирический базис теории. Заключительный этап исследования, который в узком смысле и

[3] Операциональная обработка данных о признаках артефактов представляет собой самостоятельную процедуру, планируемую в специальных разделах проблемно-целевой программы исследования.

выступает как теоретическое восхождение от абстрактного к конкретному, состоит в том, что в теоретической модели эмпирическая схема замещается эмпирическим базисом, т. е. в нее вводятся фактологические данные. При этом, естественно, многие звенья оказываются далеко не идентичными, что заставляет вносить коррективы в теоретическую модель, причем нередко весьма существенные. Главным на этом этапе является непротиворечивое согласование (по мнению исследователя!) эмпирического базиса (комплекса артефактов) с принятой гипотезой, что и служит основой построения научного объяснения — конкретной социально-исторической концепции по изучаемой проблеме — конечной цели любого археологического исследования (получение АТЗ).

Такова общая схема социоисторического исследования в археологии, в организации которого решающую роль играет ФАТ со всеми составляющими ее компонентами.

При освещении данной проблемы основное внимание было сосредоточено на разборе содержания археологического уровня ФАТ, что вполне естественно, ибо именно данный уровень определяет ее специфические отличия от подобной же исторической теории. Это отнюдь не означает, что общесоциологический и исторический уровни достаточно просты и не требуют столь же обстоятельной самостоятельной разработки. Но это уже отдельная тема, которая в данной статье не затрагивалась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проблемная ситуация в современной археологии/Под ред. Генинга В. Ф. Киев: Наук. думка, 1988.
2. *Генинг В. Ф.* Структура археологического познания. Проблемы социально-исторического исследования. Киев: Наук. думка, 1989.
3. *Массон В. М.* Первые цивилизации. М.: Наука, 1989.
4. *Генинг В. Ф.* Археологическая культура — социально-исторический организм — центральная категория познания археологии//Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев: Наук. думка, 1987.
5. *Генинг В. Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М.: Наука, 1988.
6. *Афанасьев В. Г.* Системность и общество. М.: Наука, 1980.
7. *Генинг В. Ф.* Объект и предмет науки в археологии. Киев: Наук. думка, 1983.
8. *Буева Л. П.* Проблема деятельности личности в марксистской и буржуазной социологии//Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М.: Наука, 1972.
9. *Башилов В. А., Лооне Э. Н.* Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии//СА. 1986. № 3.
10. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М.: Наука, 1981.
11. *Генинг В. Ф.* Проблема «начала науки» и построение научной системы археологии//Марксистско-ленинское теоретическое наследие и современная наука. М.: Наука, 1989.
12. *Фофанов В. П.* Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981.
13. *Разумовский О. С.* От конкурирования к альтернативам. Экстремальные принципы и проблема единства научного знания. Новосибирск: Наука, 1983.
14. *Ракитов А. И.* К вопросу о структуре исторического исследования//Философские проблемы исторической науки. М.: Наука, 1969.
15. *Генинг В. Ф.* Структура систем археологического знания (к вопросу о методологическом анализе уровней знания археологии)//Методологические и методические вопросы археологии. Киев: Наук. думка, 1982.

Институт археологии АН Украины,
Киев

V. F. GENING

A PROBLEM OF CREATION OF FUNDAMENTAL ARCHAEOLOGICAL THEORY

Summary

One of the main functions of the science is theoretical systematization of knowledge by a fundamental archaeological theory (FAT) having three levels: sociological, historical and archaeological each reflecting

the rules of formation of material reality. The basis of the FAT is **a rule of functioning separated communities** (social and historic units adequate to archaeological cultures). Their material functioning corresponds to the level of production and practical activity aimed at changing natural materials into artefacts satisfying social needs. The archaeological level of the FAT contains an investigation of practical actions, which is the basis of the material satisfying of social needs. There are two groups of categories — generally social ones and historical ones, the first dealing with structures of practical activity and the latter with realization it in life. The crossing of the groups may be termed as **the grill of artefacting social needs**, which reflects the interconnection of **the primary rules of artefacting.** These rules are influenced by specific functions of social needs in different fields of activity, ethnohistorical traditions, ecology and socio-economic conditions. **A principle of knowledge** of archaeological level is formulated concerning gnoseology, this one being the principle of artefacting which influenced the peculiarity of artefact in the system of knowledge.

М. В. АНИКОВИЧ

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭПОХА»

В советской археологии «археологическими эпохами» обычно называют наиболее крупные периоды, на которые членится история человечества, интуитивно ощущаемые исследователями как более или менее «одинаковые» по своему значению, «равноценные». В качестве «эпох» обычно выступают следующие девять периодов: олдувей, ашель, мустье, верхний (поздний) палеолит, мезолит, неолит, энеолит, эпоха бронзы, эпоха железа. В обобщающих археологических работах, например в 20-томной «Археологии СССР», делаются попытки определить каждую из этих эпох по отдельности, но при этом практически нет попыток дать определение самому п о н я т и ю «археологическая эпоха».

Это не случайно. Сравнивая между собой конкретные определения каждой из эпох, убеждаемся в том, что они между собой логически несопоставимы, так как в основе этих определений лежат зачастую разные критерии. Верхний палеолит, как и предшествующие эпохи, чаще всего пытаются охарактеризовать через общие особенности техники обработки камня и формы каменных орудий. Технико-типологические критерии упоминаются и при выделении мезолита, хотя строгое их соблюдение неизбежно приводит к, казалось бы, весьма курьезным выводам[1]. Может быть, сознавая это, некоторые исследователи настойчиво проводят мысль о хозяйственных критериях[2], на практике же подавляющее большинство исследователей выделяет мезолит по геологическому критерию, обозначая этим термином докерамические индустрии голоцена. Еще заметнее стремление определить через коренные изменения в экономике эпоху неолита (так называемая «неолитическая революция»), хотя на практике неолитические памятники в подавляющем большинстве случаев выделяются по наличию керамики. Энеолит, эпоха бронзы, эпоха железа — при определении этих понятий сохраняет свое значение прямая семантика термина, хотя налицо стремление «углубить» содержание этих эпох за счет привлечения социально-экономических характеристик. Итак, налицо отсутствие единого принципа, который должен был бы лежать в основе выделения археологических эпох, грубое нарушение первого правила деления объема понятий, которое гласит: «при одном и том же делении необходимо применять одно и то же основание». В этом отношении современная археологическая периодизация весьма напоминает классификацию животных, которая, если верить Х. Л. Борхесу, была предложена в некоей «китайской энциклопедии»; согласно этой классификации, животные подразделялись на: «а) принадлежащих императору, б) прирученных, в) молочных поросят, г) сирен» и т. д. вплоть до: «к) нарисованных очень тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти, л) прочих, м) только что разбивших кувшин, н) издалека кажущихся мухами» [5, с. 31]. Ясно, что термин «археологическая эпоха» не станет полноценным научным понятием до тех пор, пока не будет раскрыт общий принцип, общее основание,

[1] В. А. Лынша, строго проводящий в своих исследованиях тезис о том, что «критерием для выделения археологической эпохи служат важность и всеобщность технического нововведения» неизбежно приходит к выводу, что мезолитическая эпоха начинается по меньшей мере 20 тыс. лет назад [1, с. 5, 12].

[2] В Советском Союзе первым, кто для определения мезолитической эпохи исключительно важную роль отводил хозяйственным изменениям (смена форм охоты, распространение рыболовства), был М. В. Воеводский [9]; впоследствии такой подход активно разрабатывался А. А. Формозовым [3], Г. И. Медведевым [4] и др.

© М. В. Аникович, 1992 г.

на котором должна базироваться археологическая периодизация. Обнаружение такого принципа, вероятно, приведет к определенной корректировке функционирующей сейчас периодизации по археологическим эпохам. При этом понятие «археологическая эпоха» может претендовать на самостоятельность лишь в том случае, если в нем отразится такая сторона исторической действительности, которая не сводится прямо и непосредственно к достаточно разработанным общеисторическим категориям («способ производства», «форма хозяйства» и т. п.). В противном случае археологическая периодизация неизбежно должна раствориться в иной общеисторической периодизации, раскрывающей развитие исторического процесса через подобные категории.

По моему мнению, едва ли не основным препятствием для определения археологической эпохи в качестве научного понятия служит представление о том, что можно и должно выработать некую универсальную, единственно правильную периодизацию человеческой истории, после чего все остальные периодизации должны либо исчезнуть как «неправильные», либо в лучшем случае — временно существовать как подчиненные, вспомогательные, условные, чье значение несопоставимо со значением «главной», «общеисторической». В советской науке такие взгляды были абсолютно господствующими в 30—50-е годы; под их знаком прошла дискуссия о периодизации истории первобытного общества, особенно активно развернувшаяся на страницах этнографических изданий в первой половине 50-х годов. Среди этнографов такого рода представления распространены до сих пор; свидетельство тому — написанное А. И. Першицем «Введение» к совсем недавно опубликованной трехтомной «Истории первобытного общества». По мнению А. И. Першица, археологическая периодизация «не универсальна», так как «в различных условиях однотипные по уровню развития общества могут пользоваться или не пользоваться железом, бронзой, а в отдельных случаях — и камнем»; в итоге она хотя и «сохраняет немалое значение», но лишь в качестве совокупности региональных периодизаций [6, с. 14, 15]. «Единственно правильным критерием периодизации первобытности» А. И. Першиц по-прежнему считает «только тот, на котором основано формационное членение всего исторического процесса, а именно различия в способе производства, и в частности в формах производственных отношений» [6, с. 18]. На основе этого критерия он выделяет три исторические эпохи: праобщину (первобытное человеческое стадо), первобытную (родовую) общину, первобытную соседскую (протокрестьянскую) общину. Вторая эпоха подразделяется на два периода: раннепервобытную (раннеродовую) общину и позднепервобытную (позднеродовую) общину. По мнению А. И. Першица, это и есть искомая «универсальная», «единственно правильная» периодизация первобытности [6, с. 25].

В настоящее время все большее число советских историков первобытного общества, в первую очередь археологов, отказывается от такого подхода, приходит к выводу, что процесс развития общества слишком сложен и многогранен, чтобы все его стороны и закономерности могли быть выражены в какой-то одной «единственно верной» периодизации. Общеизвестные примеры сохранения родового строя на уровне эпохи железа в одних частях земного шара и формирования первых государств обществами, еще не освоившими производства бронзы,— в других, говорят не об «ошибочности» археологической периодизации, но лишь о том, что закономерности, отражающие различные стороны человеческого бытия, не сводятся целиком и полностью одна к другой, а следовательно, и периодизация исторического процесса, в которой эти закономерности наглядно раскрываются, не исключают друг друга, но сосуществуют как одинаково необходимые в процессе исторического познания. Таким образом, из приводимых А. И. Першицем примеров нельзя делать вывод о том, что археологическая периодизация в целом «не универсальна». Более того, даже если в каком-либо регионе обнаружится выпадение какой-либо из археологических эпох,— и этого будет недостаточно для такого вывода, поскольку хорошо известно, что отнюдь не все народы прошли в своем развитии одну за другой все известные общественно-экономические формации,

но тем не менее универсальная значимость формационного членения истории, по крайней мере для историка-марксиста, не вызывает каких-либо сомнений. Археологическая периодизация сильно уступает формационной по своему теоретическому уровню: если вторая представляет собой концентрированное выражение наиболее общих из известных нам законов развития исторического процесса, то первая в сущности — не более чем эмпирическое обобщение.

Все же даже среди археологов заметно стремление «углубить» археологическую периодизацию за счет введения в нее социально-экономических характеристик. Даже А. А. Формозов, совершенно справедливо писавший, «что вводить как основной элемент археологической периодизации социологические характеристики вряд ли стоит» [7, с. 10], при определении мезолитической эпохи весьма серьезное значение придавал изменениям в формах хозяйства [7, с. 8]. Возможно, в основе столь устойчивого стремления лежит ощущение «неполноценности» археологической периодизации из-за ее эмпиричности. Но на этом пути повысить теоретический уровень археологической периодизации невозможно. Если бы мы смогли обоснованно выразить археологические ступени через этапы социально-экономического развития общества, это действительно означало бы ликвидацию археологической периодизации как совершенно излишней логической конструкции. Однако принципиальное несовпадение ступеней археологической периодизации и этапов социального и экономического развития — непреложный факт, отрицать который не могут даже искатели «единственно верной», «универсальной» периодизации исторического процесса. Из этого следует, что важнейшие экономические характеристики, и в первую очередь переход от присваивающих форм хозяйства к производящим, равно как и характеристики социальные, важнейшей из которых является формирование классов, переход от первобытнообщинных структур к структурам политическим, должны лежать в основе построения самостоятельных периодизаций, но при этом они не могут ни «объяснять», ни тем более заменять собой археологическую периодизацию. К тому же претендующие на абсолютную универсальность социально-экономические периодизации при работе с вещественными источниками зачастую оказываются бесполезными. В самом деле, хотя археологические методы и позволяют отличать коллективы, перешедшие к производящим формам хозяйства, для более тонкого, детального и всестороннего анализа способов ведения хозяйства в первобытных коллективах, представленных только археологическими памятниками, эти методы крайне малоэффективны. Что же касается социальных отношений, то возможность их восстановления по археологическим данным, особенно для древнейших обществ, близка к нулю: мы не в состоянии даже сколько-нибудь убедительно показать, в чем состоит сходство и различие общественного устройства мустьерских сообществ, с одной стороны, и позднепалеолитических — с другой. В этих условиях применить периодизацию А. И. Першица или любую подобную ей периодизацию к археологическим данным можно лишь на чисто субъективной основе: «уверовав» в то, что неолит должен соответствовать позднеродовой общине, верхний палеолит — раннеродовой общине, а все, что было до того,— «первобытному человеческому стаду». Построения такого рода, основанные в конечном счете на вере и авторитете, я не могу считать научно обоснованными, иных же способов применения социально-экономических периодизаций к археологическим материалам мы не имеем. Таким образом, археологическая периодизация в практических исследованиях древнейшего прошлого попросту незаменима. Вполне правомочно допустить, что в лице этой периодизации мы имеем дело с эмпирическим проявлением каких-то еще не раскрытых общих законов исторического процесса. В этом случае логическое упорядочение археологической периодизации тем более необходимо, как первый шаг к раскрытию еще не познанных законов.

В последние годы все большее число советских археологов убеждается в принципиальной несводимости археологической периодизации к периодизациям социально-экономическим, в необходимости ее обоснования через критерии, доступные археологическим методам исследования [1, 8, 9 и др.]. Но вместе с

тем среди наших археологов весьма распространены взгляды, согласно которым археологические эпохи должны обосновываться к о м п л е к с н о — сочетанием разного рода критериев: технико-типологических (широкое распространение нового материала, особых технологических приемов, определенного набора орудий), социально-экономических (распространение новых способов охоты, массовое распространение рыболовства, возникновение земледелия и т. п.) и т. д. вплоть до антропологических (например, возникновение человека современного вида на рубеже мустье и верхнего палеолита) и даже геологических (рубеж плейстоцен — голоцен как граница между верхним палеолитом и мезолитом). Я считаю такой подход ошибочным, прежде всего потому, что он не ликвидирует, а наоборот, усугубляет, возводит в принцип несоответствие археологической периодизации первому правилу деления объема понятий. Положение усугубляется тем, что на практике разные составляющие комплекса признаков никогда не возникают и не исчезают одновременно, тем более в пределах всей ойкумены. Тем самым неизбежно приходится придавать большее значение одним признакам, меньшее — другим, что вопреки намерениям исследователей, придерживающихся комплексного подхода, ведет к субъективизму в определении археологических эпох.

В комплексном подходе есть и положительная сторона. Вполне очевидно, если мы стремимся отразить в археологической периодизации реальные, значимые ступени человеческой истории, то каждая из таких ступеней должна отличаться от соседних по целому ряду существенных показателей, а не по одному - единственному произвольно выбранному критерию. Очевидно и то, что сравнение между собой комплексов признаков, свойственных ряду выделенных ступеней, может помочь определить, действительно ли эти ступени («эпохи») представляют собой явления одного порядка? Если совокупность существенных признаков, присущих одной из таких ступеней, резко отлична от характеристик иных ступеней, то, вероятнее всего, ступени эти выражают собой разнопорядковые явления и не могут рассматриваться на одном уровне.

Казалось бы, сказанное в защиту комплексного подхода противоречит предшествующему абзацу, но это не так. Дело в том, что требование первого правила деления объема понятий установить единое основание для такого деления не только не препятствует п о с л е д у ю щ е м у применению комплексного подхода, но делает сам этот подход более строгим, ибо в этом случае различного рода признаки уже не могут рассматриваться в виде простой совокупности, в которой большая или меньшая значимость одних по сравнению с другими не обусловлена ничем, кроме вкусов исследователя. Когда определено общее основание, единый критерий периодизации, остальные признаки неизбежно должны упорядочиваться согласно избранному критерию и в соответствии с этим устанавливаться их значимость в данной периодизации, что в свою очередь ведет к выявлению взаимосвязей данной периодизации с иными периодизациями исторического процесса, построенными на иных определяющих критериях. На смену простому перечислению «значимых» признаков приходит аналитическая работа, в ходе которой, кстати, комплексный подход в полной мере осуществляет и верифицирующую функцию, проверяя, насколько избранный принцип периодизации способен отразить значимые и однопорядковые ступени человеческой истории, и при необходимости требуя упорядочения или замены старого критерия новым. Мы можем увидеть, как действует в этой роли комплексный подход, обратившись к истории формирования археологической периодизации.

Гениальная догадка Тита Лукреция Кара, 19 столетий спустя научно обоснованная Христианом Юргенсом Томсеном, подразделяет историю человечества на три сменяющих друг друга периода: каменный, бронзовый и железный века. Система трех веков полностью соответствует фактам и строго логична: она основывается на изменениях материала, из которого изготавливались основные орудия труда и оружие. Как известно, дальнейшее ее развитие пошло по линии дробления первой ступени: каменный век вначале разделялся на палеолит и неолит, а впоследствии палеолит подвергся более детальному членению. Кор-

ративы, вносимые в ходе развития науки в первоначально сложившуюся периодизацию, в принципе не меняли ее иерархической структуры. Может быть, и задача наша состоит лишь в том, чтобы логически упорядочить эту структуру? Можно, например, предложить выделять «эпохи» как более низкое подразделение по отношению к «векам» на основе развития технологии обработки исходного сырья, а еще более низкие подразделения назвать «периодами» и выделять их, допустим, по характерному набору орудий. Первое правило деления объема понятий будет соблюдено, а неизбежные изменения в сложившейся археологической периодизации, вероятно, будут не столь существенными и коснутся преимущественно терминологии.

И все же такой выход я считаю неприемлемым. Дело в том, что чем больше мы узнавали о древнейшем прошлом, чем полнее и многограннее становилась комплексная характеристика каждого из трех веков, тем явственнее вырисовывалось фактическое несоответствие первого, каменного века двум другим. Главное здесь даже не чудовищный по масштабам хронологический разрыв (каменный век длился миллионы лет, бронзовый и железный — считанные тысячелетия). Главное — несопоставимые по значимости изменения, происходившие в течение каменного века, когда менялся сам физический облик человека, зарождались и делали первые шаги искусство и религия, одним словом, когда происходил процесс становления важнейших, определяющих сторон человеческого бытия, и с другой стороны — изменения в течение всей последующей истории, когда шло развитие сформировавшихся характеристик, присущих именно человеку современного вида. Если в конце XIX в., когда даже продолжительность первого этапа человеческой истории, названного «каменным веком», не говоря уже об историческом содержании этого этапа, была далеко не ясна и признание иерархической равноценности каменного века двум другим векам было вполне оправданным, то теперь, опираясь на комплексные характеристики данных этапов, мы видим, что попытка сохранить их иерархическое равенство в неизменности выглядит так же, как если бы мы попытались классификационно уравнять, допустим, меловой период и рисс-вюрмское межледниковье! Вот почему нельзя согласиться с Ю. Н. Захаруком, который полагает, что система трех веков сохраняет свое значение и в наши дни [10]. Если с течением времени понятия «бронзовый век» и «железный век» лишь упрочили свое положение в качестве верхних ступеней археологической периодизации (только вместо термина век все чаще стал употребляться термин эпоха), то «каменный век» и даже «палеолит», расплываясь и дробясь, все более приобретали черты чисто условных понятий, в качестве же ступеней, более или менее равнозначных эпохам бронзы и железа, стали выступать в сознании исследователей, как об этом говорилось в начале статьи, более дробные подразделения «каменного века». Поскольку к такому состоянию наука пришла не в результате чьих-то «ошибок», а вследствие углубления представлений о каменном веке, «исправить» археологическую периодизацию путем возврата к формально логичной системе трех веков невозможно.

Отсюда вытекает невозможность определения понятия «археологическая эпоха» через технологические (развитие способов обработки камня) или типологические (характерный набор орудий) критерии: в этом случае основа для выделения двух верхних эпох — бронзы и железа остается принципиально иной, и мы фактически продолжаем пребывать в плену той же старой системы трех веков. Где же выход?

Оригинальное решение проблемы предложил Г. П. Григорьев. По его мнению, «эпохи отличаются друг от друга прежде всего по своей структуре» [8, с. 15], т. е. по тем основным дефинициям, которые употребляются при анализе материалов каждой из эпох. Так, по Г. П. Григорьеву, олдувейские индустрии однородны в пределах всей ойкумены; каких-либо подразделений олдувейской эпохи выделить не удается. В ашеле картина уже иная: «Все известные ашельские памятники, где бы они ни находились, укладываются в три разновидности: северный ашель — тот самый, что стал известен исследователям самым первым в долинах Соммы и Темзы, южный ашель, распространенный по всей Африке, и ашель с чопперами,

не так давно всеми отрицавшийся» [11, с. 19]. Мустьерская эпоха характеризуется «путями развития». «Пути развития не отражают местного своеобразия того или иного подразделения ойкумены. Они отражают общие тенденции развития каменных орудий мустьерской эпохи... Все пути развития примерно одновременны, поскольку по длительности они почти равны всей мустьерской эпохе. Пути развития экстерриториальны» [8, с. 14, 15]. Структурным подразделением эпохи верхнего палеолита является археологическая культура, которая всегда привязана к определенной территории и по длительности во времени является лишь частью верхнего палеолита» [8, с. 15].

Взгляды Г. П. Григорьева не пользуются безоговорочным признанием среди советских ученых, хотя и не встречают детальной и убедительной критики. Я считаю, что взгляды эти содержат серьезное рациональное зерно, хотя, безусловно, требуют более глубокого обоснования, по-видимому, существенных уточнений. Так, например, с одной стороны, многие советские палеолитоведы склонны выделять археологические культуры и в мустье, и даже в ашеле. С другой стороны, мы наблюдаем явления, подобные «путям развития» и в верхнем палеолите — в виде так называемых «ориньяковидных», «селетоидных» и «граветтоидных» индустрий, принадлежащих внутри каждой из этих групп к разным, генетически не связанным друг с другом археологическим культурам. Но даже приняв взгляды Г. П. Григорьева, хотя бы в качестве предварительной, рабочей гипотезы, нетрудно убедиться, что предложенный им критерий пригоден лишь для разграничения р а н н е п а л е о л и т и ч е с к и х эпох, ибо во все последующие периоды, и в неолите, и в бронзовом, и в железном веке, основной дефиницией, основным «структурным подразделением» остается археологическая культура. Таким образом, периоды, выделяемые по критерию Г. П. Григорьева, равнозначны не последующим археологическим эпохам, начиная с верхнего палеолита, но всей их совокупности! Для разграничения же последующих эпох, характеризующихся археологическими культурами, необходимо искать иное основание.

В качестве такого основания я предлагаю несколько уточненный принцип, лежавший в основе системы трех веков. Археологическая эпоха должна определяться массовым внедрением в человеческую практику качественно нового вещественного материала, который в предшествующие эпохи либо не использовался вовсе, либо употреблялся очень ограниченно и технологически примитивно. Согласно предложенному критерию, верхний (поздний) палеолит отделяется от мустье массовым распространением обработки кости и рога и может быть назван «эпохой кости», неолит от верхнего палеолита отделяется массовым распространением керамики («эпоха керамики»); названия «эпоха бронзы» и «эпоха железа» говорят сами за себя.

Хорошо известно, что кость использовалась и в мустье — в виде ретушеров, различного рода предметов, не имеющих устойчивых форм. «В раннем палеолите технология обработки кости связана, как правило, только с ударом. Разнообразные технические приемы изготовления костяных предметов можно отнести лишь к позднему палеолиту. В эту эпоху возникают комплексы функционально различных костяных орудий, предметы быта, орнаментированные „украшения" и произведения изобразительного искусства» [12, с. 13]. В свою очередь в отдельных позднепалеолитических комплексах (Дольни Вестоницы, Костенки 1 (верхний слой), Майнинская стоянка в Сибири) фиксируется употребление керамики, из которой изготавливались фигурки животных и человека. Однако массовое использование керамики, в первую очередь для изготовления посуды, возникло гораздо позднее, знаменуя начало новой археологической эпохи. Необходимо отметить, что с началом новой археологической эпохи «старый» материал вовсе не исчезал из обращения. То же керамическое производство развивается и совершенствуется и в последующие периоды, в ходе этого развития изобретается гончарный круг, фарфор, фаянс. Иногда материал, не исчезая из употребления, заметно меняет область применения, так произошло с камнем после появления

металлов. Вот почему конец эпохи железа следует связывать не с грядущим «веком легких металлов», как это полагает Ю. Н. Захарук [10, с.7], но с уже совершившимся массовым внедрением в человеческую практику синтетических материалов, обладающих разнообразными свойствами.

Предложенный критерий определения археологической эпохи как понятия, разумеется, не исключает комплексного анализа иных культурных характеристик каждой из эпох. В ходе такого анализа особого внимания заслуживает вопрос о том, насколько тесно связана та или иная характеристика с определяющим признаком эпохи. Для позднего палеолита («эпохи кости»), например, несомненна тесная связь между началом массовой обработки кости и возникновением специфического набора каменных орудий, специально предназначенных для такой обработки. Именно поэтому вполне правомерно определять памятник как позднепалеолитический, основываясь только на типологии каменного инвентаря, когда костяной инвентарь по какой-то причине отсутствует. Массовое же производство керамики не могло оказывать столь прямого воздействия на набор каменных орудий, вот почему там, где обнаруживается переход от так называемого «позднего мезолита» к неолиту, технико-типологические характеристики тех и других комплексов оказываются почти тождественными.

Согласно предложенному критерию, «мезолит» и «энеолит» лишаются статуса археологических эпох. Из этого не следует, что данные понятия вообще лишены смысла. Каждая эпоха может в свою очередь членяться — уже по иным критериям, если такое членение оправдано задачами науки. Для внутреннего членения «эпохи кости» (т. е. позднего палеолита) вполне правомерно использовать критерий, который В. А. Лынша использует для определения «мезолитической эпохи»,— возникновение вкладышевой техники [1, с. 5]. Нужно лишь иметь в виду, во-первых, то, что вкладышевая техника в Европе зарождалась по крайней мере 25 тыс. лет назад (сунгирьские копья и дротики, острые концы которых оснащались рядами наклеенных кремневых чешуек) и уже 22—21 тыс. лет назад была представлена в хорошо выраженной форме (составные наконечники из Амвросиевки), во-вторых, что именно этот критерий (смена охотничьего вооружения: переход от кремневых наконечников к наконечникам костяным, вкладышевым) использовался П. И. Борисковским для членения позднепалеолитической эпохи на два основных этапа в работе, написанной за 50 лет до появления кандидатской диссертации В. А. Лынши [13, с. 34, 35]. Воистину: «новое — это хорошо забытое старое!». Таким образом, «мезолит» следует понимать как второй (поздний) этап «эпохи кости», начало которого существенно отодвигается в прошлое (на 10—15 тыс. лет) от рубежа плейстоцен — голоцен. Энеолит же, связанный с технологически примитивным, но совершенствующимся использованием меди, следует, очевидно, считать первой ступенью эпохи бронзы.

Соотнесение археологических эпох с важнейшими ступенями развития экономики и социальных отношений безусловно необходимо. Но строиться оно должно не на прямом отождествлении этих ступеней с той или иной археологической эпохой, а на анализе экономических и социальных отношений (насколько они доступны науке) в разных областях земного шара у коллективов, относящихся к той или иной археологической эпохе. При этом оказывается, что в одних случаях возникновение производящего хозяйства происходит еще в эпоху кости и усиленно развивается в эпоху керамики (например, так называемый «докерамический неолит» — неолит Передней Азии), тогда как в других регионах и в эпоху бронзы население продолжает вести охотничье-собирательский образ жизни (примером может служить «энеолит» Карелии). Одни государства возникают на рубеже «керамической» и «бронзовой» эпох, в иных областях люди, освоившие выплавку железа, сохраняют первобытнообщинные отношения. Такого рода примеры (а они общеизвестны) свидетельствуют о том, что реальный механизм взаимодействия разных сторон человеческой деятельности намного сложнее упрощенных представлений о прямой и однозначной реакции любого социального организма на каждое крупное технологическое достижение.

Предлагаемый критерий заставляет по-другому рассматривать и проблему определения этнографических аналогов археологическим эпохам. До сих пор среди советских этнографов весьма распространены взгляды, согласно которым едва ли не единственным дошедшим до исторической современности обществом, соответствующим стадии позднего палеолита, являются тасманийцы [14, с. 21]. Такие взгляды, исходящие из принципа: «чем древнее, тем примитивнее», обусловливаются еще и слабым знанием археологического материала, который, кстати, свидетельствует о высоких достижениях в области культуры в определенные периоды позднепалеолитической эпохи. Строгое соблюдение основного принципа выделения археологических эпох требует отнесения к позднему палеолиту (эпохе кости) всех сообществ независимо от их культурного уровня, обрабатывающих камень и кость, но не знавших керамику. В некоторых случаях в истории отдельных народов может быть отмечено «выпадение» той или иной археологической эпохи. Так, у тлинкитов (индейцы северо-западного побережья Северной Америки), не изготовлявших керамику, но уже обрабатывавших медь, по-видимому, можно наблюдать непосредственный переход от позднепалеолитической эпохи к начальной стадии эпохи бронзы, минуя неолит. Каждый подобный случай должен изучаться и объясняться особо. Нужно всегда помнить, что хотя, вероятно, и существует для каждой из эпох какой-то предел возможности развития социально-экономических отношений и культуры, но границы этих возможностей гораздо менее ясны, нежели это предполагалось раньше, и в реальности экономические, социальные и культурные различия у разных коллективов, относящихся к одной и той же археологической эпохе, могут быть очень велики. Причины этих различий нужно искать в особенностях конкретно-исторической ситуации.

Как уже отмечалось, предложенный критерий для разграничения археологических эпох начинает работать только с эпохи позднего палеолита (эпоха кости). Правда, мы знаем, что в мустьерское время человечество помимо камня активно обрабатывало по крайней мере два материала — дерево и шкуры. Это установлено на основе трассологического анализа и отдельных, крайне редких находок обработанной древесины (деревянное копье из мустьерской стоянки Леринген). Но «углублять» на этом основании предложенный принцип, выделяя в раннем палеолите «эпоху дерева», «эпоху обработки шкур», я считаю неправомерным; ненаучным: при крайней скудости фактических данных такой подход явился бы чисто умозрительным, не обоснованным даже теоретически, ибо нет никаких оснований для безоговорочного утверждения, что овладение тремя упомянутыми материалами могло осуществляться в истории человечества только последовательно, но не одновременно.

Можно принять предварительный принцип членения раннего палеолита, предложенный Г. П. Григорьевым, оговариваясь, что для окончательного утверждения требуется всесторонняя дискуссия по данному вопросу. Уже отмечалось, что подразделения Г. П. Григорьева по своему иерархическому уровню выше археологических эпох, поэтому им уместно присвоить иное общее название: не «эпоха», а «эра». Таким образом, по принципу выделения основных структурных подразделений история человечества членится на четыре эры: олдувей (структурных подразделений нет), ашель (выделяются три разновидности), мустье (основная единица — «путь развития») и «новая эра», в пределах которой основной структурной единицей остается археологическая культура. Рассматривая археологическую культуру как систему традиций, выработанную в определенных социальных группировках под влиянием определенных исторических условий, нашедшую свое материальное выражение в тех результатах человеческой деятельности, которые смогли стать археологическими источниками; и раскрываемую посредством анализа данных источников [15, с. 20], мы видим, что при неизменности общих принципов подхода к анализу культур, их формы и характер, как и характер стоящих за ними социальных группировок, меняются с течением времени. Сейчас при рассмотрении «живой», современной

культуры никто не пользуется термином «археологическая культура», однако из этого не следует, что исчезло само явление, породившее данное понятие. Культурные традиции возникают, развиваются и исчезают, подчиняясь своим законам, отнюдь не сводимым прямо и без остатка к известным законам развития экономики и социального устройства. Изучение этих законов важно не только само по себе, но и для более глубокого понимания процессов, происходящих в обществах, от которых до нас дошли лишь вещественные источники. Опыт Дэвида Кларка, применившего анализ предметов почти современной культуры для установления законов развития типа [16], доказывает это со всей очевидностью. В принципе ничто не мешает при рассмотрении современной культуры выявлять специфические системы традиций (в том числе материализованных), т. е. осуществлять тот же подход, что и при выделении археологических культур эпохи позднего палеолита или неолита. Системы традиций, функционирующие в наше время и бытовавшие некогда, 5 или 25 тыс. лет тому назад, имеют в конечном счете одинаковую социальную природу, хотя, разумеется, конкретные формы породивших эти традиции социальных групп весьма различны.

Итак, предложенный вариант упорядоченной археологической периодизации выглядит следующим образом:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лынша В. А.* Мезолит юга Средней Сибири: Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1980.
2. *Воеводский М. В.* Мезолитические культуры Восточной Европы//КСИИМК. 1950. Вып. XXXI.
3. *Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М.: Наука, 1959.
4. *Медведев Г. И.* К истории исследования мезолита Приангарья//Мезолит Верхнего Приангарья. Ч. 1. Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского районов. Иркутск, 1971.
5. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Наука, 1977.
6. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблема антропосоциогенеза. М.: Наука, 1983.
7. *Формозов А. А.* О термине «мезолит» и его эквивалентах//СА. 1970. № 3.
8. *Григорьев Г. П.* Эпохи палеолита как показатель развития//Закономерности культур на территории Франции и Восточной Европы: Тез. докл. к Сов.-франц. симпоз. Л.: Наука, 1988.
9. *Есипов В. В.* Важнейшие концепции мезолита Прибайкалья//Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1982.
10. *Захарук Ю. Н.* «Система трех веков» и проблема человека и природы//Природа и человек. М., 1988.
11. *Григорьев Г. П.* Северный ашель, южный ашель, кавказский ашель//Всесоюз. археол. конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Баку, 1985.
12. *Филипов А. К.* Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите//Технология производства в эпоху палеолита. Л.: Наука, 1983.
13. *Борисковский П. И.* К вопросу о стадиальности в развитии верхнего палеолита//ИГАИМК. 1932. Т. XIV. Вып. 4.
14. *Кабо В. Р.* Первобытная доземледельческая община. М., Наука, 1986.

15. *Аникович М. В.* О содержании понятия «археологическая культура»//Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981.
16. *Clarke D.* Analytical archaeology. L., 1968.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

M. V. ANIKOVICH

ON THE DEFINITION OF THE TERM «ARCHAEOLOGICAL EPOCH»

Summary

The author states that the traditionally highest term of archaeological periodization "archaeological epoch" does not correspond the essence of scientific term. He objects against some universal historical periodization and considers archaeological periodization as one of its possible variants. The author rejects socioeconomic criteria for the term "archaeological epoch" as they should be used for different periodizations, as well as technical and technological criteria because "the epoch of bronze" or "the epoch of iron" are inevitably outlined according to different principles. The so called "complex approach" is also turned down. For the creation of archaeological periodization two terms are proposed: "era" and "epoch" The first one is based on G. P. Grigoryev's division: Oldoway (without subdivisions), Acheul (divided in "types"), Mouster (divided in "ways of development") and new era (divided in "archaeological cultures"). The new era is divided in five epochs which are outlined according to mass usage of some new material. They are the epoch of bone — the Upper Palaeolithic; the epoch of pottery — the Neolithic; the epoch of bronze, the epoch of iron, the epoch of synthetic materials. The Mesolithic and Chalcolithic are not considered to be archaeological epochs. The Mesolithic is the final period of the epoch of bone, while the Chalcolithic is the first period of the epoch of bronze.

Публикации

М. Г. ЖИЛИН, А. В. ЭНГОВАТОВА

СТОЯНКА ВЕЛЕТЬМИНСКАЯ 2 — ПАМЯТНИК С НАКОЛЬЧАТОЙ КЕРАМИКОЙ НА НИЖНЕЙ ОКЕ

Многочисленные вопросы, связанные с происхождением, временем бытования, характером хозяйства и дальнейшей судьбой племен с накольчатой керамикой, а также с соотношением накольчатых и гребенчатых комплексов, волнуют исследователей уже давно [1, с. 49—60; 2, с. 38; 3, с. 52; 4, с. 76; 5, с. 74; 6; 7, с. 36, 192; 8, с. 169—172, 9, с. 9, 10; 10, с. 17; и др.]. И сейчас дискуссия по этим вопросам не утратила своей остроты, причем точки зрения исследователей часто противоположные [1, с. 53, 63, 64; 2, с. 74; 10, с. 50—52]. Для решения многих из этих проблем не хватает чистых комплексов.

Сейчас известно несколько сотен памятников с накольчатой керамикой в Верхнем и Среднем Поволжье [1, рис. 9; 11, рис. 1], Прикамье [12, рис. 1, *23*] и на соседних территориях.

К сожалению, на Нижней и Средней Оке, в Горьковском Поволжье эти стоянки остались до сих пор малоизученными.

Тем не менее некоторые исследователи говорят об этом районе как о возможном пути продвижения племен с накольчатой керамикой на север [11, с. 61] или выделяют на этой территории своеобразную окскую группу [1, с. 60]. До настоящего момента памятники с накольчатой керамикой в этом районе были единичны: это Черномазские V и VI стоянки [13], стоянки у пос. Памяти Парижской Коммуны [1, с. 67], Гавриловка II [14, с. 70—78] и стоянка Красный Бор I [1, рис. 9]. К сожалению, небольшие и зачастую смешанные материалы даже этих нескольких стоянок не введены в научный оборот. Поэтому публикация памятника с практически чистым неолитическим комплексом накольчатой керамики с территории Нижней Оки представляет интерес.

Стоянка Велетьминская 2 находится в Навашинском р-не Горьковской обл., между деревнями Угольново и Волосово, в 2 км от последней и в 0,3 км от знаменитой Волосовской стоянки. Велетьминская 2 расположена на краю первой надпойменной террасы р. Ока [15, рис. 3], правый приток которой — р. Велетьма — протекает в 0,2 км от нее. К юго-востоку от стоянки расположена заболоченная низина «Песье болото», соединенная с р. Велетьма ручьем. К северо-западу от стоянки располагаются два небольших озерка, вероятно старичного происхождения, соединяющихся пересыхающей протокой с р. Велетьма (рис. 1, *1*).

Памятник был открыт Разведочным отрядом Верхневолжской экспедиции под руководством Л. В. Кольцова в 1978 г. и раскапывался в 1983 г. Горьковской археологической экспедицией под руководством М. Г. Жилина [16, с. 55, 56].

Раскоп площадью 160 м^2 был заложен на краю террасы, по обеим сторонам от разбитой колеи, в которой был собран богатый подъемный материал (рис. 1, *9*).

Стратиграфия памятника (рис. 2): 1) дерн (мощность 0,04—0,08 м); 2) навеянный песок (мощность 0,00—0,17 м); 3) темно-серый песок (мощность 0,08—

© М. Г. Жилин, А. В. Энговатова, 1992 г.

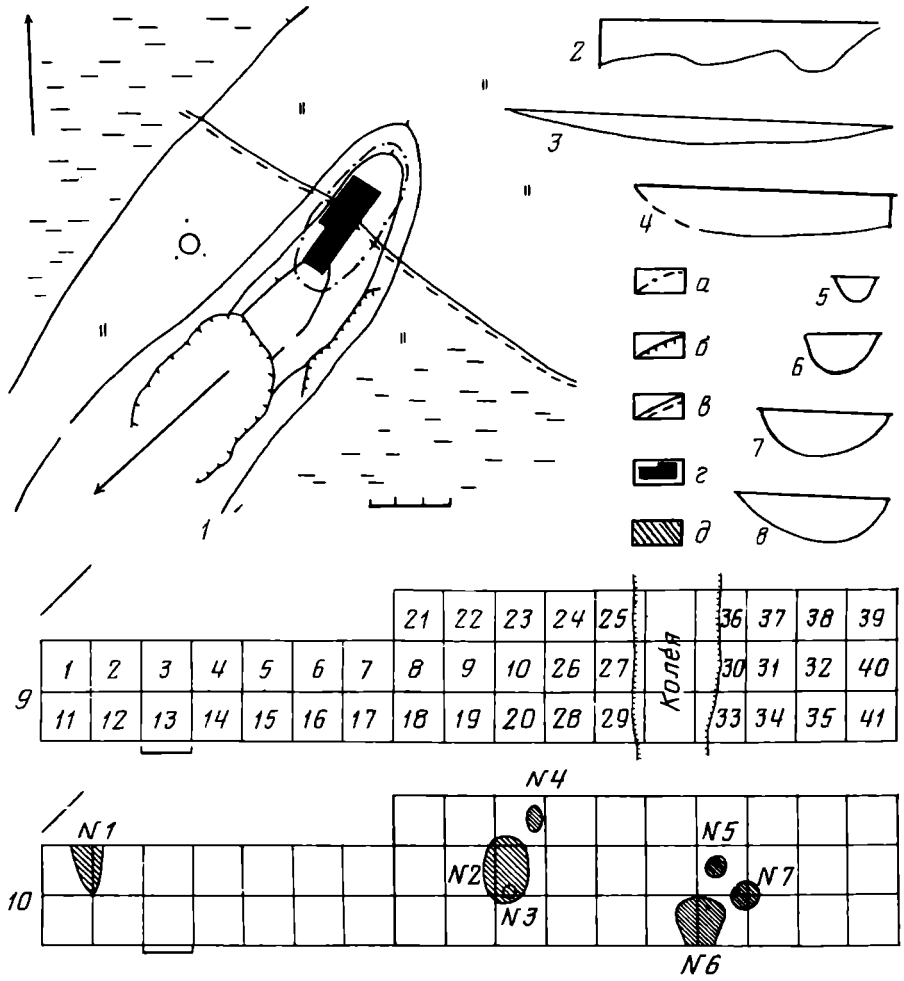


Рис. 1. *1* — план стоянки Велетьминская 2; *2—8* — разрезы ям: (*2* — яма 1; *3* — 2; *4* — 6; *5* — 3; *6* — 4; *7* — 7; *8* — 5; *9* — план раскопа с нумерацией квадратов; *10* — расположение ям в раскопе; *а* — приблизительные границы стоянки; *б* — край выдува; *в* — дорога; *г* — раскоп; *д* — заполнение ям

0,15 м); 4) белый песок (мощность 0,00—0,16 м); 5) серо-желтый песок (мощность 0,00—0,37 м); 6) заиленный песок с ортштейнами (материк).

На стоянке были представлены два культурных слоя — средневековый и неолитический, а также погребение эпохи бронзы (следов стоянки этого времени не обнаружено).

Жилищ не обнаружено, прослежено семь ям, которые можно разделить по характеру заполнения и связи с определенным слоем на три группы.

Наибольшее число фрагментов славянской и болгарской керамики XIII в. [1] встречено в 3-м слое и в ямах. Со средневековым слоем связаны ямы 1 и 4.

С погребением эпохи бронзы связаны ямы 2 и 3. Подобные погребения найдены на стоянке Угольново 1 [17] и на Малоокуловском могильнике [18, с. 132—139]. Выделяется группа кремневых орудий, которая по морфологии и технике обработки может быть отнесена к эпохе бронзы и связана с указанным погребением. Вся эта группа находит аналогии в Сейминском и Турбинском могильниках [19, рис. 59—61; 20, рис. 90, 91, 94, 95], Канинской пещере [21, рис. 15, *2—4*, *6*] и других памятниках этого времени.

Наибольший интерес представляет неолитический комплекс. Основная масса находок этого периода связана с белым и серо-желтым песком (слои 4 и 5). С неолитическим слоем связаны ямы 5—7. Стратиграфически они также более ранние: все они спущены в материковый заиленный песок с ортштейнами из

[1] По определению В. Ф. Черникова.

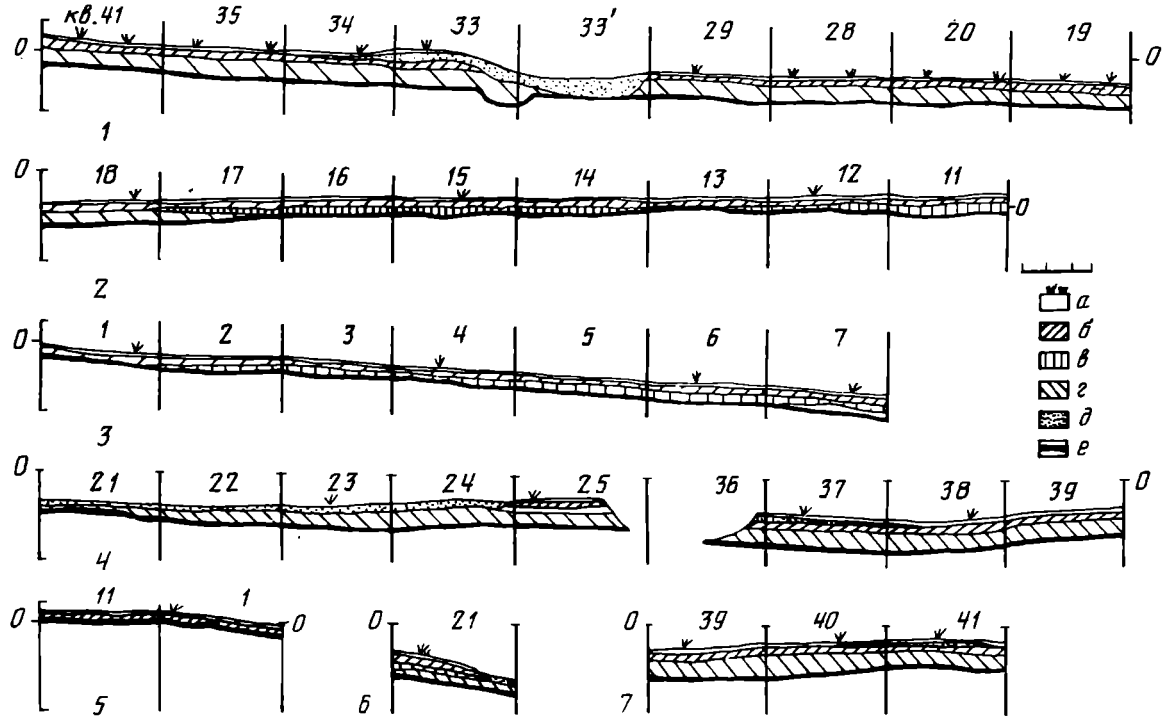


Рис. 2. Стратиграфия стоянки Велетьминская 2. *1*, *2* — разрез южной стенки раскопа; *3*, *4* — разрез северной стенки раскопа; *5*—*6* — разрез западной стенки раскопа; *7* — разрез восточной стенки раскопа. *а* — дерн; *б* — темно-серый песок; *в* — белый песок; *г* — серо-желтый песок; *д* — перевеянный песок; *е* — заиленный песок с ортштейнами

предыдущего слоя серо-желтого песка. Яма 5 появилась в квадрате 30 под перемешанным колеей, передутым песком, в виде подокруглого пятна серо-желтого песка с редкими угольками на фоне светло-желтого материкового песка. Ее диаметр — 0,90 м, дно ямы котлообразное, стенки средней крутизны, максимальная глубина — 0,38 м от поверхности (рис. 1, *8*, *10*).

Яма 6 выявилась в квадратах 33, 33′ в виде серо-желтого подтреугольного пятна размером 2×2 м на фоне светлого материкового песка. Пятно частично уходит в южную стенку раскопа. В заполнении ямы были обломки сосудов с накольчатым орнаментом, орудия, отщепы и кальцинированные кости. Дно ямы котлообразное, стенки с запада и востока пологие, с севера — средней крутизны. Максимальная глубина — 0,40 м (рис. 1, *4*). Яма 7 расположена в соседних квадратах 30, 31 и 34 (рис. 1, *10*). Овальное пятно 0,98×0,70 м было заполнено серо-желтым песком с угольками, мелкими кальцинированными косточками, кремневыми отщепами и обломками сосудов с накольчатым орнаментом. Дно ямы котлообразное, стенки крутые, максимальная глубина — 0,40 м от поверхности (рис. 1, *7*). Видимо, эти ямы (5—7) имели хозяйственное назначение.

Неолитическая керамика представлена двумя неравноценными группами, встречено четыре небольших фрагмента одного сосуда с ямочно-гребенчатым орнаментом (в тесте — примесь дресвы). Один фрагмент этой группы найден в яме 5 вместе с обломками накольчатой керамики. Интересна также техника, в которой выполнен ряд гребенчатых оттисков,— это техника «отступающей лопаточки». Но из-за малочисленности этой группы никаких выводов о ее соотношении с накольчатым комплексом сделать нельзя.

Наиболее многочисленную группу (1009 обломков) составляют фрагменты сосудов с накольчатой орнаментацией (рис. 3—5). Поскольку большую часть фрагментов удалось разделить по сосудам, дальнейшее описание проводится по этим группам.

Первый сосуд (рис. 3, *4*, *5*; 5) — с довольно сложной композицией, выполненной неглубокими наколами в манере отступающей «лопаточки». Графически он пол-

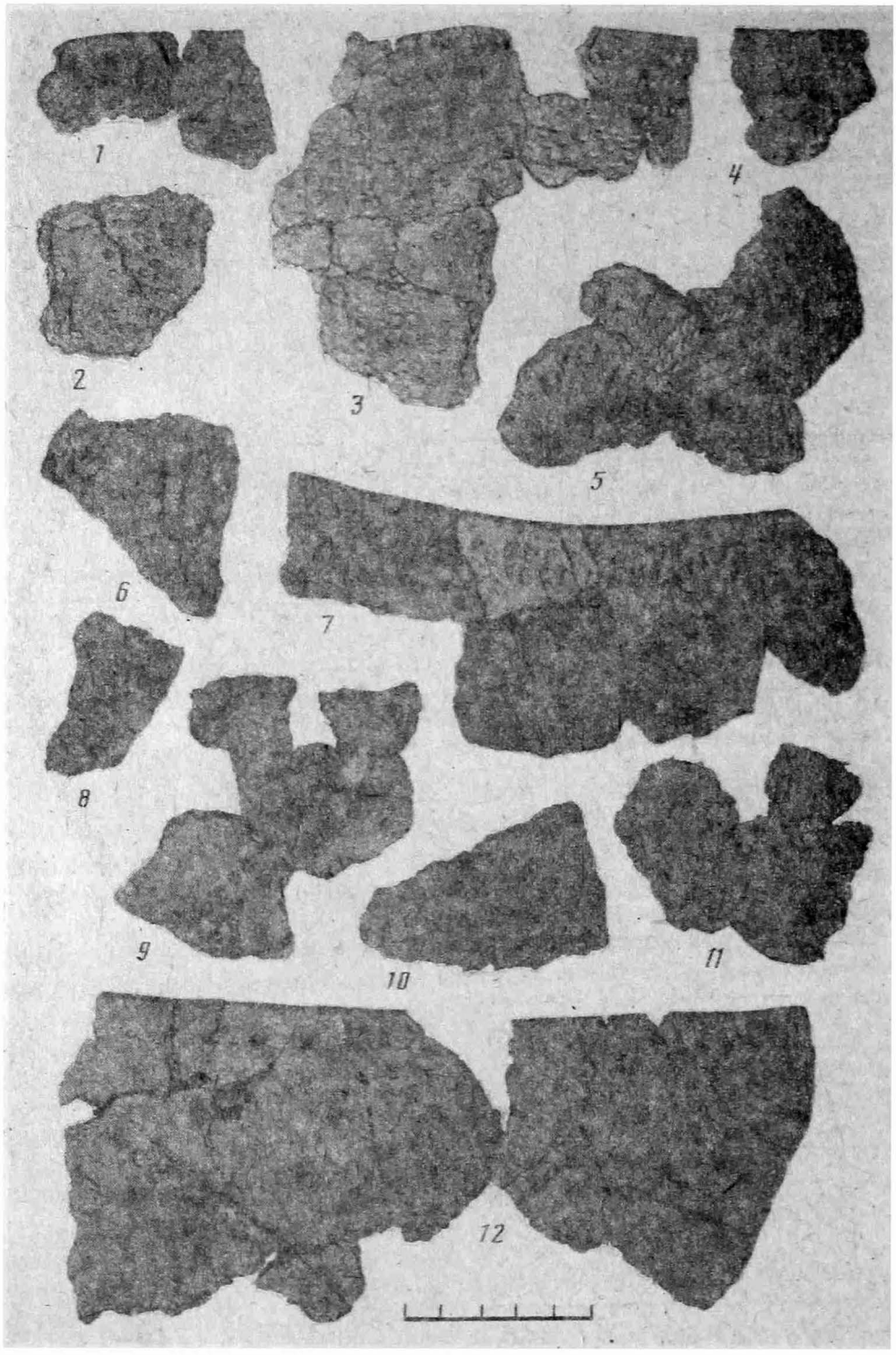


Рис. 3. Керамика стоянки Велетьминская 2

ностью восстанавливается. Сосуд расчленен горизонтальными полосами на четыре части. Довольно тонко оформленный, немного скошенный внутрь венчик прошит небольшими сквозными отверстиями, с двух сторон которых проходят горизонтальные строчки наколов. В верхней части сосуда орнамент состоит из параллельных наклонных полос, которые пересекают более редкие полосы, наклоненные в противоположную сторону. Средняя часть сосуда состоит из двух полос взаимопроникающих треугольников; нижняя часть покрыта двумя рядами параллельных полос, расположенных под углом друг к другу. Орнамент идет также

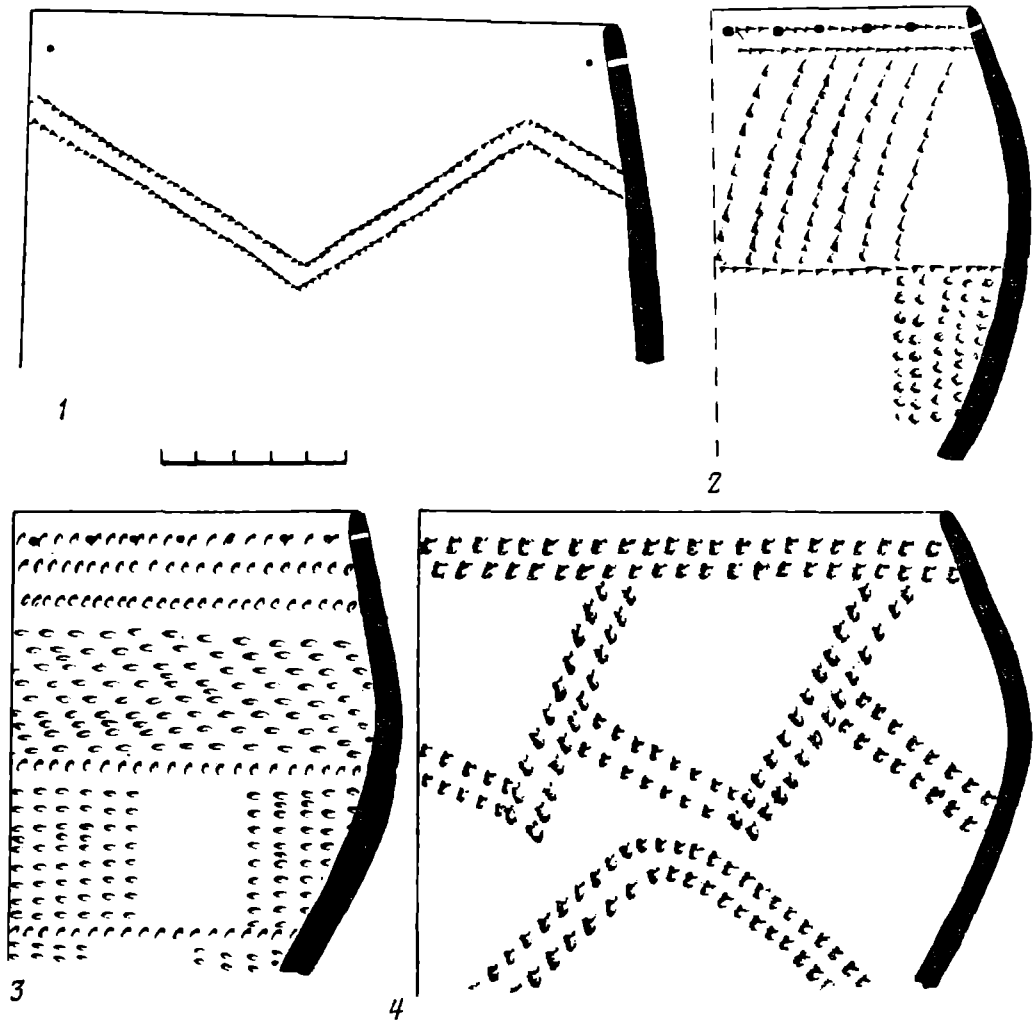


Рис. 4. Реконструкция сосудов со стоянки Велетьминская 2

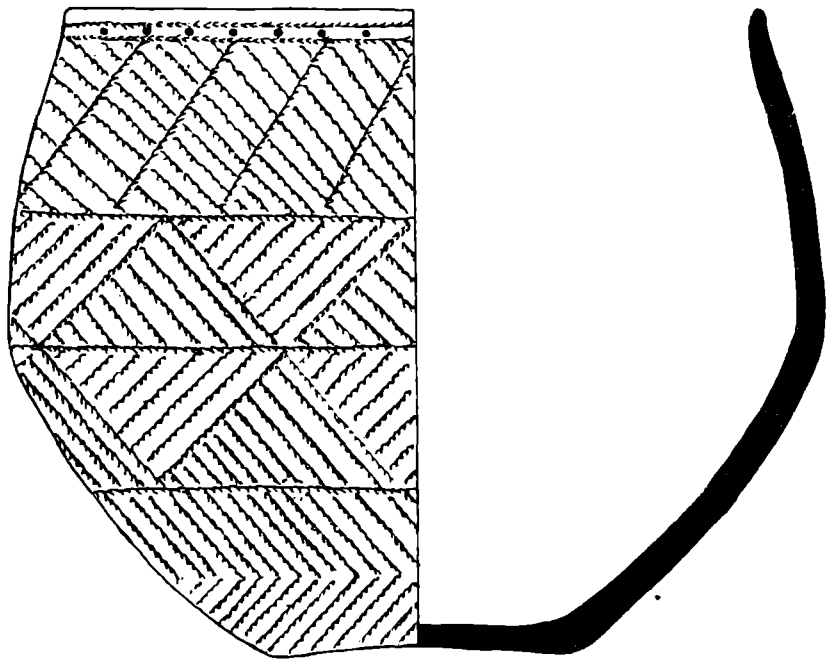


Рис. 5. Реконструкция сосуда со стоянки Велетьминская 2

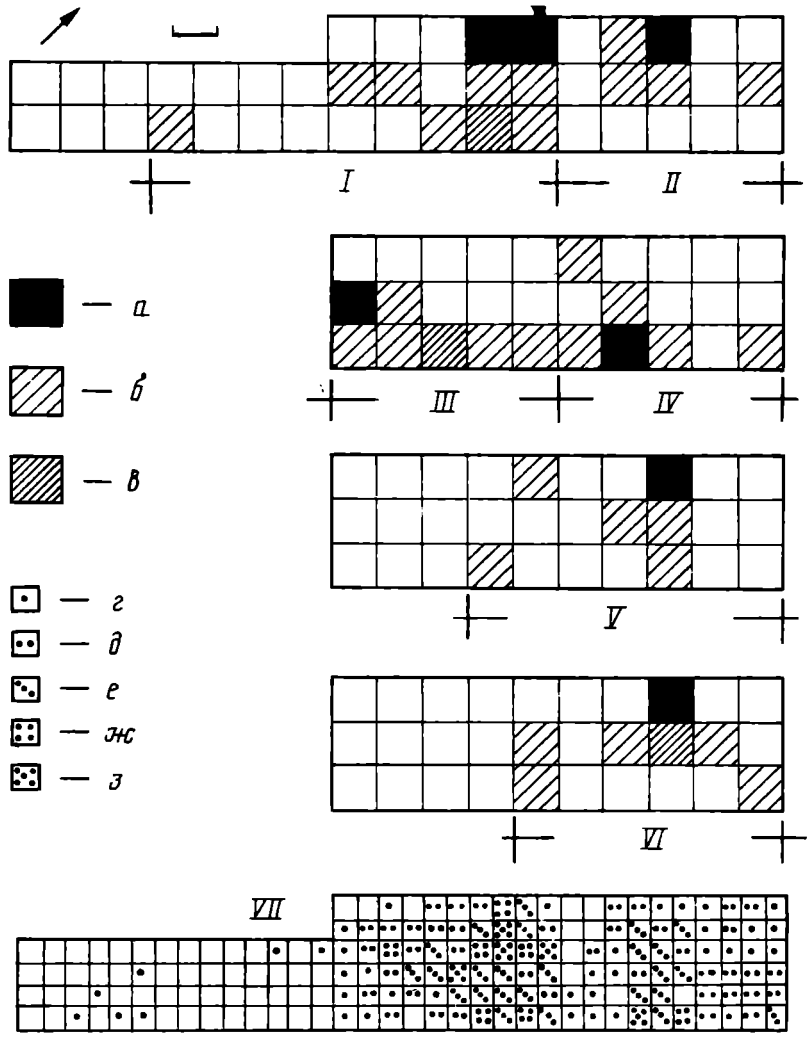


Рис. 6. Планиграфическое положение сосудов (I—VI) и отщепов (VII) на стоянке Велетьминская 2. I — расположение обломков сосуда 5; II — сосуда 3; III — сосуда 1; IV — сосуда 4; V — сосуда 2; VI — сосуда 6. *а* — от 1 до 2 обломков керамики на квадрате; *б* — от 5 до 10; *в* — более 10; *г* — от 1 до 10 отщепов; *д* — от 10 до 50; *е* — от 50 до 100; *ж* — от 100 до 200; *з* — от 200 и более отщепов

и по дну сосуда, но он не восстанавливается; можно только сказать, что он также состоит из параллельных строчек наколов, расположенных под углом друг к другу в какой-то довольно сложной композиции. Цвет сосуда — светло-коричневый, поверхность гладкая, даже немного подлощенная с внешней стороны; внутренняя же — неровная, со следами заглаживания, видимо, пучком травы. Тесто сосуда комковатое, с примесью крупного шамота и органики — помета водоплавающих птиц (по определению Ю. Б. Цетлина) [2].Стенки толщиной от 5 до 9 мм в разных частях сосуда. Форма сосуда также восстанавливается: он — закрытой формы с выпуклыми боками, диаметр горла — 14,5, высота — 13,5 см. перегиб начинается на высоте 6 см, дно плоское, чуть вогнутое, его диаметр — 6 см. Обломки этого сосуда лежат довольно компактно (рис. 6, III) в квадратах 8, 9, 18—20, 25, 28 и 29.

От второго сосуда сохранилась только верхняя часть, орнаментированная широким зигзагом, состоящим из двух параллельных строчек подтреугольных наколов в манере «отступающей лопаточки» (рис. 3, *12*; 4, *1*). По краю округлого венчика идет ряд сквозных наколов. Диаметр горла — 34 см; это был довольно

[2] Авторы благодарят Ю. Б. Цетлина за проведенный анализ.

крупный сосуд, но его форма не восстанавливается. Толщина стенок 6—8 мм, тесто комковатое, с примесью крупного шамота и органики. С внешней стороны стенки сосуда аккуратно заглажены, видимо, уже после нанесения орнамента, так как часть наколов как бы стерта, а внутренняя поверхность несет следы грубого заравнивания пучком травы. Все 56 фрагментов этого сосуда лежали довольно близко друг от друга в квадратах 30, 31, 34, 37 (рис. 6, V).

Третий сосуд также графически восстанавливается частично. Его орнамент выполнен овальными наколами. Под венчиком расположены сквозные наколы, нанесенные поверх основного орнамента, который состоит из горизонтальных полос с различным заполнением (рис. 3, *1—3*; 4, *3*). В верхней части сосуда, под венчиком, идут три горизонтальные строчки наколов, потом наклонные параллельные линии из наколов; следующие две полосы представляют чередование пустых пространств с заполненными вертикальными строчками наколов. По характеру наколов можно проследить направление нанесения орнамента — сверху вниз и справа налево. Форма сосуда полностью не восстанавливается, можно только сказать, что он закрытой формы, тулово округлое, дно, судя по ряду фрагментов придонной части,— плоское. Сам сосуд имеет небольшой диаметр горла — 19 см, венчик округлый, чуть утоньшенный. Тесто этого сосуда, как и предыдущих, комковатое, с примесью крупного шамота и органики. Внешняя поверхность подлощена, а на обратной стороне заметны следы слабых заглаживаний. Большинство обломков этого сосуда располагалось в квадрате 37 и окружающих его квадратах (рис. 6, II).

Четвертый сосуд орнаментирован наколами четырехугольной, почти скобковидной формы (рис. 3, *7*, *9*; 4, *4*). Всю композицию сосуда восстановить трудно: придонная часть и дно отсутствуют; к тому же сосуд был разбит еще в древности — об этом говорят следы починки в виде просверленных дырок для скрепления частей сосуда. Судя по сохранившимся фрагментам, орнамент был сложный: по верху под венчиком шел двойной горизонтальный ряд наколов, от которого под углом спускались двойные параллельные полосы, которые в свою очередь соединялись между собой также двойной полосой наколов. Ниже шла волнистая линия, выполненная двойной полосой наколов (рис. 4, *4*). Форма сосуда закрытая, тулово округлое, резко сужающееся книзу, так что если диаметр горла 28 см, то дно должно быть в 2 раза меньше. Стенки сосуда (толщина их 6—7 мм) тщательно заглажены как с внешней, так и с внутренней стороны. Тесто плотное, с примесью шамота и органики. Почти все фрагменты этого сосуда найдены в квадратах 30, 33 (рис. 6, IV).

Следующий сосуд представлен 99 фрагментами, но ни форма, ни композиция его не восстанавливаются. Орнамент нанесен треугольными наколами в технике «отступающей лопаточки». На отдельных черепках можно проследить части какой-то сложной композиции из пучков вертикальных строчек наколов, от которых отходят под углом небольшие «листики» из 4—5 наколов (рис. 3, *6*, *8*). Судя по толщине стенок (5—6 мм) и их изгибу, сосуд был большим. Внешняя и внутренняя поверхность его аккуратно залощены. Тесто плотное, с примесью шамота и органики. Обломки этого сосуда найдены в квадратах 20, 24—29 и др. (рис. 6, I).

Еще один сосуд также не поддается реконструкции, хотя найдено 215 его обломков. Это был большой сосуд. Композиция его не восстанавливается; можно только сказать, что она состояла из горизонтальных или наклонных рядов, в которые входят строчки из 4—5 или 9—10 наколов (рис. 3, *10*, *11*). Тесто рыхлое, с примесью шамота и органики. Стенки заглажены с внешней стороны, внутренняя сторона более грубая. Большая часть обломков этого сосуда найдена в квадрате 37 и соседних с ним квадратах (рис. 6, VI).

Седьмой сосуд, несмотря на то, что представлен 7 фрагментами, позволяет дать частичную графическую реконструкцию формы и орнамента. Композиция состоит из чередующихся пустых и заполненных вертикальными рядами пространств. Орнамент выполнен треугольными наколами в технике «отступающей

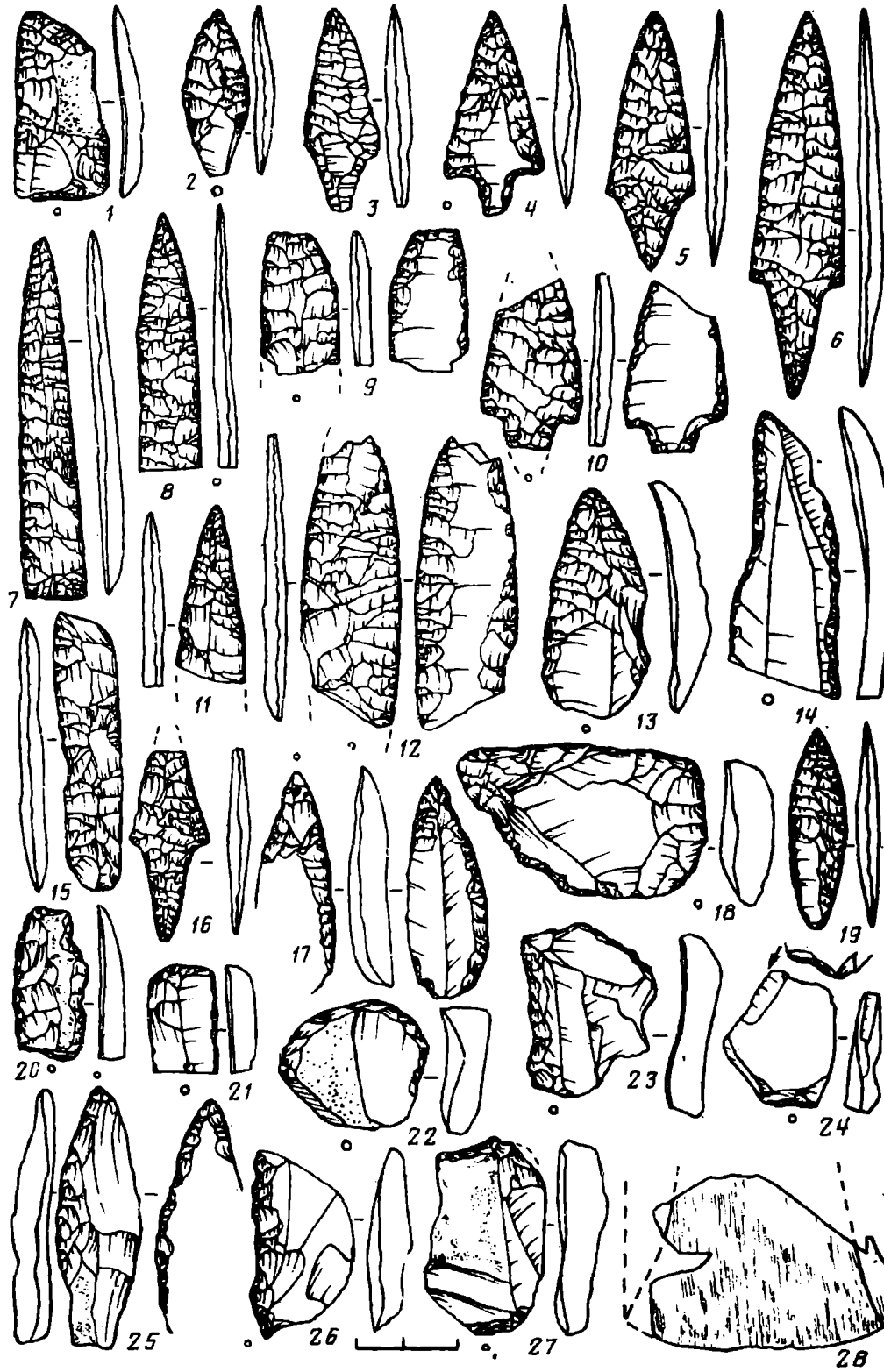


Рис. 7. Кремневый инвентарь стоянки Велетомицкая 2. *1*, *4—7*, *9*, *10*, *12*, *15* — группа эпохи бронзы (остальное — неолитического времени), *19* — скребок, относящийся к эпохе бронзы (остальное — неолитического времени)

лопаточки». Примерно на середине высоты сосуда проходит разделительная строчка наколов, ниже которой чередование пустых и заполненных пространств повторяется, создавая общую композицию «плетенки». Сосуд закрытый, с округлыми стенками. Венчик чуть приостренный, со сквозными наколами по краю. Тесто комковатое, с примесью шамота и органики.

Остальные 286 обломков керамики, имеющиеся в коллекции, очевидно, также относились к последнему комплексу (судя по примеси в тесте, комковатости теста и кое-где сохранившимся остаткам наколов).

Коллекция кремневых изделий (рис. 7, 8), которую можно связать с неолитическим слоем, довольно представительна: всего найдено 5924 каменных изделий, из них нуклеусов — 6, пластин — 140, изделий со вторичной обработкой — 242.

Для изготовления орудий использованы различные породы камня, преобладает кремень, в основном пестрый, валунный, низкого качества. Наряду с ним встречается и меловой кремень, преимущественно серо-коричневых оттенков, довольно высокого качества. Подобный кремень встречается в виде желваков в известняках, размываемых р. Теша у с. Гремячее, в 60 км от стоянки.

Нуклеусов — всего 6, они невыразительные. Первый, двухплощадочный подпризматический, от неправильных пластин, расколот по диагонали, сохранившаяся площадка почти горизонтальная, подправлена. Другой нуклеус — двухплощадочный аморфный, от неправильных пластин и отщепов, площадки скошены и подправлены, сам нуклеус сильно сработан (рис. 8, *17*). Третий нуклеус — многоплощадочный аморфный, от отщепов. Помимо этого есть еще три мелких нуклевидных куска кремня.

Пластин — 242, целых правильных — только 3 (длиной до 50 мм) и 11 неправильных (длиной до 58 мм). График распределения пластин (рис. 9) показывает, что незначительно преобладают неправильные пластины, преимущественная ширина их 7—12 мм. Большинство неправильных пластин — шириной 5—9 мм. Отщепов — 5536; они встречаются, как и пластины и орудия, по всей площади стоянки, а в ее центре — более интенсивно (рис. 6, VII), часто — компактными скоплениями. При этом накольчатая керамика встречалась среди компактных скоплений кремневых отщепов, что может служить доказательством принадлежности кремневого инвентаря к неолитическому комплексу с накольчатой керамикой.

Скребков в коллекции — 50. Один — концевой на пластине (рис. 8, *8*), остальные три — концевые на отщепах (рис. 8, *27*, *28*), рабочий край у двух дугообразный, у одного — прямой. Два скребка — концевые скошенные, рабочий край прямой, оформлен крупной крутой ретушью (рис. 8, *15*), третий скребок — концевой с выступом, обработан так же (рис. 7, *27*). Два скребка и три обломка можно отнести к типу концевых-боковых (рис. 8, *16*; 7, *23*). Рабочий край, прямой у двух и дугообразный у остальных, обработан крупной или средней крутой ретушью у четырех и пологой — у пятого скребка. Еще два скребка — концевые-двойные-боковые (рис. 8, *20*; 7, *18*); конец одного обработан крутой ретушью, а боковые лезвия — пологой. На левом углу концевого лезвия выделен «носик» у скошенного скребка. Стрельчатый симметричный скребок один, рабочие края оформлены пологой ретушью на спинке орудия (рис. 7, *13*). Один скребок подокруглый (рис. 7, *22*), другой — боковой (рис. 7, *26*), остальные 33 — аморфные, рабочий край не выделен, им служил либо весь периметр отщепа, либо его часть. Часто рабочий край выемчатый, зубчатый. Нередко использованы сломы отщепа. Ретушь крутая и очень крутая, лежит как на спинке, так и на брюшке орудия; вероятно, на многих орудиях она возникла в результате выкрашивания края отщепа при скоблении твердых материалов и не является собственно вторичной обработкой. Размеры этих орудий различны, как и размеры отщепов (рис. 8, *11*, *13*, *14*); многие из них сломаны.

Резцов — 6, из них 2 поперечно-ретушных на отщепах; площадка обработана крутой затупливающей ретушью у одного на спинке, а у другого на брюшке (рис. 7, *24*). Один резец сделан на сломе пластины (рис. 7, *12*), еще три — на

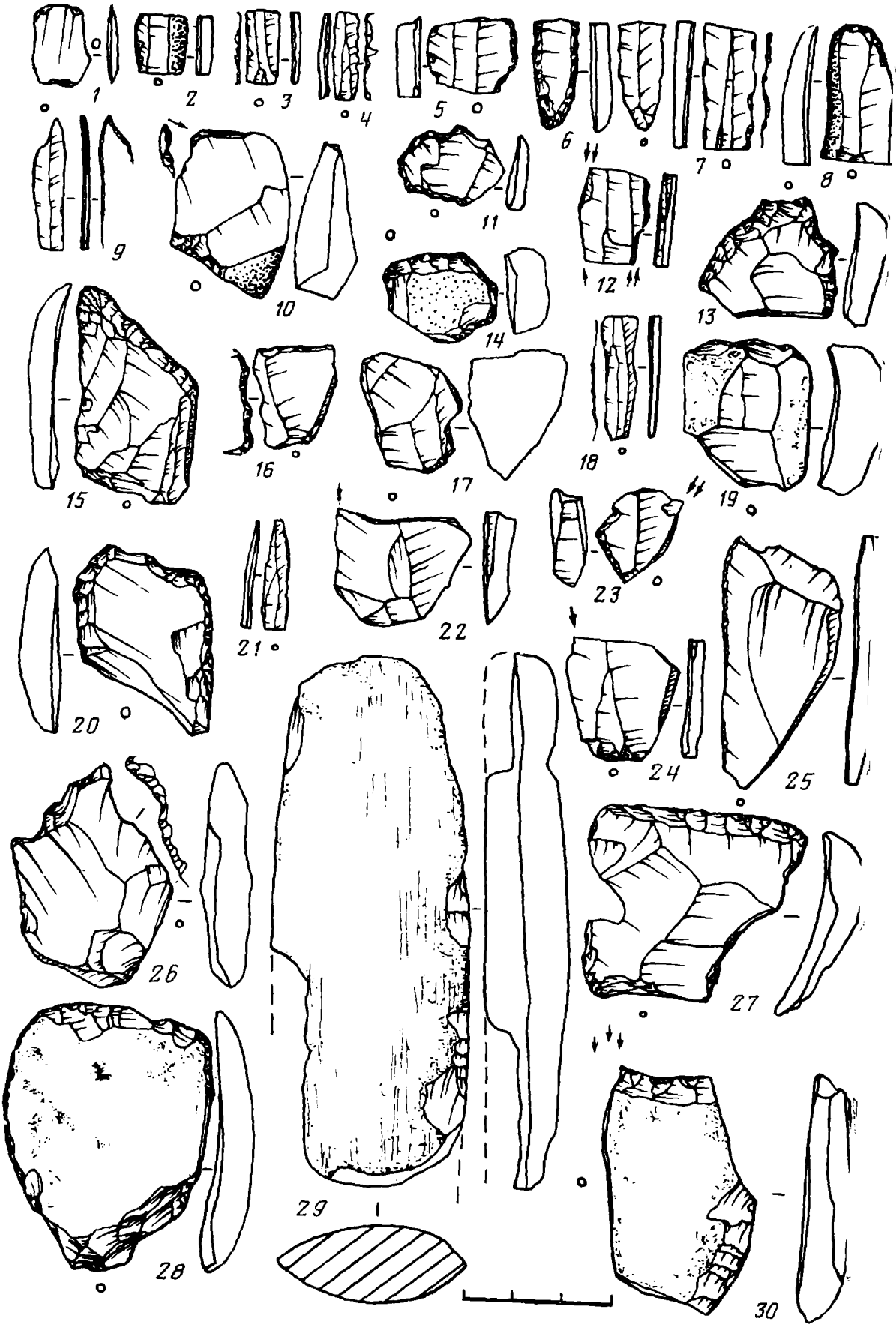


Рис. 8. Кремневый инвентарь стоянки Вслетьминская 2

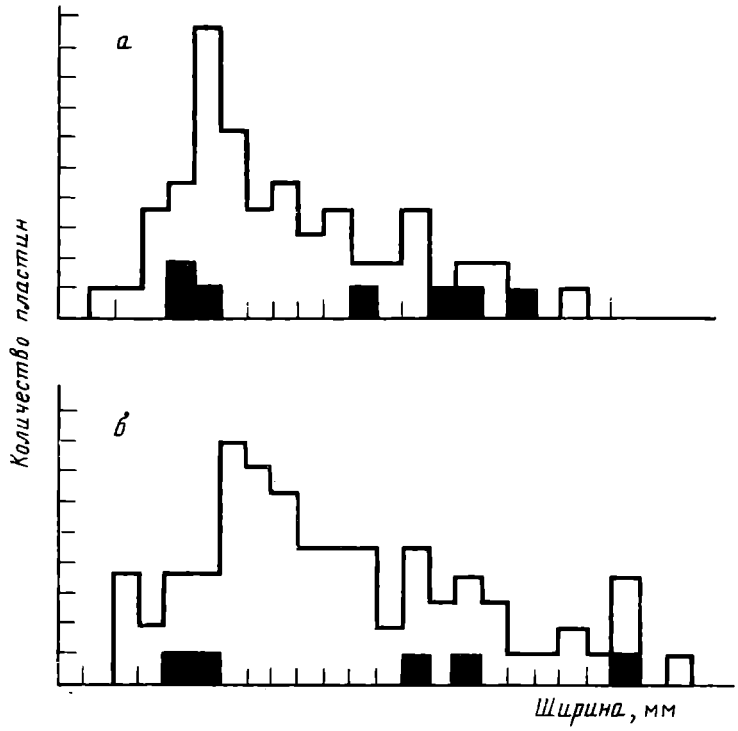


Рис. 9. График распределения пластин. *а* — правильные пластины; *б* — неправильные пластины (темным цветом показаны обработанные пластины)

сломе отщепов (рис. 6, *22—24*). Последний резец — поперечный, с ретушированной площадкой на отщепе (рис. 8, *10*).

На стоянке найдено острие на пластине, основание ее вогнуто скошено крутой ретушью на брюшке, так же подработан и прилегающий к кончику острия край (рис. 8, *9*).

Интересны наконечники стрел. Первый, на пластине, представлен мелким обломком, видимо кончик пера, обработанного плоской ретушью по краям с двух сторон. Второй, иволистный, короткий, обработан с двух сторон почти по всей поверхности пологой ретушью (рис. 7, *19*). Третий, трсугольно-черешковый без шипов, обработан так же (рис. 7, *16*). Последние два наконечника могут относиться и к более позднему времени, однако как форма, так и менее совершенная обработка отличают их от наконечников, связанных с погребением в яме 2. Возможно, с культурным слоем стоянки связаны и некоторые мелкие обломки двусторонне ретушированных наконечников, форма которых не поддается реконструкции. Найдена листовидной формы заготовка наконечника стрелы с незавершенной вторичной обработкой (рис. 7, *2*).

В коллекции имеется серия пластин и их обломков с нерегулярной ретушью по краям (рис. 8, *7*). Микропластинки и сечения пластин с такой ретушью, вероятно, служили вкладышами (рис. 8, *1—5*, *21*). Ретушь на этих пластинах и микропластинах, видимо, образовалась в результате их использования.

Разнообразны ножи: один — из пластины (рис. 7, *14*), остальные — из отщепов, края которых подправлены пологой ретушью: у четырех — на спинке, а у пятого — частично с двух сторон; при этом край может быть ретуширован как по всей длине, так и только по ее части (рис. 8, *25*). У одного из ножей приострен конец и подправлено основание орудия (рис. 7, *1*). Последний нож сломан; вероятно, он был изогнутый, типа «вспарывателя», обработан по краям пологой ретушью.

Сверл — всего 6; симметричных — 3: два на пластине, третье на отщепе; они обработаны по краям крутой и полукрутой ретушью (рис. 8, *6*; 7, *25*). Конец третьего такого же сверла на пластине подправлен еще и плоской ретушью на

брюшке (рис. 7, *17*). Еще три асимметричные сверла на отщепах, рабочие части которых выделены крутой ретушью, завершают описание этой группы (рис. 7, *26*).

Рубящие орудия представлены 423 обломками от четырех изделий, в основном из кремнистого известняка, причем подавляющее большинство обломков несет следы шлифовки. Форму орудия восстановить трудно, достоверно можно говорить только о желобчатом долоте и тесле, которые представлены обломками лезвия, средней части и обуха (рис. 7, *28*); эти орудия асимметричны в сечении. Среди обломков есть и с симметричным сечением, возможно обломки топоров (рис. 8, *29*). К сожалению, по мелким фрагментам полностью форма рубящих орудий не восстанавливается.

Найдены два отбойника из галек кристаллических пород и один отбойник из куска песчаника. Абразивные инструменты представлены обломком шлифовальной плиты из песчаника, на обеих слегка вогнутых плоскостях которой четко заметны глубокие борозды, возникшие в результате шлифовки каменных орудий круговыми движениями с подсыпкой песка. На торце этой плиты заметны яркая гладкая заполировка и тонкие продольные царапины — следы заточки изделий без подсыпки песка. Кроме того, в коллекции есть желобчатый абразив из гальки неясной породы — «выпрямитель древков».

Помимо этого имеется 158 отщепов с нерегулярной ретушью и мелкие обломки орудий, не позволяющие реконструировать их форму.

Костяные орудия немногочислены. На стоянке сохранилась только кальцинированная кость — это зубец от мелкозубчатого гарпуна и обломок орудия с У-образным пазом глубиной 1 мм и другим пазом, прорезанным на 2,5 мм, а также обломок кости со следами резания и другой — со следами скобления. Следы резания и скобления встречены на известковой корке на поверхности двух орудий. Среди мелких фрагментов кальцинированных костей В. П. Данильченко определила фаланги лося [3].

Анализируя комплекс с накольчатой керамикой со стоянки Велетьминская 2, можно говорить об определенном единстве всего материала. Все сосуды выполнены в технике накола в манере «отступающей лопаточки», все сосуды — с примесью крупного шамота и органики в тесте, поверхность сосудов тщательно заглажена и подлощена. Почти у всех сосудов венчики округлые, иногда скошенные внутрь, часто со сквозными отверстиями по краю. Все найденные днища — плоские. Цвет и качество обжига всех сосудов также похожи. Нельзя не отметить и различий, которые ярче всего проявляются в форме наколов и различной композиции на разных сосудах.

Интересно, что аналогии разным сосудам стоянки Велетьминская 2 можно найти как на соседних, так и на довольно отдаленных территориях, причем различные элементы иногда переплетаются в этом комплексе. Так, первому сосуду (рис. 5) близок сосуд со стоянки Холм [22, табл. 51, рис. 1, *9*], относящийся ко второму периоду днепро-донецкой культуры — та же биконическая форма, плоское дно, горизонтальные полосы из наколов в манере «отступающей лопаточки». Но в то же время орнамент из взаимопроникающих треугольников отмечался рядом исследователей как характерный для памятников зауральского круга или связанный с восточным влиянием элемент [23, с. 166, 167; 24, с. 176]. Такая же композиция есть на накольчатом сосуде со стоянки Университетская III [7, рис. 71, *5*]. Сосуд 3 (рис. 4, *3*) по манере нанесения орнамента, овальным наколам-тычкам, примеси близок к фрагментам сосудов со стоянок Сахтыш II, VIII, относящихся к раннему этапу выделенной Д. А. Крайновым верхневолжской культуры [25; 26; 27, с. 47—52]. Развитая композиция этого сосуда — «плетенка» с пустыми полями — характерна для волго-камской культуры [1, рис. 12; 24, рис. 1]. Там она может быть выполнена как гребенчатыми отпечатками [1, рис. 12, *6*], так и сочетанием гребенки и наколов [1, рис. 12, *8*], тогда как в верхневолжской культуре подобных композиций не найдено. Кроме того, для

[3] Авторы благодарят В. П. Данильченко за проведенный анализ.

раннего этапа верхневолжской культуры отмечена примесь раковины в более плотном глиняном тесте [28, с. 142]. Та же композиция «плетенки» есть и на седьмом сосуде. Интересно, что эта довольно широко распространенная композиция отсутствует на памятниках севера Средней Волги — Отарская VI и Дубовская III, VIII [11, рис. 7]. Пятый сосуд (рис. 3, *6*, *8*) по форме подтреугольных наколов находит широкие аналогии — от памятников среднедонской культуры [7, рис. 48; рис. 50, *7*; рис. 60; рис. 71, *3* и др.], волго-камской культуры [1, рис. 13, *1—3*] до районов Прикаспия [29, с. 30, 31]. Видимо, какие-то формы наколов и композиции были распространены на более широких территориях, а какие-то узко локализованы. Сосуд 6 (рис. 3, *10*, *11*) с горизонтальными наклонными рядами наколов и сосуд 2 (рис. 4, *1*) с двойным зигзагом ближе всего к керамике со стоянок севера Средней Волги по технике нанесения и форме наколов, композиции, наличию неорнаментированных зон, примеси в тесте [11, рис. 4, *7*; 10, с. 50, 51]. Последний реконструированный сосуд (рис. 4, *4*) со сложной композицией в виде волнообразной полосы двойных подскобовидных наколов находит аналогии в памятниках на более южных территориях. Мотив волнистых линий, выполненных наколами в манере «отступающей лопаточки», есть и в днепро-донецкой культуре [22, рис. 51, *32*], и в среднедонской [30, рис. 10, *20*, рис. 11, *17*; 7, рис. 47].

Подобная широта аналогий в разнокультурных стоянках при общем явном единстве керамического комплекса с накольчатой керамикой стоянки Велетьминская 2 может говорить о контактном характере данной территории. Но этот вывод возможен только при условии одновременности всего накольчатого комплекса стоянки. А поскольку она не подтверждается стратиграфическими или планиграфическими данными или положением всех сосудов в едином закрытом комплексе, мы не вправе утверждать, что все сосуды связаны с каким-то одним посещением стоянки. Возможно, это остатки ряда посещений, которые были непродолжительны, о чем говорят и компактные скопления керамики (рис. 6, I—VI) и кремня (рис. 6, VII).

Датировка памятника затруднена в силу отсутствия дат по C^{14}. Спорово-пыльцевой анализ, проведенный Е. А. Спиридоновой [4] по 16 образцам, которые были отобраны в толще песков в интервале глубин от современной поверхности до 80 см, показал, что накопление этих отложений началось в бореальный период голоцена. С конца бореала (B_2) пески, по-видимому, стали перевеваться. Этот процесс продолжался и в атлантическом периоде. Судя по данным палинологического анализа, археологические находки в основном приурочены к этому развеваемому интервалу. Видимо, после прекращения посещения данной стоянки человеком процесс перевевания песков стал еще более интенсивным. Исходя из этого, по данным палинологического анализа, археологический материал может быть датирован в широких рамках: конец бореала — атлантический период. Следовательно, датировать памятник можно только исходя из аналогий по керамике и кремневому инвентарю. В настоящее время среди исследователей нет единого мнения о времени и продолжительности существования памятников с накольчатой керамикой (на различных территориях). Одни датируют их узко [1, с. 40—92], другие пишут о широких хронологических рамках бытования этих памятников [4, с. 76]. Но пока только верхневолжская культура имеет надежную датировку на основе как радиоуглеродных дат, так и стратиграфии [31, с. 58; 32, с. 63, 64]. Первый этап этой культуры с накольчатой керамикой датируется радиоуглеродным методом от середины до последней трети V тыс. до н. э. [33, с. 52], что подтверждается датами слоя с накольчатой керамикой с I Языковской стоянки: 6250+60 (Ле-1080) и 6370±70 (Ле-1189) [31, с. 58]. Материалы этого этапа данной культуры явно более ранние как по типологии кремневого инвентаря, так и по керамике. Для второго раннекерамического периода волго-камской культуры, по А. Х. Халикову, характерны котловидные

[4] Авторы выражают благодарность Е. А. Спиридоновой за проведенный анализ.

сосуды с закрытым горлом, приостренно-скошенные или плоские венчики, конические или плоские небольшие днища. Для этого этапа характерны орнамент «отступающей лопаточки» (70—80%) и горизонтально-зональное расположение орнамента [1, с. 52].

На основании низкого топографического положения стоянок этого этапа и аналогий в керамике и кремневом инвентаре с соседними культурами А. Х. Халиков датирует этот этап первой половиной — серединой IV тыс. до н. э. [1, с. 56].

Д. Я. Телегин второй этап днепро-донецкой культуры на основании трипольских импортов датирует серединой — концом IV тыс. до н. э. [35, с. 176, 177]. В последних его работах [34, с. 116] эта дата остается неизменной.

Ранние неолитические накольчатые памятники Усть-Камья Р. С. Габяшев датирует второй половиной IV — первой половиной III тыс. до н. э. [4, с. 76] на основании синхронизации с керамикой II этапа днепро-донецкой культуры.

Исходя из этих аналогий можно датировать накольчатый комплекс стоянки Велетьминская 2 в рамках IV тыс. до н. э.

Этому не противоречат и даты более поздних памятников с накольчатой керамикой, уходящие в III тыс. до н. э. Так, для очага стоянки Черная Маза V из раскопок Л. П. Зяблина получена дата 4150±45 (Ле-914). Л. П. Зяблин связывал этот очаг со слоем с накольчатой керамикой [19]. Стоянки Ульяновского Поволжья, содержащие типологически более поздний материал (ямочную, гребенчатую и накольчатую керамику), датируются по очагам в жилище стоянки Луговое III третьей четвертью III тыс. до н. э. Даты: 2340±90 лет до н. э. (КИ-866) и 2450±210 лет до н. э. (КИ-877) [36, с. 99]. Материалы со стоянок Отарское VI и Дубовское VIII В. В. Никитин синхронизирует с ямочно-гребенчатой керамикой, на основании стратиграфии [11, рис. 3] датирует их первой половиной III тыс. до н. э. На этих стоянках отмечается появление домашнего скота [11, с. 78]. Материалы этих памятников в целом более поздние, чем комплекс стоянки Велетьминская 2 (много не заполненных орнаментом пространств на сосудах, более поздние формы и композиции).

Кремневый инвентарь нашей стоянки также показывает сочетание ранних типов изделий на пластинах с орудиями, характерными для развитого неолита. При этом нет оснований для планиграфического, стратиграфического и типологического разделения каменных изделий. Подобный кремневый инвентарь прослеживается на большинстве названных памятников с накольчатой керамикой [11, рис. 10; 12, рис. 6—17].

Все это подтверждает датировку памятника V тыс. до н. э. Дальнейшие работы в районе Нижней Оки и Горьковского Поволжья позволят более детально разобраться как в культурной принадлежности, так и в датировке подобных памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969.
2. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966.
3. *Третьяков В. П.* Ранненеолитические памятники Среднего Поволжья//КСИА. 1972. № 131.
4. *Габяшев Р. С.* Хронология неолита Нижнего Прикамья//КСИА. 1978. № 153.
5. *Левенок В. П.* Памятники днепро-донецкой культуры в лесостепной полосе РСФСР//КСИА. 1971. № 126.
6. *Даниленко В. П.* Неолит Украины. Киев: Наук. думка, 1969.
7. *Синюк А. Т.* История населения Донской лесостепи в V—II тыс. до н. э.: Дис.... докт. ист. наук//Архив ИА АН СССР. Р-2, № 2350.
8. *Выборнов А. А.* К вопросу о хронологическом соотношении гребенчато-накольчатых и гребенчатых комплексов в неолите Волго-Камья//Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1976.
9. *Телегин Д. Я.* Дніпро-донецкая культура. Київ.: Наук. думка, 1968.
10. *Никитин В. В.* Население с накольчатой посудой на Средней Волге//Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы (тез. докл. областной конференции). Оренбург, 1986.

11. *Никитин В. В.* Накольчатая керамика на севере Средней Волги//Древние этнические процессы Волго-Камья. АЭМК. 1985. Вып. 9.
12. *Габяшев Р. С.* Неолит Нижнего Прикамья: Дис.... канд. ист. наук.//Архив ИА АН СССР. Р-2, № 2240.
13. *Зяблин Л. П.* Отчет о раскопках древних поселений близ д. Черная Маза Лысковского района Горьковской обл. в 1970 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 4574.
14. *Цветкова И. К.* Гавриловская неолитическая стоянка с могильником (по материалам раскопок 1945 г.)//КСИИМК. 1947. Вып. XVII.
15. *Асеев А. А.* Палеография долины Средней и Нижней Оки в четвертичный период. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
16. *Жилин М. Г., Шакулова Л. Д., Тихонов Ю. Р.* О работах Горьковской экспедиции//АО-1983. М., 1985.
17. *Кольцов Л. В., Жилин М. Г.* Мезолитическая стоянка Угольново I//СА. 1987. № 3.
18. *Кольцов Л. В., Жилин М. Г.* Малоокуловский грунтовый могильник волосовской культуры//СА. 1980. № 4.
19. *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970.
20. *Бадер О. Н.* Древнейшие металлурги Приуралья. М.: Наука, 1964.
21. *Канивец В. И.* Каинская пещера. М.: Наука, 1964.
22. *Левенок В. П.* Неолитические племена лесостепной зоны европейской части СССР//МИА. 1973. № 172.
23. *Бадер О. Н.* Уральский неолит//МИА. 1970. № 166.
24. *Калинина И. В.* Орнаментация керамики Волго-Камского неолита//СА. 1974. № 4.
25. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., Урбан Ю. Н. и др.* Древнейшая ранненеолитическая культура Верхнего Поволжья//Вестн. АН СССР. 1973. № 5.
26. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская ранненеолитическая культура//СА. 1977. № 3.
27. *Костылева Е. Л.* Остатки ранненеолитической верхневолжской культуры на стоянке Сахтыш II//КСИА. 1984. № 177.
28. *Костылева Е. Л.* Ранненеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII//СА. 1986. № 4.
29. *Козин Е. В.* Неолитические стоянки Северного Прикамья//Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы (тез. докл. областной конференции). Оренбург, 1986.
30. *Синюк А. Т.* Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986.
31. *Крайнов Д. А.* Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья//КСИА. 1978. № 153.
32. *Хотинский Н. А., Гуман М. А., Романова Е. Н. и др.* Палинологические и радиоуглеродные датировки языковских стоянок в Калининской области//КСИА. 1978. № 153.
33. *Костылева Е. Л.* Хронология и периодизация верхневолжской культуры//Тез. докл. обл. конф. молодых ученых по общественно-политическим и научно-техническим проблемам, посвященной XIX съезду ВЛКСМ. Ч. 1. Иваново, 1986.
34. Археология Украинской ССР. Киев: Наук. думка, 1985.
35. *Телегин Д. Я.* Неолитические памятники Северной Украины и Южной Белоруссии//МИА. 1973. № 172.
36. *Буров Г. М.* Неолитические стоянки Ульяновского Поволжья//Энеолит Восточной Европы. Т. 235. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1980.

Институт археологии РАН,
Москва

M. G. ZHILIN, A. V. ENGOVATOVA

THE SETTLEMENT VELETMINSKAYA 2 — A SITE WITH STROKE POTTERY ON THE LOWER OKA RIVER

Summary

The problems connected with stroke pottery for a long time are the subject of vivid discussions. The main assemblage of Veletminskaya 2 settlement was left by temporary camps of tribes with stroke pottery. The site is situated in Nizhny Novgorod region, Navashino district. The sites of this type are still not well enough studied in this area. Five vessels from the site were grafically reconstructed. The pottery has its analogies in the wide circle of sites with stroke pottery of the adjacent territories. Judging from these analogies the Neolithic stroke pottery of the Veletminskaya 2 settlement should be dated to the 4th millenium B. C. The data of pollen analyses support this dating. A single burial of the Bronze Age and some Mediaeval materials were also found at the settlement.

В. Н. ЛОГВИН

ПОСЕЛЕНИЯ ТЕРСЕКСКОГО ТИПА СОЛЕНОЕ ОЗЕРО 1

В 40—50-х годах А. А. Формозовым были опубликованы материалы ряда памятников степного Зауралья, часть которых была выделена им в особую «южно-приуральскую», «терсек-карагайскую» культуру [1, с. 50—52; 2, с. 58; 3; 4]. Эталонным памятником для нее являлась стоянка Терсек-Карагай, обнаруженная в 1945 г. членами Зоологической экспедиции МГУ А. М. Чельцовым и К. С. Ходашевой в Наурзумском заповеднике. В связи с этим для обобщенной характеристики однотипных указанной стоянке памятников А. А. Формозовым был введен в литературу термин «терсекские стоянки» [3, с. 74].

В последнее десятилетие Тургайской экспедицией в пределах Кустанайской и Тургайской областей выявлено около 30 пунктов, давших материалы терсекского типа [5—15]. Среди них определенный интерес представляет поселение Соленое Озеро 1, раскапывавшееся нами в 1977—1978 гг., которое дало сравнительно небольшой, но чистый и выразительный комплекс терсекских материалов.

Памятник находится в 0,5 км к западу от пос. Наурзум, на берегу высохшей протоки, которая в древности, видимо, соединяла озера Малый Аксуат и Соленое. В настоящее время она в нескольких местах перекрыта песком и заросла лесом. Вода в Соленом озере появляется только весной. К середине лета оно полностью высыхает, дно его покрывается слоем соли. Берег в месте нахождения памятника возвышается над дном озера примерно на 6 м. Поселение частично разрушено противопожарной полосой. Раскоп площадью 436 м^2 был заложен в пределах противопожарной полосы (рис. 1, 2).

Наиболее полное представление о стратиграфии памятника до его разрушения дает профиль западной стенки раскопа. Вверху отмечен слой серого песка. В центральной и южной частях раскопа мощность его 0,2—0,3 м. В северной части мощность этого слоя увеличивается до 1,2 м. В квадратах 1—4 он подстилается материковым желтым песком. В квадратах 4—12 рассматриваемого профиля картина более сложная. Здесь под верхним слоем серого песка лежит слой желтого песка толщиной от 0,2 до 1,2 м. Наибольшую мощность он имеет в северной части раскопа, а в южной части, в квадрате 5, этот слой выклинивается. Подстилает его включающий в себя находки слой темно-серого песка мощностью 0,2—0,4 м. Мощность и глубина залегания его увеличиваются к северу. В южной части раскопа, в квадрате 5, он поднимается к поверхности и выклинивается. Ниже расположен желтый песок (рис. 2). Насколько можно судить по прослеженному на раскопе характеру залегания слоев, рельеф местности в период функционирования поселения в общих чертах был близок к современному. Темно-серый содержащий находки слой, видимо, скульптурно облегал песчаное всхолмление. Затем в наиболее высокой части он был разрушен и развеян. Как результат этого процесса на начальной его стадии образовались тонкие прослойки желтого и желто-серого цвета, зафиксированные на описываемом разрезе в квадратах 5—8. Дальнейшее усиление эрозионных процессов привело к тому, что культурный слой оказался перекрытым довольно мощным слоем желтого песка (рис. 2).

В восточной части раскопа были вскрыты остатки жилища. Верхняя часть

© В. Н. Логвин, 1992 г.

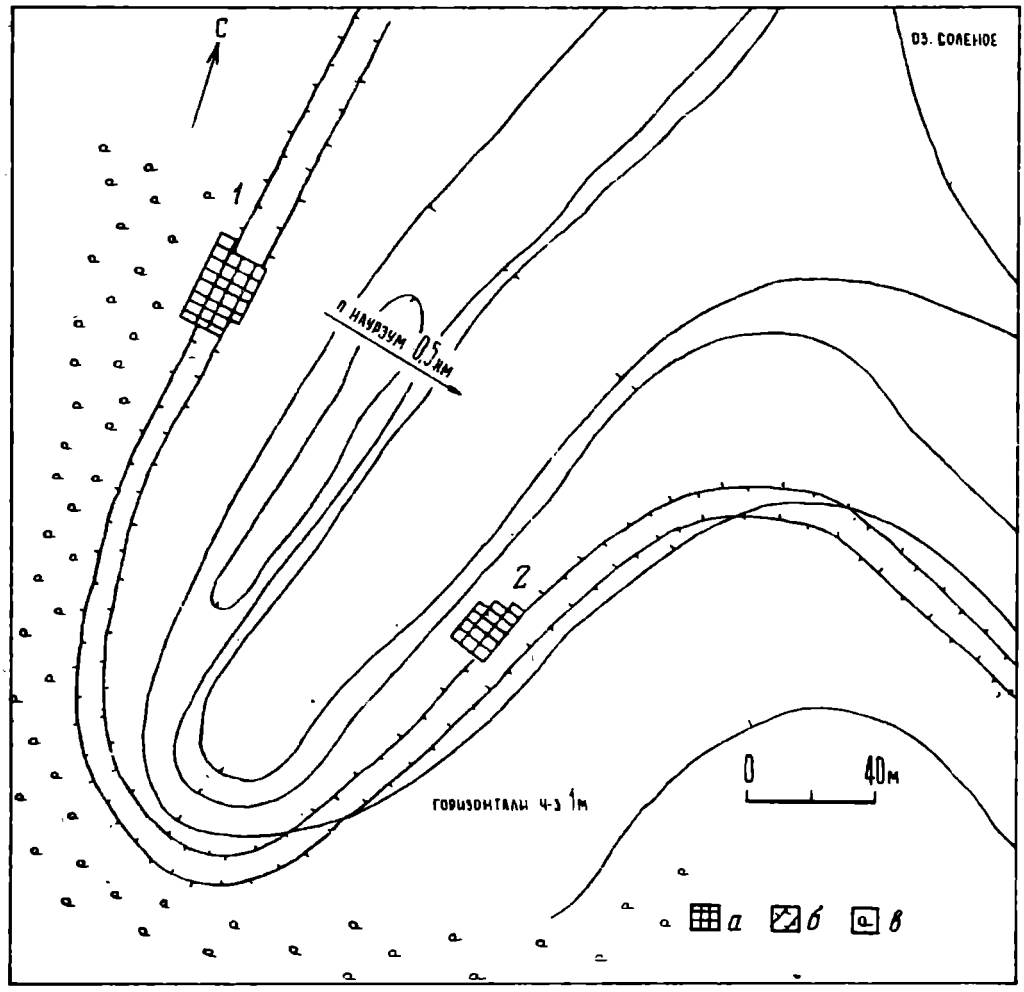


Рис. 1. Поселения Соленое Озеро 1 (*1*) и 2 (*2*). *а* — раскоп; *б* — противопожарная полоса; *в* — лес

его, к сожалению, разрушена противопожарной полосой. Сооружение, видимо, представляло собой полуземлянку. Котлован ее, неправильно-округлой формы, диаметром примерно 6 м, углублен в материк до 0,8 м от современной поверхности. В северной части котлована имеется небольшой выступ, которым, возможно, фиксируется выход. В пределах жилища, в основном в центре его, обнаружено 16 ям от столбов. Очертания котлована и расположение столбовых ям позволяют предполагать, что жилище было округлой, возможно, шалашеобразной формы. В центре котлована, в его придонной части, отмечено скопление костей, керамики и кремневых находок, а у северо-западного края — четыре скопления мелких отщепов и чешуек. Последние, вероятно, фиксируют места обработки кремня. В заполнении котлована отмечено три линзы песка, окрашенного в черный цвет мельчайшими углистыми включениями (рис. 3).

Примерно в 4 м к югу от жилища обнаружена хозяйственная яма неправильно-округлой формы, длиной 1,0, шириной 0,8, глубиной 0,8 м от перекрывающего ее слоя серовато-желтого песка. В ее заполнении обнаружено большое число костей животных, отщепов и обломков орудий. Рядом с ямой, в непосредственной близости от нее, найден развал сосуда (рис. 4, *2*). Вполне возможно, яма и жилище составляли один комплекс.

За пределами жилища находки залегали неравномерно. Большая часть керамики найдена на участке А—В×6—10, а костей животных — в квадратах А—Г×10—15.

Коллекция кремневых находок насчитывает 9440 предметов, в том числе

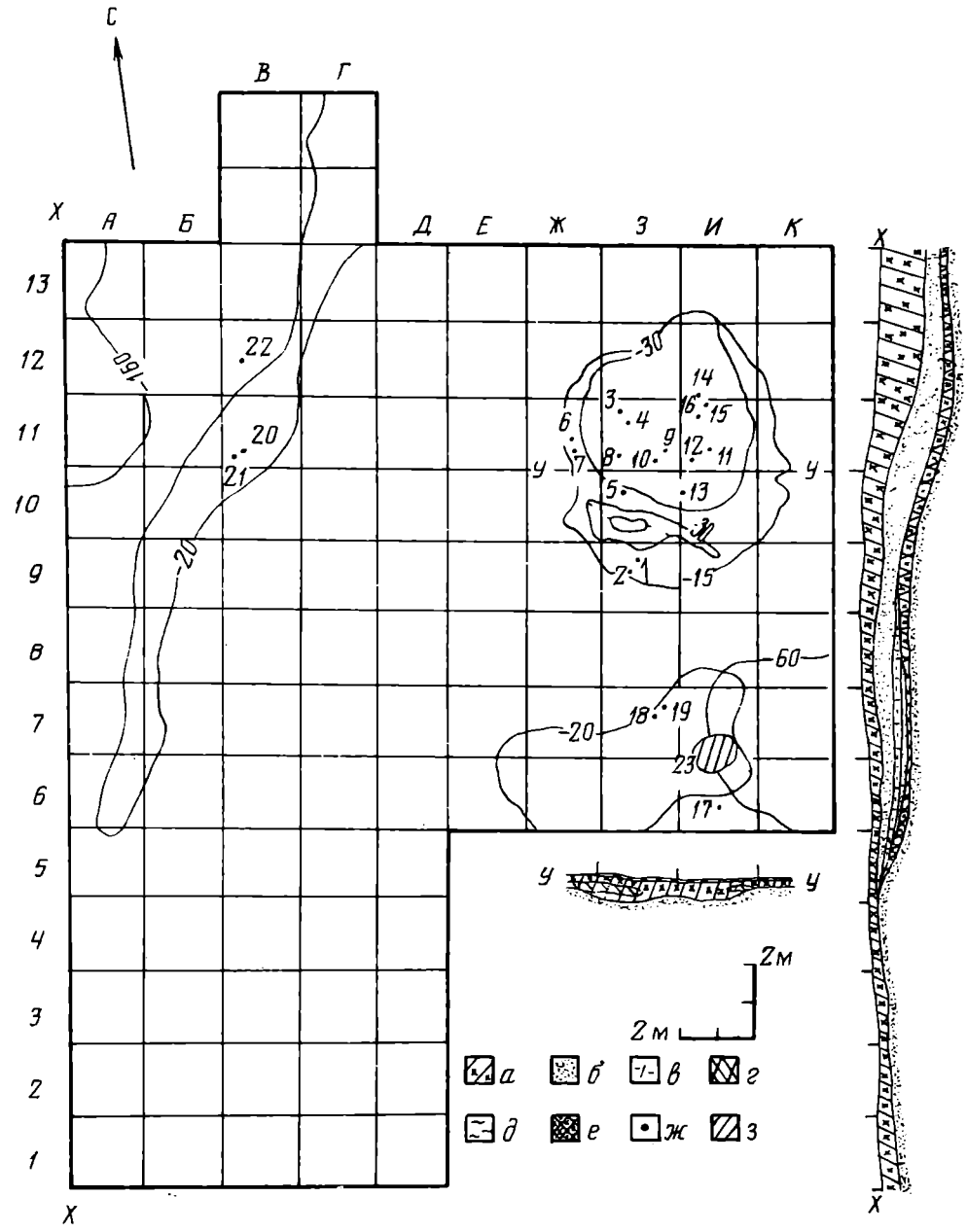


Рис. 2. План раскопа поселения Соленое Озеро 1. *а* — серый песок; *б* — желтый песок; *в* — желто-серый песок; *г* — черный песок; *д* — перевеянный песок; *е* — темно-серый песок; *ж* — столбовая ямка; *з* — хозяйственная яма

найдены: обломки кремня (34), отщепы без следов вторичной обработки (8732), орудия из отщепов (662), пластины без вторичной обработки (6) и орудия из пластин (6). Сырьем для изготовления орудий служили в основном кварциты и кварцитопесчаники (99,18%), преимущественно серых разновидностей.

Орудия из пластин составляют менее 1% всех орудий и представлены скребком и пластинами с ретушью по боковым краям (таблица).

Более половины всех орудий составляют скребки из отщепов. Овальные (14), округлые (18), подтреугольные (2), четырехугольные (4) скребки имеют скребковую ретушь по всему или почти по всему периметру орудия (рис. 5, *16, 22;* 6, *3, 19*). Один из четырехугольных скребков имеет двустороннюю обработку (рис. 6, *4*). У орудий секторовидной формы (20) лезвийная часть орудия расположена по дуге сектора. 3 скребка этой группы двусторонне обработанные (рис. 6, *23, 24*). Сегментовидные скребки (74) имеют ретушь по всей длине дуги сегмента (рис. 5, *23*). 8 скребков — с лезвием углом (рис. 5, *11*). Больше

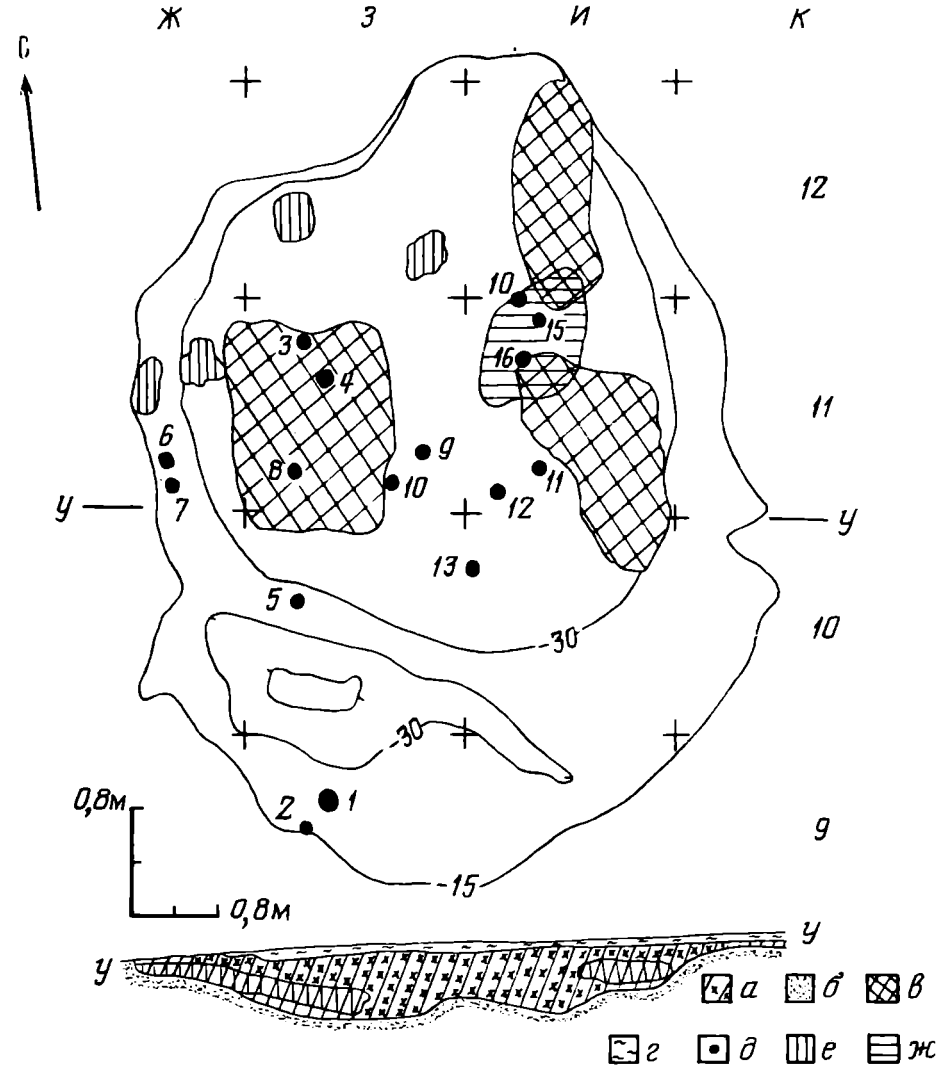


Рис. 3. Поселение Соленое Озеро 1. Жилище. *а* — серый песок; *б* — желтый песок; *в* — черный песок; *г* — перевеянный песок; *д* — столбовая ямка; *е* — скопление отщепов и чешуек; *ж* — скопление костей, керамики и кремневых находок

всего концевых скребков (225). В основном они имеют одно скребковое лезвие (114); 6 орудий этой группы изготовлены из обломков двусторонне обработанных наконечников (рис. 5, *17*). Только 2 орудия изготовлены из пластинчатых отщепов, а остальные — из отщепов с более или менее параллельными боковыми краями естественного происхождения или образованными изломами (рис. 5, *10*). Помимо концевых скребков с одним рабочим лезвием имеются скребки с двумя (58) и тремя (42) соприкасающимися лезвиями (рис. 5, *15, 25, 26, 30*). В группу концевых отнесены и биполярные скребки (11), один из которых изготовлен из пластинчатого отщепа (рис. 5, *12;* 6, *8*). Найдены также мелкие обломки скребковых лезвий (13) и отщепы с небольшими участками скребковой ретуши (11).

Наконечники составляют вторую по численности группу орудий (таблица). Среди целых орудий (16) имеются наконечники с округлым (7), прямым (5) и вогнутым (4) основанием (рис. 5, *1—3, 5*; 6, *13*). Только один из них изготовлен краевой ретушью, остальные — двусторонне обработанные. Найдены также обломки наконечников с прямым (22), вогнутым (12), приостренным (9) и округлым (11) основаниями (рис. 5, *31*; 6, *5, 6, 10, 17*). Среди обломков перьевых частей наконечников (63) следует выделить 1, происходящий, вероятно, от наконечника копья ромбической формы. Судя по целым орудиям и крупным обломкам, для памятника были характерны наконечники вытянутых пропорций. Следует

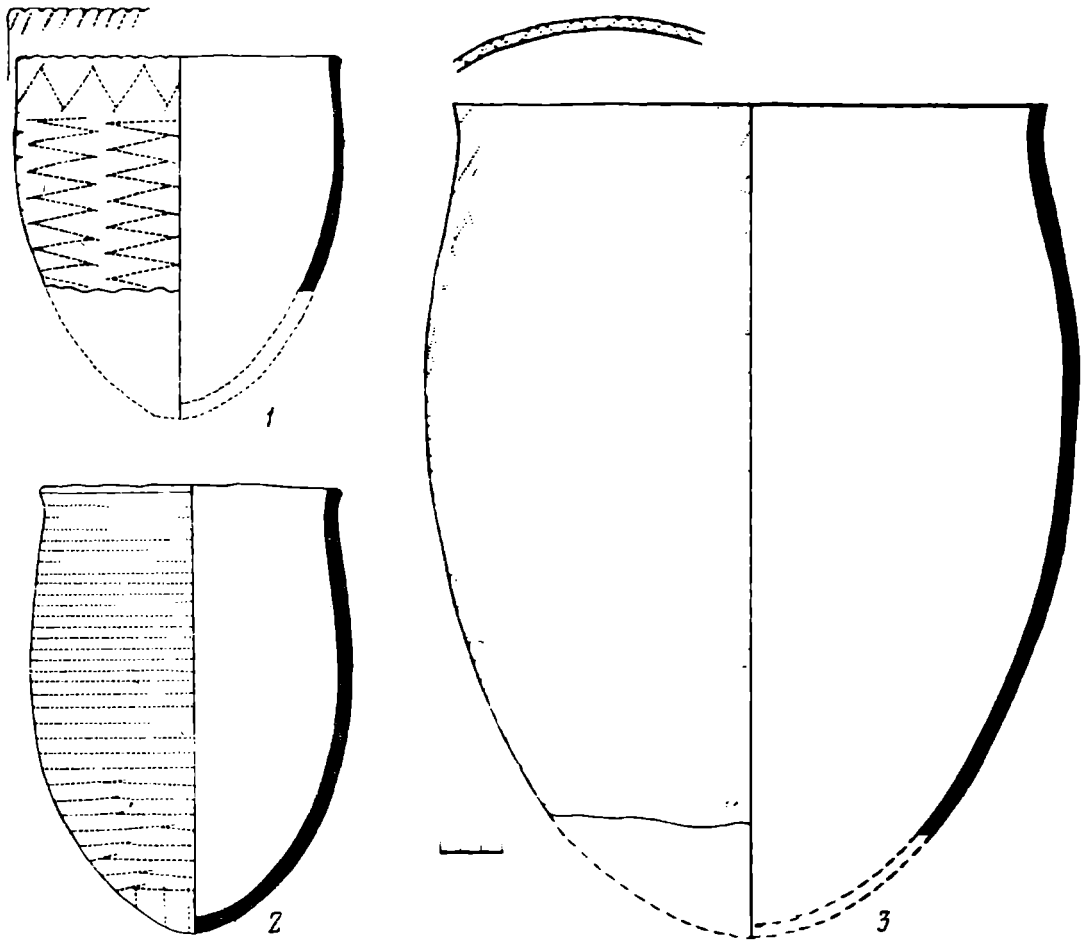


Рис. 4. Сосуды поселения Соленое Озеро 1

отметить также, что один целый наконечник и один обломок перьевой части использовались как сверла (рис. 6, *13*).

Сравнительно многочисленной группой орудий являются и ножи (таблица). Только 3 орудия — со сплошной двусторонней обработкой (рис. 6, *14, 15*). 4 ножа изготовлены краевой двусторонней ретушью (рис. 5, *6, 18*). Остальные орудия этой группы (31) изготовлены односторонней краевой ретушью. Большая часть их представляет собой отщепы с более или менее значительными участками пологой ретуши (рис. 5, *9*; 6, *1, 22*). Лишь 1 нож целый. Он обоюдоострый, овальной формы, напоминает остроконечник, изготовлен из пластинчатого отщепа (рис. 6, *21*).

Другие типы орудий представлены единичными экземплярами (таблица). В коллекции имеется небольшой двусторонне обработанный диск с тонким, острым краем (рис. 6, *9*). Клинышки также небольшие. Один из них, треугольной формы,— двусторонне обработанный (рис. 5, *33*). Два других имеют сплошь обработанную спинку и подтеску с брюшка (рис. 5, *21*). Из массивного отщепа изготовлено долотовидное орудие. С брюшка оно сплошь обработано. Со спинки по всему периметру отщепа нанесена крупная краевая ретушь (рис. 6, *16*). Скребок-нож также изготовлен из массивного удлиненного отщепа. Один кончик его оформлен в виде скребка, а по боковым краям нанесена крупная пологая ретушь (рис. 5, *34*). Скобель-проколка имеет одно вогнутое и три шиповидных лезвия (рис. 5, *27*). Целых шлифованных орудий нет, однако найдены отщепы (16), сколотые предположительно с трех шлифованных орудий, и два обломка орудий, возможно пестов (рис. 5, *28, 29, 35*). Помимо описанных орудий найдены отщепы с небольшими участками ретуши.

Таблица

Орудие	Ретушь			Всего орудий	
	А	Б	В	количество экз.	%
I. Орудия из пластин					
Скребок (рис. *5*, *8*)	—	1	—	1	0,15
Пластина с ретушью со спинки по одной грани (рис. *5*, *4*)	—	1	—	1	0,15
Пластины с ретушью со спинки по двум граням (рис. *5*, *7*; 6, *12*)	1	—	1	2	0,30
Пластина с ретушью с брюшка по одной грани	—	1	—	1	0,15
Пластина с противолежащей ретушью (рис. 6, *18*)	—	1	—	1	0,15
II. Орудия из отщепов с краевой ретушью					
Скребки (рис. *5*, *10—12*, *15*, *16*, *22*, *23*, *25*, *26*, *30*; 6, *3*, *8*, *19*, *23*, *24*)	183	107	89	379	56,74
Наконечник (рис. *5*, *1*)	1	—	—	1	0,15
Скребло (рис. *5*, *32*)	—	—	1	1	0,15
Ножи (рис. *5*, *6*, *9*, *18*; 6, *1*, *21*, *22*)	35	—	—	35	5,24
Скребок-нож (рис. *5*, *34*)	1	—	—	1	0,15
Скобель-проколка (рис. *5*, *27*)	—	—	1	1	0,15
Отщепы с ретушью	47	42	—	89	13,32
III. Орудия из отщепов со сплошной двусторонней обработкой					
Скребки (рис. *5*, *17*; 6, *4*)	—	—	10	10 *	1,50
Наконечники (рис. *5*, *2*, *3*, *5*, *31*; 6, *5—7*, *10*, *11*, *13*, *17*)	132	—	—	132 **	19,76
Ножи (рис. 6, *14*, *15*)	3	—	—	3	0,45
Диск (рис. 6, *9*)	1	—	—	1	0,15
Клинышки (рис. *5*, *21*, *33*)	3	—	—	3	0,45
Долотовидное орудие (рис. 6, *16*)	—	—	1	1	0,15
IV. Шлифованные орудия (рис. *5*, *28*, *29*, *35*)	—	—	—	5	0,74
Всего	407	153	103	668	100,00

Примечание. А — заостряющая ретушь; Б — затупливающая ретушь; В — сочетание заостряющей и затупливающей ретуши.

* В том числе 6 — из наконечников.

** В том числе 2 использовались как сверла.

Сосуды, судя по реставрированному (1) и реконструированным (2) образцам, имели вытянутые пропорции. Днища округло-приостренные. Горловина несколько стянута. Венчик отогнут наружу.

Целый сосуд изготовлен из плохо промешенного, рыхлого, с примесью песка теста. На внутренней поверхности сохранились следы заглаживания зубчатым штампом и отпечатки пальцев, образовавшиеся при отгибании венчика. Вся внешняя поверхность его украшена горизонтальными линиями, выполненными зубчатым штампом (рис. 4, *2*).

Один из реконструированных сосудов имеет аналогичные первому технологические признаки. Орнамент выполнен также зубчатым штампом. Внешняя поверхность его разделена горизонтальными линиями и «зигзагами» на четыре орнаментальные зоны. По шейке нанесены наклонные колонки, заштрихованные горизонтальными рядами оттисков короткого штампа. По плечикам идет ряд

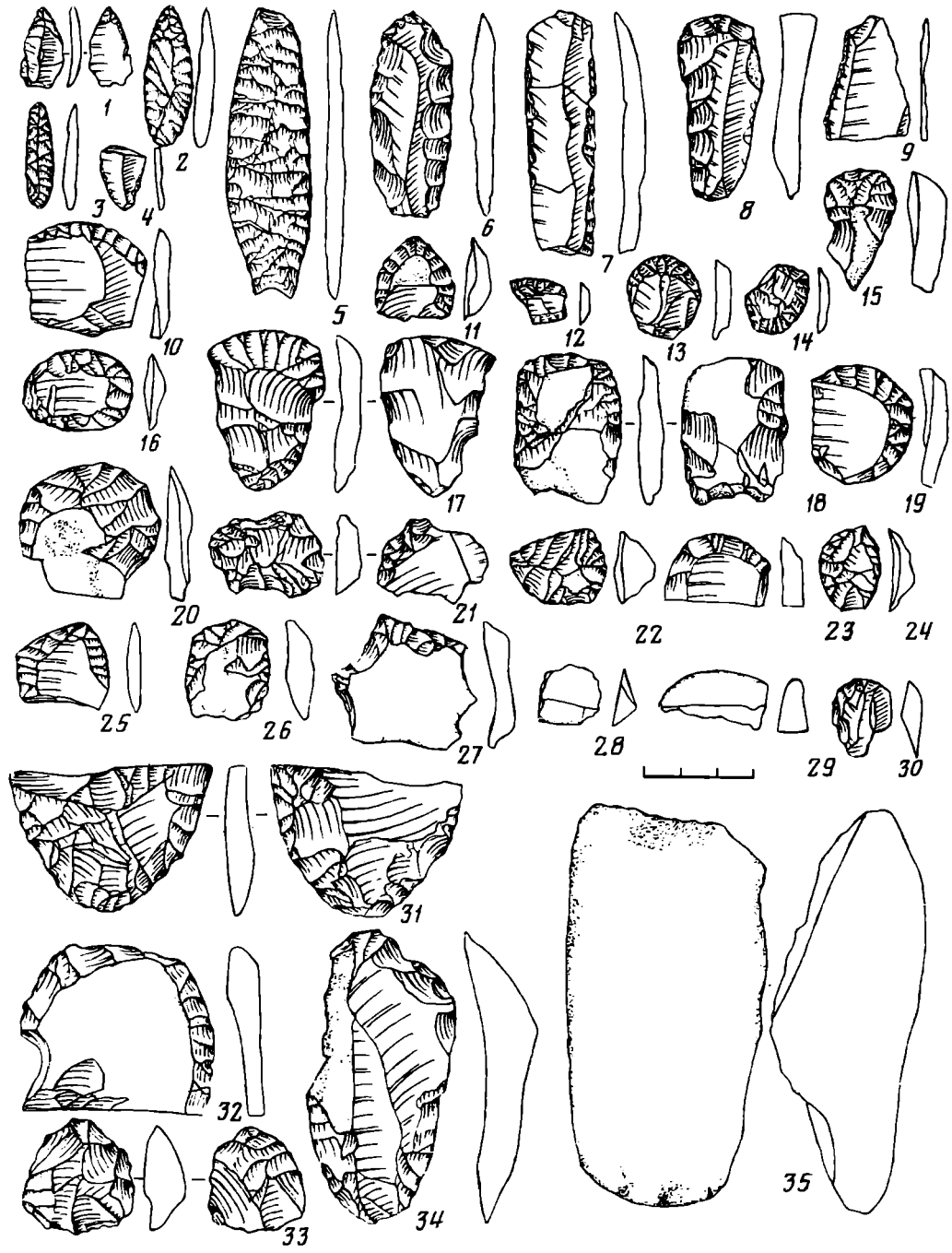


Рис. 5. Кремневые находки с поселения Соленое Озеро 1

вытянутых равнобедренных треугольников, расположенных вершиной вверх. Внутреннее поле их заштриховано вертикальными зигзагами. Одиночным зигзагом они отделены друг от друга. Ниже по тулову расположен ряд таких же треугольников, но заштрихованных горизонтальными рядами оттисков короткого штампа. Придонная часть украшена более скупо — рядами наклонных оттисков короткого зубчатого штампа. По срезу венчика также нанесены оттиски зубчатого штампа (рис. 4, *3*).

Второй частично реконструированный сосуд отличается от описанных большей плотностью черепка. Орнамент выполнен зубчатым штампом. На внешней поверхности под венчиком нанесен одиночный горизонтальный зигзаг. Ниже расположены вертикальные зигзаги. Внутри у края сосуда имеется ряд наклонных оттисков штампа (рис. 4, *1*).

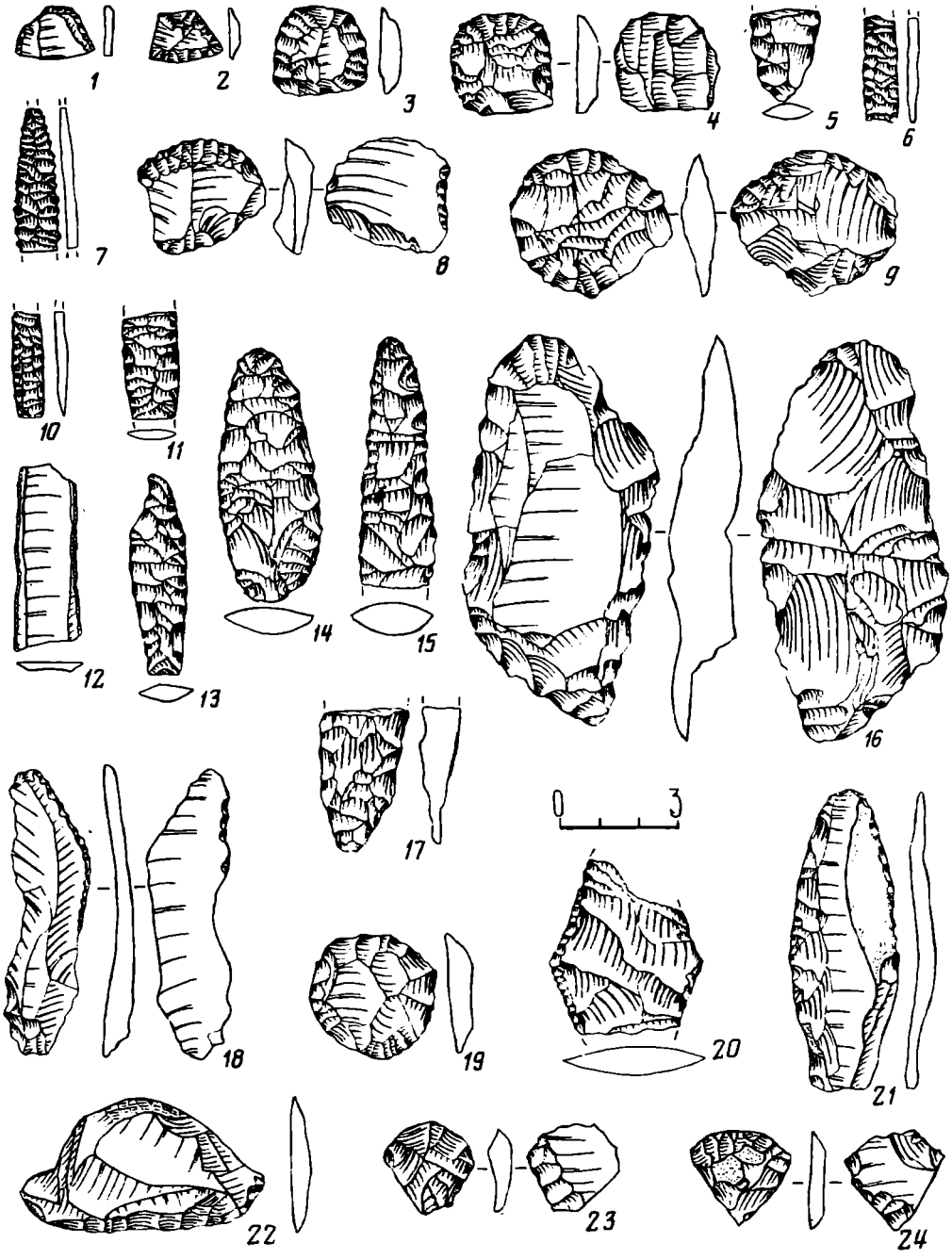


Рис. 6. Кремневые находки с поселения Соленое Озеро 1

В коллекции имеются крупные фрагменты верхних частей еще двух сосудов. Оба с примесью песка в тесте. Один из них изготовлен из рыхлого, плохо промешенного теста. В орнаментации внешней поверхности его сочетаются горизонтальный зигзаг, вертикальные и горизонтальные лесенки. Внутренняя поверхность у края сосуда украшена рядом висячих вытянутых заштрихованных треугольников. Весь орнамент выполнен зубчатым штампом, по срезу венчика им нанесен зигзаг (рис. 7, *7*). Второй сосуд изготовлен из более плотного теста. Внешняя поверхность его украшена ромбической сеткой и горизонтальным рядом вертикальных линий, выполненных зубчатым штампом. В отличие от описанных выше сосудов, имевший плоский венчик, у этого сосуда он — округлый (рис. 7, *12*).

Найдено также девять очень мелких фрагментов шеек сосудов, в том числе шесть с примесью песка в тесте, один с примесью слюды и один с примесью талька. Три фрагмента украшены зубчатым штампом (рис. 7, *1—3*).

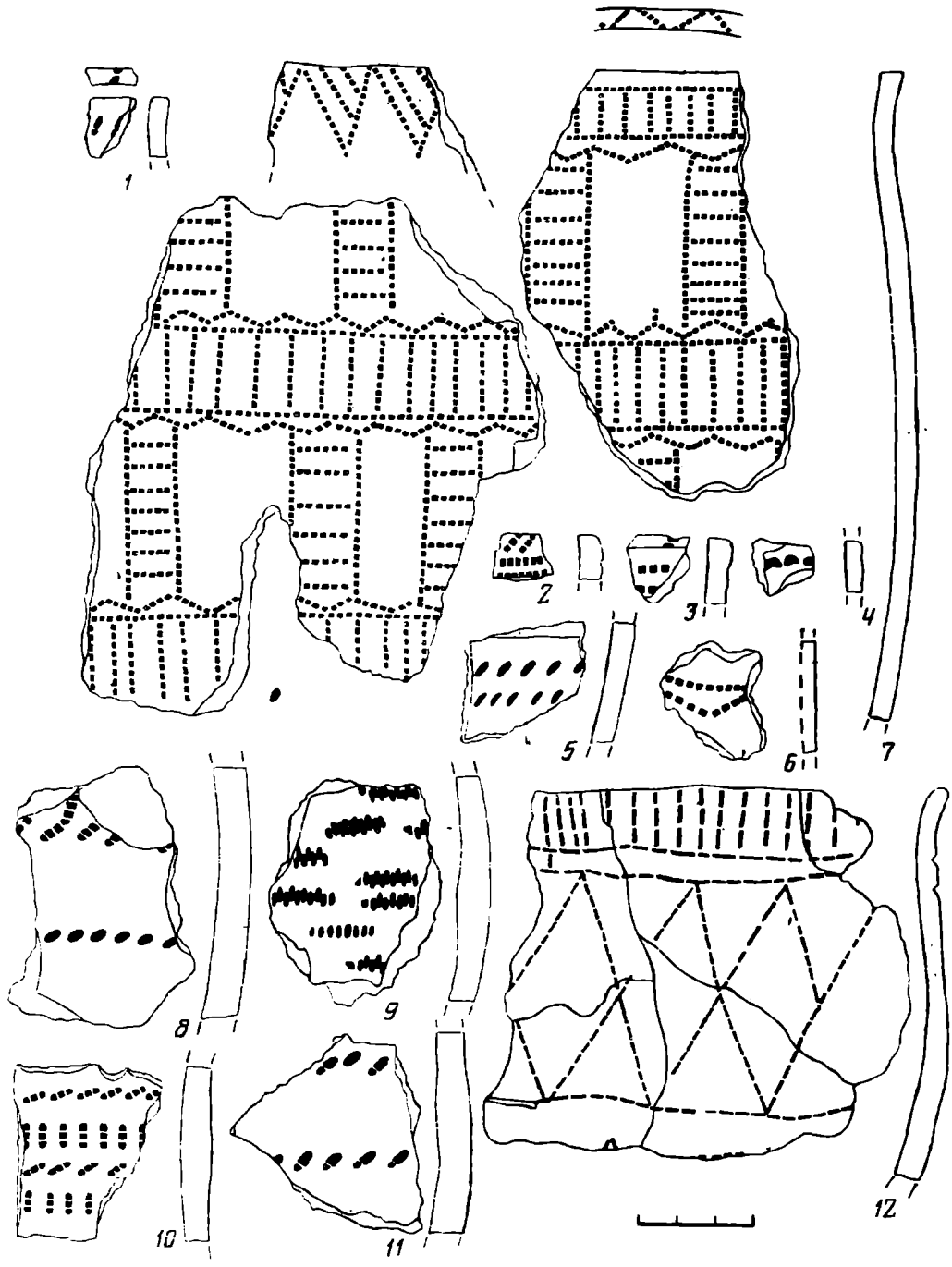


Рис. 7. Керамика поселения Соленое Озеро 1

В коллекции обломков стенок сосудов (300) встречены фрагменты с примесью в тесте песка (161), песка и слюды (65), талька (74). При этом следует отметить, что большая часть фрагментов с примесью талька (71) происходит от одного сосуда. Это достаточно хорошо устанавливается, так как сосуд имеет некоторые присущие только ему признаки. Он тонкостенный; несмотря на обилие талька, имеется довольно плотное тесто. В изломе — черепки красного цвета. Этим они отличаются от других фрагментов, имеющих в изломе черный цвет. Орнамент в основном выполнен двухзубым штампом. Уверенно выделяются три орнаментальные зоны. Верхняя зона украшена вертикальными лесенками, разделенными между собой вертикальным зигзагом, выполненным многозубым штампом. Ниже расположена зона из лежачих равнобедренных вытянутых треугольников (не менее двух рядов). Придонная часть украшена многорядовым горизонтальным

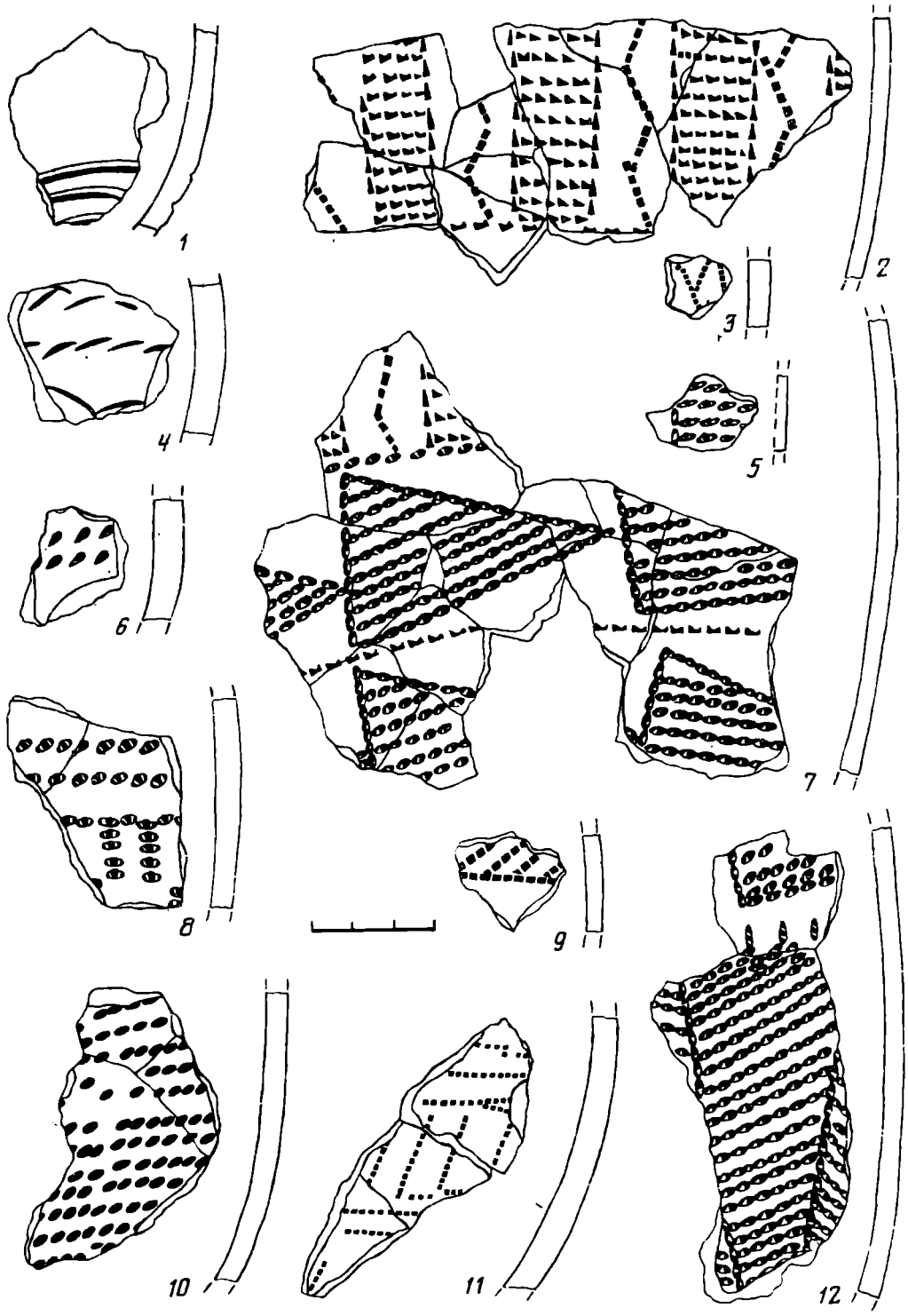


Рис. 8. Керамика поселения Соленое Озеро 1

зигзагом (рис. 8, *2*, *7*, *12*). Остальные фрагменты украшены овальными вдавлениями (2) и зубчатым штампом (1) (рис. 8, *5*, *10*).

Большая часть стенок (60) с примесью песка и слюды в тесте — без орнамента. Лишь 4 фрагмента украшены зубчатым штампом, 1 — овальными вдавлениями (рис. 7, *5*, *11*).

В группе стенок с примесью песка орнаментировано всего 35 фрагментов. Орнамент выполнен зубчатым штампом (28), вдавлениями (5) и прочерчиванием (2), в том числе в одном случае отмечено сочетание вдавлений и оттисков зубчатого штампа (рис. 7, *4*, *6*, *8—10*; 8, *1*, *3*, *8*, *9*, *11*).

По определению Л. А. Макаровой, среди найденных на поселении костных остатков более половины принадлежит лошади. Найдены также кости бизона и кабана. Л. А. Макарова сравнила результаты биометрической обработки костных остатков лошади с нашего поселения и с поселения развитой бронзы Атасу. Они оказались близки друг другу.

В одной из предшествующих работ терсекскую культуру в целом мы отнесли к отрезку времени от начала III тыс. до н. э. до начала II тыс. до н. э. Если говорить коротко, не повторяя сказанного ранее, основанием для этого послужила предполагаемая нами синхронность ее кысыкульской (суртандинской), липчинской, аятской, гаринско-борской, волосовской и ямной культурам (7, *14*, *15*).

В последнее время вышла в свет серия статей, посвященных интересному энеолитическому памятнику Кокчетавского Приишимья — поселению Ботай [16—21]. Появилась, таким образом, возможность сопоставить наши и ботайские материалы, которые оказались близки друг другу.

На стоянках Соленое Озеро 1 и Ботай практиковался один и тот же тип кремневой индустрии. На обоих памятниках использовались по преимуществу кварциты и кварцитопесчаники. Основной заготовкой для изготовления орудий труда являлся отщеп. Все типы орудий поселения Соленое Озеро 1 известны на Ботае. Насколько можно судить по публикациям, соотношение различных типов орудий на обоих памятниках также близко [17, с. 6; 18, с. 17—33].

В керамических комплексах также много общего. По сути соленоозерская керамика отличается от ботайской негативными признаками. На Соленом Озере 1 не встречена керамика с веревочным орнаментом и с отпечатками ткани на внешней поверхности сосудов, тогда как на Ботае такой керамики много [16; 21, с. 59—72]. Если керамика, украшенная веревочным штампом, достаточно многочисленна на некоторых (Бестамак, Кожай 1, Кумкешу 1) терсекских памятниках [13, с. 459], то текстильная для них нехарактерна.

Несмотря на некоторые различия в керамике, степень сходства материалов Соленого Озера 1 и Ботая такова, что отнесение обоих поселений к одному крупному культурно-хронологическому пласту памятников вряд ли у кого вызовет возражение.

Исследователи Ботая датируют его концом IV—III тыс. до н. э. [17, с. 10; 21, с. 71]. Такая дата представляется растянутой. Фактов, свидетельствующих о бытовании в IV тыс. до н. э. однотипных Ботаю памятников, насколько нам известно, пока нет. Радиоуглеродные даты также противоречат этому. В настоящее время для Ботая опубликовано две даты: 4340±120 лет и 3530±160 лет [17, с. 10]. Нам известны также три даты для поселения Кожай 1: 4600±320 лет (ИГАН-656), 3220±260 лет (ИГАН-655), 4570±40 лет (ИГАН-748) и одна дата для поселения Кумкешу 1: 4570±270 лет (ИГАН-749)[1]. Две даты (XII и XVI вв. до н. э.) явно омоложены. Остальные четыре хорошо согласуются между собой, а также с результатами сравнительно-типологического анализа. Одна из них относит поселение Ботай к XXV в. до н. э., а три другие датируют южные памятники терсекского типа XXVII в. до н. э. В свете этих данных датировка терсекских и однотипных им памятников отрезком времени от второй трети III тыс. до н. э. до начала II тыс. до н. э. в настоящее время представляется наиболее приемлемой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Формозов А. А.* Памятники древности Наурзумского заповедника//Вестн. Каз. фил. АН СССР. 1946. № 4 (13).
2. *Формозов А. А.* Кельтеминарская культура в Западном Казахстане//КСИИМК. 1949. Вып. XXV.
3. *Формозов А. А.* Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом//Бюл. Комис. по изучению четвертичного периода. 1950. № 15.

[1] Кумкешу I находится на р. Тургай, в ее среднем течении, а Кожай 1 — в верховьях Бала-Терсаккана [15, с. 59].

4. *Формозов А. А.* Археологические памятники в районе Орска//КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI.
5. *Логвин В. Н.* Работы Тургайского музея//АО — 1975. М., 1976.
6. *Логвин В. Н.* Работы в Наурзумском заповеднике//АО — 1978. М., 1979.
7. *Логвин В. Н.* Еще раз об энеолитических стоянках Кустанайской области и их связи с ландшафтом//Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979.
8. *Логвин В. Н.* Работы на р. Атагай//АО — 1979. М., 1980.
9. *Калиева С. С.* Разведки в северной части Туругайского прогиба//АО — 1980. М., 1981.
10. *Логвин В. Н.* Работы Тургайской экспедиции//АО — 1980. М., 1981.
11. *Логвин В. Н.* Энеолитические памятники р. Каинды//Вопросы археологии Урала. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1981.
12. *Логвин В. Н. Калиева С. С.* Стоянка Евгеньевка 2 (Северный Казахстан)//СА. 1984. № 1.
13. *Логвин В. Н.* Раскопки поселения Бестамак//АО — 1982. М., 1984.
14. *Логвин В. Н., Калиева С. С.* Разведки на р. Тургай//АО — 1982. М., 1984.
15. *Логвин В. Н., Калиева С. С.* Терсекские памятники Тургайского прогиба//Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1986.
16. *Зайберт В. Ф., Мартынюк О. И.* Керамические комплексы поселения Ботай//КСИА АН СССР. 1984. № 177.
17. *Зайберт В. Ф.* Поселение Ботай и задачи исследований энеолита Северного Казахстана//Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Башк. ун-та, 1985.
18. *Зашов В. И.* Характеристика каменных орудий поселения Ботай//Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Башк. ун-та, 1985.
19. *Даниленко Т. А.* Костяной инвентарь поселения Ботай//Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Башк. ун-та, 1985.
20. *Плешаков А. А., Зайберт В. Ф.* Рубящие орудия поселения Ботай//Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Башк. ун-та, 1985.
21. *Мартынюк О. И.* Керамика поселения Ботай//Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Башк. ун-та, 1985.

Кустанайский педагогический
институт

V. N. LOGVIN

A SETTLEMENT OF TERSEK TYPE SOLYONOE OZERO 1.

Summary

The article contains a publication of the materials from Chalcolithic settlement Solyonoe Ozero 1. The site is situated in the Naurzum national park in steppe region of Tobol basin, on the bank of a dry lake. A rounded-shape dwelling was discovered, its diameter ca 6 m, depth up to 0.8 m. The main part of stone tools were made on the flakes. Scrapers, knives and points are most numerous (Pl. 1, Figs. 5, 6). The vessels are of elongated proportions with rounded and pointed bottoms. The necks are slightly closed, the rims turned out. The pots were ornamented mainly with comb-stamp. There are few sherds with pits and incisions. Some geometrical ornamental motifs are very characteristic (Figs. 4, 7, 8). In the faunistic materials the bones of horse, bison, and wild boar are present (analyses of L. A. Makarova). The settlement should be synchronized with pit-grave, Surtandy, Garino and Volosovo cultures and is dated from the second thirds of the 3d millenium B. C. up to the early 2nd millenium B. C.

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ

ФАТЬЯНОВСКИЙ КОМПОНЕНТ В КУЛЬТУРЕ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
(Волго-Клязьминское междуречье)

Вопрос о финальной стадии фатьяновской культуры, об исторических судьбах племен, занимавших обширные области в центре Русской равнины, пожалуй, наименее разработан. В значительной степени это объясняется скудостью материалов переходного периода от фатьяновской культуры к культурам эпохи поздней бронзы. В связи с этим заслуживают внимания новые материалы, которые позволяют подойти к решению проблемы. Еще сравнительно недавно не были известны памятники эпохи бронзы и на территории восточной части Волго-Клязьминского междуречья. Частично этот пробел восполнили многолетние работы Верхневолжской экспедиции АН СССР под руководством Д. А. Крайнова, в результате которых открыты и изучены древности раннего бронзового века, в основном могильники фатьяновской культуры. Материалы, характерные для позднего бронзового века, немногочисленны и почти не публиковались. Находки этого времени выявлены благодаря раскопкам многослойных поселений. К сожалению, эти памятники не имеют четкой стратиграфии, а однокультурные стоянки эпохи бронзы пока не найдены. Тем не менее анализ новых коллекций позволяет и для этого периода выявить особенности культуры древнего населения, а также те компоненты, на основе которых они формировались. На востоке Волго-Клязьминского междуречья можно выделить два района, где имеются интересующие нас материалы. Это поселения по берегам оз. Сахтыш и по течению р. Лух; на восьми из них проводились раскопки. Особенно интересны стоянки у оз. Сахтыш (Тейковский р-н Ивановской обл.).

В древности это озеро, как и многие другие, было одним из центров обитания людей. Вокруг него группировались поселения, расцвет которых относится к эпохе неолита — энеолита. Именно на таких памятниках встречаются материалы эпохи бронзы. Первую стоянку — Сахтыш I открыл В. И. Смирнов в 1930 г., но известность этот насыщенный памятниками район получил благодаря работам Д. А. Крайнова. Начиная с 1962 г. и вплоть до настоящего времени Верхневолжская экспедиция ведет раскопки как на стоянке Сахтыш I, так и на открытых экспедицией поселениях Сахтыш II, IIа, IV, VII, VIII. На некоторых из них исследованы значительные площади — от 1500 до 1800 м^2 (Сахтыш I, VIII). Поселения изобилуют находками керамики, орудий из камня и кости; на них открыты жилища и погребения. Небольшая часть материалов, в основном периода неолита и энеолита, опубликована [1—4]. Более поздние находки специально не изучались. В эпоху бронзы, так же как и в неолите, богатое рыбой и водоплавающей дичью озеро было надежным источником пищи, а прежние места обитания оставались наиболее удобными для устройства поселков.

Стоянки Сахтыш I, II, IIа, VII, VIII, на которых найдены материалы эпохи бронзы, расположены в сходных топографических условиях, на низких берегах речки Койка, вытекающей из озера, на небольшом расстоянии друг от друга и от озера. Поселения на р. Лух (приток р. Клязьма) также находятся невысоко над рекой. Это стоянки Поляна (Палехский р-н), Клячино I и II, Стрелка (Пестяковский р-н) и Толстуха (Южский р-н) в Ивановской обл. На памятниках по р. Лух предметы эпохи бронзы немногочисленны и аналогичны находкам у

© О. С. Гадзяцкая, 1992 г.

оз. Сахтыш, поэтому особое внимание мы обращаем на сахтышские поселения. Материалы эпохи бронзы представлены на них главным образом керамикой. К этому же времени относится какая-то часть каменных орудий: кремневые наконечники стрел и дротиков с черешком, отдельные топоры и тесла, обломки фатьяновских сверленых топоров и высверлины из них, кусочек меди [5, с. 81, 82]. В культурном слое поселений среди обнаруженных погребений одно, скорчённое, с сосудом и наконечником стрелы сейминского типа, со стоянки Сахтыш I также можно отнести к эпохе бронзы [6, с. 37, 38]. Однако наиболее массовый и пригодный для анализа материал этого периода — керамика. Именно она позволяет наметить связи культур раннего и позднего периодов бронзового века.

Керамика эпохи бронзы Волго-Клязьминского междуречья стратиграфически связана с самой верхней частью культурного слоя поселения и редко встречается глубже 30 см от поверхности. Анализ находок ее планиграфического распределения не позволяет выявить места жилищ или иных бытовых объектов. Количество такой керамики по отношению к тысячам обломков разновременных сосудов с поселения составляет всего 1—3%. Даже на хорошо исследованных памятниках керамики эпохи бронзы немного: на стоянке Сахтыш I на площади 1000 м^2 найдены обломки 400 сосудов (раскопки 1962—1966, 1970—1972, 1974, 1981 гг.), на стоянке Сахтыш II на площади 1300 м^2 — около 500 сосудов (раскопки 1962—1964, 1966, 1978—1982 гг.)[1]. Керамика эпохи бронзы поселений неоднородна, но в то же время обладает признаками, которые позволяют выделить ее из массы фрагментов посуды других археологических культур. Основные характерные особенности проявляются в форме и орнаментации сосудов, которые описаны ниже. В меньшей степени мы можем судить о технике выделки и составе глиняного теста, так как этот вопрос требует специального изучения. Условно, исходя из визуального определения примесей к глине, можно выделить две группы керамики эпохи бронзы: одна имеет примеси песка, иногда дресвы, шамота, другая содержит примеси раковины и органики.

Ранний бронзовый век, время расселения в лесной зоне Восточной Европы скотоводческих племен и становления производящего хозяйства, представлен в Верхнем Поволжье фатьяновской культурой. Памятники этой яркой культуры, входящей в круг культур боевых топоров и шнуровой керамики, целенаправленно изучались Верхневолжской экспедицией, возглавляемой Д. А. Крайновым. Результаты работ опубликованы [5, 7—10]. В восточной части Верхнего Поволжья в Ивановской обл. насчитывается более 150 фатьяновских памятников, среди них третья часть — могильники, остальные — места случайных находок, в том числе на инокультурных поселениях.

Вопрос о фатьяновских материалах, найденных на подобных памятниках, связан с вопросом о выделении собственно фатьяновских поселений [9, с. 28—37]. Как известно, такие поселения имеются на востоке фатьяновско-балановской общности в Среднем Поволжье (поселения Ош-Пандо, Васильсурское, Галанкина Гора и др.) [11—13]. По-видимому, они были и на территории Верхнего Поволжья. Об этом свидетельствуют находки предметов фатьяновской культуры на более ранних стоянках [9]. О том, что мы можем считать такие находки связанными именно с фатьяновскими поселениями, а не с разрушенными могильниками, говорят новые открытия. Например, многочисленные обломки фатьяновской посуды и другие предметы обнаружены на стоянках в Московской обл. [14, 15]. Следами поселений, вероятно кратковременных, являются и находки фатьяновской культуры в восточной части Верхнего Поволжья.

Фатьяновская керамика сахтышских стоянок составляет небольшую часть группы сосудов эпохи бронзы с примесями песка, реже — дресвы. Фрагментарность материала не позволяет получить полное представление о форме сосудов. В основном по обломкам венчиков выделяется около 30 сосудов на стоянке

[1] В подсчеты не включена текстильная керамика, какая-то часть которой, вероятно, появляется в конце эпохи бронзы.

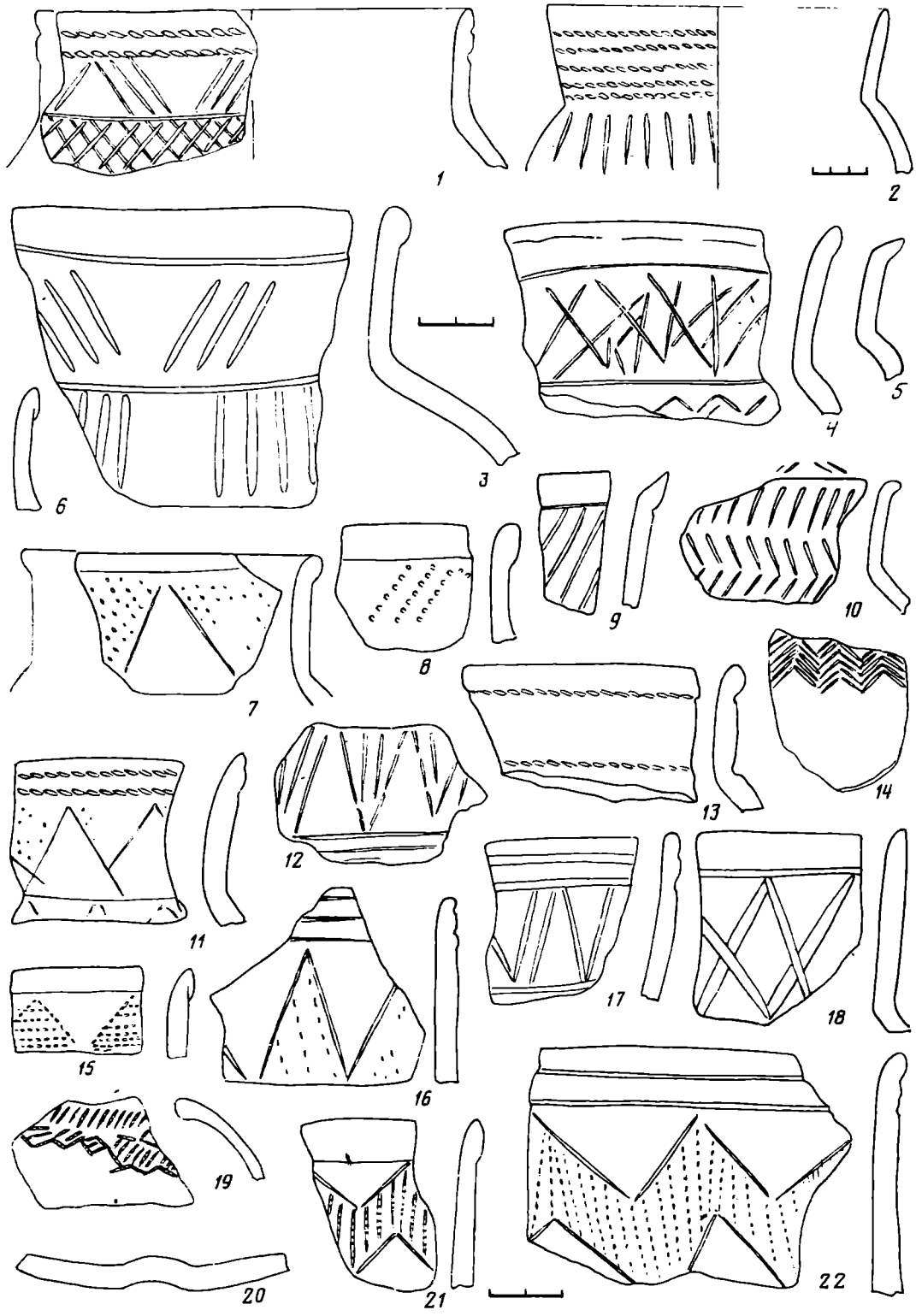


Рис. 1. Фатьяновская керамика. *1—7, 9, 11—18, 20, 21* — стоянка Сахтыш I; *8, 10, 19, 22* — стоянка Сахтыш II

Сахтыш I и 13 — на Сахтыш II, на остальных памятниках находки незначительны. Поселенческая фатьяновская керамика типологически довольно однородна. Это обычные для погребальных комплексов тонкостенные сосуды хорошего обжига. Поверхность их заглажена, коричневого, красноватого, желтого, иногда черного цвета. В глине заметны примеси песка, редко — мелкой дресвы и шамота. Преобладают небольшие или средних размеров сосуды (диаметр горла 12—19 см) с прямой или слабо отогнутой шейкой, высотой 2,5—4,5 см (рис. 1); крупные

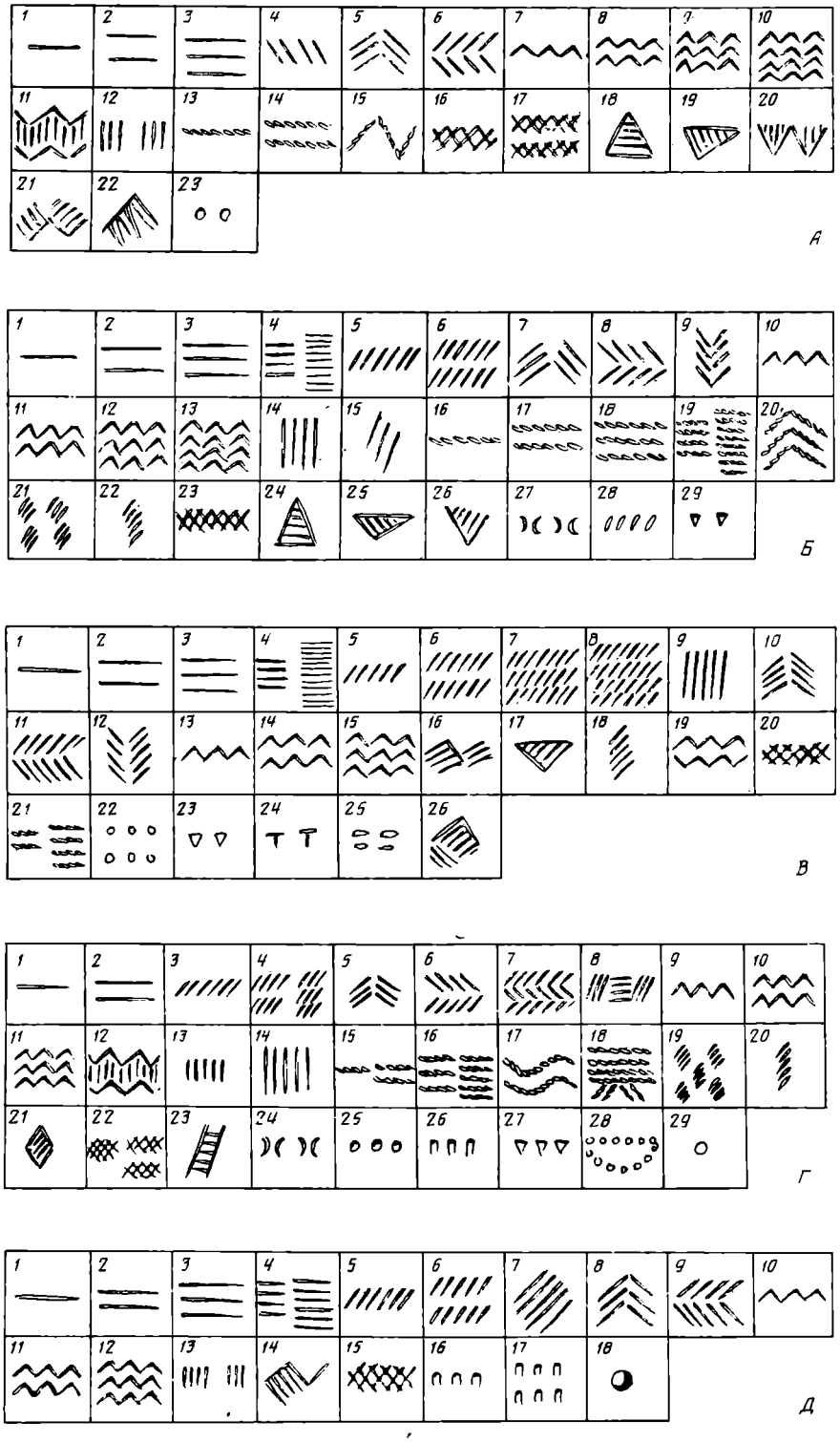


Рис. 2. Основные мотивы орнаментов. *А* — к табл. 1; *Б* — к табл. 2, I; *В* к табл. 2, II; *Г* — к табл. 3, I; *Д* — к табл. 3, II

сосуды единичны. Профиль венчиков также типичен в основном для посуды из могильников, с утолщенным или округлым краем (рис. 1, *3*, *7*, *8*, *13*), реже — оттянутым или уплощенным (рис. 1, *5*, *9*), иногда без утолщения (рис. 1, *2*, *18*). О крупных сосудах можно судить по фрагменту с примесью шамота и дресвы в теле, с двумя бороздками под краем венчика (рис. 1, *22*). Состав глины и детали орнамента характерны для поздней фатьяновско-балановской керамики типа ош-пандо. Сахтышские сосуды имели шаровидное тулово и круглое дно,

Таблица 1

Основные мотивы орнаментов на сосудах фатьяновской культуры

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23

Стоянка Сахтыш I

На шейках сосудов (23 — с орнаментом, *5* — без орнамента)

12	4	3	7	4	—	2	—	—	—	1	—	2	2	—	—	3	1	2	—	—	1	1

На плечиках сосудов

3	—	—	1	4	—	2	—	—	1	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—

Стоянка Сахтыш II

На шейках сосудов (13 — с орнаментом)

5	4	—	1	—	1	1	2	4	—	2	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—

На плечиках сосудов

3	—	—	4	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	2	—	—	—	—	1	1	—	—

Примечание. Порядковые номера 1—23 соответствуют номерам на рис. 2, *А*.

на двух имеются «фатьяновские» ямки диаметром 1,2—2 см (рис. 1, *20*). В целом орнаментика, как и форма, аналогична узорам на посуде из могильников, но есть и отличия. Двухзональный орнамент выполнен зубчатым штампом, прочерченными линиями, иногда оттисками веревочки. Композиции просты и довольно однообразны, элементы орнамента однородны (табл. 1, рис. 2). Первая зона на шейке сосуда — это группы разнонаклонных и прямых линий, в основном прочерченные (рис. 1, *1*, *3*), реже — зубчатые (рис. 1, *8*); треугольники из оттисков штампа (рис. 1, *7*, *11*, *15*, *16*); косая решетка (рис. 1, *4*); горизонтальные отпечатки веревочки, от 1—2 до 5 (рис. 1, *1*, *2*, *11*, *13*). Единичны елочные узоры (рис. 1, *10*, *14*) и широкий заштрихованный зигзаг балановского типа. Он имеется только на сосуде со стоянки Сахтыш I и двух — Сахтыш II (рис. 1, *21*, *22*). Вторая орнаментальная зона, на плечиках сосуда, по набору элементов аналогична первой, но дополнена зубчатыми ромбами (рис. 1, *19*) и прочерченными вершинами вниз треугольниками (рис. 1, *12*). Небольшая часть сосудов не орнаментирована (рис. 1, *5*, *6*). Особо отметим такую деталь, как горизонтальные бороздки — разделители зон (рис. 1, *1*, *3*, *4*, *17*), часто встречающиеся на керамике поздних фатьяновско-балановских комплексов. Подобную керамику со стоянок Волго-Клязьминского междуречья можно отнести к финальному этапу фатьяновской культуры. Она вполне сопоставима с посудой из таких поздних фатьяновских могильников Верхнего Поволжья, как Волосово-Даниловский и Скомороховский [5, с. 105, табл. VI; 6, с. 100, табл. 27]. Есть общие черты и с керамикой стоянки и могильника Николо-Перевоз [7, табл. II]. С другой стороны, мы видим аналогии и в памятниках ош-пандинского типа со Средней Волги. Сходство с ними проявляется в деталях: в преобладании прочерченных узоров и отдельных элементов орнамента (заштрихованные треугольники и зигзаги, грубая косая решетка), гладком, без узора крае венчика [12, табл. 17, 18]. Есть и идентичные узоры, например широкие зигзаги на сосуде со стоянки Сахтыш I и из Чебаковского поселения [13, рис. 155, *2*]. Отметим, что в фатьяновской керамике с поселений восточной части Верхнего Поволжья почти не заметны следы взаимодействия с другими культурами эпохи бронзы.

Вместе с типично фатьяновской керамикой на стоянках нередко встречается и так называемая фатьяноидная керамика, которую условно можно разделить

на две группы. Первая группа этой керамики (рис. 3—6), также с примесью песка, иногда мелкой дресвы, напоминает фатьяновскую, но в ней появляются черты, которые позволяют говорить о ее своеобразии. Такой керамики в слое поселений больше, чем фатьяновской. Целых форм нет, по фрагментам можно выделить около 200 сосудов (на стоянке Сахтыш I — 100, Сахтыш II — 70, на остальных такой керамики значительно меньше). Благодаря хорошему обжигу глина плотная, звонкая, поверхность сосудов хорошо заглажена, красноватого цвета. Выделяются сосуды горшковидной и баночной форм. Преобладают первые — с четко выделенным горлом, выпуклыми боками, округло-уплощенным дном (рис. 3, *18*); сосуды с плавным переходом от шейки к плечикам (рис. 6, *9*, *10*) единичны. Больше всего средних по размерам экземпляров с диаметром горла от 10 до 25 см и шейкой высотой 2—3 см, но встречаются и небольшие, а также крупные сосуды (диаметр горла — от 6—8 до 30 см, высота шейки — от 1,6 до 4,2 см). Интересен сосуд с низкой шейкой и шаровидным туловом, напоминающий фатьяновские амфоровидные (рис. *5*, *2*). Намечаются типологические отличия горшковидных сосудов по форме горловин. Первый тип — сосуды с прямым или слабораструбным горлом (рис. 3, *1*, *3*, *7*). Варианты выделяются по особенностям верхней части шейки: 1) с округлым срезом венчика (рис. 3, *1*); 2) с плоским (прямым или косым) срезом (рис. 3, *3*, *7—9*, *11*, *12*); 3) с ребристым или двускатным срезом (рис. 3, *10*). Второй тип — сосуды с изогнутым в средней части «пухлым» горлом, поставленным прямо или под углом к округлым плечикам (рис. 3, *4—6*, *15*; 4, *6—9*; *5*, *1*, *5*, *6*, *9*). Варианты аналогичны первому типу. Среди сосудов горшковидных больше всего по количеству с плоским срезом венчика, скошенным внутрь (рис. *5*, *1*, *5*, *6*), мало — с тонким (рис. 3, *4*; *5*, *9*) или округлым краем, единичны сосуды с двускатным срезом (рис. 4, *10*).

Баночная форма пока представлена единичными сосудами. Обломки четырех небольших сосудов найдены на стоянке Сахтыш II. Три из них без орнамента, один вверху украшен тремя зигзагами и полосой ромбов фатьяновского типа (рис. 3, *17*, *19*, *20*).

Орнамент на фатьяновской керамике двухзональный: на шейке и на плечиках. Он состоит из сочетания разнообразных элементов и выполнен зубчатыми штампами или гладкими линиями, реже — оттисками веревочки. Распространено три элемента: горизонтальные линии, зигзаги и полосы косых насечек (табл. 2, 3). Парные горизонтальные линии, реже — одинарные и тройные выполнены зубчатым штампом, иногда гладкие (рис. 3, *10*; 4, *11*, *12*). Встречаются и более широкие пояса — из *5*—9 линий (рис. 3, *4*). На нескольких сосудах, в основном на шейках, по той же схеме нанесены от 1 до 18 полос — отпечатков веревочки (рис. 3, *5*, *7—9*, *15*; *5*, *7*). На двух сосудах со стоянки Сахтыш II есть волнистый узор из оттисков веревочки и ее имитации (рис. 3, *2*, *3*). Горизонтальные зигзаги, от 1 до 4, чаще украшали плечики сосудов (рис. 3, *12*; 4, *8*). На посуде стоянки Сахтыш I преобладают двойные зигзаги, на стоянке Сахтыш II — одиночные. Третий часто используемый элемент орнамента — пояса из косых насечек, обычно одинарные или двойные (рис. 3, *6*, *10*; 4, *8*; 5, *1*, *9*).

Остальные элементы не столь часты (см. табл. 2, 3). Это группы разнонаклонных линий (рис. 3, *8*, *9*), вертикальные прочерченные линии, вертикальная или горизонтальная елочка (рис. 3, *11*, *15*; 4, *10*), косая решетка. При общем сходстве орнаментики керамики эпохи бронзы со всех памятников можно указать и на некоторые различия. Например, для сосудов со стоянки Сахтыш II характерны узоры из ромбов, а на стоянке Сахтыш I они найдены только на трех фрагментах. Ряды ромбов, от 1 до *5* из параллельных оттисков зубчатого штампа, нанесены на шейки и плечики горшков. Ромбы различны по величине и форме: неоконтуренные, короткие (рис. *5*, *3*, *4*, *9*) и длинные — до 6—7 оттисков (рис. 4, *7*; *5*, *5*) и с контурами (рис. *5*, *5*, *6*). Кроме ромбов, только на двух сосудах имеется широкий заштрихованный зигзаг «балановского» типа (рис. 3, *13*), редки и заштрихованные треугольники. Наряду с елочными узорами, поясами косых оттисков, косой решеткой ромбы и широкие зигзаги в декоре керамики эпохи

Основные мотивы орнаментов на сосудах эпохи бронзы. Стоянка Сахтыш I *Таблица 2*

I. Примесь в глине песка, дресвы, шамота

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29
На шейках сосудов (82 — с орнаментом, 14 — без орнамента)																												
9	12	7	12	18	7	7	1	2	12	8	3	1	9	4	2	7	3	4	1	3	1	3	—	1	2	2	5	2
На плечиках сосудов (126 — с орнаментом, 14 — без орнамента)																												
10	8	1	—	8	2	2	7	1	5	5	1	—	7	1	2	1	1	—	—	3	—	3	1	—	—	2	1	1

II. Примесь в глине органики и раковины

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26
На шейках сосудов (90 — с орнаментом, 9 — без орнамента)																									
17	19	8	18	67	3	2	2	1	—	4	2	46	19	7	4	—	1	1	2	2	2	1	1	1	1
На плечиках сосудов (164 — с орнаментом, 9 — без орнамента)																									
12	18	8	8	39	4	3	4	—	1	1	2	17	9	5	—	1	—	1	1	1	—	—	—	—	1

Примечания. 1. Порядковые номера 1—29 соответствуют номерам на рис. 2, *Б*. 2. Номера 1—26 соответствуют номерам на рис. 2, *В*. Элемент орнамента учтен один раз.

Основные мотивы орнаментов на сосудах эпохи бронзы. Стоянка Сахтыш II *Таблица 3*

I. Примесь в глине песка, дресвы, шамота

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29
На шейках сосудов (49 — с орнаментом, 22 — без орнамента)																												
3	4	17	2	1	2	—	1	9	4	9	2	—	—	3	10	2	1	4	2	—	1	4	7	1	1	1	2	1
На плечиках сосудов (64 — с орнаментом)																												
6	6	32	6	1	3	1	1	15	13	—	—	1	3	4	1	—	3	25	1	16	5	—	13	1	—	1	2	—

II. Примесь в глине органики, раковины

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
На шейках сосудов (36 — с орнаментом, 4 — без орнамента)																	
7	12	11	2	24	1	1	3	2	25	6	4	1	1	—	1	1	1
На плечиках сосудов (35 — с орнаментом)																	
7	7	10	3	23	2	—	2	2	12	12	1	1	—	3	—	—	—

Примечания. 1. Порядковые номера 1—29 соответствуют номерам на рис. 2, *Г*. 2. Номера 1—18 соответствуют номерам на рис. 2, *Д*.

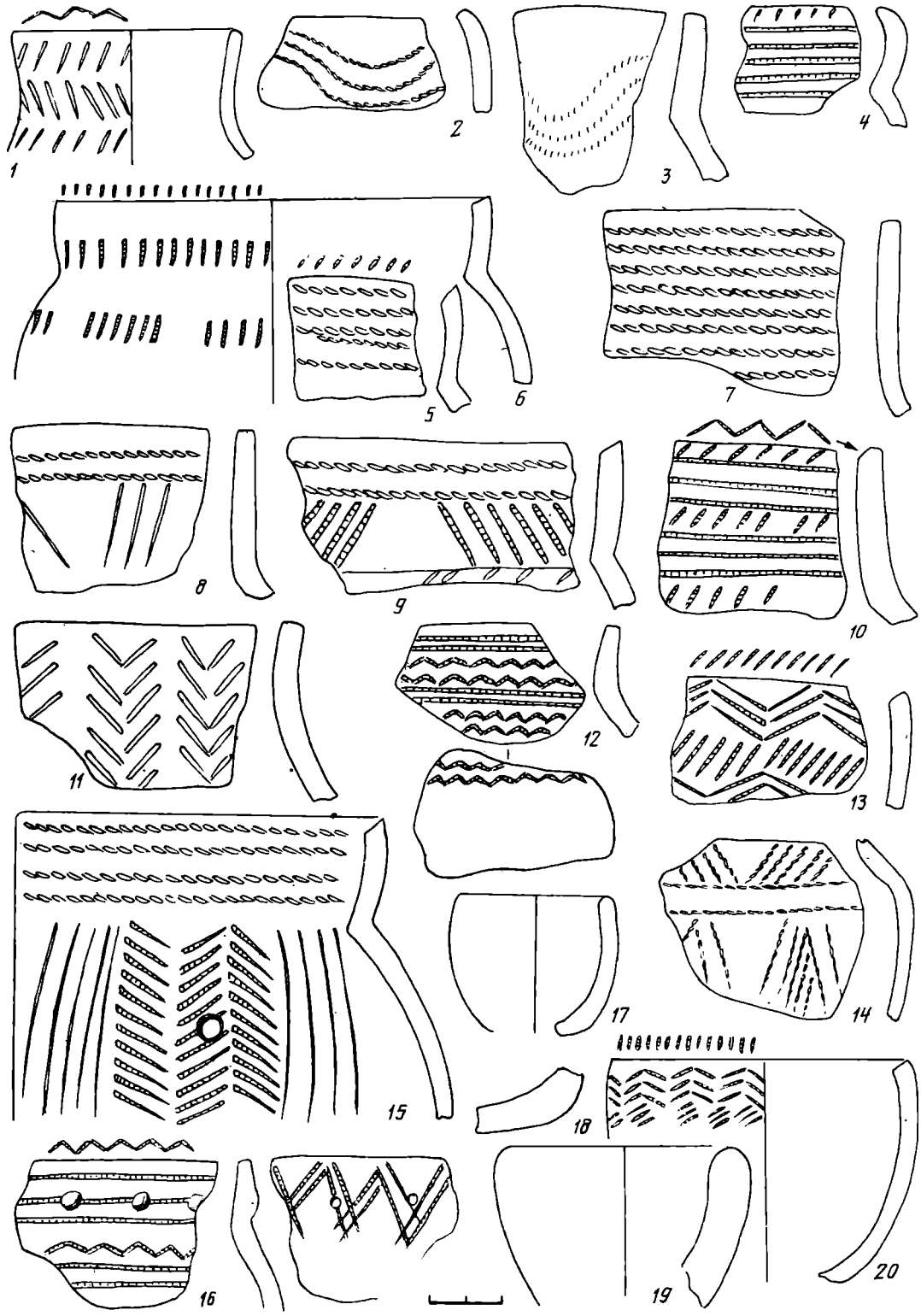


Рис. 3. Фатьяновская керамика (с примесью песка). 1—6, 10, 13—15, 17, 19, 20 — стоянка Сахтыш II; *7—9*, *11*, *12*, *16*, *18* — стоянка Сахтыш I

бронзы можно рассматривать как явное проявление связей с фатьяновско-балановскими орнаментальными традициями, и именно они определили термин «фатьяновидная» керамика.

Кроме перечисленных элементов орнамент изредка дополняли ямки (рис. 4, *5*, *6*), вдавления (рис. 4, *9*; 5, *1*) и жемчужины (рис. 3, *16*). Обращают на себя внимание ногтевые защипы, особенно на керамике со стоянки Сахтыш II, которые подчеркивают пояс орнамента на плечиках сосудов (рис. 4, *10*; 5, *7*).

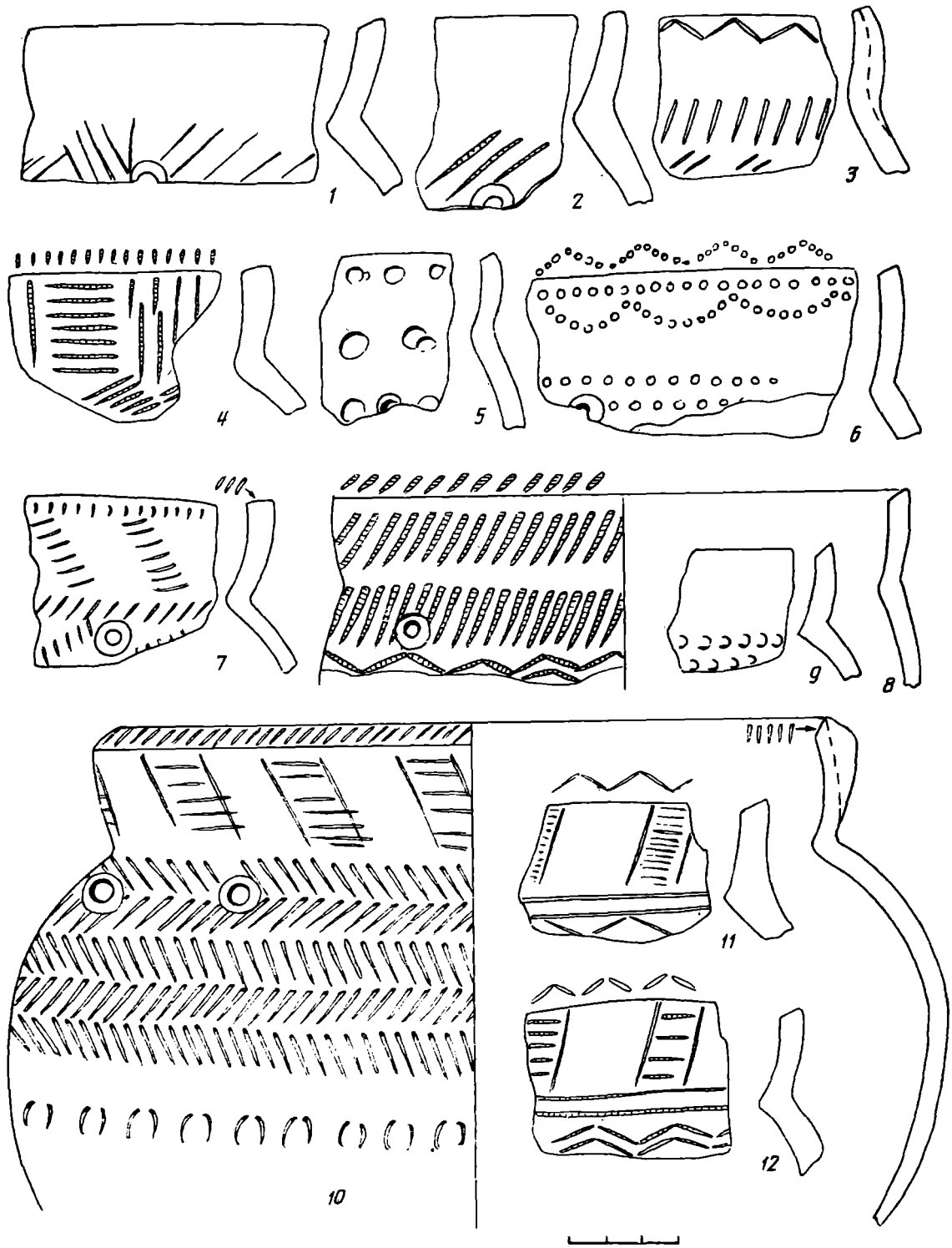


Рис. 4. Фатьяноидная керамика (с примесью песка). *1—12* — стоянка Сахтыш II

Посуда рассматриваемого типа нередко лишена узора: на стоянке Сахтыш II ее — около половины, на Сахтыш I — 14 сосудов. Есть экземпляры с узором только на плечиках (рис. 4, *1*, *2*, *9*). Нередко на одном сосуде сочетаются разные элементы и мотивы орнамента. Эта керамика эпохи поздней бронзы в отличие от фатьяновской часто имеет на верхнем срезе венчика узор из косых оттисков штампа, реже — зигзага или косой решетки (рис. 3, *1*, *5*, *6*, *10*; 4, *4*, *6—10*; 5, *5—8*). Кроме фатьяновского основного компонента в орнаментике проявляются и другие влияния. Так, некоторые орнаменты близки абашевским, например «лесенка» (рис. 4, *10—12*), или поздняковским — жемчужины (рис. 3, *16*; 6, *5*).

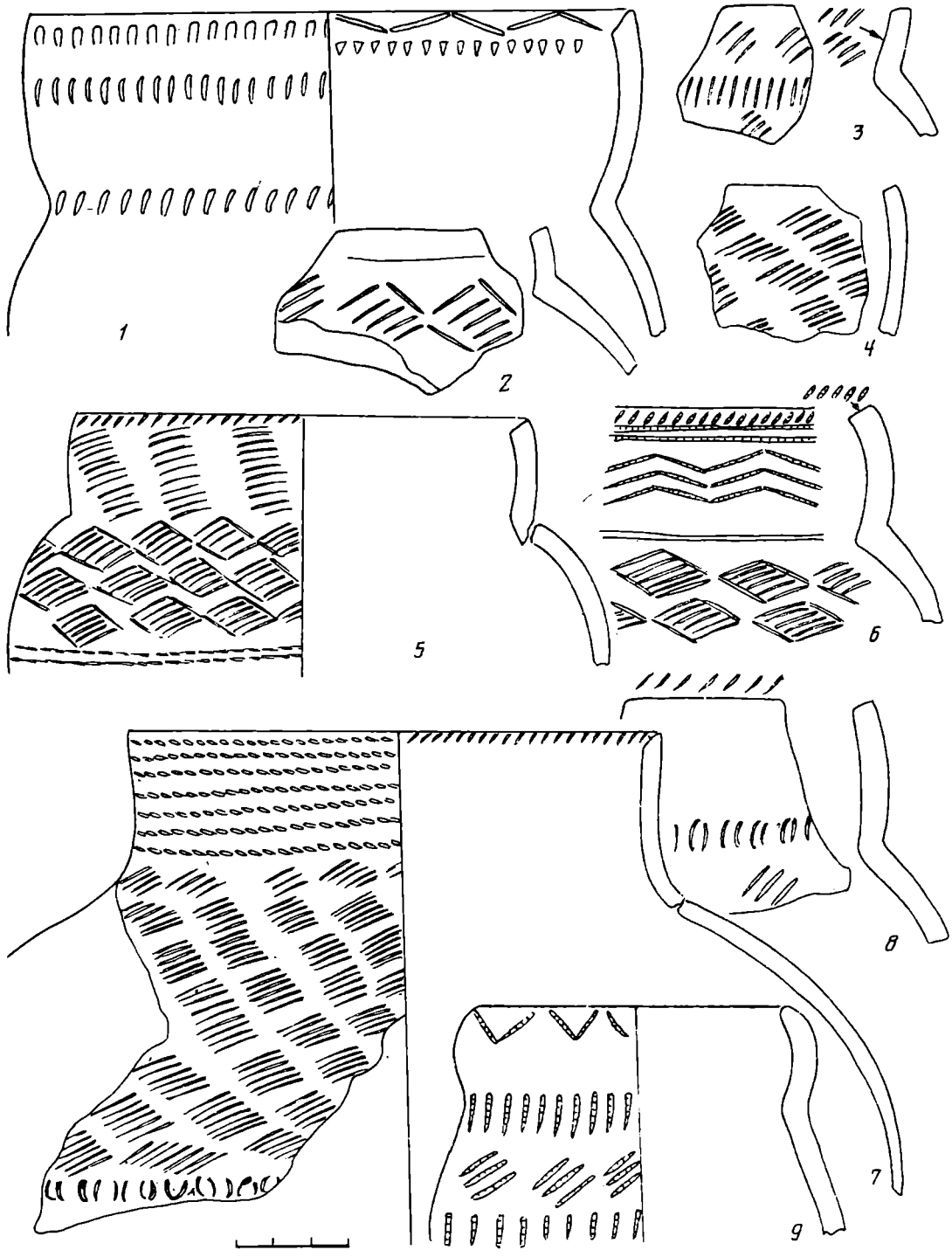


Рис. 5. Фатьяноидная керамика (с примесью песка). *1—6, 8, 9* — стоянка Сахтыш II; *7* — стоянка Сахтыш I

Помимо описанной выше керамики первой группы, с неорганическими примесями, украшенной с внешней стороны, выделяется небольшая группа сосудов с орнаментом внутри шейки (рис. 6, 8), что типично для второй группы сосудов. Узоры на внешней и внутренней поверхности одинаковы или различаются деталями; часто основной мотив совпадает, но сочетается с разными элементами. По форме и манере исполнения орнамента эта керамика занимает промежуточное положение между сосудами из глины с примесью песка и шамота и сосудами с примесью органики и раковины.

Среди керамики с примесью песка и шамота (?) есть небольшой сосуд с сюжетным рисунком, исполненным зубчатым штампом. Сохранился фрагмент

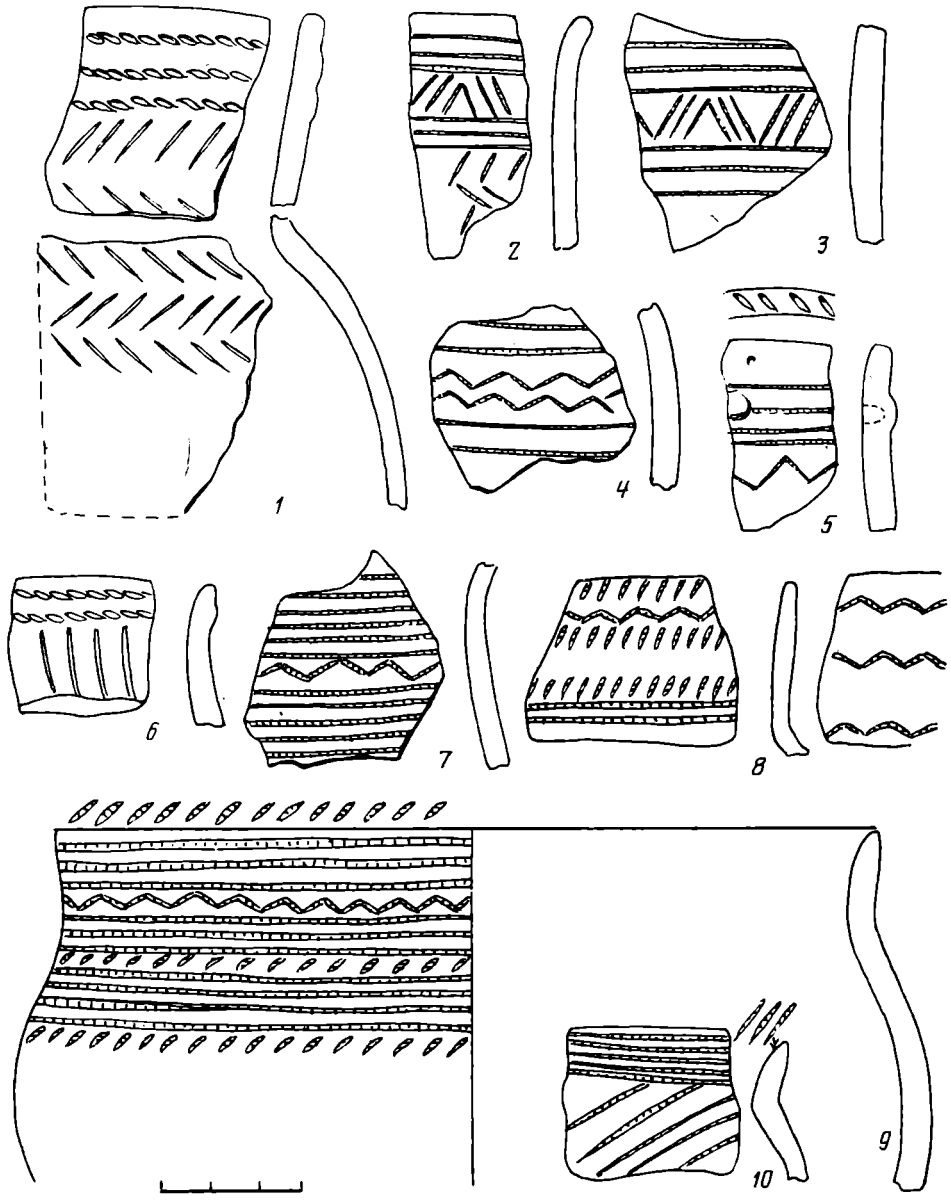


Рис. 6. Фатьяновская (*1*, *6*) и фатьяноидная керамика с примесью песка (*2—5*, *7*, *8*) и песка и шамота (*9*, *10*). *1—5* — стоянка Сахтыш VIII; *6*, *7* — стоянка Сахтыш VII; *8—10* — стоянка Сахтыш I

стенки (рис. 7, *1*) с изображением уточек, плывущих друг за другом. Над ними — пояс из зигзага и трех сдвоенных горизонтальных линий, разделенных косыми короткими оттисками. Схематичные изображения небольших уточек своеобразны: туловище — в виде контурных треугольников, шеи прямые, головки подняты. Сосуд найден в 1972 г. на стоянке Сахтыш I, на глубине 30 см, и опубликован Л. С. Китицыной [16, с. 88, 89]. Она отметила отличие уточек Сахтыша от изображений водоплавающих птиц на керамике эпохи неолита и раннего металла лесной полосы Восточной Европы, в частности птицы с прямоугольным туловищем на сосудах памятников северо-западных областей [17, 18], и правильно датировала сахтышскую находку эпохой бронзы. Добавим, что сахтышские уточки отличаются и от схематичных фигурок на посуде эпохи бронзы Восточного Прионежья, например водоплавающих птиц со стоянки Белозерская (Вологодская обл.). Уточки на посуде позднекаргопольской культуры переданы одинарными или тройными линиями, т. е. в иной манере, чем сахтышские [19, с. 48, 49]. В то же время есть и общее, в основном в деталях изображений:

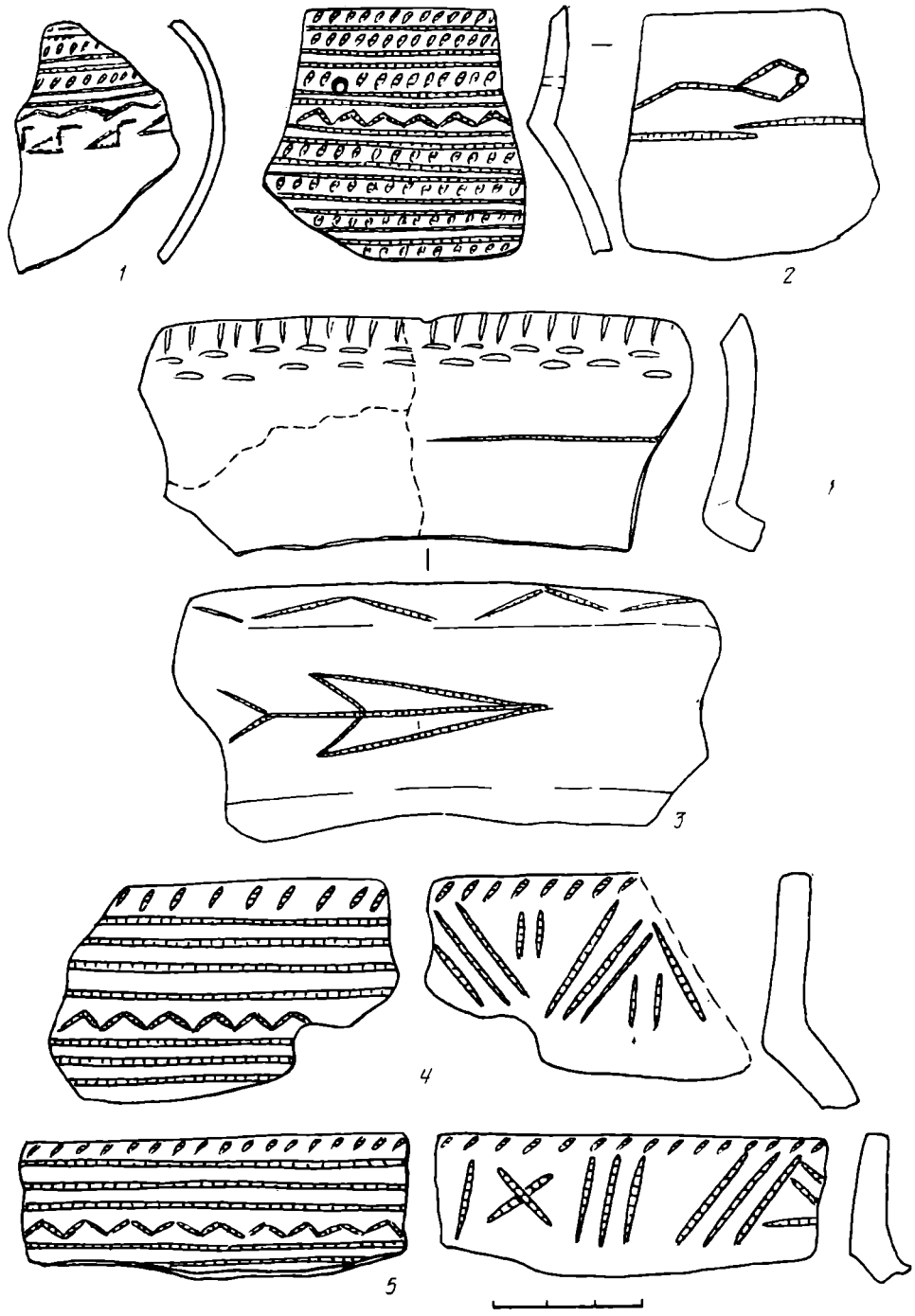


Рис. 7. Фатьяноидная керамика с изображениями. *1—3* — стоянка Сахтыш I; *4*, *5* — стоянка Сахтыш II

одной парной линией обозначены головы и шеи птиц, сходны размещение уточек горизонтальными поясами и место их в орнаментальной схеме. С. В. Ошибкина, вероятно, справедливо связывает изображения птиц на сосудах Белозерской стоянки и наиболее ранних памятников эпохи бронзы (со стоянки Илекса Вологодской обл.). Для последних характерны сосуды со сложным профилем и сетчатой поверхностью, а в орнаментике имеются традиции эпохи неолита. Уточки на сахтышской керамике тяготеют к кругу изображений водоплавающих птиц, которые были характерны прежде всего для искусства древнего населения северо-западной части Восточной Европы, и, несомненно, отражают определенные черты мировоззрения. Широко распространенная символика водной стихии, вклю-

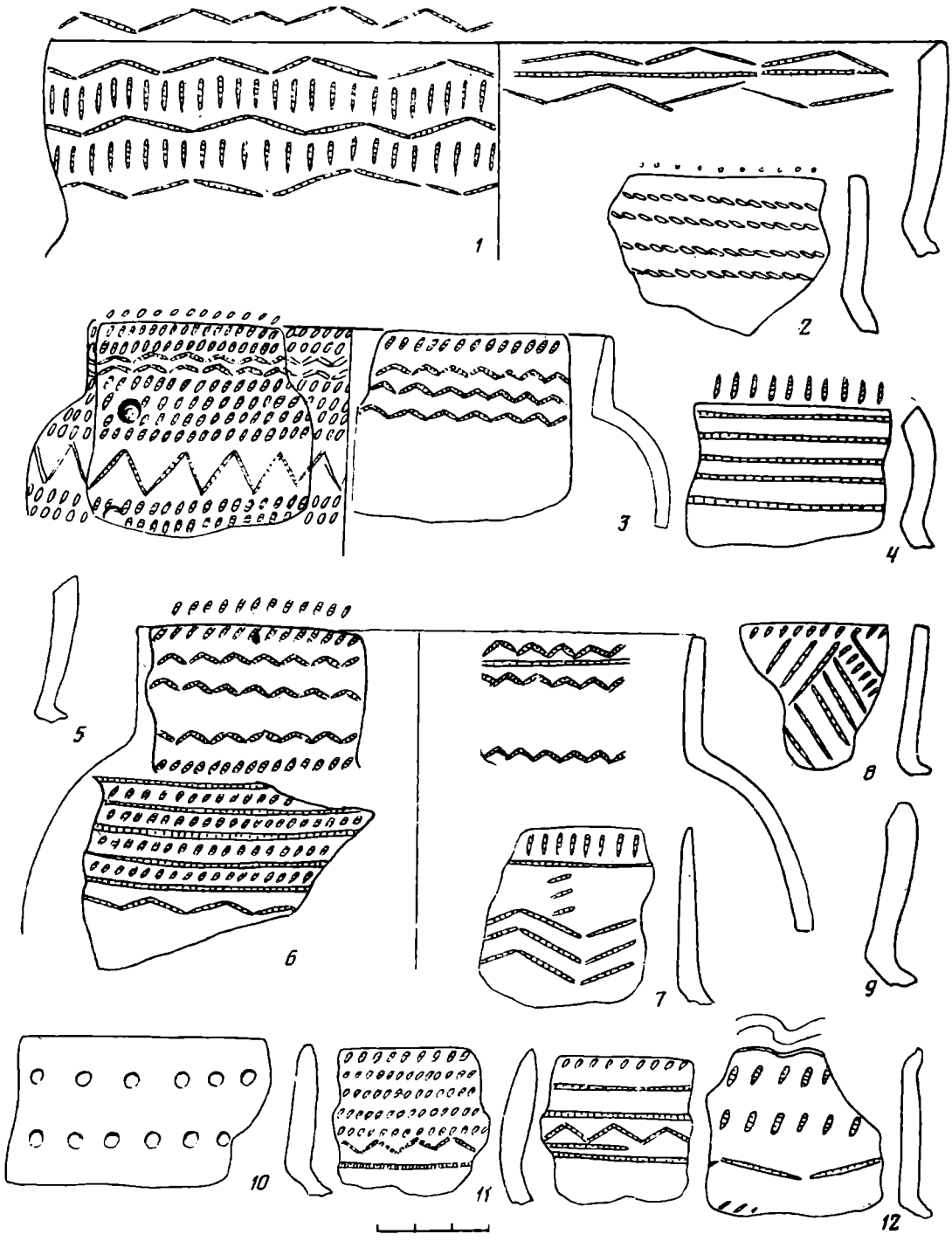


Рис. 8. Фатьяноидная керамика (с примесью раковины). *1*, *12* — стоянка Сахтыш II; *2* — *11* — стоянка Сахтыш I

чающая изображения птиц, рыб и воды, в виде горизонтальных прямых и зигзагообразных линий ярко проявляется и в орнаментике сосудов эпохи бронзы в восточной части Волго-Клязьминского междуречья, особенно в декоре посуды второй группы керамики, сделанной из глины с примесью раковины и органики. Ее приблизительно столько же, что и первой группы, с примесью песка (по фрагментам венчиков учтено 100 сосудов на стоянке Сахтыш I и 40 сосудов на стоянке Сахтыш II). По форме сосуды этой условной группы не отличаются от сосудов с примесью песка. В основном это горшки средних размеров с прямым (рис. 7, *4*, *5*; 8, *3*, *6*—*8*; 9, *3*; 10, *6*) или «пухлым» горлом диаметром 12—22 см

(рис. 8, *1*; 9, *1*, *10*; 10, *1—5*, *9*, *10*), срез венчика плоский прямой (рис. 8, *2*, *6*, *8*) или скошен внутрь сосуда (рис. 8, *1*). Прочие формы единичны: это тонкие вверху венчики (рис. 8, *7*, *11*) или скошенные с двух сторон (рис. 8, *9*; 9, *9*), у двух сосудов край волнистый (рис. 8, *12*; 10, *11*).

Орнаментированы горло и плечи сосудов в отличие от первой группы более плотно и насыщенно, в подавляющем большинстве случаев — зубчатыми штампами разной длины (0,3—3 см). Прочерченные линии и иные вдавления встречаются редко. Основные мотивы декора — зигзаги и горизонтальные параллельные линии (табл. 2, 3). Зигзаги встречаются на $^{2}/_{3}$ сосудов. Они преимущественно одиночные, реже — парные или тройные (рис. 8, *1*, *3*, *6*, *7*, *11*, *12*); пять зигзагов имеется только на сосуде из погр. 1 стоянки Сахтыш I (рис. 10, *14*). Горизонтальные линии чаще расположены на шейке сосуда (рис. 8, *4*; 9, *1—4*, *6*, *8*; 10, *2*, *5*, *12*), но есть и на плечиках. Обычно их 1—2, но встречается и больше — до 12 линий (рис. 9, *10*). Разделитель почти всех зон композиции, короткие оттиски зубчатого штампа (рис. 8, *6*; 9, *8*), иногда образует зоны из 2—5 поясков. Изредка встречаются и другие элементы орнамента: елочка, 2—4 горизонтальных оттиска веревочки (рис. 8, *2*; 10, *13*), косая решетка (рис. 10, *2*), треугольники со штриховкой (рис. 9, *9*; 10, *3*). Единичны ромбические узоры — контурные ромбы между двумя зигзагами, ромбы из косых оттисков штампа (рис. 9, *5*), крупный ромб ош-пандинского типа (рис. 9, *7*). Редки в отличие от фатьяновского орнамента группы разнонаклонных линий (рис. 9, *3*), а также ямки, гладкие вдавления (рис. 8, *10*; 10, *7*, *8*).

Именно для орнаментики сосудов с примесью раковины и органики характерна такая особенность, как нанесение узора на внутреннюю поверхность горла. На некоторых сосудах он оригинален (рис. 7, *4*, *5*); обычно узор внутри менее сложен, но состоит из тех же простых элементов: горизонтальных линий, зигзагов, косых насечек (рис. 8, *1*, *3*, *6*, *11*; 9, *2—4*, *6*, *8*, *10*; 10, *2*, *4*, *5*, *10*, *12*). Особенно интересны два сосуда со стоянки Сахтыш I — с сюжетными рисунками змеи и рыбы. Выполнены они зубчатым штампом внутри горловины сосудов и сохранились частично. Змея имеет крупную ромбическую голову (снаружи на месте рта просверлено небольшое отверстие). От головы тянется длинный хвост в виде зигзага. Судя по извивающемуся туловищу, изображена именно змея, а не какая-либо крупноголовая рыба типа сома. Под змеей проведена горизонтальная несомкнутая линия. Внешняя поверхность шейки и плечиков сосуда покрыта плотным узором из горизонтальных линий и коротких оттисков зубчатого штампа (рис. 7, *2*), горло и плечики разделяет зигзаг — символ воды. Сосуд сделан аккуратно, в глине — примесь органики и шамота (?). Включение в орнамент изображения змеи не случайно, вспомним змею на сосуде эпохи бронзы из Федоровского поселения [18].

Изображение рыбы сделано на сахтышском сосуде с примесью раковины. По форме это характерный для эпохи бронзы сосуд с раздутым горлом и скошенным внутрь срезом венчика (диаметр горла — 22 см). Снаружи на шейке узор состоит из коротких вертикальных и горизонтальных оттисков под верхним краем и горизонтальной линии по центру. Рыба изображена внутри под пологим зигзагом. Контур рыбы, возможно осетра, намечен штампом (рис. 7, *3*): большая остроносая голова в виде треугольника, тело передано одной линией, хвост — из двух расходящихся линий. Изображение оригинально, прямые аналогии подобрать трудно, хотя рыбы в орнаментике керамики известны. На Галичской стоянке (Костромская обл.) был найден обломок сосуда с рисунком рыбки. Изображение также контурное, но, несмотря на стилизацию, ихтиолог определил принадлежность рыбы к семейству карповых [20, с. 64, рис. 22]. Галичский сосуд с рисунком рыбы близок керамике эпохи бронзы сахтышских стоянок и по форме, и по органическим примесям, и по характеру гребенчатого орнамента. Вторая сходная находка сделана также на Верхней Волге. Это сосуд с изображениями рыб из кург. 13 Кухмарского абашевского могильника Ярославской обл. (раскопки Д. А. Крайнова, 1962 г.). Снаружи этот сосуд по всей поверхности украшен

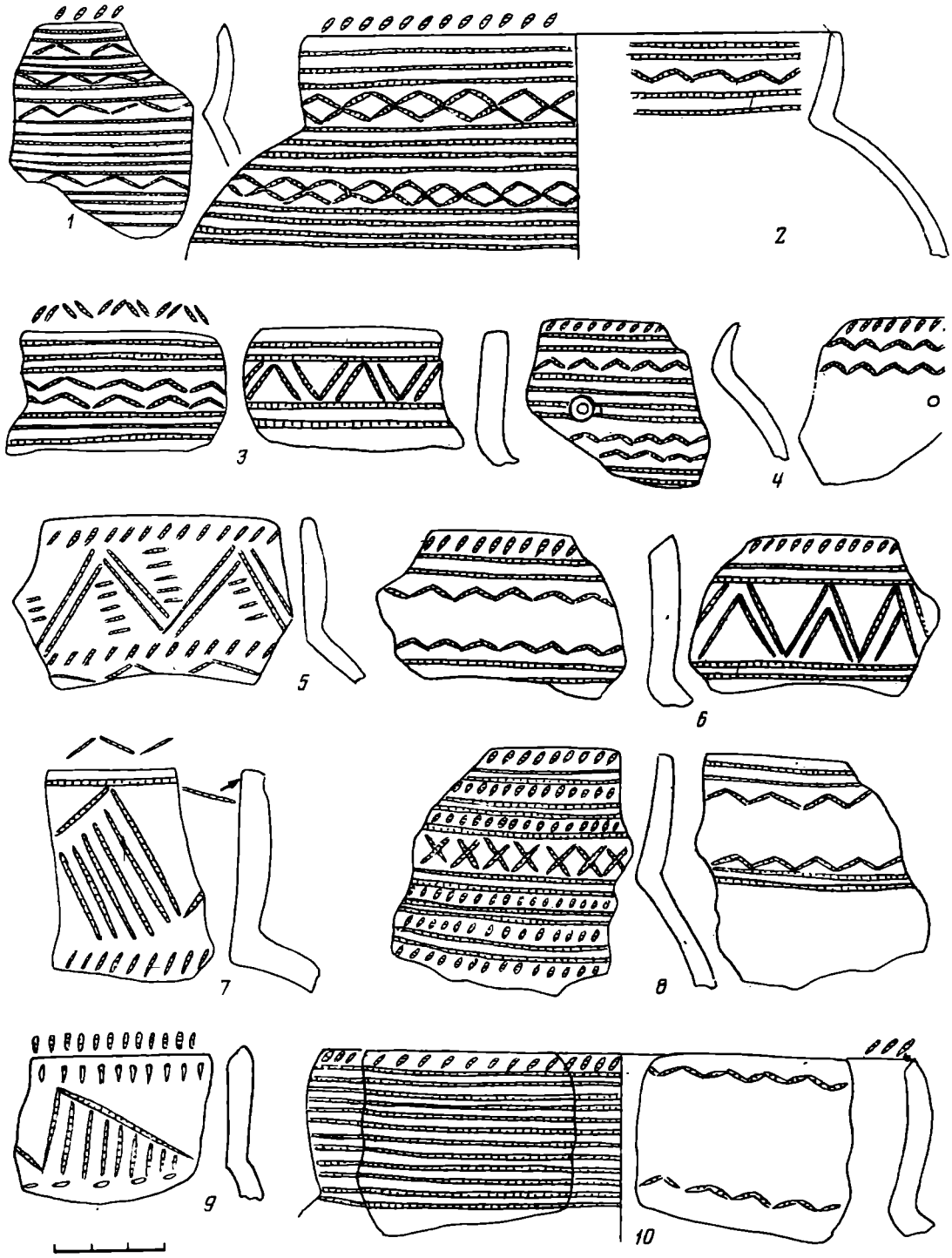


Рис. 9. Фатьяноидная керамика (с примесью раковины). *1*, *2*, *4—6*, *8—10* — стоянка Сахтыш I; *3*, *7* — стоянка Сахтыш II

зигзагами, разделенными косыми оттисками зубчатого штампа. Как и в других случаях, рисунок находится внутри горла сосуда. Под полосами насечек и зигзага изображены три или четыре разных по манере исполнения рыбы, плывущие друг за другом. Одна имеет обозначенное контуром туловище, от которого тянется линия, вероятно хвост, с тремя отростками на конце. У другой рыбы одной чертой передано все туловище, от которого отходят небольшие оконтуренные плавники [21, с. 59, рис. 13; с. 60, рис. 14, 5]. Несмотря на оригинальность рисунка, некоторые детали передачи образа напоминают изображение со стоянки Сахтыш I. Кухмарский сосуд близок сахтышской керамике и по форме шаровидного

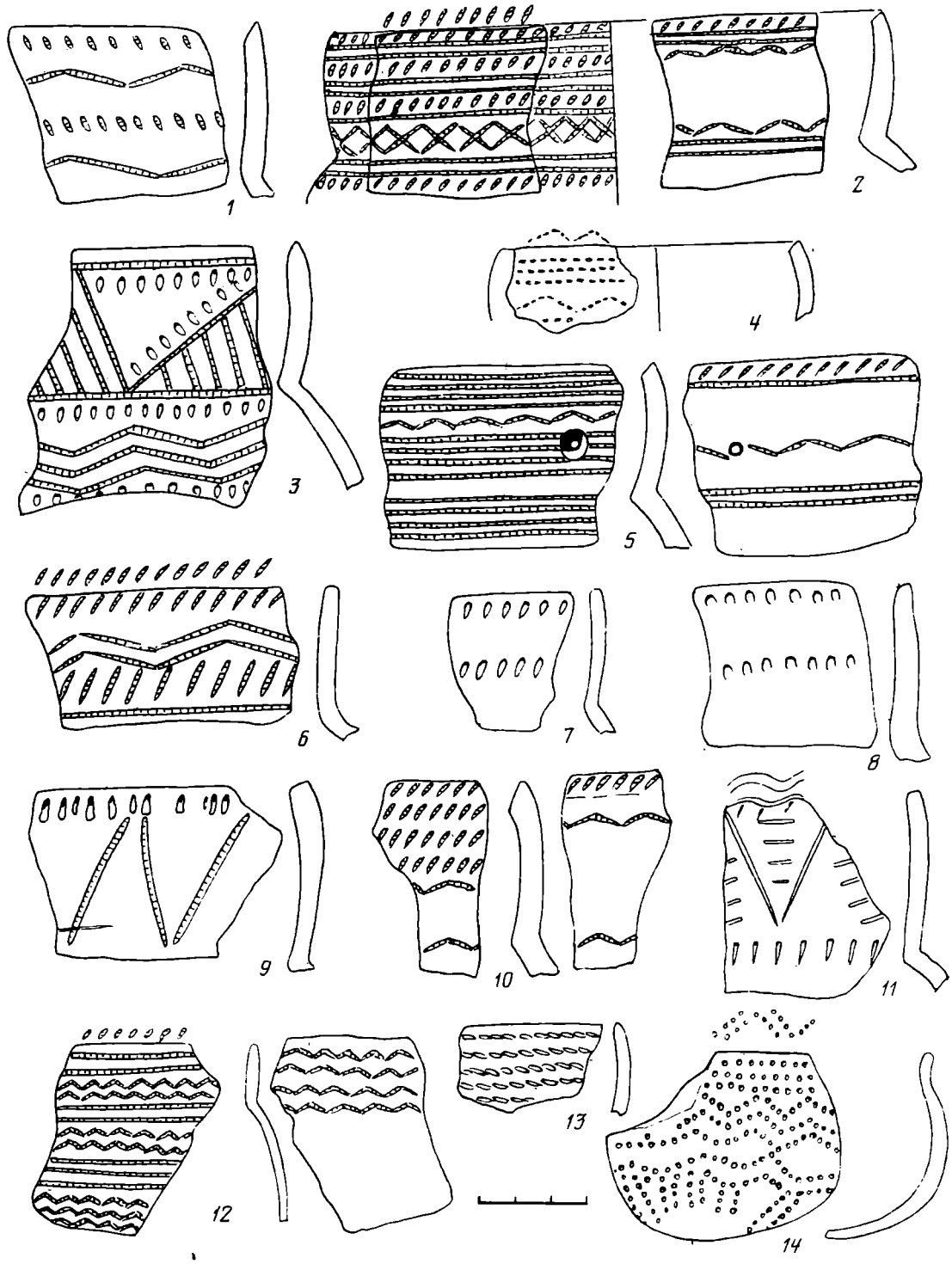


Рис. 10. Фатьяноидная керамика (с примесью органики). *1—3, 5—7, 10, 12—14* — стоянка Сахтыш I; *4, 8, 9, 11* — стоянка Сахтыш II

тулова, и по резко расширяющейся шейке. Вероятно, сосуды с предметными изображениями внутри горла имели ритуальное назначение и бытовали в сходных по облику культурах эпохи бронзы лесной полосы Восточной Европы.

Наряду с богато украшенной керамикой встречаются и сосуды без орнамента, но их мало (на стоянке Сахтыш I — девять; рис. 8, *5*, *9*). Особенностью сосудов второй по примесям группы можно считать и гладкий, без орнамента срез венчика (на стоянке Сахтыш I лишь на девяти сосудах обнаружены короткие вдавления штампа). Таким образом, в орнаментике прослеживается некоторое

отличие керамики с органическими примесями и раковиной от керамики с примесью песка: это частое нанесение узора внутри горла сосуда, гладкий в основном срез венчика, незначительное число иных элементов орнамента, кроме горизонтальных линий, зигзагов и коротких оттисков штампа (табл. 2, 3). В то же время нет оснований выделять керамику с органикой и раковиной в самостоятельную культурную группу, так как по форме сосудов, особенностям их деталей она аналогична керамике с примесью песка, хотя в последней и больше проявляется влияние фатьяновского компонента.

Изучение керамики эпохи бронзы восточных районов Верхнего Поволжья дает возможность поставить вопрос о культурной принадлежности рассматриваемых материалов. Как мы видели, в этой керамике заметны разные черты. Сильны фатьяновские, в малой степени проявляются абашевские влияния, но более всего наблюдается сходство с керамикой чирковской или чирковско-сейминской культуры. Это и общий гибридный облик керамики (в том числе с примесью раковины в тесте, характерной для чирковской посуды), и форма сосудов с прямым и изогнутым, «пухлым» горлом, хотя есть и локальные черты различия. Чирковская культура впервые была выделена на Средней Волге А. Х. Халиковым и рассматривается им как результат слияния черт балановских памятников с местными поздненеолитическими и энеолитическими [22, 23]. Подобный процесс происходил и на территории Верхнего Поволжья приблизительно в то же время. Здесь также наблюдается в гибридной керамике смешение черт посуды фатьяновской культуры с энеолитической, скорее всего поздневолосовской. Фатьяновскую керамику сменяет близкая, но не тождественная ей керамика периода развитой бронзы. В этой керамике видны две традиции. Первая линия развития связана с фатьяновской посудой и проявляется в форме шаровидного тулова, орнаменте и примесях песка и шамота. Вторая традиция, вероятно, имеет иное происхождение. Органические примеси и примесь раковины в глине, несколько иные орнаментальные мотивы, возможно, наряду с иными, пока неясными влияниями ведут начало от гончарства волосовской культуры. Мы видим уже результат смешения — в целом единый по облику пласт гибридной фатьяноидной керамики. Такие же материалы, всегда в небольшом количестве, за исключением Федоровской стоянки на Чухломском озере, где их больше (до 20%), можно выделить на многих памятниках более западных и северных по отношению к рассматриваемому нами району Верхнего Поволжья. В Калининской, Ярославской, Московской, Костромской областях есть стоянки со сходными находками.

Материалы стоянок Костромского Поволжья (Федоровской, Водыш, Галичской, Борани) изучены И. В. Гавриловой, которая, как ранее и Н. Н. Гурина, выделила пласт гибридной керамики эпохи бронзы. Вряд ли можно относить подобную керамику к «типично фатьяновскому комплексу» и считать ее бытовой посудой этой культуры, отличной от погребальной, как писала Н. Н. Гурина [24, с. 88, 89]. Скорее права И. В. Гаврилова, видящая в фатьяноидной керамике результат «взаимосвязей фатьяновцев с местным населением» [25, с. 107]. Во многом эта керамика аналогична сахтышской, особенно близка к ней керамика Федоровской стоянки. Она содержит примеси и песка, и органики, и раковины, сходны форма сосудов и частично орнамент. Подобная керамика известна на стоянках у оз. Неро (Унищкая, Варос, Песочное, Хуторская, Липовка и др.) [26], на стоянке Дикариха на Плещеевом озере [27], а также южнее — в бассейне Оки, на поселении Черная Гора [28, 29], на стоянках Ибердус II и III [30, с. 70]. Для Окского бассейна Т. В. Попова даже поставила вопрос о выделении «новой предпоздняковской культуры эпохи бронзы» [30, с. 72]. Отметим, что керамика этой культуры, в том числе и найденная под Мало-Окуловскими поздняковскими курганами, повторяет сахтышскую как по форме сосудов, так и по орнаменту (ромбы, косая решетка, оттиски веревочки на горле, характерные защипы) [30, рис. 1, 2]. Ранее подобную керамику выделяла и М. Е. Фосс на стоянках Умиление, Алекановская и Сейминская [31, рис. 99, *8—10*]. Общее сходство

своеобразной фатьяноидной керамики, найденной на многих памятниках широкой территории Верхнего Поволжья и Оки, говорит о формировании нового культурно-исторического явления. Пока по имеющимся материалам трудно решить, была ли это единая археологическая культура и отражают ли особенности керамики разных групп памятников какие-то локальные варианты или существовало несколько близких культур. Вряд ли можно связывать появление фатьяноидных памятников эпохи развитой бронзы в Верхнем Поволжье с продвижением собственно чирковско-сейминских племен с востока. Скорее мы имеем дело со сложением сходной, возможно родственной чирковской, культуры или культур на основе взаимодействия фатьяновской культуры как с местными, более ранними, так и с другими, соседними культурами.

Следует подчеркнуть, что этот процесс наблюдается на всей территории, занятой фатьяновско-балановской общностью, которая в значительной степени определила облик некоторых культур эпохи поздней бронзы. Уже в керамических фатьяновских погребальных комплексах на позднем этапе развития культуры появляются новые черты. Таковы сосуды из Ошурковского могильника Калининской обл. (раскопки Д. А. Крайнова в 1965 г.). В погр. 2 в типичном для фатьяновцев погребальном сооружении были найдены три приземистых сосуда. Среди них колоколовидный [32, рис. 1, *3*], с узором из треугольных вдавлений и широкогорлый сосуд со шнуровым орнаментом из поясков и зигзагов. Оба сосуда нехарактерны для фатьяновских комплексов. Д. А. Крайнов обратил внимание на сходство их с абашевской и поздняковской посудой [32, с. 95]. Это не должно удивлять, так так в Верхнем Поволжье известны как отдельные памятники поздняковской культуры (Дикариха), так и абашевские курганы (Кухмарь). Кухмарский могильник в отличие от Д. А. Крайнова Т. Б. Попова включает в круг памятников поздняковской культуры так же, как и такие стоянки этого региона, как Николо-Перевоз, Сахтыш I, Вашутинская, Говядиновская, Борань, Станок, т. е. памятники, на которых встречена и фатьяноидная керамика [33].

Вероятно, возникнув на основе фатьяновских древностей, культуры с фатьяноидной керамикой в свою очередь вошли в качестве компонента в более поздние культуры эпохи бронзы. Так, Т. Б. Попова предполагает, что на Оке культура с фатьяноидной керамикой была тем «местным субстратом, на основе которого формировалась поздняковская культура» [30, с. 72]. Вполне вероятно, что подобные процессы наблюдались и в более северных от Оки районах, однако могло иметь место и расселение в Верхнее Поволжье какой-то части носителей поздняковской и, возможно, абашевской культуры. На памятниках этого региона вместе с фатьяноидной встречается керамика, напоминающая абашевскую и поздняковскую, последняя — в основном с сетчатой поверхностью, хотя большая часть посуды «с сеткой» тяготеет к концу эпохи бронзы — началу эпохи железа.

Абсолютная датировка культуры, представленной в Верхнем Поволжье фатьяноидной керамикой, связана с относительной хронологией других культур эпохи бронзы. Вероятно, эта керамика несколько древнее, чем поздняковский круг памятников. Сходство подобной керамики стоянок Волго-Клязьминского междуречья с чирковской лишь в общих чертах позволяет определить время ее бытования. А. Х. Халиков датирует чирковскую культуру широким отрезком времени — с XVI—XV по XI—VIII вв. до н. э., а сахтышские находки — XIII—XII вв. до н. э. [23, с. 139]. Однако возможна и более ранняя дата для анализируемых верхневолжских материалов, так как фатьяноидная керамика типа сахтышской, как уже говорилось, была найдена под Мало-Окуловскими курганами. Т. Б. Попова относит эти курганы к XV—XIV вв. до н. э., а керамику под ними датирует «не позже второй четверти II тысячелетия до н. э.» [30, с. 65—72]. Учитывая это, культуру с фатьяноидной керамикой рассматриваемых памятников Верхнего Поволжья условно можно датировать близко к середине — третьей четверти II тыс. до н. э., так как мы не имеем пока ни хорошо стратифицированных

памятников, ни дат по ^{14}C для этого периода. Решение вопроса о взаимодействиях и времени образования новых культур в постфатьяновский период требует дальнейшего накопления данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Крайнов Д. А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII //Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
2. *Крайнов Д. А.* Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья//КСИА. 1978. Вып. 153.
3. *Крайнов Д. А.* Новые исследования стоянки Сахтыш II//КСИА. 1982. Вып. 169.
4. *Крайнов Д. А.* Неолитическое жилище на стоянке Сахтыш I//КСИА. 1984. Вып. 177.
5. *Гадзяцкая О. С.* Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-Горьковская группа//САИ. 1976. Вып. В1-21.
6. *Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья//КСИА. 1965. Вып. 100.
7. *Крайнов Д. А.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа//САИ. 1963. Вып. В1-19.
8. *Крайнов Д. А.* Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа//САИ. 1964. Вып. В1-20.
9. *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э. М., 1972.
10. *Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С.* Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье//САИ. 1987. Вып. В1-22.
11. *Степанов П. Д.* Городище Ош-Пандо. Саранск, 1967.
12. *Бадер О. Н., Халиков А. Х.* Памятники Балановской культуры//САИ. 1976. Вып. В1-25.
13. *Бадер О. Н.* Балановский могильник. М., 1963.
14. *Сидоров В. В., Трусов А. В.* Фатьяновцы на Круглом озере//КСИА. 1985. Вып. 185.
15. *Кравцов А. В.* Памятники позднего мезолита и эпохи бронзы в подмосковной Мещере//СА. 1988. № 1.
16. *Китицына Л. С.* Находка изображения уточек на стоянке Сахтыш I//Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
17. *Гурина Н. Н.* Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен//КСИА. 1972. Вып. 131.
18. *Гаврилова И. В.* Зооморфные изображения на керамике Федоровского поселения//КСИА. 1972. Вып. 131.
19. *Ошибкина С. В.* Об изображениях птиц на керамике эпохи бронзы в Восточном Прионежье//КСИА. 1980. Вып. 161.
20. *Кольцов Л. В.* Изображение рыбы на сосуде Галичской стоянки//КСИА. 1971. Вып. 127.
21. *Крайнов Д. А.* Кухмарский курганный могильник//КСИА. 1962. Вып. 88.
22. *Халиков А. Х., Халикова Е. А.* Васильсурское поселение эпохи бронзы//МИА. 1963. № 110.
23. *Халиков А. Х.* Чирковская культура//Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
24. *Гурина Н. Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции)//МИА. 1963. № 110.
25. *Гаврилова И. В.* Фатьяноидная керамика Костромского Поволжья//Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.
26. *Леонтьев А. Е., Сидоров В. В., Исланова И. В.* Волго-Окская экспедиция в 1977—1983 гг.//КСИА. 1986. Вып. 188.
27. *Никитин А. Л.* Дикариха (по материалам раскопок 1959—1960 гг.//МИА. 1963. № 110.
28. *Цветкова И. К.* Стоянка Черная Гора//КСИИМК. 1959. Вып. 75.
29. *Цветкова И. К.* Погребения поздняковской культуры на Черной Горе//Древности Восточной Европы. М., 1969.
30. *Попова Т. Б.* Допоздняковские памятники в Окском бассейне//Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969.
31. *Фосс М. Е.* Древнейшая история севера европейской части СССР//МИА. 1952. № 29.
32. *Крайнов Д. А.* Фатьяновские памятники Калининской области//КСИА. 1986. Вып. 185.
33. *Попова Т. Б.* Карта памятников поздняковской культуры//Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М., 1970.

Институт археологии РАН,
Москва

O. S. GADZYATSKAYA

FATYANOVO COMPONENT IN THE LATE BRONZE AGE CULTURE OF THE TERRITORY BETWEEN THE VOLGA AND KLYAZMA RIVERS

Summary

In the eastern part of the territory between the Volga and Klyazma rivers there exist two groups of the Bronze Age sites. These are multilayer settlements near Sakhtysh lake (Sakhtysh 1, 2, 2a, 8) and on the Lukh river (Polyana, Klyachino, Strelka 1, Tolstukha investigated by the Upper Volga expedition of the Institute of archaeology). The materials of Sakhtysh 1 and 2 are the most representative ones, as there the area of 1500 sq. m was excavated. The Bronze Age potsherds count circa 1—3 per cent of the pottery. The Early Bronze Age is represented by Fatyanovo culture; the sherds from the sites are of final period of the culture (Fig. 1). There exist a Fatyanovo-like pottery of mixed character dated to the Late Bronze Age. It includes two technological groups: the first one with sand and rarely with baked clay admixtures (Figs. 3—6), and the second one with shell and organic admixtures (Figs. 7—10). The main form is a pot-like vessel with pronounced neck and rounded or flattened bottom. The ornamentation is placed in two zones — on the neck and on the shouders. There are interesting vessels of ritual nature decorated with figurative images like duck, snake or fish (Fig. 7). They have their analogies in the similar forest cultures of Eastern Europe. The Fatyanovo-like pottery of the territory in question represents a new archaeological culture. It is a culture of Chirkovo-tyre (the Middle Volga) and emerged as a result of mixing of Fatyanovo features with late Volosovo ones and maybe with some others. Presumably it should be dated to the middle — the third quarter of the 2nd millenium B. C.

Т. А. ПРОХОРОВА, В. К. ГУГУЕВ

БОГАТОЕ САРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В КУРГАНЕ 10 КОБЯКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В мае-июне 1987 г. отрядом археологической лаборатории исторического факультета Ростовского университета производились раскопки центрального участка Кобяковского курганного могильника, расположенного на восточной окраине г. Ростова-на-Дону[1]. В кург. № 10 было обнаружено погребение представительницы сарматской аристократии высшего ранга [1, с. 18—49; 2, с. 40—49] (рис. 1, 2).

Некогда 3-метровая насыпь кургана к началу раскопок отсутствовала, так как в ходе городских «благоустроительных» работ по пр. 40-летия Победы в 1985 г. была снесена до уровня древней дневной поверхности. Курган содержал одно погребение. В бровке, оставленной по линии запад — восток, к западу от могильной ямы фиксировались остатки материкового выкида. Под выкидом удалось исследовать участок выжженной площадки, равномерно покрытой тонким слоем пепла. Здесь нами были найдены обломки бронзовых римских сосудов: фрагменты верхней части таза с массивными ручками, профилированными посередине рельефными валиками и заканчивающимися стилизованными птичьими головками (рис. 3, *11*, *12*); профилированная ручка кувшина (?), на нижнем листовидном атташе которой едва читается надпись, выполненная в пунсонной технике (рис. 3, *3*).

Погребение было совершено в подквадратной яме (3,56х3,41 м), ориентированной углами практически по сторонам света. Яма имела два горизонта перекрытий: сверху — слой камыша (прослежен небольшой участок), ниже — слой бересты, просевший воронкообразно в могилу. Глубина погребения от уровня древней дневной поверхности — 2,22 м.

В яму был помещен квадратный ящик (2,50х2,50 м), сколоченный из досок, сложенных в переплет. Ящик, очевидно, также имел берестяное перекрытие. Скелет женщины 25—30 лет обнаружен на дне ящика, вдоль его юго-западной стенки. Положение погребенной — вытянутое на спине, головой ориентирована на юго-восток. Кости правого предплечья обломаны, фаланги пальцев правой кисти со следами искусственных подпилов обнаружены под черепом и вокруг него. Надо полагать, что труп умершей покоился на специальном ложе. Под костяком прослежен слой серо-коричневого «жирного» песка, перемешанный с окатанными обломками метаморфических горных пород (сланцев, гнейсов, кварца, кристаллов граната).

Инвентарь, обнаруженный в погребении, богат и разнообразен. Начнем с описания костюма личных украшений погребенной.

Головной убор из окрашенной в красный цвет тонкой кожи украшала аппликация, детали которой были вырезаны из золотой фольги и крепились с помощью клеящей мастики. Орнамент аппликации реконструируется следующим

[1] Кобяковский курганный могильник территориально смыкается с Кобяковским грунтовым некрополем. Однако памятники эти не надо смешивать, так как курганы использовались кочевниками с эпохи ранней бронзы и до средневековья, в то время как грунтовый могильник был оставлен оседлым населением одноименного городища I — первой половины III в. н. э., предположительно местами.

© Т. А. Прохоров, В. К. Гугуев, 1992 г.

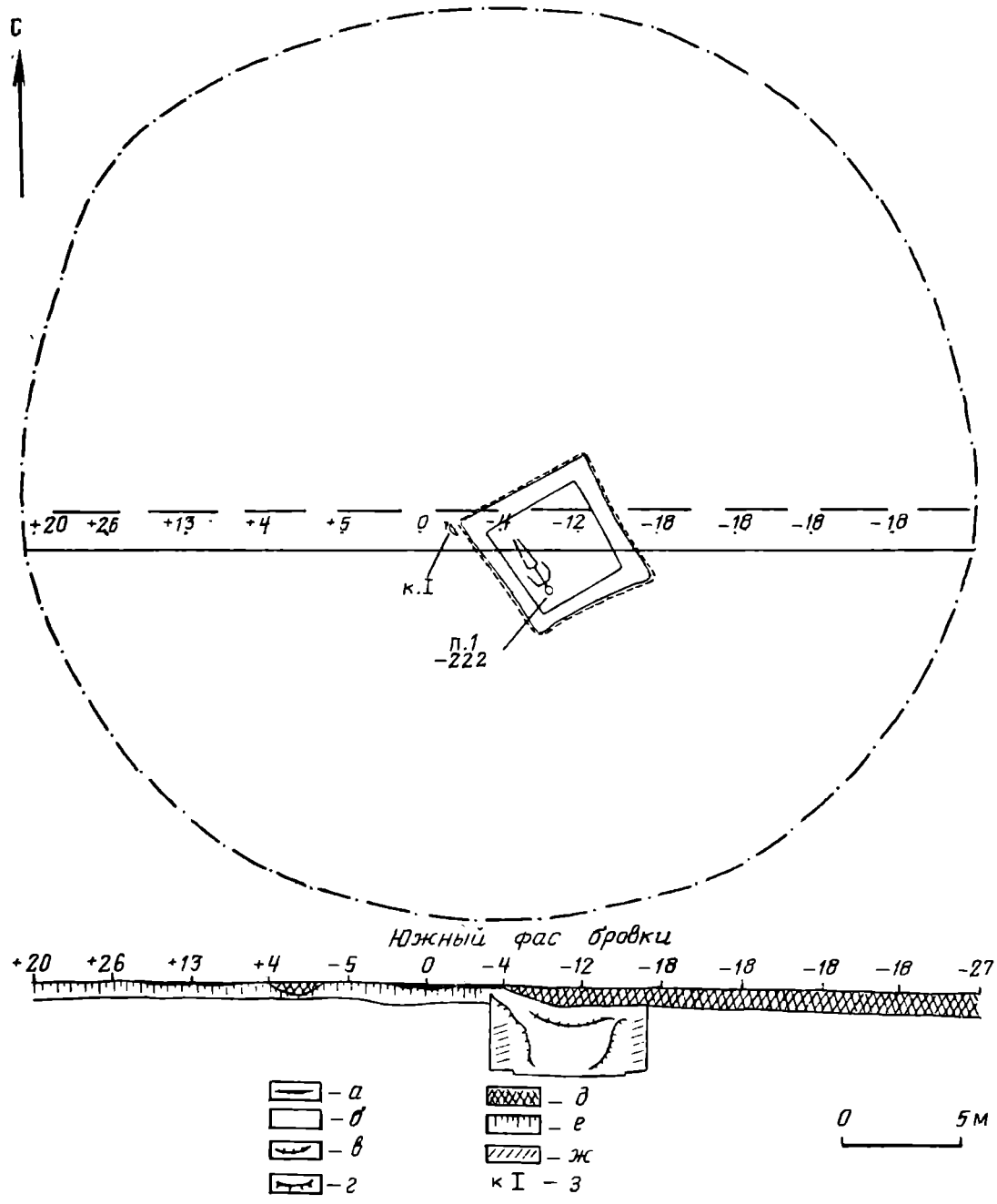


Рис. 1. План кург. 10. *а* — выкид; *б* — материк; *в* — камыш; *г* — дерево; *д* — мусор; *е* — погребенная почва; *ж* — забутовка суглинком; *з* — тризна

образом: в центре располагалось изображение мирового дерева, слева и справа от него — противостоящие в зеркальном отражении три фигурки оленя и две хищные птицы (орел?). Головной убор был усыпан плоскими кружочками (в диаметре 0,6 см) (рис. 4).

На шею погребенной была надета массивная золотая ажурная гривна (рис. 5; 6). Диаметр изделия — 21, ширина — 5,5 см, вес — 485,9 г. Гривна двусоставная: передняя часть ее длинная, дугообразно изогнута, деформирована, тыльная — короткая, слабо выгнута. Изготовлена гривна из двух золотых пластин в технике ручной чеканки с глубокой вытяжкой. Орнамент доработан гравировкой, при обработке поверхности применено лощение. Передняя часть инкрустирована бирюзой. Соединения частей гривны штифтовые, состоящие из двух коротких краевых и одной длинной центральной трубок, в канал которых вставлены

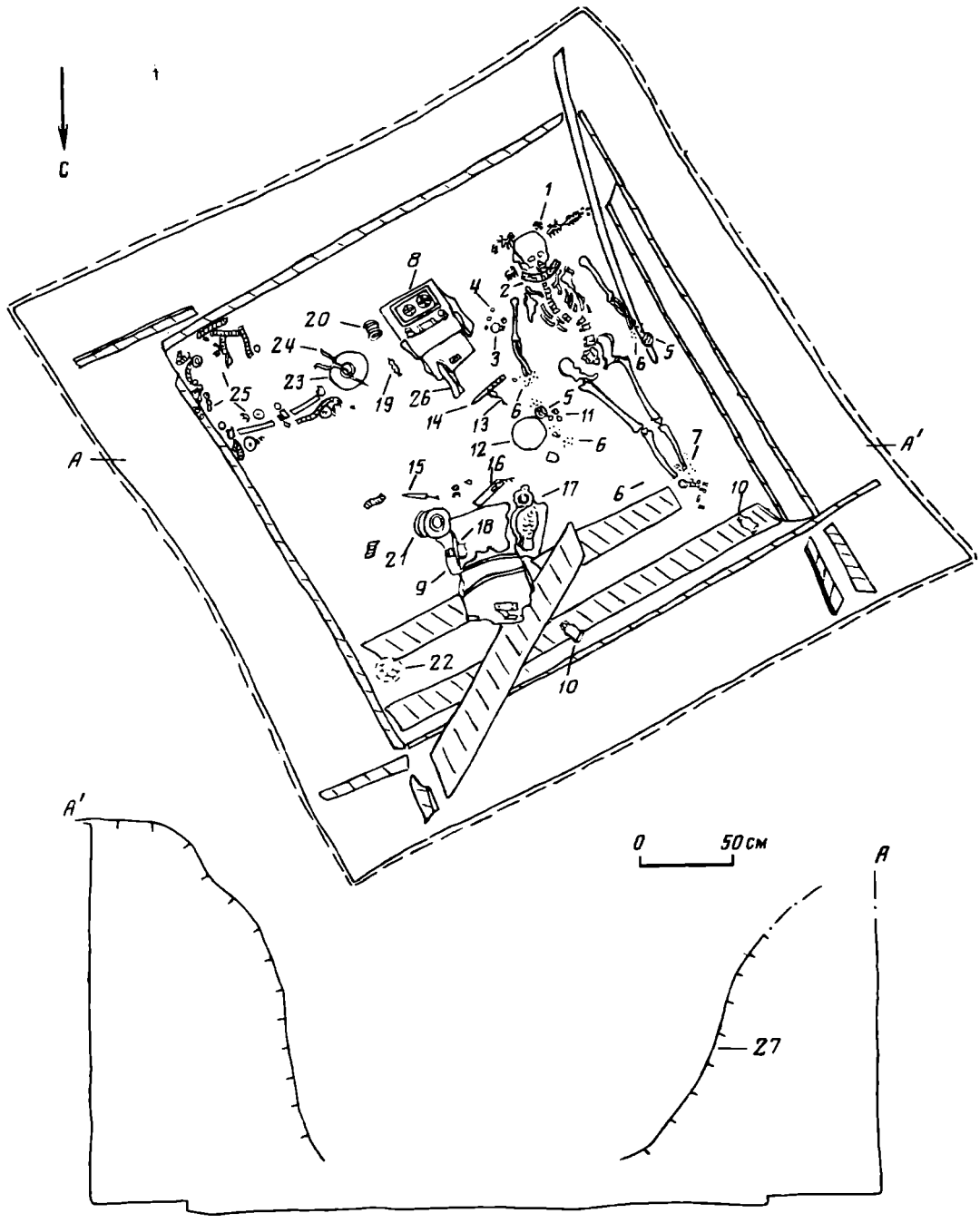


Рис. 2. План и разрез погребения в кург. 10. *1* — детали диадемы; *2* — гривна; *3* — флакон; *4* — амулеты; *5* — браслеты; *6* — бляшки; *7* — бусы; *8, 9* — шкатулки; *10* — колокольчики; *11* — обоймы; *12* — зеркало; *13* — ложка; *14, 15* — ножи; *16* — оселок; *17* — сосуд; *18* — стакан; *19* — ригель; *20, 21* — курильницы; *22* — скобы; *23* — сосуд с крышкой; *24* — стержень; *25* — упряжь; *26* — топор; *27* — береста

стержни. Стержни серебряные. В одном из соединений гривны стержень укреплен неподвижно, в другом вынимался и служил в качестве замка. Он имел форму стержневидной булавки, один край которой обрублен, другой вытянут в проволоку и согнут в петельку. Гривна была разомкнута, вынимающийся стержень лежал около проксимального конца правой плечевой кости. По верхнему и нижнему краю гривна с оборота укреплена обручами, которые соединены с изделием способом клепки.

Изображение фриза гривны представляет собой сюжетную композицию. Композиционный центр занимает изображение сидящего на коврике со скрещенными

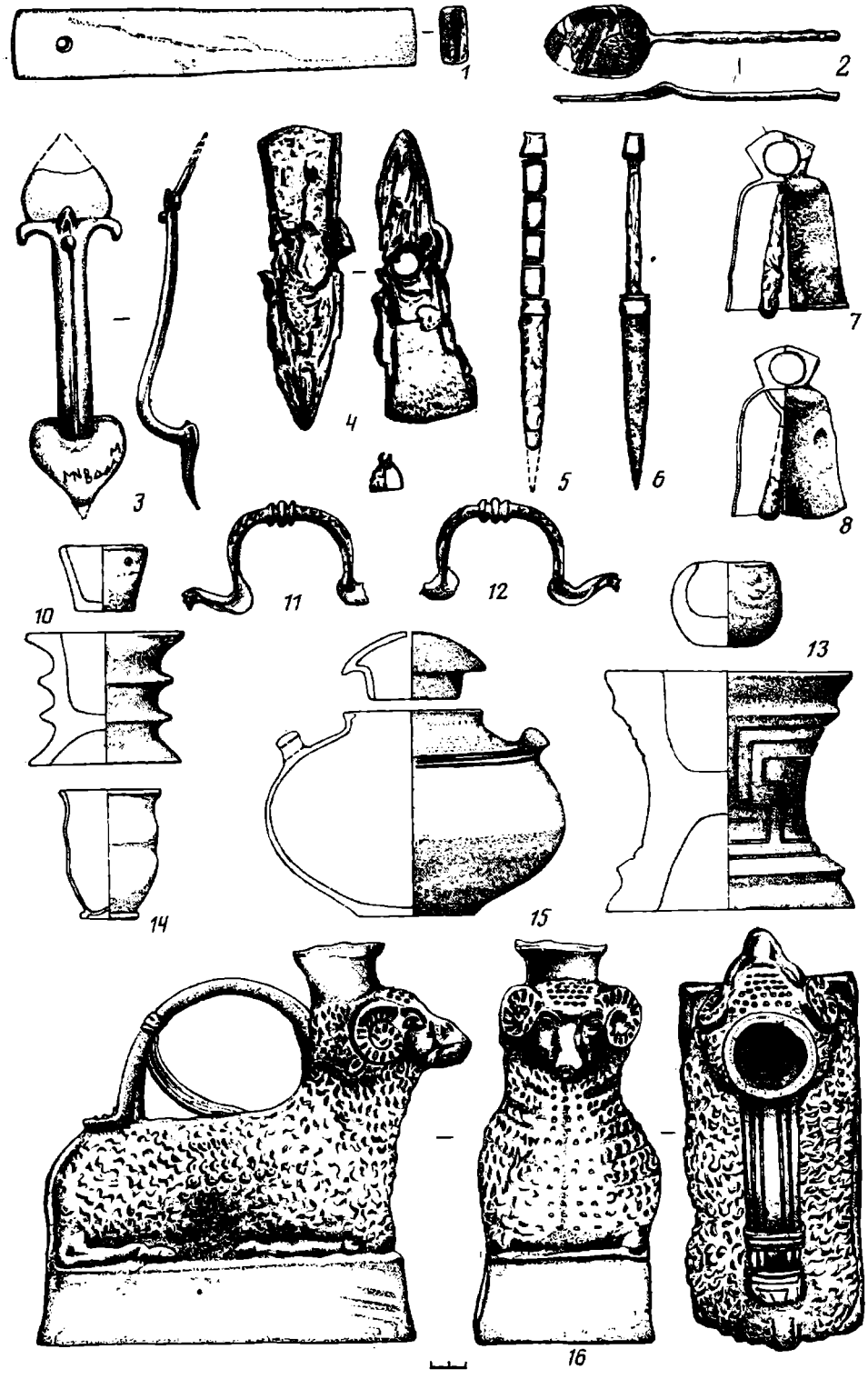


Рис. 3. Инвентарь погребения в кург. 10. *1* — камень; *2* — серебро; *3, 7—11* — бронза; *4—6* — железо; *12, 13, 15, 16* — керамика; *14* — стекло

в восточной позе ногами мужчины с пышной прической, усами и бородой, на которых гравировкой показаны отдельные пряди. Одет центральный персонаж в кафтан и узкие штаны, заправленные в сапоги с застежками. В руках у мужчины — чаша, на коленях — меч в ножнах. Центральное изображение заключено в рамку, представляющую собой имитацию филигранной косички. Слева и справа от центрального персонажа и на тыльной части гривны одна и та же сцена — борьба трех зооантропоморфных существ с драконом. Дракон — одноглавый, с бородкой, короткой гривой, длинным телом (шея изогнута, круп приподнят), с

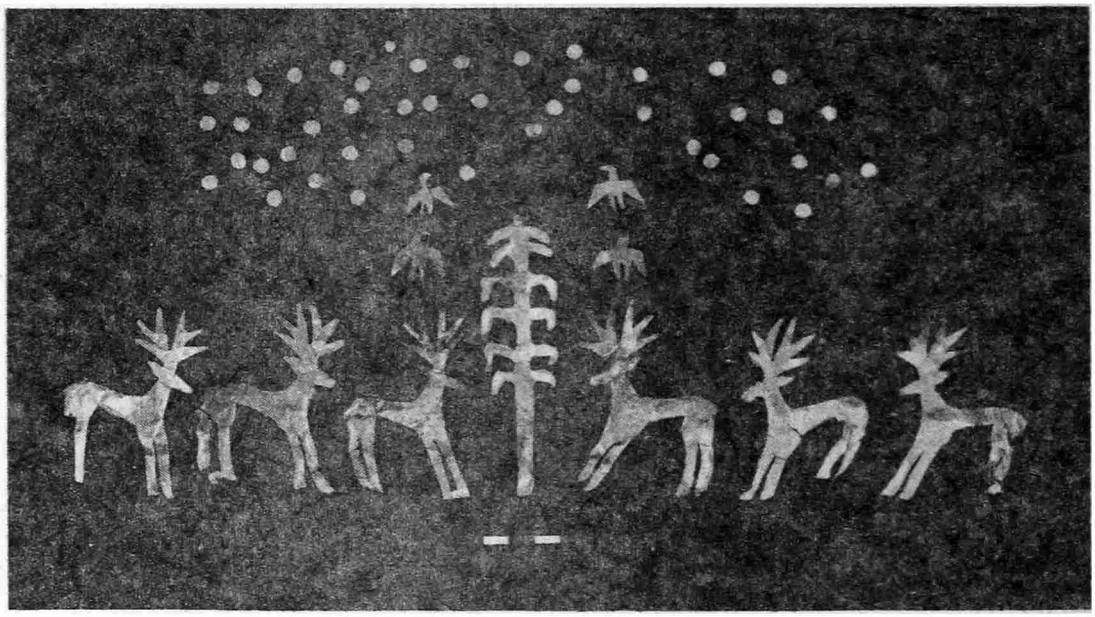


Рис. 4. Детали аппликации диадемы

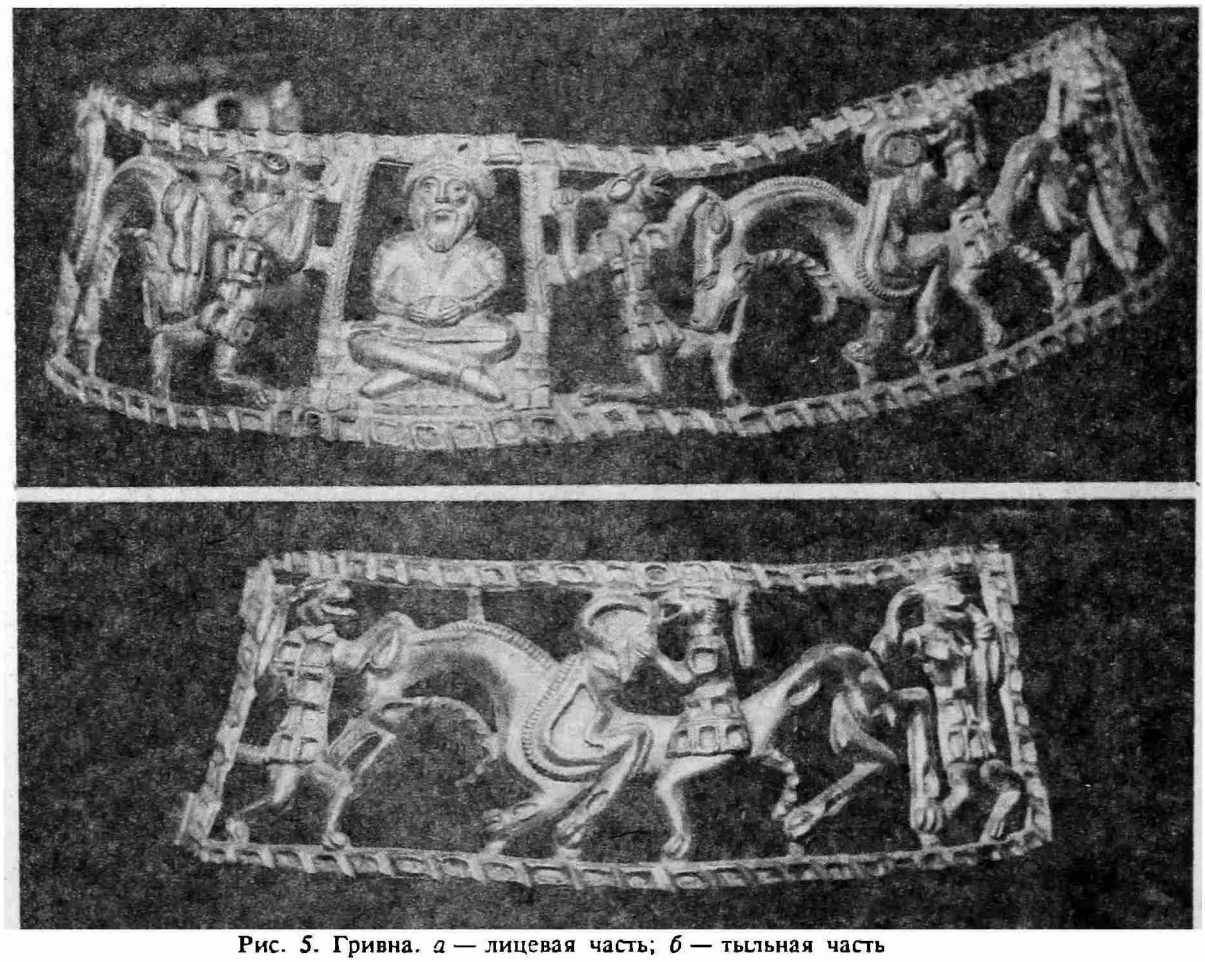


Рис. 5. Гривна. *а* — лицевая часть; *б* — тыльная часть

фигурным крылом, фаллом (?), когтистыми лапами и длинным хвостом. Зооантропоморфные демоны — со звериными головками, с оскаленными зубастыми пастями, верхними конечностями и торсом человека и звериными нижними конечностями. Одеты в пластинчатые доспехи, вооружены дубинками.

В районе левого запястья погребенной обнаружен ажурный золотой пластинчатый браслет со штрифтовым соединением. Он изготовлен из двух пластин.

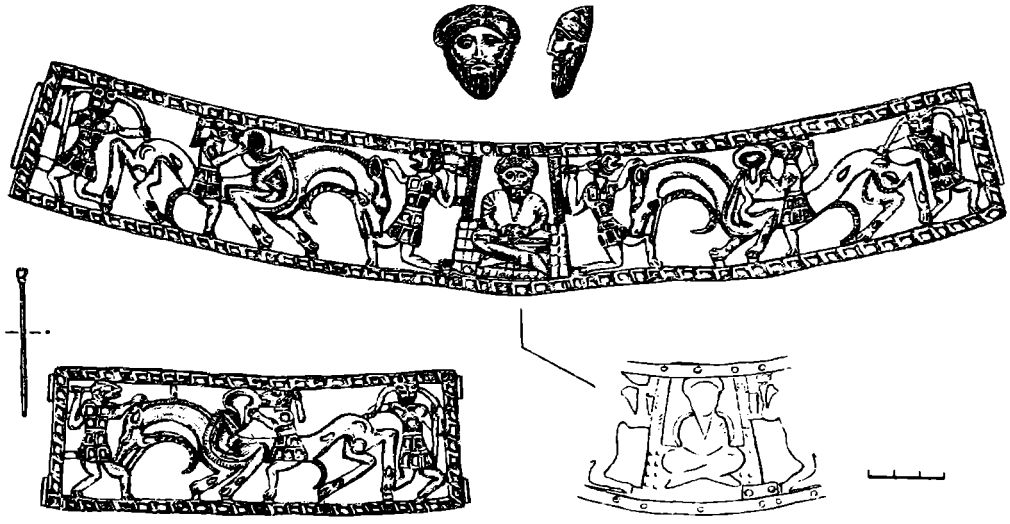


Рис. 6. Гривна (прорисовка)

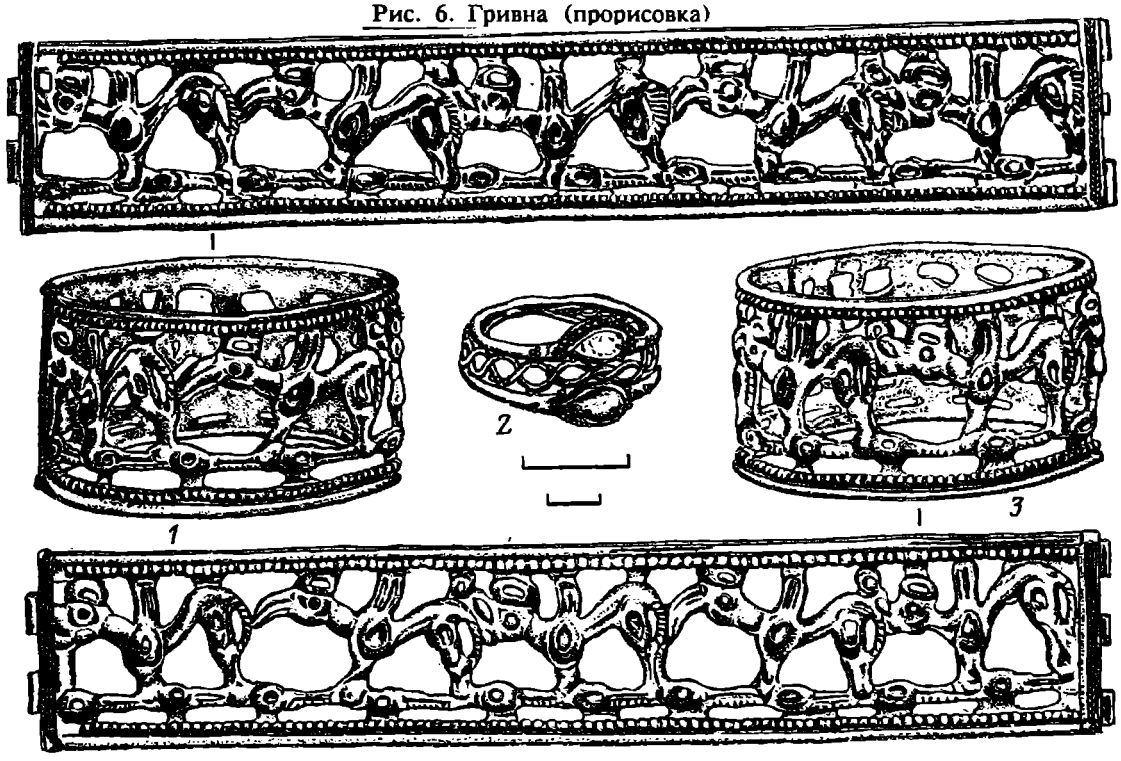


Рис. 7. Браслеты и перстень

Верхняя — с выполненным в технике чеканки изображением в виде следующих друг за другом грифонов с подогнутыми конечностями; инкрустирована бирюзой, гранатом, пастой. Нижняя пластина плоская, прорезана по контурам изображения на верхней пластине, завальцована по краям. Диаметр изделия — 6,7, ширина — 4 см, вес — 101,4 г (рис. 7). Правый браслет идентичен левому, найден в центральной части могилы.

Рядом с браслетом с правой руки лежал золотой ажурный проволочный перстень с двумя пастовыми вставками в глухих каплевидных кастах. Паста — светло-зеленого и фиолетового цвета. Вокруг кастов и по шинке перстня — зернь. Диаметр изделия — 1,86 см (рис. 7).

Одежда погребенной была расшита золотыми бляшками (рис. 8, *9—13*). Лиф сзади и спереди украшали шестилепестковые розетки, инкрустированные хризопразом и белой пастой, и удлиненно-цилиндрические пронизи. Обшлага рукавов имели расшивку бляшками полусферической формы с тисненым орнаментом в

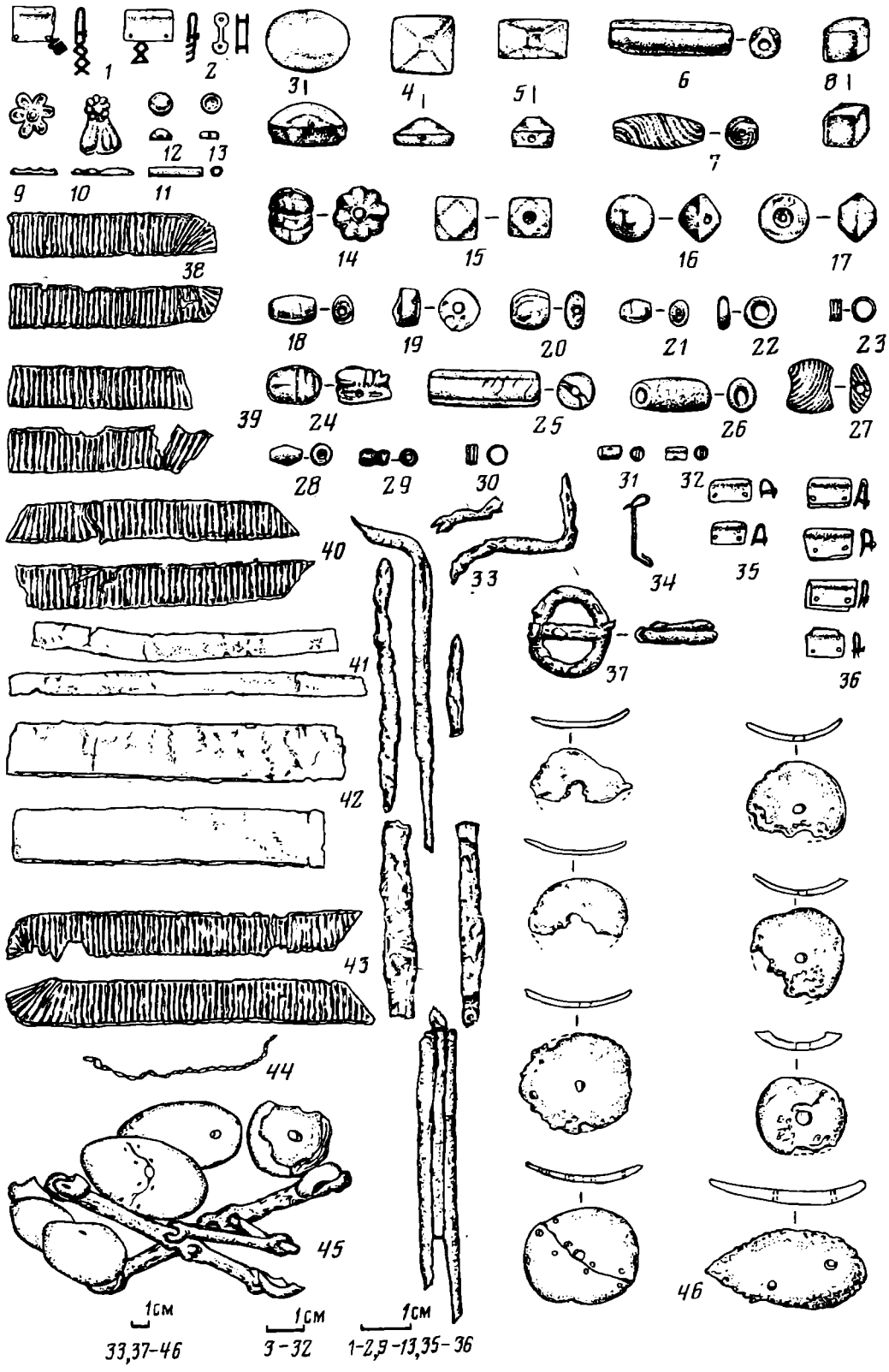


Рис. 8. Инвентарь погребения в кург. 10. *1, 2, 9—13, 30—32, 35, 36, 38—44* — золото; *3—6, 8—14, 16—21, 24—29* — камень; *7, 15, 22* — паста; *23* — серебро; *33, 37, 45* — железо; *34* — бронза; *46* — раковина

виде розетки с двулистником. Низ одежды был обшит бляшками полуцилиндрической формы и пронизями.

Обувь (?) была украшена бочонковидными бусами из сердолика, округло-цилиндрическими из гешира, бисером из пасты кремового цвета и золотыми полуцилиндрическими бляшками (рис. 8, *13*, *28*, *29*).

Центральная часть ящика по дну была устлана парчой лилово-красного цвета с узором, вышитым пряденым золотом. На парче был расставлен и разложен сопровождающий инвентарь.

В изголовье справа стояла деревянная шкатулка с гипсовой обмазкой поверхности. Шкатулка имела форму параллелепипеда. Крышка шкатулки украшена врезным геометрическим орнаментом с солярной символикой (рис. 9, *23*). Металлические детали шкатулки изготовлены из бронзы. На одном из краев крышки располагалась металлическая пластина, по обе стороны ее — округлые накладки с подвижными кольцами, прикрепленные к крышке с помощью скоб. Замок располагался в широкой передней стенке. Снаружи замок оформлен в виде прямоугольной металлической накладки со стреловидно вырезанными углами, в центре у верхнего края накладки — прямоугольное отверстие для ключа (рис. 9, *4*). Под передней стенкой найден ригель. Второй ригель лежал северо-восточнее шкатулки. Изделия имеют рифленый орнамент на лицевой стороне, петлю на обороте. Крепились к шкатулке железными заклепками (рис. 9, *11*, *12*). Шкатулка снабжена фигурной ручкой, которая согнута из квадратного в сечении стержня, концы профилированы. Ручка крепилась к шкатулке скобами, пропущенными через округлые накладки (рис. 9, *9*). По всей вероятности, шкатулка была помещена в могилу преднамеренно сломанной. Длина крышки — 31, ширина — 23,5 см, длина широкой стенки — 30, ширина — 14 см.

Между шкатулкой и правой плечевой костью погребенной располагался золотой флакон с откатившейся в сторону крышкой. Крышка цилиндрическая, в центре крышки сверху гранатовый кабошон, вокруг него четырехлепестковая розетка из голубой пасты, по краям крышки скань. Крышка надевалась на цилиндрическое горло, припаянное к шаровидному тулову. Тулово флакона орнаментировано рельефным изображением лежащих грифонов, выполненным в технике чеканки, инкрустировано пастой под бирюзу. Высота флакона — 6 см, диаметр тулова — 4,6, диаметр горла — 2,1, диаметр крышки — 2,2 см (рис. 10, *3*). В флаконе обнаружено пылевидное вещество коричневого цвета.

Около флакона найдены две золотые обоймочки, свернутые из узких пластин так, что края заходят один за другой, образуя колечко; через центр обоймы прошиты стерженьками, расклепанными по краям (рис. 8, *31*, *32*). Возможно, это окончания шнура, который пропускался через ушки-петельки на тулове и крышке флакона и служил для его подвешивания.

Вокруг флакона россыпью лежали амулеты: кубик из пирита (рис. 8, *8*); золотое колечко с несомкнутыми концами (рис. 8, *30*); серебряное колечко с рифленой поверхностью (рис. 8, *23*); две половинки реберчатой бусины из халцедона (переслаивающиеся генерации молочно-серого и бордового сердолика с сардером) (рис. 8, *14*); приземисто-цилиндрическая бусина из красного кварца с окатанной поверхностью (рис. 8, *19*); 14-гранная бусина из стекловидной пасты синего цвета (рис. 8, *15*); скарабеоид из красного с оранжевыми и серыми пятнами кварца (рис. 8, *3*); бусина в виде параллелепипеда с одной выпуклой гранью из атласного шпата (рис. 8, *20*); удлиненно-цилиндрическая бусина из сердолика (рис. 8, *6*); скарабеоид из карнеолоникса (рис. 8, *24*); усеченно-биконическая бусина из аметиста (рис. 8, *17*); бусина в виде параллелепипеда с усеченно-пирамидальной фаской из моховика серо-феолетово-зеленого цвета, переслаивающегося с красным кварцем (рис. 8, *5*); бусина в виде параллелепипеда с пирамидальной фаской из сердолика (рис. 8, *4*); удлиненная усеченно-биконическая полихромная бусина из спиралевидно расположенных полос стеклянной пасты синего, серого и коричневого цвета (рис. 8, *7*); биконическая бусина из сердолика (рис. 8, *16*); бусина в виде колечка из пасты кремового цвета (рис.

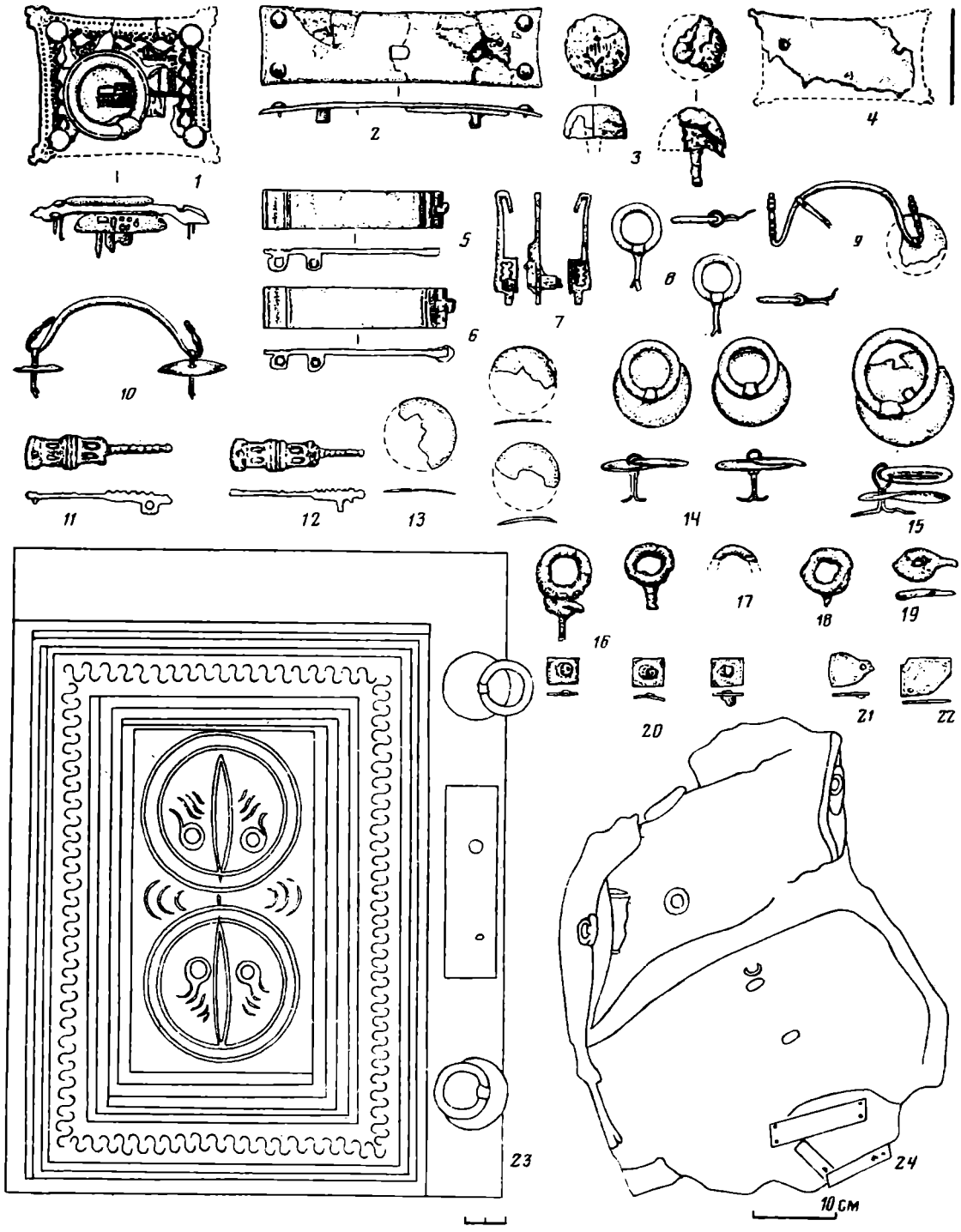


Рис. 9. Детали шкатулок. *1* — серебро с позолотой; *2, 4—15, 20—22* — бронза; *16—19* — железо; *23, 24* — гипс

8, *22*); уплощенно-бочонковидная бусина из халцедона (переслаивающиеся генерации — сардер с молочно-серым сердоликом) (рис. 8, *18*); бусина подквадратной формы с выпуклой фаской из атласного шпата (рис. 8, *27*); инталья из сердолика — бусина в виде параллелепипеда, на широких гранях которой — резное изображение собаки и звезды (рис. 10, *6*). Под крышкой шкатулки найдена инталья из красного кварца в виде бусины в форме параллелепипеда с пирамидальной фаской, на широкой плоской грани бусины — резное изображение лежащего копытного животного с сидящей на нем хищной птицей (рис. 10, *5*). Под передней стенкой шкатулки обнаружена уплощенно-бочонковидная бусина

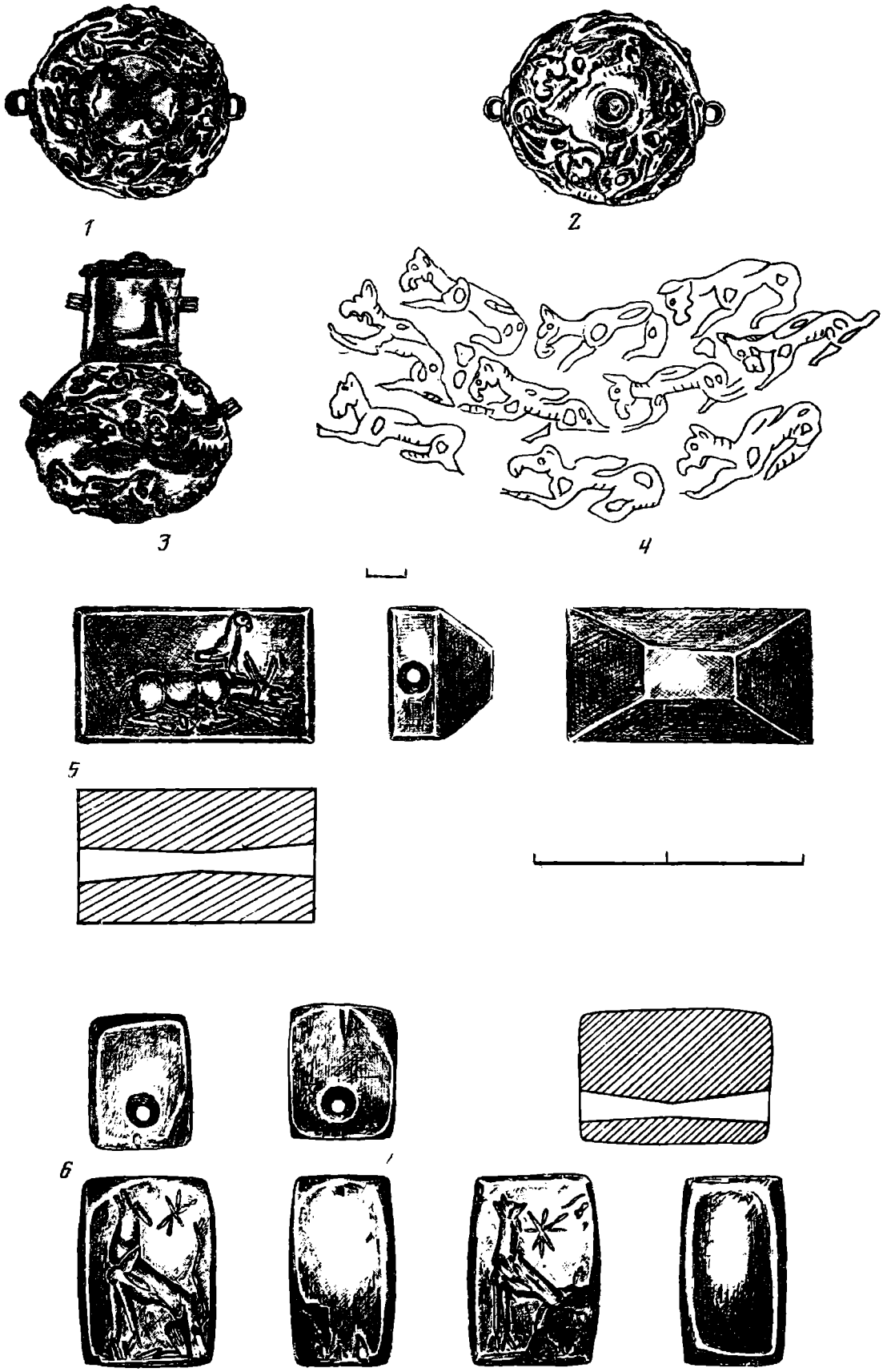


Рис. 10. Резные камни и флакон

из оникса (рис. *8*, 21). Около топора найдена бусина-амулет удлиненно-цилиндрической формы из керамики с серой лощеной поверхностью (рис. 8, *26*). Между рукояткой ножа и костями правого предплечья погребенной найдена бусина-амулет удлиненно-цилиндрической формы из сердолика, на круглых гранях бусины прочерчены лучи (рис. 8, *25*).

На длинной стенке шкатулки лежал сильно коррозированный железный топор, обоюдоострый, одно лезвие — продольное, другое — поперечное, отверстие для рукоятки — округлое. Длина изделия — 18 см (рис. 3, *4*).

Под этой же стенкой шкатулки найден бронзовый колокольчик с коническим корпусом, железным язычком и проволочной петелькой. Высота колокольчика — 1,7, диаметр — 2 см.

К северо-востоку от шкатулки стояла лепная блоковидная профилированная курильница с миниатюрным сосудиком внутри (рис. 3, *10*). В курильнице под миниатюрным сосудиком найден пепел. Высота курильницы — 8,2, диаметр венчика и дна — 9,2 см, высота сосуда, помещенного в курильницу,— 3,7, диаметр венчика — 5 см.

Северо-восточнее набора курильниц стоял гончарный серолощеный сосуд с невысоким цилиндрическим устьем, округлым туловом, чуть выпуклым дном, петлевидными ручками. Рядом лежала крышка сосуда, имеющая сверху отверстие. По плечикам сосуд орнаментирован двумя пролощенными желобками. Диаметр венчика — 8,1, тулова — 17,6, дна — 6,8 см, высота — 13,1 см (рис. 3, *15*). На дне сосуда — охряное пятно.

На серолощеном горшке сверху лежало сильно коррозированное изделие из железа, представляющее собой длинный стержень, один край которого утолщен, другой раздваивается (рис. 8, *33*).

К северу от лощеного горшка найден бронзовый колокольчик с коническим корпусом, коррозированным железным язычком, проволочной петелькой. Высота — 1,6, диаметр — 2 см (рис. 3, *9*).

К северо-западу от шкатулки располагались железный нож и серебряная ложка. Нож — с прямой спинкой, подтреугольным в сечении лезвием. Ручка ножа набрана из 11 костяных деталей, насаженных на длинный черенок. Длина изделия — 19 см (рис. 3, *5*). Ложка лежала перпендикулярно к ножу, деформирована. Черпак ложки слабовогнут, ручка тонкая, округлая в сечении, в месте перехода к соединению с черпаком изогнута. Длина — 16,2 см (рис. 3, *2*).

Северо-западнее ложки, практически в центре погребения, обнаружены: зеркало, браслет с правой руки, перстень, бляшки обшивки правого рукава, колокольчик, комок красной краски, золотые обоймы от деревянного сосуда.

Китайское бронзовое зеркало с покрытием из светлого сплава лежало гладкой полированной поверхностью вверх в футляре, сплетенном из луба. Оборотная сторона — с рельефным орнаментом. В центре шишка-петля, окруженная четырехлепестковой розеткой. Центральный фриз орнамента, заключенный между поясками из коротких косых насечек, состоит из стилизованных бородатых и безбородых драконов, птиц и растительности. По краю зеркала — невысокий широкий бортик. Диаметр изделия — 18,8 см (рис. 11).

Колокольчик аналогичен описанным выше. Краска представляет собой смесь нескольких компонентов с ожелезненной глиной.

Деревянный сосуд истлел, форма не реконструируется. Был скреплен обоймами, изготовленными из прямоугольных золотых пластин, согнутых вдвое; они крепились к поверхности сосуда стерженьками, расклепанными по краям (рис. 8, *36*).

Северо-восточнее обнаружены предметы, группирующиеся вокруг второй шкатулки, которая располагалась в ногах погребенной справа. Шкатулка деревянная, с гипсовой обмазкой поверхности, надо полагать, имела форму параллелепипеда. Крышка шкатулки была откинута (рис. 9, *24*). Шкатулка имела два замка. Один замок был в длинной лицевой стенке шкатулки. Детали замка: снаружи находилась бронзовая подпрямоугольная пластина с прямоугольной прорезью для

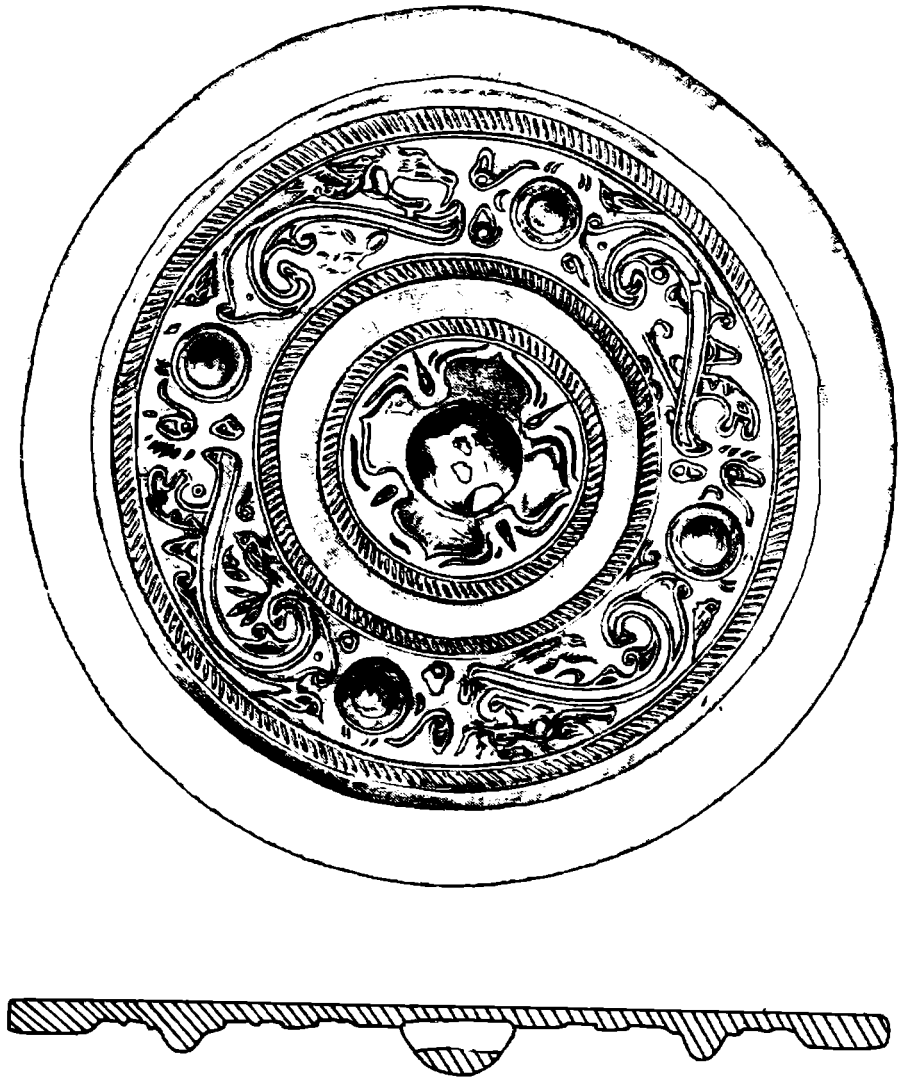


Рис. 11. Зеркало

ключа в центре; на обороте пластины по обе стороны от прорези припаяны квадратные в сечении железные стержни с подпрямоугольными пластинами. Накладка замка крепилась к шкатулке гвоздиками с грибовидными шляпками и квадратными в сечении стержнями (рис. 9, *2*). Внутри шкатулки располагались два ригеля, представляющие собой узкие пластины, имеющие сверху отверстия, в которые вставлены железные петельки. Украшены желобками. На оборотной стороне имеют по две петельки (рис. 9, *5*, *6*). Второй замок находился в узкой стенке шкатулки. Снаружи он имел подпрямоугольную накладку, края которой вогнуты, углы стреловидно вырезаны, в центре — фигурная прорезь для ключа. Накладка изготовлена из тонкой серебряной пластины, позолочена; орнаментирована стилизованным побегом плюща, забита пунсоном. На обороте пластины — внутренний механизм замка. Замок крепился к шкатулке гвоздиками, снаружи имел подвижное кольцо (рис. 9, *1*). К противоположной узкой стенке шкатулки прикреплена округлая бронзовая накладка с подвижным кольцом (рис. 9, *15*). Шкатулка имела фигурно изогнутую ручку из округлого в сечении стержня с

профилированными концами. Крепилась ручка скобами, пропущенными через округлые накладки (рис. 9, *10*). Внутри шкатулки на крышке были укреплены железные петли (рис. 9, *16*). К шкатулке, очевидно, относились также следующие детали: бронзовые подтреугольная и неправильно-многоугольная пластины, железное кольцо, железная ромбическая накладка с отверстием, железное изделие овальной формы с шипами, железные гвозди с массивными шляпками и округлыми в сечении стержнями (рис. 9, *3*, *18—22*).

В шкатулке обнаружен стеклянный стакан колоколовидной формы с заваренным краем и кольцевидным поддоном из тонкого прозрачного стекла голубовато-зеленого цвета. Диаметр венчика — 5,9, дна — 3,4, высота стакана — 7,8 см (рис. 3, *14*).

На дне шкатулки лежал «моточек» пряденого золота.

Вокруг шкатулки обнаружен следующий материал. Удлиненно-трапециевидный оселок из аргелита примыкал к шкатулке с юга, частично уходя под нее. Длина оселка — 23,4 см (рис. 3, *1*). Рядом с оселком, одним концом непосредственно на нем лежала сложноплетеная золотая проволока с обоймами по краям (рис. 8, *1*, *2*). Очевидно, это — оплетка ремня, с помощью которого оселок подвешивался.

С северо-востока к шкатулке примыкала лепная блоковидная курильница, орнаментированная меандром (диаметр венчика и дна — 14,8, высота — 14,5 см), внутри которой помещался миниатюрный сосудик округлой формы (диаметр венчика — 5,4, высота — 4,5 см) (рис. 3, *13*). Под курильницей найдена россыпь золотых нашивных бляшек полуцилиндрической формы, идентичных бляшкам расшивки низа одежды погребенной.

Южнее курильницы найден железный нож с прямой спинкой, подтреугольным в сечении лезвием, наборной ручкой. Ручка была набрана из костяных и деревянной деталей. Длина ножа — 21,3 см (рис. 3, *6*). Между ножом и оселком лежал бронзовый колокольчик (высота — 1,6, диаметр — 2,2 см). Между колокольчиком и курильницей лежал обломок железного кольца.

С запада к шкатулке примыкал краснолаковый сосуд в виде реалистично исполненной фигуры барана, лежащего на алтаре. Высота сосуда — 24,2, длина 20,8, диаметр венчика — 5,1 см (рис. 3, *16*).

В северо-восточном углу погребения найден тлен от деревянного сосуда со скрепами из перекрученной медной проволоки (рис. 8, *34*).

Два бронзовых колокольчика тюльпановидной формы с фигурными ушками и подвижными железными язычками (высота — 10 и 10,7, диаметр — 6,5 см (рис. 3, *7*, *8*)), располагались у северо-восточной стенки ящика, один — непосредственно в ногах погребенной.

Юго-восточную часть ящика занимала конская сбруя. В ее состав входили фалары двух типов: зооморфные и полусферические. Зооморфные фалары (2 экз.) представляют собой рельефное изображение львиной морды. Изготовлены следующим образом: на бронзовые пластины круглой формы с щелевидными отверстиями наложены отлитые из белой мастики львиные маски, которые сверху обжаты золотой фольгой. Фалары инкрустированы цветной пастой. Диаметр — 6,3 см (рис. 12, *14*, *15*). Полусферические фалары с горизонтальным ободком по краю (2 экз.) изготовлены из бронзы, обтянуты по лицевой стороне золотой фольгой, на обороте имеют петли. Диаметр — 5 см (рис. 12, *7*, *8*). Бляхи оголовья — округлой формы, с бортиком и скобой на обороте, бронзовые, по лицевой стороне обтянуты золотой фольгой (5 экз.). Диаметр — 3,2 см (рис. 12, *1—5*). Нагрудная (?) бляха подпрямоугольной формы с щелевидными отверстиями вдоль узких сторон изготовлена из железа, на лицевой части — накладка из золотой фольги с солярным знаком в центре, поверхность забита пунсоном. Размеры изделия — 8,2х4 см (рис. 12, *10*). Наносная (?) железная пряжка в форме полуовала с тремя щелевидными отверстиями. Поверхность пряжки забита пунсоном. Длина изделия — 6 см (рис. 12, *6*). Фигурные нащечные (?) накладки из золотой фольги с тесненой тамгой (рис. 12, *9*).

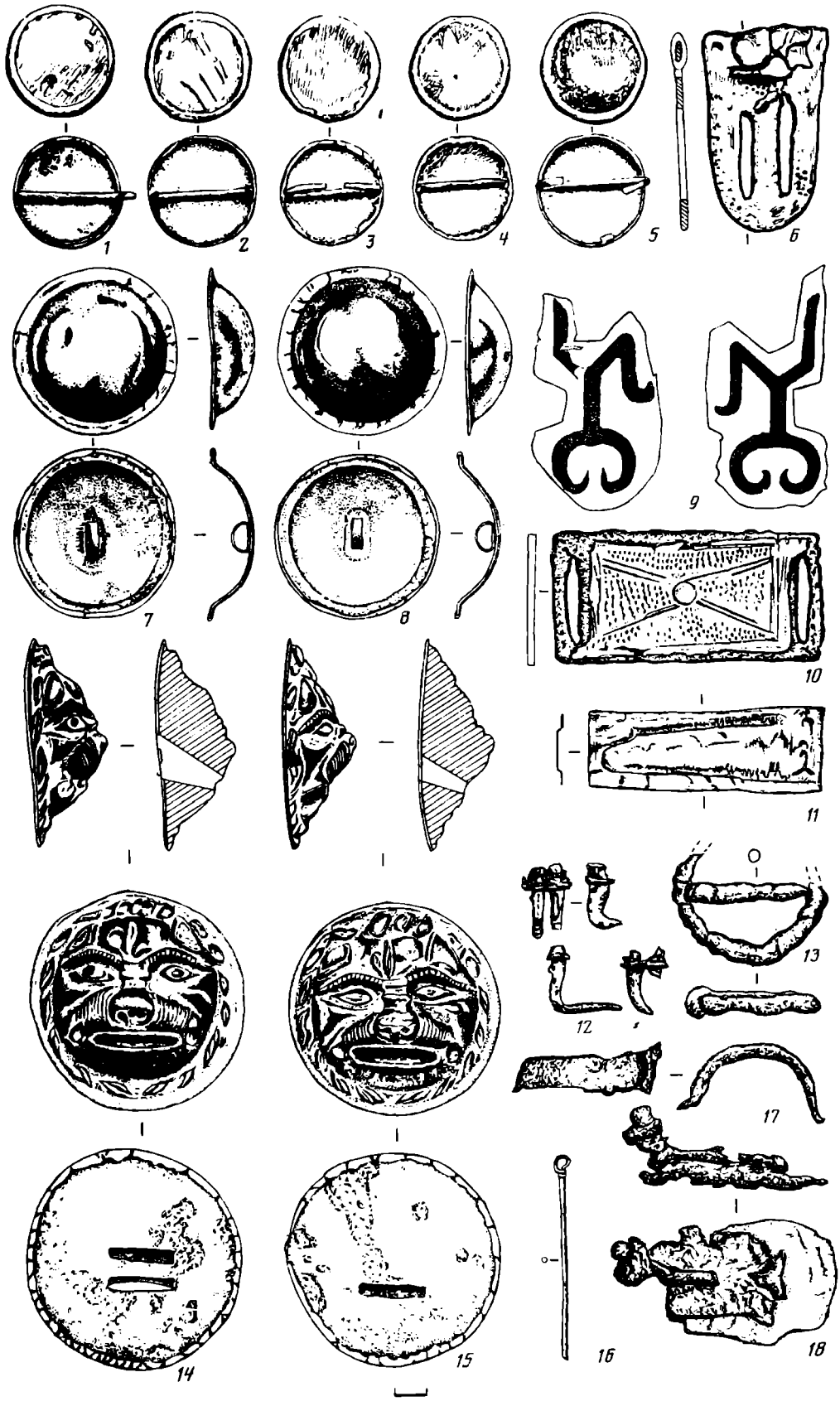


Рис. 12. Инвентарь погребения в кург. 10. *1—5, 7, 8, 14, 15* — бронза, плакированная золотом; *6, 12, 13, 17, 18* — железо; *9—11* — золотая фольга; 10 — железо, золотая фольга; *16* — серебро

Ремни сбруи были окрашены в красный цвет, имели накладки из гофрированной и гладкой золотой фольги: две парные накладки в виде лент из гладкой фольги (длина — 19,2 и 20,9 см, ширина — 3,6 и 3,7 см; (рис. 8, *42*); две парные гофрированные накладки в виде лент, один край которых срезан овально, другой — косо (длина 23; 23,7 см; рис. 8, *43*); две парные гофрированные накладки, один край овальный (длина — 13,4 и 13, ширина — 2,8 см, рис. 8, *38*); гофрированные накладки со скошенными краями (рис. 8, *39*, *40*).

Узкие ремни сбруи имели накладки или были обвиты узкими лентами из гладкой золотой фольги. Три накладки в виде лент имели вдоль длинных сторон следы пришивания. Их длина — 22,5, 20 и 19 см, ширина — 1,3—1,8 см (рис. 8, *41*). Серпантинообразные обвивки представлены обрывками разной длины (рис. 8, *44*).

Мелкие детали из золотой фольги: подпрямоугольная пластина (рис. 12, *11*), подпрямоугольная пластина с вырезанным углом, пластина с косо срезанным краем и дырочкой, обрывки лент, обоймочка, свернутая из обрывка узкой ленты.

В состав сбруи входят две железные овальные пряжки с подвижными язычками; на рамке одной из них, под язычком,— обрывок золотой фольги (рис. 8, *37*; 12, *13*). Железные псалии с восьмерковидным расширением и двумя отверстиями в центре. Длина псалия — 18,5 см (рис. 18, *45*). Железные двусоставные удила с кольцевыми окончаниями. Длина — 8 см. Детали удил соединялись ремнями. Подвески, украшающие узду, изготовлены из раковин черноморской устрицы. Семь подвесок округлой формы (диаметр — 4,4—6 см), одна листовидная (длина 7,5 см) (рис. 8, *46*).

В заполнении могилы, в районе правого запястья погребенной, были найдены обломки железного предмета непонятного назначения со стержнем и загнутыми пластинами (рис. 12, *17*). В заполнении между оселком и колокольчиком обнаружены золотые оковки деревянного сосуда (рис. 8, *35*). Из заполнения происходят фрагменты стенок розовоглиняных амфор и железные скобы, скрепляющие доски погребального ящика (рис. 12, *12*).

Перейдем к анализу материалов представленного комплекса с точки зрения хронологии. Прежде всего обратимся к диадеме, входящей в состав гарнитура ювелирных украшений. Очевидно значительное сходство элементов аппликации с аналогичными изделиями, обнаруженными в кург. 46 Усть-Лабинского могильника [3, с. 14 — 17, рис. 2, 3]. Оно выражается не только в единстве композиционной схемы — птицы и копытные у мирового дерева, но и в манере изображений оленей, совпадении числа персонажей, близости некоторых технологических деталей. Отмеченное сходство свидетельствует, на наш взгляд, с одной стороны, о местном сарматском происхождении изделий, на что указывает грубость работы, а с другой — об их хронологической близости. Усть-лабинская диадема датируется по обнаруженной в комплексе лучковой фибуле концом I — первой половиной II в. н. э. (Эрмитаж, ОИПК инв. № 2239/149). Возможно, усть-лабинская и кобяковская диадемы являются репликами украшений типа известной короны из кургана Хохлач, датируемого, согласно новейшим разработкам, началом II в. н. в. [4, с. 66; 5, с. 53].

Наибольшую сложность вызывает датировка уникальной кобяковской гривны. Оставляя ее подробное рассмотрение для специального исследования, отметим лишь те моменты, которые представляются нам очевидными. К ним относится прежде всего восточное происхождение изделия. Обращает на себя внимание поза центрального персонажа. Изображения сидящих со скрещенными ногами героев встречаются в среднеазиатском регионе еще в VI—IV вв. до н. э.: иссык-кульский жертвенник [6. с. 44, илл. 48], поясная бляха из Сибирской коллекции Эрмитажа [6 с. 146, илл. 189, 190]. Однако канонической эта поза становится, вероятно, в раннекушанскую эпоху: бактрийское зеркало из Соколовой могилы [7, с. 68—70, рис. 70—73], фигурки «музыкантов» из Тилля-тепе [8, с. 66 рис. 23]. Восточные параллели обнаруживает костюм зооантропоморфных персонажей гривны, в котором угадывается кушанский доспех, представленный

в скульптуре Халчаяна [9, с. 408, табл. CXX]. В иранской иконографии II в. н. э. имеются соответствия вооружению этих фантастических существ — короткие дубинки или палицы [10, с. 101, рис. 38, с. 111, рис. 46, *в*]. Бородатые драконы кобяковской гривны напоминают аналогичный персонаж так называемой карагалинской диадемы, происходящей из Казахстана и датируемой обычно первыми веками нашей эры [11, с. 29, 164]. Стилистические параллели кобяковской гривне обнаруживаются в предметах Сибирской коллекции Эрмитажа [6, с. 207, 208], ювелирных изделиях Тилля-тепе в Северном Афганистане [12, с. 160—166], находках из богатых курганов Подонья I — первой половины II в. н. э. [13, с. 45—55]. Это сходство, вероятно, отражает не только общность происхождения, но и хронологическую близость изделий, получивших в литературе наименование украшений «сарматского полихромно-бирюзового звериного стиля» [14, с. 46].

В той же манере выполнены кобяковские ажурные браслеты. Особенности композиции: повторяющийся ритмический ряд следующих друг за другом грифонов, инкрустация бирюзой в сочетании с набором таких технологических приемов, как чеканка, подработка штихелем и полировка,— в совокупности свидетельствуют в пользу восточного происхождения браслетов. Подобные шарнирные браслеты, выполненные из золота и инкрустированные самоцветами, украшенные в зверином стиле, происходят из Казахстана и Северного Пакистана и датируются обычно II—I вв. до н. э. [6, с. 179, 180, 184]. Близкие морфологически браслеты имеются в гандхарской иконографии [15, с. 50, или 49, с. 62, илл. 23, с. 95, илл. 98]. Представляется, что подобные украшения, как и основная масса предметов сарматского полихромно-бирюзового звериного стиля, датируются I—II вв. н. э.

Примыкает к этим изделиям и кобяковский золотой флакон. Аналогичные сосудики, нередко выполненные из драгоценных металлов, широко употреблялись в первые века нашей эры на Боспоре, где, вероятно, они и изготавливались [16, с. 140]. Сплошная орнаментация тулова флакона рядами оттиснутых изображений необычна для боспорских изделий и сближает наш экземпляр с аналогичным сосудиком из кургана Хохлач начала II в. н. э., вероятно, восточной работы [16, с. 127, рис. 9]. В то же время кобяковский флакон инкрустирован в отличие от хохлачского не бирюзой, а стекловидной пастой и проработан гораздо грубее, что заставляет предпочесть его причерноморское происхождение.

Одним из наиболее ранних предметов комплекса является зеркало. Подобные зеркала, во внешнем орнаментальном поле которых помещены изображения стилизованных драконов, птиц, солярные символы, производились в Китае в конце I в. до н. э. — начале I в. н. э. [17, табл. 2—6]. Однако к использованию ханьских зеркал для целей датировки погребальных комплексов за пределами Китая следует относиться осторожно. В пользу этого тезиса можно привести факт «запаздывания» в употреблении таких зеркал на два-три столетия в Средней Азии [18, с. 109]. Несомненно, большую значимость для целей датировки имеет наличие зеркала того же типа, но иного варианта в кург. 1 Кобяковского могильника, датируемого концом I — началом II в. н. э. [19, с. 71, табл. 46, *4*], находящегося в нескольких десятках метров от кург. 10. Представляется вероятным попадание обоих зеркал в составе одной партии импортов, что должно свидетельствовать в пользу синхронизации этих двух курганов.

Абсолютно точных соответствий стеклянному стакану из кург. 10 нам найти не удалось. Вероятно, это вызвано тем, что такая характерная особенность его формы, как вогнутость стенок в средней части, является следствием небрежности при его изготовлении, а не типообразующим признаком. Вместе с тем подобные сосуды по совокупности морфологических и технологических признаков, как правило, датируются концом I — первой половиной II в. н. э. [20, с. 92, 93]. Из паспортизованных находок наиболее близкий кобяковскому стакан происходит из комплекса второй половины I в. н. э. из Керчи [21, с. 21, 22]. Еще более похожий на наш стакан находился в частной коллекции, откуда поступил в

1986 г. на аукцион в Базель [22, с. 12, табл. 4, № 24]. К сожалению, этот сосуд не имеет надежных хронологических привязок.

Следующим сравнительно хорошо датированным предметом, найденным в кург. 10, является бронзовый таз, относящийся к типу 100 по Эггерсу. Тазы этого типа в Причерноморье наиболее часто встречаются в погребениях I — первой половины II в. н. э.: кург. 3 Кобяковского могильника [19, табл. 48, *1*; 23, с. 94], курган у ст. Тбилисской [24, с. 89, 217, рис. 59, *4*], кург 6. у ст. Казанской [25, с. 78, рис. 1, *23*], кург. 2 Кирсановского могильника [5, с. 51, табл. 20]. Два таких таза происходят из комплексов конца II — начала III в. н. э.: кург. 20 могильника Центральный [5, с. 27], курган у с. Олонешты [24, с. 28, 233, рис. 67, *10*]. По оформлению атташей ручек наиболее близок к нашему образцу таз из Вербовского кургана в Донбассе, датирующийся концом I — первой половиной II в. н. э. [26, с. 137, 143]. Факт несовпадения времени производства сосудов рассматриваемого типа (фаза B_1 — B_2 по Эггерсу) с периодом их бытования отмечался Б. А. Раевым [5, с. 27]. Его вывод подтверждается наблюдением за сохранностью сосудов: некоторые из них утратили ручки, имеют заплаты, что свидетельствует об их длительном бытовании в кочевнической среде. Поступление этой категории провинциально-римского импорта можно связать с торговой деятельностью Танаиса.

Интересна находка в кобяковском кургане краснолакового сосуда в виде барана. Нам известно 11 подобных сосудов, происходящих из Северного Причерноморья [24, с. 19, 179, рис. 38, *5*, с. 181, рис. 39, *1*; 27, с. 201; 28, с. 140; 29, с. 250, 251; 30, с. 104; 31, с. 73, табл. 52, *4*], и 1 из Малой Азии [32, № 141, табл. 65]. Все они отличаются нюансами, но могут быть подразделены на группы. Первая, к которой относится и кобяковский экземпляр, представлена крупными сосудами с реалистической проработкой деталей. Другая группа, более многочисленная, отличается меньшими размерами и, как правило, схематической проработкой шерсти животного. Обращает на себя внимание тот факт, что датированные сосуды второй группы встречены в комплексах второй половины II — середины III в. н. э. Крупные экземпляры найдены как в погребениях I—II вв. н. э. (ст. Тбилисская, Малая Азия), так и в комплексах конца II — начала III в. н. э. (Олонешты).

Не однозначно решается вопрос о датировке деревянных, с гипсовой обмазкой ларей, найденных в рассматриваемом комплексе. Шкатулки из дерева с бронзовыми деталями были широко распространены в первые века нашей эры в римских провинциях, значительное их число найдено на Боспоре [33, с. 129]. Деревянные части изделий сохраняются крайне редко, а бронзовые (реже — серебряные) детали различаются, как правило, незначительно. Вместе с тем наборы абсолютно идентичных деталей встречаются крайне редко. Из датированных комплексов нам известны лишь четыре шкатулки с гипсовой обмазкой, происходящие из богатой могилы Рошава Драгана в Чаталке [34, с. 28, рис. 31]. Боковые стенки шкатулок были украшены врезным орнаментом с элементами, близкими кобяковскому образцу [34, с. 30, рис. 33]. Там же были найдены ручки и круглые накладки с петлями для подвешивания из бронзы, аналогичные кобяковским [34, с. 117, табл. 15, № 176, 177]. Сопровождающим инвентарем погребение со шкатулками в Чаталке датируется второй половиной I в. н. э. Аналогично кобяковской серебряной накладке, орнаментированной пунсоном и по краю — стилизованным побегом плюща, украшена оковка ларя из погребения II в. н. э. в римском некрополе Пула в Югославии [35, с. 142, № 293]. Фигурное оформление углов кобяковской накладки идентично накладке из погребения в Горгиппии конца I — начала II в. н. э. [36, с. 98, рис. 57]. Аналогичны кобяковским ручка, ригель и накладки с петлями от шкатулки погребения в Горгиппии [36, рис. 57, 61]. Впрочем, идентичность ряда бронзовых деталей кобяковских ларцев аналогичным изделиям из сарматского погребения кург. 9 могильника Валовый вблизи Танаиса (раскопки 1987 г. Е. И. Беспалого), надежно датированного концом II — началом III в. н. э., заставляет с осторожностью

относиться к использованию морфологии шкатулок в качестве хронологического индикатора.

Перейдем к деталям упряжи из нашего комплекса. Полусферические фалары с бордюром по краю, плакированные золотом, с гладкой поверхностью находят аналогии в ряде погребений сарматской знати на Нижнем Дону. Появляясь в конце I — начале II в. н. э. (кург. 1 Балабинского III могильника [37, с. 146], украшенные подобным образом фалары продолжают бытовать и в позднесарматское время: кург. 16 у пос. Центральный [38, с. 111, рис. 3, *1*], погребение, вскрытое в 1949 г. из Неаполя Скифского [39, с. 170, рис. 56, *2*]. Фалары с львиной маской обнаруживают значительное морфологическое сходство с драгоценными рельефными фаларами из богатых сарматских погребений курганов I в. н. э.: Садового, Жутовского 28, Запорожского, Зубовского [40, с. 170, рис. 5, с. 182, рис. 16, с. 183, рис. 17, с. 186, рис. 21], Кирсановского [5, табл. 41, *1*], отличаясь от последних техникой тиснения и использованием цветного стекла. В среднесарматских комплексах находят аналогии золотые накладки на ремни, выполненные из гладкой витой и гофрированной фольги, украшавшие кобяковскую упряжь [37, с. 146]. Наиболее поздний уздечный набор, имевший аналогичные украшения, происходит из кург. 5 Кобяковского могильника и датируется концом II в. н. э. [41, с. 160]. Из того же погребения происходит наносная пряжка, идентичная найденной в рассматриваемом комплексе. Близкая, но отличающаяся в деталях пряжка была найдена в кург. 1 могильника Кировский I, датирующегося II в. н. э. В том же погребении были найдены дисковидные бляхи, плакированные золотой фольгой, идентичные найденным в кобяковском кургане 10 [42, с. 24, 25]. Кобяковские железные псалии в виде стержня с восьмерковидными прорезными утолщениями посередине и бляхами-раковинами на концах обнаруживают параллели в ряде курганов сарматской знати I в. н. э.: Зубовском, Жутовском 28, Садовом, Запорожском [40, с. 171, рис. 6, с. 185, рис. 19, *8*, *9*, с. 21, рис. 20], Дачи (раскопки Беспалого Е. И., 1987 г.). Обычно подобные псалии имеют завершение в виде рельефных блях, обтянутых золотом и украшенных в зверином стиле. В позднесарматских комплексах подобные бляхи нам не известны.

Показателен, с точки зрения хронологии, и набор местной керамики, входящей в состав погребального инвентаря кург. 10. Комплект из блоковидных курильниц (тип II, по К. Ф. Смирнову) обнаруживает многочисленные аналогии в погребениях I — начала II в. н. э. практически по всему ареалу среднесарматской культуры, являясь одновременно и диагностическим этническим индикатором [43, с. 166, 171, табл. 2, с. 172, табл. 3]. Серолощеный кружальный горшочек с налепами-петельками для подвешивания отнесен нами к местной посуде условно. Этот тип сосудов по совокупности морфологических и технологических признаков может быть уверенно связан с продукцией кавказских керамических мастерских [44, с. 14, табл. IV, *3*, *6*, *8*]. На Нижнем Дону нам известно 10 сосудов, относящихся к различным вариантам этого типа. Все они, за исключением нашего экземпляра, найдены в позднесарматских погребениях. По мнению М. П. Абрамовой, подобные сосуды распространяются на Кавказе со II в. н.[2] Вероятно, кобяковский горшочек относится к числу наиболее ранних образцов этого типа.

Подводя итоги рассмотрению наиболее показательных, с точки зрения хронологии, материалов кург. 10 Кобяковского могильника, можно констатировать следующее. Несмотря на широкое распределение во времени ряда аналогий представленному вещевому комплексу, наиболее вероятным представляется сооружение кургана в диапазоне от второй половины I до начала II в. н. э. В этой связи заслуживает внимания тот факт, что именно этим временем датируется большая часть погребений высшей сарматской знати на Нижнем Дону (курганы Хохлач, Садовый, кург. 1 группы Дачи и др.). Кобяковский курган входит в эту группу как по набору специфических обрядовых норм (наличие приношений на древнем выжженном горизонте у могилы, большая квадратная яма с пере-

[2] Устное сообщение.

крытиями из камыша и бересты и имитирующим сруб обширным дощатым ящиком внутри), так и по обилию импортов западного и восточного происхождения. Особого внимания заслуживает наличие в кург. 10 инсигний власти диадема, гривна, браслеты, парадная упряжь. Эти предметы, бесспорно, маркируют высокое социальное положение погребенной. С другой стороны, двойной набор курильниц, амулеты, другие предметы культа и особенно семиотика композиции орнаментального фриза диадемы позволяют предположить ее особый религиозный статус.

Концентрация погребений сарматской знати на Нижнем Дону в I — начале II в. н. э. свидетельствует о наличии здесь центра какого-то сарматского племени. До середины I в. н. э. племенем-гегемоном в Подонье могли быть аорсы, со второй половины того же столетия наиболее вероятны в этой роли аланы — «бывшие массагеты». Их восточное происхождение как будто подтверждается обилием центрально-азиатских импортов, обнаруженных в курганах сарматской знати, в состав которых входят инсигнии власти, вряд ли служившие предметами торговли. Не вдаваясь глубоко в анализ проблемы, следует констатировать, что на данном этапе исследований отнесение среднесарматских курганов Подонья к той или иной группировке носит полемический характер [45, с. 117—132; 46, с. 116, 117; 47, с. 89—108].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Прохорова Т. А.* Отчет о раскопках Кобяковского курганного могильника в 1987 г.//Архив археол. лаб. истфака Ростов. ун-та. Ф. 15. Д. 5.
2. *Прохорова Т. А., Гугуев В. К.* Богатое сарматское погребение в кургане на восточной окраине г. Ростова-на-Дону//Изв. РОМК. 1988. Вып. 5.
3. *Засецкая И. П.* Золотые украшения гуннской эпохи. Л.: Аврора, 1975.
4. *Шелов Б. Д.* Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе.//СА. 1983. № 4.
5. *Raev B.* Roman Imports in the Lower Don Basin//BAR. International Series, 278. Oxford, 1986.
6. *Артамонов М. И.* Сокровища саков. М.: Искусство, 1973.
7. *Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев: Наук. думка, 1986.
8. *Сарианиди В. И.* Храм и некрополь Тилля-тепе. М.: Наука, 1989.
9. *Массон В. М.* Архитектура и скульптура Халчаяна//Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.: Наука, 1985.
10. *Fukai S., Horiuche K., Tanabe K., Domyo M.* Tag-i Bustan IV. T. 20. Tokyo, 1984.
11. *Акишев К. А.* Древнее золото Казахстана. Алма-Ата: Окер, 1983.
12. *Sarianidi V.* Bacterian Gold. Leningrad; Vienna: Aurora-Globus, 1985.
13. *Засецкая И. П.* Образ пантеры в сарматском искусстве//СА. 1980. № 2.
14. *Засецкая И. П.* Проблемы сарматского звериного стиля//СА. 1989. № 3.
15. *Пугаченкова Г. А.* Искусство Гандхары. М.: Искусство, 1982.
16. *Скалон К. М.* О культурных связях восточного Прикаспия в позднесарматское время//АСГЭ. 1979.
17. *Лян Шанчунь.* Яньку дзанцин (Зеркала, хранящиеся в Яньку). Т. 1—3. Байнин, 1940 (на кит. яз.).
18. *Литвинский Б. А.* Орудия и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1978.
19. *Guguev V.* The Burials in Kobyakovo barrow-cemetery//Raev B. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR, International Series, 278. Oxford, 1986.
20. *Сорокина Н. П., Гущина И. И.* Стеклянные изделия из могильников первых веков нашей эры юго-западного Крыма//История и культура Евразии по археологическим данным: ТГИМ. 1980. Вып. № 51.
21. ОАК за 1872 г. СПб., 1873.
22. Kunstwerk der Antike. Basel Auktion 70. 1986, 14 November.
23. *Гугуев В. К.* Кобяковский курганный могильник. Хронология и культурная принадлежность погребений римского времени//Тез. I Кубан. археол. конф. Краснодар, 1989.
24. *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе II в. до н. э.— V в. н. э. М.: Наука, 1970.
25. *Ждановский А. М.* Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры//Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.
26. *Мухопад С. Е.* Сарматские погребения с бронзовыми котлами в Орельско-Самарском междуречье//Проблемы археологии Поднепровья. Вып. 1. Днепропетровск, 1984.
27. *Мелюкова А. И.* Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты//СА. 1962. № 1.
28. *Бидзиля В. И., Болтрик Ю. В., Мозолевский Б. Н., Савовский И. П.* Курганный могильник в урочище Носаки//Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. Киев: Наук. думка, 1977.
29. *Зубарь В. М.* Работы Широкобалкинской экспедиции//АО. 1980. М., 1981.
30. *Карышковский П. О., Клейман И. Б.* Древний город Тира. Киев: Наук. думка, 1985.

31. *Volkov I., Guguev Yu.* A Late Sarmatian Burial in Rostov-on-Don//Raev B. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR, International Series, 278. Oxford, 1986.
32. *Peter La Baume, Yan Willem Sololomon.* Romische Kleinkunst Sammlung Karl Loffel. Wissenschaftliche Kataloge des Römisch-Germanische Museum. B. III. Köln, 1974.
33. *Сокольский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1971.
34. *Буюклиев Х.* Тракийский могилен некропол при Чаталка Старозагорски округ. Разкопки и проучвания. Кн. XVI. София, 1986.
35. *Popovic Lj., Mano Zisi D., Velickovic M. Gelicic.* Antička Bronza u Jugoslaviji. Beograd, 1969.
36. *Алексеева Е. М.* Юго-восточная часть некрополя Горгиппии//Горгиппия: Материалы Анапской археологической экспедиции. Т. II. Краснодар, 1982.
37. *Смирнов А. С.* Раскопки Третьего Балабинского могильника//АО. 1975. М., 1976.
38. *Безуглов С. И.* Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье//СА. 1988. № 4.
39. *Карасев А. Н.* Раскопки Неаполя Скифского//КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI.
40. *Манцевич А. П.* Находка в Запорожском кургане (к вопросу о сибирской коллекции Петра I)//Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
41. *Гугуев В. К., Безуглов С. И.* Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобякова городища на Дону//СА. 1990. № 2.
42. *Ильюков Л. С.* Отчет об исследовании археологических памятников в Мартыновском районе Ростовской области в 1981 г.//Архив археол. лаб. Ростов. ун-та. Ф. 10. Д. 2.
43. *Смирнов К. Ф.* Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии//Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
44. *Абрамова М. П.* Погребальный обряд племен Центрального Предкавказья в III—IV вв. н. э.//Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. 1989. Вып. 70.
45. *Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия: проблемы истории и культуры//Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988.
46. *Раев Б. А.* Аланы в евразийских степях. Восток — Запад//Археологические материалы к конференции памяти М. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.
47. *Мошкова М. Г.* Понятие археологическая культура и савромато-сарматская историческая общность//Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988.

Ростовский государственный
университет

T. A. PROKHOROVA, V. K. GUGUEV

A RICH SARMATIAN BURIAL THE KURGAN 10 OF KOBYAKOVO CEMETERY

Summary

In 1987 during the excavations of the central area of the Kobyakovo kurgan cemetery situated in the eastern part of Rostov-on-Don in the kurgan 10 a rich grave was found. In contained the burial of a woman who belonged to the highest circles of Sarmatian nobility. The dead was placed in a wooden coffin which stood in a large pit, oriented with its angles to the north — south. The set of grave goods was very rich. A high social status of the dead is clear from such signs of power as a diadem, torque, bracelets, rich horse harness and religious objects: amulets, cult vessels, mirror. The chronological analysis of the grave goods demonstrates that the datings of the analogies are wide enough — from the 1st up to the 2nd centuries A. D. Some religious features of the burial allow the authors to date the assemblage to the middle Sarmatian period. These are the offerings on the burnt ancient horizon, the large rectangular grave pit, the wooden coffin, block-shaped cult vessels, and abundant western and eastern imports. The most probable date for the burial is late 1st — early 2nd centuries A. D. The high concentration of rich graves of Sarmatian nobility is evidently connectes with the existance of the centre of some Sarmatian tribe on the Lower Don in those time. To which group of Sarmatian tribes the published kurgan should be ascribed is now a question under discussion.

И. В. СЕРГАЦКОВ

О ВРЕМЕНИ ЗАСЕЛЕНИЯ САРМАТАМИ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ВОЛГО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Одним из основных направлений экспансии сарматских племен с территории своего формирования, т. е. Южного Приуралья, во второй половине IV — III в. до н. э. было западное. В это время отдельные группы сарматов появляются не только в заволжских степях, но и в Волго-Донском междуречье и даже переходят на правобережное Подонье. Во второй половине IV в. до н. э. в этих районах фиксируется появление новых элементов погребального обряда: дромосные и катакомбные могилы, коллективные захоронения, южная ориентировка погребенных и некоторые, правда немногочисленные, категории вещевого материала, не характерные для савроматской культуры. Истоки этих новых явлений скорее всего следует искать в культурных традициях кочевников южноуральских степей, где уже в V в. до н. э. шел активный процесс формирования раннесарматской (прохоровской) культуры [1, с. 84]. Правомерно предположить, что отдельные группы южноуральских и заволжских кочевников в IV в. до н. э. начинают проникать в волго-донские степи и становятся известны античным географам под именем «сирматы». Памятники этого времени, синкретичные по своему характеру, вполне могли быть оставлены передовой группой сарматов, обитавших ранее в Заволжье и Приуралье. Интересно отметить тот факт, что в Заволжье наряду с уже опубликованными комплексами в последние годы было открыто еще несколько погребений IV в. до н. э., по обряду и инвентарю идентичных южноуральским[1]. Появление самого этнонима «сирматы» — это отражение сложных и, судя по археологическим данным, реально происходивших этнополитических процессов в Волго-Донском регионе, в которых непосредственное участие приняли и южноуральские племена формировавшейся прохоровской культуры [2, с. 40]. В. Е. Максименко, говоря о том, что «сирматы — это первая волна сарматов, но сарматов — носителей савроматской археологической культуры Заволжья и Южного Приуралья, а не сарматов — носителей поздней по времени прохоровской археологической культуры» [3, с. 127], не учел того обстоятельства, что в IV в. до н. э. в Южном Приуралье практически полностью складывается археологический комплекс именно прохоровской культуры. По всей вероятности, сирматы были первой волной раннесарматских племен, обитавших в заволжских и южноуральских степях и продвинувшихся в Волго-Донское междуречье и даже в более западные районы. В Подонье ими были оставлены памятники типа Шолоховского кургана, кург. 4 у хут. Сладковский, кург. 1 у хут. Кащеевка, кургана у хут. Вертячий и др. [2, с. 40—44]. Скорее всего проникновение сарматов в Поволжье и Подонье носило далеко не мирный характер. Сарматские погребения IV в. до н. э. Заволжья, перечисленные ранее курганы Подонья насыщены предметами вооружения и являются захоронениями воинов. К. Ф. Смирнов и М. Г. Мошкова не исключают возможности завоевания сарматами савроматов Геродота [4, с. 271]. Это предположение довольно убедительно было

[1] Раскопки А. С. Скрипкина (1976 г.), А. В. Лукашова (1983 и 1985 гг.), М. Г. Кима (1977 г.). Материалы не опубликованы.

© И. В. Сергацков, 1992 г.

подтверждено А. В. Лукашовым [5, с. 80, 81]. Следует, однако, оговориться, что у нас нет серьезных оснований считать, что уже в IV в., до н. э. происходит утверждение господства сарматских племен в волго-донских степях. Савроматская культура исчезает здесь во второй половине IV в. до н. э., а пришедшая ей на смену раннесарматская фиксируется с III в. до н. э. Об этом свидетельствуют многочисленные погребения раннесарматской культуры в Волго-Донском междуречье. Именно в это время на страницах сочинений античных авторов появляется термин «Сарматия».

Абсолютное большинство раннесарматских памятников располагается в южной части Волго-Донского междуречья, южнее широты Волгограда. Раскопки В. П. Шилова, Г. А. Федорова-Давыдова, В. В. Дворниченко, В. И. Мамонтова, И. П. Лисицына, А. С. Скрипкина дали большой объем материала, который еще ждет своего исследователя. Если в южной части Волго-Донского междуречья число погребений III—I вв. до н. э. перевалило за несколько сотен, то в северных районах, в бассейнах Иловли, Медведицы, Бузулука и Хопра, они до недавнего времени практически не были известны. Единственным памятником этого времени до сих пор было погр. 1 кург. 4 у хут. Короли на Бузулуке [6, с. 140—157]. Высказывание К. Ф. Смирнова со ссылкой на раскопки А. С. Скрипкина и В. И. Мамонтова о раннесарматских памятниках на Иловле и Хопре [7, с. 34] — явное недоразумение, так как, кроме указанного комплекса у хут. Короли, в 70-е годы прохоровские погребения там известны не были. Таким же недоразумением является помещение на карте распространения памятников прохоровской культуры могильника у с. Меркель (Макаровка) на Медведице [8, рис. 1, с. 15]. Этот могильник располагался на р. Карамыш в Саратовской обл. Погр. 2 и 3 в кург. 2 [9, с. 75—77] вместе с королевским погребением и составляли весь перечень раннесарматских комплексов северных районов Волго-Донского междуречья.

Громадная диспропорция между количеством раннесарматских комплексов в южной и северной частях Волго-Донского междуречья, вызванная различной степенью изученности этих районов, породила у исследователей представление о том, что в III—II вв. до н. э. север волго-донских степей и Донская лесостепь сарматами освоены еще не были. Речь может идти лишь о начале миграции, о спорадических проникновениях отдельных групп кочевников в эти районы [6, с. 156, 157; 10, с. 18].

Полевые исследования, развернувшиеся в последнее время в бассейнах Иловли и Медведицы, позволяют уточнить и прояснить картину расселения сарматских племен в северной части междуречья Волги и Дона. Благодаря раскопкам В. И. Мамонтова (1986 и 1988 гг.) и автора этих строк (1983 и 1988 гг.) на Иловле была получена целая серия раннесарматских погребений. Остановимся на этих комплексах и проанализируем их подробнее.

В. И. Мамонтовым в междуречье Волги и Иловли были исследованы два могильника: Усть-Погожье I и Петропавловка I (Дубовский р-н Волгоградской обл.). В первом могильнике весьма интересно погр. 3 кург. 2. Оно было впущено в курган эпохи бронзы. Могила подбойная, со ступенькой, ориентирована по линии запад — восток. Дно подбоя было выстлано органической подстилкой. На ступеньке в восточной части ямы — кострище. Погребенный (мужчина 50—55 лет) [2] был уложен в вытянутом положении на спине, головой на запад. На ступеньке — ребра овцы в анатомическом порядке, а в самом подбое — кости ноги этого животного. За головой погребенного лежал кусочек желтого вещества (серы?) (рис. 1, *1*). Находки в погребении представлены глиняным лепным круглодонным горшком (рис. 2, *2*), железным ножом (рис. 2, *5*), 14 бронзовыми наконечниками стрел (рис. 2, *4*), круглым навершием булавы из серого песчаника (рис. 2, *1*) и куском окаменевшего дерева (рис. 2, *3*). Комплекс достаточно

[2] Все антропологические определения выполнены мл. науч. сотр. Волгоградского государственного университета М. А. Балабановой.

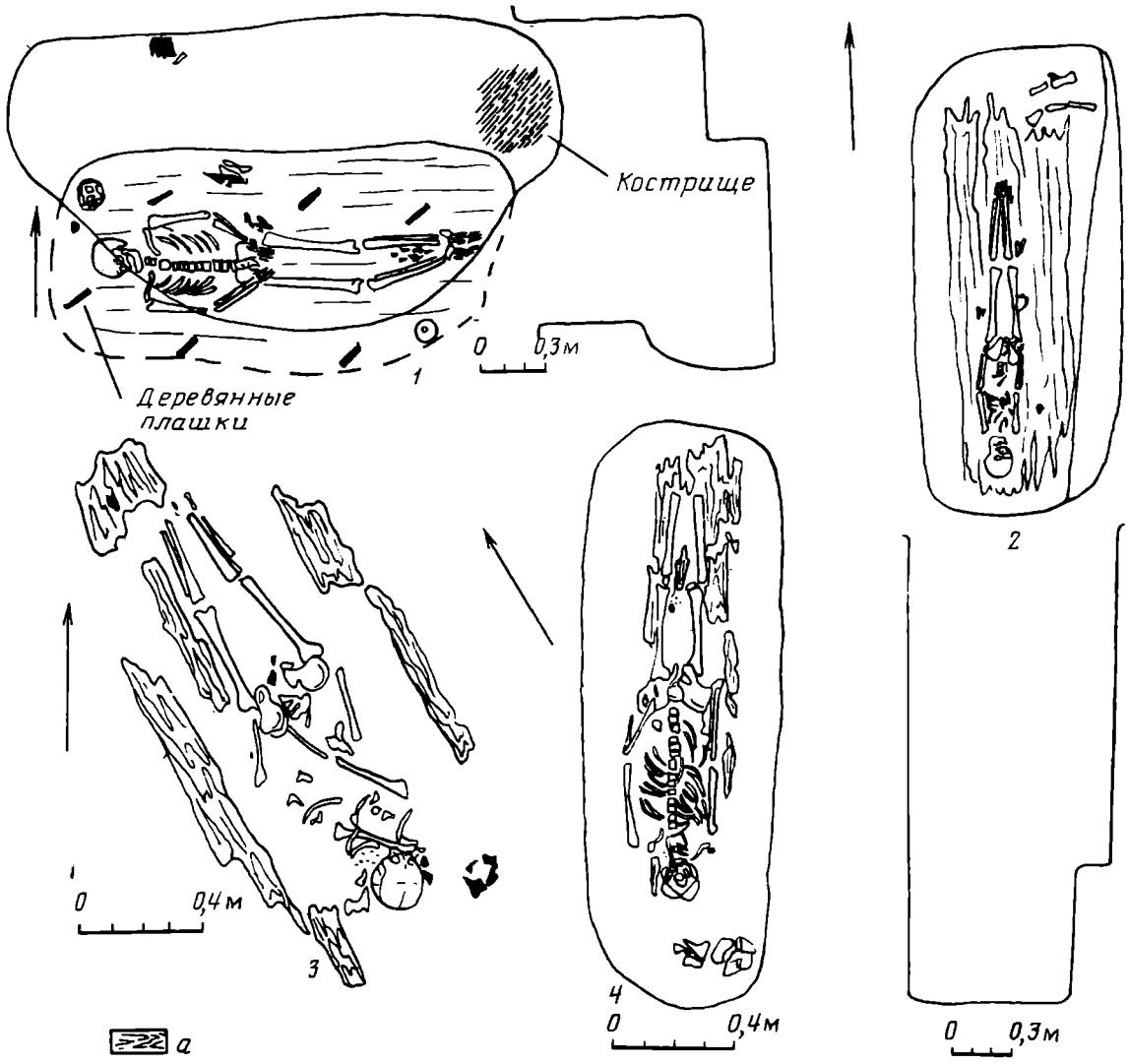


Рис. 1. Погребения из могильников Усть-Погожье I (*1*, *2*) и Петропавловка I (*3*, *4*). *1* — погр. 3 кург. 2; *2* — погр. 3 кург. 4; *3* — погр. 2; *4* — погр. 9. *а* — дерево

выразительный, и трудностей с его датировкой не возникает. Горшок принадлежит к III отделу шаровидных и эллипсовидных сосудов, он имеет аналогии как в Приуралье, так и в Поволжье и датируется, по хронологической схеме М. Г. Мошковой, IV в. до н. э. [8, с. 28, табл. 9, *20*, табл. 10, *19*]. Примесь толченой ракушки в тесте усть-погожинского горшка вроде бы указывает на его приуральское происхождение [8, с. 26]. Бронзовые трехлопастные наконечники стрел с внутренней втулкой относятся к типам XII и XIII, а с выступающей обрезанной втулкой — к типу VIБ. Все они датируются второй половиной IV—III в. до н. э. [8, табл. 14, 15]. Таким образом, дату погр. 3 кург. 2 Усть-Погожинского могильника можно ограничить концом IV — началом III в. до н. э. Западную ориентировку погребенного, видимо, следует рассматривать как наследие погребальных традиций савроматского времени, хотя по типу могильной ямы и вещевому материалу это погребение, несомненно, сарматское.

Следующая группа сарматских погребений, обнаруженных в могильниках Усть-Погожье I и Петропавловка I, относится к более позднему времени. Они очень близки между собой, поэтому описание их дается в суммарном виде. К этой группе принадлежат погр. 3 кург. 4 Усть-Погожинского и погр. 2 и 9 кург. 2 Петропавловского могильника. Все захоронения женские; погребенные лежат вытянуто на спине, ориентированы в южный сектор с отклонениями к востоку

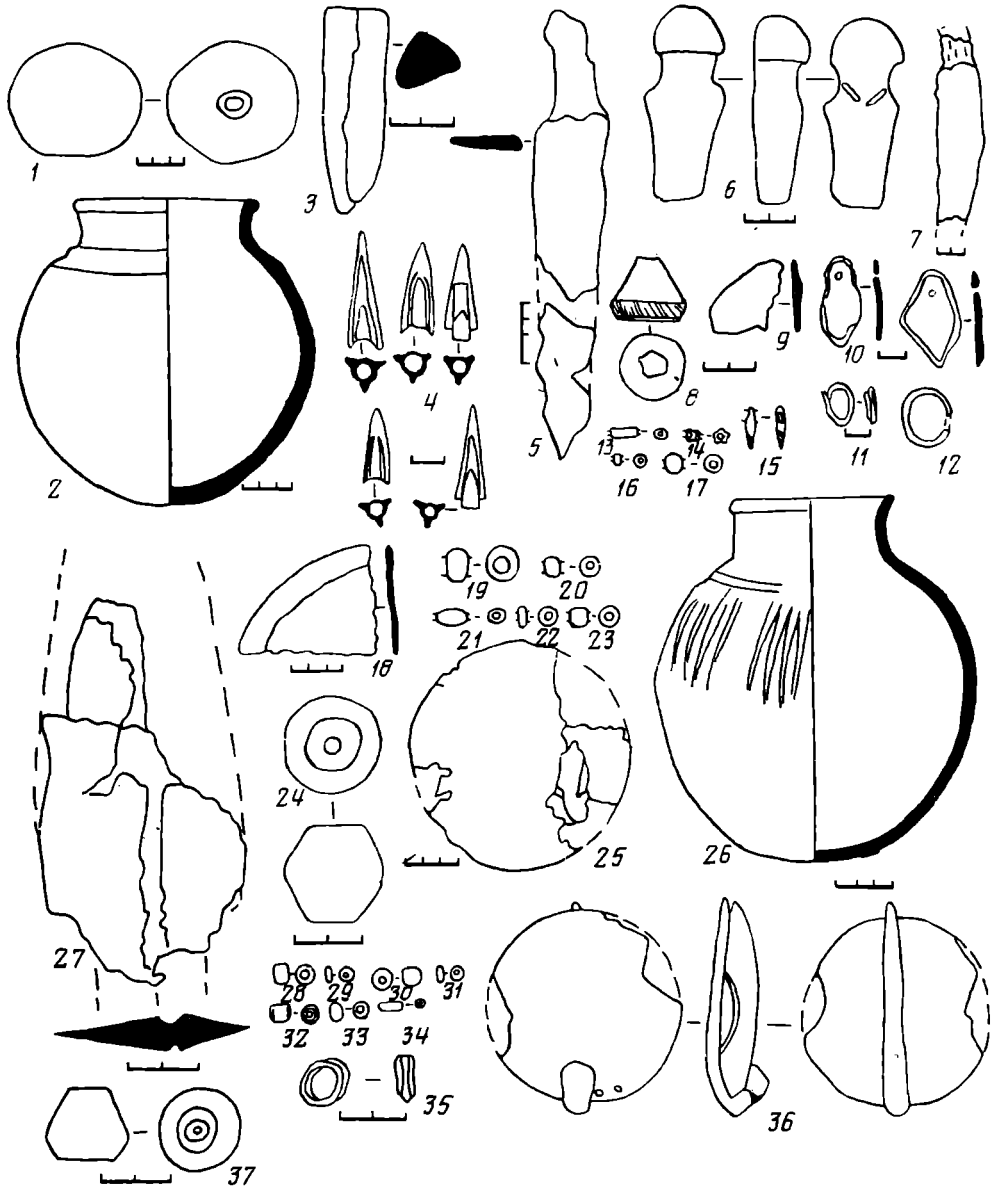


Рис. 2. Материалы погребений из могильников Усть-Погожье I (*1—17*) и Петропавловка I (*18—27*). *1—5* — погр. 3 кург. 2; *6—17* — погр. 3 кург. 4; *18—24* — погр. 2 кург. 2; *25*, *26*, *28—37* — погр. 9 кург. 2; *27* — кург. 2, находка в насыпи

и западу. Могильные ямы прямоугольные. Погр. 2 кург. 2 Петропавловского могильника совершено в насыпи, поэтому форма и размеры ямы не установлены, но, судя по контурам рухнувшего в могилу перекрытия, она также была прямоугольной формы (рис. 1, *2—4*). Погр. 9 этого же кургана располагалось в центре специальной ритуальной площадки, устроенной в насыпи. В могильной яме погр. 3 кург. 4 Усть-Погожинского могильника в восточной стенке вырезана ступенька (рис. 1, *2*). Во всех погребениях отмечены остатки подстилки и перекрытия. В усть-погожинском погребении зафиксированы куски мела и посыпка им дна могилы. В обоих погребениях из I Петропавловского могильника найдены кусочки реальгара. Кости овцы обнаружены в погр. 3 кург. 4 Усть-Погожинского могильника и в погр. 9 кург. 2 Петропавловского могильника.

Все перечисленные типы могильных сооружений и элементы погребального ритуала весьма характерны для раннесарматской культуры. Находки из этих погребений немногочисленны, но все же дают возможность установить их дату. Керамика представлена во всех комплексах, но, к сожалению, сохранился лишь

один сосуд из погр. 9 кург. 2 могильника Петропавловка I (рис. 2, *26*). Он принадлежит к III отделу лепных круглодонных сосудов, по классификации М. Г. Мошковой, и датируется III—II вв. до н. э. [8. табл. 10]. По словам В. И. Мамонтова, остальные два сосуда также можно отнести к раннесарматской культуре.

Зеркала имеются во всех трех погребениях. Самый распространенный тип раннесарматских зеркал, с валиком по краю, представлен обломком из погр. 2 кург. 2 у Петропавловки (рис. 2, *18*). В погр. 9 того же кургана найдено дисковидное зеркало диаметром около 13 см (рис. 2, *25*). Подобные зеркала хорошо известны в раннесарматских памятниках [8, табл. 27]. Зеркала с утолщенным и приостренным краем, подобные зеркалу из погр. 3 кург. 4 Усть-Погожинского могильника (рис. 2, *9*), также встречаются в раннесарматских памятниках и, видимо, являются вариантом зеркал с валиком.

Безусловный интерес для датировки представляет железная фибула-брошь из погр. 9 кург. 2 Петропавловского могильника. Она имеет круглый выпуклый щиток, на краю которого видны два отверстия (рис. 2, *36*). Мне не известны прямые аналогии этой фибуле. Она близка простым, неорнаментированным фибулам-брошам по классификации А. К. Амброза. Дата их: II в. до н. э.— I в. н. э., но с преобладанием все же II—I вв. до н. э. [11, с. 31]. Довольно большое количество фибул-брошей было найдено в некрополе Беляусского городища. Некоторые из них конструктивно схожи с петропавловской [12, рис. 8, *5—8*; рис. 9, *1*, *2*]. Большинство фибул этого типа Б. Ю. Михлин датирует II—I вв. до н. э. [12, с. 206—208]. Скорее всего к этому же времени относится и фибула из погр. 9 кург. 2 могильника Петропавловка I.

Наборы бус во всех трех захоронениях по составу очень близки между собой; хотя они и невыразительны, но все же дают возможность провести некоторые хронологические наблюдения. В усть-погожинском погребении бусы представлены несколькими типами: стеклянные цилиндрические с позолотой (рис. 2, *13*) (тип 32, по Е. М. Алексеевой); одна цилиндрическая бугристая бусина с внутренним золочением (рис. 2, *14*, тип 19); округлые бусы с позолотой (рис. 2, *17*, тип 1а); амфоровидная подвеска желто-синего стекла (рис. 2, *15*, тип 198) и мелкие гешировые бусы цилиндрической формы (рис. 2, *16*). Цилиндрические стеклянные пронизи с внутренней позолотой, гешировые дисковидные или цилиндрические бусы часто встречаются в раннесарматских погребениях и имеют довольно широкие хронологические рамки существования. Бусы типа 1а наиболее характерны для эпохи эллинизма и не дают узкой даты [13, с. 29]. Цилиндрическая бугристая бусина и амфоровидная подвеска хронологически близки между собой. Дата первой — II—I вв. до н. э., второй — вторая половина II — первая половина I в. до н. э. [13, с. 32, 44]. В этом погребении также весьма интересна находка мергелевой антропоморфной фигурки (рис. 2, *6*). Подобные ей изредка попадаются в раннесарматских комплексах [2, рис. 40; *3*; 14, с. 161].

Набор бус из погр. 2 кург. 2 I Петропавловского могильника близок усть-погожинскому. Большинство здесь составляют округлые стеклянные бусы с внутренней позолотой типа 1а (рис. 2, *19*, *20*). Имеются также гешировые дисковидные бусы (рис. 2, *22*), одна бочковидная бусина прозрачного стекла (рис. 2, *23*) и две бочковидные желтого прозрачного стекла (рис. 2, *21*, тип 24). Бусы типа 24, по мнению Е. М. Алексеевой, характерны для I в. н. э. [13, с. 65], что, впрочем, не исключает и более раннюю дату. Наиболее оптимальная датировка этого набора бус — I в. до н. э., возможно даже рубеж новой эры.

Так же как и в двух предыдущих, в погр. 9 кург. 2 I Петропавловского могильника преобладают стеклянные с позолотой бусы типа 1а (рис. 2, *31*, *33*). Помимо них в этом наборе есть стеклянные с внутренним золочением пронизи (рис. 2, *34*, тип 32), гешировые цилиндрические и дисковидные бусы (рис. 2, *28*, *29*), стеклянная с позолотой цилиндрическая бусина (рис. 2, *32*, тип 5) и две округлые бусины фиолетового полупрозрачного стекла (рис. 2, *30*, тип 4). Хронологические рамки существования почти всех бус этого набора довольно

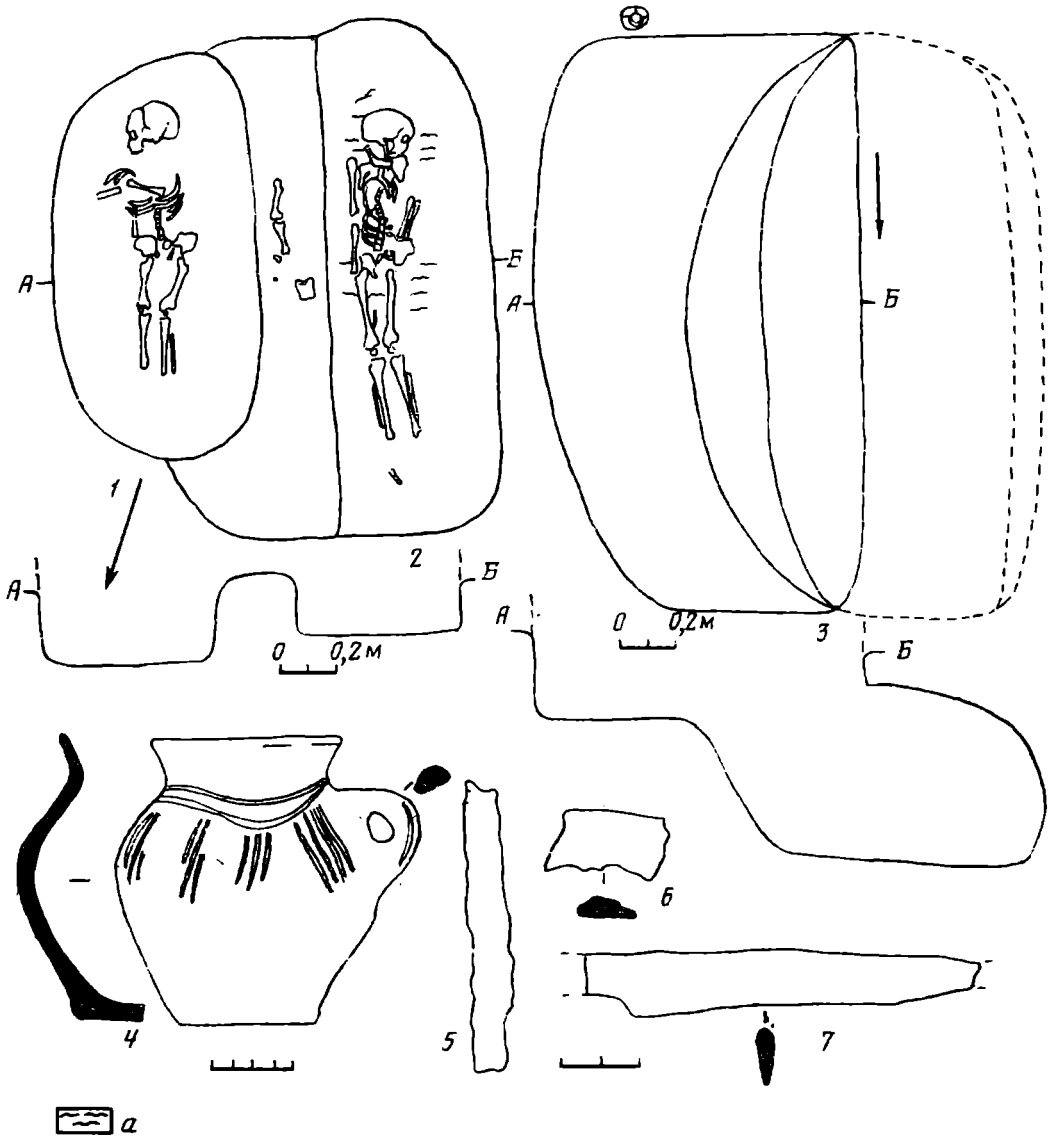


Рис. 3. Погребения и находки из кург. 6 могильника Барановка I. *а* — органическая подсыпка

широки. Позолоченные бусы типа *5* датируются очень широко [13, с. 30]. Фиолетовые стеклянные бусы типа 4 имеют более узкую дату, и по морфологическим признакам их следует отнести к II—I вв. до н. э. [13, с. 63]. В целом же наборы бус из всех трех погребений характерны для раннесарматских комплексов.

Все остальные материалы: пряслица (рис. 2, *8*, *24*), нож (рис. 2, *7*), гипсовые подвески (рис. 2, *10*), точильные камни, бронзовые подвески в полтора и два оборота (рис. 2, *11*, *12*, *35*) — не противоречат предлагаемой дате погребений — II—I вв. до н. э. Учитывая погребальный обряд, типы зеркал, горшков, бус, их уверенно можно отнести к раннесарматской культуре. Кроме данных трех погребений в обоих могильниках было исследовано еще несколько захоронений сарматского времени: Усть-Погожье I, кург. 2, погр. 1; кург. 3, погр. 1; кург. 4, погр. 8; Петропавловка I, кург. 2, погр. 7 и 8; но они очень невыразительны, и это не позволяет определить их точную дату. Все же раннесарматская культурная принадлежность указанных погребений не исключается. В насыпи кург. 2 I Петропавловского могильника вне погребений был обнаружен обломок железного наконечника копья (рис. 2, *27*); трудно сказать, имеет ли он к ним какое-либо отношение.

К настоящему моменту самую многочисленную серию раннесарматских по-

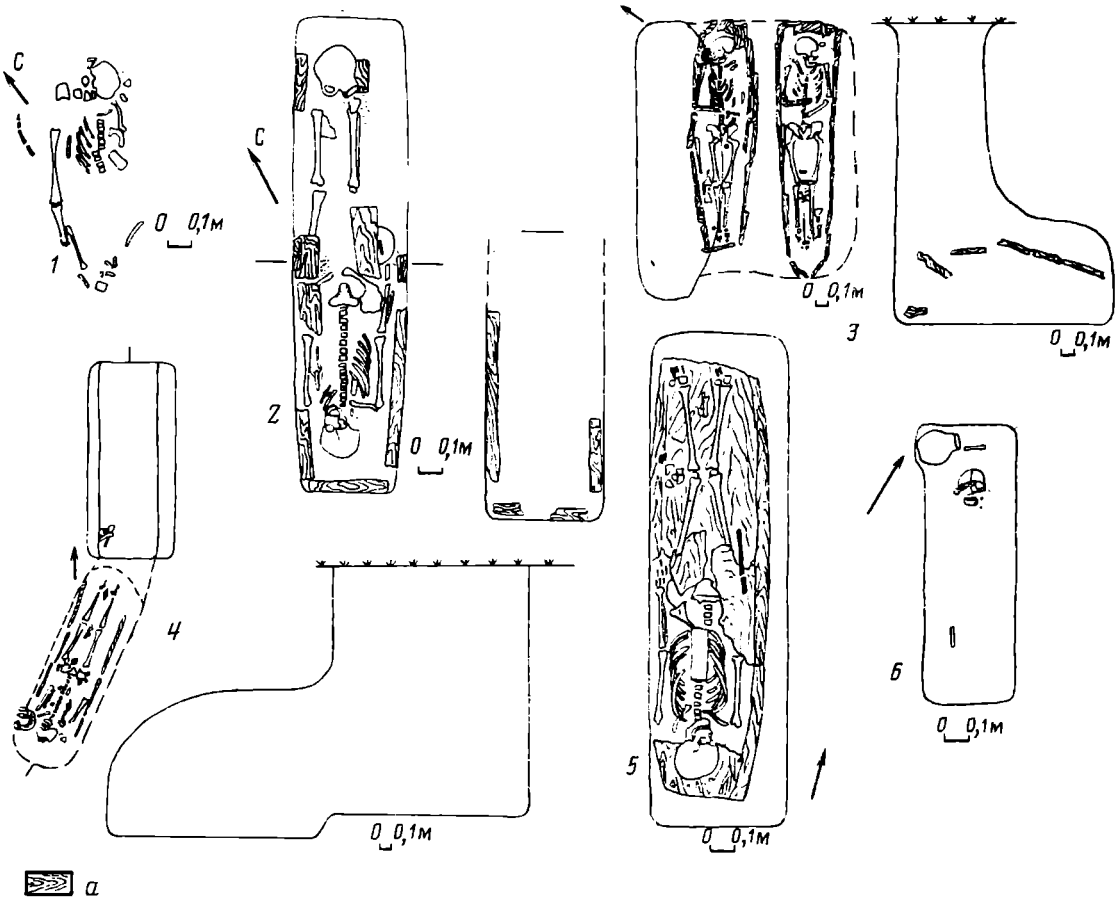


Рис. 4. Погребения из кург. 10 могильника Барановка I. *1* — погр. 1; *2* — погр. 2; *3* — погр. 9; *4* — погр. 3; *5* — погр. 8; *6* — погр. 6. *а* — дерево

гребений в северной части Волго-Донского междуречья дал располагавшийся на правом берегу Иловли могильник Барановка I (Камышинский р-н Волгоградской обл.). Они сконцентрированы в двух курганах: 6 и 10. В кург. 6 к сарматскому времени относятся три погребения — 1, 2 и 4. Все они впускные в курган эпохи бронзы. Могильные ямы погр. 1 и 4 — подбойные, а погр. 2 было впущено во входную яму погр. 1 — могила прямоугольной формы (рис. 3, *1—3*). Захоронения 1 и 2 детские: позы и ориентировки костяков — на юго-восток — традиционны для погребального обряда сарматов. В погр. 1 были найдены кости овцы, фрагмент железного предмета (рис. 3, *5*) и железный нож (рис. 3, *7*). Погр. 2 — безынвентарное. Погр. 4 полностью разграблено, сохранились лишь фрагмент железного предмета (рис. 3, *6*), черешок железного наконечника стрелы и стоявший на краю могилы глиняный лепной кувшинчик (рис. 3, *4*). Точную аналогию ему представляет сосуд из погр. 30 кург. 8 Калиновского могильника [15, с. 349, рис. 56, *11*]. М. Г. Мошкова его датирует III—II вв. до н. э. [8, табл. 8, 22]. Погр. 1 и 2 из-за скудости материала невозможно датировать точно; скорее всего они синхронны погр. 4 и также являются раннесарматскими.

В кург. 10 было исследовано шесть раннесарматских погребений (1—3, 6, 8, 9). Курган был самым большим в могильнике: высота — свыше 4 м. Структура насыпи довольно сложная, она возводилась в два приема. Обе насыпи сооружены в эпоху бронзы. Все сарматские погребения были впущены в уже готовый курган. Они располагались в нем кольцом вокруг погр. 8. являвшегося для них центральным. Курганы с такой планировкой захоронений обычно считаются семейно-родовыми кладбищами, и все погребения, входящие в них, хронологически довольно компактны [16, с. 258]. Из шести погребений в кург. 10 три — женские (2, 3 и 8; в последнем женщина захоронена с младенцем); одно — детское (6);

одно — мужское (1) и одно — парное (9) — женщина и мужчина. Формы могильных ям разнообразны, но все они традиционны для раннесарматской культуры. Погр. 2, 6 и 8 совершены в узких прямоугольных ямах, 3 — в катакомбе, 9 — в подбойной яме; форма ямы погр. 1 не установлена (рис. 4). Ориентировки погребенных распределились следующим образом: в трех случаях (2, 3, 8) — на юг с отклонениями к западу и востоку, а в трех остальных погребениях (1, 6, 9) — на северо-восток и северо-запад (рис. 4). Во всех погребениях, кроме детского (6), отмечены остатки деревянного перекрытия. В погр. 2 и 3 умершие были уложены в гробовищах, а в погр. 8 и 9 — в колодах. Следы применения огня зафиксированы только в погр. 9. Кости жертвенных животных (овцы) были обнаружены в погр. 3, 6, 8, 9. В последнем захоронении расчищены скопления рыбьей чешуи. Перечисленные погребения довольно выразительны как по обряду, так и по вещевому материалу.

Форма и орнаментация глиняных лепных сосудов из погр. 2, 3 и 6 (рис. *5*, *3*, *27*, *28*) традиционны для раннесарматского керамического комплекса [8, табл. 6, *25*; табл. 7, *7*; табл. 8, *3*, *9*, *12*].

Предметы вооружения представлены наконечником дротика из погр. 1 (рис. *5*, *1*), железными черешковыми наконечниками стрел из погр. 8 и 9 (рис. *5*, *20*; рис. 6, *3*), а также мечом с золотыми обкладками ножен из погр. 9 (рис. 6, *1*). Железный кинжал был обнаружен в погр. 8, но, к сожалению, из-за плохой сохранности установить его типологическую принадлежность не удалось. Наконечники дротиков изредка встречаются в раннесарматских погребениях [17, с. 50], однако барановский экземпляр ничего не дает для установления даты захоронения. Железные черешковые трехлопастные наконечники стрел относятся к самым распространенным типам в раннесарматское время [17, с. 37]. Меч с серповидным навершием и прямым перекрестием является господствующим видом в прохоровской культуре. Барановский экземпляр отличает лишь наличие золотых обкладок ножен. Это не первый случай подобных находок. Аналогичные обкладки украшали ножны меча из погребения у хут. Короли [6, с. 140]. Такие же обкладки были найдены А. В. Лукашовым в 1985 г. у оз. Эльтон и в 1988 г.— у с. Белокаменка [3]. В Камышинском историко-краеведческом музее хранится меч с остатками золотой фольги на клинке. К числу украшений предметов вооружения следует отнести золотые обкладки колчана из погр. 9 с каким-то тисненым изображением, возможно, зооморфного характера (рис. 6, *7*). Практически идентичная пластина имеется в составе комплекса уже упоминавшегося погребения у хут. Короли [6, с. 140].

Таким образом, атрибуция перечисленных погребений из кург. 10 I Барановского могильника как раннесарматских не вызывает сомнения, однако приведенные материалы дают возможность датировать и более узко и не ограничиваться хронологическими рамками культуры в целом. Особое значение в данном случае имеет находка железной фибулы в погр. 9 (рис. 6, *6*). К сожалению, она сохранилась лишь частично, и ее типологическую принадлежность точно установить нельзя, но все же хотелось бы высказать некоторые соображения по этому поводу. Мне не известны находки фибул в раннесарматских погребениях ранее II в. до н. э. Наиболее ранние экземпляры в сарматских памятниках принадлежат к среднелатенской схеме. Суммарная дата этой группы фибул определена А. К. Амброзом в рамках II—I вв. до н. э., и даже начала I в. н. э. [11, с. 13, 21, 92]. Не исключен, правда, и иной вариант. В опубликованной Б. Ю. Михлиным сводке фибул Беляусского некрополя выделяется серия лучковых, имеющих в своей конструкции элементы среднелатенской схемы. Среди этих фибул довольно много железных, морфологически очень близких барановской. Для них вполне возможна дата — конец I в. до н. э. [12, с. 205, рис. 7]. Таким образом, время погр. 9 из кург. 10 I Барановского могильника можно определить в рамках II—I вв. до н. э., пожалуй, с упором на последнюю дату. Весь остальной

[3] Материалы раскопок не опубликованы.

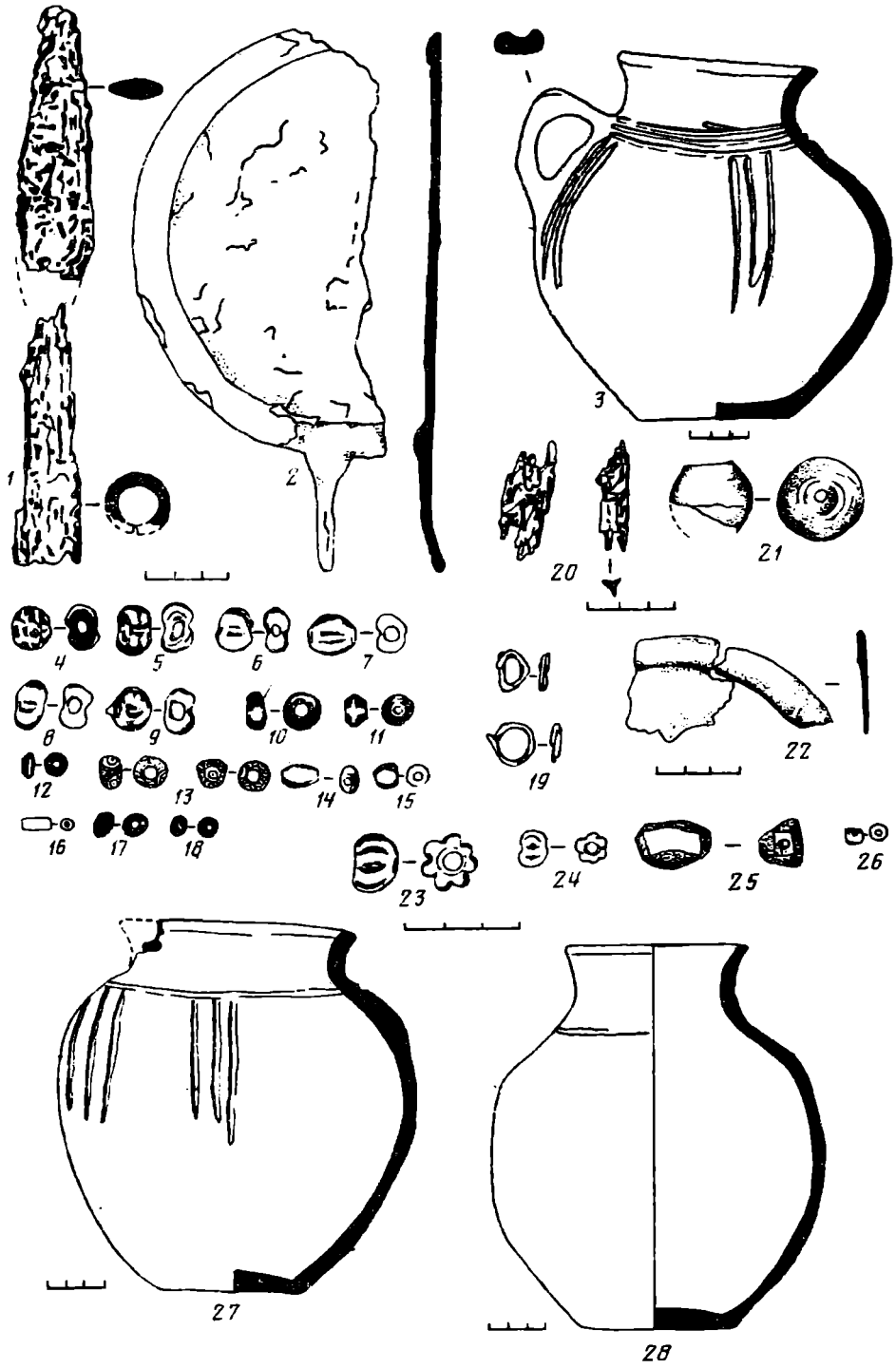


Рис. 5. Находки из погребений кург. 10 могильника Барановка I. *1* — погр. 1; *2—18* — погр. 2; *19, 25* — погр. 8; *20 — 22, 27* — погр. 3; *23—25, 28* — погр. 6

материал этого комплекса: зеркало, пряслице, золотые подвески, гешировые и стеклянные бусы, стеклянные пронизи с внутренней позолотой (рис. 6, *2, 8 — 15*) — не противоречит предложенной дате. В Нижнем Поволжье известно несколько раннесарматских погребений с фибулами. В качестве примера можно привести комплекс из Калиновского могильника [15, с. 438, рис. 41, *1*], погребение у пос. Рыбный [18, с. 273—275], а также погр. 2 кург. 7 Быковского могильника [16, с. 191, рис. 9, *3*]. Последнее К. Ф. Смирнов причислил к среднесарматским [16, с. 200], однако, судя по обряду и вещевому материалу, его, безусловно, следует отнести к раннесарматской культуре.

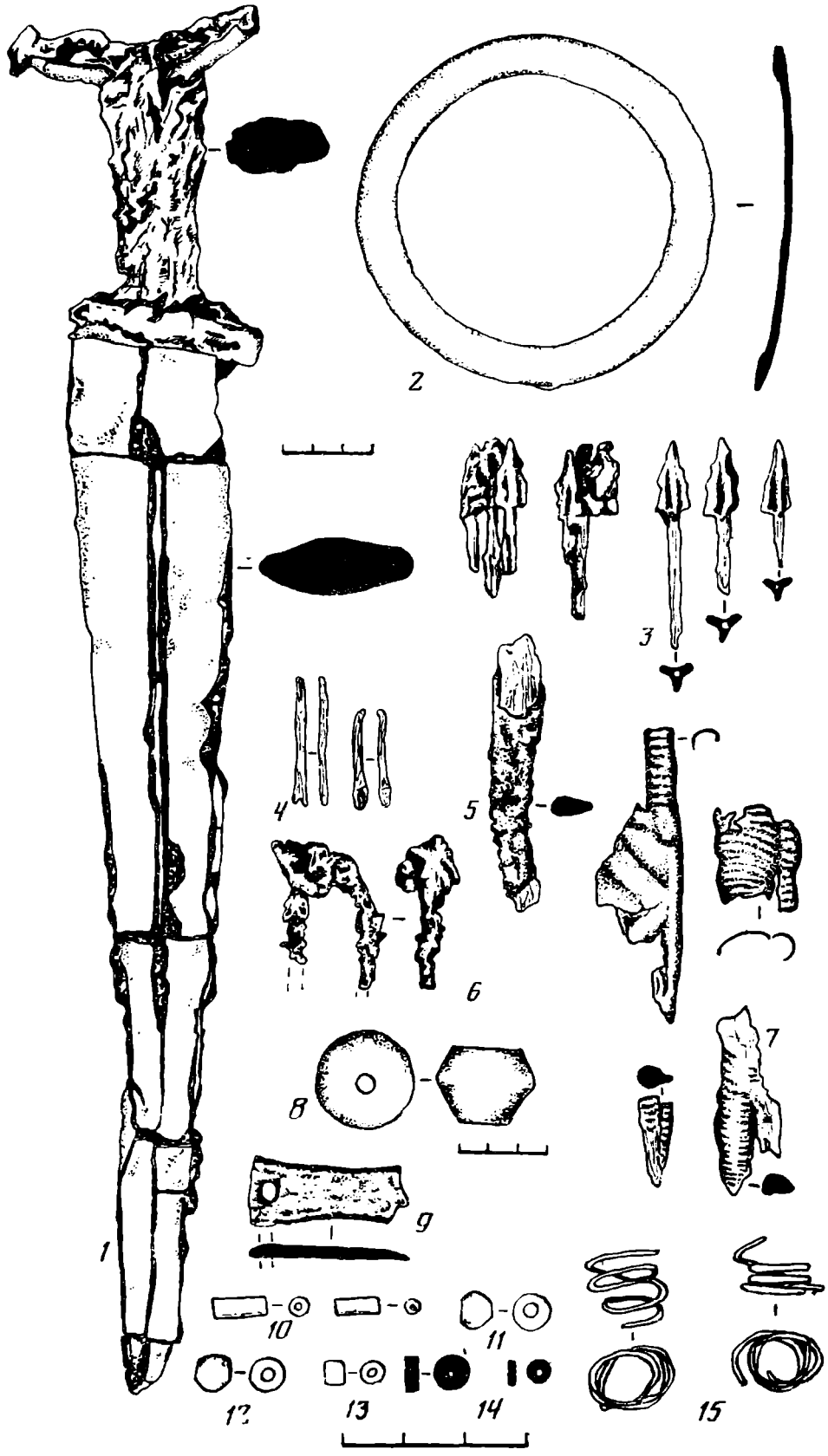


Рис. 6. Комплекс погр. 9 кург. 10 могильника Барановка I. *1* — меч с золотыми обкладками; *2* — зеркало; *3, 4* — наконечники стрел с остатками древков; *5* — нож; *6* — фрагмент фибулы; *7* — золотые обкладки колчана с остатками деревянной основы; *9* — железная пряжка; *10—14* — бусы; *15* — золотые подвески

Помимо фибулы дату барановских погребений могли бы уточнить бусы, но лишь в одном случае (погр. 2) имеется достаточно выразительный набор, который позволяет это сделать, в остальных же такой возможности нет. Так, в погр. 6 найдены две стеклянные ребристые бусины зеленого цвета и гешировая неправильной формы, близкой к 16-гранной (рис. 5, *23—25*). Период бытования таких бусин довольно длительный. Тип 148, к примеру, датируется IV—I вв. до н. э. [13, с. 71], а гешировая не имеет оснований для твердой датировки. Уже упоминавшиеся бусы из погр. 9 характерны для раннесарматских комплексов в рамках существования всей культуры. В погр. 2 для датировки определяющее значение имеют стеклянные синие биконические бусы (рис. 5, *11*, *12*) типа 100, датируемые III—I вв. до н. э. [13, с. 69], округлые бусы коричневого стекла типа 14 (рис. 5, *17*, *18*) I в. до н. э.— II в. н. э. [13, с. 64], три глазчатые бусины типа 29д (рис. 5, *13*) второй половины II в. до н. э.— I в. н. э. [19, с. 61], две двудольчатые стеклянные бусины бирюзового цвета (рис. 5, *6*, *8*, тип 155) I в. до н. э.— I в. н. э. [13, с. 72] и двудольчатая черная с белыми полосками бусина типа 223 (рис. 5, *4*) III в. до н. э.— I в. н. э. [13, с. 45]. Бусы последнего типа, по словам Е. М. Алексеевой, в большей степени характерны для позднего эллинизма и рубежа новой эры [13, с. 45]. Хронологические позиции остальных бус этого набора, в частности округлой из египетского фаянса (рис. 5, *15*), двудольчатых коричневых с лиловыми линиями (рис. 5, *5*, *9*), костяной (рис. 5, *7*), сердоликовой (рис. 5, *14*) и стеклянной с внутренней позолотой (рис. 5, *16*), либо неопределенны, либо весьма широки. Судя по всему, наиболее оптимальной датой набора бус, а следовательно, и всего погр. 2, следует считать I в. до н. э.

Таким образом, в кург. 10 имеется серия раннесарматских погребений, дата которых определяется в рамках II—I вв. до н. э. Погребения в кург. 6, очевидно, синхронны им. Столь подробный хронологический анализ всех перечисленных памятников обусловлен самой постановкой вопроса о времени заселения сарматами Волго-Донского междуречья, в первую очередь северной его части.

Археологические данные свидетельствуют о том, что первое появление сарматских племен в этом районе следует относить ко второй половине IV — началу III в. до н. э. Почти все захоронения этого времени располагаются в южной части междуречья, до широты Волгограда. В северной части известно пока только одно погребение IV—III вв. до н. э.— погр. 3 в кург. 2 у с. Усть-Погожье. Такое распределение памятников наводит на мысль, что первая волна приуральских кочевников-сарматов охватила в основном лишь южный район Волго-Донского междуречья, хотя не избежал ее и северный, что документирует упомянутое усть-погожинское погребение. Думается, здесь присутствие сарматов в это время было менее ощутимо. Как уже отмечалось, говоря о IV — начале III в. до н. э., мы не имеем серьезных оснований для утверждения, что уже тогда волго-донские степи были освоены сарматами. Количество памятников этого времени невелико, они разбросаны по степям и не образуют более или менее компактных групп. Воинский облик почти всех погребений может свидетельствовать о военном характере миграции сарматов в Волго-Донское междуречье, т. е. период конца IV — первой половины III в. до н. э.— это время нашествия, завоевания сарматами Волго-Донского региона. Судя по археологическим памятникам, окончательное и полное освоение сарматами междуречья Волги и Дона, по крайней мере северной его части, происходит лишь во II—I вв. до н. э. Распределение памятников развитого этапа раннесарматской культуры в обеих частях Волго-Донского региона различно. Если в южной его части они распределяются более или менее равномерно, покрывая пространство от Волги до Дона и образуя при этом компактные могильники, подобные Жутовскому, Старицкому, Кривой Луке и др., то в северном районе картина иная. Здесь раннесарматские погребения расположены узкой полосой вдоль правого берега Волги и по Иловле — курганные группы Усть-Погожье I, Петропавловка I, Барановка I, Меркель (Макаровка); и лишь одно погребение — у хут. Короли находится в глубинной части междуречья.

К этой серии, насчитывающей около 20 погребений, очевидно, следует добавить захоронение, открытое А. А. Спицыным у ст. Лебяжья на Иловле и датированное А. К. Амброзом I в. до н. э. Наряду с бронзовой фибулой там был найден обломок типично прохоровского зеркала с валиком [11, с. 56]. Таким образом, в северной части Волго-Донского междуречья помимо усть-погожинского комплекса IV—III вв. до н. э. имеется группа раннесарматских погребений II—I вв. до н. э. Погребения у хут. Короли и у с. Меркель (Макаровка), судя по всему, относятся к этому же времени.

Соотношение количества раннесарматских памятников в южной и северной частях Волго-Донского междуречья, безусловно, в пользу первой. Возможно, в результате интенсификации полевых исследований существующая диспропорция будет несколько сглажена, однако такое расположение раннесарматских погребений в северной зоне междуречья, видимо, не случайно. К западу от Иловли, по Медведице, Хопру и Бузулуку, раскопано около 150 курганов, в том числе такие крупные могильники, как Сидоры и Сенной, но в результате было получено только одно раннесарматское погребение — у хут. Короли. В соседнем лесостепном Подонье раннесарматские погребения и отдельные случайные находки, датирующиеся II в. до н. э. (более древних нет), встречаются крайне редко [20, с. 79]. Представляется, что племенами раннесарматской культуры во II—I вв. до н. э. в северной части Волго-Донского междуречья была освоена довольно узкая полоса степей, западной границей которой являлись реки Иловля и Карамыш. Наличие большого количества женских и детских погребений, появление курганов-кладбищ, подобных кург. 10 I Барановского могильника,— все это свидетельствует о том, что сарматы прочно закрепили за собой эту территорию. Степи к западу от нее, вплоть до лесостепного Подонья, по-видимому, оставались своего рода нейтральной землей, разделявшей племена среднедонской и раннесарматской культур. Проникновение сарматов в более северные районы в пределах волжского правобережья, скорее всего, наталкивалось на противодействие племен городецкой культуры; по крайней мере к северу и западу от с. Меркель (Макаровка) на Карамыше раннесарматских погребений пока не обнаружено. Существование таких разделительных зон между отдельными племенными объединениями, правда для более раннего времени, зафиксировано Геродотом [21, с. 192]. Малочисленность раннесарматских памятников в глубинных районах северной части Волго-Донского междуречья и в Донской лесостепи наводит на мысль, что эти комплексы являются следами миграции кочевников-сарматов в лесостепное Подонье. Думается, точка зрения А. П. Медведева в военном характере этой миграции абсолютно верна [20, с. 79]. По времени с этим процессом совпадает прекращение жизни на городищах среднедонской культуры. Это событие А. И. Пузикова относит ко II в. н. э. [22, с. 81]. Но все же основной территорией обитания сарматов во II—I вв. до н. э. оставалась довольно узкая полоска степей восточнее Медведицы.

Интересным представляется вопрос о том, какое же сарматское объединение сыграло ведущую роль в освоении северной части Волго-Донского междуречья. Все погребения, о которых шла речь в этой статье, ни по материальной культуре, ни по обряду и типам могильных ям не отличаются от заволжских памятников. Если следовать концепции К. Ф. Смирнова, поддерживаемой и активно развиваемой в последнее время А. С. Скрипкиным (а она до сих пор не вызывает серьезных возражений) о расселении на территории Северного Прикаспия, включая Астраханское и Волгоградское Заволжье, верхних аорсов (носителей раннесарматской культуры) [7, с. 38, 39; 23, с. 88; 24, с. 96, 97], то следует признать, что север волго-донских степей и лесостепное Подонье начинали осваивать племена кочевников, входивших в это этнополитическое объединение. Установление полной гегемонии сарматов в указанных районах приходится уже на более позднее время (I—III вв. н. э.), и скорее всего этот процесс надо связывать уже с другими группировками ираноязычных кочевников, входивших, возможно, в аланскую конфедерацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пшеничнюк А. Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983.
2. *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984.
3. *Максименко В. Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1983.
4. *Мошкова М. Г., Смирнов К. Ф.* Рец. на кн: *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья//СА. 1977. № 2.
5. *Лукашов А. В.* К вопросу о миграции прохоровских племен Южного Приуралья в Нижнее Поволжье//Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986.
6. *Скрипкин А. С.* Материалы к истории племен раннего железного века северо-западных районов Волгоградской области//Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
7. *Смирнов К. Ф.* Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н. э.— II в. н. э. (историко-археологический очерк)//СА. 1974. № 3.
8. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры//САИ. 1963. Вып. Д1-10.
9. *Синицын И. В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947.
10. *Медведев А. П.* Лесостепное Подонье в сарматское время: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1983.
11. *Амброз А. К.* Фибулы Юга европейской части СССР//САИ. 1966. Вып. Д1-30.
12. *Михлин Б. Ю.* Фибулы Беляусского могильника//СА. 1980. № 3.
13. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. 1978. Вып. Г1-12.
14. *Скрипкин А. С.* Уникальная находка//Историко-краеведческие записки. Вып. 1. Волгоград, 1973.
15. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник//Древности Нижнего Поволжья. МИА. 1959. № 60.
16. *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы//Древности Нижнего Поволжья. МИА. 1960. № 78.
17. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
18. *Скрипкин А. С.* К датировке некоторых типов сарматского оружия//СА. 1980. № 1.
19. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. 1975. Вып. Г1-12.
20. *Медведев А. П.* Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья)//Проблемы сарматской археологии и истории (тез. докл. конф.). Азов, 1988.
21. *Геродот.* История в 9-ти книгах/Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972.
22. *Пузикова А. И.* Поселения Среднего Дона//Население Среднего Дона в скифское время. МИА. 1969. № 151.
23. *Скрипкин А. С.* Проблемы расселения и этнической истории сарматов Нижнего Поволжья и Дона//Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986.
24. *Скрипкин А. С.* Этнические проблемы сарматской культуры//Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа, 1987.

Волгоградский государственный
университет

L. V. SERGATSKOV

ON THE DATE OF THE SPREAD OF THE SARMATIANS IN THE NORTHERN PART OF THE TERRITORY BETWEEN THE VOLGA AND THE DON RIVERS

Summary

Not long ago very few early Sarmatian sites were known in the territory between the Volga and the Don to the north from Volgograd latitude. Now a whole series of Sarmatian burials of the 2nd — the 1st cent. B. C. has been discovered in the basin of the Ilovlya river. Their early Sarmatian character is doubtless. They illustrate the process of spreading in this territory. After the chronological and geographical analysis of the assemblages and their comparisons with the sites of the forest-steppe zone of the Lower Don area the author makes a conclusion that the Sarmatians began thie their spread in the northern part of the territory between the Volga and the Don as late as the 2nd — the 1st cent. B. C. In this time they inhabited only the narrow steppic stripe along the Volga. Their full controle under the whole territory including the Middle Don was established only in the beginning of the 1st millenium A. D.

Е. И. БЕСПАЛЫЙ

КУРГАН САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ У Г. АЗОВА

В 1981—1986 гг. Приморский отряд под руководством автора проводил исследования курганов на Доно-Кагальницком водоразделе. Некоторые комплексы первых веков нашей эры, раскопанные на этой территории, опубликованы [1, 2]. Задача настоящей публикации — познакомить исследователей с уникальным материалом, обнаруженным осенью 1986 г. в одном из курганов на юго-восточной окраине г. Азова. Курган расположен на западной периферии цепи курганных групп, составляющих единый могильник.

Сильно распаханная насыпь к началу работ имела высоту 0,9 м при диаметре около 35 м. Курган раскапывался бульдозером с оставлением пяти бровок, ориентированных по линии север—юг. Насыпь была сооружена в один прием над погр. 1. В плане и профилях прослеживался глинистый выкид из могильной ямы, уложенной двумя полукольцами с востока и запада от ямы. С севера и юга были оставлены проходы шириной 1,4 и 1,3 м. Мощность выкида — до 0,5 м, ширина — до 5 м (рис. 1, *1*). У могильной ямы поверх выкида встречались остатки камышового тлена. При возведении насыпи в нее попали остатки тризны, которая была совершена неподалеку от места погребения. Остатки тризны представлены отдельными костями крупного рогатого скота, вероятно от одной особи, и зубом лошади [1], фрагментами серолощеной и амфорной керамики. В 2 м к югу от могильной ямы на глубине 0,7 м встречено скопление (0,3×0,3 м) древесных углей мощностью до 1 см. Поскольку под ними отсутствует прокаленный грунт, можно предположить, что они были принесены уже холодными с места совершения тризны вместе с грунтом для насыпи.

Фрагменты серолощеной керамики от придонной части крупного гончарного сосуда. Стенки опущены чуть ниже дна и образуют кольцевой поддон высотой 0,4 см. Поверхность хорошо залощена, цвет от темно-серого до черного, в изломе черепок темно-коричневого цвета, в примеси песок, мелкий шамот, блестки слюды. Сохранившаяся высота — 18 см, диаметр поддона — 11 см. Фрагменты не менее чем от 12 амфор встречались как в насыпи, так и непосредственно на глинистом выкиде. Следует отметить, что преобладают фрагменты верхних частей, придонных всего два и два обломка ножек. Одну амфору удалось склеить (рис. 1, *12*). Все амфоры относятся к узкогорлым светлоглиняным, типа «В» [3, с. 17, 18, рис. 1—5]. Тесто от желтого до бледно-розового, в примеси пироксен и мелкие коричневые включения. Высота склеенной амфоры — 69 см, диаметры венчика — от 6,7 до 7,5 см (наибольший 22—24 см), высота ручек — до 25 см, сечение 2—2,5×3,8—4,5, диаметр ножки — 6,2 см.

Погребение 1 было совершено в обширной подквадратной яме (3,1×3,2 м), на глубине 3,3 м от репера, в центре кургана. Ориентирована яма стенками по сторонам света, с незначительными отклонениями. Погребения полностью разрушено при ограблении (вероятно, грабилось дважды), в заполнении встречены мелкие обломки костей взрослого человека, кости ног барана и остатки погребального инвентаря.

1. Обломки ручек светлоглиняных амфор, аналогичных амфорам из тризны, возможно, попали сюда случайно из насыпи при ограблении.

[1] Определение костей проведено доцентом РГПИ Ю. Я. Мягковой (Кожевниковой).

© Е. И. Беспалый, 1992 г.

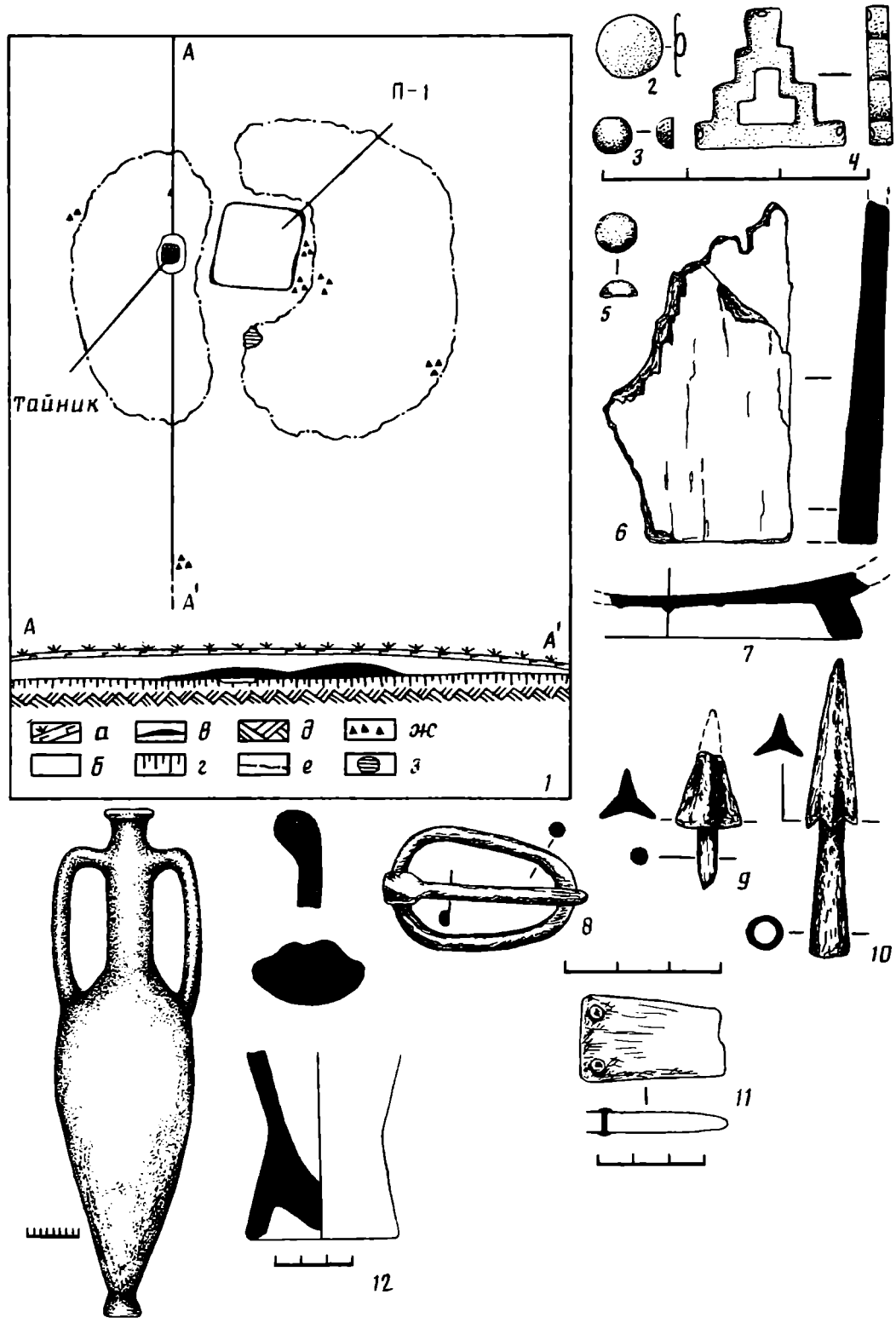


Рис. 1. *1* — выноска центральной части кург 1 могильника «Дачи»: *а* — пахотный слой, *б* — насыпь, *в* — глинистый выкид, *г* — предматерик, *д* — материковая глина, *е* — граница выкида, *ж* — фрагменты амфор, *з* — скопление угольков; *2—4* — нашивные бляшки; *5* — полусфера; *6* — фрагмент пиксиды; *7* — фрагмент чаши; *8* — пряжка; *9, 10* — наконечники стрел; *11* — наконечник ремня; *12* — амфора (*2—4* — золото; *5, 8, 11* — бронза; *6* — кость; *7* — стекло; *9, 10* — железо; *12* — глина)

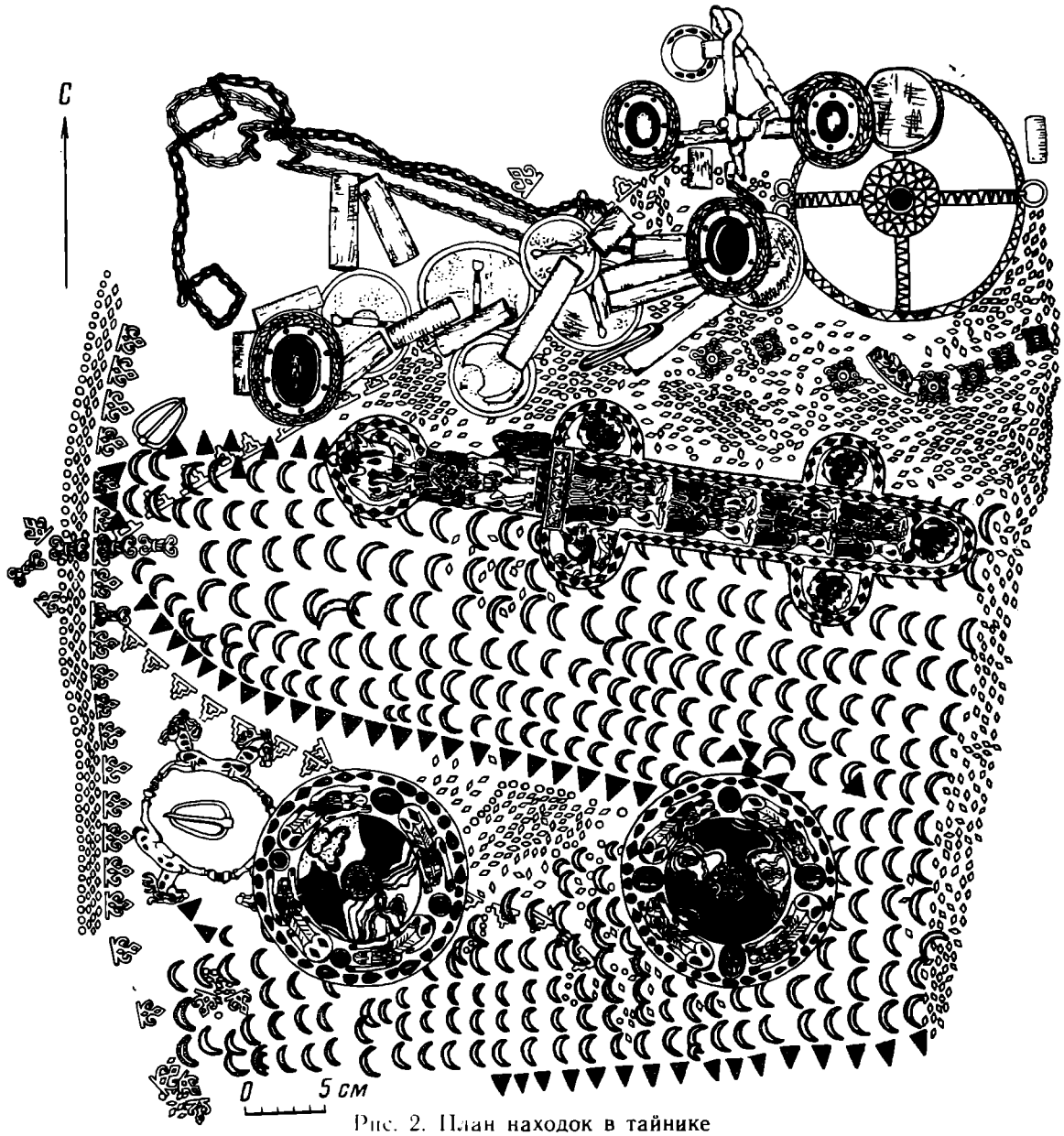


Рис. 2. План находок в тайнике

2. Фрагмент стенки и дна с поддоном от стеклянной чаши из прозрачного, чуть зеленоватого стекла (рис. 1, *7*), на внешней поверхности дна в центре рельефная точка и концентрическая окружность.

3. Часть лезвия железного ножа шириной 1,2 см.

4. Обломки 2 черешковых трехлопастных железных наконечников стрел с треугольной головкой; ширина — 1,3, общая длина — 3 см (рис. 1, *9*).

5. Остатки не менее 10 железных втульчатых трехлопастных наконечников стрел; края лопастей опущены, образуют шипы; ширина головки — 0,8 см, общая длина наконечника — 5,5 см (рис. 1, *10*). Подобные наконечники изредка находят в социально престижных погребениях I в. н. э. на Нижнем Дону наряду с черешковыми [4, с. 23, рис. 46, *1*], несколько чаще они встречаются на Кубани, в погребениях этого же времени [5, с. 21, рис. 14, 34]

6. Бронзовая полусферическая бляшка со следами припоя на внутренней поверхности, диаметр — 0,8 см (рис. 1, *5*).

7. Два фрагмента костяной толстостенной пиксиды (?) цилиндрической формы. Внешняя поверхность, включая дно и площадку венчика, тщательно заполирована (рис. 1, *6*).

8. Большое количество мелких обломков тонких костяных пластинок с одной заполированной поверхностью.

9. Нашивные бляшки, штампованные из тонкого золотого листа (рис. 1, *2—4*): одна, в виде трехступенчатой башенки, имела три небрежно пробитых отверстия для пришивания, размеры 1,6×1,7 см; одна ромбическая, 0,4×0,7 см, с двумя отверстиями, аккуратно пробитыми в вертикальном бортике, заусенцы на краях отверстий сняты; две полусферические (диаметр — 0,45 см), с двумя отверстиями у основания, также аккуратно пробитыми и обточенными; четыре в виде плоского диска с чуть отогнутым бортиком и припаянной на обороте пластинчатой петелькой, диаметр — 0,7 см.

10. Пронизка в виде гладкой трубки, свернутой из тонкого золотого листа; длина — 0,8, диаметр — 0,15 см.

11. Обрывки тонкой золотой проволоки, прямоугольной в сечении, слабо скрученной вокруг длинной оси.

12. Мелкие обрывки нитей золотой парчи и фольги.

На основании описанного материала курган можно датировать второй половиной I в.

Для курганов I в. н. э., раскопанных на данном водоразделе, тайники в самих могильных ямах — явление не редкое, но тайники на уровне погребенной почвы до этого встречались лишь однажды [1, 2]. Вероятно, они появляются во второй половине I в. н. э.

Тайник был устроен в глинистом выкиде до совершения погребения и тщательно замаскирован. Границы ямки не прослеживались, так как она была засыпана той же глиной. Судя по расположению вещей, размер ямки 0,6×0,6 см. Дно было чашеобразное, переход к стенкам скруглен; видимо, в мягком грунте рыли руками, без помощи какого-либо инструмента.

На дно тайника (рис. 2) были помещены сложенная в несколько раз накидка на лошадь (?) и, возможно, два стяга [2], богато расшитых бляшками восьми типов, штампованными из тонкого золотого листа. Все бляшки отличаются высоким качеством изготовления. Отверстия для пришивания аккуратно пробиты либо в бортиках, либо у основания, после чего края отверстий обточены и подшлифованы. Подобная тщательная отделка нашивных бляшек, часто встречаемых в погребениях первых веков нашей эры на Нижнем Дону, зафиксирована автором впервые. В расшивке преобладали бляшки ромбической формы, число которых составляет 11 720 штук; бортик резко отогнут; отверстия пробиты в бортике у острых углов ромба. Размеры бляшек — от 0,3×0,5 до 0,4×0,7 см (рис. 3, *10*). Полусферических бляшек 2590 шт., диаметр их 0,45 см, с двумя отверстиями у основания (рис. 3, *11*). 479 бляшек в виде полумесяца имели по четыре отверстия, пробитых в отогнутом бортике. На лицевой поверхности вдоль внешнего и внутреннего полукружия проходит ряд пунсона, между ними выпуклый валик, размеры от 1,1×0,3 до 2,4×0,7 см (рис. 3, *8*), причем мелкие полумесяцы, вероятно, были изготовлены специально для расшивки именно этого предмета, так как они завершают сужающееся пространство, ограниченное нашитыми бляшками других типов. 195 бляшек треугольной формы, с тремя отверстиями для пришивания; лицевая поверхность покрыта сплошным пунсоном: размеры 1,3×1,7 см; высота бортика, как и на предыдущих, 0,2 см (рис. 3, *15*). 92 бляшки в виде стилизованных бараньих голов имели по три отверстия для пришивания, размеры 1,7×1,8 см (рис. 3, *13*). 57 бляшек в виде трехступенчатых башенок с Т-образным вырезом в центре, с тремя отверстиями для пришивания; размеры 1,7×1,8 см (рис. 3, *14*). 41 ажурная бляшка сложной конфигурации. В центре выпуклость, окруженная валиком; от него отходят четыре петли, орнаментированные рубчиком; они имеют по четыре отверстия для пришивания; размеры 2,6×2,6 см (рис. 3, *12*). 33 ажурные бляшки в виде

---

[2] Предположение С. А. Яценко. Приношу ему благодарность за консультацию.

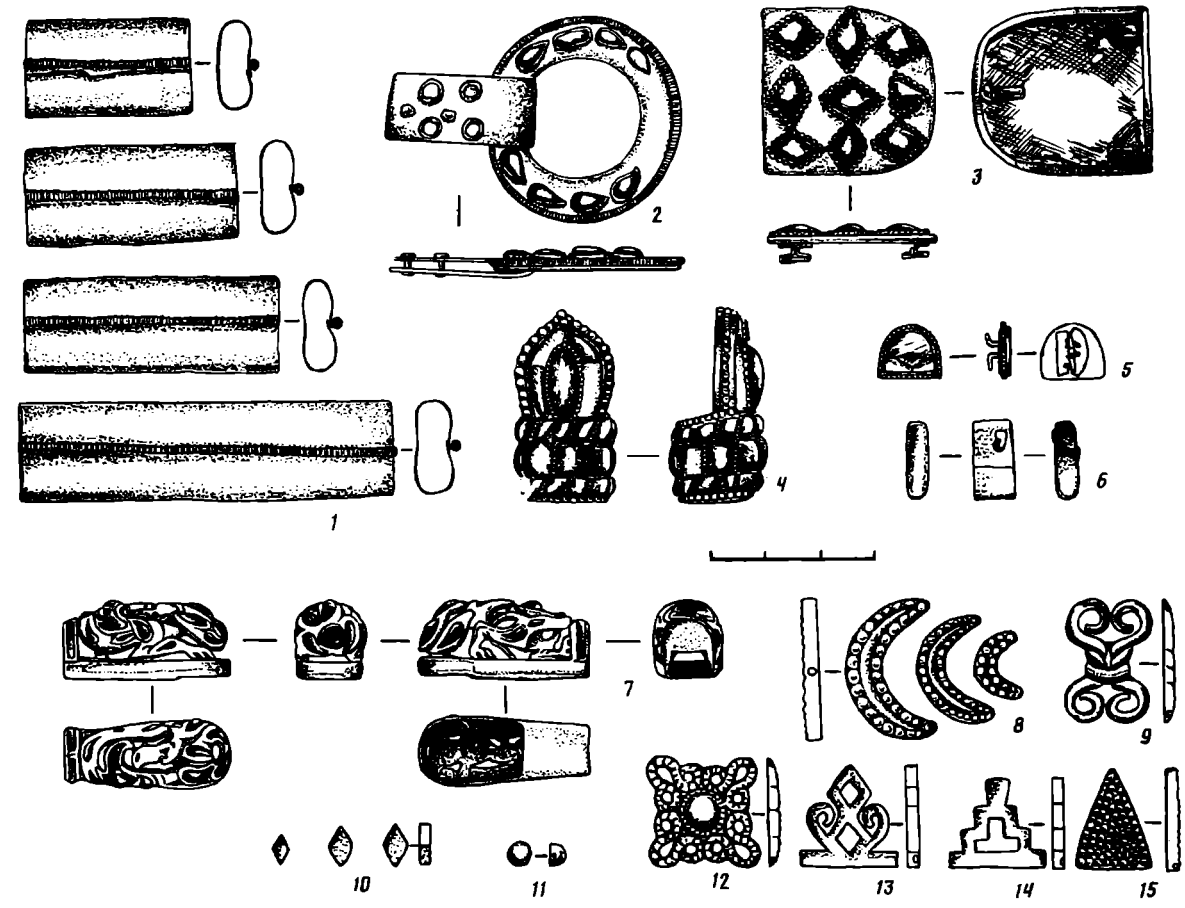


Рис. 3. Находки из тайника. *1* — трубки с ремней оголовья; *2* — пряжка; *3* — накладка на ремень; *4* — наконечник ремня; *5* — накладка; *6, 7* — наконечники ремней; *8—15* — нашивные бляшки

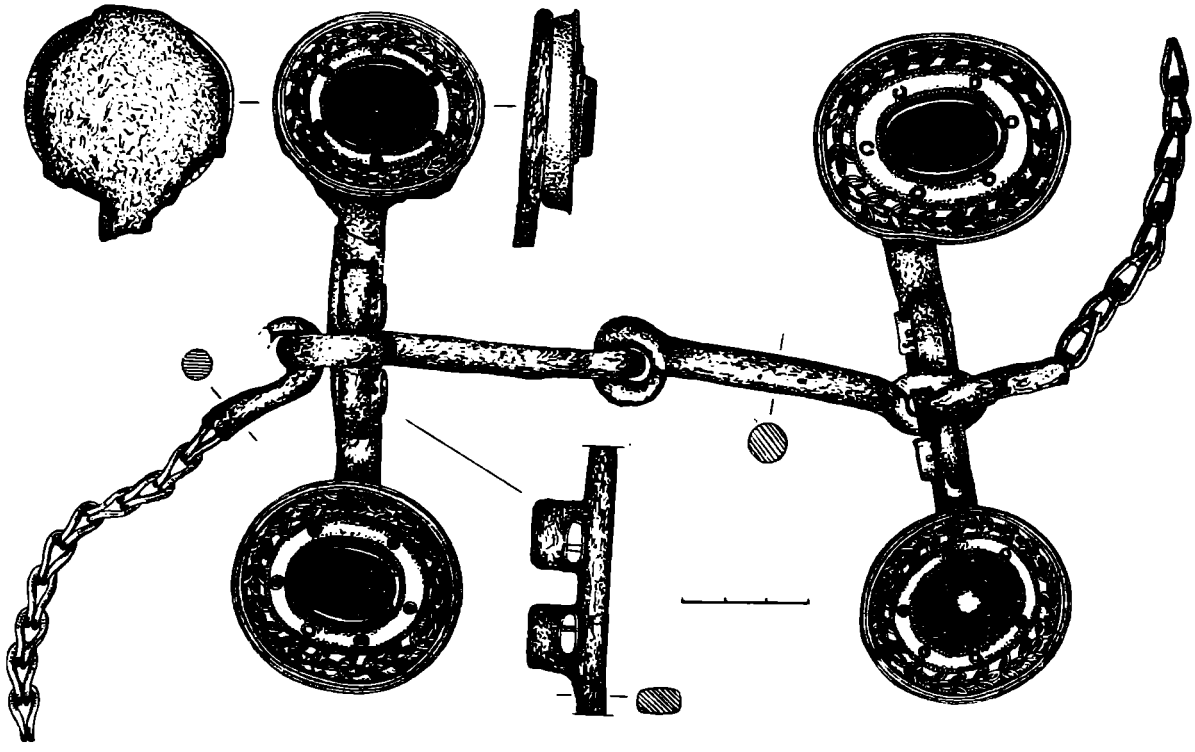


Рис. 4. Удила с псалиями и поводьями

«узлов Геракла» с четырьмя отверстиями для нашивки; края штампов скруглены; размеры 1,5×2,2 см (рис. 3, *9*).

Поверх накидки в северой части ямы был уложен парадный уздечный набор. От него сохранились следующие материалы.

1. Две бронзовые подтреугольные пряжки с подвижным язычком (рис. 1, *8*). Рамки согнуты из округлого в сечении дрота, края расплющены, сведены «внахлест» и скреплены бронзовой заклепкой под обоймой язычка. Размеры рамки 2,3×3,4 см, сечение дрота — 0,3 см. Язычок округлый в сечении, один его край заострен, второй расплющен и свернут в обойму вокруг рамки.

2. Наконечник ремня, согнутый из узкой бронзовой пластинки, крепился двумя заклепками (рис. 1, *11*).

3. Железные двусоставные удила с двудырчатыми псалиями, стержни которых плакированы золотой фольгой (рис. 4). Отверстия в псалиях подпрямоугольные. Вплотную к отверстиям залегали серебряные обоймы несколько больших размеров. Обоймы согнуты из узкой пластинки. Сквозная заклепка скрепляла концы пластины и фиксировала обойму на ремне. Вероятно, обоймы выполняли функцию узелка-ограничителя. Размеры обойм 0,5×1 см, ширина — 0,4 см (рис. 4). Концы стержней псалий оформлены в виде округлой лопаточки, к которой были прикреплены сложносоставные фалары (рис. 4). Первоначально фалары предназначались для других целей. На обороте хорошо видны разборки для приклепывания задника к псалиям с последующей небрежной сборкой. На лицевой поверхности фалара в центре расположен плоский овальный халцедон красного цвета со скошенным краем, вокруг него на золотую пластинку напаян золотой рубчатый дрот, вокруг него симметрично напаяны колечки, согнутые из тонкой проволоки, внутри колечек зеленая стекловидная паста. Вокруг напаян еще один овал рубчатого дрота. На поле между последним дротом и внешним краем пластины напаяны петельки из тонкой гладкой проволоки, имитирующие венок из трилистников; венок залит пастой зеленого цвета. По краю фалара напаяна плоская рамка, украшенная двумя продольными рифлениями. К рамке по всей окружности припаяна вертикально узкая полоска, обжимающая бронзовый задник. Чтобы камень закрепить неподвижно, в качестве уплотнителя использован крупный песок, смешанный с органическим веществом светло-серого цвета. Вероятно, в качестве наполнителя в фалярах использовалась известь на яичном белке [7, с. 165]. Основание камня по размерам чуть больше выреза в лицевой пластине, что предохраняло камень от выпадания. Все четыре фалара однотипны, лишь незначительно отличаются размерами и цветовыми оттенками камня. Создается впечатление, что размер фалара зависел от размера камня, имевшегося в наличии у мастера. Размер блях — от 4,7×5 до 5,1×5,8 см.

К тем же кольцам удил, в которые были вставлены псалии, крепились подвижно железные стерженьки, плакированные золотой фольгой. Один край стержней был загнут в кольцо, ко второму посредством заклепок крепились поводья. Длина стерженьков — 4 см. В качестве поводьев служили цепи — одна золотая, другая серебряная. Цепи одинакового плетения набраны из цельных овальных звеньев, согнутых пополам и продетых в концы предыдущего звена. Размеры звеньев незначительно варьируют. Золотая цепь заканчивалась литым кольцом диаметром 1,6 см. Конец серебряной утрачен в древности. Длина цепей — соответственно 105 и 64 см (рис. 4).

4. Оголовье коня было украшено девятью фалярами, аналогичными описанным выше: восемь овальных, один круглый диаметром 5,4 см (рис. 5, 6). Фалары различаются размерами, огранкой и цветом халцедона (от темно-красного до дымчатого и молочного). На заднике крепились петли для напуска на ремень. Петли согнуты из прямоугольных в сечении стерженьков (0,2×0,3 см), концы расплющены, ширина петель — 2,3 см. Задник, петли и заклепки выполнены из бронзы. На одном фаларе петля была утрачена в древности, после чего золотая пластина, обжимающая задник, была отогнута, в отверстия для заклепок пропущена бронзовая проволока, концы которой после обхвата ремня были

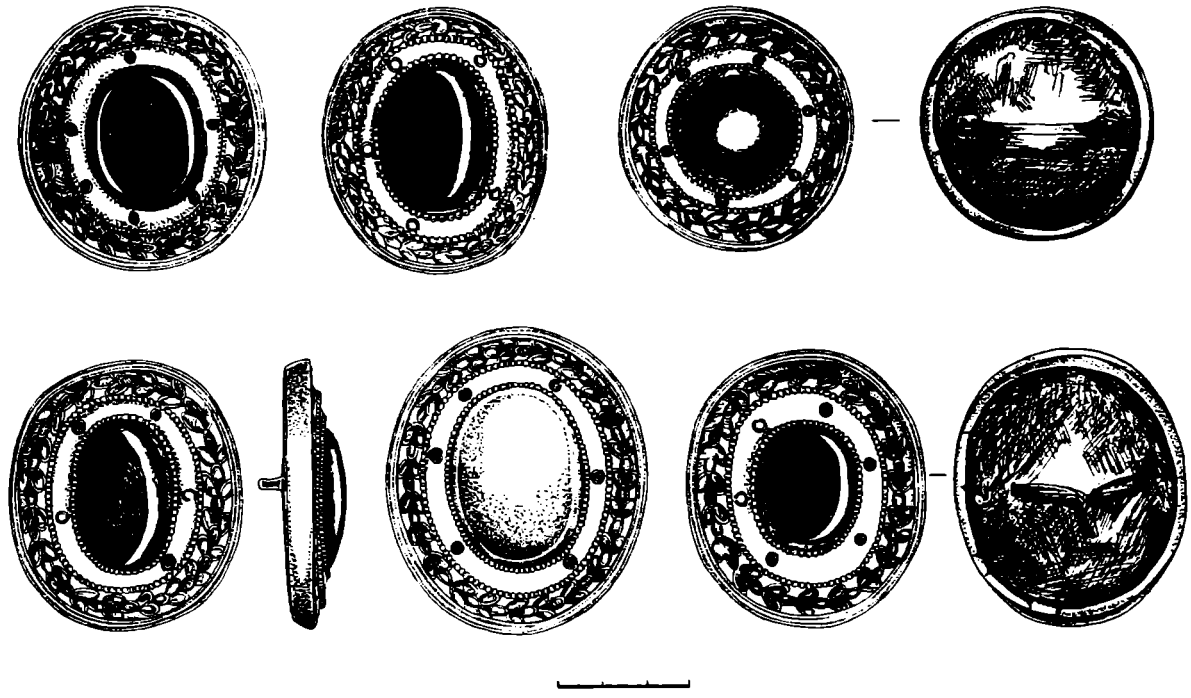


Рис. 5. Малые фалары, украшавшие оголовье коня

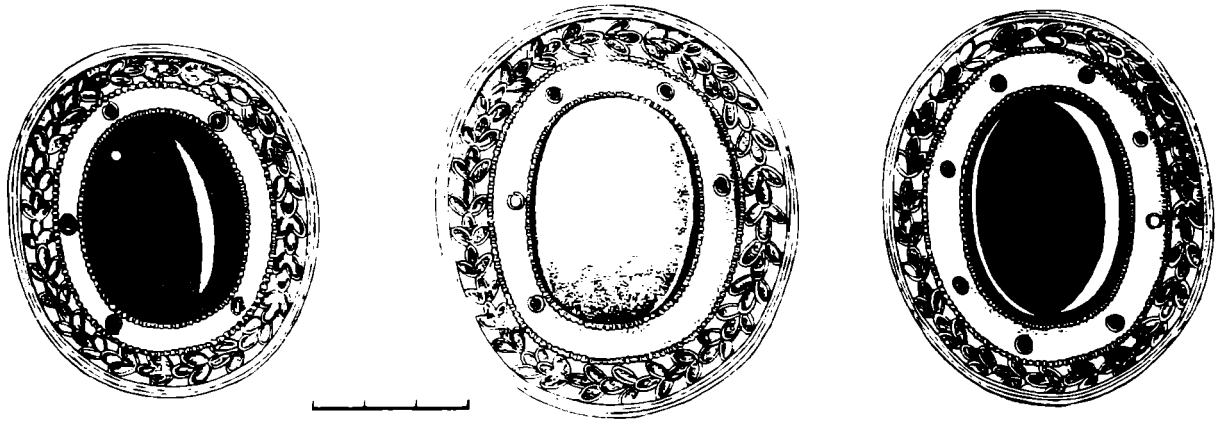


Рис. 6. Малые фалары, украшавшие оголовье коня

скручены, край золотой пластины был вновь обжат, но менее аккуратно. Размеры фаларов — от 5×5,9 до 6,7×7,8 см.

Между фаларами на ремне оголовья было напущено 20 овальных в сечении трубок (0,7×1,6 см), согнутых из тонкого золотого листа, спаянного «внахлест»; поверх стыка на всю его длину напаян золотой рубчатый дрот, на одной трубке утраченный в древности. Длина трубок — от 2,7 до 6,8 см (рис. 3, *1*) Трубки не позволяли фаларам смещаться по ремню.

5. Вплотную к удилам с востока лежала массивная золотая полусферическая наперсная бляха (рис. 7). На вершине полусферы помещен медальон, в центре которого вставка крупного выпуклого граната, обрамленного рядом псевдозерни. Вокруг напаяны вертикально два концентрических бортика. Пространство, ограниченное бортиками, заполнено чередующимися треугольными вставками бирюзы и розового коралла, между которыми напаяны вертикальные перегородки. От центрального медальона к основанию опускаются четыре симметрично напаянные полоски с аналогичным орнаментом. Такой же пояс напаян вдоль нижнего края бляхи, но здесь использованы вставки только

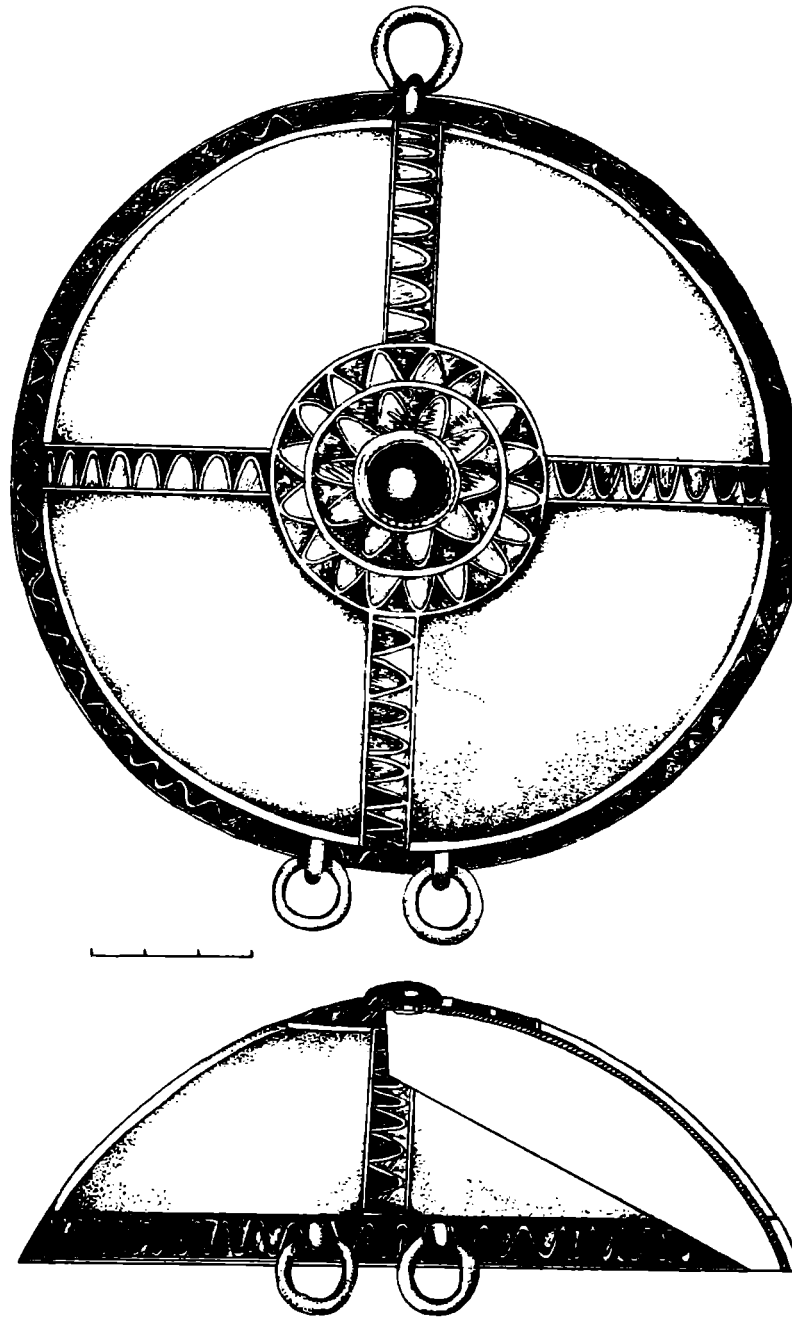


Рис. 7. Наперсная бляха

бирюзы разных оттенков. У нижнего края одной из радиальных полос закреплено подвижное литое кольцо диаметром 1,7 см. С противоположной стороны закреплены подвижно еще два таких же кольца. Центральный медальон с гранатом крепился к бляхе золотой заклепкой, изнутри расклепанной и зашлифованной. Судя по тщательности отделки внутренней поверхности бляхи, можно допустить ее использование и в качестве чаши для питья при отправлении культа коня. Диаметр бляхи — 14 см.

6. В южной части тайника поверх золотых бляшек лежали два больших фалара (рис. 8, 9). В центре крупный агат полусферической формы крепился сквозной заклепкой к бронзовому заднику; на вершине заклепка скрыта золотым медальоном, в центре которого выпуклый гранат. Вокруг него напаяны вертикальные, округлые в плане гнезда со вставками бирюзы разных оттенков. Между гнездами и внешним бортиком медальона мелкие вставки розового коралла.

Рис. 8. Большой фалар с геммами

Вокруг агата проходит горизонтальный фриз из тонкого золотого листа, внешний край которого загнут и обжимает бронзовый задник. По фризу напаяны четыре высокорельефные фигуры лежащих друг за другом львов, изготовленные из тонкого золотого листа. Фигурки спаяны из двух отдельно штампованных продольных частей. Головы и гривы животных переданы реалистично, с проработкой деталей. Остальные части туловища и конечности выполнены схематично, ребра показаны рельефными параллельными валиками. Хвост поджат влево, передан валиком в виде витого шнура. На месте глаз округлые вырезы, заполненные белой пастой. На лопатках и крупах животных имеются вставки бирюзы в плане овальной, ромбической и сегментовидной формы. По внешнему краю фаларов проходит ряд вставок, закрепленных в специально напаянных вертикальных гнездах: бирюза чередуется с гранатом, в нескольких случаях гранат заменен полупрозрачным красным стеклом. Форма вставок округлая, овальная, миндалевидная, ромбическая и сегментовидная. Между фигурками львов крупные округлые и овальные вставки из граната, агата и стекла. На заднике обоих фаларов вдоль края посредством бронзовых заклепок крепились три петли для ремней, выполненные из узкой бронзовой пластины. Две расположены парал-

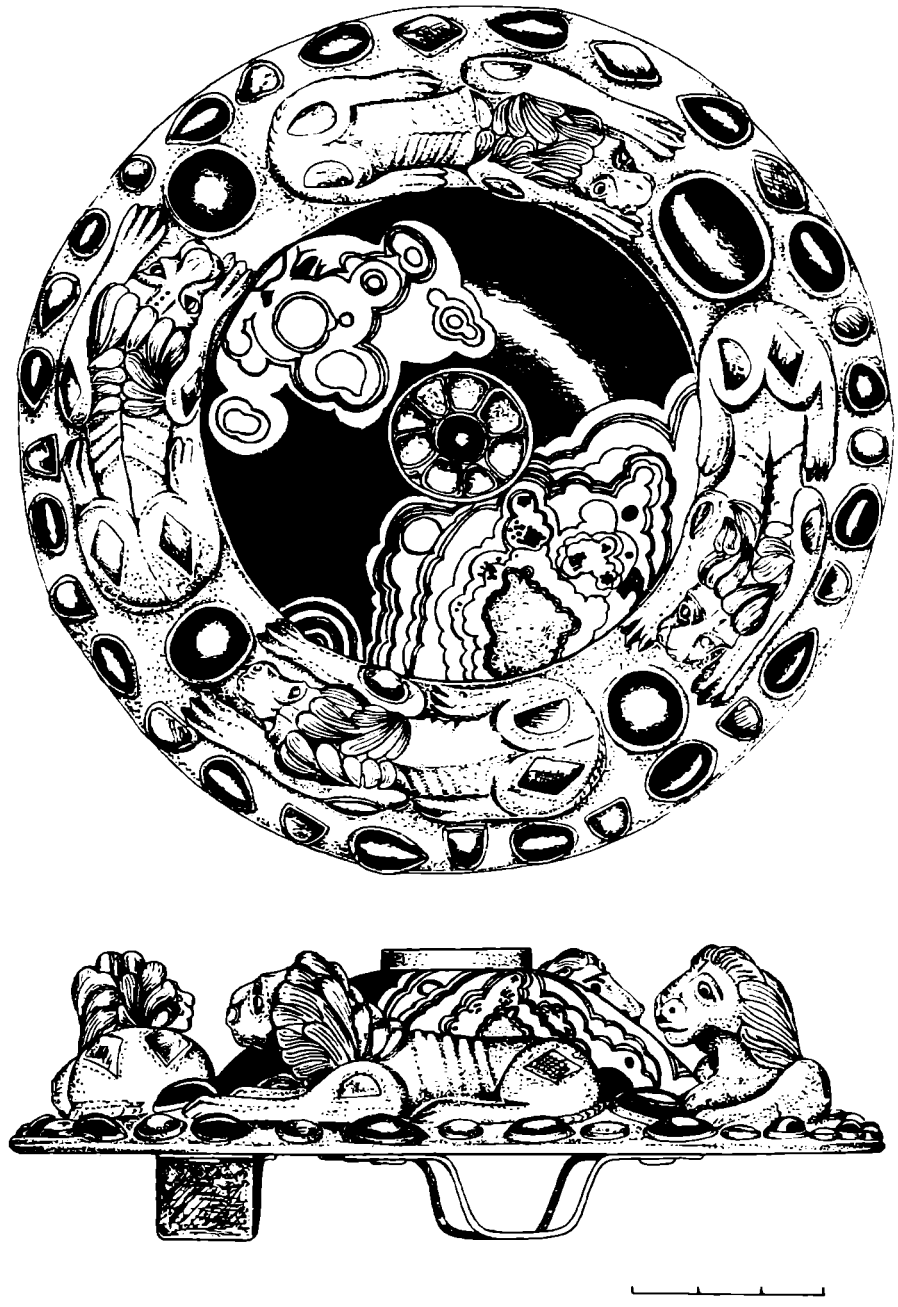


Рис. 9. Большой фалар

лельно, третья — перпендикулярно им. Ширина пластины — 1,2—1,5 см, ширина петель — 2 см, диаметр фаларов — 13,5 см. Несмотря на общую схожесть, изделия имеют ряд различий. Так, например, центральные агаты на фаларах имеют разную окраску, различны наборы бирюзовых вставок, передающих мышечные части на фигурах львов. На одном из фаларов вдоль края закреплено 16 бирюзовых вставок, строго чередующихся с 16 гранатовыми. На втором количество вставок — 37, местами нарушена очередность, в пяти случаях, вероятно за неимением камней, применены стеклянные вставки. На одной округлой вставке граната вырезана гемма в виде листа плюща. На этом же фаларе между фигурками львов применены крупная овальная стеклянная вставка и три гранатовые геммы с изображением стоящих женских фигурок. Одна может быть трактована как Артемида. Исходя из размеров гемм, все они предназначались для более мелких украшений. Присутствие их на фаларе можно объяснить

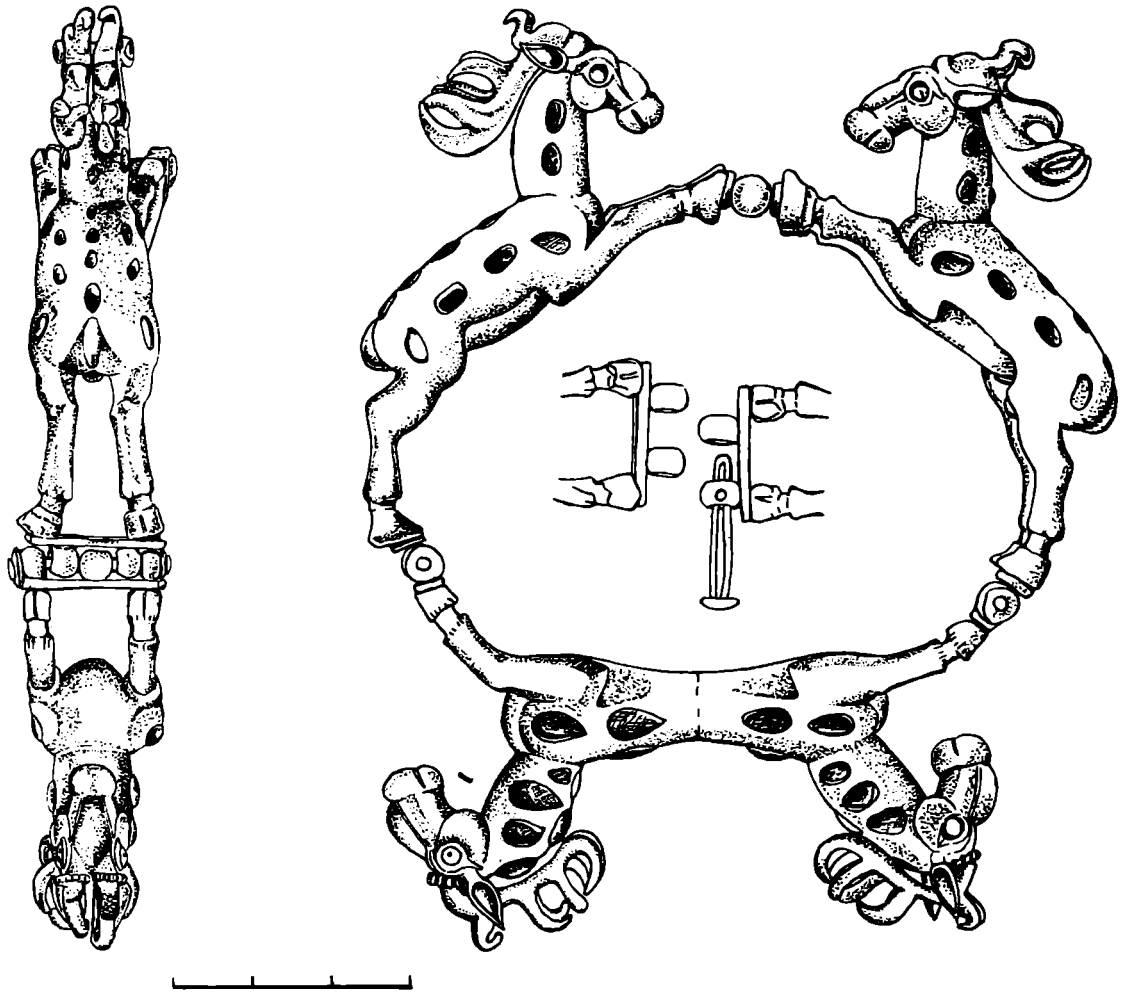


Рис. 10. Браслет

вторичным использованием либо тем, что у мастера под рукой просто не было других камней. Можно предположить преднамеренное их размещение только на одном фаларе по принципу различия левого и правого повода узды.

7 В юго-западной части тайника, частично под крупным фаларом, лежал массивный золотой трехшарнирный браслет (рис. 10), собранный из литых фигурок двух скачущих в галопе самцов пятнистых оленей и сдвоенной протомы этих животных. Шарнир, соединяющий передние ноги скачущих фигур, разъемный, снабжен оригинальной ограничительной заклепкой, предохраняющей штифт от утери. Фигуры выполнены в реалистичной манере, половая принадлежность ярко выражена. По шее и туловищу животных проходят три параллельных ряда овальных углублений, в которые были вклеены бирюзовые и несколько коралловых вставок овальной и каплевидной формы. Вокруг основания рогов на протомах напаяны кольца из рубчатого дрота. Следует отметить, что браслет не имеет следов длительного употребления. Вероятно, из-за резко выступающих рогатых голов он был крайне неудобен в быту и предназначался для особо редких сакральных действий. Внутренние размеры — 5,5×8 см, по выступающим рогам — 10×11,5 см.

8. В центральной части тайника лежал парадный кинжал в богато украшенных ножнах. Клинок железный, линзовидный в сечении, длина — 23 см. Брусковидное перекрестие обложено золотым листом, стыки тщательно запаяны, практически не прослеживаются. К перекрестию так же тщательно припаяна обкладка рукояти. Рукоять, прямоугольная в сечении, спаяна из трех частей: лицевой, задней и боковой. Задняя пластина имеет рельефный растительный орнамент,

боковая гладкая. На лицевой пластине в круговом навершии напаяна горельефная фигура идущего двугорбого верблюда. Изображение реалистично, тщательно детализировано, инкрустировано каплевидными вставками граната и бирюзы. В глазнице подтреугольная гранатовая вставка с нанесенной черной точкой на обороте, передающей зрачок. Фигура верблюда изображена на фоне побегов плюща с пятью листьями, инкрустированных вставками бирюзы сердцевидной формы. По краю навершия, вокруг фигуры верблюда, в напаянных гнездах расположены ромбические вставки бирюзы и граната, причем вставки чередуются: две бирюзовые, одна гранатовая. На вершине имеется гнездо сердцевидной формы. Вставка, вероятно гранатовая, утрачена в древности. На рукояти напаяна горельефная композиция из двух фигур — орла и верблюда. Орел с полураскрытыми крыльями, вцепившись в горбы когтями, клюет брюхо верблюда. Голова верблюда безвольно свешена, так же переданы и его ноги. Таким образом древний мастер хотел показать, что верблюд повержен. Изображения очень реалистичны и детализированы, хотя орел несколько гипертрофирован. Фигуры богато инкрустированы вставками граната и бирюзы каплевидной, овальной и ромбической формы, глаза аналогичны оформлению глаза на фигуре навершия.

Вдоль перекрестия по рукояти напаяно пять гнезд для вставок бирюзы четырехугольной неправильной формы (три вставки) и граната (две вставки). Длина — 15 см (рис. 11), диаметр навершия — 6,4 см.

Кожаные ножны были окрашены в красный цвет. На лицевую сторону наложена золотая пластина с двумя парами боковых выступов и загнутым бортиком по всему периметру, за исключением места, где в ножны входил клинок с перекрестием (рис. 12). Участок обкладки, скрывающий перекрестие, украшен сложным чеканным растительным орнаментом. Вдоль края обкладки, в том числе и на выступах, проходит ряд напаянных гнезд для ромбических вставок. На вершинах боковых выступов и середине нижнего скругленного края напаяны сердцевидные гнезда. Вставки чередуются так же, как и на навершии: после двух бирюзовых расположена одна гранатовая. На левом нижнем боковом выступе сердцевидная вставка утрачена в древности, на дне гнезда пробито отверстие, в которое вставлен золотой кованый гвоздь с широкой плоской шляпкой, конец гвоздя загнут. По длинной оси накладки расположены четыре плоскостные композиции с повторяющимся сюжетом противоборства: орел с полураскрытыми крыльями, вцепившись в горбы лежащего на подогнутых ногах верблюда, клюет ему брюхо. Верблюд, полусогнув переднюю левую ногу, как бы пытаясь встать, вывернул голову влево и терзает орла за левое крыло, причем по изображению трудно представить исход поединка. Самая верхняя композиция более крупная, остальные книзу несколько уменьшаются в размерах. Головы верблюдов имеют индивидуальные отличительные признаки. Изображения выполнены и инкрустированы аналогично описанным выше, несколько вставок из глазниц утрачены в древности. Это объясняется тем, что они крепились не в специальных гнездах, а вклеивались. Под нижней композицией расположен горизонтально вьющийся побег плюща, оканчивающийся листьями со вставками бирюзы. На верхнем левом боковом выступе барельефное изображение идущего влево грифона с резко повернутой назад головой. Клюв хищно изогнут. Короткими вертикальными линиями передан гребень, лапы когтистые, хвост витой. Изображение инкрустировано бирюзой, в глазнице вставка граната с черной точкой на обороте, имитирующая зрачок. На остальных трех боковых выступах и нижней оконечности обкладки пробиты подтреугольные отверстия (на левом нижнем — три, на остальных — по два). К отверстиям через кожаную прокладку (?) крепились посредством железных проволочек литые золотые скульптурные группы на круглой подставке (рис. 12), состоящие из борющихся орла и верблюда. Орел в трех случаях нападает слева, когтями вцепился в горбы верблюду и клюет ему хребет. Лежащий на подогнутых ногах верблюд пытается подняться, повернув голову влево, терзает орла за ле-

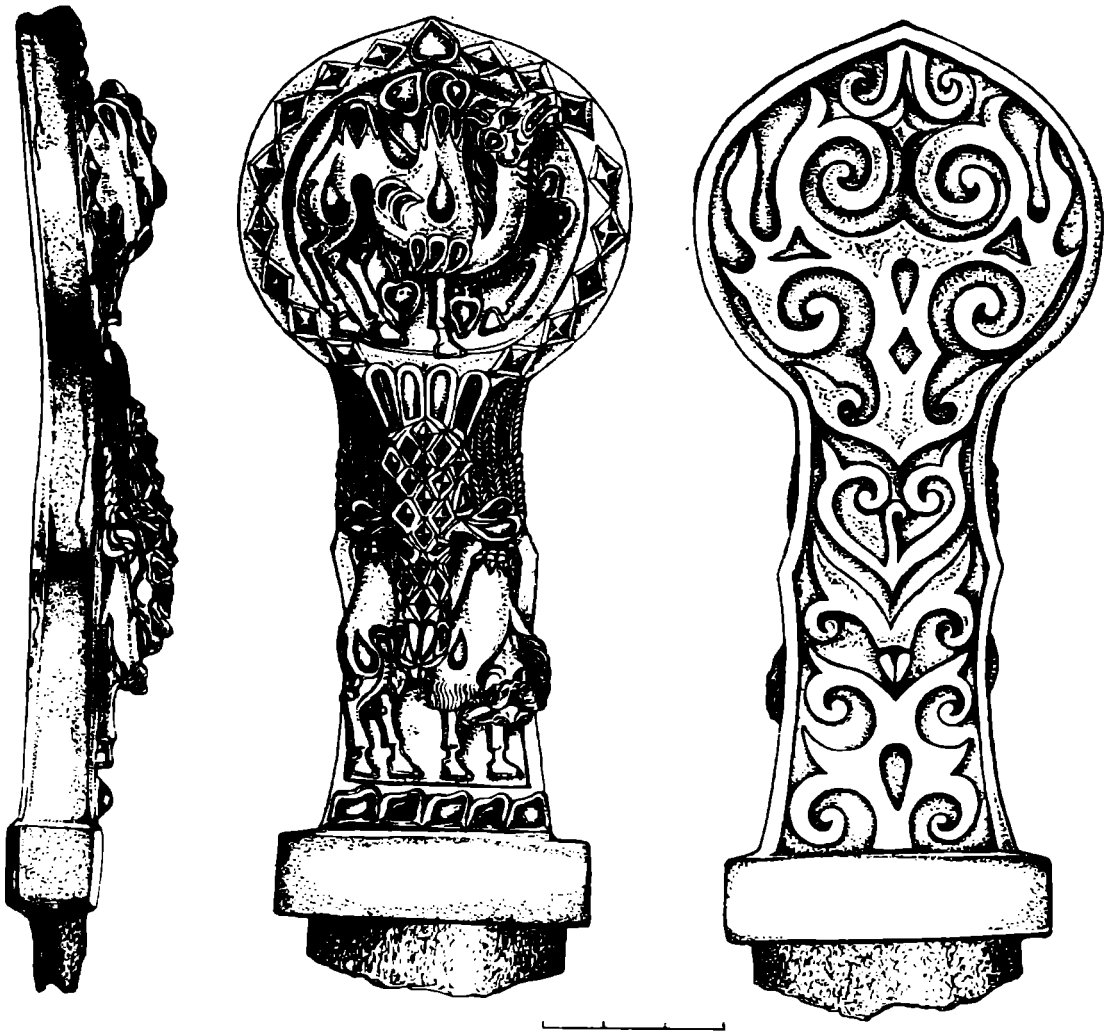


Рис. 11 Рукоять кинжала

вое крыло. На нижнем левом боковом выступе орел нападает справа, и верблюд терзает его за правое крыло. Скульптуры крепились таким образом, что на верхнем правом боковом выступе орел развернут головой под углом 135° от длинной оси накладки, а три остальные закреплены так, что орлы развернуты головами под углом 225° Фигуры выполнены очень реалистично, все детали тщательно проработаны и богато инкрустированы аналогично изображениям на самой накладке. Головы верблюдов также имеют индивидуальные отличительные черты. Высота скульптурок — 3 см, диаметр подставки — 2,8 см. На рукояти и обкладке ножен в общей сложности расположено 10 фигурок верблюдов, среди которых нет двух повторяющихся.

9. Под удилами встречена золотая рамчатая пряжка с прямоугольным приемником. Рамка круглая, плоская в сечении, по внешнему краю на лицевой ее стороне напаян слаборубчатый золотой дрот, не заходящий под приемник. От приемника влево и вправо отходит по четыре напаяных гнезда с каплевидными вставками бирюзы. На приемнике напаяно четыре колечка из тонкой золотой проволоки. Приемник согнут из золотой пластины, ремень крепился двумя золотыми заклепками, расположенными вдоль оси приемника. Диаметр пряжки: внешний — 3,6, внутренний — 2,3 см, приемник — 1,3×2,5 см (рис. 3, *2*).

10. В юго-западном углу тайника под большим фаларом лежала лицом вниз бронзовая накладка прямоугольной формы со скругленными углами. Накладка обтянута тонким золотым листом, крепилась на кожу тремя заклепками. На лицевой стороне напаяно девять гнезд для вставок. Вокруг каждого гнезда

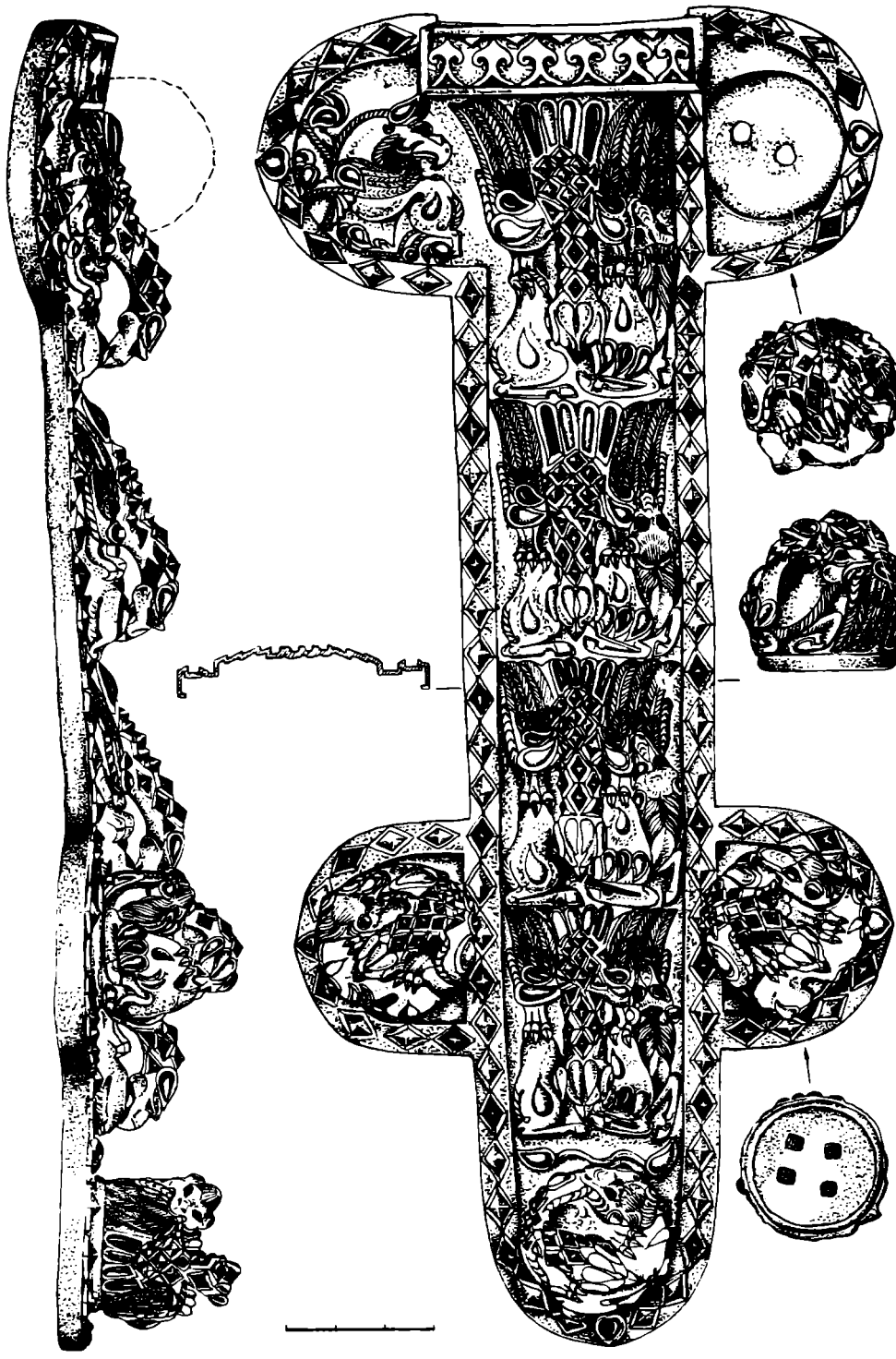


Рис. 12. Обкладка ножен кинжала

напаян ряд зерни. Восемь гнезд ромбические, одно треугольное. Вставки: пять бирюзовых, четыре из глухого зеленого стекла. Размер накладки — 3,0×3,3 см (рис. 3, *3*).

11. В северо-восточной части тайника, с юга, у нагрудной бляхи лежал золотой литой ажурный наконечник ремня в виде свернувшейся в клубок фигурки пантеры. Фигурка инкрустирована вставками бирюзы, достаточно детализирована. Вероятно, в глазнице тоже была вставка, утраченная в древности. Размеры наконечника — 3,0×1,4×1,2 см (рис. 3, 7).

12. У рукоятки кинжала встречен еще один наконечник ремня, в виде цилиндрической обоймы с ложковидным отростком. Вся внешняя поверхность обоймы

и отростка инкрустирована бирюзовыми вставками квадратной, ромбической и овальной формы. Между вставками по перегородкам напаяна мелкая зернь, по срезам цилиндра и внешнему краю отростка зернь более крупная. Диаметр обоймы — 1,8 см (рис. 3, *4*).

13. Под бляхами оголовья встречены золотые наконечник ремня и накладка на ремень (рис. 3, *5, 6*). Наконечник в виде глухой, овальной в сечении обоймы, спаянной из тонкого листа, к ремню крепился золотой заклепкой. Сечение — 0,3×1,4 см, ширина — 0,7 см. Накладка в виде полукруглой пластинки, на обороте от центра отходят две разогнутые золотые заклепки. На лицевой стороне, ограниченной бортиком, вставка бирюзы по всей площади пластинки, с внешнего края бортика проходит ряд зерни. Размер пластинки 1×1 см.

Среди находок в тайнике встречались мелкие остатки кожи и тонких деревянных плашек толщиной 0,2—1 см.

Таким образом, в тайник были помещены парадная упряжь и накидка на лошадь, вероятно, два расшитых бляшками стяга, парадный кинжал и браслет. Обращает на себя внимание очень большое количество золотых нашивных бляшек — более 15 тыс. штук. Для этого периода бляшки являются, пожалуй, самым массовым (по количеству) материалом после бус и бисера, но даже во всех шести гробницах из Тиля-Тепе для расшивки царских одежд было использовано 13,5 тыс. бляшек [6, с. 226—259] Обилие бляшек и их взаиморасположение позволяют допустить вероятность помещения в тайник не одежды, а накидки и стягов. Большинство бляшек хорошо известных типов имеют очень широкие аналогии [7, с. 41, рис. 39, *12*; 8, с. 150; 11, табл. 42, *3, 4*], чего нельзя сказать о бляшках в виде «узла Геракла» и в форме полумесяца (рис. 3, *8, 9*). Уздечный набор имеет относительную конструктивную близость с такими известными комплексами, как наборы из кургана Садовый и кург. 28 у пос. Жутово [9, с. 178; 10, с. 46—55, рис. 1, *3*] В обоих случаях в состав парадной сбруи входят два больших фалара, комплект малых, украшавших окончания псалий, и восемь — для оголовья. В нашем наборе также два больших фалара и комплект малых: четыре для псалий, но не восемь, а девять для оголовья, причем восемь овальных, один круглый. Помимо этого большие фалары по сюжету не имеют ничего общего с малыми. Неизвестны нам и случаи использования золотых и серебряных цепей в качестве поводьев, хотя сам принцип плетения характерен для древних мастеров первых веков нашей эры [12, с. 193, 194, 203, 204, 211] Неизвестны пока аналогии напускным трубкам на ремни оголовья. В качестве функционально близкой аналогии для наперсной бляхи можно привести серебряную полусферическую бляху из разрушенного погребения второй половины I — начала II в. у с. Грушка в Поднестровье [13, с. 259, рис. 1] Тамга на внутренней поверхности может свидетельствовать о бифункциональности и этой нагрудной бляхи.

Что касается наконечников ремней (рис. 3, *5, 6*) и накладок на ремни, то, вероятно, они украшали портупею, а не упряжь, так как наконечник ремня (рис. 3, *4*) имеет очень близкую аналогию с предметом из гробницы 4 могильника Тиля-Тепе [6, с. 250, № 29]. Второй наконечник, в виде свернувшейся пантеры (рис. 3, *7*), имеет стилистическую аналогию с изображением пантеры на наконечниках ремней из этой же гробницы [6, с. 98], но здесь изображение рельефное, а не скульптурное. Возможно, в связи с этим, а также из-за формы пластины древний мастер изобразил пантеру с перевернутой задней частью туловища, пытаясь таким образом передать свернувшееся в клубок животное на узком, вытянутом предмете.

Как упоминалось выше, помимо предметов, которые можно отнести к элементам конской упряжи, в тайнике находились браслет и парадный кинжал. Что касается шарнирных браслетов, то в I в. на Нижнем Дону они достаточно известны [2; 14, с. 44, рис. 3], но все они двухшарнирные, плоские, с горельефным изображением животных. В данном случае браслет трехчастный, животные скульптурные, причем достаточно реалистичные. Стилистически близкая фигурка пятнистой лани (чубарого оленя) известна на Алтае [15, с. 36, рис. 2, *3*]

Парадных кинжалов, подобных публикуемому, известно еще два [6, с. 215, рис. 160, 161; 16, с. 60, табл. XVI, № 250]. Но в последнее время выявлено несколько рядовых кинжалов с боковыми выступами на ножнах, правда, в несколько более поздних могилах [17, с. 104, рис. 1; 18, с. 87, 88, рис. 377] Всего из известных автору семи подобных кинжалов (включая анапский), найденных на юге европейской части СССР, пять были найдены на Нижнем Дону. Вероятно, их количество гораздо больше, но в силу плохой сохранности материала не всегда возможна правильная интерпретация конструкции ножен. Самые широкие параллели этому типу ножен можно видеть в памятниках Алтая [19, с. 63, рис. 22; 20, с. 69, рис. 1, *1, 2*], хотя там ножны выполнены почти полностью из дерева.

Таким образом, проанализировав комплекс находок из кург. 1, можно сделать некоторые выводы. По комплексу находок курган можно датировать последней четвертью I в. По остаткам погребального инвентаря из могильной ямы и находкам в тайнике можно уверенно сказать, что умерший принадлежал к высшей ступени родоплеменной иерархической лестницы. В этом плане очень близко к кург. 1 стоит женское погребение из кург. 28 могильника Высочино VII, раскопанного на этом же водоразделе [1, с. 163—172], и, видимо, полностью разрушенное грабителями погребение из кург. 1 могильника Высочино V, где были встречены остатки больших фаларов со сложным растительным орнаментом и бирюзовыми вставками [21, с. 148, рис. 212].

Теснейшая связь «бирюзово-золотого стиля» и формы ножен с ирано-алтайским миром позволяет объяснить появление описанных вещей в погребальных комплексах первыми проникновениями аланских племен на Нижний Дон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беспалый Е. И.* Курган I в.н.э. у г. Азов // СА. 1985. № 4.
2. *Bespalyi E. I.* The barrows with Roman imports excavated by the expedition at the Azov Regional Museum in 1979—1984 // *Raev B. A.* Roman imports in the Lower Don Basin, BAR. Int. Ser. 287.
3. *Шелов Д. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и тропология // КСИА. 1978. Вып. 156.
4. *Беспалый Е. И.* Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского музея в 1985 г. // Архив ИА АН СССР Р-1, № 10282.
5. *Абрамова М. П.* Подкумский могильник. М.: Наука, 1987.
6. *Sarianidi Victor.* Bactrian Gold. Aurora. Leningrad, 1985.
7. *Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение I в. н. э. на Ю. Буге. Киев, 1986.
8. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
9. *Шилов В. П.* Запорожский курган // СА. 1983. № 1.
10. *Засецкая И. П.* Изображение «пантеры» в сарматском искусстве // СА. 1980. № 1.
11. *Boris A. Raev.* Roman imports in the Lower Don Basin. BAR. International Series, 278. Oxford, 1986.
12. Древнее Золото Кубани (альбом). Краснодар, 1987.
13. *Гроссу И. В.* Сарматское погребение в Поднестровье // СА. 1986. № 1.
14. *Прохорова Т. А., Чугуев В. К.* Богатое сарматское погребение в кургане на восточной окраине г. Ростова-на-Дону. Кн. изд-во, Ростов н/Д, 1988.
15. *Марсадолов Л. С.* Хронологическое соотношение Пазырынских и Семибратных курганов // АС27. 1987. Вып. 28.
16. Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. М., 1987
17. *Безуглов С. И.* Позднесарматское погребение знатного воина в Степном Подолье // СА. 1988. № 4.
18. *Беспалый Е. И., Парусимов И. Н.* Отчет о работах Приморского археологического отряда АКМ в Ростовской обл. в 1987. // Архив ИА АН СССР Р-1. № 12382.
19. *Кубарев В. Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987.
20. *Вадецкая Э. Б.* Модели оружия таштыкской эпохи // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987.
21. *Беспалый Е. И.* Отчет о работе Приморского отряда археологической экспедиции АКМ в Ростовской обл. в 1983 г. // Архив ИА АН СССР Р-1, № 9887

Музей истории Донского казачества,
Новочеркасск

Ye. I. BESPALY

A SARMATIAN KURGAN NEAR THE TOWN OF AZOV

Summary

In 1986 the archaeologists from the Local lore muzeum of Azov investigated a kurgan in the outskirts of the town. The dead was placed in a large square pit, but the burial was fully destroyed by ancient robbers. Only amphorae sherds were found near the pit. In a clayey soil extracted from it a hinding-place with a collection of unique jewellery was found. Among them were horse-cloth decorations — more than 15 thousand golden plaques of different forms. The horse harness was decorated with a set of golden phalerae of different size, 13 pieces total. Silver and golden chains served as bridle reins. A large golden chest-plaque should be mentioned. The hoard also contained a three-hinged bracelet and a princely dagger. The main part of the finds were made of gold decorated with turquoise and garnet in animal style. The realistic images of animals include camels, eagles, lions, deers, eagle-griffin and panther. The finde demonstrate the infiltration of the Alans to the Lower Don from the eastern steppes during the 1st century A. D.

С. В. ПАНЬКОВ

МЕТАЛЛУРГИЯ ЖЕЛЕЗА У ПЛЕМЕН ВОСТОЧНОЙ ВОЛЫНИ (ЖИТОМИРЩИНЫ) РУБЕЖА И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н. Э.

Рубеж и первая половина I тыс. н. э. для племен, обитавших на территории лесостепной зоны УССР, явились временем значительного подъема производительных сил. После определенного застоя в культурной и экономической деятельности, вызванного упадком Скифии и соответственным нарушением традиционных связей со степными племенами и античными центрами Северного Причерноморья, с рубежа нашей эры начинают действовать новые факторы, оказавшие стимулирующее воздействие на развитие производительных сил населения украинской лесостепи. Этими факторами соответственно были кельтская и, в гораздо большей степени, римская военно-политическая и экономическая экспансии, приведшие к образованию круга племен латенской культуры, вошедших впоследствии в провинциально-римскую систему. Организация стабильных политических объединений племен на западных границах восточноевропейской лесостепи, присутствие римлян в Северном Причерноморье привели к образованию новых постоянных торговообменных связей между различными племенами Древней Европы, новых экономических рынков, в стороне от которых не остались и восточноевропейские племена. Оживление хозяйственной активности племен лесостепной зоны Восточной Европы рубежа и первой половины I тыс. н. э. прежде всего проявляется в значительном увеличении производства железа. Если для первой половины I тыс. до н. э. на территории лесостепи известно 4 памятника с остатками черной металлургии [1, с. 5—7], скифского времени — чуть более 10, то для рубежа и первой половины I тыс. н. э. в настоящее время зафиксировано 75 комплексов, где производилось железо. Особенное внимание среди них привлекают остатки так называемой экстенсивной железодобычи типа Свентокшисы, представленные Новоклиновским и Уманским центрами черной металлургии [2, с. 33, 41—48]. Вместе с остатками подобной железодобычи на территории Польши в районе Свентокшисских Гор и Варшавы [3, с. 1—279] эти центры составляют совершенно особую группу памятников. Анализ условий возникновения и существования Свентокшисского, Новоклиновского и Уманского центров железодобычи позволяет считать, что основным потребителем свентокшисского железа являлось население европейских римских провинций [3, с. 276], новоклиновского — земледельческое население Нижнего Подунавья [4, с. 47], уманского — Ольвия и ее периферия периода римской оккупации [2, с. 67, 68].

Понятно, что каждое новое открытие центров подобного типа представляет большой интерес. В этой связи нельзя не остановиться на исследованиях остатков металлургии железа, проведенных Историко-технической экспедицией Института археологии АН УССР в 1985 г. на Житомирщине [5, с. 9], позволяющих утверждать о существовании еще одного центра (Житомирского) экстенсивной добычи железа в лесостепной зоне УССР.

Остатки металлургии железа типа Новоклиново — Свентокшисы обнаружены в двух соседних районах Житомирской обл.— Дзержинском и Чудновском, находящихся приблизительно в 45—50 км к юго-западу от Житомира.

Часть рабочей площади с остатками железоделательных горнов, заполненных

© С. В. Паньков, 1992 г.

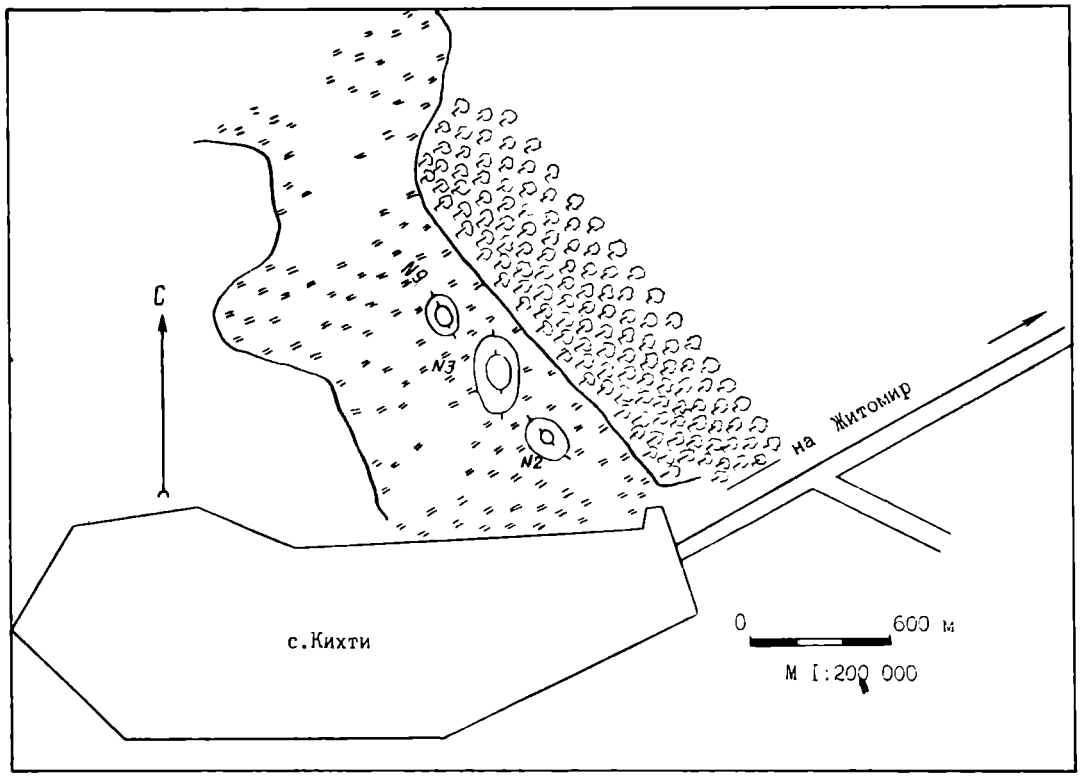


Рис. 1. Расположение остатков металлургии железа в районе с. Кихти Чудновского р-на Житомирской обл.

шлачными конгломератами, была вскрыта И. С. Винокуром у с. Курганы Дзержинского р-на еще в 1955 г. [6, с. 4]. Однако в связи с тем, что в середине 50-х годов исследования металлургии экстенсивного типа в районе Свентокшиских гор только разворачивались, а материалы их еще должным образом не интерпретировали, интерес к находке на Житомирщине проявлен не был, и о ней практически забыли.

В 1984—1985 гг. нами были проведены разведки, в результате которых в окрестностях с. Кихти Чудновского р-на обнаружены остатки еще трех рабочих площадок.

Остатки металлургии железа экстенсивного типа располагались на песчаных возвышенностях, находящихся соответственно в 700 (пункт 3) и 500 м (пункт 2) к северо-западу от восточной окраины с. Кихти (рис. 1). Песчаные возвышенности, по всей видимости, в древности представляли собой острова, расположенные в пределах русла исчезнувшей в настоящее время реки. Восточный берег речной долины возвышенный, покрыт хвойным лесом. Визуальным осмотром долины реки, в непосредственной близости к остаткам металлургии железа, в береговых осыпях выявлены многочисленные выходы железной руды, которая, видимо, и служила сырьем для местных металлургов.

Пункт 3 представляет собой остатки разрушенной песчаным карьером рабочей площадки, от которой сохранились 10 горнов одноразового использования, содержащих шлачные конгломераты. Судя по плану расположения горнов, рабочая площадка относилась к типу упорядоченных, где печи находились в «батареях» по три в ряд. Глубина залегания шлачных конгломератов составляла 50—80 см от современной поверхности. Диаметр конгломератов не превышал 60 см, а высота сохранившихся частей — 50 см. Разрез горнов восточного ряда позволил выяснить, что стенки и нижние части котлованов-шлакосборников обмазывались глиной. Под основаниями горнов зафиксированы кусочки древесного угля (рис. 2).

К сожалению, исследовать рабочую площадку на пункте 2 не представлялось возможным, так как она располагалась под огородами местных жителей. Наличие

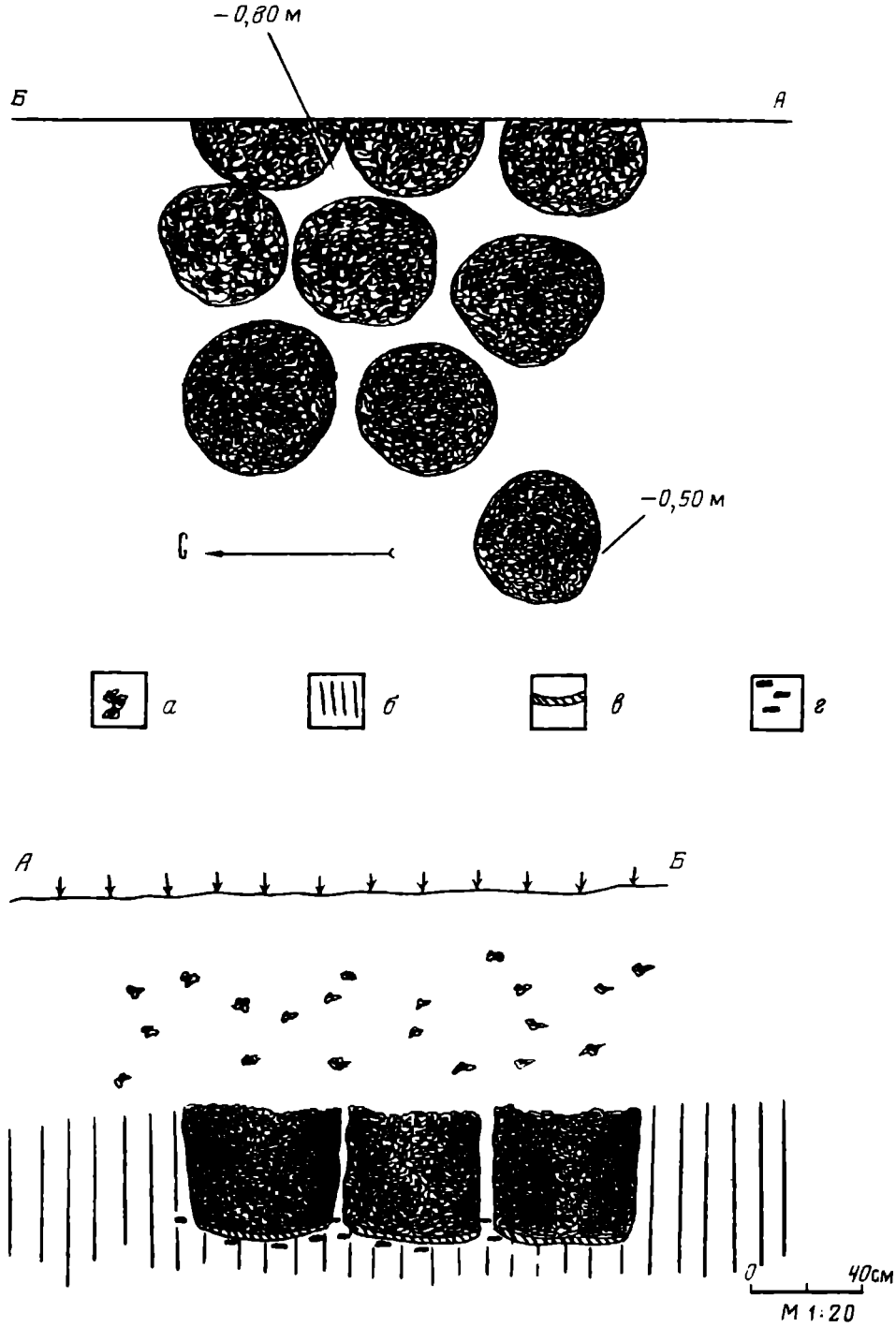


Рис. 2. Общий план и разрез горнов с рабочей площадки пункта Кихти 3 (*а* — шлак; *б* — материк; *в* — глиняная обмазка; *г* — древесный уголь)

этой площадки определяется по разбросанным у подножия холма шлачным конгломератам, аналогичным вышеописанным, которые были вывернуты из своих гнезд.

Третья рабочая площадка была обнаружена на поле, в нескольких километрах северо-восточнее с. Кихти. Площадка практически уничтожена вспашкой. На поверхности земли на площади около 20 м^2 были разбросаны раздробленные куски шлачных конгломератов, среди которых встречались их верхние части с характерными, выступающими на несколько сантиметров «бортиками».

Таким образом, описанные нами остатки металлургии железа в районе с. Кихти Чудновского р-на Житомирской обл. относятся к памятникам металлургии железа

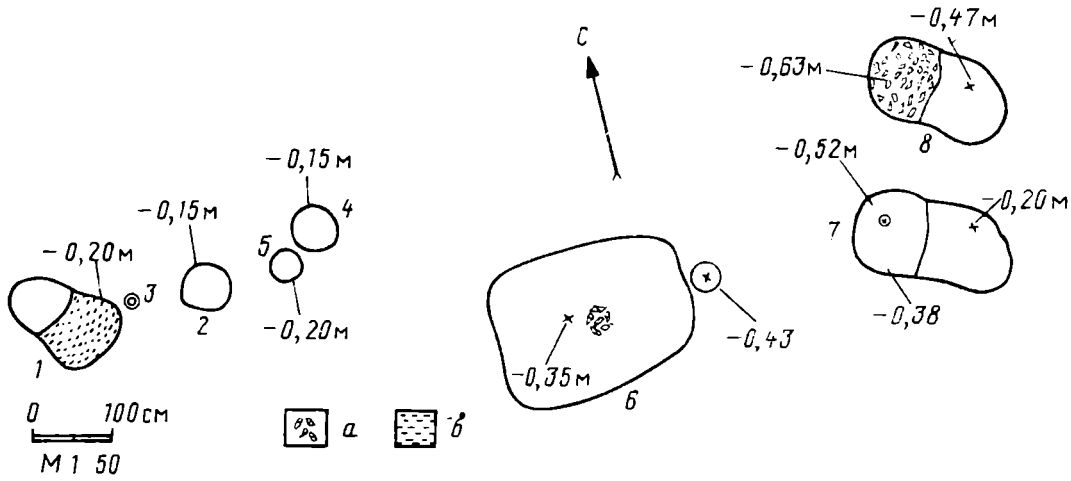


Рис. 3. Общий план железоделательного комплекса у с. Кихти (пункт Кихти 9) (*а* — руда; *б* — обожженная обмазка) *1* — печь 1; *2* — печь 2; *3* — развал сосуда; *4* — печь 3; *5* — печь 4; *6* — жилище; *7* — угольная яма; *8* — яма для обжига руды

экстенсивного типа, существовавшим на территории юго-запада СССР в последней четверти I тыс. до н. э. (Новоклиновский центр в Закарпатской Украине) — первой четверти I тыс. н. э. (Уманский центр в Черкасской обл. УССР). В связи с сильной разрушенностью рабочих площадок Житомирского центра хронологически и культурно определить их принадлежность пока не представляется возможным. В общих рамках существования экстенсивной железодобычи Древней Европы в целом можно считать, что Житомирский центр оформился не ранее последней четверти I тыс. до н. э. и прекратил свое существование в первой половине I тыс. н. э.

В настоящее время в связи с целым рядом причин как объективного, так и субъективного характера и главным образом недостаточно полной в археологическом отношении изученностью территории Восточной Волыни рубежа и первой половины I тыс. н. э. трудно сказать что-либо определенное о направлениях и рынках сбыта продукции Житомирского центра. Вне всякого сомнения может быть лишь то, что производство металла в этом центре носило товарный характер, а условия его возникновения, существования и прекращения деятельности заключались в причинах такого же характера, как и для Свентокшисского, Новоклиновского и Уманского центров. С ликвидацией рынков сбыта и постоянных торгово-обменных связей, конфронтацией между различными племенами Древней Европы, в основе чего лежал общий кризис античной цивилизации, закончившийся крахом Римской империи, прекращают свое существование и центры товарного производства железа.

В районе с. Кихти кроме остатков металлургии железа экстенсивного типа исследован железоделательный комплекс, состоящий из жилища, остатков четырех металлургических печей типа лютежских [7, с. 51—74], ямы для отжига древесного угля и ямы для обжига руды.

Железоделательный комплекс располагался на вершине песчаного холма и был вытянут по линии запад — восток, занимал площадь ~100 м^2. В центре площадки, занимаемой комплексом, с небольшим отклонением к югу находилось жилище. Ямы для получения угля и обжига руды располагались в восточной части комплекса, а остатки железоделательных горнов — в западной (рис. 3).

Жилище имело прямоугольную форму и было углублено в землю на 0,40 м от современной поверхности. Длина жилища составляла 2,40, ширина — 1,60 м. У западной стенки жилища была выявлена круглая по форме яма диаметром 0,37 и глубиной 0,43 м от современной поверхности. Заполнение жилища и примыкающей к нему ямы составляли в основном куски железного шлака. На дне жилища, практически в его центре, горкой были сложены куски железной руды. Кроме того, в заполнении жилища были найдены фрагмент сопла из

обожженной глины с примесью крупнотолченого кварцита (диаметр его канала составлял 1,5 см), венчик толстостенного лепного сосуда светло-розового цвета с примесью кварцита в тесте и стенка сосуда такого же типа.

Угольная яма в плане имела фасолевидную форму длиной 2 и шириной 1 м. Расчистка ямы показала, что она состоит из двух частей. Западная часть ямы, отделенная перепадом в глубинах, имела длину 0,80 и ширину 1 м. Глубина этой части составляла 0,38 м от современной поверхности. Почти по центру ее находилась ямка диаметром около 20 см и глубиной 0,52 м от современной поверхности. Вероятно, эта ямка служила для установки центрального опорного столба, на который в виде шатра укладывались подготовленные к отжигу стволы и ветви деревьев. Дно восточной части угольной ямы было ровным и находилось на глубине 0,20 м от современной поверхности. Длина этой части составляла 1,20, ширина — 1 м. В месте перепада глубин ширина ямы была 0,90 м.

Яма была заполнена углистым песком с многочисленными вкраплениями кусочков древесного угля. Кроме того, в заполнении встречены крупные фрагменты ошлакованных сопел с внешним диаметром 5 и диаметром канала 2 см, сохранившегося на длину соответственно 7,5 и 4 см. Керамика, содержащаяся в заполнении ямы, представляет собой преимущественно фрагменты толстостенных лепных сосудов с большой примесью кварцита в тесте.

Яма для обжига руды по своим форме и размерам почти полностью совпадает с угольной ямой. Как и угольная яма, яма для обжига руды в конструкционном отношении состояла из двух частей, разделенных перепадом глубин. Западная часть имела длину 0,80, ширину — 1 м. Глубина ее составляла 0,63 м от современной поверхности. Длина восточной части — 0,90, ширина — 1, глубина — 0,47 м от современной поверхности. В месте перепада глубин ширина ямы составляла 0,90 м.

В заполнении ямы было обнаружено множество кусков обожженной руды, которые концентрировались в ее западной, более углубленной части.

Остатки железоделательных горнов были выявлены в западной части раскопа. Местонахождение ее определялось по концентрации железных шлаков и глиняных стенок на поверхности холма. От горнов сохранились лишь нижние, несколько углубленные в материк основания, заполненные кусками железных шлаков, обломками ошлакованных сопел, фрагментами керамики, обломками глиняных шахт горнов. Диаметр оснований металлургических печей достигал 0,50—0,60 м. По характеру этих остатков можно предполагать, что на комплексе эксплуатировались стационарные железоделательные горны с наземной глиняной шахтой и шлаковыпуском. Их конструкция и параметры, по всей видимости, мало чем отличались от горнов, использовавшихся на Лютежском центре черной металлургии первой четверти I тыс. н. э.

Таким образом, описанный нами железоделательный комплекс существенным образом отличается от остатков металлургии железа в пунктах 2 и 3. Он представляет собой производство интенсивного типа, основанное на использовании стационарных горнов. Анализ керамического материала позволяет датировать этот комплекс позднезарубинецким временем (первая четверть I тыс. н. э.)[1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Паньков С. В.* Вопросы происхождения черной металлургии в Восточной Европе//Археология. 1985. № 49.
2. *Бидзиля В. И., Вознесенская Г. А., Недопако Д. П., Паньков С. В.* История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н. э.— III в. н. э.). Киев: Наук. думка, 1983.
3. *Bielenin K.* Starożytne górnictwo i hutnictwo żelaza w Górach Świętokrzyskich. Warszawa, Kraków: Wyd-wo panstw. nauk., 1974.

[1] В культурном слое в незначительном количестве присутствовала и керамика, относящаяся к периоду Древней Руси, возможно послемонгольского времени, однако прямой связи ее с остатками металлургического производства не прослеживается.

4. *Бидзиля В. И.* Из истории черной металлургии Карпатского взгорья рубежа нашей эры//Археология. 1970. № 24.
5. *Бидзиля В. И., Паньков С. В.* Отчет о работе Историко-технической экспедиции Института археологии АН УССР за 1985 год//НА ИА АН УССР. 1986.
6. *Винокур И. С.* Отчет о разведывательных археологических исследованиях раннеславянских памятников Восточной Волыни (Житомирщины) в 1955 г.//НА ИА АН УССР. 1955/28.
7. *Бидзиля В. И., Пачкова С. П.* Зарубинецкое поселение у с. Лютеж//МИА. 1969. Вып. 160.

Институт археологии АН Украины,
Киев

S. V. PAN'KOV

THE IRON METALLURGY OF THE INHABITANTS OF THE EASTERN VOLYN (ZHITOMIR REGION) DURING THE FIRST HALF OF THE 1st MILLENIUM A. D.

Summary

During the field investigations of the Historical and Technical expedition (Institute of Archaeology of the Ukrainian Academy of Sciences) a number of sites connected with iron metallurgy was investigated. They were situated in the territory of Zhitomir region, and are dated to the first half of the 1st millenium A. D. A special attention should be turned to the traces of extensive metallurgy of Novoklinovo-Swietokrzysy type. They consisted of working-places with furnaces for single usage and slag-pits full of slag. Three such sites are situated near Kikhti village, Chudnovo district and one near Kurgany village Dzerzhinsk district. These sites prove that in the forest-steppe zone of the Ukraine there existed not only Novoklinovo and Uman' metallurgical centres with trading and producing character, but also Zhitomir centre. One more assemblage was studied near Kikhti village consisting of a dwelling, four furnaces of Lutezh type, charcoal pits and pits for heating ore. It is especially full assemblage. The pottery found belongs to late Zarubintsy period (the first quarter of the 1st millenium A. D.).

В. А. ПЕТРАЩЕНКО, Г. А. ПАШКЕВИЧ

К ИЗУЧЕНИЮ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ У с. ГРИГОРОВКА НА СРЕДНЕМ ДНЕПРЕ

Поселение у с. Григоровка Каневского р-на Черкасской обл., исследование которого начато Днепровской древнерусской экспедицией в 1986 г., относится к редким по мощности и сохранности культурного слоя древнерусским памятникам Среднего Поднепровья [1, с. 198, 199].

В настоящее время поселение интенсивно разрушается Каневским водохранилищем; под воду ушла значительная его часть; размыв культурного слоя этого участка дает огромное количество находок древнерусского времени. Большое количество вещей было собрано местным краеведом Б. А. Петропавловским. Эта коллекция, включающая земледельческие орудия труда, в значительной степени пополнилась в результате наших работ в течение трех полевых сезонов.

На поселении выявлен ряд объектов, связанных с хозяйственной деятельностью, прежде всего с хранением и переработкой зерновых культур. К таким хозяйственным комплексам относится постройка, раскопанная в южной части поселения. Она представляет собой двухкамерное сооружение с глинобитными печами в каждом из помещений, большими ямами-погребами, расположенными как за пределами постройки, так и внутри ее, а также ямой-овином (рис. 1). Этот комплекс находится на периферии поселения, у подножия городища. Участок у подножия горы имеет сложную стратиграфию; нижние слои содержат материалы VIII—IX вв., ниже интересующей нас постройки обнаружена часть жилища с каменно-глиняной печью IX—X вв., а выше она частично перекрывалась жилищем XII—XIII вв. Таким образом, по стратиграфии хозяйственный комплекс может относиться к XII в. Этой датировке не противоречит и археологический материал из заполнения объекта, относящийся в основном к этому времени. Постройка сохранилась не полностью, ее восточная часть (со стороны реки) ушла под воду. Она была сооружена на склоне, который в этом месте, по-видимому, специально подрезался, одна из глинобитных печей была врезана непосредственно в склон. Глубина постройки от современной поверхности не превышала 0,5 м, со стороны склона — до 1,0 м; хорошо прослежена западная стенка длиной около 6 м и северо-западный угол, в котором расположена одна из печей. Она возведена на высокой, около 0,5 м подсыпке из лёссовидной глины размером 1,9×2,0 м. Хорошо сохранившийся пол имел размеры 1,2×1,3 м, толщина его прокаленного основания — около 6 см, устье размером около 0,45 м повернуто в сторону второй камеры постройки. Пол ровный, следов подмазки не имел, зафиксирован в коричневом слое предматерика главным образом по резко возросшему количеству находок, связанных с этой постройкой. Это железные ножи, гвозди, обломки керамики, фрагменты жерновов. Примерно посередине западной стены находилась яма от столба диаметром около 0,3 м. Пол второй камеры расположен на 15—20 см ниже уровня первого помещения. Находки в этой части постройки аналогичны перечисленным выше. Печь овальной формы, размеры пола 0,9×1,0 м, сохранилась тыльная часть свода на высоту около 30 см, устье повернуто внутрь постройки, ширина его — около 45 см. Постройка относится к столбово-каркасной,

© В. А. Петрашенко, Г. А. Пашкевич, 1992 г.

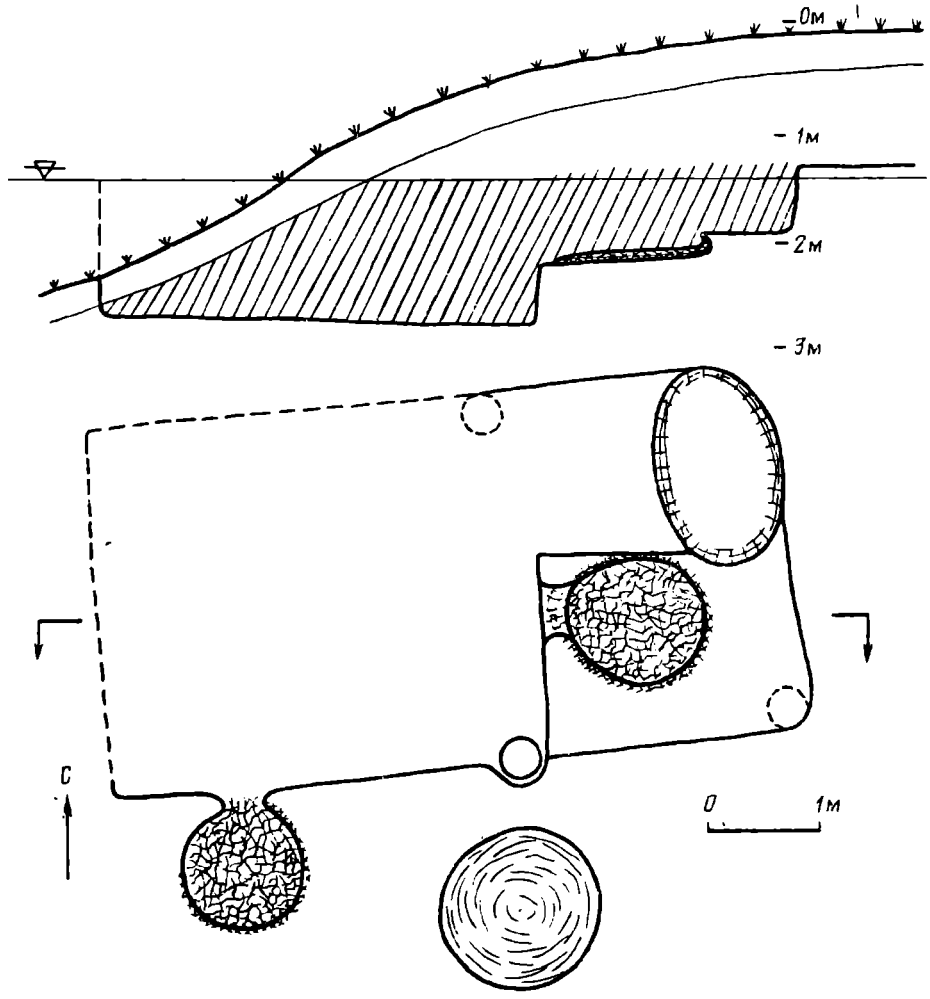


Рис. 1. Хозяйственная постройка для хранения и переработки зерна

а ее стены, по-видимому, обмазывались глиной, обожженные остатки которой обнаружены при расчистке.

На расстоянии около 0,25 м от первой печи расчищена яма-погреб. Она обнаружена на полу постройки по более светлому заполнению, ее размеры 1,8×1,2 м, глубина от уровня пола — около 1,0 м. Яма имеет наклонные, сужающиеся книзу стенки, стены и дно подмазаны глиной. В ее заполнении обнаружены фрагменты керамики XII в. Вторая аналогичная яма раскопана за пределами постройки, на расстоянии около 1,0 м от ее западной стены. Она круглой формы, диаметром 1,5 м, стены и дно на глубину около 1,0 м вымазаны светло-зеленой глиной. В заполнении находились фрагменты керамики XII в., обломки жерновов, железный гвоздь, днища сосудов с клеймами. Эти ямы наиболее удобны для хранения зерна, а печи использовались как для его подсушивания, так и для выпечки хлеба. Для жилых древнерусских построек не характерны ямы-погреба внутри жилища, а также наличие двух печей в одном помещении.

К хозяйственному комплексу относится и яма, расположенная также на склоне, на расстоянии около 30 м от него. Это сооружение расположено на участке, где отсутствует культурный слой; яма выявлена в обрыве берега по сильно обожженному основанию, напоминающему под печи. После расчистки выяснилось, что яма имеет овальную форму размером 1,1×1,8 м (часть ее уже обрушилась в воду), глубина — 1,8 м от современной поверхности. Ее дно и стенки на высоту 0,35—0,5 м обмазаны толстым слоем глины и прокалены; на дне находился слой пепла толщиной 5—6 см. Все это свидетельствует о разведении

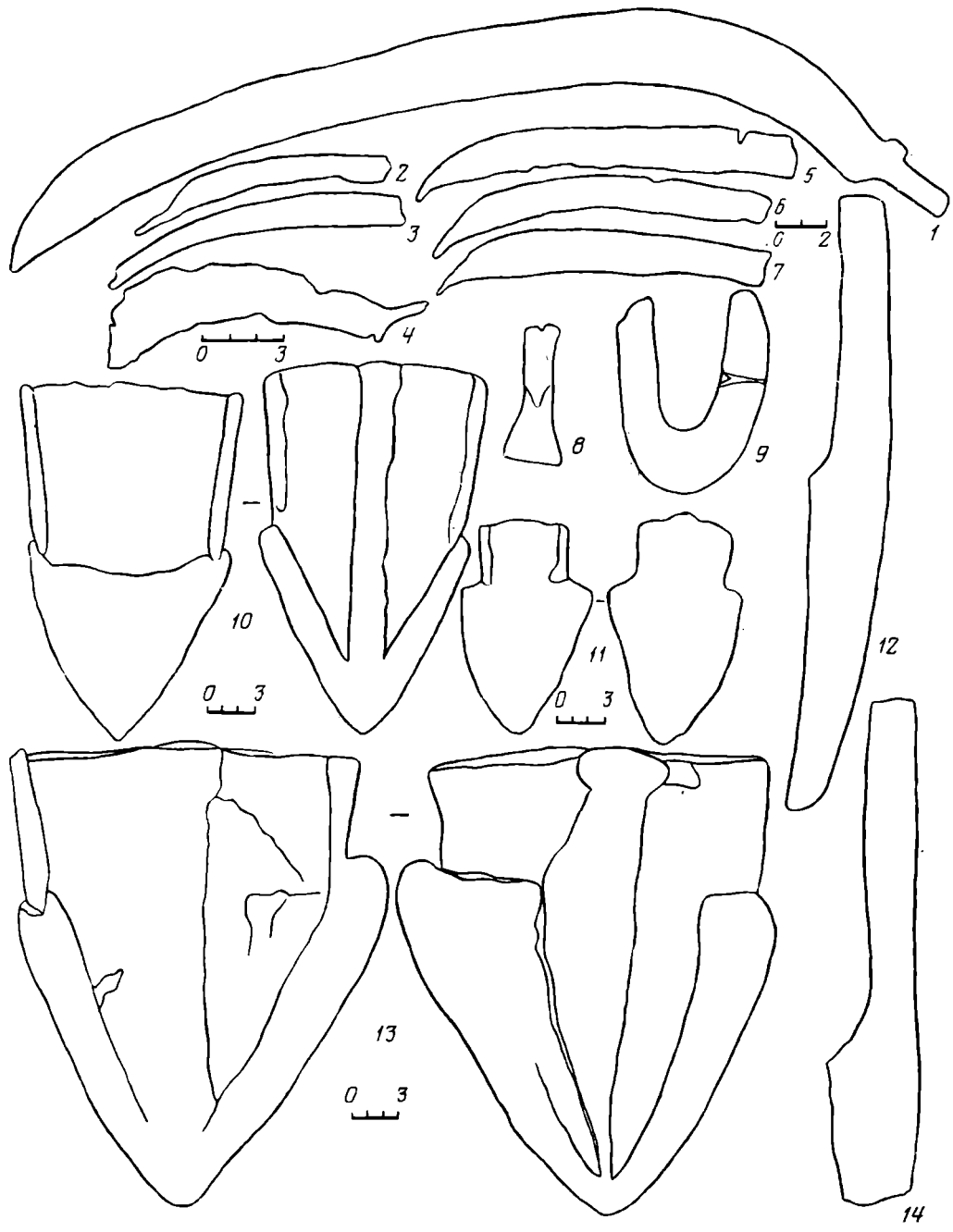


Рис. 2. Сельскохозяйственные орудия труда: *1* — коса; *2—7* — фрагменты серпов; *8* — мотыга; *9* — оковка лопаты; *10, 13* — лемехи; *11* — наральник; *12, 14* — чересла

огня в яме, которая, как нам кажется, может рассматриваться в качестве наиболее примитивного овина для просушки снопов. Описание такого сооружения находим у В. Й. Довженка, оно полностью совпадает с раскопанным нами объектом. Наше предположение подтверждается также находками обуглившегося зерна в верхнем слое заполнения постройки. Примечательно, что яма для просушивания снопов была выкопана в каменистом слое материка, что, видимо, связано с желанием повысить теплоотдачу во время просушивания зерна, так как в «шишах» ямы специально обкладывались камнем. Вокруг этой ямы в виде конуса устанавливались колья длиной до 3 м, которые сверху связывались. Конус обкладывался снопами таким образом, чтобы колосья были повернуты внутрь, а в яме разводили огонь [2, с. 154, рис. 68].

Существенную информацию об уровне развития земледелия содержат сель-

скохозяйственные орудия. Коллекция пахотных орудий представлена наральником и двумя лемехами, из других земледельческих орудий найдено 2 чересла, 2 мотыги, коса и 14 серпов (рис. 2, *1—14*). Наральник — втульчатый, высотой 15 см, длина втулки — 5, ее средняя ширина — 6 см, наибольшая ширина наконечника — 9,5 см (рис. 2, *11*). По классификации Ю. А. Краснова этот наконечник относится к I группе и идентифицируется с рабочими наконечниками однозубых рал — наральниками [3, с. 29]. По форме и размерам наиболее близки к описанному экземпляру наральники из Сахновки и Пастырского, а также Хотомеля и Новотроицкого [4, с. 56, рис. 4]. Рассмотренный наральник, по-видимому, относится к славянскому слою и датируется последней четвертью I тыс. н. э. Однако он найден в воде, поэтому его датировка условна, тем более что наральники такого облика бытовали с VI—VII вплоть до XII в. [3, с. 37].

Второй экземпляр имеет высоту 25,5, длину втулки — 15,5 см, ее сре́дняя ширина — около 14 см, наибольшая ширина наконечника — 13,5 см. Это довольно массивное орудие с симметричной лопастью, рабочий конец которой умеренно заострен. Рабочий край наварен (рис. 2, *10*). По набору всех признаков он относится к типу IV В1. Совершенно аналогичные наконечники происходят из городища Княжа Гора и Девич Гора [3, рис. 14].

Третий экземпляр с лопастью в виде разностороннего треугольника отличается массивностью и имеет хорошо выраженную правостороннюю асимметрию (рис. 2, *13*). Его общая длина — 46 см, длина втулки — 9,5 см, ее средняя ширина — около 3,3 см, наибольшая ширина наконечника — 37 см. Он имеет короткую относительно общей длины втулку, по краям лопасти присутствует наварка. По размерам и некоторым пропорциям приближается к типу IV В5. Такие крупные наконечники достаточно редкая находка, Ю. А. Краснов приводит сведения о 3 экз., один из которых происходит из Болгарского городища, золотоордынского слоя, другой относится к случайным находкам [3, с. 53]. К сожалению, описанный нами наконечник обнаружен в смыве культурного слоя, поэтому его датировку можно установить лишь по аналогиям. Его, по-видимому, следует датировать XIII—XIV вв. Надо иметь в виду, что асимметричные лемехи были найдены и на ряде древнерусских памятников Южной Руси, таких, как Княжа Гора, Райковецкое городище и Колодяжин [2, с. 75]. Этот наконечник, как и предыдущий, относится к плужным лемехам, работающим в горизонтальном положении почти всегда с чересло́м. На памятнике обнаружено два плужных ножа, один из них поднят в воде, второй найден в культурном слое на глубине 0,5 м. Этот верхний слой датируется XII—XIII вв. Чересло, происходящее из культурного слоя, имеет общую длину около 47 см, длина ножа — 25, ширина — около 5,5, толщина спинки — 2 см (рис. 2, *12*). Второй экземпляр — длиной около 38 см, кончик обломан, длина сохранившейся части ножа — 13,5, ширина — 6,6 см, толщина спинки — около 1,5 см. Находки плужных ножей имеют большое значение, так как они являются одной из основных и характерных частей плуга как инструмента, подрезающего слой грунта. Одновременное использование в крестьянском хозяйстве плуга и рала обусловливалось потребностью в различных видах обработки грунта. Плуг использовался для глубинной вспашки с непременным перевертыванием пласта земли, широко применялся на старопахотных землях, в то время как рало использовалось для распушивания и взрыхления грунта. Древнерусский плуг был орудием, безусловно, более совершенным, чем рало, однако и более сложным, требующим специальных знаний и значительного количества металла для его изготовления [2, с. 82]. Из других орудий обработки грунта на Григоровском поселении встречаются также мотыги и лопаты (рис. 2, *8, 9*).

Рассмотренные пахотные орудия относятся к высокоразвитым, совершенным типам. Бытование этих орудий труда в древнерусское время связано с комплексом факторов, прежде всего с природно-географической средой и социально-экономическими условиями развития общества. Технология производства сельскохозяйственных орудий труда и уровень кузнечного ремесла в целом позволяли

Состав обуглешного зерна по

Объект	Объем собранного материала, мл	Пшеница			Ячмень пленчатый	Рожь	Овес	Просо обыкновенное	Бобовые	
		двузернянка	мягкая	карликовая					горох	чечевица
Постройка 3, XII в., закрома	700	70	—	—	140	211	40	—	70	—
Яма-овин, XII в.	30	—	—	—	в комках	90	109	1	—	—
Жилище 2, XII в.	2	6	13	—	9	6	2	11	16	16
Жилище 6, XII в.		—	2	—	2	—	—	—	1	—
Жилище 5, IX—X вв.		3	5	—	3	5	—	11	—	—
Жилище 7, X в.	1	6	2	—	8	6	6	12	—	—
Жилище 9, VIII — IX вв.		—	2	—	—	—	—	—	—	1
Яма 2, XII—XIII вв.		2	9	—	5	5	—	—	—	—
Яма 3, XII в.		—	7	—	4	4	—	—	—	—
Яма 4, XII в.		1	—	—	—	—	—	3	—	—
Яма 5, XII в.	3	—	19	1	3	182	1	1	1	—
Яма 29, IV—V вв.	1	—	6	—	38	3	15	3	—	—
Постройка 10, X—XI вв.		—	4	—	1	—	—	1	2	—

изготавливать совершенные пахотные орудия на ряде поселений Среднего Поднепровья. Не вызывает сомнений существование на Григоровском поселении высокоразвитого кузнечного ремесла и железоделательного производства. Об этом свидетельствует огромное количество находок из железа, представленных фактически всеми известными для древнерусского времени находками этой категории материала. При обследовании склонов оврагов, окружающих поселение, обнаружены естественные залежи бурого железняка, а в культурном слое встречаются куски шлаков и крицы.

Сравнительно большая коллекция серпов из поселения представлена в основном обломками, только 4 экз. дают полную информацию об их устройстве. Морфологический анализ серпов проведен по методике В. П. Левашовой [5, с. 60]. Длина основы (АВ) целого экземпляра составляет 30 см, расстояние АС, положение вершины лезвия — 13 см, высота СД — 10 см. Угол резания почти на всем протяжении лезвия находится в пределах 40—60°, т. е. приближается к наиболее оптимальному (рис. 3, *1*). Изгиб начальной части клинка, угол А, близок к прямому (105°), конечная часть клинка сходит к линии АВ под острым углом в 55°, конец клинка оттянут и слегка расклепан. По своим характеристикам этот серп относится к наиболее совершенным типам.

Второй почти целый экземпляр происходит из жилища X—XI вв. (рис. 3, *4*). Длина его основы — 27 см, линия АС — 8,5, СД — 9,5 см. Угол резания на всем протяжении лезвия находится в пределах 44—51°. Изгиб начальной части клинка крутой, угол А почти прямой (96°), конечная часть клинка сходит под острым

Таблица 1

материалам поселения Григоровка

Лен	Сорняк									
	костер полевой	плевел одур.	вьюнок полевой	марь белая	просо куриное	щетинник зеленый	щавель	подмаренник	ширица	бузина
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	1
1	—	—	—	5	1	—	1	—	2	7
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	6
34	—	—	1	5	1	1	5	—	—	16
—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—
3	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
3	—	—	—	—	2	—	—	—	—	2
—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	4
—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2
—	3	6	—	2	13	—	2	11	—	3
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

углом в 56°, конец клинка оттянут и слегка расклепан. Этот серп по степени совершенства приближается к описанному выше новгородскому типу.

Серп, обнаруженный в культурном слое X—XI вв., имеет длину основы 28 см, линия АС равна 9,5, СД — 9,0 см (рис. 3, *3*). Углы резания несколько ниже, чем у предыдущего экземпляра, однако довольно устойчивые и находятся в пределах 45—48°. Линия СД составляет $^1/_3$ линии АВ, угол изгиба начальной части клинка (А) равняется 65°, конечная часть клинка сходит к линии основания под углом 50°. Этот серп уступает описанному выше экземпляру, по технологическим характеристикам он приближается к московскому типу.

Четвертый экземпляр обнаружен в слое IX—X вв. (рис. 3, *2*), он наименее совершенен. Длина его основы — 22 см, линия СД — 5,2, АС — 9,4 см. Угол резания на большей части дуги лезвия составляет всего 30—40° и лишь в конце клинка достигает 43—44°. Угол основания клинка — острый (43°), угол конечной части клинка всего на 2° больше угла А.

Кроме серпов на поселении обнаружены обломки кос, а также один целый экземпляр косы в жилом комплексе X—XI вв. (рис. 2, *1*). Длина ее основы — 33, наибольшая ширина — около 4,0 см.

Рассмотренный материал не только свидетельствует о занятии древнерусского населения Григоровки земледелием, но и позволяет проследить динамику развития этого производства на значительном отрезке времени. Наиболее интересными в этом плане являются палеоботанические данные. Кроме хозяйственных комплексов и сельскохозяйственных орудий на поселении выявлены в обугленном виде семена и зерновки культурных растений (табл. 1). Исследование палеоботанических находок начнем с анализа заполнения ямы-овина. Обугленное

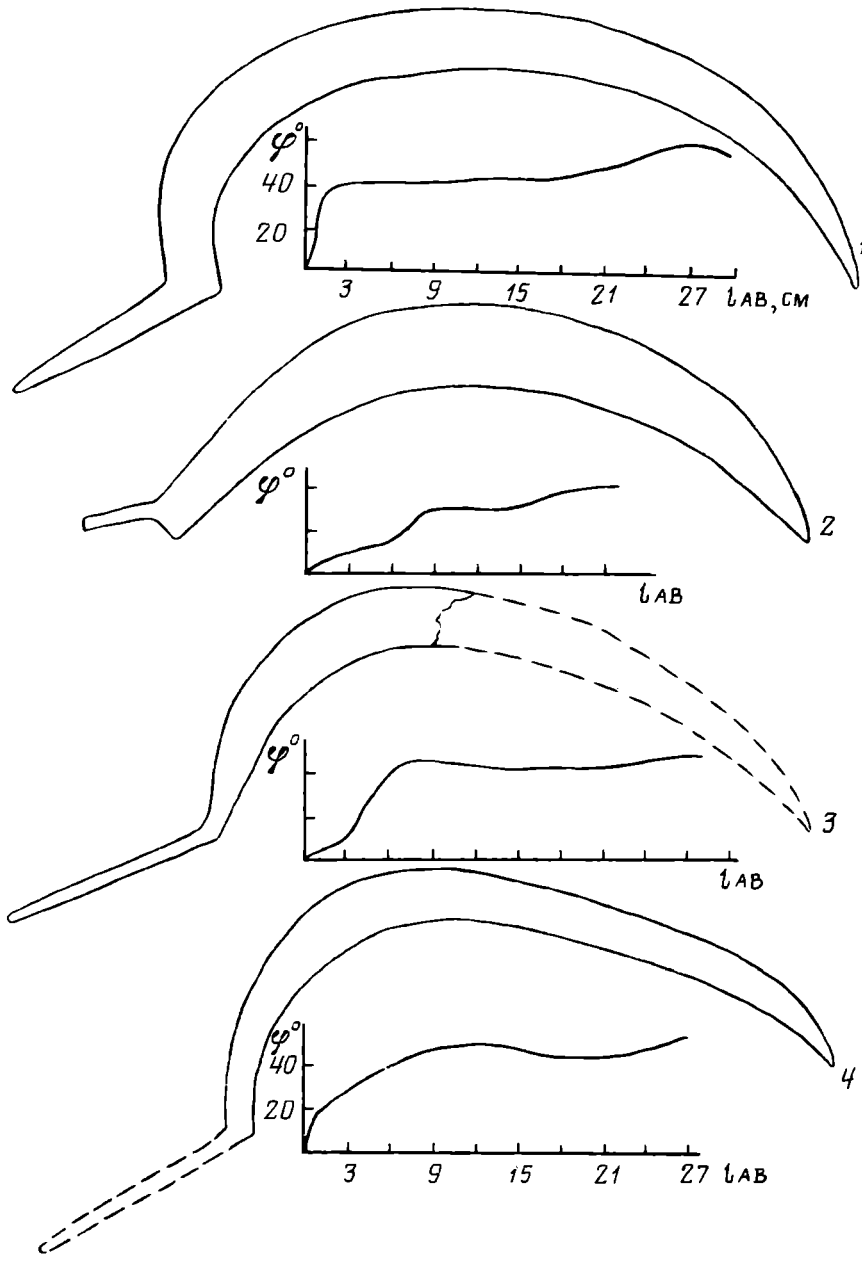


Рис. 3. Серпы из поселения Григоровка. *1*–из смыва культурного слоя; *2* — IX—X вв.; *3* — X—XI вв.; *4* — X—XI вв.

зерно в яме спеклось в комки. Состоят они из зерновок пленчатого ячменя (Hordeum vulgare L.) и овса (рис. 4, *3*). Обычно в находках зерновки ячменя встречаются в рассыпчатом виде. В данном случае образовались плотные блестящие комки: видимо, огонь воздействовал на колосья, связанные в снопы. В них можно различить значительно разрушенные, оплавленные соединения зерновок с выгоревшими полостями. Часть зерновок находилась в рассыпчатом виде. Установлено, что они принадлежали ячменю пленчатому, бутылковидной формы (90 зерновок) и овсу (109 зерновок). Зерновки бутылковидного ячменя крупные, форма их удлиненно-овальная, значительная часть зерновок асимметрична, брюшная полоса расширяется к вершине. Основание зерновки удлиненное благодаря вытянутой подножке, которая покрыта чешуями; различить ее можно только после их удаления. Благодаря такому строению зерновки бутылковидного ячменя имеют более длинное тело, чем обычный пленчатый ячмень; они более узкие, их ширина и толщина меньше. Морфологические признаки свидетельствуют о том, что в данной находке представлен пленчатый многорядный ячмень. Средние размеры зерновок представлены в табл. 2.

Таблица 2

Средние размеры обугленных зерновок из поселения Григоровка

Место отбора пробы и количество подсчитанных зерен n	Вид		Длина (L)	Ширина (B)	Толщина (T)	Индексы	
						L/B	T/B
Яма 5, n = 5	Triticum compactum	min	5,04	4,04	2,64	1,28	0,57
		$\bar{x}$	5,93	4,352	3,208	1,343	0,72
		max	6,96	5,4	4,28	1,48	0,79
		s	0,836	0,64	0,676	0,148	0,089
Яма 2, n = 5	Triticum dicoccum	min	7,92	3,6	3,36	2,2	0,87
		$\bar{x}$	8,592	3,78	3,408	2,353	0,935
		max	9,6	1,26	3,48	2,67	0,97
		s	0,92	0,288	0,065	0,216	0,031
Постройка 1, n = 32	Hordeum vulgare	min	8,26	3,48	2,4	1,7	0,67
		$\bar{x}$	9,5	4,59	3,74	2,09	0,83
		max	10,8	5,76	4,56	2,76	0,95
		s	0.73	0,61	0,522	0,25	0,071
Яма 29, n = 30	То же	min	6,24	3,36	3,12	1,42	0,7
		$\bar{x}$	7,69	4,11	3,41	1,88	0,84
		max	9,6	5,4	4,28	2,25	0,97
		s	0,88	0,496	0,286	0,195	0,071
Яма 5, n = 30	Secale cereale	min	7,2	2,4	2,28	2,11	0,76
		$\bar{x}$	9,204	3,237	2,951	2,883	0,914
		max	10,56	4,28	4,04	3,7	1,052
		s	0,993	0,481	0,455	0,392	0,07
Постройка 1, n = 15	Avena sativa	min	8,4	3,24	2,16	2,19	0,64
		$\bar{x}$	10,26	3,704	2,856	2,79	0,765
		max	12,24	4,56	3,36	3,42	0,93
		s	1,09	0,384	0,385	0,382	0,328
Жилище 2, n = 7	Panicum miliaceum	min	2,64	1,92	1,32	1,1	0,61
		$\bar{x}$	3,05	2,4	1,697	1,28	0,72
		max	4,04	3,0	2,4	1,68	0,8
		s	0,532	0,398	0,418	0,194	0,234
Жилище 2, n = 7	Linum usitatissimum	min	5,16	2,52	1,02	1,67	0,303
		$\bar{x}$	6,48	2,95	1,123	2,23	0,383
		max	7,08	3,6	1,44	2,8	0,48
		s	0,74	0,409	0,179	0,407	0.054
Жилище 7, n = 3	Sambucus nigra	min	3,36	2,16	1,32	1,4	0,52
		$\bar{x}$	3,96	2,44	1,4	1,616	0,579
		max	4,92	2,76	1,44	1,78	0,67
		s	0,84	0,302	0,069	0,194	0,077

Примечание. $\bar{x} = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n} x_i = \frac{1}{n}(x_1 + x_2 + \quad + x_n)$. $s = \sqrt{\frac{1}{n-1}\sum_{i=1}^{n}(x_i - \bar{x})^2}$

Бутылковидный ячмень в прошлом был широко распространенным растением. Находки его на Юго-Западе СССР, начиная с эпохи неолита и по средневековье, довольно многочисленны [6].

Обугленные зерновки овса в большинстве своем сохранились в чешуях и с опушением на теле; основания чешуй прямые, не скошенные. Видимо, зерновки принадлежат культурному овсу посевному (Avena sativa L.). Размеры их приведены в табл. 2.

Известно, что жители поселений хранили зерно в ямах-погребах и в специальных помещениях — закромах. Одно из таких помещений исследовано на центральном раскопе (постройка 3). Это было наземное сооружение прямоугольной формы, размером около 2,5×4,0 м, ориентированное, как и жилые постройки, стенами по сторонам света с небольшим отклонением. Постройка датируется

XII в; хорошо сохранился ее северо-западный угол, который фиксируется завалом обожженной глины от рухнувшей при пожаре глинобитной стены. Юго-восточный угол отмечен остатками обуглившегося столба, слегка вкопанного в грунт. Постройка перекрывалась тонким слоем лёссовидной супеси (след планировки XII в). Внутри постройки находился комплекс ям: две из них вытянутой прямоугольной формы, размером около 0,6×2,0 и 1,0×2,1 м; третья яма подквадратной формы, размером 0,6×0,65 м. Глубина ям небольшая — 0,25—0,3 м от пола постройки. На полу, в темном углистом слое вблизи глиняного завала стены, обнаружено большое количество обуглившегося зерна. Объем его составил около 700 мл. Как показал анализ, находка состояла из обугленных зерновок ржи Secale cereale L. Незначительная примесь образована зерновками пшеницы-двузернянки Triticum dicoccum Schrank, пленчатого ячменя и гороха Pisum sativum L. Зерновки ржи длинные, узкие, с заостренным основанием и тупой вершиной. Они хорошо сохранились, без следов деформации от пожара (рис. 4, *1*). Обуглившиеся зерновки выявлены при промывке заполнения всех ям. В ямах 3, 4 обнаружены в небольшом количестве зерновки пшеницы мягкой и пшеницы-двузернянки, пленчатого ячменя, проса Panicum miliaceum L., ржи, семена льна Linum usitatissimum L. и бузины Sambucus nigra L. Промывка содержимого ямы *5* выявила, что в ней находилось значительное количество углей, чешуи рыб, мелких костей животных и обугленное зерно. Основной состав обугленной массы зерна составила рожь (182 зерновки). В примеси зафиксированы зерновки пшеницы мягкой и пшеницы карликовой (рис. 4, *2*), ячменя (рис. 4, *5*) и овса. Обнаружены семя гороха и два семени бузины. Сорняки представлены лишь семенами мари белой (2 шт.). Зерновки ржи хорошо сохранились, имеют четкие морфологические признаки; средние размеры зерновок приведены в табл. 2.

Для получения более полной информации об ассортименте выращиваемых культур в разные периоды жизни поселения кроме сбора обугленного зерна осуществлялась промывка культурного слоя из заполнения разновременных объектов. В результате проведенных промывок выделено разное количество зерна. Так, при промывке заполнения жилища 2 (XII—XIII вв.) выявлено около 2 мл обугленного зерна. В находке преобладали семена бобовых. Здесь они представлены горохом (16 шт.) и чечевицей Lens culinaris Medik. (рис. 4, *6*). Кроме них зафиксированы зерновки пшеницы мягкой и карликовой, ячменя пленчатого, проса обыкновенного, ржи и овса. Найдены одно семя льна и семь семян бузины. В этой же массе обнаружены семена сорняков. Это — единичные семена мари белой, проса куриного, щавеля, ширицы (рис. 4, *7*).

В жилище 6 (XII в.) находки незначительны, выявлено лишь несколько зерновок пшеницы мягкой, ячменя пленчатого, гороха. Несколько зерновок обнаружено при промывке заполнения постройки 10 (X—XI вв.). Здесь найдены зерновки пшеницы мягкой (4 шт.), пленчатого ячменя (1 шт.), проса обыкновенного (1 шт.), семена гороха (2 шт.). На фрагментах обмазки из этого же помещения есть отпечатки пленчатого ячменя.

В жилище 5 (IX—X вв.) находок немного: выявлены обугленные зерновки пшеницы-двузернянки и мягкой пшеницы, проса, ржи, ячменя и несколько семян бузины. Значительно больше зерна находилось в заполнении жилища 7 (X в.). На полу, в горелом слое толщиной 10—15 см, обнаружено около 3 мл обугленного зерна. В смеси, состоящей из зерновок и семян различных культурных растений, основное значение принадлежит семенам льна (рис. 4, *4*). Кроме того, здесь представлены в небольшом количестве зерновки двух видов пшеницы: пшеницы-двузернянки и пшеницы мягкой, пленчатого ячменя, ржи, проса, овса. Встречены семена бузины и сорняков: просо куриное Echinochloa crus galli Roem et Schult., марь белая Chenopodium album L., вьюнок полевой Convolvulus arvensis L., щавель Rumex sp., щетинник зеленый Setaria viridis L. P. B.

В жилище 9 (VIII—IX вв.) обнаружены две зерновки пшеницы мягкой, семя чечевицы, а также семена сорняков — щавеля и подмаренника.

В ямах, как правило, обугленных зерновок немного. Об этом свидетельствуют

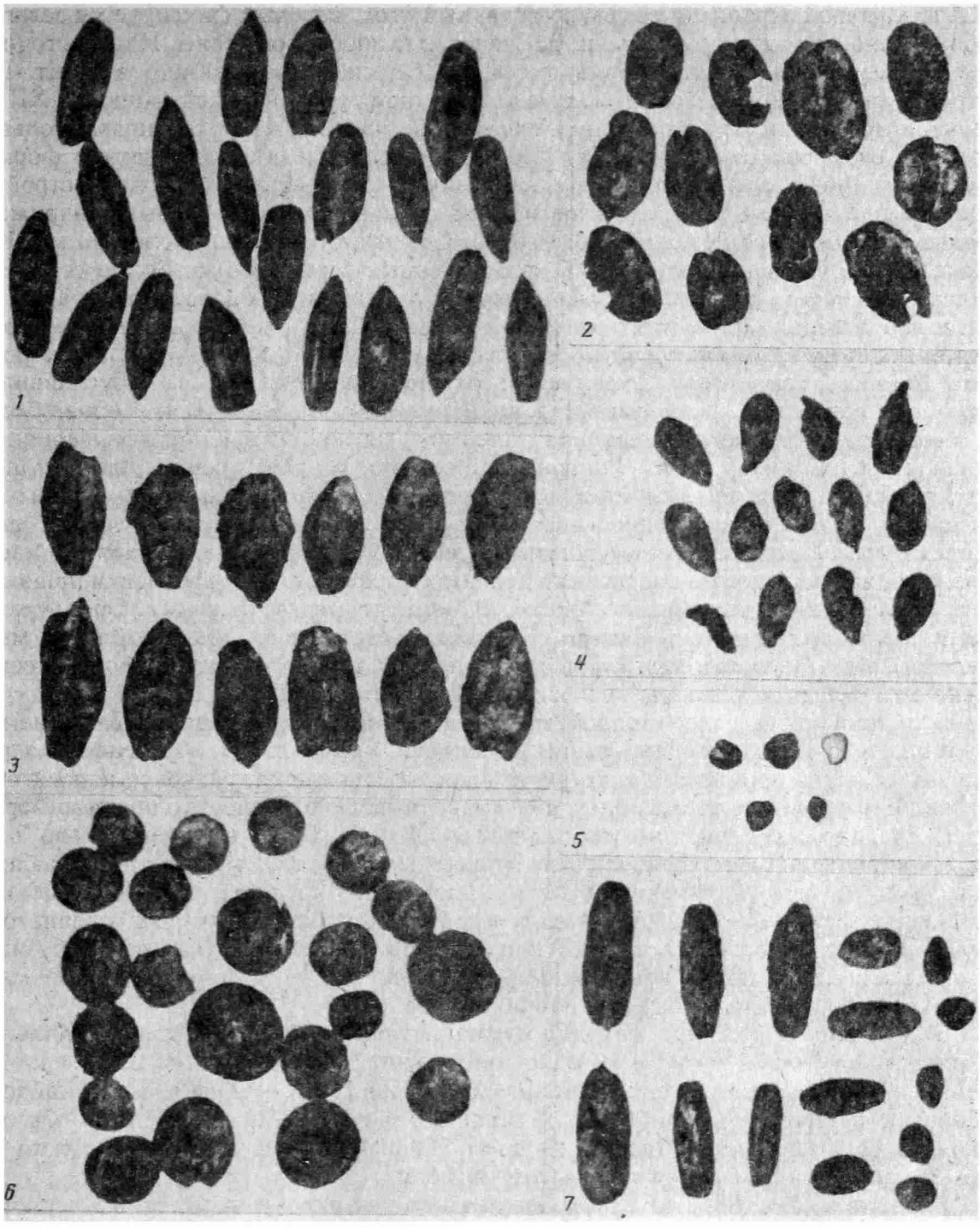


Рис. 4. Зерновки обугленных злаков и сорняков. 1 — рожь Secale cereale L.; *2* — пшеница карликовая Triticum aestivum L. и мягкая Tr. compactum Host.; *3* — ячмень пленчатый Hordeum vulgare L.; *4* — лен Linum usitatissimum L.; *5* — просо Panicum miliaceum L.; *6* — горох Pisum sativum L., чечевица Lens culinaris Medik; *7* — сорняки

результаты промывок содержимого ям 2—4. В них обнаружены в небольшом количестве зерновки пшеницы мягкой и пшеницы-двузернянки, пленчатого ячменя, проса, ржи, семена льна и бузины (табл. 1).

Значительный интерес представляют обугленные зерновки злаков, выявленные при промывке содержимого ямы 29. По находкам керамики она датируется IV—V вв. н. э. Зерновки очень плохой сохранности, под сильным действием огня концы у многих зерновок обломаны. Исследования выявили, что основной компонент в находке — ячмень пленчатый. Зерновки его в основном ромбовидной формы, укороченные, на теле у некоторых сохранились пленки, часть зерновок асимметрична. Таким образом, в яме 29 хранились зерновки пленчатого многорядного ячменя. Примесь других культур незначительна. Это зерновки пшеницы мягкой (6 шт.), овса (15 шт.), ржи (3 шт.) и проса обыкновенного (3 шт.). Семена сорняков в отличие от зерновок культурных растений хорошо сохранились. Их довольно много, состав их разнообразен (табл. 1). Здесь выявлены просо куриное, плевел, костер полевой, марь белая, подмаренник.

Таким образом, на поселении Григоровка собран значительный палеоботанический материал. На его основании можно проследить динамику ассортимента культурных злаков и сопутствующих им сорняков во времени. Однако следует отметить, что количество обугленных зерновок, выделенных из разных слоев, настолько различается, что такое сопоставление очень затруднительно. Например, в некоторых объектах (постройка 3) собраны тысячи зерновок, в других — единичные зерна (жилище 6). Все же определенные общие тенденции можно наметить, учитывая также и опубликованные данные. Очевидно, следует исходить из того, что в заполнение жилищ и хозяйственных ям попадали случайно оброненные зерновки и семена тех растений, которые обитатели жилищ употребляли в пищу изо дня в день в течение одного или несколько поколений. Так образовалась смесь из разнообразных зерновок и семян. Находки же в объектах функционального назначения более однородны. В них содержатся, вероятно, те зерновки, которые находились здесь к моменту воздействия на них огня. Так, например, в яме-овине преобладает пленчатый ячмень с небольшой примесью овса. В яме 5 находилось зерно ржи. Зерновки же других растений в этой массе единичны. Возможно, они встречались в посевах ржи как засорители, и их зерновки попали в общую массу во время уборки урожая. Если исходить из вышеизложенных предположений, то наиболее подходящими для сопоставления находками являются те, которые получены при промывках заполнений жилищ и хозяйственных ям.

Изменялся ли состав культурных растений, используемых жителями поселения Григоровка?

По содержимому ямы 29 в определенной мере можно судить об ассортименте, который использовался населением в IV—V вв. Очевидно, что в его составе были ячмень пленчатый (возможно, в числе ведущих зерновых культур), просо обыкновенное, овес, рожь, пшеница мягкая. Такой набор близок к выявленному для памятников киевской культуры (Обухов, Хлепча, Сушки, Вишенки), расположенных также в Среднем Поднепровье, недалеко от поселения Григоровка. В их палеоэтноботанических спектрах велико значение пленчатого ячменя, хотя он здесь находится на втором плане после проса. Кроме проса обыкновенного и ячменя пленчатого в составе спектра были овес, рожь и два вида пшеницы: пшеница-двузернянка и пшеница мягкая.

Таким образом, находки из поселения Григоровка наряду с данными, полученными для соседних памятников, подтверждают вывод о том, что в Среднем Поднепровье в IV—V вв. ячмень и просо обыкновенное были основными растениями у населения киевской культуры. Кроме того, выращивали здесь пшеницу-двузернянку, возможно, пшеницу карликовую или мягкую, рожь.

В палеоботаническом спектре, полученном по материалам IX—X вв., состав возделываемых культур иной. В нем преобладали зерновки пшеницы мягкой и двузернянки. Возможно, пшеница также была основной зерновой культурой и

в посевах. Выращивали, кроме того, просо, ячмень пленчатый и рожь. Палеоботанические находки на поселении Монастырек, которое датируется тем же временем (VIII—X вв.) и расположено на расстоянии около 6 км от поселения Григоровка, демонстрируют сходство ассортимента выращиваемых культур [7, с. 86—96].

В XII—XIII вв. помимо зерновых культур: пшеницы, ячменя, проса, видимо, большое значение имели также бобовые растения. В данном случае это были горох и чечевица. Значительно большим было также значение ржи.

Материалы поселения хорошо укладываются в установленную схему изменений ассортимента выращиваемых культур в I тыс., начиная с рубежа нашей эры и кончая раннеславянским временем. Главными культурами были просо, ячмень пленчатый и пшеница-двузернянка. Установлено, что в раннеславянское время в Среднем Поднепровье выращивали в основном те зерновые культуры, которые не требовали глубоко вспаханной почвы. Это — просо и ячмень пленчатый, сюда же следует отнести и пшеницу-двузернянку. Обе основные зерновые культуры — яровые, скороспелые, «выгодные», так как обычно дают хорошие урожаи и не требуют больших трудовых затрат.

С совершенствованием техники производства орудий обработки почвы и других сельскохозяйственных орудий труда, развитием кузнечного ремесла и железоделательного производства в X—XIII вв. наблюдается расширение ассортимента выращиваемых растений. В их составе появляется такая зерновая культура, как рожь, требующая глубокой вспашки и хорошо обработанной и очищенной от сорняков почвы. Присутствие ржи наряду с пшеницей-двузернянкой дает возможность говорить о наличии яровых (пшеница, ячмень, просо) и озимых (рожь) посевов. Это в свою очередь предполагает использование двух- и трехпольных посевов. Пшеница могла высеваться после ржи, хорошо очищающей почву, а рожь — по перелогу или после яровой пшеницы, овса, ячменя. Просо, чувствительное к засоренности грунта, высевалось сразу после перелога или по целине. Находки бобовых растений свидетельствуют о чередовании посевов злаков и бобовых, что приводило к восстановлению плодородия почвы.

Итак, можно проследить некоторую переориентировку в составе выращиваемых культур в древнерусское время по сравнению со славянским периодом. Если комплексы VIII—IX вв. содержат главным образом зерновки пшениц (двузернянки, мягкой, карликовой), то в объектах XII—XIII вв. на первое место выходят рожь и бобовые, что связано с прогрессом в области земледелия.

Пахотные орудия свидетельствуют о высокой технике обработки грунта, необходимой для выращивания голозерных пшениц — карликовой и мягкой, а также ржи. Их роль постоянно возрастает, и на рубеже тысячелетий они выходят в основные культуры.

Все сказанное позволяет констатировать тенденцию интенсивного развития зернового хозяйства на территории Среднего Поднепровья с IV—V по XIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Петрашенко В. А.* О древнерусских поселениях Каневского Поднепровья в свете новых исследований//Тез. докл. Всесоюз. конф. Суздаль. М.: Наука, 1987.
2. *Довженок В. Й.* Землеробство Древньої Русі. Київ: Наук. думка, 1961.
3. *Краснов Ю. А.* Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М.: Наука, 1987.
4. *Пашкевич Г. О., Петрашенко В. О.* Землеробство і скотарство в Середньому Подніпров'ї в VIII—X ст.//Археологія. 1982. Вып. 42.
5. *Левашова В. П.* Сельское хозяйство//Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.: Тр. ГИМ. 1956. Вып. 32.
6. *Янушевич З. В.* Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоэтноботаническим исследованиям. Кишинев: Штиинца, 1976.
7. *Пашкевич Г. А., Янушевич З. В.* Палеоботанические исследования раннеславянского городища у хут. Монастырек//Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1978.

Институт археологии АН Украины,
Киев

V. A. PETRASHENKO, G. A. PASHKEVICH

A CONTRIBUTION TO THE STUDY OF AGRICULTURE IN MEDIEVAL RUSSIA ACCORDING TO THE MATERIALS FROM THE SETTLEMENT NEAR GRIGOROVKA VILLAGE ON THE MIDDLE DNIEPER

Summary

New materials obtained during the excavations of the multilayer settlement near Grigorovka village (Cherkassy region, Kanev district) are published. They reflect the development of agriculture; the domestic assemblages and agricultural tools are described. The set of cultural cereals is analysed. The main attention is payed to the agriculture of the Middle Dnieper basin in the Middle Ages, in particular some aspects of the development of the set of cultivated plants from the 4th up to 13th centuries are discessed. These materials and mainly the palaeoethnobotanic finds characterize local features of agricultural development of this region during the 1st millenium A. D. and in Medieval period.

С. З. ЧЕРНОВ, И. А. БОЙЦОВ

РАСКОПКИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЕЗДЕ И ИЗУЧЕНИЕ ВЕЛИКОГО ПОСАДА МОСКВЫ XIII—XIV вв.

Изучение Великого посада Москвы, классическая тема московской археологии, разрабатывалась главным образом по материалам Зарядья и прилегающих к нему участков Китай-города [1—4]. Северная, нагорная часть Китай-города до недавнего времени оставалась почти совершенно неисследованной в археологическом отношении[1] [6, с. 13]. Между тем такой вдумчивый исследователь, как М. Н. Тихомиров, не сомневался в том, что посад XIII в. в основном располагался на возвышенности [7, с. 13].

В связи с начавшимися работами по реконструкции Красной площади в 1988 г. Московская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР провела раскопки в Историческом проезде между Историческим музеем, Монетным двором и Манежной площадью [8, с. 116—124; 9, № 3, с. 28—30, № 4, с. 15—17; 10, д. 13154—13168] (рис. 1). Общая площадь, подвергшаяся раскопкам, составила 2000 м^2, что примерно равно суммарной площади ранее раскопанных участков в южной части Китай-города.

В Историческом проезде выявлены напластования с остатками деревянных срубов XIII—XIV вв.; подобные ранее были зафиксированы лишь в Кремле и Зарядье [11, с. 23]. Ценность этих сооружений обусловлена тем, что они, будучи перекрыты стерильной прослойкой конца XV — начала XVI в., дошли до нас в хорошей степени сохранности и позволяют получить представление о характере застройки, ее ориентировке и дате на достаточно широкой площади.

Полученные материалы не только расширяют фонд археологических источников по истории московского посада, но и дают возможность взглянуть на историю его развития под новым углом зрения. При этом на первый план выступает не поиск древнейших очагов заселения, а установление археологических характеристик и закономерностей формирования посада во второй половине XIII—XV в.

Существующая градостроительная ситуация в районе Исторического проезда сложилась в конце XV— начале XVI в., после возведения стен Кремля и Китай-города. Застройка посада, примыкавшего к ним с востока, погибла в пожаре 1493 г. и более не возобновлялась, а все пространство перед стенами (на глубину 109 сажен) между р. Неглинной и Москвой-рекой было обращено в площадь (плацдарм), получившую позднее имя Красной. В 1535—1538 гг. вдоль берега р. Неглинной были возведены стены Китай-города с Неглименскими (Воскресенскими) воротами, через которые осуществлялся въезд на площадь со стороны Тверской улицы. Как ее продолжение в этот период и возникает Исторический проезд.

Градостроительные преобразования Ивана III, осуществленные после пожара 1493 г. и приведшие к ликвидации застройки значительной части Великого посада, не остались вне поля зрения современников. Новгородский архиепископ Геннадий писал в 1495 г. к митрополиту Зосиме: «Здесь приехал жидовин

[1] Археологические наблюдения проводились здесь в 1933 г. при прокладке линии метрополитена, но они не затронули слоев старше XVI в. [5, с. 45—47].

© С. З. Чернов, И. А. Бойцов, 1992 г.

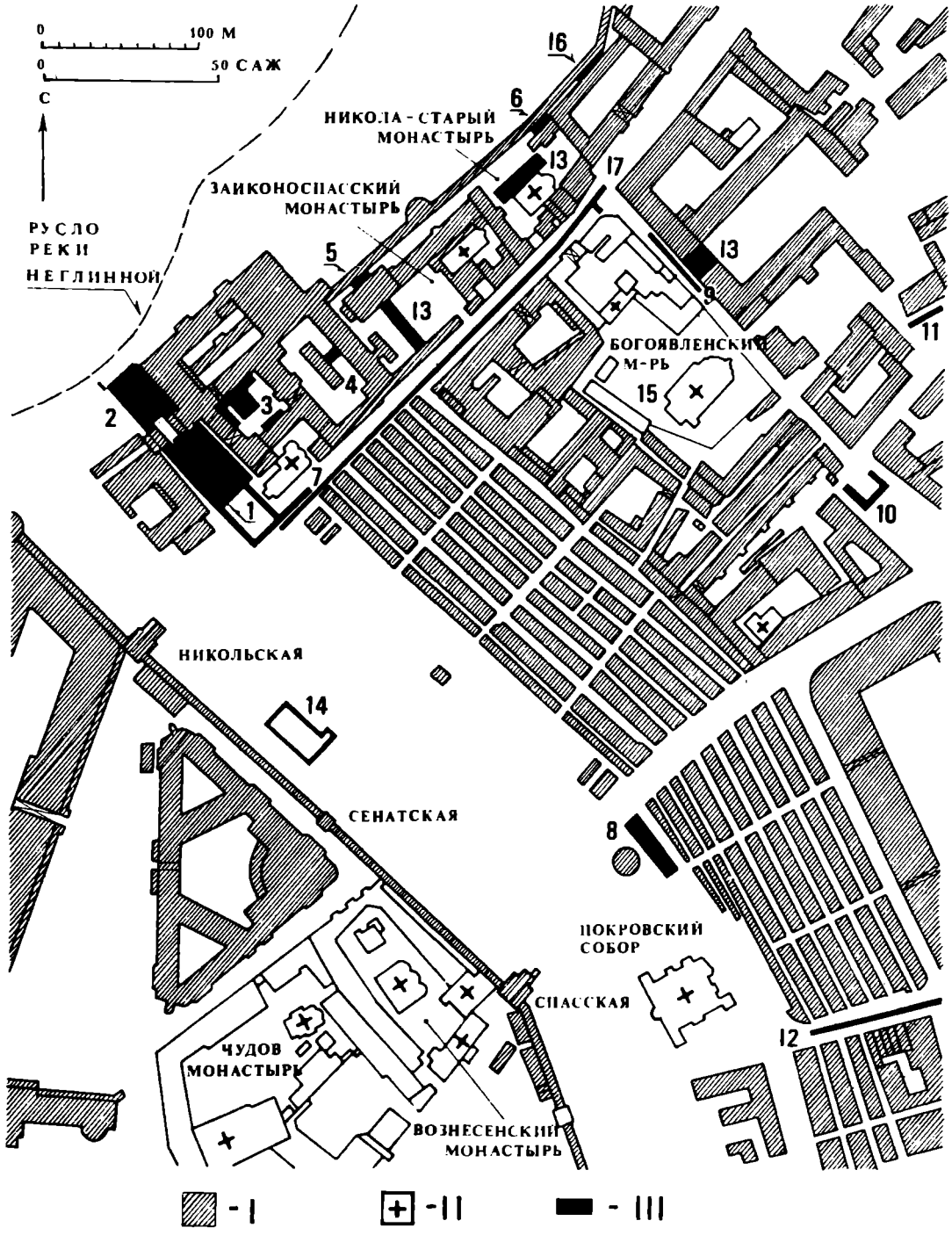


Рис. 1. План северной части Великого посада Москвы (в качестве основы использован Хотевский план Москвы 1852 г.) I — застройка на 1852 г.; II — церкви и монастыри; III — раскопы и зоны наблюдений. Работы Московской археологической экспедиции Института археологии АН СССР: *1* — Исторический проезд; раскопы А, Б; *2* — Исторический проезд; раскопы В, Г; *3* — Монетный двор; раскопы I—IV, 1987—1988 гг.; *4* — Монетный двор; раскоп V, 1989 г.; *5* — Заиконоспасский монастырь; раскоп VI, 1988 г.; *6* — Никольский греческий монастырь; раскоп VII, 1989 г.; *7* — Казанский собор; раскопы 1989—1991 гг.; *8* — Разинский спуск; раскоп 1989 г.; 9 — пр. Куйбышева; наблюдения 1988 г.; *10* — 6. Карунинская площадь; наблюдения 1988 г.; *11* — Старопанский пер., д. 3.; наблюдения 1989 г.; *12* — ул. Разина; наблюдения 1989 г. Работы при строительстве Московского метрополитена: *13* — наблюдения 1933 г. Работы Государственных музеев Московского Кремля: *14* — наблюдения при реконструкции трибун на Красной площади, 1972—1973 гг. Работы института «Спецпроектреставрация»: *15* — раскопки на территории собора Богоявленского монастыря, 1987—1989 гг. Работы Музея истории Москвы: *16* — Печатный двор; раскоп 1983 г.; *17* — наблюдения по ул. 25 Октября, 1986 г.

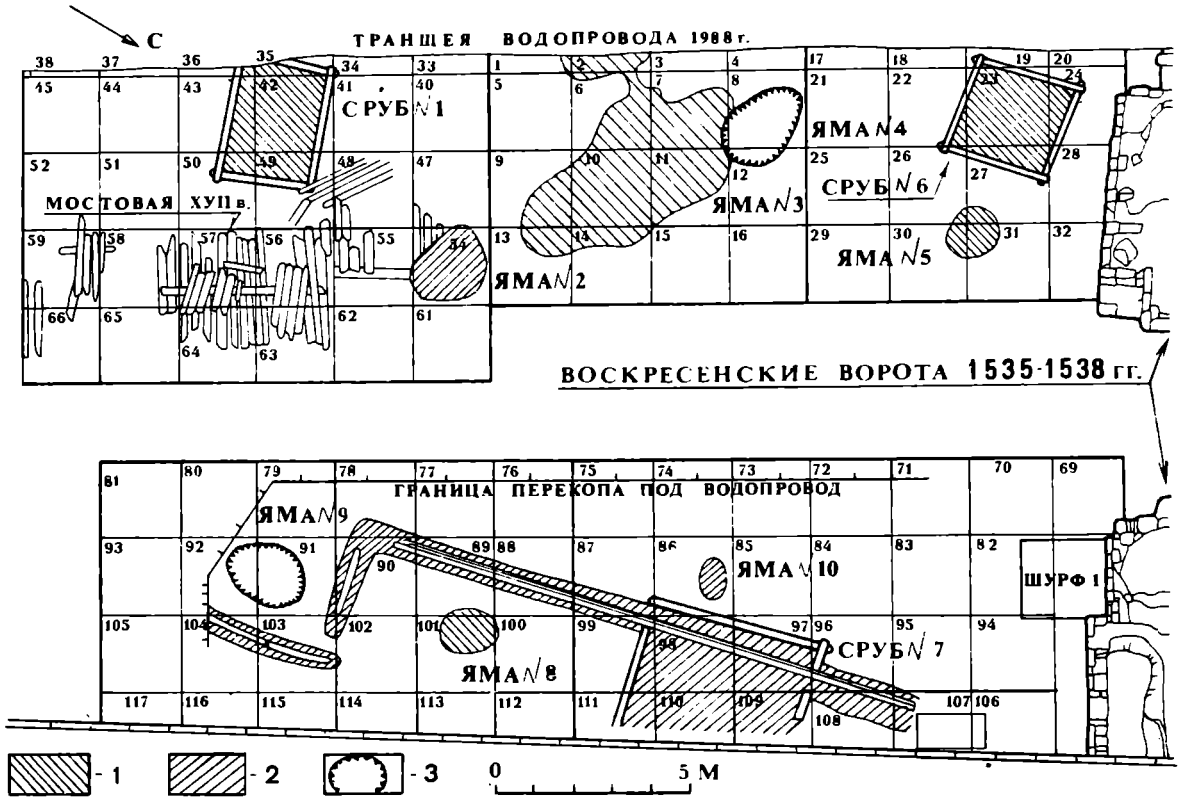


Рис. 2. План раскопов А и Б Исторического проезда. *1* — сооружения XIII—XIV вв.; *2* — сооружения XV в.; *3* — ямы XVII в. Мостовая относится к XVII в. и залегает над вымосткой конца XV — начала XVI в.

новокрещеной, Данилом зовут, да мне сказывал за столом... князь де великой на Москве церкви из города в селы метал вон... А что дворы отодвинуты от города, ино то и в лепоту; а церкви бы стояли вокруг города: еще бы честь граду большая была... Где престол стоял, да и жертвенник, а ныне те места не огорожены: ино и собаки на те места ходят и всякой скот» [25, с. 285, 287]. Престолы церквей, о которых писал архиепископ Геннадий, были перенесены в специально устроенные часовни, числом до 15, стоявшие еще в XVII в. вдоль Кремлевской стены между Фроловскими и Никольскими воротами.

Следы планировочных работ конца XV в. открылись во время раскопок.

На глубине 1,5 м практически на всем протяжении проезда, от фундаментов Воскресенских ворот до Красной площади, была зафиксирована вымостка мелким гравием с обломками кирпича, которая, судя по стратиграфии, датируется концом XV — началом XVI в. и может быть интерпретирована как первоначальная вымостка Красной площади («Пожара»)[2]. Ниже залегают заглубленные в материковую глину основания построек и ямы. Особенностью стратиграфии является то, что вымостка четко делит культурные напластования на два горизонта. Верхний, связанный с деревянными мостовыми XVI—XVIII вв., почти не содержит вещей и керамики из нижележащих слоев. В свою очередь нижний горизонт практически не нарушен позднейшими перекопами, так как на протяжении XVI—XIX вв. на этом месте не велось строительство.

В геоморфологическом отношении территория представляет собой край коренного берега р. Неглинной и верхнюю часть склона к реке, протекавшей до 1816 г. по трассе нынешнего проспекта, вдоль фасада здания Государственной думы (рис. 1). Воскресенские ворота, фундаменты которых выявлены в ходе

[2] В вымостке встречены кирпичи толщиной 7,5 и 8,5 см, а также два обломка мореной из красной глины лотковой черепицы первой половины XVI в. Наиболее ранним памятником, имевшим покрытие сводов лотковой черепицей, является Архангельский собор Кремля (1505—1508 гг.) [12, с. 234, 235, № 9].

раскопок, были поставлены у кромки коренного берега. Наиболее подробно исследовано пространство к югу от ворот, где были заложены раскопы А (216 м²) и Б (200 м²). Разделяющая их полоса шириной 2 м в результате прокладки водопровода и водостока в 30-е годы XX в. подверглась разрушению. Но, как показали раскопки, коммуникации не затронули древних сооружений. Поэтому раскопы А и Б можно рассматривать как единую площадку (470 м²), на которой выявлена древняя застройка (рис. 2). Изучено три сруба (1, 6, 7), пять хозяйственных ям (2, 3, 5, 8, 10) и водосток. К северу от раскопов А и Б на протяжении 12 м в направлении к р. Неглинной культурные напластования XIII—XV вв. разрушены в ходе строительства Воскресенских ворот. Далее вниз по склону они сохранились и изучены раскопом В (228 м²; до материка исследована площадь в 60 м²). Здесь выявлены ямы 11, 12 и сруб 13.

В настоящей статье дается описание сооружений, относящихся к XIII и XIV вв., они были обнаружены на раскопах А и Б (рис. 2, *1*)

В направлении от Красной площади к засыпанному ныне руслу р. Неглинной поверхность материка понижается: от +150 см[3] у южной оконечности раскопа А до +42 см у края фундаментов Воскресенских ворот. Далее прослеживается склон к реке: у северной стенки часовни Иверской иконы Богоматери материк залегает на глубине —182 см, а основание опоры моста через р. Неглинную имеет отметку —445 см.

Прежде чем обратиться к описанию сооружений, необходимо обрисовать стратиграфию памятника. В раскопах А и Б гравийно-кирпичная вымостка залегает непосредственно на материке, а культурный слой XIV—XV вв. отсутствует. Наблюдения над материком (суглинок на моренных отложениях) свидетельствуют о том, что его верхняя часть была срезана примерно на 40 см. На нивелировку указывает отсутствие на профиле гумусового (A_1), подзолистого (A_2) и переходного (A_2B) горизонтов. Уцелела лишь верхняя часть бурого горизонта (В) — железистый рыжеватый суглинок, пронизанный белесыми трещинами, образованными в результате вымывания из покровных горизонтов почвы окислов железа[4]. Если учесть, что гумусовый горизонт (10 см) к моменту нивелировки был уже преобразован в культурный слой, можно заключить, что до нивелировки уровень материка был примерно на 30 см выше его современной отметки. По-видимому, при организации плацдарма (площади) в конце XV — начале XVI в. культурный слой и верхние горизонты материка были смещены по склону к р. Неглинной. На это указывают стратиграфические разрезы под фундаментами часовни Иверской иконы Богоматери, в которых под вымосткой мелким гравием залегает слой пестрой серо-коричневой супеси мощностью 15 см, материкового происхождения.

Сруб 1 был открыт в южной части раскопа А, на глубине 1,3 м от уровня брусчатки, после разборки гравийной вымостки и зачистки материка, поверхность которого имела в этом районе отметки +124, +127 (рис. 3). Сруб ориентирован почти точно по сторонам света (азимут — 350°) и имеет размеры 3,6×3,2 м. Он был опущен в вырытую для него яму с небольшим подъемом дна к восточной стене (отметки +122, +131, +129). Верхний венец немного выступал над уровнем материка.

Заполнение постройки стратиграфически делилось на два горизонта. Верхний, интенсивно гумусированный и насыщенный щепой и углем, относился ко времени разрушения постройки и периоду, когда происходило заполнение котлована. Нижний, представленный светлыми опесчаненными супесями, можно связывать со временем существования постройки.

Судя по следам огня на южном и восточном бревнах верхнего венца, сруб погиб от пожара, горизонт его разрушения был открыт зачистками на уровне

[3] За нулевую отметку был принят репер в стене здания Городской думы, в 9 м к югу от проезда во двор (140 м над уровнем Балтийского моря).

[4] Определение проведено канд. геогр. наук А. Л. Александровским. На раскопках в Монетном дворе (I—IV) и на месте Казанского собора в основании культурного слоя выявлены участки древней распашки толщиной 8—12 см.

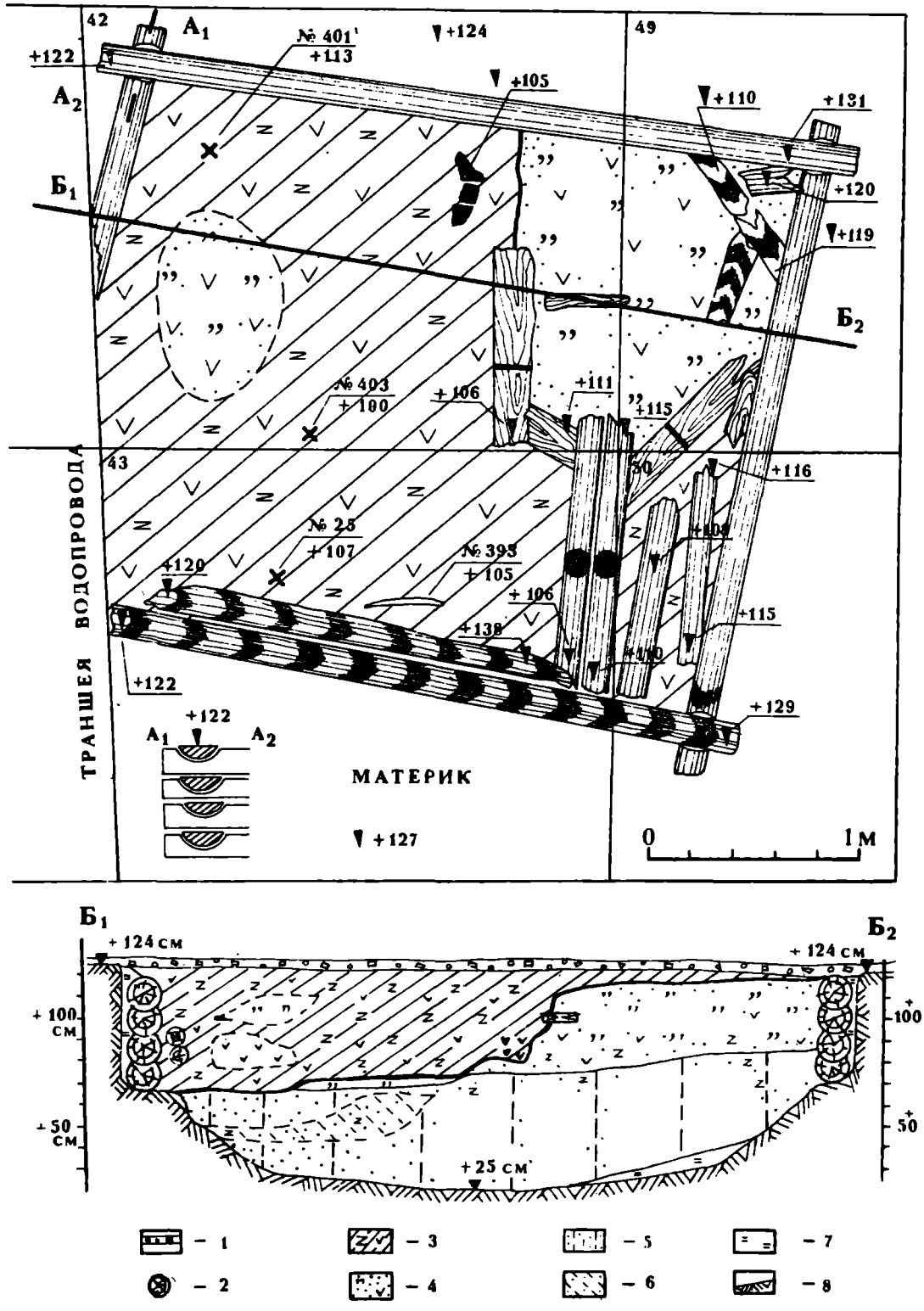


Рис. 3. Сруб 1. План. Зачистка на уровне +100 см (находки показаны с их номером и нивелировочной отметкой) и разрез сруба по линии $Б_1$—$Б_2$. Вид с юга. *1* — вымостка мелким гравием; *2* — бревна сруба; *3* — слой щепы с углем; *4* — слой песка с навозом, углем и щепой; *5* — слой опесчаненной темно-серой супеси с примесью угольков и щепы; *6* — слой коричневой супеси; *7* — спрессованная темно-серая супесь с суглинком; 8 — материк

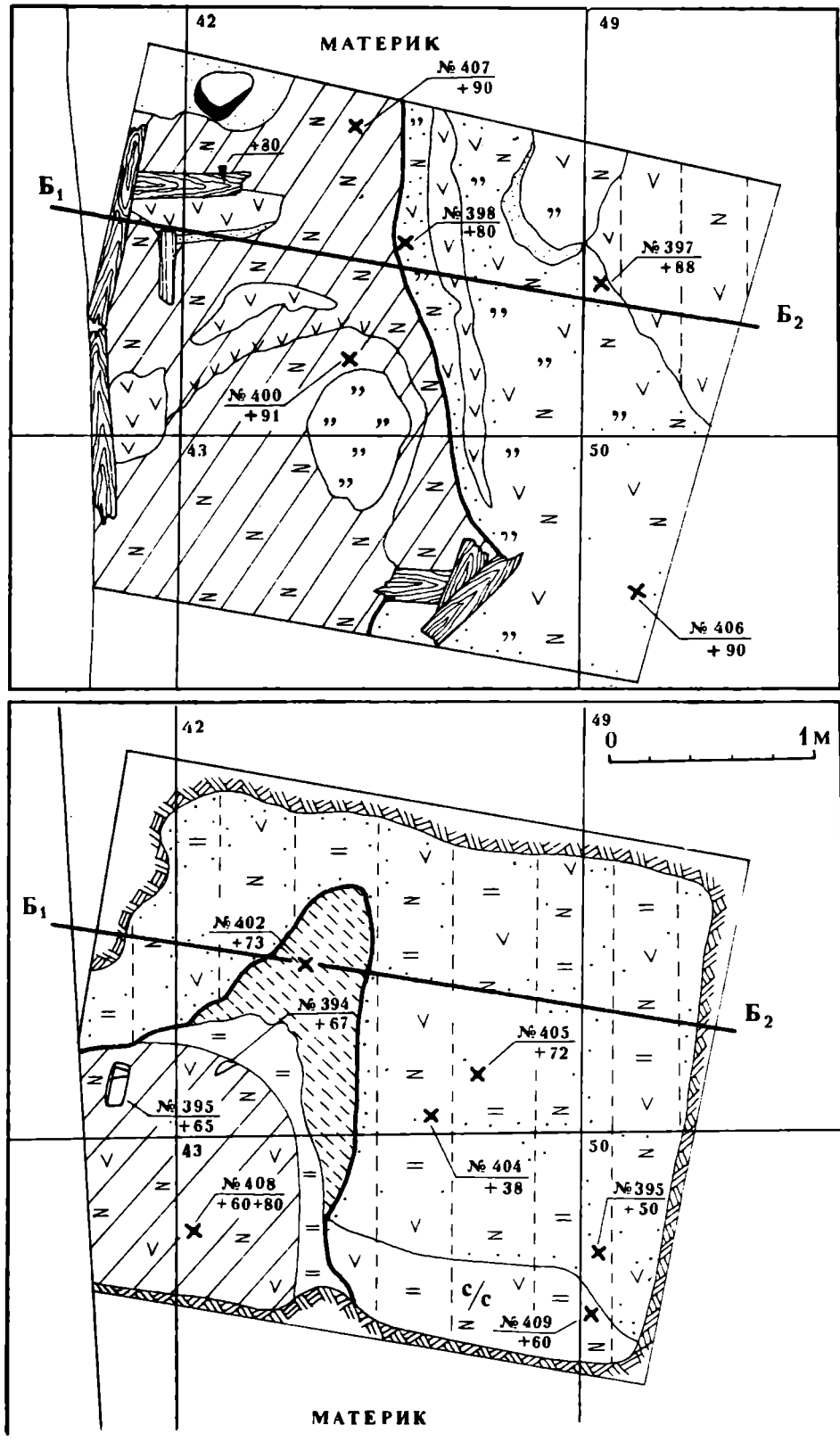


Рис. 4. Сруб 1. План. Зачистка на уровне +80 см (вверху) и +60 см (внизу). Усл. обозн. см. на рис. 3

+110 и +100 см (рис. 3). Его заполнение — щепа с углем и примесью темно-коричневой супеси. В этом богатом керамикой и находками слое, у юго-восточного угла постройки, залегало три обрубка бревен. Рядом с ними была расчищена доска (+115, +116), зажатая между первым и вторым венцами восточной стены и являвшаяся, вероятно, половицей. В слое щепы были зафиксированы также остатки перегнившего обгорелого бревна, лежавшего вдоль южной стены сруба. Очевидно, это обрушившийся вышележащий венец. Учитывая наличие этого венца и принимая во внимание, что материк был срезан примерно на 30 см, можно предположить, что пол сруба был устроен на 40—50 см ниже древней дневной поверхности (рис. 3). Косвенно на это же указывает и отсутствие в верхнем венце следов дверного проема.

Заполнение северо-восточного угла сруба состояло из песка с навозом. В этом слое, а также по его периметру были зафиксированы доски шириной 12—18 см, часть которых обгорела. На глубине +80 см (рис. 4) в восточной части сруба щепа с углем уступила место подстилавшему ее слою песка с навозом, углем и щепой. Вдоль западной стенки сруба в слое щепы прослежено еще одно обгоревшее бревно от рухнувшего внутрь постройки верхнего венца.

Зачистка на глубине +70 см отразила особенности заполнения на уровне подошвы нижнего венца сруба. Слой щепы прослеживался лишь в юго-западной части сруба. В нем были встречены скопления сена, жмыха, скорлупы лесных орехов и обрывки бересты. В восточной части слой песка с навозом был сменен нижележащей опесчаненной темно-серой плотной супесью с примесью угольков и щепы. Оба эти слоя, маркируемые присутствием песка, судя по всему, отлагались до разрушения постройки. Они были бедны находками.

На уровне +60 см (рис. 4) по периметру сруба (отметки нижнего венца +64, +67) был выявлен материк. Слой щепы локализовался в юго-западном углу постройки и выклинился на глубине +56 см. Под ним залегал слой коричневой супеси. На уровне дна ямы по всей ее площади был прослежен слой опесчаненной супеси. Яма (отметка дна +25) имела глубину 40 см от уровня подошвы нижнего венца, а общая ее глубина от уровня материка составляла 1 м.

Для датировки постройки и установления ее типа важны находки, происходящие из опесчаненного слоя, а также из слоя песка с навозом и углем, которые отложились в период жизни сооружения (рис. 5, *Б*, *В*). Это обломки стеклянных браслетов: витого черного (рис. 5, № 405) и гладкого желто-коричневого, видимо, киевского производства (рис. 5, № 406). По определению Ю. Л. Щаповой, эти типы браслетов изготавливались до 1240 г. На глубинах +80 и +88 в слое песка найдено два цельных двусторонних самшитовых гребня. Один из них, прямоугольный без орнамента (рис. 5, № 398), датируется началом XIII — первой половиной XV в., второй, орнаментированный с вогнутыми боками (рис. 5, № 397),— 1230-ми годами–концом XIV в. [13, с. 65, 66]. Хотя описанные вещи имеют широкую дату, их присутствие в одном сооружении позволяет датировать его в рамках периода их совместного бытования — второй четвертью — концом XIII в.

В тех же слоях встречены обломок деревянной, точеной на станке чаши, орнаментированная костяная рукоять (или игольник), донце сосуда с клеймом в виде свастики и деревянная поделка (рис. 5, № 408, 404, 409, 390). Керамика представлена 21 фрагментом, в том числе 10 венчиками, из которых 2 относились к курганной, а 8 — к серой посуде[5].

В слое щепы, отложившемся в период разрушения постройки, были встречены три датируемые находки: ключи типа А (рис. 5, № 400, 401), которые в Новгороде выходят из употребления в середине XIII в. [13, с. 160; 15, с. 78, 80], и обломок оплавившегося перстня глухого голубого, непрозрачного стекла (рис. 5, № 407) [16; 17, с. 106, 108, 109]. Перстни такого типа появляются в конце XIII в. и получают широкое распространение в XIV в. Кроме того, найдены биконическое шиферное пряслице XII—XIII вв. с диаметром внутреннего отверстия

[5] Керамические комплексы опубликованы [14, табл. 28—51].

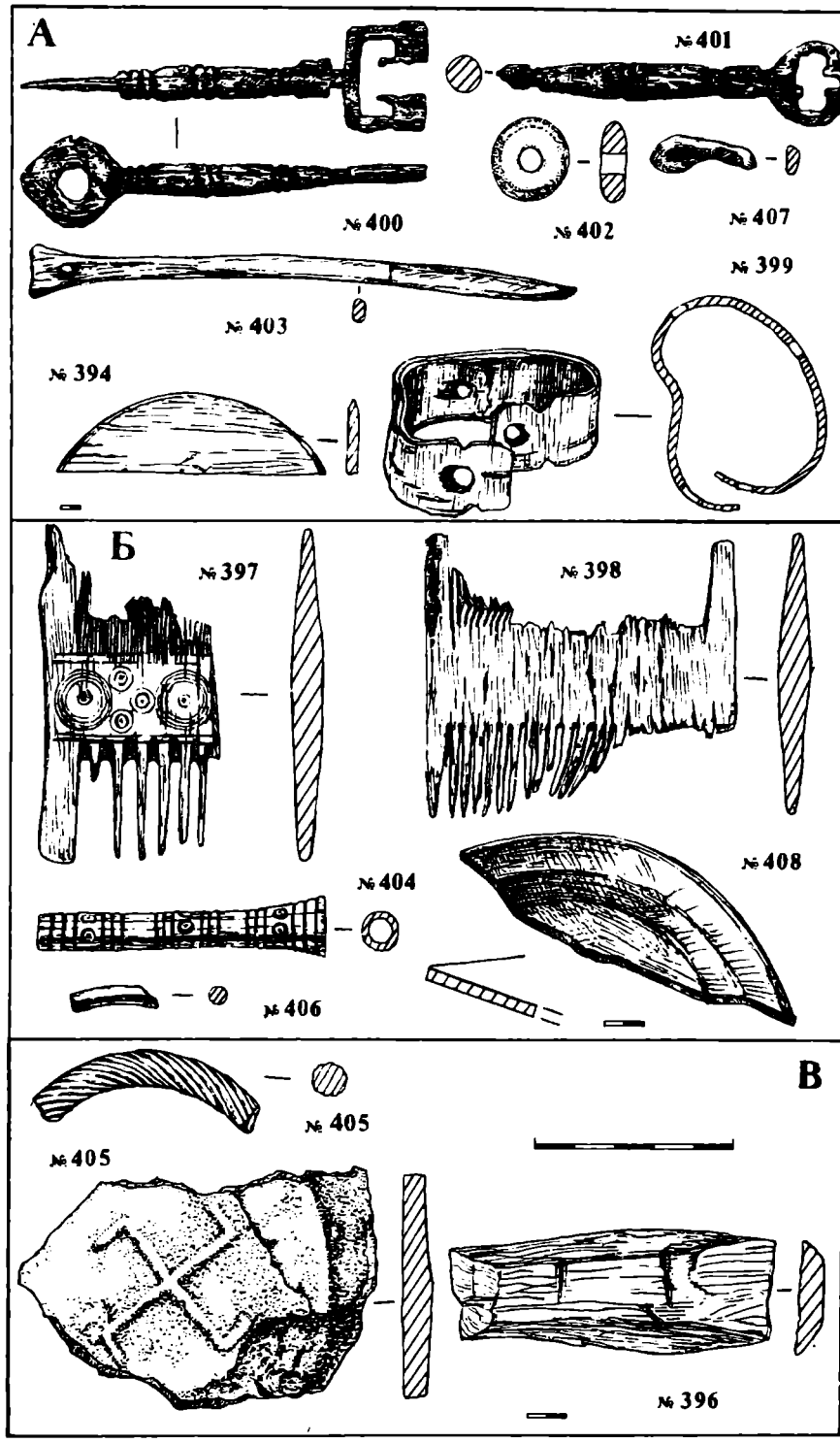


Рис. 5. Находки из сруба 1. *А* — из слоя щепы с углем (слой разрушения сооружения — рис. 3, № 3); *Б* — из слоя песка с навозом, углем и щепой (рис. 3, № 4); *В* — из слоя опесчаненной темно-серой супеси (рис. 3, № 5, 6). Находки № 396, 408, 394 уменьшены

7 мм [18, с. 95], берестяной детский браслет, костяная игла, заготовка деревянной ложки и бондарная клепка (рис. 5, № 402, 399, 403, 394, 395). Керамический набор из слоя щепы по количеству экземпляров значительно превышает керамику, найденную в слоях песка и супеси, и несколько отличается от нее. Из 100 венчиков (всего 563 фрагмента) 6 принадлежит курганной и 94 — серой керамике, в том числе 10 напоминают ранние формы красноглиняной грубой керамики.

Наличие в слое щепы ключей типа А, которые выходят из употребления, одновременно со стеклянными браслетами, найденными в слое функционирования постройки, дает основание заключить, что слой щепы отложился в момент разрушения сруба 1 и был насыщен вещами, которые связаны с периодом его функционирования. На это указывает и то, что слой щепы перекрыт обрушившимся во время пожара бревном южной стены сруба (+120, +138 см; рис. 3).

Датировка стеклянного перстня в целом укладывается в общие пределы, которыми выше был очерчен период жизни сооружения — вторая четверть — конец XIII в. В то же время наличие в одном слое и даже на одной глубине (рис. 5, ключ +91 см, перстень +90 см, № 400, 407), вещей, датируемых серединой и концом XIII в., настораживает. Можно предположить в этой связи, что постройка существовала продолжительное время в рамках второй половины XIII в. На это же указывают и различия в керамических комплексах, отмеченные выше. Однако нельзя исключить и возможности того, что верхние горизонты слоя щепы, особенно в центре котлована, продолжали откладываться и после разрушения постройки, в период бытования стеклянных перстней. В то же время следует отметить, что сруб 6, функционировавший несколько позднее, чем сруб 1, дал шесть обломков стеклянных перстней. Поскольку по типу, размерам, объему заполнения и общему количеству находок срубы близки, наличие в срубе 1 одного стеклянного перстня позволяет датировать верхнюю часть его заполнения началом распространения подобных украшений в Москве.

Изучение самого сруба показало, что он был сложен из нетолстых бревен, диаметром 16—18 см, рубленных в обло, с выпуском концов на 10—15 см. Бревна плотно пригнаны друг к другу, промежутки между ними не проконопачены и не проложены мхом. Сохранились четыре венца постройки. Ее опорой служили суживающиеся стенки вырытого в материке котлована (рис. 3). Первыми туда были опущены более короткие бревна западной и восточной стен (3,1 м), затем северной и южной (3,55 м). Перевязка бревен осуществлялась по архаичной системе, при которой чашка вырубалась в верхней части нижележащего бревна (рис. 3).

Три бревна сруба 1 были подвергнуты дендрохронологическому анализу. Исследование показало, что для строительства сруба использовалась ель. Диаметры спилов были одинаковы, но деревья оказались разновозрастными. Два из них имели возраст 27 и 37 лет (образцы 22 и 23), а одно — 101 год (образец 21: 2-й венец западной стенки). Различия в возрасте обусловлены тем, что 100-летняя ель в начальный период роста находилась в неблагоприятных условиях, и годичные приросты были незначительны. На основе измерений толщины колец, проведенных Й. Карпавичюсом и Н. А. Кренке, Н. Б. Черных были составлены полулогарифмические графики (рис. 6) и проведено сравнение их с новгородской шкалой[6]. 100-летний возраст одного из образцов дал возможность сопоставить периоды угнетения на достаточно протяженном отрезке времени. Это позволило получить для образца 21 дату 1248 г.[7]

Совпадение археологической (середина — вторая половина XIII в.) и дендрохронологической дат позволяет принять последнюю и отнести сооружение

[6] Измерения проводились в лаборатории дендроклиматохронологии Института ботаники Литовской ССР в г. Каунасе; составление графиков и их анализ — в Лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН СССР [10, д. 13167, прил. 3].

[7] При наличии значительного сходства с новгородской шкалой имели место и несовпадения, которые могли быть вызваны индивидуальными особенностями роста дерева, отличием московских условий от новгородских или неверностью датировки. Следует отметить, что рисунки графиков спилов 21 и 23, которые получены от одного сруба и, по всей видимости, одновременны, не тождественны.

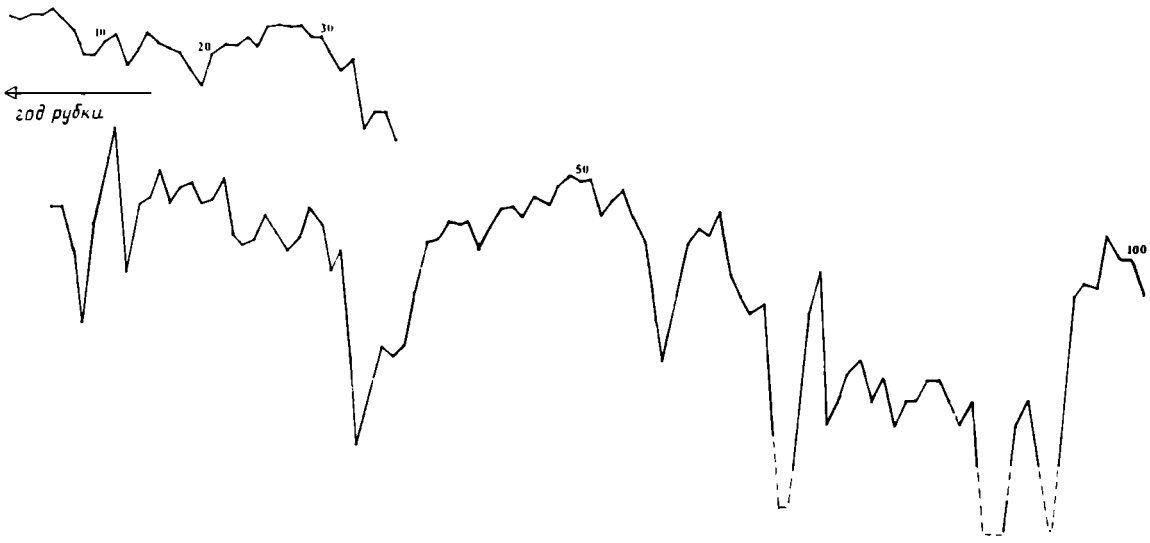


Рис. 6. График роста и спектр угнетений деревьев сруба 1

сруба ко времени после 1248 г.[8] Сруб представлял собой наземную постройку, основание которой было заглублено в землю примерно на 70, а пол — на 40 см. Отсутствие обломков печи указывает на ее хозяйственный характер.

Яма 3, располагающаяся в 5 м к северу от сруба 1, залегала под вымосткой мелким гравием. В зачистке материка (+102 — +109 см) она имела вид пятна неправильной формы, размерами 5×3,2 м, вытянутого по линии северо-запад — юго-восток. Верхний горизонт заполнения (+100 — +60 см) состоял из насыщенной щепой, углем и корой темно-коричневой супеси, которая резко выделялась на фоне материка и по своему составу напоминала слой щепы в срубе 1. С уровня +80 зачистками, которые производились через каждые 10 см, начали фиксироваться четыре западины, проявлявшиеся в виде кольцевых структур из щепы, угля, золы и древесного тлена, которые отражали соответствующие прослойки, залегавшие вдоль наклонных стенок западин. На уровне +90 — +80 см (рис. 7) были встречены мелкий булыжник, четыре развала серых сосудов, кости животных, а также кости лапы собаки. В южной западине был обнаружен череп лошади (+80 см), а в восточной — череп и кости ног лошади (+74 см).

В пределах пласта +70 — +60 см на большей части площади щепа и уголь сменились песком или сильно опесчаненными слоями серого цвета. Насыщенный щепой гумусированный слой сохранялся в виде пятен, представлявших собой заполнение воронкообразно сужающихся западин нижележащего песчаного слоя (рис. 8). На поверхности песчаного слоя в ходе ее зачистки были найдены два целых скелета собак (70 см в длину) (рис. 8). Один из них, обнаруженный в центре ямы, лежал на правом боку на глубине +76 — +77 см, другой был распластан по западной стенке котлована ямы. Труп этой собаки был брошен на живот, головой вниз (+102 — +68 см).

Слой щепы был богат керамикой и находками, из которых наибольший интерес представляли обломок поливной золотоордынской кашинной керамики с подглазурной полихромной росписью (черная и синяя по светло-зеленой поливе) и подглазурным рельефом (рис. 9, № 419), датируемый концом XIII — первой половиной XIV в. [19, с. 222, 223, тип 7], и фрагмент бесцветного стекла с орнаментом из непрозрачного красного, голубого и желтого стекла (рис. 9, № 421), которое Ю. Л. Щапова предположительно относит к кругу сосудов франко-сирийского стиля, распространенного в христианских государствах Ближнего Востока с начала XIV в. В слое щепы найдены также обломок среднещиткового перстня голубого непрозрачного стекла конца XIII — XIV в. [13, с. 172, рис. 7], каменные оселки, костяные иглы, глиняное грузило и железный пробой (рис. 9,

[8] Образец 23, вероятно, моложе 21-го на несколько лет (рис. 6).

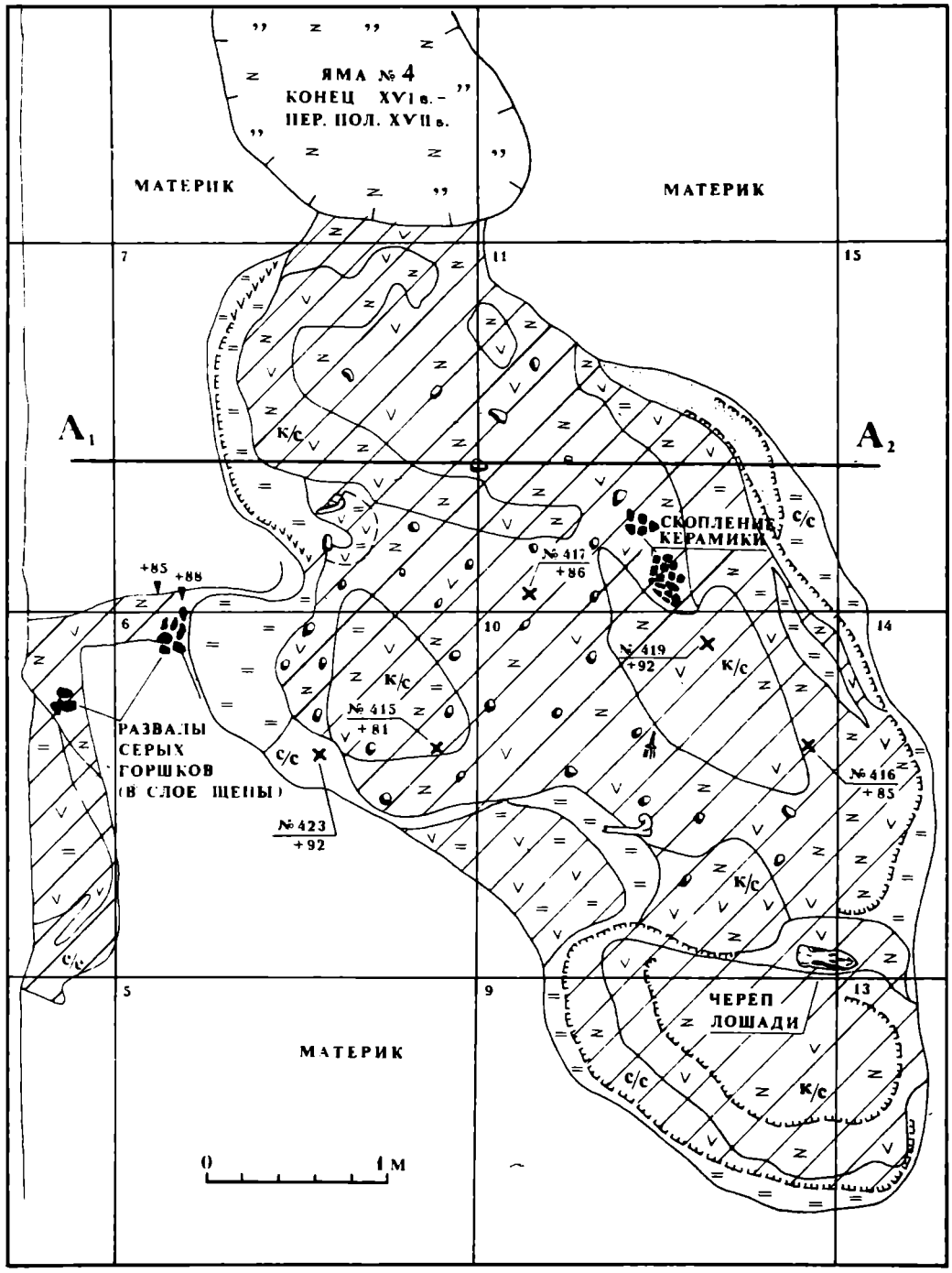


Рис. 7. Яма 3. План. Зачистка на уровне +80 см. Слой щепы. Усл. обозн. см. на рис. 9

№ 416, 417, 415, 415а). Керамика представлена 406 фрагментами, в том числе 103 венчиками. 15% из них относятся к курганной посуде, 90% — к серой и 5% — отражают ранний этап бытования красноглиняной грубой керамики (косая волна по шейке). Исходя из этих материалов слой щепы датируется второй половиной XIII — первой половиной XIV в., причем уверенно можно говорить о конце XIII — первой половине XIV в., когда в слой могли попасть перстень, золотоордынская и красноглиняная керамика.

Опесчаненный серый слой состоял из последовательного ряда прослоек углей, желтого мелкого песка и коричневой супеси с углем и щепой. Эти прослойки залегали воронкообразно, прогибаясь к дну четырех западин, фиксировавшихся уже на поверхности песчаного слоя (рис. 8). Судя по разрезу ямы 3 (рис. 9), восточная западина была перекрыта углистой прослойкой, формирующей запол-

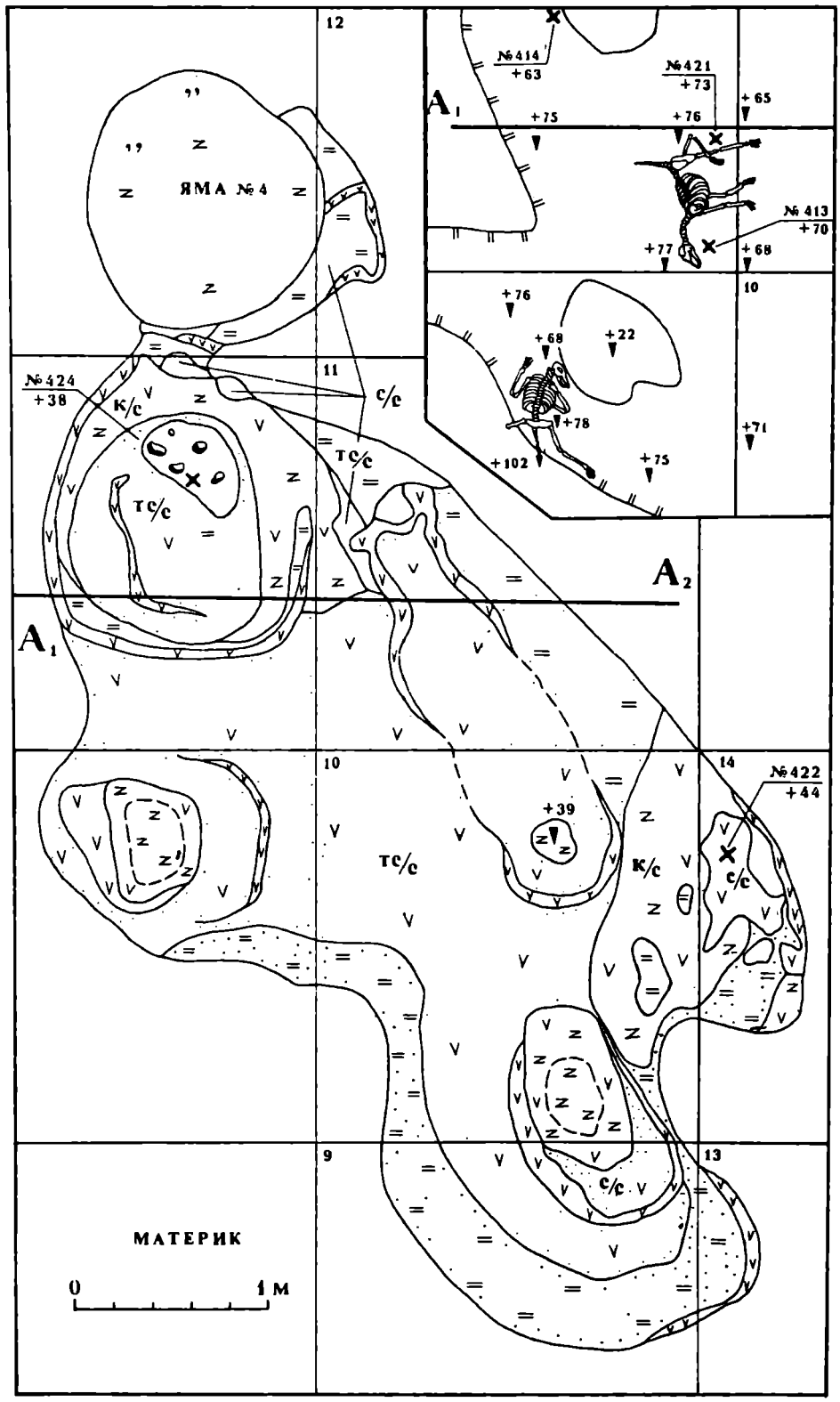


Рис. 8. Яма 3. План. Зачистка на уровне +40 см. На врезке: фрагмент плана нивелировки песчаного слоя и находки в вышележащем слое щепы. Усл. обозн. см. на рис. 9

нение северной западины. Впрочем, по материалу все эти микроуглубления были совершенно идентичны и заполнялись, видимо, более или менее синхронно.

Начиная с уровня 0 см, западины обособились друг от друга. Их выборка показала, что это углубления неправильной формы, заполненные стерильным белесым суглинком с линзами углей. Нижние отметки ям составляли — 4 (южная), —18

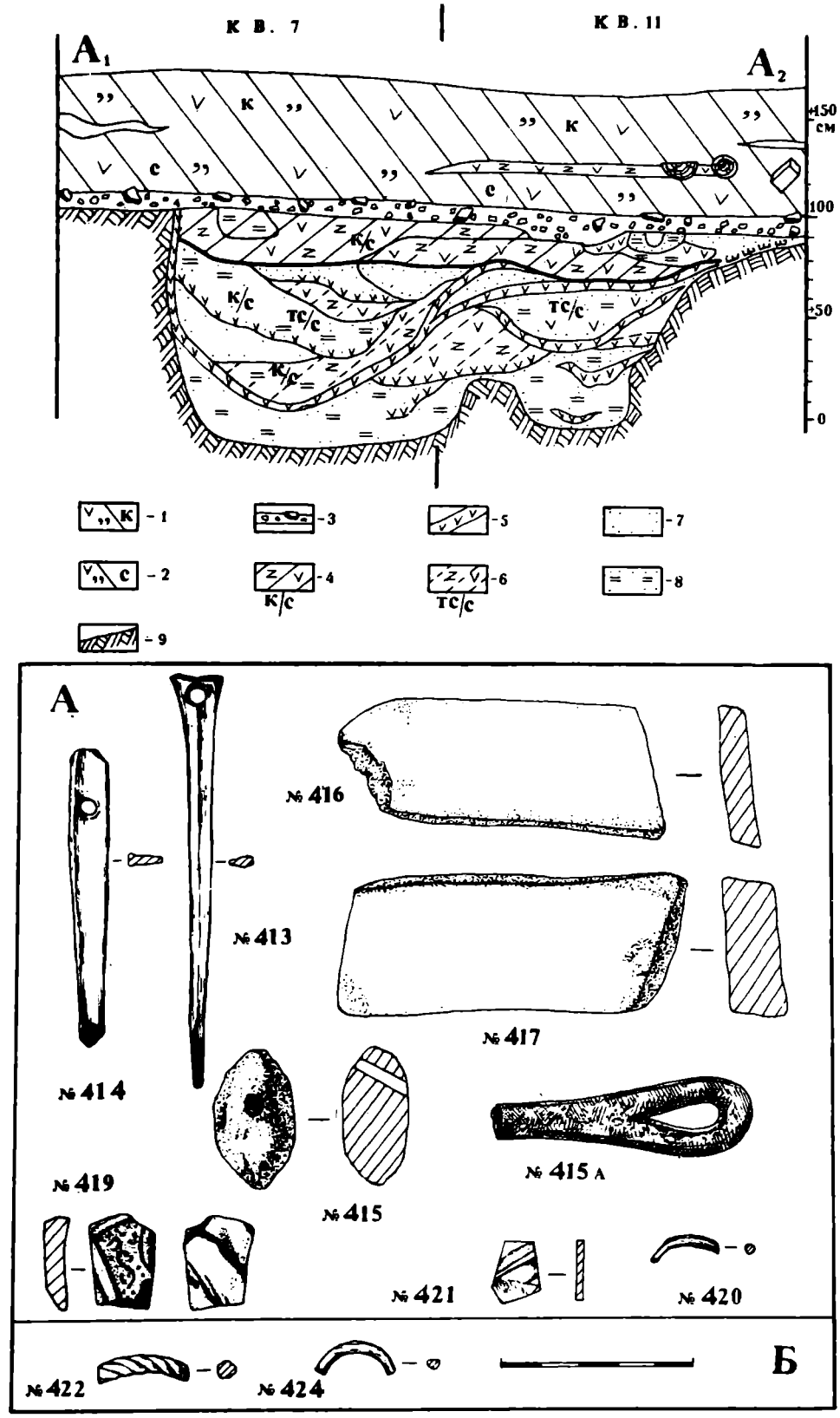


Рис. 9. Вверху — разрез ямы 3 по линии A_1—A_2. Вид с юга. *1* — слой рыхлой коричневой супеси с углем и органикой; *2* — слой темно-серой супеси с углем и органикой; *3* — вымостка мелким гравием; *4* — темно-коричневая супесь со щепой, углем и корой; *5* — углистые прослойки; *6* — слой коричневой гумусированной супеси с углем и щепой; *7* — серая супесь; *8* — белесый суглинок; *9* — материк; *10* — супесь; *11* — темно-серая супесь; *12* — коричневая супесь; внизу — находки из ямы 3. А — из слоя щепы с углем (см. выше, № 4); Б — из опесчаненных прослоек (см. выше, № 5—8)

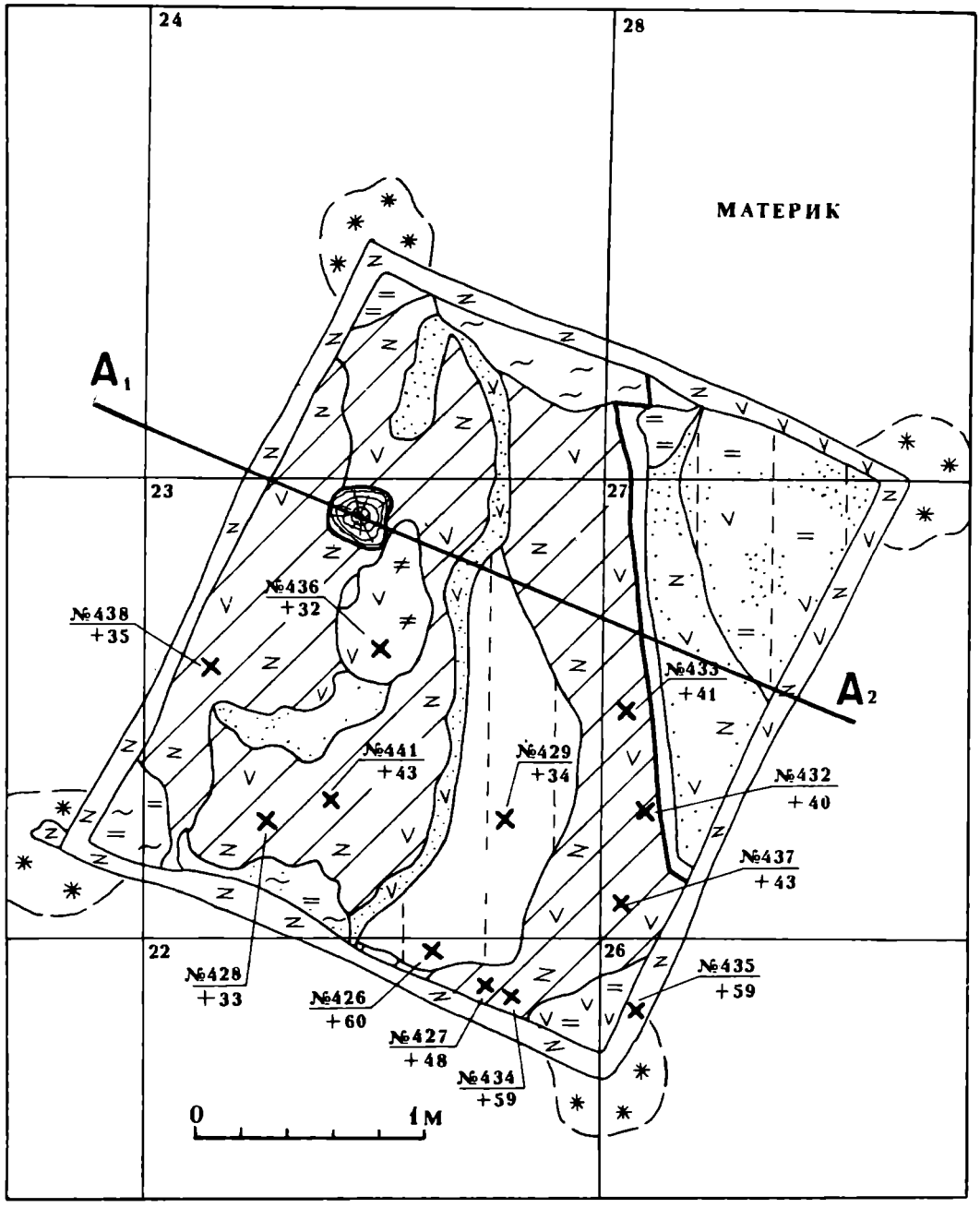


Рис. 10. Сруб 6. План. Зачистка на глубине +80 см. Находки показаны с их номерами и нивелировочной отметкой. Усл. обозн. см. на рис. 11

(западная), —22 (восточная) и —27 (северная), а общая глубина ямы 3 от уровня материка — 1,29 м (примерно 1,6 м от уровня древней поверхности с учетом срезки), что сопоставимо с глубиной ямы, вырытой под сруб 1.

Опесчаненный слой был значительно беднее керамикой и находками, чем слой щепы. В северной западине, в линзе коричневого суглинка с камнями, был найден фрагмент черного стеклянного браслета (рис. 9, № 424), а в восточной — фрагмент синего крученого стеклянного браслета, производство которых, по мнению Ю. Л. Щаповой, прекратилось в 1240 г. (рис. 9, № 422). Эти вещи как будто больше тяготеют ко второй половине XIII в., чем к XIV в.

Можно заключить, таким образом, что хозяйственная яма функционировала во второй половине XIII — начале XIV в., а в первой половине XIV в., видимо,

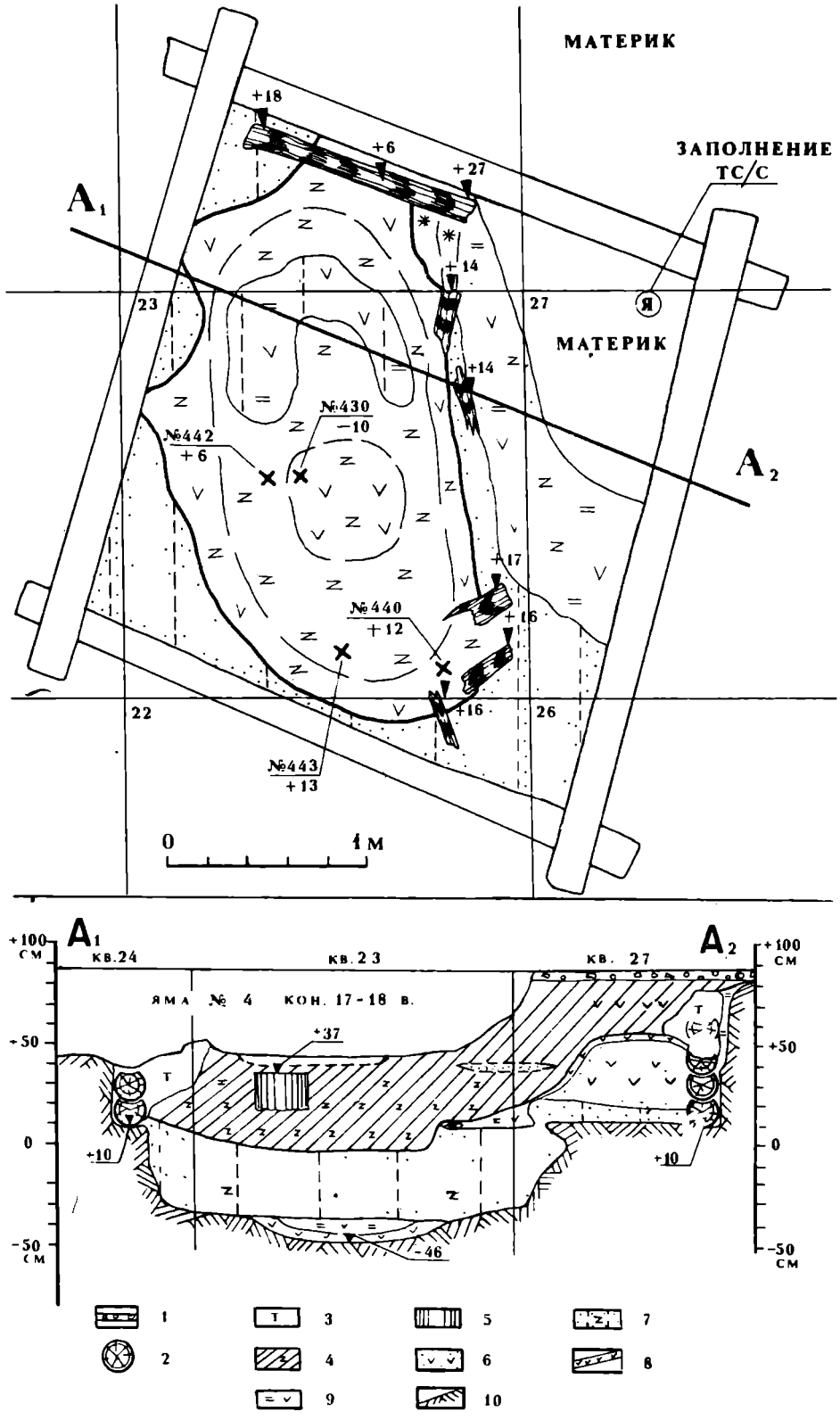


Рис. 11. Сруб 6. Вверху — план. Зачистка на уровне +10 см, у основания нижнего венца сруба (находки показаны с их номерами и нивелировочной отметкой). Внизу — разрез сруба по линии A_1—A_2. Вид с юга. *1* — вымостка мелким гравием; *2* — бревна сруба; *3* — древесный тлен; *4* — темно-коричневая и коричневая супеси со щепой и углем; *5* — основание деревянного столба; *6* — серая плотноопесчаненная супесь; *7* — опесчаненная и насыщенная суглинком темно-серая супесь; *8* — углистая прослойка; *9* — материковый рыжеватый суглинок со щепой и углями; *10* — материк

после пожара, была завалена мусором, образовавшимся в ходе более позднего, чем бытование сруба 1, этапа жизни исследуемого участка Великого посада.

В 5 м к северо-западу от ямы 3, ближе к склону к р. Неглинной, рядом с центральным пилоном Воскресенских ворот был исследован сруб 6. В этом месте гравийно-кирпичная вымостка, лежавшая на материке, была пробита строительной ямой конца XVII — XVIII в., которая повредила западную стену сруба. Поэтому полностью план сооружения удалось проследить лишь на уровне +50 см, т. е. на 30 см ниже уровня материка. С уровня +40 см выявились бревна сруба (3-й и 4-й венцы), так как два верхних венца имели вид полос древесного тлена и щепы (рис. 10).

Сруб был рублен в обло: выступающие части бревен верхних венцов прослеживались в виде древесного тлена и трухи (рис. 10). Начиная с уровня +30 см, бревна сохранились. Их толщина составила 16—18 см, а длина — 2,9 м для западной и северной стенок, 3 — для восточной и 3,05 м для южной. Аналогично срубу 1 нижние венцы были зажаты материковыми стенками ямы. Ориентирован сруб был точно по сторонам света, в чем также повторял сруб 1.

Напоминало сруб 1 и заполнение сруба 6 (рис. 11). Оно делилось на два слоя. Верхняя его часть состояла из темно-коричневой супеси со щепой, содержавшей большое число находок и керамики. Нижняя часть заполнения, залегавшая глубже подошвы последнего венца, состояла из опесчаненной или насыщенной суглинком темно-серой супеси. Следует добавить, что в северо-восточном углу постройки слой опесчаненной супеси выявился уже на уровне +50 см. Лежащая на его поверхности углистая прослойка полого спускалась по стенке котлована.

С уровня +25 см верхний слой был насыщен щепой и углем. В зачистке +10 см (рис. 11) он приобрел в плане форму овального пятна, по краю которого выявились обломки обгоревших бревен диаметром 10—15 см. Обуглившиеся плахи (до 1 м длиной) залегали и на самых нижних отметках слоя щепы (0 см). Подобное скопление обломков бревен в нижней части слоя щепы отмечалось в срубе 1 (рис. 4) и связано, по-видимому, с разрушением построек. Начиная с уровня основания нижнего венца (+10 см), основу заполнения стал составлять горизонт опесчаненной супеси, который имел мощность 0,5 м и продолжался почти до дна ямы, сменяясь у самого дна углистой прослойкой, в которой лежал кол длиной 1,6 м.

В нижнем опесчаненном горизонте зафиксирована лишь одна находка — гладкий браслет зеленого стекла, найденный на материке среди мелких булыжников (рис. 12, № 432, — 28 см). Керамика была исключительно серой (80%) и курганной (20%). В слое коричневой супеси со щепой найдено три ножа (рис. 12, № 437, 438, 442), железная, с бронзовой обкладкой ручка ключа с отверстием для подвешивания (рис. 12, № 438), два глиняных грузила (рис. 12, № 436, 440), обломки деревянной точеной чаши, гвоздь и донце глиняного сосуда с клеймом (рис. 12, № 443, 441, 444). Датирующим материалом явились пять обломков голубых, непрозрачного стекла перстней, два из которых — среднещитковые (рис. 12, № 426, 427, 429—431) конца XIII — XIV в., обломок синего (кобальтового) стеклянного перстня и голубого крученого стеклянного браслета (рис. 12, № 428, 433). Найдено также два фрагмента янтаря, в одном из которых угадывается заготовка для креста-тельника (рис. 12, № 434, 435). Керамический комплекс из слоя щепы (всего 276 фрагментов) несколько отличается от керамики из нижнего слоя: наряду с серой (86%) и курганной (4%) керамикой, здесь встречена красноглиняная московская посуда (10%); 4 венчика имеют орнамент в виде косой волны по шейке сосуда. Учитывая, что браслеты, найденные в слое щепы, входят в употребление в конце XIII в., дату разрушения постройки можно определить в пределах конца XIII — первой половины XIV в. Опесчаненный же слой, отложившийся в период функционирования сооружения, может быть датирован в пределах второй половины — конца XIII в.

Наше описание будет неполным, если не отметить две хозяйственные ямы

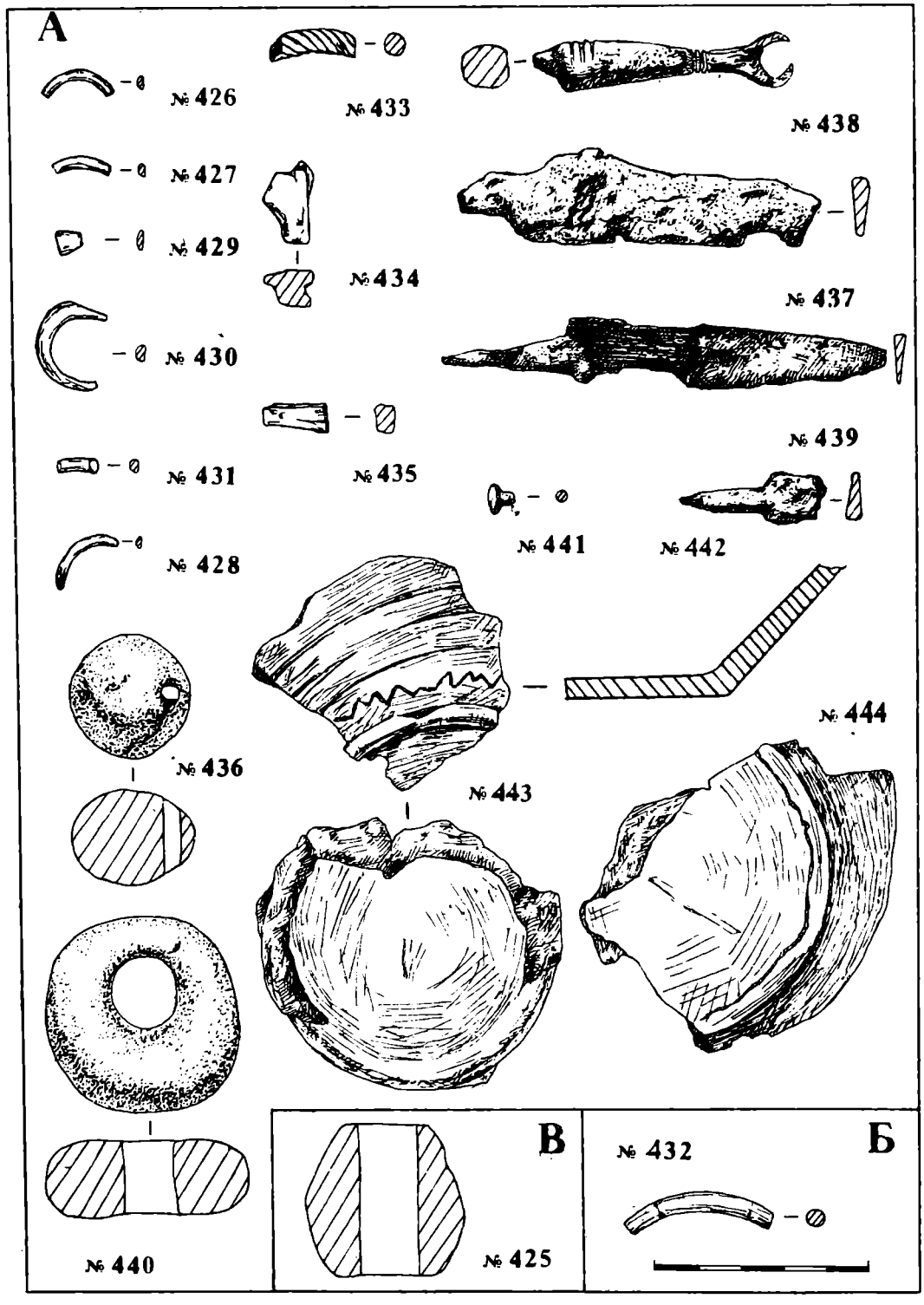


Рис. 12. Находки из сруба 6. *А* — из слоя коричневой супеси со щепой и углем (рис. 11, № *4*); *Б* — из опесчаненной супеси (рис. 11, № *7*); *В* — находки из ямы *5*

XIII—XIV вв., уступавшие по размерам срубам. Яма 5 была зафиксирована зачисткой материка в 1,4 м к юго-востоку от сруба 6 и имела размеры 2,4×1,7 м при глубине 0,45 м. В ее заполнении была прослежена прогибающаяся к центру углисто-зольная прослойка, которая проявилась в зачистке на уровне +70 см, в виде овала размерами 1,4×1 м. Под ней залегал слой серой супеси. Судя по наличию в заполнении ямы курганной (*5* венчиков) и серой (*5* венчиков) керамики (всего 14 фрагментов; встречено также глиняное грузило от рыболовной

сети — рис. 1, № 425), она несколько старше или синхронна срубу 6 и, видимо, составляет с ним один хозяйственный комплекс.

В раскопе Б, по площади примерно равном раскопу А, к интересующему нас периоду заселения посада относилась только яма 8, располагавшаяся в 12 м к северо-востоку от сруба 1. Эта небольшая (1,5×1 м), округлая в плане хозяйственная яма имела глубину 1,2 м (от уровня материка, залегавшего на отметке +100 см). Заполнение ее состояло из спрессованной щепы и углей. На дне зафиксировано четыре песчаниковых булыжника 15—20 см в поперечнике. Из 33 фрагментов найденной здесь керамики более 80% относилось к курганной и менее 20% — к серой посуде, что позволяет датировать яму серединой XIII в. или более ранним временем [14, с. 90].

Подведем итоги. Изученный участок посада располагался на берегу р. Неглинной, в 400 м от стен московской крепости (до ее расширения в конце 1339 — начале 1340 г. [24, стб. 51]). Начало освоения этой территории датируется середины XIII в.. Сруб 1, фиксирующий появление застройки, был возведен после 1248 г. и функционировал во второй половине XIII в. Следующий период, строительной деятельности, отчасти синхронный с предыдущим, представлен срубом 6 и хозяйственной ямой 3, которые датируются последней четвертью XIII — первой половиной XIV в.

Дальнейшие исследования вероятно уточнят хронологию и этапы развития северной части Великого посада. Однако имеющиеся данные позволяют уже теперь сделать (хотя и в предварительной форме) вывод о том, что начало его активного роста приходится на третью четверть XIII в., то есть на период предшествовавший княжению Даниила Александровича Московского (1270-е — 1303 гг.).

Поскольку ни в одном из описанных сооружений красноглиняная грубая посуда не превышает 10% керамического материала, можно заключить, что в последней трети XIV в. она уже не использовалась. Следовательно мы имеем дело со следами застройки, относящейся к периоду относительно стабильного существования московского посада до разорений, которым он подвергся в Литовщину (1368, 1370 гг.) и нашествие Тохтамыша (1382 г.) [24, стб. 89, 90, 94] [9].

Находки, сделанные в Историческом проезде, типичны для рядовой жилой застройки городов Северо-Восточной Руси. О городском характере поселения говорит сочетание таких признаков как присутствие стеклянных браслетов и перстней, предметов золотоордынского и восточно-средиземноморского импорта. Следы ремесленных производств не прослежены.

Срубы Исторического проезда, судя по их размерам (3×3 м), отсутствию печей и набору находок могут быть интерпретированы как «клети». Эти небольшие, углубленные в землю и плотно пригнанные к стенкам котлованов постройки было трудно подкопать, поэтому они хорошо подходили для хранения имущества и хозяйственных запасов.

По ориентировке и конструктивным особенностям срубы 1 и 6 практически идентичны. В 40 м к северо-востоку от них, на территории Монетного двора было исследовано еще два аналогичных сруба XIII—XIV вв., имевших ту же ориентировку (раскопы 1987—1988 гг. площадью 270 м^2 — рис. 1, № 3) [10, д. 13167 — 13172]. Таким образом можно заключить, что на протяжении второй половины XIII и первой половины XIV в. тип застройки оставался в этом районе неизменным.

Дальнейшие раскопки покажут, отражает ли это наблюдение локальные особенности, или является проявлением закономерностей более общего порядка. Однако при том дефиците данных об истории московского посада, который мы испытываем, оно заслуживает внимания и осмысления.

К северо-востоку от Монетного двора напластования XIV в., близкие описанным выше, сохранились вдоль края коренного берега р. Неглинной на пространстве

[9] Материалы XV в. будут рассмотрены в отдельной публикации.

между стенами Китай-города и Никольской улицей. Слой этого времени (серая керамика, стеклянные браслеты) зафиксирован в раскопах VII и VIII на территории монастырей Заиконоспасского и Никольского греческого [22], впервые упоминаемого в 1390 г. под именем «Николы старого» [24, стб. 158], а также на месте Печатного двора (рис. 1, № 5, 6, 16).

Пространство к востоку от Монетного двора исследовано хуже. Однако скорее всего застройка уже в XIV в. распространялась в этом направлении до Богоявленского монастыря, который располагался на возвышенности, господствующей над посадом (рис. 1, № 15). Судя по письменным известиям, монастырь был основан в конце XIII или начале XIV в. Как показали раскопки, проведенные Л. А. Беляевым на территории Богоявленского собора, деревянный храм возник здесь в конце XIII в. Появление жилой застройки на этом месте, по археологическим данным, датируется второй четвертью — серединой XIII в. [21; 14, с. 14, 15, 25].

Таким образом можно заключить, что к середине XIV в. посад охватывал не только южную часть будущего Китай-города (Зарядье и кромку высокого берега р. Москвы до Ипатьевского переулка), но и значительные пространства в его северной части. Слои этого времени были обнаружены везде, где фиксировались напластования, отложившиеся до XVI в., поэтому можно полагать, что застройка была сплошной.

Ориентировка срубов Исторического проезда и Монетного двора не соответствует линии высокого берега р. Неглинной и Никольской улице Китай-города (зафиксирована на планах конца XVI — начала XVII в.) (рис. 1) [8, с. 123]. Следовательно планировка XIII — XIV вв. отличалась от той, которая сложилась после возведения стен Кремля в 1485—1495 гг. и пожара 1493 г. В качестве вероятной градообразующей оси, которая могла обусловить ориентацию застройки XIII — XIV вв. в северной части позднейшей Красной площади, можно указать на древнюю Никольскую улицу Кремля, шедшую от Никольского крестца (к западу от Чудова монастыря) к Никольским воротам 1491 г. [20] и, по всей видимости, далее в северном направлении.

Материалы, полученные в ходе раскопок в Историческом проезде, представляют собой ценный источник по истории московского посада. Они отражают период, когда Москва стала центром самостоятельного княжества (1270-е гг.), а затем — местопребыванием великого князя Владимирского (1328 г.). При ограниченности письменных данных, относящихся к этой эпохе [26, с. 75], значимость археологических свидетельств несомненна. Они проливают свет на такие малоизученные вопросы как, динамика роста города, его планировка, быт, общественное устройство и формирование московской культуры.

Как показали исследования в Историческом проезде, Красная площадь, территория которой на площади около 30 тыс. кв. м не затронута позднейшей городской застройкой, сохраняет напластования XIII—XV вв. Это открывает уникальные возможности для проведения здесь широкомасштабных археологических работ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рабинович М. Г.* Великий посад Москвы//Вестн. АН СССР. 1950. № 9.
2. *Рабинович М. Г.* Археологические исследования Московского посада//Вопр. истории. 1951. № 5.
3. *Рабинович М. Г.* Материалы по истории Великого посада Москвы//Памятники археологии Москвы и Подмосковья. М., 1954.
4. *Беленькая Д. А.* История заселения территории Китай-города (Москва). Конец XII — начало XVI в.: Дис.... канд. ист наук. М., 1972//Архив ИА АН СССР. Р—2, № 2108.
5. *Горюнова Е. И.* Итоги работ археологического надзора на строительстве II очереди Московского метрополитета им. Л. М. Кагановича//МИА. 1947. № 7.
6. Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. М., 1982.
7. *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957.
8. *Чернов С. З.* Раскопки в Историческом проезде и перспективы московской археологии//Вестн. АН СССР. 1989. № 3.

9. *Чернов С. З.* Дневник раскопок в Историческом проезде//Архитектура и строительство Москвы. 1989. № 3, 4.
10. *Чернов С. З.* Отчет Московской археологической экспедиции об археологических раскопках в г. Москве в 1988 г.//Архив ИА АН СССР. Р—1, № 13154—13172.
11. *Рабинович М. Г.* О возрасте и первоначальной территории Москвы//Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.
12. *Подъяпольский С. С., Бессонов Г. Б., Беляев Л. А., Постникова Т. М.* Реставрация памятников архитектуры. М., 1988.
13. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей//Новгород. археол. сборник. М.: Наука, 1982.
14. Московская керамика: новые данные о хронологии//Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 5. М., 1991.
15. *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого//МИА. 1959. № 65.
16. *Щапова Ю. Л.* Стеклянные изделия в древнем Новгороде: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1961.
17. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей//СА. 1958. № 2.
18. *Розенфельдт Р. Л.* К вопросу о начале Москвы//СА. 1957. № 4.
19. *Панова Т. Д.* Восточная поливная керамика из раскопок в Московском Кремле//СА. 1986. № 1.
20. Кремль времени вел. кн. Ивана III и Василия III. Схематич. план/Сост. И. А. Голубцов//История г. Москвы. Т. 1. Прил. М., 1952.
21. *Беляев Л. А.* Отчет о результатах археологических исследований по памятнику истории и культуры собору Богоявленского монастыря. 1987//Архив ИА АН СССР. Р—1, № 11996.
22. *Чернов С. З.* Отчет Московской археологической экспедиции об археологических раскопках в г. Москве в 1988 г.//Архив ИА АН СССР. Р—1, № 13174.
23. *Чернов С. З.* Отчет Московской археологической экспедиции об археологических раскопках в Москве и Московской области в 1989 г. Т. 5, 6//Архив ИА АН СССР.
24. Рогожский летописец//ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Изд. 2. Пг., 1922.
25. Послание митрополиту Зосиме новгородского архиепископа Геннадия//Древняя Российская Вивлиофика. СПб., 1777.
26. *Кучкин В. А.* Города Северо-Восточной Руси в XIII — XV веках (Крепость и посад; городское население)//История СССР. 1991. № 2.

Институт археологии РАН,
Москва

S. Z. CHERNOV, L. A. BOYTSOV

THE EXCAVATIONS IN THE ISTORICHESKY PROEZD AND THE INVESTIGATIONS OF VELIKY POSAD IN MOSCOW IN THE 13th — 14th CENTURIES

Summary

The materials found during the excavations in the northern part of the Red square in cource of the reconstruction of 1988 are published in the article. The work was carried out by the Moscow expedition of the Institute of archaeology, Academy of sciences. The obtained data give information about the development of suburb (posad) ca. 1328 when Moscow began to play the central role and Great princes of Vladimir moved there. The materials testify that the active growth of Moscow suburb took place in the after-Mongol period (the third quarter of the 13th century), before the rule of prince Daniil Aleksandrovich of Moscow (1270s — 1303).

Заметки

А. В. ДАВЫДОВА

БРОНЗОВАЯ ПЕЧАТЬ СЮННУ

В 1979 г. на поселении сюнну Нижние Дурены на р. Чикое (Кяхтинский р-н, Бурятская ССР) в раскопе 3 в 1 — 1,5 м от жилища 6 (в кв. 132 в, шт. 2) была найдена бронзовая печать (рис. 1).

Четырехугольный щиток размером 2×1,9 см имеет врезанное изображение горного козла (рис. 1, *в, г*). На обратной стороне ушко-петля (рис. 1, *а, б*), высота с ушком 1,5 см. Печать литая, а изображение вырезано острым инструментом по уже отлитому изделию.

Находка неординарна, аналогий ей среди коллекций предметов сюнну (как у нас, так и за рубежом) не имеется. Интерес ее несомненен как в связи с определением ее назначения, так и с точки зрения художественной ценности изображения, которое дополняет представление о «зверином» стиле сюнну (рис. 1, *г*).

Форма печати достаточно традиционна. Она определяется прежде всего ее функцией. Придерживая за ушко, делали оттиск, в ушко продевался шнурок, прикрепляемый скорее всего к поясу.

Четырехугольной формы печати бытовали в соседнем Китае в интересующее нас западноханьское время (202 г. до н. э.— 9 г. н. э.) и дожили там практически до современности.

Основное отличие нашей печати от китайских — в изображении на щитке. На всех известных китайских печатях вырезаны иероглифы, на печати из поселения у с. Дурены изображено животное, иероглифов нет.

И именно это изображение, отвечающее нормам искусства сюнну, позволяет считать печать сюннуской, тем более что печать найдена в культурном слое поселения, для которого характерны находки культуры сюнну.

Во все времена и у всех народов печатью скрепляли тот или иной документ (спектр широкий — от частного письма до государственных документов). Исходя из этого, можно думать, что и печать сюнну употреблялась для таких же целей, но при этом возникает ряд вопросов о том, какие документы скрепляли подобной печатью, кто таким правом обладал, были ли печати с иными изображениями, а следовательно, и другие лица, имевшие на них право.

Никак не претендуя на точный ответ на эти и другие вопросы, связанные с наличием печати (или печатей) в обществе сюнну, необходимо тем не менее обратиться к тем немногим материалам, которые в какой-то предварительной пока мере помогут прояснить практическую необходимость найденной нами сюннуской печати.

Известно, что письменности у сюнну не было. «У них нет письменных документов, все распоряжения делаются устно»,— свидетельствует письменный источник [1, с. 34], но тот же источник неоднократно упоминает о письмах, которые шаньюи сюнну писали китайским императорам [1, с. 42, 43, 45, 49]. Письма посылались и в ответ на послания китайских правителей, и по собственной инициативе, как, например, известное своей дерзостью послание Маодуня им-

© А. В. Давыдова, 1992 г.

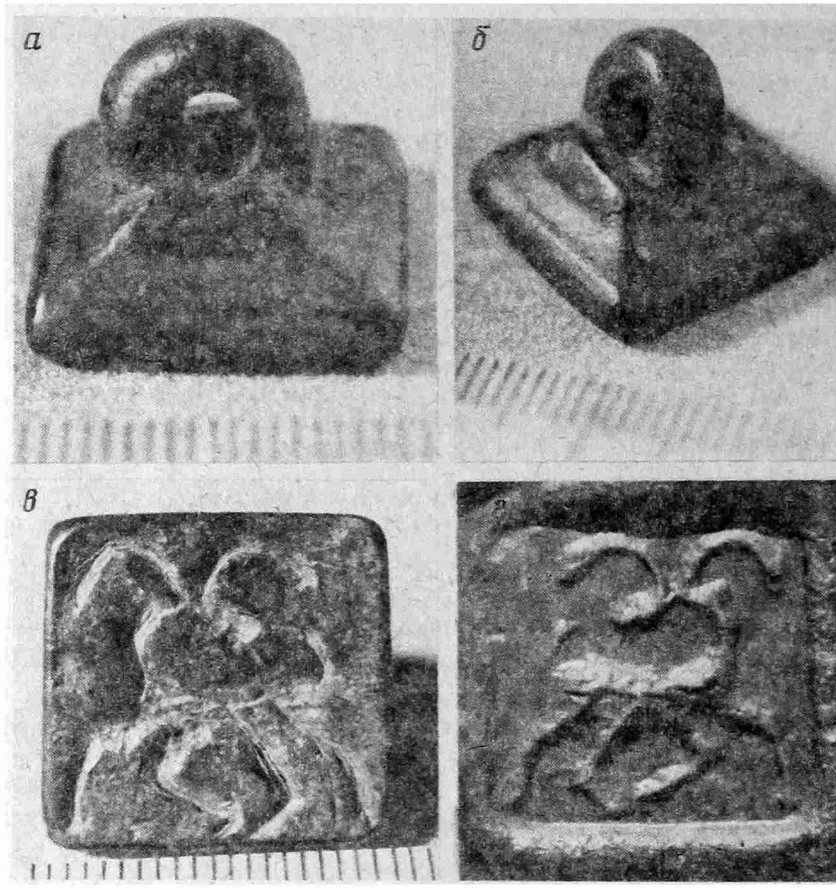


Рис. 1. Бронзовая печать с поселения Нижние Дурены. *а, б* — общий вид; *в* — щиток; *г* — оттиск

пратрице Гаохоу [1, с. 42]. Видимо, подобные послания писались на китайском языке теми советниками, которые служили у шаньюев, и совершенно очевидно, что такие документы должны были скрепляться знаком, удостоверяющим личность писавшего (это должна была быть либо личная, либо государственная печать).

Как выглядели подобные знаки-печати, мы не знаем, о наличии каких-либо печатей сюнну письменные источники ничего не сообщают. Но это не означает, что их не было. Приведенные выше соображения говорят о том, что знаки-печати имели место, и находка бронзовой печати на поселении у с. Дурены это подтверждает.

Какое же должностное лицо имело право пользоваться найденной на поселении печатью? В главе 110 «Исторических записок» Сыма Цянь, говоря об общественном устройстве сюнну, упоминает должностных лиц, помогавших шаньюю в управлении: «...левый и правый гудухоу помогают (шаньюю) в управлении» [1, с. 40]. Названы также 24 начальника, которых назначал шаньюй (одновременно со званием они получали в удел и определенную территорию), а каждый начальник уже «сам назначает тысячников, сотников, десятников, небольших князей, главных помощников, дувэев, данху и цецзюев» [1, с.40].

Налицо сложная, многоступенчатая система с большим количеством должностных лиц, управляющих обществом сюнну.

Можно думать, что каждое из них имело и знак-печать, удостоверявший подлинность их распоряжений. Вероятнее всего, учитывая отсутствие письменности у сюнну, эти печати имели на щитках изображение животных, причем, видимо, каждый должностной ранг был связан с навсегда закрепленным за ним изображением определенного вида животного. И те распоряжения, которые, согласно источнику, делались устно [1, с. 34], подкреплялись предъявлением соответствующей печати.

В связи со сказанным следует обратить внимание на технику изготовления печати из поселения у с. Дурены. Она литая, а изображение на ней вырезано по уже отлитому изделию. Резьба по металлу — прием не характерный для сюннуской художественной бронзы; печать из поселения у с. Дурены — пока единственный пример подобной техники, а это говорит о том, что изображение на печати не тиражировалось, что являлось обычным при изготовлении многочисленных предметов художественного литья сюнну [2, с. 103; 3, с. 19].

Знаки-печати скорее всего появились тогда, когда оформилось государство сюнну, когда ему стали необходимы символы власти для должностных лиц, выполнявших те или иные управленческие функции. Время оформления государства сюнну, вероятнее всего, связано с правлением шаньюя Маодуня (209—174 гг. до н. э.), при котором, как отмечает источник, «сюнну небывало усилились» и «образовали государство, равное по силе Срединному государству» [1, с. 39].

Неизвестно, какова была печать Маодуня, которой он скреплял свои послания китайским правителям, но поскольку она служила символом самостоятельности, независимости государства сюнну, печать Маодуня должна была отличаться от китайских, имевших иероглифы; не исключено поэтому, что и на ней было изображение животного.

Таким образом, находка бронзовой печати на поселении у с. Дурены приводит к предположительному выводу о том, что сюннуские печати оформлялись в «зооморфном» стиле.

Следует, однако, отметить работу китайского ученого Ван Говея, в которой исследуется печать с надписью «яшмовая печать сюннуского сянбана» [4, с. 914]. Не отвлекаясь на филологические изыскания Ван Говея, остановимся на его основных выводах. Ван Говей полагает, что внешний вид и стиль иероглифов напоминают печати доциньского времени и позволяют датировать ее эпохой Чжаньго (403—201 гг. до н. э.) или периодом на стыке династий Цинь и Хань (между 221 и 202 гг. до н. э.). Надпись на печати, по мнению Ван Говея, свидетельствует, что она принадлежала сюннускому главному помощнику (сянбану), эта должность упоминается Сыма Цянем при перечислении тех должностных лиц, которые управляют обществом сюнну [1, с. 40].

Если это так, то следует признать, что печати сюнну оформлялись не только в «зооморфном» стиле, но имели на щитках также и иероглифы. Не отвергая в принципе такую возможность, следует все же иметь в виду, что яшмовая печать, которую исследует Ван Говей,— находка случайная; ни место, где она найдена, ни условия находки неизвестны. Не исключено, что это подделка, это тем более вероятно, если датировать ее ранним периодом Чжаньго, когда не было и самой державы сюнну.

Говоря о бронзовой печати, найденной на поселении у с. Дурены, трудно даже предположительно определить, какому из перечисленных выше должностных лиц она принадлежала. Условия ее находки также не помогают ответить на этот вопрос. Жилище 6, рядом с которым найдена печать, по конструкции, размерам, комплексу находок ничем не отличается от десятков других рядовых жилищ на поселениях сюнну в Забайкалье. Периферийное по отношению к основному массиву сюннуских земель положение поселения у с. Дурены может говорить в пользу того, что печать принадлежала лицу, имевшему отношение к управлению этой территорией, но она могла быть также и печатью гонца, который привез сюда распоряжение центральной власти, но ни одно из этих и других предположений пока доказать невозможно, накопление же материалов происходит очень медленно, и ответ, видимо, будет получен еще не скоро.

Печать интересна также и изображением на щитке. Манера изображения характерна для искусства сюнну (рис. 1, *г*) и дополняет представления о «зверином» стиле. Горный козел изображен в движении, хвост поднят, видны бородка и широко раскинутые рога. Голова на длинной шее настолько резко повернута назад, что морда почти касается задней части туловища. Изобра-

жение динамично, и если бы не столь неестественный разворот головы, оно имело бы реальные черты.

Учитывая, что изображение помещено в квадрате малого размера (2x1,9 см), можно предположить, что резчика вынудили к изображению столь резкого и неестественного поворота головы размеры щитка, так как не хватало места, чтобы показать широко раскинутые рога козла. Это соображение могло бы быть убедительным, если бы в искусстве сюнну не имелось такой же манеры в изображении поворота головы. Нечто похожее имеет место на знаменитых бляхах из Ноин-Улы, на которых головы изображенных животных столь же неестественно повернуты назад [5, табл. XXXVI, *3*; XXXVII, *1, 3*].

Но есть и существенная разница между изображениями козла на бронзовой печати и животных на ноин-улинских бляхах. Ноин-улинские изображения (яки и олешек) безжизненны, схематичны, грубы; особенно отличаются этими чертами головы яков с правильно расчесанными «на пробор» волосами. Кроме того, головы ноин-улинских животных помещены анфас, а голова козла на печати изображена в профиль.

Среди многочисленных произведений искусства сюнну изображения козла не столь уж и часты. Известны найденные в Ордосе изображения козлов на маленьких пластинках (с опущенной вниз головой) [6, с. IX, *14*; 7, с. 7], а также на большой пластине-пряжке [6, с. XXVI, *1, 2*], они отличаются от изображения на печати не только позой, но и статичностью.

Таким образом, изображение горного козла на печати из поселения у с. Дурены дополняет галерею «звериных» образов, характерных для искусства сюнну, изображением оригинальным, но свойственным только сюнну, что еще раз говорит о самостоятельном сюннуском пласте в общей линии развития искусства «звериного» стиля в Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну. Вып. 1. М., 1968.
2. *Давыдова А. В.* К вопросу о хунских художественных бронзах//СА. 1971. № 1.
3. *Дэвлет М. А.* Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э.— I в. н. э.//САИ. 1980. Вып. Д 4—7.
4. *Ван Говей.* Послесловие к печати сюннуского сяньбана//Собр. соч. Т. 3 (на кит. яз).
5. *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы. М.; Л., 1962.
6. *Salmony A.* Sino-Siberian Art in the Collection of C. T. Loo. P., 1933.
7. *Andersson J.* Hunting magic in the animal stile. Stockholm, 1932.

Ю. Д. РАЗУВАЕВ

КУРГАНЫ I В. Н. Э. У ЮЖНОЙ ОКРАИНЫ Г. ВОРОНЕЖА

В 1988 г. отрядом экспедиции Воронежского университета в черте города у дачного поселка «Сады» была открыта группа из девяти различных по размерам курганов. Она находится на поросшем лесом мысу высокого правого берега р. Воронеж рядом с городищем раннего железного века. Два небольших кургана, расположенные возле самой крупной в группе насыпи в 3 м друг от друга, были исследованы раскопками [1; с. 10 — 14].

Курган 3 имел диаметр 8 м и высоту около 0,2 м. Его вершина превышала уровень погребенной почвы на 0,4 м. В насыпи найдены отдельные фрагменты лепной керамики и зуб лошади.

Могильная яма основного и единственного погребения выявлена в южной

© Ю. Д. Разуваев, 1992 г.

части кургана (рис. 1, *а*). Выкид из нее не фиксировался, очевидно, он был уложен на перекрытие могилы и впоследствии рухнул вниз. Яма имела прямоугольную со округленными углами форму, суживающиеся ко дну продольные стенки и вертикальные поперечные. Длинной осью она ориентирована по линии восток — юго-восток — запад — северо-запад. Ее размеры по верху 2,6х1,4 м, по дну 2,6х0,7 м, глубина в материке 0,8—1 м, от уровня погребенной почвы — до 1,3 м. С восточной и северной сторон к могиле примыкали две ямы подпрямоугольной формы размерами 1,2х1,3 м и глубиной от уровня погребенной почвы 0,5 м. Назначение их неясно, хотя связь с могильным сооружением не вызывает сомнения. Возможно, это были своеобразные дромосы.

На дне могильной ямы обнаружен костяк мужчины 50—60 лет[1].

Умерший лежал на спине, головой ориентирован на запад с небольшим смещением к северу. Правая рука согнута в локте, кисть ее лежала на тазовых костях, левая была вытянута вдоль туловища. Рядом с черепом, справа, найдены три кусочка мела. У левой руки, вдоль предплечья, лежал железный нож (рис. 2, *5*). Возле стопы левой ноги умершего стояла лепная лощеная сероглиняная миска (рис. 2, *1*) с обломком кости животного внутри.

Курган 4 имел диаметр 6 м высоту около 0,2 м. Погребенная почва залегала на глубине 0,4 м от его вершины.

Могильная яма выявлена в центре кургана (рис. 1, *б*). Она имела форму прямоугольника со скругленными углами, ориентирована длинной осью по линии северо-запад — юго-восток. Северо-западная ее стенка вертикальная, остальные плавно сужаются ко дну. Размеры ямы по верху 2,48х1,20 м, по дну 2,33х1 м, глубина в материке 0,46—0,48 м, от уровня погребенной почвы 0,75 м. В верхней части заполнения могилы, в южном ее углу, находился обломок кости животного.

На дне могильной ямы обнаружен частично сохранившийся костяк (череп и кости ног) мужчины 40—45 лет. Умерший лежал на спине, головой ориентирован на юго-восток. Перед черепом найдена бронзовая проволочная фибула (рис. 2, *6*). В области груди выявлены два скопления бус и пронизей из 14 и 7 предметов соответственно. Справа лежали шесть полихромных бусин из бело-серого стекла с сине-бело-коричневыми глазками (рис. 2,*7—12*), пять округлых халцедоновых бусин (рис. 2, *13—17*), одна уплощенная пронизь овальной формы из синего стекла (рис. 2, *18*). Кроме бус здесь найдены две аметистовые инталии (рис. 2, *19, 20*). Они представляют собой четырехгранники с продольным отверстием, на которых с двух противоположных сторон имеются разные негативные изображения античных богов, сходные по стилю и технике исполнения.

На одной инталии — стоящий в $^3/_4$ оборота Гермес (рис 3, *1*). Голова его повернута в профиль, покрыта крылатым петасом, на ногах крылатые сандалии, через полусогнутую руку перекинут плащ. В одном случае Гермес в правой руке держит кадуцей, в другом — кошель.

На другой инталии также запечатлен, видимо, образ одного божества (рис. 3, *2*). Здесь на одной стороне изображена в профиль фигура, сидящая на стуле. Голова украшена венком, правая рука придерживает жезл, левая подпирает подбородок, что должно символизировать, очевидно, задумчивость. На другой стороне бог стоит в $^3/_4$ оборота, в одной руке держит, возможно, флейту, в другой — чашу. Скорее всего перед нами Дионис, для изображений которого были характерны подобные поза и атрибуты [2, с. 154, 155].

Другое скопление украшений включало три стеклянные глазчатые бусины (рис. 2, *21—23*), две халцедоновые бусины (рис. 2, *24, 25*), пронизь из египетского фаянса зеленого цвета с изображением скарабея и иероглифом в виде цапли на обратной стороне (рис. 2, *26*). Здесь находилась также пронизь-многогранник из глухого синего стекла с изображением кормящей жеребенка лошади (рис. 2, *27*; 3, *3*).

В ногах умершего стояли три сосуда: круговые лощеные сероглиняные миска (рис. 2, *3*) и горшочек (рис. 2, *2*), лепная вазочка (рис. 2, *4*). Рядом с миской

[1] Определение Т. В. Томашевич

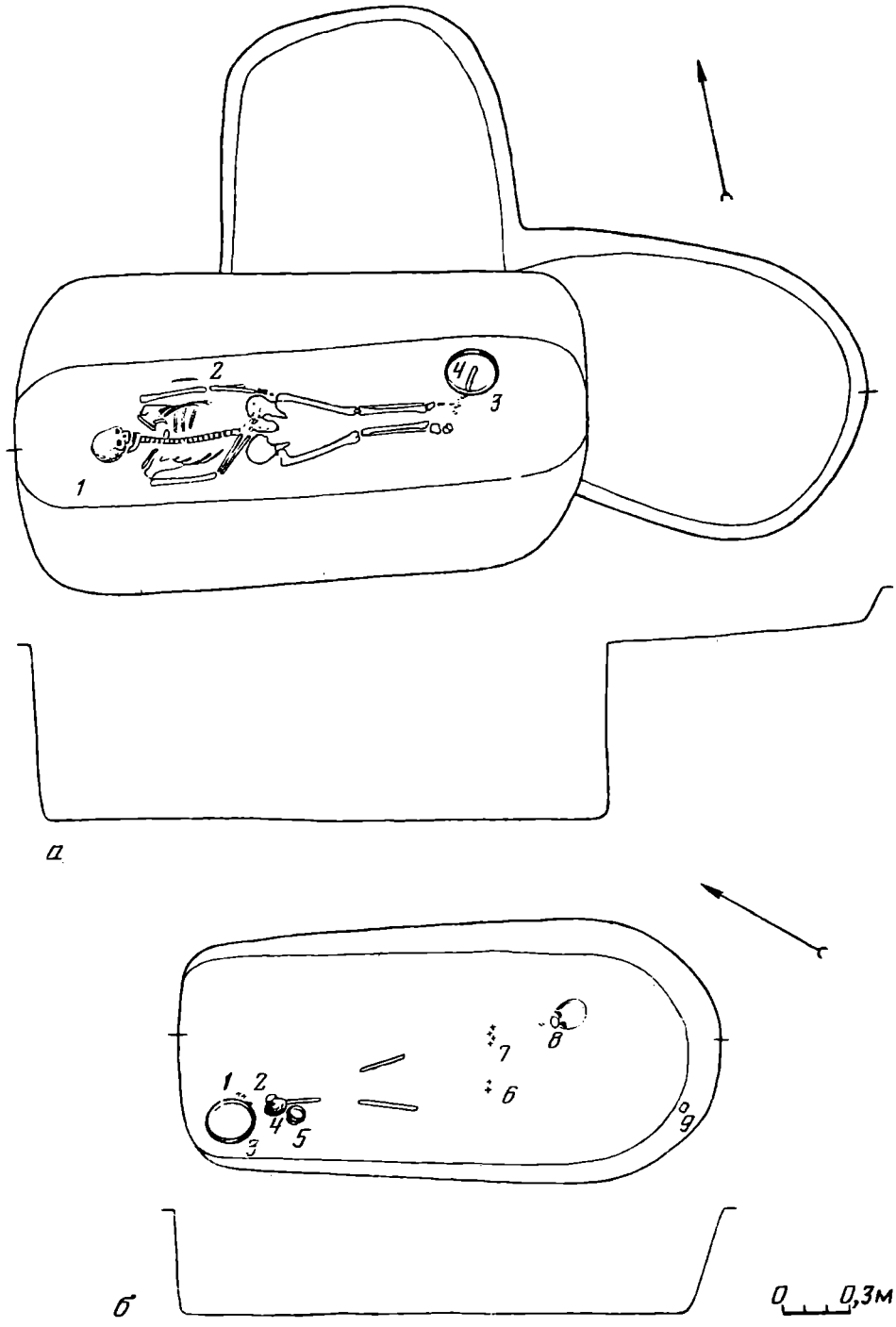


Рис. 1. Курганы у южной окраины Воронежа. *а* — погребение в кург. 3: *1* — мел; *2* — нож; *3* — миска; *4* — кость животного; *б* — погребение в кург. 4: *1* — бисер; *2* — нож; *3* — миска; *4* — горшочек; *5* — вазочка; *6* — бусы, пронизи; *7* — бусы, инталии; *8* — фибула; *9* — кость животного

обнаружен обломок железного предмета (нож?) и пастовый бисер белого цвета в количестве не менее 24 экземпляров (рис; 2, *28*).

Публикуемые погребальные комплексы достаточно типичны для среднесарматской культуры. Это предопределяет необходимость сопоставления исследованных погребений с известными в лесостепном Подонье памятниками сарматского времени [3]. Оба они сходны с подкурганными захоронениями I Чертовицкого могильника I — начала II в. н. э., расположенного севернее г. Воронежа [4]. Первое из рассматриваемых погребений совершено в несколько своеобразной по

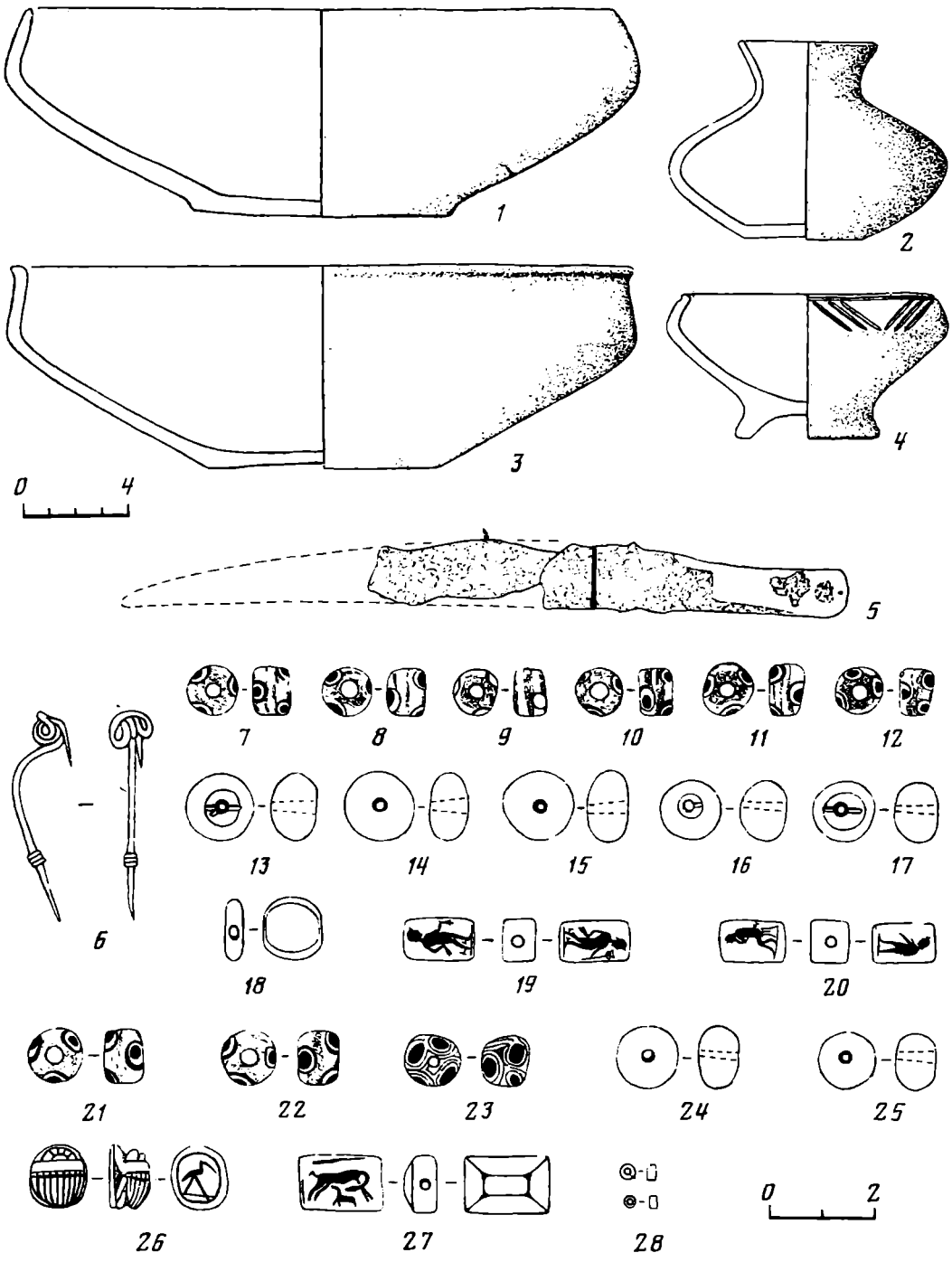


Рис. 2. Инвентарь из погребений в кург. 3 (*1—5*) 4 (*2—4, 6—28*)

конструкции могильной яме. Однако его широтная ориентировка находит параллели на указанном памятнике [4, с. 109, 120—122]. Обращает на себя внимание отсутствие здесь предметов вооружения, столь характерных для мужских погребений. Возможно, это захоронение, так же как и некоторые чертовицкие со сравнительно бедным инвентарем, принадлежало прослойке населения с низким социальным статусом. Второе же погребение по обряду аналогично большинству захоронений I Чертовицкого могильника.

По-видимому, курганы у дачного поселка Сады и с. Чертовицкое связаны с

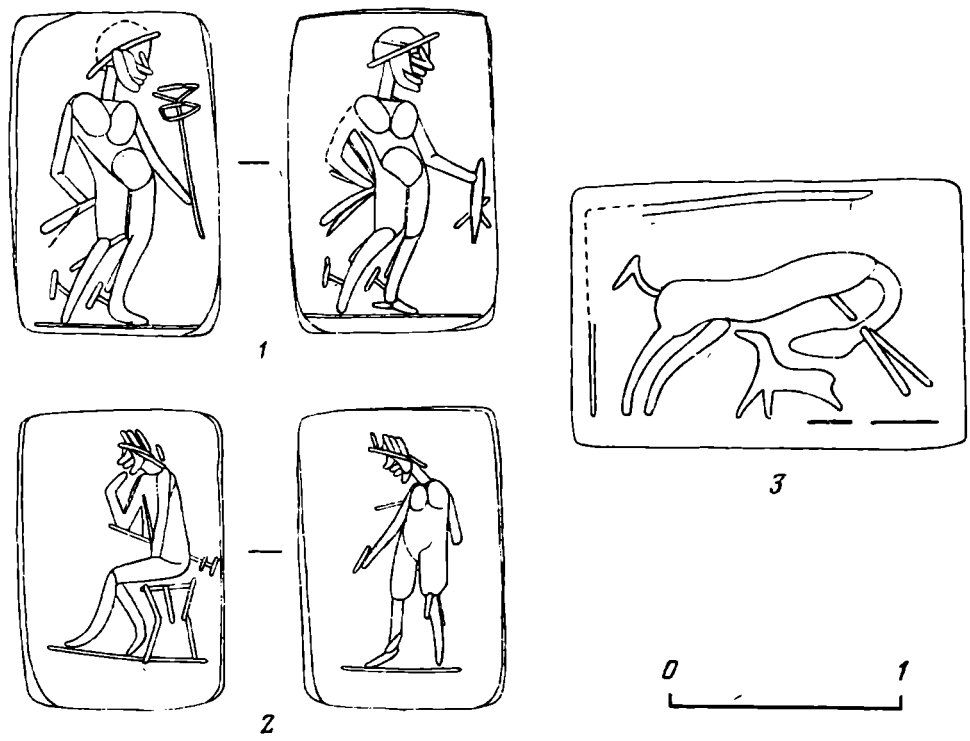


Рис. 3. Изображения на инталиях и многограннике

одним этносом. Очевидна и их хронологическая близость. Всем найденным сосудам имеются точные аналогии в керамическом материале могильника [5, рис. 1, *5*; 2, *3*; 4, *5*; 7, *12*]. Наиболее вероятной датой сооружения кургана 4, как скорее всего и соседнего с ним, является I в н. э. К такому выводу приводит сопоставление периодов бытования датирующих вещей из погребения в данном кургане.

Лучковая подвязная одночленная фибула 1-го варианта, по классификации А. К. Амброза, относится к I в. н. э. [6, с. 48]. Так же скорее всего датируется и пронизь в виде скарабея, которую можно включить в тип 48, по классификации Е. М. Алексеевой [7, с. 41].

Найденные инталии подобны по форме двум четырехгранникам I в. н. э. из Пантикапея, хранящимся в Государственном Эрмитаже[1]. Очевидно, их происхождение следует связывать с античными городами Северного Причерноморья. В первые века нашей эры там становятся особенно популярными изображения Гермеса на геммах, чаще всего подобные публикуемым по позе и атрибутам [8].

Стеклянная пронизь-многогранник представляет собой одну из копий малоазийских каменных печатей, производившихся в Иберии и бытовавших с V в. до н. э. по I в. н. э. [9, с. 152]. Аналогичная пронизь известна из эллинистического погребения на некрополе Мцхета-Самтавро [10, с. 84, рис. 8].

Находки гемм в погребениях на периферии античного мира достаточно редки. Бесспорно, что они наряду с другими предметами могли использоваться в качестве амулетов. В этой связи представляют интерес следующие наблюдения.

В погребении инталии были найдены без подвижной оправы, т. е. использовались как пронизи. Местоположение бус и пронизей позволяет предположить, что они могли размещаться в снизках, надетых на руки умершего. Если это так, то любопытна сама их компоновка. На правой руке было 14 бус и пронизей, в том числе две пронизи с четырьмя антропоморфными изображениями. На

[1] Сообщение О. Я. Неверова, за которое автор выражает благодарность.

левой руке находилось 7 предметов, среди них две пронизки с четырьмя зооморфными изображениями.

В целом комплекс найденных в кургане 4 вещей необычен для захоронения мужчины. Впрочем, плохая сохранность костяка оставляет место для сомнений в правильности его интерпретации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Разуваев Ю. Д.* Отчет об исследованиях в бассейне р. Воронеж в Липецкой и Воронежской областях в 1988 году//Архив ИА АН СССР.
2. *Рене Менар.* Мифы в искусстве старом и новом. СПб., 1900.
3. *Медведев А. П.* Лесостепное Подонье в сарматское время: Автореф. дис. канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1983.
4. *Медведев А. П., Пряхин А. Д.* I Чертовицкий могильник по раскопкам 1978 г.//Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1983.
5. *Медведев А. П.* Керамика сарматского времени лесостепного Подонья//Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987.
6. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР//САИ 1966. Вып. Д1—30.
7. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. 1975. Вып. Г1—12.
8. *Щербакова В. С.* Геммы с изображением Гермеса из херсонесских находок//КСИА. 1983. Вып. 174.
9. *Лордкипанидзе М. Н.* Иберийские копии с малоазийских гемм позднеахеменидского времени//Вестн. Отд-ния обществ. наук АН ГССР. 1963. Вып. 15.
10. *Максимова М. И.* Стеклянные многогранные печати, найденные на территории Грузии//Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры. Тбилиси, 1941. Вып. X.

Воронежский государственный
университет

В. С. СОЛОВЬЕВ

ДЕНЕЖНО-ВЕЩЕВОЙ КЛАД ИЗ ДУШАНБЕ

В 1988 г. при раскопках замка Чормагзтепа (Ореховый Холм), расположенного в северо-западной части г. Душанбе, найден денежно-вещевой клад. Замок, изучаемый под руководством автора статьи, был обнаружен археологами в начале 50-х годов, раскопки его начаты в 1983 г. и велись в течение четырех полевых сезонов. Он имеет квадратную форму (около 50х50 м), стороны его ориентированы по странам света. В истории памятника выявлены три строительных периода. 1. Вторая половина VII в. Возведение здания, начальный этап функционирования. Стены сложены из пахсы и сырцового кирпича (50х25х10 см). Здание покоится на высокой (около 4 м) платформе, было оно двухэтажным, сохранился первый этаж, в центральной части которого расположена серия коридорообразных помещений, имеющих длину около 20 м, ширину 1,4—1,8 м. Помещения образуют гребенчатую структуру, которая отличается от обычной тем, что разделяет их между собой не коридор, а глухая стена. 2. XII в. Перестройка замка после долгого запустения, вызванного, очевидно, арабским завоеванием Тохаристана в середине VIII в. Многие помещения предыдущего периода при этом забутовываются строительными остатками, в отдельных случаях их стены надстраиваются, возводятся и новые помещения из пахсы и сырцового кирпича (25х25х10 см). Ориентация стен совпадает с ориентацией стен помещений первого периода. 3. Начало XIII в. Кардинальная перестройка всего здания. Стены новых помещений ориентированы с юго-запада на северо-восток, сохранились они фрагментарно и не дают представления об их планировке.

© В. С. Соловьев, 1992 г.

Судя по месту нахождения клада, он был зарыт под полом помещения третьего периода, на глубину около 60 см. Предварительно клад был, видимо, завернут в тряпочку или положен в тряпичный мешочек. Он включает в себя девять серебряных украшений, одну золотую монету и 15 обломков золотых монет, 60 жемчужин. Монетные находки определены проф. Е. А. Давидович: «Целая золотая монета клада чеканена в Бухаре от имени Ануштегинида Мухаммад б. Текеша; от имени этого же государя выпущены еще 9 монет, представленных в кладе фрагментами разных размеров. Один фрагмент — от монеты, чеканенной с именем Гурида Сама б. Мухаммада (Бамианская ветвь Гуридов) и еще один — караханидский конца XII или начала XIII в. Четыре мелких фрагмента не определяются. Состав монетной части клада хронологически компактен, представлен монетами трех династий (Караханиды, Гуриды, Ануштегиниды) с количественным преобладанием золотых динаров Мухаммада б. Текеша»[1].

Однако этот однородный по времени нумизматический материал не позволяет установить точную дату его зарытия, потому что он мог быть в обращении довольно долго после чеканки. Представляется, что зарытие клада скорее всего было связано с тем периодом нестабильности, который установился в Южном Таджикистане в первые десятилетия после монгольского завоевания. На наш взгляд, целесообразно ограничить эту дату концом первой — второй четвертью XIII в.

Вследствие того, что вещи клада находились в относительно сухом месте и изготовлены из высокопробного серебра, сохранность их очень хорошая.

Перстни (3 экз.). Два из них изготовлены литьем с последующей частичной проковкой по форме; щиток третьего перстня изготовлен отдельно от шинки, между собой они спаяны[2]. Все перстни имеют шестиугольный щиток диаметром 14—15 мм, толщиной 0,5—1,0 мм и круглую шинку диаметром 13 мм. Поле щитка одного из перстней украшено четырехлепестковыми цветами и извилистыми линиями, имитирующими их ножки. Орнамент нанесен мелким пуансоном и чеканкой (рис. 1, *7—9*).

Браслеты (3 экз.). Два парных браслета изготовлены литьем в разъемной форме (рис. 1, *1, 3*). После литья поверхность браслетов подвергалась ковке, опиловке, чеканке, в сечении они имеют треугольную форму. Браслеты разомкнутые, концы их оформлены в виде головок змеи с высунутым раздвоенным язычком. Пуансоном показана чешуя на коже змеи у их головок и на противоположной от них стороне, где имеется квадратный, уплощенный щиток. С двух сторон края этого щитка ограничены линиями, между которыми располагается ромб. Поперечники каждого браслета 5,4 и 4,2 см, толщина 2 мм. Половинка третьего браслета сплетена из четырех проволок диаметром 1,5—2 мм, утончающихся к концам. Плетение браслетов начиналось после того, как концы проволок были запаяны, велось оно в виде косицы (рис. 1, *5*).

Ушные подвески (2 экз.). Украшения парные, изготовлены из прутьев, имевших квадратное сечение на начальной стадии обработки. Максимальная толщина прутьев 4 мм, они постепенно сужаются до 2 мм к одному концу. Примерно треть длины в тонкой части проковывалась до получения круглого сечения. Конец этой части расклепывался и в нем пробивалось отверстие для крепления нитки. После подготовительной обработки заготовки гнулись в соответствии с формой и размерами ушных раковин. Длина подвески в готовом виде 6,2 см, диаметры округлых частей 2,9 и 3,2 см (рис. 1, *2, 4*).

Нашивная бляшка. Изготовлена из тонкой прокованной пластинки, которой придали круглую форму (диаметр 2,8 см). В центре бляхи, с лицевой стороны, с помощью чеканки сделана полусфера диаметром 5 мм, высотой 2 мм. Вокруг нее располагается четырехконечная звезда, показанная мелким чеканом, так же как и два круга точек, идущих вдоль краев бляшки (рис. 1, *6*).

[1] Письмо профессора Е. А. Давидович автору от 18.XII 1988 г.

[2] При описании техники изготовления серебряных украшений нами использованы наблюдения художника-реставратора сектора металла Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации (ВНИИР) В. В. Ветлужских.

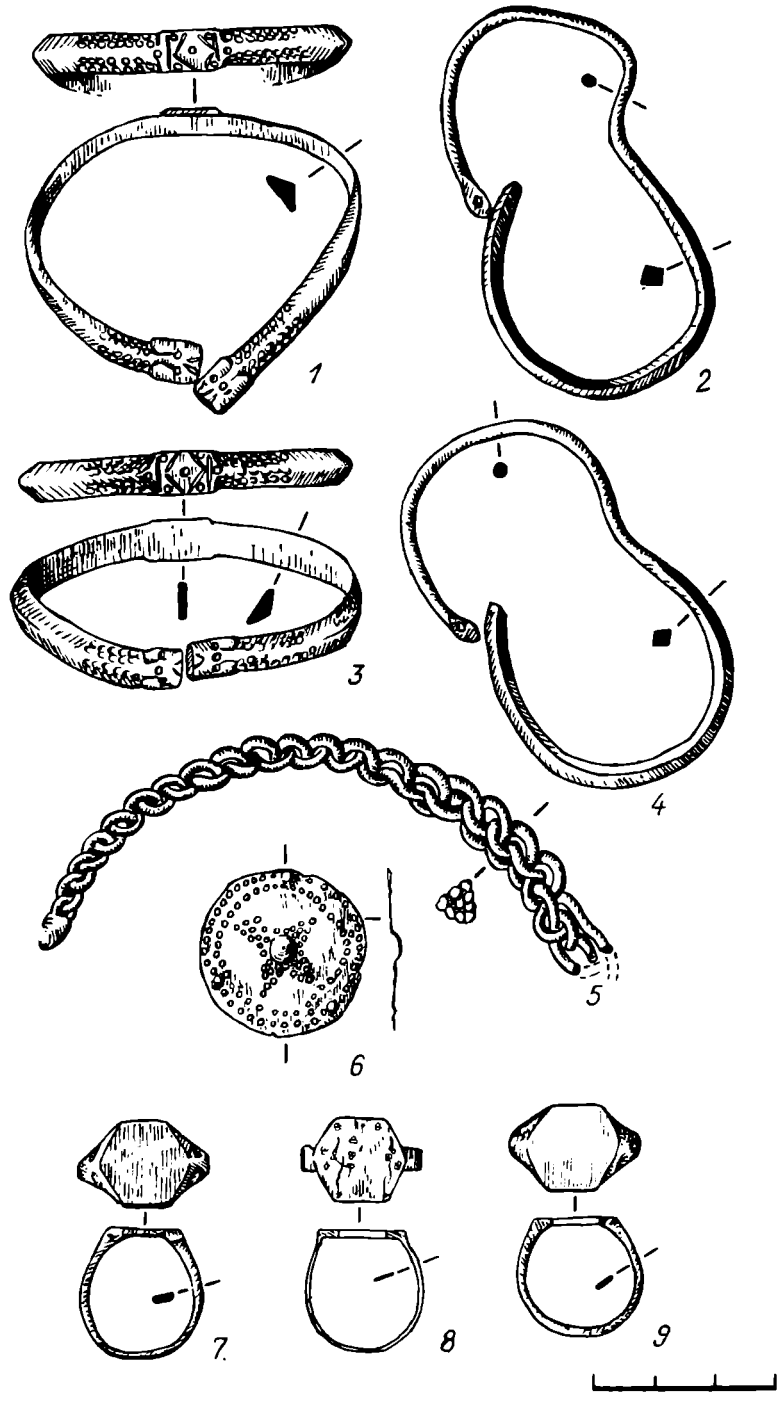


Рис. 1. Душанбе. Чормагзтепа. Серебряные украшения из клада

Жемчужины (60 экз.). Они в основном мелкие, диаметром 3—5 мм, имеются и более крупные, диаметром 6—8 мм. Жемчужины имеют естественную форму — округлую, вытянутую, все они просверлены. Вероятно, их нанизывали на ниточки, которые привязывались к ушным подвескам.

Как показали металлографический анализ и определение удельного веса украшений методом гидростатического взвешивания на аналитических весах, все украшения, кроме бляшки, изготовлены из высокопробного серебра 875—900 пробы. Нашивная бляшка изготовлена из серебра 800 пробы[3]

Душанбинский клад относится к серии близких по времени кладов, найденных на территории Средней Азии и Казахстана. Наиболее близким к нему по составу

[3] Определение проб металла произвела старший научный сотрудник сектора металла ВНИИР И. Г. Равич.

является большой клад серебряных изделий и монет, найденный в 1974 г. около г. Отрара. В составе этого клада имеются аналогичные ушные подвески, перстни с шестиугольными щитками, уплощенные и плетеные браслеты [1, с. 20—28]. Есть и некоторые отличия в деталях отдельных вещей из этих кладов. Так, на душанбинских браслетах головки змей более реалистичны; у ушных отрарских украшений отверстие для подвешивания образовано простым загибом тонкого конца стержня-заготовки. Иначе на одном из отрарских перстней изображен цветок — он один и более крупный, чем на душанбинском перстне. В связи с привлечением для сравнения вещей отрарского клада необходимо отметить некоторую неправомочность идентификации плетеных браслетов из него с витыми браслетами, найденными в Узбекистане [2, с. 116—117] и Киргизии [3, с. 58, табл. XV], потому что последние выполнены в другой технике, они типичны для караханидского периода, но не для периода хорезмшахов.

Аналогичные по форме нашим ушным украшениям золотые серьги имеются в кладе, найденном в кишлаке Янги-Ер Чимкентского уезда (Казахстан) в 1891 г.[4] Одна из них украшена двумя жемчужинами. В отличие от душанбинских украшений один конец серег сильно сужен и приострен, что позволяло вдевать их в мочку уха. Душанбинские же украшения, несмотря на морфологическое сходство, крупнее их по размерам, они надевались на ушную раковину. В селении Аламедин Токмакского уезда Пишпекской обл. (Киргизия), также в прошлом веке, найдены два золотых плоских браслета, разомкнутые концы которых украшены снаружи парными фигурками обращенных в противоположные стороны львов[5]. По времени они позже душанбинских, но по стилю относятся к одному с ними кругу.

Если рассматривать вещи душанбинского клада в связи с находками подобного рода из Восточной Европы, прежде всего с территории Древней Руси и Булгарского царства, то выявляются параллели для браслетов обоих типов и перстней. Чаще всего их находят в составе кладов [4, табл. XXXII, XXXVII, XXXVIII; 5, с. 41, 42; 6, с. 13, рис. 5; 7, с. 28, 29; 8, рис. 73—75]. Речь в данном случае идет не о полном, а о частичном сходстве. Так, концы пластинчатых браслетов из Восточной Европы часто бывают украшены личинами львов[6]. Концы плетеных браслетов украшались каменными вставками. Иной здесь орнамент на щитках перстней. Декорирование душанбинских браслетов изображениями головок змей связано с тем, что образ змеи в Средней Азии с древнейших времен служил в качестве оберега; он часто встречается в декоре витых браслетов XI—XII вв. [10, с. 54, 55].

Представляется, что сходство серебряных украшений душанбинского клада с соответствующими украшениями указанных регионов нашей страны объясняется вхождением Южного Таджикистана в состав формировавшегося после монгольского завоевания огромного государственного объединения. То обстоятельство, что набор предметов из душанбинского клада наиболее близок по своему характеру к набору предметов из клада, найденного под Отраром, свидетельствует о том, что в Средней Азии и Казахстане формировался в то время локальный вариант культуры, частью которой было ювелирное искусство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Байпаков К. М., Настич В. Н.* Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара. // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата: Наука, 1981.
2. *Вархотова Д. П.* Два серебряных браслета X—XI вв. из Чиназа//История материальной культуры Узбекистана. 1963. Вып. 4.
3. *Кожемяко П. Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.

[4] Особая кладовая отдела Востока ГЭ. Инв. № СА, 8101—8106.

[5] Особая кладовая отдела Востока ГЭ. Инв. № СА 8243. Пользуясь случаем, выражаю благодарность сотрудникам отдела Востока Эрмитажа Т. И. Зеймаль и М. Г Крамаровскому, ознакомившим автора с предметами указанных кладов.

[6] М. Г. Крамаровский полагает, что плоские браслеты с личинами, подобные пишпекским, в Восточной Европе не могут быть датированы домонгольским периодом, а также что они несли следы влияния сельджукского художественного ремесла [9, с. 49—50].

4. *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
5. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.
6. *Монгайт А. Л.* Работа Рязанской археологической экспедиции в 1966—1970 гг. Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974.
7. *Даркевич В. П.* Раскопки на Южном городище Старой Рязани. Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974.
8. *Смирнов А. П.* Волжские булгары. М.: Наука, 1951.
9. *Крамаровский М. Г.* «Булгарские» браслеты: генезис декора и локализация///СГЭ. 1978. Вып. XIII.
10. *Фахретдинова Д. А.* Ювелирное искусство Мавераннахра.//Художественная культура Средней Азии. IX—XIII века. Киев, 1983.

Институт истории, археологии и этнографии
АН Таджикистана, Душанбе

Г. Ф. ПОЛЯКОВА

ЗАГОТОВКА ОБКЛАДКИ КОЛЧАНА ИЗ БОЛГАР

В 1989 г. на раскопе CV, заложенном в центральной части Болгарского городища, найдена обломанная костяная пластина с резным геометрическим орнаментом. Стратиграфически эта находка связана с поздним горизонтом золотоордынского слоя, датирующегося серединой XIV — началом XV в. (рис. 1).

Пластина представляет собой обломок лопатки длиной 16,1 см и шириной 4,6 см. Обе ее стороны декорированы нарезными линиями, вдоль которых идут мелкие выемчатые треугольники. Орнамент пластины очень близок к декору костяных обкладок колчанов поздних кочевников XII—XIV вв. [1, с. 132—175]. Однако все известные обкладки односторонние, толщиной 0,1—0,2 см. Их поверхность тщательно отполирована и сплошь покрыта орнаментом. Рассматриваемая пластина имеет толщину 0,8 см. Ее поверхность плохо сглажена. Узор, нанесенный легкими небрежными штрихами, производит впечатление предварительной разметки. Кроме того, на орнаментальных полях обеих сторон пластины имеются недекорированные зоны, которые, принимая во внимание орнаментальные композиции многих обкладок, предназначались, вероятнее всего, для нанесения зооморфного или растительного узора. Все отмеченное позволяет предположить, что рассматриваемая пластина является заготовкой для производства обкладок колчанов.

Это пока единственная находка, отражающая процесс изготовления обкладок. Судя по заготовке, обкладки делали из плоских костей с тонкой прослойкой губчатого вещества. Отобранные для обработки кости сначала покрывали с обеих сторон орнаментом, а затем по губчатому веществу распиливали на тонкие пластины и тщательно отшлифовывали.

Данная находка имеет определенный интерес и для решения спорного вопроса о месте производства обкладок колчанов. Согласно одной точке зрения, обкладки делали сами кочевники. Возможность производства этих изделий обосновывалась достаточно высоким уровнем развития ремесла и декоративно-прикладного искусства у кочевников, что позволяло им производить многие художественные предметы в условиях кочевого быта [2, с. 6]. В соответствии с другой точкой зрения обкладки колчанов изготовлялись для степных кочевников в городах Золотой Орды. Это мнение представляется более убедительным, так как оно основано на конкретном материале в виде находок обкладок колчанов в культурных слоях золотоордынских городищ [1, с. 169]. Описываемая заготовка может служить новым ярким подтверждением правомерности данной точки зрения.

© Г. Ф. Полякова, 1992 г.

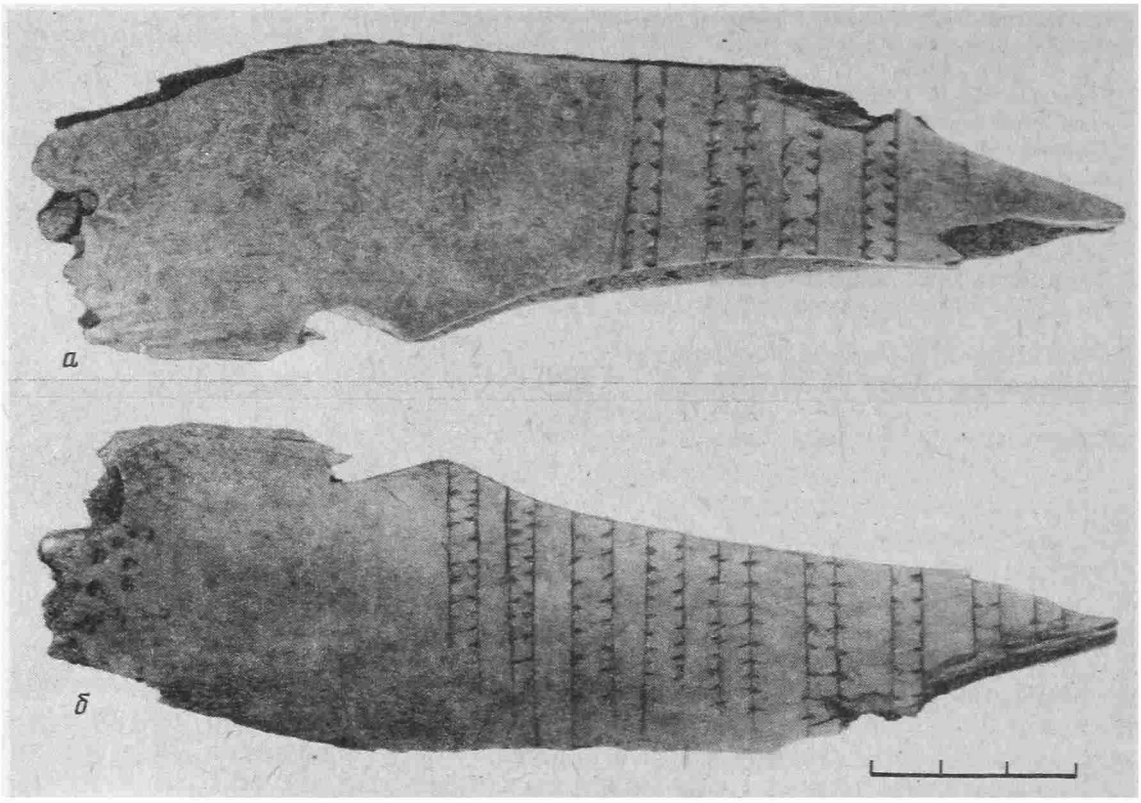


Рис. 1. Заготовка обкладки колчана

Следует также подчеркнуть, что Болгары, где наряду с публикуемой заготовкой найдены и готовые изделия [3, с. 227, рис. 99], несомненно, являлись одним из центров производства обкладок колчанов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Малиновская М. В.* Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории Евразийских степей//Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974.
2. *Гаврилина Л. М.* Прикладное искусство кочевников Восточной Европы X—XIV вв.: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1986.
3. *Закирова И. А.* Косторезное дело Болгара//Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988.

Государственный исторический музей,
Москва

История науки

Н. Н. ЖЕРВЭ

ПЯТНАДЦАТЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД

В истории изучения и охраны памятников древности всероссийские археологические съезды, организованные по инициативе Московского археологического общества (МАО) и проводившиеся регулярно с 1869 г., раз в 3 года, занимают очень важное место: они являются вехами, этапами в становлении и развитии отечественной археологии, определяют круг теоретических и практических вопросов, связанных с региональными и общерусскими археологическими исследованиями. Церковная археология обращалась к изучению древнерусской архитектуры, живописи и прикладного искусства. Большое место на этих съездах занимали и общеисторические проблемы, привлекавшие к их работе не только археологов, но и филологов, историков, архивистов. Это позволяет говорить о значимости этих съездов для развития русской гуманитарной науки в целом. В этом году исполняется 80 лет со дня проведения последнего, XV Всероссийского археологического съезда в Новгороде.

Основой данной статьи являются материалы XV съезда (деятельность предварительного комитета, проведение съезда и отклики на него), хранящиеся в фонде Уваровых (Отдел письменных источников ГИМ), материалы деятельности Новгородского предварительного комитета (Отдел письменных источников Новгородского государственного музея, фонд Новгородского общества любителей древностей, далее — НОЛД), труды Предварительного комитета XV съезда (2 тома) и труды самого съезда (2 тома), «Известия XV археологического съезда», а также газетные и журнальные публикации в центральной и местной прессе (отклики на XV съезд были помещены более чем в 90 периодических изданиях России).

Вопрос об избрании Новгорода местом проведения XV Всероссийского археологического съезда был решен в январе 1909 г. Московским предварительным комитетом (МПК). Все предыдущие съезды посвящались археологическому обследованию южных и центральных областей России (Одесса, Харьков, Киев, Чернигов, Москва, Ярославль), в то время как древнейшая часть северо-запада — Новгородская земля — оставалась забытой. Основная часть собравшихся высказалась в пользу Новгорода, указывая на важное значение Великого Новгорода в истории русской культуры, на многочисленные сохранившиеся древние храмы, на «интерес изучения новгородской области с точки зрения народной словесности» [1, с. 3] Кроме того, проведение съезда в Новгороде обеспечивало активное участие в нем археологов из Финляндии, Швеции и Прибалтийского края.

Представители Новгородской земли: губернатор П. П. Башилов, председатель Новгородского общества любителей древности М. В. Муравьев и новгородский голова А. А. Соловьев — отмечали огромное значение обследования Новгородского края в археологическом и историческом отношении в период подготовки к съезду, обращая особое внимание на такие направления исследований, как новгородское искусство; археологические работы на оз. Ильмень и по берегам р. Ловать; материалы новгородских архивов; древности ризницы Софийского собора; эпос Новгородской земли; взаимоотношения северо-западного и северо-восточного центров Руси [2, с. 20, 21]. Учитывая все вышеперечис-

© Н. Н. Жервэ, 1992 г.

Группа участников XV археологического съезда. В центре — П. С. Уварова. Из фонда Уваровых Отдела письменных источников ГИМ. Публикуется впервые.

ленные обстоятельства, МПК единогласно избрал Новгород местом проведения XV археологического съезда (с 22 июля по 5 августа 1911 г.).

На двух следующих заседаниях МПК уточнялись организационные и программные моменты, определялся основной круг вопросов предстоящего съезда. Проф. Э. П. фон Штерн (Одесса) внес ценное организационное предложение, поддержанное всеми,— выработать для каждой секции определенную программу и назначить ответственных лиц, под руководством которых могли бы осуществляться подготовительные работы. Предлагалось наряду с образованием местных предварительных комитетов в Новгороде и Пскове «усилить среди студенчества интерес к истории, давая научные работы на соответствующие темы» [3, с. 4]. Д. И. Багалей (Харьков) отметил, что успех съезда «находится в прямой зависимости от сочетания двух элементов — местного, областного и общерусского; на съезде должно быть обращено внимание на очередные вопросы русской археологии и должны быть произведены раскопки в самой области» [2, с. 24] Это давало возможность подвести итоги и обобщить имеющийся материал об ильменских славянах.

В ходе обсуждения предстоящих исследований были отмечены: 1) необходимость исследования новгородских письменных источников, и прежде всего писцовых книг (Д. И. Багалей); 2) исследование Пскова и Псковской земли (он же); 3) издание к съезду всей новгородской библиографии (Довнар-Запольский); 4) установление связей с Архангельском и Вяткой для расширения круга изучаемых тем с привлечением местного материала новгородских окраин (он же); 5) изучение церковных древностей Новгородской земли (Новгород, Псков, Кирилло-Белозерский монастырь и т. д.) и издание материалов по ризницам древних новгородских монастырей: Юрьевского, Хутынского, Антоньева и Софийского собора (Н. В. Покровский); 6) изучение новгородских говоров (Д. И. Илловайский), 7) исследование длинных курганов и жальников в области финских поселений (А. С. Раевский); 8) выяснение летописных свидетельств и архивных материалов по составу волостей Новгородской земли в момент присоединения к Москве; 9) Новгород и Новгородская земля по иностранным старым картам и планам (Д. Н. Анучин) [2, с. 31, 32; 4, с. 842—844].

Были сформулированы общие и частные вопросы, предлагавшиеся на обсуждение XV съезда: 23 доклада и 74 научных вопроса, на которые нужно было ответить. На этом МПК закончил первый этап своей деятельности.

В апреле 1909 г. в МПК было направлено предложение этнографического отдела Музея Александра II о желательности организации этнографических экспедиций в пределах Новгородской и других северо-восточных губерний России, входящих в область культурного влияния Великого Новгорода (Олонецкая, Вологодская, Архангельская, Пермская) с целью сбора как материала по внешнему быту населения этого района, так и памятников народной словесности, что могло содействовать организации этнографической выставки [5, с. 38].

Тогда же поступило предложение от архитектора Никитина об издании уже имеющихся трудов по Новгороду и его памятникам искусства (академиков Ф. Солнцева, Н. А. Мартынова, Павлинова, В. А. Прохорова и Ю. В. Филиппова) [5, с. 41].

МАО обратилось с просьбой об устройстве отделений комитета и о помощи в подготовительной работе для съезда в Императорское Русское археологическое общество, Императорскую археологическую комиссию, в Новгород и Псков, в Общество истории и древностей Прибалтийского края, в Курляндское и Эстонское ученые общества, в Финское и Финно-угорское ученые общества и Юрьевский университет, т. е. в те общества и учреждения, которые располагались в местностях, соседствующих с Новгородом, и были связаны с ним исторически; но большая часть этих обществ и учреждений отказались или промолчали, и отделения предварительного комитета были образованы только в Новгороде и Пскове (май 1909 г.). Ученые общества прибалтийских губерний соединили свои усилия для совместной разработки вопросов, интересующих представителей съезда: материалы и документы в архивах Любека, Стокгольма, Копенгагена, Риги, Ревеля; исследование могильника в Курнале Эстляндской губ.; собрание оттисков с древних русских печатей Рижского городского архива. Реальную помощь оказали также проф. Н. В. Покровский (описание ризницы Софийского собора), И. Е. Евсеев (документы и грамоты Новгородского Софийского Дома), В. Ф. Миллер (программа сбора этнографического материала в Олонецкой, Архангельской, Пермской, Вятской и других северных губерниях) [6, с. 1].

Надеялось МАО расшевелить и «дремлющие силы по губерниям, соседним с Новгородом», чтобы обратить внимание на гибнущие архивы Смоленска, Гдова, Полоцка, Витебска, но ничего сделать в этом направлении не удалось [7, с. 1]. Издательские возможности МАО и МПК оказались очень ограниченными.

В обследовании Новгородской губернии и соседних земель приняли активное участие москвичи Юрий и Борис Соколовы (фольклорный и этнографический материал), Ф. В. Баллод (городища Прибалтийской губернии), Б. И. Дунаев (археологическое и этнографическое изучение Олонецкой и Архангельской губерний), А. И. Колмогоров (археологическое исследование Тихвинского уезда), Г. М. Казаков (иконопись Пскова), М. Н. Соболев (изучение новгородских памятников), И. В. Рыльский (обмеры и изучение гражданских построек Пскова), В. А. Попов и Иванов-Терентьев (обследование церквей Новгорода, Пскова, Изборска). Для фотографирования памятников Новгородской губернии был направлен опытный фотограф Павлов, но ввиду ряда обстоятельств он не сумел объехать всей территории, а посетил лишь три уезда: Боровичский, Устюжский, Череповецкий, сделав около 400 фотографий [8, с. 1]. Молодые петербургские исследователи — ученики проф. Айналова: В. К. Мясоедов, Л. А. Мацулевич, Н. Л. Окунев, Н. П. Сычев — занимались тщательным изучением древних новгородских храмов и их живописи [8, с. 1].

ИАО и ИАК организовали ряд археологических экспедиций в Новгородскую губернию в 1909—1911 гг., результаты которых дополнили в основном сведения

о новгородских курганах и жальниках (ученики А. А. Спицына — А. В. Тищенко, П. Любомиров, Чернов, В. В. Александров и др.) [9, с. 32, 38, 54, 74, 87, 119, 120].

Псковское отделение предварительного комитета состояло из 6 человек; 3 представителя от ПАО и 3 — от церковного комитета под председательством губернатора графа Адлерберга, но главную роль в осуществлявшихся работах сыграл секретарь ПАО, генерал Николай Фомич Окулич-Казарин. Результаты деятельности Псковского предварительного комитета: 1) собраны материалы для описания древнейших церквей Псковской епархии; 2) составлен «Спутник по древнему Пскову» Н. Ф. Окулич-Казарина; 3) предоставлен съезду подробный отчет по осмотру древних стен городища, подробные чертежи и смета на их ремонт и сохранение; 4) обследованы местные архивы, где обнаружены преимущественно документы XVIII—XIX вв.; 5) подготовлены доклады по истории и топографии Пскова, описание древних икон и программа осмотра псковских памятников старины для 60 делегатов съезда после завершения его работы в Новгороде [10, с. 1].

Но основная ответственность по подготовке и проведению XV археологического съезда легла, конечно, на плечи Новгородского предварительного комитета, возглавляемого губернатором П. П. Башиловым. В его письме к председательнице МАО П. С. Уваровой высказывалось сомнение в возможности качественного и количественного квалифицированного осуществления всей намеченной подготовительной программы ввиду «отсутствия ученых-специалистов» [5, с. 25]. Губернатор несколько сгущал краски, так как с 1908 г. в Новгороде довольно успешно возобновило свою деятельность Общество любителей древностей под председательством археолога и исследователя местной старины Михаила Валериановича Муравьева [11, с. 89—91] 23 члена НОЛД вошли в состав НПК (всего в нем было 63 человека). За 2 года своей деятельности комитет собирался 32 раза для обсуждения самых разнообразных организационных и научных вопросов и проделал следующую работу

1. С помощью вопросных листов (анкет), разосланных настоятелям церквей Новгородской губернии, были получены данные о наличии церковных древностей, о городищах, курганах и сопках Новгородской земли (около 350 ответов) [12, с. 10]. Аналогичный сбор сведений был осуществлен И. В. Аничковым и по дворянским имениям Новгородской губернии. Полученные данные помогли определить круг предметов для будущих выставок церковной и гражданской старины, намечавшихся к съезду.

2. В 1910 г. Новгородским предварительным комитетом были командированы по губерниям с целью непосредственного обследования на местах церковной и гражданской старины члены НОЛД: Л. Н. Целепи (Старорусский, Порховский и Великолуцкий уезды), М. В. Муравьев (Новгородский уезд), И. В. Аничков (Тихвинский уезд), А. И. Конкордин (Валдайский уезд), А. И. Анисимов (Кирилловский, Белозерский, Череповецкий, Устюжский, Боровичский уезды); только последним было обследовано 347 церквей и обнаружен ряд интересных церковных древностей [13, с. 23].

3. Были произведены раскопки курганов и жальников в Тихвинском уезде А. И. Колмогоровым и И. В. Аничковым [5, с. 117, 118] И. В. Аничков также осуществил раскопки на берегу р. Оредеж Лужского уезда [14, с. 3—6], а И. П. Подобедов исследовал Бронницкий могильник [13, с. 23]

4. В 1910 г. НОЛД получило от городской думы разрешение на раскопки в юго-восточной части Кремля и попыталось привлечь к ним Н. К. Рериха. Материалы этих раскопок должны были обогатить археологическую выставку интересными экспонатами. Половина находок переходила в собственность НОЛД для постоянного экспонирования. Остатки древних сооружений должны были быть законсервированы. В состав комиссии от НОЛД вошло 5 человек во главе с М. В. Муравьевым, и в июле 1910 г. начались раскопки. Были

прорыты траншеи в двух местах: у садов священника и у Дворцовой башни [15], но конфликт Рериха с НОЛД, отсутствие средств, необходимых для консервации, и еще ряд обстоятельств привели к прекращению работ, хотя, по свидетельствам самого Николая Константиновича, тогда впервые были обнаружены конструкции новгородских мостовых и деревянных построек на территории Детинца [16, с. 213—215]. Возобновить раскопки в 1911 г. также не удалось.

5. Производилось постоянное наблюдение за земляными работами на Владычном дворе; наиболее интересные находки были переданы на выставку съезда [17, с. 12].

6. Осуществлялись раскрытие и реставрация древних фресок в церкви Федора Стратилата.

7. В 1910 г. в Новгороде были организованы археологические курсы, где профессора Археологического института и Петербургского университета Н. В. Покровский, С. М. Середонин, С. Ф. Платонов, В. В. Майков, П. Л. Гусев и др. читали специальные лекции по археологии и истории Новгорода, часть которых впоследствии была издана отдельными брошюрами. Лекции посетили более 200 человек, что для Новгорода с населением в 26 тыс. было явлением отрадным.

8. Предварительный сбор древних предметов для выставки был затруднен ввиду отсутствия подходящих помещений для их хранения, но в 1910 г. была организована предварительная историко-археологическая выставка в митрополичьих покоях, на которой были представлены предметы из 30 церквей Новгорода и 15 собраний частных лиц [5, с. 84—86]

9. За время подготовки к съезду было издано четыре сборника НОЛД с материалами, документами и сообщениями по истории Новгорода; завершается издание «Новгородики» и «Путеводителя по Новгороду» В. П. Ласковского; появляется книга Н. Романцева «О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии».

Кроме того, к съезду были выпущены следующие издания: В. В. Майков «Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI века» (издание ИАК); А. М. Гневушев «Новгородский дворцовый приказ в XVIII веке»; А. А. Титов «Повесть о Щиле»; доктор Шлютер «Каталог шведского архива в Риге»; XXI выпуск «Вестника археологии и истории».

М. В. Муравьев регулярно сообщал гр. Уваровой о ходе подготовительных работ: об издании V выпуска сборника НОЛД, об итогах обследования около 400 церквей епархии и сборе предметов для выставки, о составлении каталога и работе над «Новгородикой», о подготовке экскурсоводов и проведении археологических работ и т. д. [5, с. 210, 211, с. 228, 229; 18, с. 38; 19, с. 98]

Но очень многое из намеченного предварительным комитетом не было выполнено, в том числе очень плохо были организованы археологические исследования перед съездом и показательные раскопки во время него, хотя средства и план работ имелись. Очевидно, сказалось отсутствие необходимой действенной археологической помощи со стороны центральных учреждений (МАО и ИАК) и специалистов, а местных сил НОЛД, где было только 19 человек с археологической подготовкой, не хватило для успешного осуществления всего масштаба намеченных работ.

Собранные НПК предметы церковной и гражданской старины и археологические древности в количестве 1640 были размещены на выставке в двух отделах: 1) древности первобытные, гражданские и военного быта (в обширных, светлых залах дворянского собрания на Сенной площади); 2) собрание древностей церковных (в митрополичьих покоях архиерейского дома). Коллекция Новгородского музея древностей оставалась на месте.

Каталог выставки, выпущенный к съезду, был составлен по владельцам, что скорее давало представление о составе новгородского дворянского общества, его интересах и собраниях, нежели о ценности представленных на

выставке предметов. Интересные документальные материалы были предоставлены семьями Ханыковых и Макшеевых (Боровичский уезд), Л. Н. Целепи (Лужский уезд), М. В. Муравьевым (Новгородский уезд). Выделялись собрания портретов, оружия, этнографические и археологические предметы, фотографии, рисунки, чертежи; археологические древности из коллекции В. Р. Апухтина (каменные и бронзовые орудия из курганов и городищ Орловской, Тульской, Калужской губерний, оружие), Л. Н. Целепи, Л. С. Гогеля, М. В. Муравьева; портреты, гравюры, фарфор из коллекций В. М. Томановской, И. А. Линиченко, Н. Н. Григорьева, И. В. Тыркова; этнографические коллекции (костюмы, вышивки) Е. А. Ханыкова, иеромонаха Антония.

Довольно значительным оказался отдел нумизматики и сфрагистики: здесь были собраны монеты начиная от Боспорского царства, новгородские, киевские, литовские гривны, монеты России XVI—XIX вв., обширная коллекция крестов, медалей, жетонов, выбитых по поводу известных исторических событий. Особое внимание публики в этом разделе выставки привлекло собрание масонских вещественных и письменных памятников (Т. Соколовской).

Центром выставки церковных древностей стали предметы из ризницы Софийского собора: «реликварии», «иерусалимы», «панагиар» и др., а также обширная коллекция икон, церковной утвари и резных изображений из дерева, собранная из церквей Новгородской епархии (особенно выделялись предметы из Тихвинского Большого монастыря, Соловецкого и Кирилло-Белозерского монастырей, обширная коллекция иеромонаха Филиппо-Ирапской пустыни Антония), хотя, по ироническому замечанию одного из критиков, «большинство икон и утвари представляли собою не выставку сохранившихся до наших дней выдающихся памятников церковной старины, а выставку так называемых „вандализмов“» [20, с. 1140]. Высказывалась, однако, надежда, что наиболее интересные и древние церковные предметы «могут послужить основанием или первым вкладом в церковный музей, к устройству которого стремится новгородский владыка Арсений» [21, с. 4].

Кроме этой выставки были открыты для обозрения: частное собрание вице-губернатора Новгорода С. Н. Дирина; выставка этюдов, рисунков и офортов, посвященных памятникам новгородской старины, молодого художника Е. К. Псковитинова, «влюбленного в свой действительно поэтический Новгород и сумевшего передать не столько действительность, сколько свое представление о нем» [22, с. 1]; выставка работ фотографа Глазачева — снимки старинных церквей, иконостасов, видов Новгорода и окрестностей, «сделанные безукоризненно, артистически» [23, с. 8].

Большое место было уделено подготовке экскурсий для участников и гостей съезда. План осмотра новгородских древностей был разработан и предложен Н. В. Покровским: 1) осмотр Кремля и Софийского собора (в том числе ризницы); 2) знакомство с фрагментами старинной фресковой росписи в церквах Спаса Преображения и Федора Стратилата; 3) осмотр городских церквей Петра и Павла, Бориса и Глеба, Никольского собора, ц. Жен Мироносиц, ц. Прокопия и др.; 4) раскопки кургана в Броннице; 5) две поездки в окрестности: Юрьев монастырь — Спас-Нередица — Рюриково городище и Антониев монастырь — Колмово — Хутынь; 6) экскурсия в Грузино и знакомство с памятниками XIX в.; 7) поездка в Псков и осмотр его древних памятников; 8) поездка в г. Висби на о-ве Готланд [24, с. 4].

Удалось осуществить большую часть намеченного плана. Осмотром кремлевских стен руководил М. В. Муравьев, исторические места торговой стороны показывал П. Л. Гусев, обзор древних храмов города и ризниц монастырей и церквей осуществлялся под руководством проф. Н. В. Покровского, академика архитектуры В. В. Суслова, проф. И. А. Шляпкина, священников о. Конкордина и о. Никофоровского.

Торжественное открытие съезда состоялось 22 июля, в 2 час. дня, в актовом зале мужской гимназии. В приветственных речах губернатор и городской

голова с большим пафосом говорили о значении Новгорода и Новгородской земли в истории Руси, об «особом подъеме духа и особом настроении», которые создает Новгород, о «заветной колыбели русской государственности» и необходимости изучения родной старины — «волшебного зеркала, в котором в перспективе веков мы видим себя, своих предков и каждую грань церковной, общественной и государственной жизни [13, с. 16—19]. Высказывалась надежда на то, что наука станет, наконец, на защиту новгородской старины и съезд «еще больше разовьет и возбудит среди общества интерес к нашим древностям и авторитетно укажет, что это святыня не одних новгородцев, а всех русских граждан... Съезд может оказать сильное воздействие к прекращению дальнейшего расхищения и разрушения наших древностей и поднять даже вопрос о возвращении отобранных древностей» [23, с. 1]

Один из самых представительных всероссийских археологических съездов (в нем участвовало более 400 человек), привлекший ученых Скандинавских стран, должен был стать важнейшей вехой в истории изучения и охраны новгородских древностей, но, несмотря на интенсивную работу в течение почти двух недель (на 32 заседаниях было заслушано и обсуждено около 90 рефератов), многие важнейшие вопросы по истории и археологии Новгорода остались без внимания, и только 36 рефератов так или иначе касались новгородской старины.

Работа съезда велась по следующим секциям: 1) древности первобытные, 2) древности историко-географические и этнографические, 3) древности юридические, быт хозяйственный, домашний и военный, 4) древности церковные, 5) памятники искусства и художеств, нумизматики и сфрагистики, 6) памятники языка и письменности, 7) археография и архивоведение.

Секция церковной археологии под председательством Н. В. Покровского была наиболее представительной и открыла работу съезда. Задачей археологии в области церковных древностей Покровский считал разрешение вопроса о влиянии на новгородскую архитектуру западной, а также издание и объяснение новгородских фресок, обследование металлических предметов, описание рукописей и обследование Софийской ризницы. Председатель охарактеризовал ход развития христианского искусства в Новгороде в X—XV вв. и дал критический обзор трудов, посвященных новгородским церковным древностям: митрополита Евгения (Болховитинова), Амвросия Орнатского, Солнцева, архимандрита Макария, Суслова, Голубцова и др., не забыв и первого собирателя новгородских древностей, основателя местного музея Н. Г Богословского [13, с. 26, 27].

Два доклада Н. В. Покровского были посвящены наиболее интересным предметам из собрания Софийской ризницы — «иерусалимам» («сионам») и «реликварию». Давалось точное описание устройств сионов, которые профессор считал моделями Иерусалимского храма Воскресения Христова и появление их в церковном обиходе относил к XII—XIII вв. Вопрос о назначении сионов бурно дискутировался.

С тремя докладами выступил П. Л. Гусев: 1) «Иконография святых Флора и Лавра в новгородском искусстве», где автор пришел к заключению, что в Византии не существовало взгляда на Флора и Лавра как на покровителей лошадей, и в новгородское искусство это предание проникло от южных славян; 2) «Символы власти в Великом Новгороде», коими автор считал изображение Св. Софии как властителя Новгорода, на новгородских монетах, процветший крест, изображаемый на новгородских документах, и посадничий посох-костыль, якобы заимствованные Новгородом из Византии; 3) «Иоанновский корпус новгородского Владычного двора как памятник искусства».

Бурные дебаты, свидетельствовавшие о большом интересе, вызвали сообщения приват-доцента Петербургского университета М. Д. Приселкова «Новгородский епископ Нифонт» и проф. А. А. Дмитриевского «О шапках в Софийской новгородской ризнице». В первом делалась попытка выяснить, был ли новгородский епископ Нифонт (1131—1156 гг.) греком или русским по происхожде-

нию, но аргументы в пользу греческого происхождения Нифонта, приведенные докладчиком, были подвергнуты серьезной критике и вопрос остался открытым. Во втором проф. А. А. Дмитриевский, взяв за основу две архиерейские митры Софийской ризницы и митру Новоторжского Борисоглебского монастыря, рассматривал вопрос о происхождении самой формы митры и о времени появления ее в архиерейском облачении.

Следует обратить внимание и на постановку вопросов чисто практического характера — об охране местных церковных памятников старины в Новгородской губернии (А. И. Анисимов). Докладчик, обследовавший перед съездом более 300 церквей, констатировал крайне плачевное состояние церковной старины, пренебрежение к старым иконам и утвари, сваленным, как правило, в подвалах и на колокольнях и медленно гибнущим. Анисимов предложил принять ряд конкретных мер по губернии для охраны церковных древностей: а) обследование всех церквей, часовен и регистрация старых икон и утвари; б) утратившую служебное значение древнюю утварь и иконы поместить в Новгороде, организовав специальный церковно-археологический музей; в) научная реставрация, систематизация и каталогизация древних икон [13, с. 169, 170] Также был поднят и вопрос о крайне тяжелом состоянии новгородского Детинца, требовавшего безотлагательного ремонта.

Архиепископ новгородский и старорусский Арсений сделал сообщение «О современном состоянии собора Св. Софии в Новгороде», остановившись на пагубных последствиях последнего ремонта, оконченного в 1900 г., и плачевном состоянии собора к 1911 г. Председатель НОЛД М. В. Муравьев дополнил сказанное, сделав акцент не на протечке крыши, а на безобразном отношении к древним фрескам и каменным надгробиям [13, с. 163—166]

Не обошлось и без конфузов: епископ сухумский Дмитрий выступил с докладом «О внутреннем устройстве и убранстве храмов новгородского Антоньева монастыря в конце XVII века». Как сообщалось в газетах, «сухое чтение описи вместо живого изложения тянулось 2 часа. Истощилось не только терпение членов съезда, но и президиума. Все вздохнули облегченно и восторженно аплодировали, когда окончился перечень икон и священных предметов, иллюстрируемый лишь словами „при осмотре Антоньева монастыря объясню"!» [25]

Наиболее интересные и ценные доклады по первобытной археологии сделали скандинавские ученые: проф. Т. И. Арне — «Сношение Руси со Швецией во времена норманнов» (использовались данные о славяно-шведских связях по древнерусским, древнеисландским, греческим, арабским источникам и вещественные памятники — рунические камни); проф. Гольштрем из Стокгольма сообщил результаты своих исследований по берегам Белого моря и в Онежском крае, где были обнаружены интересные наскальные изображения (на Онежском озере — мыс Бесов Нос). Аналогичный реферат представил проф. Альмгрен о каменном веке у Балтийского моря (юго-западная Скандинавия).

Большое число докладов было сделано в секции «Памятники юридические, быт домашний, общественный и военный», работавшей под председательством А. С. Лаппо-Данилевского. В сообщениях говорилось о важности исследования таких документов, как судная грамота 1471 г. и писцовые книги Великого Новгорода, причем в отношении последних председатель указывал на необходимость разработки материала местными исследователями, хорошо знающими топографию Новгорода и Новгородской земли.

Всеобщее внимание привлек доклад делегата от Эстонского ученого общества проф. Р. Гаусмана — «Немецкий двор при церкви св. Петра и Павла в Новгороде», в котором рассматривались вопросы новгородской торговли и торговых связей с Любеком и Висби.

Именно в этой секции было сделано два доклада об исследовании археологических памятников Тихвинского уезда: А. И. Колмогоров — «Тихвинские курганы» (отчет о раскопках курганов Тихвинского уезда в 1909—1911 гг. по рекам Тихвинка, Паша, Сясь и озерам — нанесено на карту 138 курганов,

раскопано 64). Полученные материалы свидетельствовали о близости этих погребений к финским [23, с. 118—122]. Второй доклад, И. В. Аничкова,— «Жальники в Тихвинском уезде» — по материалам раскопок двух курганных насыпей в Большегорской волости, в имении Великий Двор. Результаты этих исследований, по мнению автора, давали возможность проследить расселение славянских племен в Северной России [13, с. 138, 139].

Среди сообщений по секции «Памятники искусства и художеств, нумизматики и сфрагистики» особенно большой интерес вызвал доклад А. И. Анисимова «О реставрации фресок церкви Федора Стратилата». Говорилось об особенностях системы росписей и их художественной ценности. В прениях по докладу участвовали А. И. Некрасов, А. А. Дмитриевский, Н. В. Покровский [13, с. 77—79]

В секции «Древности историко-географические и этнографические» Новгородской земли касались сообщения проф. Т. И. Арне «Новгород во времена шведского владычества по Балтийскому морю по старым картам из Стокгольмского военного архива». Старейшая карта Новгорода 1611 г. была представлена в фотографических снимках, очень интересно прокомментирована и могла существенно дополнить представление о Новгороде начала XVII в. Доклад А. М. Андрияшева «Историко-географическая карта Шелонской пятины в начале XVI века по писцовым книгам» знакомил с новыми интересными данными по топографии и экономике одной из частей Новгородской земли.

Богатый, разнообразный и очень интересный материал дала секция «Языка и письменности», председатель которой проф. И. Е. Евсеев заметил, что «Новгород как фокус древней письменности забыт, только немногие памятники подвергнуты изучению со специальной новгородской точки зрения, да и то недостаточно» [13, с. 30]. О необходимости полного изучения новгородского фольклора и народных говоров говорили в своих сообщениях И. А. Шляпкин и Н. И. Соколов; большой интерес вызвали также сообщения: «Новгородское сказание о чуде от иконы Знамения Пресвятой Богородицы» (В. В. Сидорова), «Повесть о новгородском посаднике Щиле» (А. М. де Витт) и «Новгородская Геннадьевская библия 1499» (И. Е. Евсеев).

Введенная в программу археологических съездов еще с 1872 г., секция «Архивоведение и археография» в основном рассматривала вопросы практического характера: об изучении, хранении и использовании богатейших материалов уездных дворянских архивов, монастырских архивов, архивов местных учреждений, что имело большую актуальность и для Новгорода, обладавшего богатейшими местными церковными и гражданскими архивами. В той же секции был сделан доклад об охране памятников живой старины (Дамберг), поставивший ряд вопросов об охране природного ландшафта, составляющего важнейшую часть ландшафта исторического.

Работа съезда завершилась принятием девяти постановлений, касающихся дальнейшего изучения и сохранения новгородских древностей: Софийского собора, Детинца, церквей Федора Стратилата и Спас-Нередицы [13, с. 171, 172]. После церемонии закрытия съезда 38 его делегатов во главе с П. С. Уваровой поехали на 3 дня в Псков для знакомства с памятниками старины.

Еще в приветственной речи при открытии съезда губернатор Новгорода В. А. Лопухин заметил: «По сравнению с предстоящей громадной работой — результаты будут невелики. Я горячо надеюсь, что настоящий съезд будет лишь преддверием к будущему археологическому съезду, который и явится особенно богатым по своим последствиям» [13, с. 19]. Подводя итоги XV съезда, П. С. Уварова старалась подчеркнуть, что местное общество сделало слишком мало для реализации всей намеченной программы и главная заслуга в успешном завершении работы съезда, таким образом, принадлежала МАО. Подобные обвинения в адрес местных любителей старины вызвали вполне законные возражения и возмущение, правда, высказываемые в основном в местной прессе. Отмечалось, что «горожане съездом интересовались очень мало,

а городское самоуправление не только в организации съезда не приняло доминирующего положения, но от съезда как бы совсем отшатнулось» [26, с. 1], что «местным археологам-любителям далеко от профессионалов» [22, с. 2], но указывалось и на явные заслуги НОЛД в деле защиты местных памятников старины и необходимость «ценить искреннее желание и работу по силам и разумению» [22, с. 2]. Причинами столь однобокой, негативной оценки были сложные отношения, существовавшие издавна между петербургским и московским археологическими центрами, а также между МАО и местными исследователями.

П. С. Уварова выразила надежду, что «съезд оставит в Новгороде хотя бы некоторое желание продолжать в будущем разработку местных памятников» [27, с. 1], и надежда эта оправдалась. Говоря о значении съезда для Новгорода, надо отметить следующее: 1) съезд привлек значительное внимание к новгородским древностям, что сказалось на дальнейшем расширении круга изучаемых памятников старины; 2) определялись направления дальнейшей работы НОЛД; 3) расширился круг археологических исследований в пределах Новгородской земли под руководством петербургских и московских археологов и местными силами; 4) было принято решение об избрании Новгорода и Пскова местом проведения XVI Всероссийского съезда, что свидетельствовало о большой значимости и интересе к северо-западному культурному центру России. Важно было увидеть в родной старине «не археологические древности, но указание и предвестие... Она как вечевой колокол зовет и бурлит; она как Св. София говорит о мудрости... Мы зовем не от нового к мертвой старине, а от живой старины к великому новому» [23, с. 1]. Эти слова оказались пророческими. Сегодня археологическое изучение Новгорода открывает интереснейшие страницы прошлого, но материалы и результаты деятельности наших предшественников не могут и не должны быть забыты! Именно поэтому ежегодная археологическая конференция «Новгород и Новгородская земля» [28—31], проходившая в январе 1991 г., была посвящена XV археологическому съезду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русские ведомости. 1909, 4 января. № 3.
2. Правила XV археологического съезда в Новгороде 1911 г. и протоколы заседаний предварительного комитета 3—6 января 1909 г. М., 1909.
3. Голос Москвы. 1909. 6 января.
4. Исторический вестник. 1909. Т. 115.
5. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 638.
6. Отчет Московского предварительного комитета по устройству XV археологического съезда в Новгороде // Волхов. листок. 1911. 25 июля. № 2175.
7. То же // Волхов. листок. 1911. 27 июля. № 2176.
8. То же // Волхов. листок. 1911. 29 июля. № 2178.
9. Архив ЛОИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79. 1910.
10. Отчет Московского предварительного комитета по устройству XV археологического съезда в Новгороде // Волхов. листок. 1911. 30 июля. № 2179.
11. *Жервэ Н. Н.* Новгородское общество любителей древностей. Основные направления деятельности // Вестн. ЛГУ. 1990. Вып. 1 (№ 2).
12. ОПИ НГМ. Ф. НОЛД. Д. 12032.
13. Известия XV археологического съезда в Новгороде. М., 1911.
14. Сборник Новгородского общества любителей древностей. Вып. 1. Новгород, 1908.
15. ОПИ НГМ. Ф. НОЛД. Д. 2417.
16. *Рерих Н. К.* Соч. Т. 1. Пг., 1914.
17. Сборник Новгородского общества любителей древностей. Вып. VI. Новгород, 1912.
18. ОПИ НГМ. Ф. НОЛД. Д. 2448.
19. ОПИ НГМ. Ф. НОЛД. Д. 2499.
20. *Рудаков В. Е.* XV археологический съезд // Ист. вестник. 1911, Сентябрь. Т. CXXV.
21. Новое время. 1911. 20 июля. № 12698.
22. Волховский листок. 1911. 4 августа. № 2182.
23. Новгородская жизнь. 1911. 29 июля. № 261.
24. То же. 1911. 5 июля. № 247.
25. Петербургские ведомости. 1911. 26 июля.
26. Новгородская жизнь. 1911. 3 августа. № 264.
27. Волховский листок. 1911. 5 августа. № 2183.
28. История и археология Новгородской земли (тез. науч.-практ. конф.). Новгород, 1987.
29. **Новгород и Новгородская земля. История и археология (тез. конф.). Новгород, 1988.**
30. **Новгород и Новгородская земля. История и археология (тез. конф.). Вып. 2. Новгород, 1989.**
31. **Новгород и Новгородская земля. История и археология (тез. конф.). Вып. 3. Новгород, 1990.**

С. П. ЩАВЕЛЕВ

ПЕРВЫЙ ОПЫТ МАССОВОГО УЧЕТА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В РОССИИ

(анкета Д. Я. Самоквасова 1872—1873 гг. и ее результаты)

Одним из показателей становления той или иной гуманитарной дисциплины как научной в собственном, современном значении этого слова является более или менее четко очерченная эмпирическая, источниковедческая база. Применительно к археологии имеются в виду выделение основных видов вещественных памятников далекого прошлого, их систематический поиск и картографирование на определенной территории, меры по охране выявленных древностей от расхищения или уничтожения без ведома ученых.

Историография археологической науки сохранила сведения о первых попытках решения отмеченных задач в нашей стране. В данной связи обычно упоминаются мероприятия Петра I по сбору редкостей для Кунсткамеры; соответствующие инструкции В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова геодезистам; один из пунктов «опросных листов» Г. Ф. Миллера, заполнявшихся в 1734—1742 гг. во время его ученого путешествия по Сибири; специально археологические проекты Зориана Доленги Ходаковского, В. В. Пассека и некоторые другие аналогичные поиски и запросы [1, с. 17—54].

Однако заметного воздействия на историческое познание собранные в XVIII — первой половине XIX в. разрозненные сведения об остатках старины поначалу практически не оказали. Ими воспользовались, извлекая по крупицам из географического, геологического, статистического контекстов, гораздо позже — на этапе расцвета дореволюционной археологии к началу XX в. или уже в советское время (см., например, первый опыт расшифровки готического миллеровского письма [2, с. 10]).

Выявление значительных возможностей анкетного и картографического методов в отечественной археологии связано с именем Дмитрия Яковлевича Самоквасова (1843—1911). Этот маститый исследователь известен сейчас в основном как автор трудов, обобщающих многолетнюю практику проведенных им раскопок (вроде «Могил русской земли»). Другие стороны его плодотворной деятельности, в частности та, которой посвящено настоящее сообщение, в литературе почти не освещались.

К идее заочного опроса местного населения насчет сохранившихся окрест «древних земляных насыпей» Самоквасов, судя по всему, пришел вполне самостоятельно — как к логичному выходу из той проблемной ситуации, в какой оказался по началу академической карьеры. Окончив в 1868 г. со степенью кандидата юридический факультет Петербургского университета, подающий надежды правовед был оставлен на два года при кафедре истории русского права стипендиатом «для приготовления к испытанию на степень магистра» [3, с. CXXI]. Темой научной работы молодой ученый избрал вопрос о городах в Древней Руси. Собирая материал о них, историк-юрист (название, тогда довольно-таки широко распространенное, но в конце концов не прививееся) решил дополнить и проверить сведения летописных и других письменных источников изучением натуральных следов укрепленных поселений, существовавших в районах жительства восточных славян до монголо-татарского нашествия.

В 1870—1872 гг. магистрант предпринимает «во время летних вакаций» свои первые археологические путешествия по стране. За это время им обнаружено и осмотрено 72 городища и несколько тысяч курганов в 11 губерниях — Петербургской, Новгородской, Тверской, Московской, Тульской, Орловской, Курской,

© С. П. Щавелев, 1992 г.

Харьковской, Полтавской, Киевской, Черниговской, «на берегах рек: Невы, Нарвы, Лавы, Ловати, Волхова, озера Ильмень, Тверицы, Волги, Сейма, Рати, Кура, Сев. Донца, Москвы, Упы, Орла, Есмани, Клевени, Десны, Малотечны, Вары, Судости, Снова, Псла, Сулы, Трубежа, Днепра, Роси, Россавы, Вабли, Бабинича» [4, л. 1]. Среди первоисследованных тогда Самоквасовым памятников такие эталонные в будущей археологической классификации, как Старая Ладога; Дьяково городище под Москвой, у с. Коломенского; Юхновское на Десне; Гочевское на Псле; Трипольское на Днепре и др. [5, с. 228, 229].

Новоявленный археолог не ставил своей задачей раскопать то или другое городище нацело. Ему требовался датирующий (хотя бы ориентировочно), типологический и сравнительно быстро добываемый материал из их культурных слоев для определения исходных ориентиров затеянного поиска. Прежде всего собирались находки с поверхности почвы. На некоторых памятниках закладывались «пробные ямы и канавы» (шурфы и траншеи, сказали бы сейчас). Фиксировались внешние формы городищ, обозначались их координаты на карте уезда. За первые 5 лет полевой практики ученым «испробовано (раскопками.— С. Щ.) только 8 городищ и разрыто до 350 курганов» [6, л. 1 об]. Со слов местных жителей записывались предания, слухи, ходившие в народе насчет изучаемых мест — «городищ», «городков», «замков», «окопов»,«батарей», «валов», «могил», «сопок», согласно людской молве.

Результаты своего исследования Д. Я. Самоквасов обобщил в книге «Древние города России», опубликованной в 1873 г. и тогда же успешно защищенной им в качестве магистерской диссертации. Историко-юридические аспекты этой работы уже затрагивались в литературе [7, с. 324, 325; 8, с. 199, 200]. Следует отдать должное и археологической аргументации автора, необычной для большинства профессиональных историков того времени, с предубеждением относившихся к «фантазиям археологов» (В. О. Ключевский).

Раскопки Самоквасова показали наличие построек и следов хозяйственной деятельности человека внутри почти всех городищенских укреплений. В ряде случаев обширные пласты угля и золы свидетельствовали о пожаре, уничтожившем данное поселение. Вал любого городища состоял из земли, какая могла быть вынута из соответствовавшего ему рва или взята с ближайших полей. Наконец, удалось установить устойчивую зависимость между древними укреплениями и расположенными поблизости синхронными языческими кладбищами. Элементы погребального инвентаря из большинства курганных групп во многом совпадали с находками на городищах [9, с. 94—124]. В общем, как теперь признано, именно Самоквасов «ввел городища в круг важных памятников отечественной истории, в первую очередь истории городской жизни на Руси» [10, с. 8].

В дальнейшей своей поисковой практике этот археолог специализировался главным образом на курганах разных эпох и народов, а городища копал от случая к случаю — они требовали гораздо больших финансовых расходов и рабочих сил, тогда как его средства были ограничены. Между тем один из параграфов самоквасовской диссертации посвящался общему числу укрепленных мест поселения наших предков. Согласно предположению соискателя магистерской степени, древнерусских городов (в первоначальном значении этого слова — как укрепленных центров поселения) насчитывалось гораздо больше, чем их названий, упоминаемых в летописи. Как же счесть все сохранившиеся руины запустевших поселений — нынешние городища? Одному человеку, даже энтузиасту, это явно не под силу.

К тому же при первых археологических разведках ученый потратил много времени и денег на бесполезные поездки по уездам, где искомых объектов не оказалось. Заодно он убедился воочию, насколько быстро разрушаются археологические памятники, особенно курганы, распашкой земель, увеличившейся после отмены крепостного права, строительством дорог, зданий, добычей глины, песка и камня, неумелыми раскопками дилетантов, а то и просто грабителями-кладоискателями.

Собрать и сохранить для науки информацию о древнерусских, а также иных времен и народов археологических памятниках мог бы специальный сборник сведений относительно их местонахождения, состояния и внешних форм, решил Самоквасов, ставший к тому времени профессором Варшавского университета. Кроме того, «географическая карта с указателем могла бы облегчить дальнейшее исследование городищ лицам, которые пожелали бы заняться их изучением» [9, с. 117]. Самому ученому требовалось заранее наметить маршруты задуманных им многолетних курганных раскопок.

По его наблюдениям, лучше всего владели нужными археологу сведениями представители низшего — волостного звена администрации на местах. Кроме волостных старшин неплохо знали свои приходы и быстрее многих односельчан могли понять задачи опроса рядовые священники. И те и другие по крайней мере все умели читать и писать. Поэтому относительно сохранившихся городищ и курганов — самых заметных на местности памятников — следовало обращаться именно к ним. Требовалось только сформулировать пункты соответствующего вопросника кратко и понятно для простого, малообразованного человека да подкрепить обращение авторитетом губернского начальника и владык епархий.

Первый опыт подобного археологического анкетирования Самоквасов предпринял там, где мог ожидать наибольшего сочувствия своему замыслу — на родной ему Черниговщине. «Опыт оказался удачным,— вспоминал он,— через два месяца после передачи моей программы вопросов губернатору (в августе—октябре 1872 г.— *С. Щ.*) я получил от него ответы волостей, по которым преимущественно составлен „Указатель сохранившихся в Черниговской губернии городищ", напечатанный в приложении к моей диссертации „Древние города России". Этот материал послужил главным источником и для „Карты городищ Черниговской губернии", приложенной к той же диссертации. В указателе описаны и на карте обозначены 152 городища, сохранившиеся в пределах Черниговской губернии» [11, с. 7]. Аналогичный циркуляр, пущенный по церковным каналам, запоздал, и его результаты публиковались отдельно [12, с. 503—507; 13, с. 1025—1028].

В том же 1872 г. археолог организовал анкетирование в губерниях Тульской, Тверской, Харьковской и Курской, где побывал на раскопках [14, л. 4]. В Курске, например, он заручился поддержкой губернатора-мецената А. Н. Жедринского и через местный статистический комитет разослал вопрос следующего содержания: «Имеются ли в волости древние земляные насыпи, или валы, или окопы, или батареи, которые носят в народе названия городков или городищ, а если таковые имеются, то где именно, т. е. у каких городов, сел, деревень, хуторов, рек, озер и других урочищ, в каком направлении и в каком расстоянии от последних» [15, л. 45]. Ответов волостей пришлось ждать и требовать больше года, зато курские краеведы из статкомитета опубликовали к тому времени сводный «Указатель городищ, курганов и других древних земляных насыпей в Курской губернии» в очередном выпуске своих трудов вместе с комментирующими статьями Самоквасова [16, с. 177—214]. Курский список также получился весьма содержательным — более 60 городищ и несколько десятков курганных могильников разной численности.

Ученый убедился: с помощью анкетирования «возможно собрать обширный и в высшей степени важный материал к изучению древнейшего периода нашей истории» [9, с. 118]. Он решил расширить радиус действия и содержания своего вопросника. Последний был разбит на 12 пунктов. Большинство из них касались городищ — их местонахождения, площади, внешних форм, состояния поверхности, расположения рвов и валов, входа (въезда), степени разрушения памятника, сохранившихся о нем народных сказаний, а также находок и раскопок в этих местах. Последние два раздела анкеты отводились курганам — их местоположению, количеству, возможным раскопкам и находкам в них. Специально оговаривалось: «...важны сведения и о таких городищах и курганах, которые

существовали в данных местностях на памяти старожилов, но в настоящее время уже исчезли от распашки или по другим причинам» [13, с. 1028].

С доработанным запросом археолог обратился к самому П. П. Семенову (в будущем — Тянь-Шанскому). Известный географ и просвещенный государственный деятель заведовал Центральным статистическим комитетом [17, с. 46—56]. Этому подразделению министерства внутренних дел напрямую подчинялась разветвленная сеть губернских статистических комитетов. Из государственных учреждений в провинции только эти хоть в какой-то мере были тогда официально причастны к изучению и охране исторических памятников. На статкомитеты возлагалась обязанность «составлять подробные описания губерний и замечательных местностей в историческом, промышленном, сельскохозяйственном и прочих отношениях... и снаряжать экспедиции для изучения губернии» [18, с. 8].

Петербургские руководители статистики охотно приняли предложение варшавского профессора, учитывая, «что подчиненные комитету губернские статистические учреждения, кроме своих обязательных работ, занимаются изучением местной старины» [19, с. 12]. Составленную Самоквасовым анкету тиражировали типографским способом и разослали на места вместе со следующим циркуляром (от 30 мая 1873 г.): «Центральный статистический комитет просит покорнейше статистический комитет [губернии] собрать чрез волостные правления сведения о городищах по прилагаемой при сем программе в течение нынешнего лета и ответы доставить в [Центральный статистический] комитет» [14, л. 1]. Такое задание получили 49 губерний страны и 5 отдельных областей. Из тех районов, где Самоквасов оставил свой запрос еще в 1872 г., также затребовали ответы волостных старшин о городищах и велели собрать дополнительные сведения о курганах по двум последним пунктам развернутого варианта вопросника [14, л. 3, 4].

Далеко не все губернии выдержали назначенный срок. Однако постепенно ответы из большинства статкомитетов сосредоточились в Петербурге, о чем свидетельствует специальное дело из архивного фонда Центрального статистического комитета, на которое мы ссылаемся [14, л. 1—202]. Собранные материалы по мере поступления пересылались Самоквасову в Варшаву для изучения и копирования, после чего оригиналы возвращались им в Центральный статкомитет. Для самого комитета эти более или менее пухлые папки все-таки не представляли особого интереса, поскольку содержащиеся в них сведения не подходили ни под одну рубрику принятой статистической отчетности. Избранные историко-археологические сведения, в том числе почерпнутые из трудов Самоквасова, нашли место в ряде научно-практических изданий по российской географии, подготовленных по инициативе и при участии П. П. Семенова (см., например, [20, с. 116, 118, 646, 647 и др.]).

Когда отдельные археологи или организации стали запрашивать в Центральном статистическом комитете волостные сведения 1873 г. по тем или иным регионам, то их чаще всего переадресовывали к Самоквасову в Варшаву. Тот каждый раз «лично выражал готовность все имеющиеся у него материалы выслать в распоряжение Археологической комиссии» или другой заинтересованной инстанции [21, л. 27].

В 1876 г. комитет по устройству антропологической выставки в Москве назначил Д. Я. Самоквасова своим уполномоченным по так называемому «Привислянскому краю», где он служил. Среди других мероприятий по этому поводу профессор разработал комплексную «Программу вопросов о различных видах памятников древности, сохранившихся в пределах Царства Польского». Через канцелярию варшавского генерал-губернатора эта анкета разошлась по всем гминам (низшее территориальное деление в Польше). В их ответах указывалось 156 городищ, несколько сотен «концов» (местное название курганов) и «кладбищ, содержащих в себе глиняные сосуды с прахом сожженных покойников» — «полей

погребальных урн». Некоторые из этих памятников Самоквасов тогда же исследовал лично и со студентами Варшавского университета [22].

Как и следовало ожидать, собранные по разным губерниям данные оказались весьма неоднородными. Одни статкомитеты без всяких комментариев представили сами оригинальные бланки анкеты, заполненные волостными писарями и подписанные волостными старшинами. В таком случае сама губерния не сохраняла следов проведенного краеведческого поиска. Другие комитеты поступили предусмотрительнее — отослали «наверх» писарские копии с ответов волостей («несколько только, в видах ясности дела, исправленные касательно редакции, но без всякого изменения смысла в их содержании» [14, л. 11]).

Кроме того, многие заинтересованные учреждения составили еще сводные списки выявленных анкетой памятников по волостям и уездам своей губернии, т. е. извлекли из ответов всю содержательную информацию. Ее доля в массе ответов варьировалась довольно существенно. В большинстве губерний опросили насчет городищ и курганов все уезды подряд. Некоторые губернаторы (номинально они возглавляли местные статистические комитеты) довольствовались изучением части подведомственной территории. Например, из Херсонского статкомитета поступили сведения только по городу Николаеву и его пригородам. По одним уездам указаны и городища, и курганы. В других замечены только лишь курганы. В третьих не оказалось ни того ни другого.

Встречались и откровенные отписки, когда ответы на все пункты вопросника сводились к более или менее вежливым отказам вроде следующих: «древних редкостей никаких в волости не имеется»; «городищ ныне не существует и существовали ли когда-либо, никому из старожилов неизвестно»; «вообще древностей никогда не существовало» и т. п. Из Костромской губернии присланы были, например, показания только лишь двух волостей, причем сплошь отрицательные.

Обо всем этом можно судить по сохранившимся в одной из частей архивного фонда Московского археологического общества делам с результатами самоквасовского опроса из 23 губерний [23]. Аналогичные материалы отложились и в некоторых областных государственных архивах, например Курском [23, л. 1—18]. При их рассмотрении бросаются в глаза основные недостатки сведений 1873 г. о городищах и курганах: 1) выборочный, неполный охват территории опрошенных регионов; 2) неравноценность информации даже по тем уездам, где опрос все же состоялся,— учтены оказались далеко не все памятники; 3) неопределенность некоторых ответов, требовавших уточнения и проверки. Наконец, в упомянутой архивной коллекции недостает данных по многим из тех губерний, где опрос явно состоялся, как видно по косвенным источникам, но мы пока не можем сказать, где находятся и сохранялись ли вообще полученные тогда ответы волостей.

Однако по большому счету усилия Самоквасова и его сотрудников оправдали себя. В целом ряде районов страны анкета выявила значительное количество памятников археологии. Исключительно обстоятельные «перечневые ведомости» городищ и курганов составили тогда статкомитеты области Войска Донского, губерний Волынской, Киевской, Курской, Тамбовской, Тульской, Черниговской и некоторых других. Кроме многих сотен городищ и тысяч курганов на европейской территории страны донесения волостных старшин упоминают о случайных находках костей ископаемых животных, денежных и вещевых кладов, старинных «военных доспехов», о так называемых Змиевых валах, бескурганных могилах и прочих древностях. В своем большинстве эти данные оставались неизвестны ученым до анкеты 1873 г.

Имелись губернии, где циркуляр 1873 г. едва ли не впервые обратил внимание начальства и интеллигентного общества на существование памятников древнейшей истории края и необходимость внимания к ним. В иных местах запрос из столицы столкнулся со встречным краеведческим движением. Не только куряне, но и некоторые другие губстаткомитеты смогли приложить к волостным донесениям

имеющиеся у них публикации и рукописи аналогичного содержания. Так, вятский краевед П. А. Алабин предоставил оттиск статьи «Марьин Кокошник» — о городище на р. Вятке, в полутора верстах от губернского центра [25, л. 2], а Р. Г. Игнатьев — рукопись статьи «Сведения о курганах Оренбургской губернии» [26, л. 1—29]. Из Уфы поначалу прислали вместо ответов волостей «Памятную книжку» своей губернии, изданную губстаткомитетом. В ней излагались результаты поисков того же члена Московского археологического общества Р. Г. Игнатьева, «специально знакомого с археологическими работами и обстоятельно описавшего все памятники древности Уфимской губернии» [14, л. 7 об.]. Наконец, Калуга отвечала: еще «до получения означенного требования (от Центрального статкомитета.— *С. Щ.*) было предписано волостным правлениям о доставлении сведений обо всех памятниках калужской старины и к этому же приглашены местные священники и учителя народных школ» [14, л. 15, 15 об.].

Кое-где именно самоквасовская анкета послужила толчком к самостоятельному краеведческому поиску историко-археологических памятников. Так, секретарь Одесского комитета, к примеру, не доверив дела волостной администрации, лично отправился в поездку по губернии «с целью разыскания могущих в ней находиться городищ и курганов» [14, л. 10]. В Эстляндском же губстаткомитете перевели термин «городище» на немецкий и эстонский языки, затребовали сведения о них от всех сельских пасторов и некоторых помещиков и составили содержательный свод их сообщений [14, л. 174, 174 об.]. Когда в 1894 г. Предварительный комитет X Археологического съезда в Риге взялся за составление программы изучения древностей Прибалтийского края, Самоквасов мог сослаться на данные Н. Н. Харузина о более чем 150 городищах, выявленных здесь к тому времени [27, л. 81].

В дальнейшем рассматриваемые сведения неоднократно помогали сориентировать археологические экспедиции. Скажем, в 1887 г. В. Б. Антонович, намечая по заданию Императорской археологической комиссии «План экскурсии в Киевское Полесье», использовал, между прочим, и «богатый материал, собранный по волостям по распоряжению Центрального статистического комитета в 1873 г.» [28, л. 12—14 об.]. Деятели Курской ученой архивной комиссии для своих первых раскопок выбрали самый масштабный археологический памятник среди выявленных первоначальным опросом — Гочевский комплекс на Псле в Обоянском уезде [29]. Схожие эпизоды за целый ряд лет можно указать и по другим областям страны. Ссылки на полученные в 1873 г. данные до сих пор встречаются в археологической литературе [30, с. 71, 72].

Сам инициатор анкетирования первоначально предполагал перенести накапливающуюся с его помощью информацию на карты соответствующих районов. «Бога ради,— писал он редактору Центрального статистического комитета Л. Н. Майкову в 1874 г.— поспешите выслать собранные сведения, особенно из губерний: Курской, Черниговской, Харьковской, Полтавской, Екатеринославской, Киевской, Волынской и Подольской; без них невозможно продолжить составление археологической карты, которую непременно должно окончить к съезду археологов в Киеве» [31, л. 1].

В дальнейшем его планы на сей счет изменились. Собственные наблюдения на раскопках в целом ряде мест убедили Самоквасова в неполноте и неточности сведений 1873 г. Волостное начальство первоначально заметило почти все городища и многие курганы на обследованной территории. Могильные же насыпи небольшого размера чаще всего остались тогда без внимания, так что археолог находил языческие кладбища из сотен, а то и тысяч захоронений, не отмеченные при заочном опросе.

Для составления сводной карты требовалось не только собрать исходный материал при помощи анкеты, но и «проверить его трудом специалиста; а в противном случае археологическая карта принесет науке больше вреда, чем пользы, потому что может повести к выводам, основанным на неполном и неверном материале» [32, с. 7]. Для районов, где сообщения местных властей

еще не проверялись квалифицированным археологом, профессор допускал публикацию временных каталогов выявленных памятников, не дающих права на какие бы то ни было общие научные выводы.

Сам он предложил своему покровителю и наставнику в археологии графу А. С. Уварову «предпринять совместными силами издание двух сборников, с целью определить, хотя приблизительно, количество и местонахождение городищ и курганов в пределах нашего обширного отечества и тем обеспечить дальнейшее исследование памятников» [33, л. 3]. Первый выпуск должен был заключать в себе обозначение местностей, где обнаружены городища и курганы, а также, по возможности, указания на их количество, размеры, внешние формы т. п. сведения, собранные в рапортах волостей и в некоторых других источниках. Второй сборник составитель отводил раскопкам этих памятников «со времени Петра Великого и по настоящее время и на всем пространстве России» [33, л. 3 об.]. Искомую информацию надлежало извлечь из всевозможной периодики и монографических трудов по истории и археологии.

Сходная мысль о подготовке такой своеобразной летописи раскопок и случайных археологических находок занимала и самого Уварова. К ее подготовке привлекался А. А. Котляревский и некоторые другие члены Московского археологического общества, но и этот замысел остался нереализованным по разным причинам, среди которых выделялось отсутствие денежных средств.

В конце концов Самоквасов передал находившиеся в его распоряжении донесения волостей о городищах и курганах в Императорскую археологическую комиссию, сверхштатным членом которой он состоял. На ее средства часть данных материалов — по Волынской губернии — тогда же, в 1888 г., была опубликована литографическим способом под редакцией и с предисловием Самоквасова [34]. Этот выпуск отмечал 158 городищ и около 5760 курганов. Другая часть сведений 1873 г. позднее усилиями А. А. Спицына увидела свет в одном из периодических органов Комиссии — ее «Известиях» [35], а также в «Записках Русского археологического общества» [36]. Таким образом, результаты анкетирования все-таки вошли в научный оборот.

Для Самоквасова они послужили одним из весомых аргументов, когда в 1875 г. он ходатайствовал о государственном финансировании своих дальнейших археологических работ (и получил искомое пособие). «В настоящее время,— обращался он к министру народного просвещения,— получены из 45 губерний богатейшие для истории сведения о древних насыпях, собранные через запрос к волостям, по составленной мной программе. В каждой губернии оказалось от 50 до 400 городищ и тысячи курганов. Я вполне убежден,— заключает археолог,— что при помощи исследования древних земляных насыпей можно будет определить границы расселения славянских племен, особенности быта каждого племени, торговые сношения и решить многие из спорных вопросов о древнейшем быте русских славян» [6, л. 1 об.].

Мероприятие 1873 г. историографически интересно и практически важно не только по своим непосредственным результатам, но и как показательный пример последующим исследователям отечественной старины. Была найдена удачная для тогдашних условий развития русской археологии методическая форма поиска вещественных древностей. Первоначальный самоквасовский циркуляр послужил прототипом для целой серии похожих опросов. Чаще других к анкетному методу прибегало Московское археологическое общество в связи с подготовкой и проведением всероссийских и областных съездов археологов и историков. Уже на III Археологическом съезде в Киеве была выработана и утверждена «Инструкция для описания городищ, курганов, пещер и для производства раскопок курганов». В основе первой части данного документа лежит самоквасовский вопросник 1873 г. [37, с. LXIX, LXX]. Столичные исторические и местные краеведческие общества и организации с некоторыми коррективами пользовались этим регламентом вплоть до революции [38, л. 198; 39, л. 1, 2].

В 1888 г. Московское археологическое общество разослало по стране «Список

вопросов, по которым желательны были бы ответы для составления археологических карт губерний». На сей раз анкета адресовалась не гражданским властям, а священникам уездных церквей и приходов, как пробовал Самоквасов в 1872 г. Учету подлежал гораздо более широкий круг памятников — каменные и бронзовые орудия, клады, пещеры, валы, каменные бабы. Пункты о городищах и курганах теперь формулировались гораздо детальнее по сравнению с 1873 г. Опрос охватил не только европейские, но и азиатские регионы страны [40, с. 1—10].

Вслед за Московским археологическим обществом и его филиалы на местах (Предварительные комитеты нескольких Археологических съездов), а также некоторые другие краеведческие организации несколько раз повторяли археологические опросы населения, варьируя их содержание и порядок проведения [41, с. 1—10; 42, л. 121—124]. В результате появилась возможность составить первые комплексные археологические карты ряда областей и провести успешные раскопки [43, л. 176—178; 44, л. 15 об — 16; 45; 46].

После Октябрьской революции большая часть первоначальных волостных сведений о городищах и курганах поступила в ГАИМК, а оттуда «по наследству» перешла в рукописный архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, где находится и поныне. Судя по записям в листах использования рассмотренных единиц хранения, они оказались освоены весьма неравномерно. Одни папки неоднократно штудировались вдоль и поперек как столичными, так и провинциальными специалистами —«для подготовки к экспедиционным работам», «для составления археологической карты», как «материал для статьи, книги» (как гласят оставленные некоторыми исследователями мотивировки). Другие дела из этой архивной коллекции до сих пор не востребовались (по Вятской, Минской, Тамбовской, Тульской, Харьковской, Оренбургской, Казанской губерниям) или же просматривались один-два раза еще в 30—50-е годы (по губерниям Орловской, Самарской, Подольской, Могилевской, Костромской, Симбирской).

Итак, можно заключить: многие сведения 1873 г. о городищах и курганах сослужили русским и советским археологам хорошую службу. Они продемонстрировали огромные возможности для полевой археологии не только на окраинах России, но и в центральных, сердцевинных ее областях. Во многом благодаря анкете Д. Я. Самоквасова прозаические на первый взгляд «земляные насыпи» предстали в глазах историков и краеведов, а также местного населения памятниками древней истории Отечества. И опубликованные, и остающиеся в архивах фактические данные этого опроса нельзя считать полностью исчерпанными. Их следует и в дальнейшем использовать как археологический, исторический и этнографический источник реконструкции прошлого многих областей нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986.
2. *Элерт А. Х.* Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987.
3. *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870.
4. *Самоквасов Д. Я.* Перечень археологических исследований и публикаций за 1870—1910 гг. //ЦГАДА. Ф. 337 (Московского архива министерства юстиции). Оп. 1. Д. 8374.
5. *Самоквасов Д. Я.* Историческое значение городищ//Тр. III Археологического съезда в Киеве. Т. 1. Киев, 1878.
6. *Самоквасов Д. Я.* Толстому Д. А. 3.03.1875 г.//ЦГИА. Ф. 733 (Министерства народного просвещения). Оп. 149. Д. 164.
7. *Ширина Д. А.* Русский средневековый город в дореволюционной историографии (середина XIX в.— 1917 г.)//Исторические записки. Т. 108. М.: Наука, 1982.
8. Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
9. *Самоквасов Д. Я.* Древние города России. Историко-юридическое исследование. СПб., 1873.
10. Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука, 1985.
11. *Самоквасов Д. Я.* Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908.

12. *Самоквасов Д. Я.* Письмо к преосвященному Нафанаилу, епископу Черниговскому и Нежинскому и «Форма запроса о городищах и курганах г.г. приходским священникам»//Черниговские епархиальные известия. Часть официальная. 1872. № 13.
13. Отношение члена Московского археологического общества магистранта Димитрия Самоквасова на имя преосвященного Сергия, епископа Курского [и резолюция его преосвященства]//Курские епархиальные известия. Часть официальная. 1872. № 11.
14. О затребовании от губернских статистических комитетов сведений о древних земляных насыпях, окопах или батареях, называемых в народе городищами или городами. 30.05.1873—7.06.1882 г. //ЦГИА. Ф. 1290 (Центрального статистического комитета). Оп. 2. Д. 87.
15. Курский губстаткомитет — волостным правлениям Курской губернии. 18.04.1872 г.//Гос. архив Курской области. Ф. 4 (Губернского статистического комитета). Оп. 1. Д. 63.
16. Труды Курского губернского статистического комитета. Вып. IV. Курск, 1874.
17. *Мельникова О. Б.* П. П. Семенов-Тянь-Шанский и российская статистика//Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1988. № 1.
18. Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1913.
19. О командировании старшего редактора Центрального статистического комитета Л. Н. Майкова на археологический съезд в Казань. 23.XI.1876 — 18.VII.1877 г.//ЦГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 91.
20. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей/Под ред. Семенова П. П. и акад. Ламанского В. И. Т. 2. Среднерусская черноземная область. СПб., 1902.
21. О раскопках проф. [В. Б.] Антоновича в Киеве, в усадьбе госпожи Чеботаревской и в других местах. 25.02.1887 — 12.12.1890 г.//Рукописный архив ЛОИА. Ф. 1 (Императорской археологической комиссии). 1887. Д. 13.
22. *Самоквасов Д. Я.* Антропологические и археологические материалы эпохи язычества в пределах Привислянского края. Варшава, 1880 (оттиск из № 22 «Варшавских губернских ведомостей» [за 1880 г.]).
23. Сведения 1873 г. о городищах и курганах 1873 г.//Рукописный архив ЛОИА. Ф. 4 (Московского археологического общества). Оп. 1. Д. д. 191—218 (по губерниям Витебской, Волынской, Воронежской, Вятской, Гродненской, области Войска Донского, Казанской, Киевской, Костромской, Курской, Минской, Могилевской, Орловской, Оренбургской, Подольской, Самарской, Симбирской, Смоленской, Таврической, Тамбовской, Тульской и Херсонской).
24. Указатель городищ, курганов и других древних земляных насыпей в Курской губернии. 23.06—11.11.1872 г.//Гос. архив Курской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 63.
25. Сведения о курганах и городищах Вятской губернии. 1873 г.//Рукописный архив ЛОИА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 194.
26. Сведения о курганах и городищах Оренбургской губернии. 1873 г.//Рукописный архив ЛОИА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 205.
27. *Самоквасов Д. Я.* Задачи археологического исследования Прибалтийского края к X Археологическому съезду в Риге//Рукописный архив ЛОИА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 38.
28. *Антонович В. Б.* План [археологической] экскурсии в Киевское Полесье//Рукописный архив ЛОИА. Ф. 1. 1887. Д. 13.
29. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева, Обоянского уезда Курской губернии, произведенных проф. Д. Я. Самоквасовым в августе 1909 г. М., 1915.
30. *Сергеева З. М.* Народные названия курганов на северо-востоке Белоруссии//Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988.
31. *Самоквасов Д. Я.*— Майкову Л. Н. 15.02.1874 г.//Отдел рукописей ГПБ. Ф. 124 (Собрание П. Л. Вакселя). Оп. 1. Д. 3860.
32. *Самоквасов Д. Я.* Археологические карты В. Б. Антоновича. Киев, 1906.
33. *Самоквасов Д. Я.*— Котляревскому А. А. 28.11.1878//Отдел рукописей Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград). Ф. 386 (Котляревского А. А.). Оп. 1. Д. 103.
34. Сборник топографических сведений о курганах и городищах в России. Волынская губерния. СПб., 1888.
35. Сведения 1873 г. о городищах и курганах//ИАК. Вып. 5. СПб., 1903.
36. Сведения 1873 г. о городищах и курганах//ЗРАО. Т. VIII, XI. СПб., 1896, 1899.
37. *Самоквасов Д. Я., Антонович В. Б., Ивановский Л. К.* Инструкция для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов//Тр. III Археологического съезда в Киеве. Т. 1. Киев, 1878.
38. Протокол заседания Императорского Русского археологического общества. 18.05.1884 г.//Рукописный архив ЛОИА. Ф. 3. (Русского археологического общества). Оп. 1. Д. 399.
39. XIV Археологический съезд. Протоколы заседания комиссии для составления инструкции лицам, предпринимающим раскопки//Рукописный архив ЛОИА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 82.
40. Список вопросов, по которым желательны были бы ответы для составления археологических карт губерний. М., 1884.
41. Программа для собирания сведений о древностях. Киев, 1897.
42. Программа для собирания сведений по первобытным древностям для XXII Археологического съезда в Харькове//Рукописный архив ЛОИА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 42.
43. Археологическая карта Курской губернии//Рукописный архив ЛОИА. Ф. 4. Оп. Д. 168.
44. Археологическая карта Киевского и Волынского Полесья, составленная В. Б. Антоновичем в 1887 г.//Рукописный архив ЛОИА. Ф. 1. 1887. Д. 13.

45. *Антонович В. Б.* Археологическая карта Киевской губернии//Древности. Тр. Императ. Моск. археол. общества. Т. XV. М., 1895 (приложение).
46. *Сецинский Е.* Археологическая карта Подольской губернии//Тр. XI Археологического съезда в Киеве. Т. 1. Киев, 1901.

Курский гос. медицинский институт

А. А. МАЛЫШЕВ, И. В. СЕМЕНОВА

ПАВЕЛ ДАВИДОВИЧ РАУ

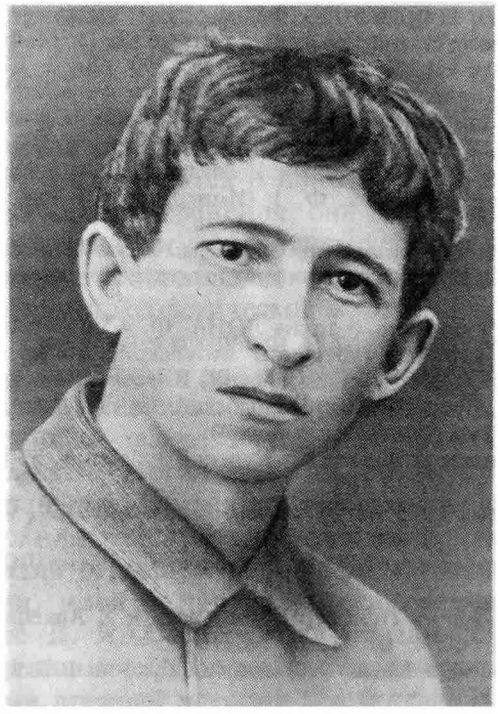


Рис. 1. Портрет П. Д. Рау

Рассказать о жизни и деятельности этого выдающегося ученого — задача далеко не простая. Для нас, археологов, входящих в науку в 80—90-е годы, он стал легендарной личностью. Книги, принадлежащие его перу, поражают нас не свойственной для изданий тех лет скрупулезностью, точностью и полнотой отражения всех стадий исследовательского процесса, знакомого всем нам пути, который ведет от публикации археологических комплексов к интерпретации материала — выделению основных типологических и хронологических групп, ключевых, определяющих моментов в истории материальной культуры. Именно поэтому интерес к работам П. Д. Рау не ослабевает и в наши дни (рис. 2).

Пауль Рау, самый младший в семье сельского учителя деревушки Альт-Веймар Саратовской губернии Давида Рау, родился 10 февраля 1897 г. Довольно быстро выяснилось, что мальчик имеет большие способности. В 5 лет он научился читать, что позволило ему далеко опередить своих сверстников в интеллектуальном развитии. Учеба в школе Гримма давалась легко. Маленького Пауля увлекало рисование. Он делает портреты товарищей, учителей и даже пробует свои силы в исторической тематике: рисует сражения, рыцарей в полном вооружении, римских легионеров. После блестящего окончания учебы Рау возвращается в Альт-Веймар, чтобы преподавать в местной школе. В годы первой мировой войны он был призван в армию и вплоть до революции служил в строительных войсках на русско-турецком фронте.

Возвратившись домой, он продолжает преподавать и даже организует небольшой любительский театр. По всей видимости, в это время начинает складываться его интерес к древностям Заволжья. По полученным в это время красноречивым прозвищам «Schätzgraber» (кладоискатель) и «Küppelkomissar» (курганный комиссар) можно себе представить, насколько заметной была его археологическая деятельность для местных жителей. Большое значение в судьбе П. Д. Рау имело знакомство с коммунистом Иоханном Швабом, впоследствии одним из самых крупных партийных работников Республики немцев Поволжья. Именно И. Шваб,

© А.А. Малышев, И. В. Семенова, 1992 г.

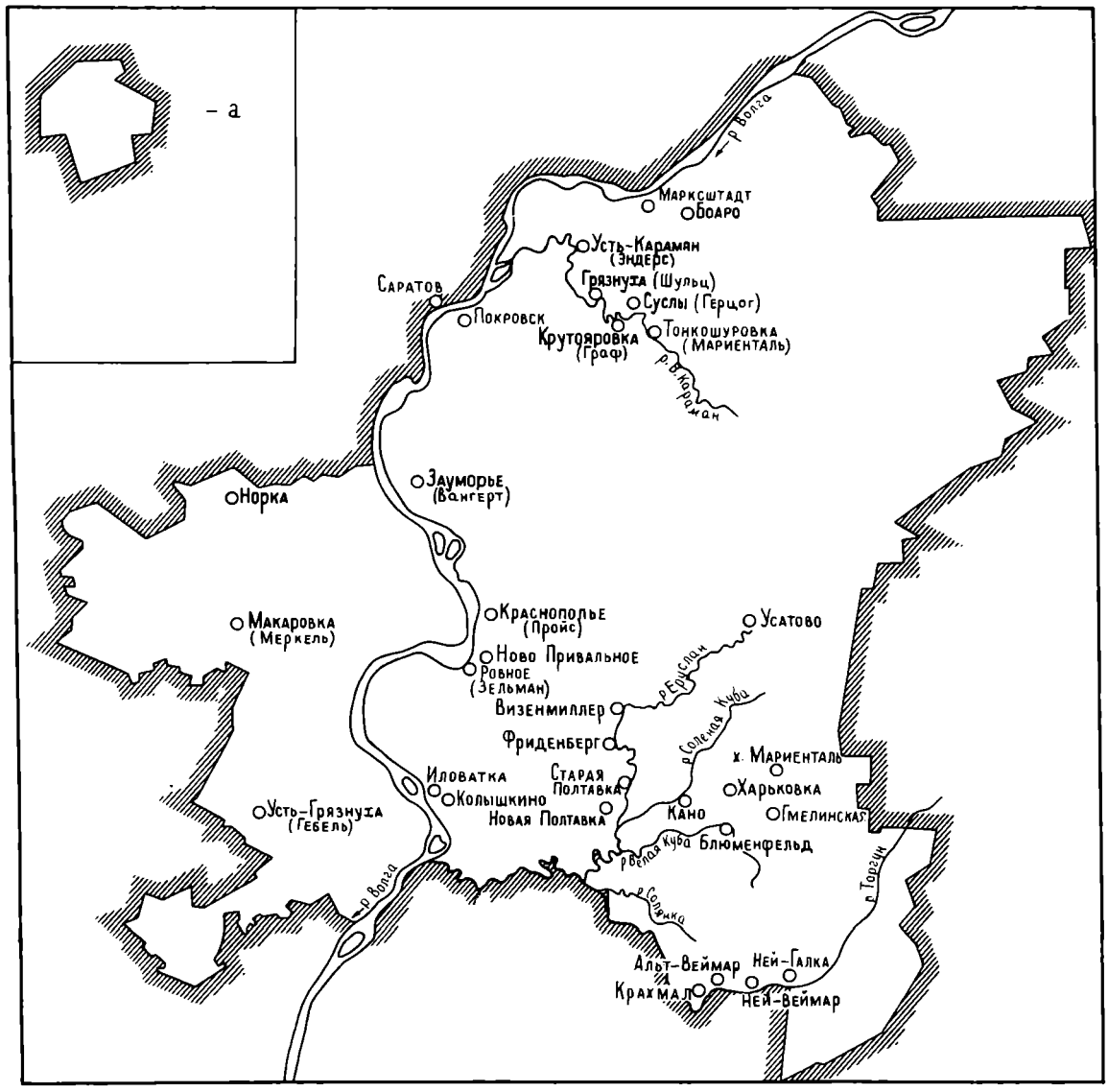


Рис. 2. Карта населенных пунктов Республики немцев Поволжья, в окрестностях которых П. Д. Рау проводил археологические исследования. *а* — границы АСРНП

в то время председатель окружного Совета, способствовал назначению П. Д. Рау инспектором по внешкольной работе, что давало ему возможность много ездить, лучше познакомиться с древностями края. Тогда же, в сентябре 1918 г., на съезде учителей он встречает человека, близкого ему по интересам. Это был Андреас Дульзон [1]. В мае 1920 г. в Зеельмане (Ровное) ими был создан кружок, названный «Общество исследования местных древностей». За период своего существования, в течение пяти месяцев, А. Дульзон и П. Рау исследовали состояние курганов в окрестностях города, культурные слои, обнажавшиеся в результате постепенного развеивания дюн. Одновременно ими было вскрыто 12 курганов. Исследователи вели дневник раскопок, на основании которого они составили отчет в СУАК [2]. Подводя итоги полевого сезона, Рау пришел к выводу: «Открытие древних захоронений — большая и ответственная задача, так как при раскопках многое погибает» [3, с. 36]. Ввиду недостаточной теоретической подготовленности членами кружка было принято решение о прекращении деятельности. Чтобы получить систематические знания в области истории и археологии, П. Д. Рау в августе 1922 г. поступает на гуманитарное отделение педагогического факультета Саратовского университета.

Сотрудничество с издательством Республики немцев Поволжья, в частности с редакцией журнала «Unsere Wirtschaft», свидетельствует о тесных связях Рау

с интеллигенцией г. Покровска. Журнал, печатавший сначала лишь узкоспециальные статьи в основном по сельскому хозяйству, со временем становится более разноплановым по тематике. На его страницах начали регулярно появляться политические обозрения, статьи по истории, геологии, небольшие художественные произведения. Хранящиеся в краеведческом музее г. Энгельса материалы свидетельствуют о том, что П. Д. Рау принимал самое длительное участие в художественном оформлении разделов этого журнала. Там он печатает и свои первые литературные произведения, и научные статьи, в которых были опубликованы материалы раскопок, произведенных Ровненским кружком, сообщает свои наблюдения о расположении, формах курганов, причинах их разрушения. Курган в представлении Рау — это сложный памятник истории. Описывая инвентарь погребальных комплексов, он высказывает целый ряд тонких замечаний о последовательности сооружения насыпи, составе грунта, отмечает дополнительные подсыпки и т. п. Наряду с археологическими наблюдениями в статье приведены этнографические сведения, связанные в основном с представлениями современного населения Нижнего Поволжья о времени возведения курганов, об этнической принадлежности племен, их возводивших [4, 5].

Вопрос о ценности и смысле исследования древностей для П. Д. Рау кажется таким же праздным и бесполезным, как и спор о смысле и пользе человеческой жизни. Ценность этой работы нельзя ни измерить, ни взвесить, ибо она является составной частью нашей культуры [6, с. 573]. Поэтому, заключает автор, необходимо поставить археологические исследования на научную основу.

В 1923—1924 гг. на страницах того же журнала была напечатана серия статей П. С. Рыкова по археологии, где наряду с популяризацией научных знаний (им была дана общая периодизация древностей, введены и объяснены основные понятия археологии) интерпретируются материалы раскопок покровских курганов, рассматривается развитие этнических процессов в Нижнем Поволжье на большом историческом промежутке [7—10]. Влияние идей П. С. Рыкова на формирование научного мировоззрения П. Д. Рау было довольно значительным. Когда в 1925 г. студент П. Рау был прикреплен к кафедре археологии Саратовского университета, проф. П. С. Рыков стал его научным руководителем. Хочется сразу подчеркнуть, что, несмотря на возникшие вскоре научные дискуссии и даже соперничество между ними, молодой ученый неизменно пользовался поддержкой со стороны учителя.

Тогда же на заседаниях археологического отдела Нижневолжского общества краеведения П. Д. Рау читает серию докладов, посвященных стоянкам бронзового века на р. Торгун, могилам кочевнического типа по материалам раскопок Ровненского кружка. Вместе с Т. М. Минаевой он отчитывается за археологические исследования на р. Торгун в 1924 г.

Однако университет закончить ему не пришлось. Росла семья П. Д. Рау, для содержания которой студенческой стипендии, конечно, было недостаточно. В то же время один из его хороших знакомых, проф. Г. Г. Дингес, назначенный директором организованного в июле 1925 г. музея в Покровске, пригласил его на должность руководителя археологического отдела. Вполне естественно, что П. Д. Рау как никто другой подходил для осуществления тех задач, которые, по мнению директора, должны были стать основными в работе музея. Прежде всего предполагалось широкое развитие исследовательской работы [11, с. 5].

Уже летом 1925 г. как представитель Центрального музея он был командирован в Керчь на археологическую конференцию, где им был прочитан доклад о результатах научных работ в области археологии Нижнего Поволжья. П. Д. Рау знакомится с коллекциями античных древностей Керченского музея, одного из основных источников для получения абсолютных датировок изучаемых им комплексов, налаживает контакты с археологами других областей. Постепенно крепли связи с центральными учреждениями. Чтобы узаконить планируемые археологические работы, он обратился в Главнауку с просьбой выдать ему Открытый лист. П. С. Рыков поддержал его, отмечая в сопроводительном письме: «Он

хорошо известен мне в качестве талантливого и осторожного, вдумчивого работника-исследователя» [12]. В 1925 г. по поручению Наркомпроса, финансирующего работы, П. Д. Рау проводит широкомасштабные разведки на территории Заволжья. В итоге было учтено 800 насыпей, вскрыто 26 курганов высотой 20 — 30 см.

Творческое начало в натуре исследователя в значительной мере наложило свой отпечаток на все области его деятельности. Любая его работа — результат поиска, постоянного стремления усовершенствовать, упорядочить то, чем он занимается в данный момент. Этот далеко не прямолинейный процесс отразился в развитии П. Д. Рау как полевого исследователя. К примеру, анализируя в отчете результаты археологических работ за сезон, он высказывает целый ряд ценных замечаний методического плана о приемах ведения разведок, о специфике раскопок курганов. Как тогда было принято, Рау копал такого рода памятники квадратным колодцем со стороной, равной 1/3 диаметра кургана. Если объект выявлялся не полностью, то приходилось делать прирезку. «В результате таких исследований,— пишет автор,— я лишний раз убедился в недостаточности подобных колодцев: во-первых, могила может оказаться в стороне от центра кургана, а затем, что важнее, не получается картина насыпи с ее обычными костями животных и птиц, черепками и камнями и т. п. Благодаря применению дорого обходящегося способа раскопок курганов на снос, впервые практикуемого в исследованиях Нижнего Поволжья Центральным музеем, открыта в крае новая культура (катакомбная) и добыты весьма ценные данные о содержании и устройстве мало исследованных заволжских курганов среднего размера [13, с. 14; 14]. Однако пока это было не правилом, а скорее экспериментом, ведь дорогостоящие раскопки всех курганов на снос существенно сузили бы масштабы работ. ГАИМК, судя по отзыву (от 30.IV.1927, № 1875), направленному в отдел музеев Главнауки: «Отчет П. Д. Рау является наиболее обстоятельным из всех до сего времени представленных, с обилием вполне удовлетворительных фотографий и чертежей, поэтому Академия считает весьма желательным продолжение П. Д. Рау с успехом ведущихся раскопок на территории Республики Немцев Поволжья», не возражал против применения старой методики.

Все же в следующем, 1928 г., требования стали более строгими: Рау получает из ГАИМКа письмо, подписанное Н. Я. Марром, где наряду с высокой оценкой работ отмечалась неудовлетворительность применяемой им методики, было рекомендовано доследовать до конца недокопанные курганы, а также уделить особое внимание охране памятников истории и культуры. Поэтому в течение полевого сезона 1929 г. Рау исследует курган G7 Бородаевской группы, который находился под угрозой разрушения грунтовой дорогой. Курганы F10 и D17 по р. Торгун были докопаны им согласно рекомендациям ГАИМКа. Заметим, что полевая методика в этом году достигает наибольшего совершенства. Обычно он разрезал насыпь кургана параллельными траншеями, которые покрывали почти всю поверхность кургана. Между траншеями, судя по чертежам, он оставлял перегородки (бровки?) (рис. 3). Стратиграфические наблюдения он фиксировал довольно своеобразно: выбросы из могил, ровики, досыпка курганной насыпи нанесены на общий план без указания высот.

Чудом, ведь большинство бумаг П. Д. Рау утрачено, в Рукописном архиве ЛОИА АН СССР сохранились его полевые дневники. Они представляют собой тетрадные листы, бо́льшую часть каждого из которых покрывает миллиметровочная сетка, удобная для рисования в нужном масштабе. Все поля вокруг чертежей покрывали замечания, наблюдения, замеры. Как правило, П. Д. Рау на месте определял пол и возраст погребенного, основные породы дерева, из которых были сделаны перекрытия, колоды, а по костям от погребальной пищи — животных [15, с. 43, 44]. В сложных случаях он консультировался со специалистами.

Четкое, детальное фиксирование исследованных погребений значительно облегчало подготовку материала к публикациям, которые выходили в свет каждый год (!) в виде монографий. В то же время публикация материала не являлась

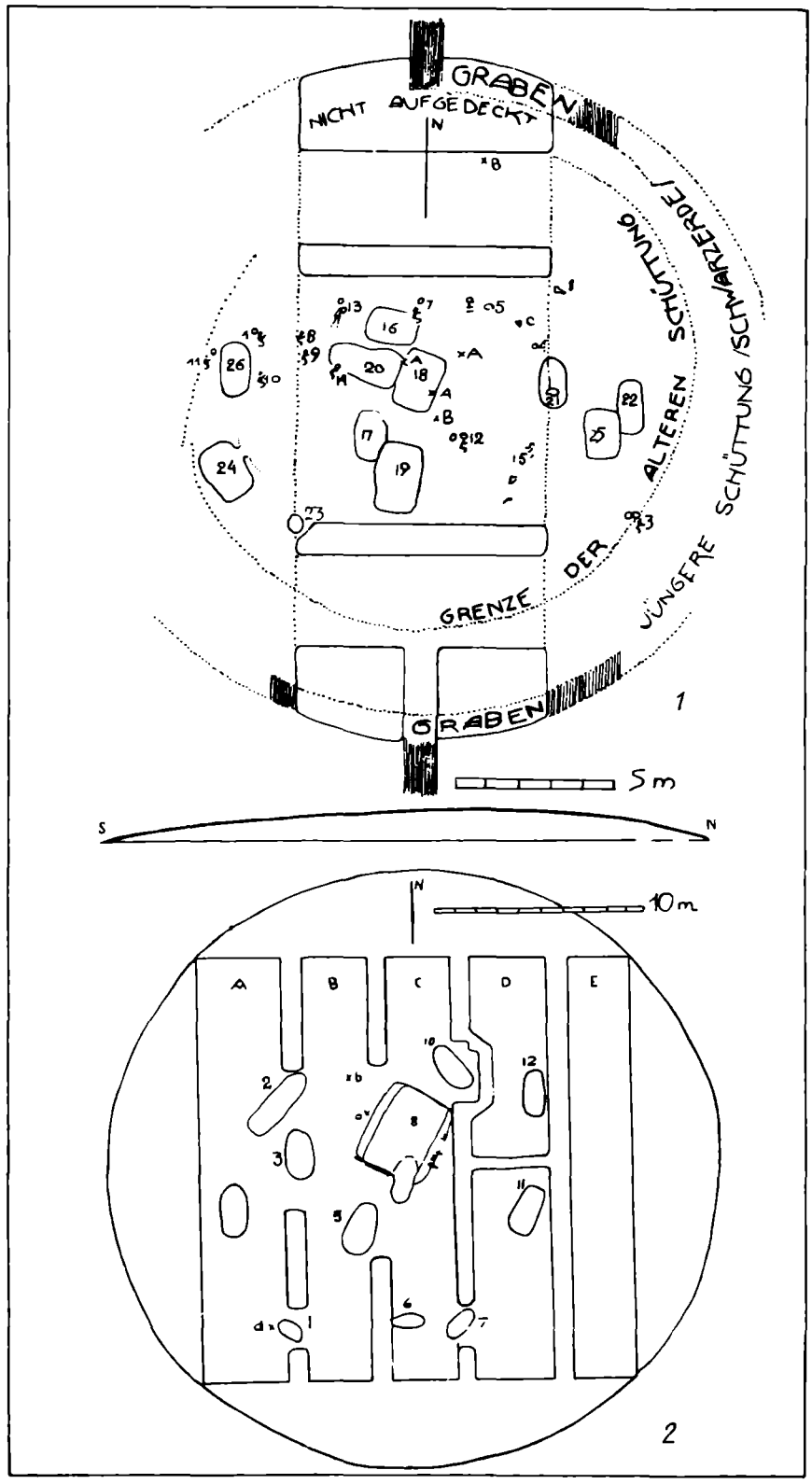


Рис. 3. Планы исследованных П. Д. Рау курганов 1-E25, 2-G5

для него самоцелью. Каждая книга ученого — прежде всего систематизация всех известных к тому времени археологических данных по определенному периоду в истории Нижнего Поволжья.

Естественно, что наряду с обобщением данных и проработкой источниковедческой базы написанию каждой работы предшествует тщательное изучение существующих по данной тематике хронологических и теоретических построений. Однако, в чем мы убедимся еще не раз, суждениям П. Д. Рау свойственна самостоятельность. В сложных, спорных ситуациях самыми весомыми для него оказываются собственные наблюдения. В 1928 г. на страницах журнала «Нижнее Поволжье» была опубликована статья П. Д. Рау, в которой он в наиболее обобщенной форме выразил свои взгляды на развитие материальной культуры племен Заволжья в доисторический период. Статья начинается с обзора этапов, которые прошла в своем развитии нижневолжская археология и, конечно же, сам автор: «1. Период романтических гипотез и слабых попыток научного освещения нового, случайно собранного материала. 2. Период открытия и научного определения местных культур при помощи известных уже аналогичных явлений близлежащих областей и 3. Подробный анализ открытых культур с выявлением их местных особенностей и научное применение добытых фактов при решении общих проблем доистории» [16, с. 151].

Все доступные для изучения археологические материалы он делит на две большие группы, которые, по его мнению, соответствуют двум большим историческим периодам. Первый, названный автором доисторическим, «характеризуемый скорченным положением костяков в погребениях», «охватывает всю эпоху медно-бронзовых орудий и неустановленную еще часть новокаменного века» [16, с. 152].

Памятники эпохи неолита оказались вне сферы научных интересов П. Д. Рау. По всей видимости, это связано с тем, что он никогда целенаправленно не занимался исследованием поселений, осознавая все трудности специфики этих работ.

Поселения эпохи бронзы в Нижнем Поволжье были известны в научном мире благодаря раскопкам П. С. Рыкова. Судя по сохранившемуся черновику статьи или доклада (?), датированному январем 1924 г. и носившему название «Остатки древнейших культур на р. Торгун», П. Д. Рау один раз все же пришлось обратиться к материалам стоянок, сыгравших важную роль в создании его периодизации бронзового века. Интересны в связи с этим следующие рассуждения автора: «Кроме того, и само подразделение хвалынской керамики мне не совсем понятно, так как, на мой взгляд, тип, обозначенный младшим, имеет больше точек соприкосновения с керамикой срубной, в то время как тип старший более сходен с керамикой погребений на горизонте и в насыпи. Было бы интересно сопоставить и связать эти остатки с более полным и определенным могильным инвентарем того же времени: культура Торгуновской стоянки, по-видимому, обещает кое-что в этом отношении, так как поблизости нее имеются расплывшиеся курганные насыпи с характерным для поздней поры эпохи широким и неглубоким углублением вокруг основания» [2, 32, л. 10, 11]. В свое время с целью подчеркнуть особенности нижневолжских памятников, В. А. Городцовым была выделена так называемая хвалынская культура [17, с. 23]. П. С. Рыков значительно расширил хронологические рамки этой культуры [18, с. 47] и определил пять стадий в ее развитии. Причем, по мнению автора, на каждой стадии она испытывала влияние последовательно катакомбной, срубной, а затем сейминской культуры. Таким образом, П. С. Рыков привязывал местные древности к единой хронологической схеме памятников эпохи бронзы юга России.

Приведенная выше цитата из работы П. Д. Рау свидетельствует о том, что уже в 1924 г. автор с сомнением относился к возможности выделения этой культуры. Однако малочисленность инвентаря, свойственная погребениям этого времени, осложняла интерпретацию материала. Этим несколько позднее П. Д. Рау объясняет противоречивость стройной на первый взгляд периодизации бронзового

века Нижнего Поволжья П. С. Рыкова [19, с. 5]. Сам Рау, осознавая необоснованность на современном уровне знаний абсолютных датировок, не стремился создать чересчур детальную схему смены культурных стадий. Автор лишь оконтурил, сгруппировал погребения, близкие, с его точки зрения, между собой по ряду признаков. Полевые наблюдения за взаиморасположением погребений в скорченной позе в одном кургане, облегчающие относительную датировку объектов, усиленное штудирование русских и западноевропейских исследований по культурам бронзового века — все свидетельствует о том, что Рау не был дилетантом в этих вопросах.

Свои представления о последовательности смены культур эпохи бронзы он изложил в разделе «Две временные группы» (2 Altersstufen) известной книги «Скорченные погребения...» [19]. По мнению автора, особенности форм погребальных сооружений не могут служить основанием для выделения наиболее ранних комплексов бронзового века на рассматриваемой территории. Поэтому, опираясь на особенности инвентаря и стратиграфию, он вычленяет погребения типа захоронения у Березняков, исследованного В. В. Гольмстен в 1924 г. [20] и интересного тем, что оно сочетало в себе черты новокаменного периода (микролиты, керамика) и бронзового века (скорченное положение костяка) [19, с. 20, 21]. Сходные с ним погребения на территории Украины В. А. Городцовым были отнесены к эпохе металла, к ямникам. П. Д. Рау считает, что подобная группа погребений в Нижнем Поволжье (Е25: 18; Е13; Е4:1 и т. п.) теснее связана с традициями новокаменного века.

В отличие от П. С. Рыкова погребения собственно раннебронзового века автор включает в так называемую полтавкинскую ступень. Основанием для выделения этой ступени послужила схожесть сосудов из ряда погребальных комплексов [19, с. 12]. Это остроребериые или яйцевидные горшки, украшенные орнаментом в виде треугольников, елочки или полос штриховки. Рассматривая материалы полтавкинской ступени в системе культур бронзового века степной зоны России, Рау синхронизирует их с катакомбной культурой Подонья [19, с. 16]. Своеобразие Полтавки, отмечает автор, даже не в керамических формах, а в направлениях их эволюции и модификациях. Сосуды полтавкинской ступени особенно близки к раннекатакомбным формам керамики Подонья. «Керамические типы полтавкинской ступени,— заключает автор,— в форме и орнаменте еще не преодолели свои неолитические или иначе халколитические (kupferzeitlichen) исходные формы. С другой стороны, остроребериые чаши перекликаются с формами более поздней срубной культуры [19, с. 19]. Это наблюдение предопределило долгую жизнь понятия «полтавкинская ступень» [21] или даже «полтавкинская культура» [22].

Автор сознательно не расчленил весь массив археологического материала среднего и позднего бронзового века [19, с. 24; 23, с. 43]. Отмечая срубные черты в керамике полтавкинской стадии, П. Д. Рау с сомнением относится к предположению П. С. Рыкова о срубном влиянии на культуру среднего и позднего бронзового века Нижнего Поволжья [19, с. 26] (рис. 4).

Представляется ценным замечание П. Д. Рау о синтетическом, начиная с глубокой древности, характере материальной культуры на территории Нижнего Поволжья. В силу своего географического положения она находилась в зоне смешения восточноевропейских и сибирских культур. П. Д. Рау не первым отметил эту особенность, тем не менее именно в его работах этот тезис получил обоснование на материалах различных эпох [11, с. 107—109; 19, с. 26; 24, с. 49].

Вторая группа древностей, выделенных П. Д. Рау в Заволжье [16, с. 152], состояла исключительно из курганных памятников, содержавших погребения со скелетами в вытянутом положении и датированных по инвентарю V в. до н. э.—IV в. н. э. В результате между первой и второй группами наметилась лакуна длительностью, как считает автор, в 5 столетий. «Пустота эта мало заметна в нашей археологической литературе, так как о ней мало говорят»,—

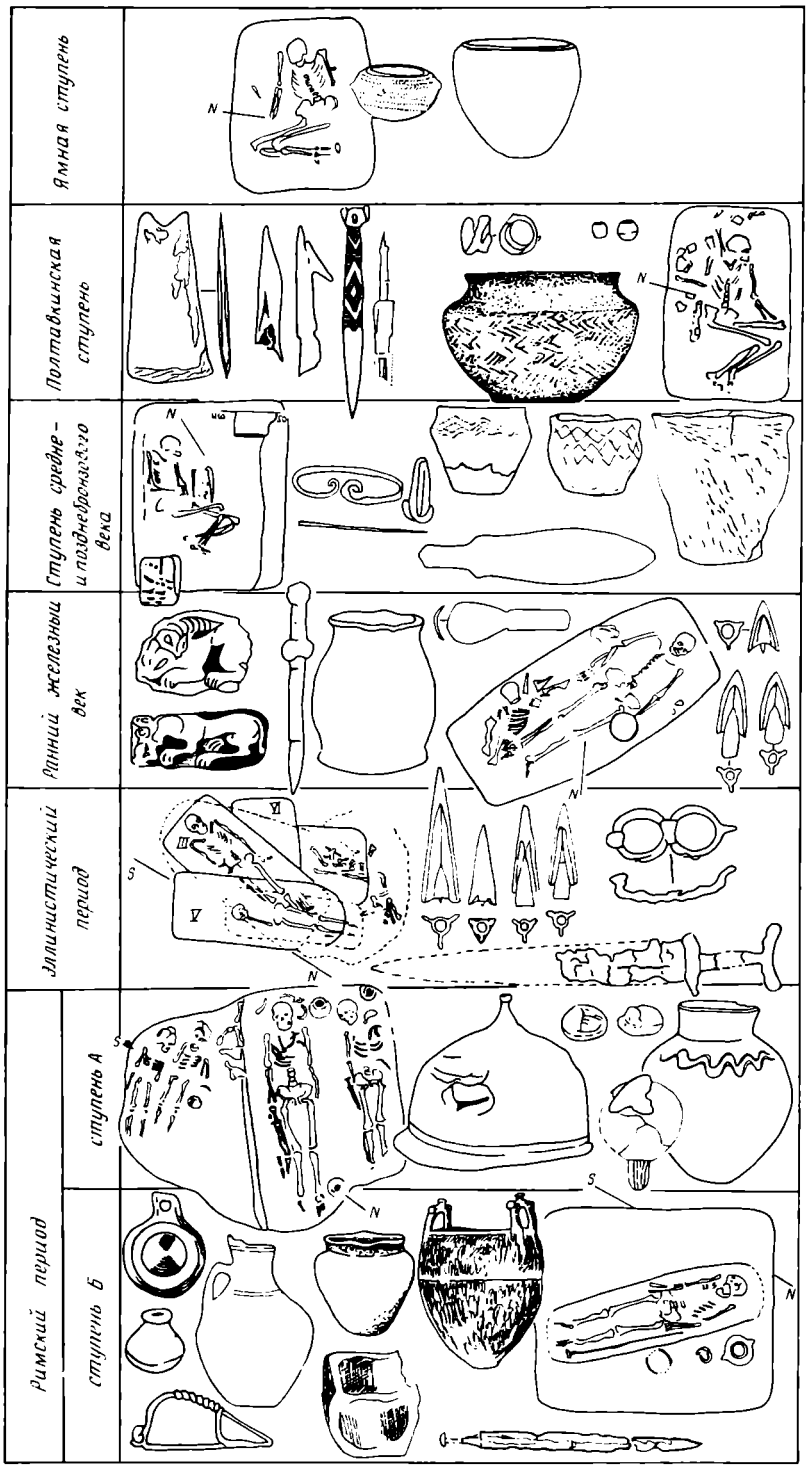


Рис. 4. Развитие материальной культуры Нижнего Поволжья в доисторический период, по П. Д. Рау

читаем мы в его статье «Исследование древних культур Нижнего Поволжья» [16].

Спустя год в своей последней крупной работе он вновь обращается к проблеме этой переходной эпохи [24]. Основной задачей исследования было изучение древностей «скифского» периода, определение его нижней хронологической границы (верхней границей, по мнению П. Д. Рау, был IV в. до н. э., когда поволжские степи начали заселять сарматские племена). Отметим, что незадолго до этого, опираясь в основном на материалы собственных раскопок в регионе между Волгой и Уралом, Б. Н. Граков датировал появление

здесь скифской культуры VI в. до н. э. [25]. М. Эберт, внимательно следивший за археологическими исследованиями в СССР, предположил в одной из своих статей для археологической энциклопедии [26, с. 98], что это произошло в V в. до н. э.

Отдавая предпочтение своим собственным наблюдениям, П. Д. Рау высказался за удревнение датировки. Основанием для этого послужили особенности взаиморасположения в курганах с разновременными захоронениями сарматских погребений с южной ориентировкой эллинистического времени и явно значительно более ранних захоронений, ориентированных на запад и восток [24, с. 11, 12]. По мнению автора, обломок греческой вазы V в. до н. э., найденный Б. Н. Граковым в одном из захоронений раннего времени, был недостаточен для обоснования абсолютной даты целой группы памятников. В свою очередь он предложил использовать для этой цели наконечники стрел — обычную находку в погребениях кочевников.

Исходным пунктом классификации стрел было положение о единстве материальной культуры скифо-сарматского мира на территории Евразии, что дало возможность автору привлечь южнороссийские и сибирские материалы. Высоко оценивают роль греческих городов-государств в развитии местных племен, их всеобъемлющее влияние, он использовал периодизацию, разработанную в классической археологии,— архаический, классический и эллинистический периоды [4].

Наряду с тщательной проработкой литературы по интересующей его тематике им была предпринята поездка по Украине для ознакомления с материалами из раскопок скифских курганов. П. Д. Рау посетил музеи в Киеве, Николаеве, Херсоне, Полтаве и Харькове, где изучал коллекции, делал многочисленные зарисовки, консультировался с авторами раскопок, специалистами (Н. И. Макаренко, С. С. Магурой, М. Ф. Болтенко, Р. П. Тахтай и др.) [2, Р-28]. Несколько раньше он побывал в Москве и Ленинграде, где ознакомился с коллекциями Исторического музея и Эрмитажа [2, № 165].

Классификация значительного по объему материала позволила П. Д. Рау затронуть целый ряд проблем более общего характера. В частности, благодаря выделению типов стрел, характерных для переходного периода от бронзового века к эпохе скифской архаики, было обозначено направление для решения проблемы происхождения скифской культуры. Например, первый тип стрел — ромбовидный, с четко выраженными углами — распространен на широкой территории от Венгрии до Сибири. Автор датировал его VII в. до н. э., отмечая, что ими пользовались скифы-сколоты, понтийские греки и их соседи. В архаическое время этот тип, по Рау, эволюционирует в двух направлениях: овальные листовидные (тагарская культура в Сибири и Келермес в Прикубанье) и фасетированные листовидные стрелы, происходящие из раскопок Г. Л. Скадовского на Березани. Незначительно, только по общему строению отличается от вышеописанного второй тип (более длинная втулка и округлые боковые стороны пера). Интересны стрелы третьего типа, лавролистной формы: автор считает их типологически наиболее древними и выводит из наконечников копий сейминского типа. Они распространены столь же широко, как и первый тип стрел. Причем, опираясь на хранящийся в Эрмитаже комплекс Малая Цимбалка, П. Д. Рау приходит к выводу о сосуществовании некоторых вариантов лавролистных стрел с ромбовидными первого типа [24, с. 28—33].

Изучая содержимое колчанов архаического времени, он обращает внимание на возрастание многообразия типов. Автор называет ведущие типы каждого периода, переходные формы. Одной из основных тенденций в развитии позднеархаических стрел, судя по материалам Ольвии, является утрата изящных пропорций, некоторое огрубление, нарастание угловатости форм. Особенно важны

[4] В дальнейшем П. Д. Рау хотел посвятить специальное исследование истории греко-скифского производства наконечников стрел [24, с. 12]. На наш взгляд, это было бы довольно перспективно, так как стрелы, аналогичные скифским, были найдены в греческих центрах даже за пределами черноморского бассейна [27, с. 382, табл. CXX].

для П. Д. Рау комплексы — колчаны со стрелами из одного погребения, потому что в них, по мнению автора, заключен момент развития форм стрел. Как образец противоречивости, сложности этого процесса он приводит комплекс из кургана 4 (Аксютинцы, раскопки Мазараки), где сосуществуют группы стрел архаических и вполне сформировавшихся классических форм [24, с. 18, табл. III, A, B, C].

Формирование облика основной массы типично скифских стрел П. Д. Рау связывал с колчанными наборами типа Солоха—Огуз, классического времени, первой половины IV в. до н. э. Это период расцвета вытянутых, близких к пирамидальным бронзовых стрел, когда, по его мнению, происходит постепенная нивелировка, заметна тенденция к единообразию форм, затрудняющая разработку хронологии. Вообще при датировке периодов либо отдельных типов определяющими для автора являются следующие моменты. Во-первых, хронология погребений, где присутствует греческий импорт (Березань, Цукур-лиман, некрополь Ольвии). Важны в этом смысле культурные слои Ольвии, при исследовании которых в 1927 г. были получены необработанные до конца либо бракованные при литье наконечники стрел, что позволяет предположить их местное происхождение и датировать найденными в слое греческими материалами. Во-вторых, основную роль, нам представляется, в классификации играет стилистический анализ и в какой-то мере интуиция, которая начинает оказывать большую помощь исследователю, когда тот успевает предварительно ознакомиться с большим массивом интересующего его материала. В-третьих, хронологическим критерием в работе П. Д. Рау выступает сам факт появления железных стрел и их доля в колчанных наборах [15, с. 10; 24, с. 23].

В соответствии с предложенной хронологической схемой типов стрел автор рассматривает поволжские материалы. Как и в Скифии, отмечает П. Д. Рау, здесь в доскифский период (VIII—VII вв. до н. э.) господствуют три вышеописанных типа стрел, затем, начиная с VII в. до н. э., появляется ряд локальных особенностей в формах [24, с. 38], которые выделяют их из общего массива памятников скифского облика евразийских степей. В свою очередь очерченная Рау территория не монолитна: она включает в себя северную группу памятников Любимовка — Оренбург, где в колчанных наборах преобладали массивные стрелы и были распространены каменные блюда [24, с. 59], и южную, с центром в немецком Поволжье, где тяжелые стрелы архаического периода быстро сменились более изящными, легкими образцами скифо-сибирского облика. Это положение, отмечается в исследовании, сохраняется до тех пор, пока не произошло замещение бронзовых стрел на железные.

Своеобразие материальной культуры Нижнего Поволжья в скифское время особенно рельефно отразилось на развитии искусства. В отличие от М. И. Ростовцева, который, не располагая сводкой материала, приведенной в монографии П. Д. Рау, высказал диаметрально противоположную точку зрения, автор отметил самобытность звериного стиля на рассматриваемой территории. Благодаря хорошему знанию материала, консультациям Г. И. Боровки он грамотно провел сравнительный анализ местных мотивов, основных изобразительных средств (позы, трактовки глаз, лап, зубов и т. п.) и канонических образцов южнорусского, а также сибирского звериного стиля [24, с. 49—52]. Разработанная им хронология позволила ему оспорить правильность замечания Б. Н. Гракова о «сибирских» чертах в поволжском зверином стиле архаического времени. Напротив, изображение как бы припавшего к земле, с крупными, подогнутыми в напряжении лапами хищника и головы животного с оскаленной пастью он считает чисто местными мотивами [24, с. 49, 50], которые впоследствии, в сарматское время, получили распространение среди племен сибирских степей. Также значительно чаще, чем в Скифии, в системе изобразительных средств искусства Нижнего Поволжья присутствует геометрический орнамент. Местные традиции были настолько сильны, что оказали значительное влияние на раз-

витие материальной культуры населения к северу от Волго-Уральской провинции [24, с. 59]. Несмотря на то что за прошедшие с тех пор полвека база исследования значительно расширилась, эти наблюдения в основном находят подтверждение в современных исследованиях [28, с. 27; 29].

В заключение своего исследования памятников раннего железного века Нижнего Поволжья на качественно новом уровне Рау обращается к проблеме соотношения неатрибутированных погребений с западно-восточной ориентировкой и меридиональными сарматскими [24, с. 53—60]. Автор констатирует, что наряду с имеющимися чертами различия в форме погребальных сооружений и инвентаре между ними тем не менее прослеживается некоторая преемственность, в первую очередь в особенностях погребального ритуала [24, с. 54]. Опираясь на сообщение Геродота о том, что восточными соседями скифов были савроматы, П. Д. Рау обозначает эту своеобразную материальную культуру раннего железного века Нижнего Поволжья савроматской. Идея оказалась очень плодотворной и получила дальнейшее развитие в монументальной работе К. Ф. Смирнова «Савроматы» [30].

Довольно обстоятельно П. Д. Рау были рассмотрены сарматские материалы позднеэллинистического времени (II—I вв. до н. э.) [16, с. 154], предшествующие погребальным комплексам римской эпохи [2]. В книге, посвященной публикации материалов, полученных в результате полевых исследований 1926 г., автор попытался определить культурно-историческую принадлежность ряда находок из погребений (Суслы, Лебяжье, Норка, Фриденберг и др.). Незадолго до этого П. С. Рыков, классифицируя погребения «удивительного», по определению П. Д. Рау, Сусловского могильника, отнес два погребения (5 и 43_2) к культуре А и датировал ее II—I вв. до н. э. Было отмечено наличие некоторых параллелей с материалами курганов Оренбургского края, очевидно Прохоровских [31, с. 26]. Рау поддержал необходимость выделения этой группы. Однако, исходя из особенностей стратиграфии погребений в кургане D17, среди которых он выделил промежуточную между вышеуказанной культурой и раннеримскими захоронениями форму типа D17III, П. Д. Рау отметил, что ряд погребений культуры А, по Рыкову (из курганов у Фриденберга и Визенмюллера), необходимо датировать более ранним временем [15, с. 8].

Среди инвентаря погребения D17III (рис. 4) находился меч с серповидным навершием. Сопоставив его с мечами с прямым навершием и перекрестием из Прохоровского могильника, автор пришел к выводу, что последние хронологически предшествуют мечам с серповидным навершием. Немаловажно, что прохоровские мечи были найдены в сопровождении большого количества бронзовых стрел, тогда как в погребении D17III присутствовали только железные. Таким образом, для позднеэллинистической ступени оказались характерными южная ориентировка, меловая подсыпка, обычай оборачивать тело в кору или захоронение в гробу, меч с серповидным либо прямым навершием, большие круглые зеркала и пряжки в виде восьмерки. «В общем и целом,— подытоживает автор,— исследуемые на территории Немреспублики сарматские могилы первых полутордвух веков до начала н. э. дают картину не особенно богатой и блестящей, но крепкой и самобытной кочевнической или полукочевнической культуры...» [16, с. 154]. Материальная культура первых веков нашей эры была известна археологам того времени значительно лучше, чем любая другая [32, с. 3—8]. Как правило, захоронения римского времени находились в небольших по величине курганах, поэтому они были наиболее доступны для исследования. С другой стороны, в этих погребениях нередко попадались античные (керамика, фибулы, подвески в виде скарабея) и порой даже загадочные восточные (например, китайские зеркала) вещи, что, естественно, приводило исследователей к мысли о

[2] Как происходил процесс складывания сарматской культуры, почему между погребениями скифского времени и типично сарматскими меридиональными (головой на юг) погребениями образовалась цезура в несколько веков [24, с. 11, 12] — все это, судя по работам Рау, осталось невыясненным.

тесных контактах населения приволжских степей со всеми передовыми державами того времени и прежде всего с Римом. Не случайно среди ученых 20—30-х годов была популярна гипотеза, высказанная Н. И. Веселовским, о непосредственном присутствии римских войск в Прикубанье [33, с. 370—372], которое повлияло на складывание единой в общих чертах «римской» культуры на широком пространстве от Дона до Урала [10; 11, с. 75—78].

Книга П. Д. Рау «Курганные погребения римского времени на Нижней Волге» по сути дела является обобщением всех известных к тому времени материалов. Бесспорно центральное место в исследовании занимает Суловский могильник, раскопками которого руководил П. С. Рыков[3]. Автор рассматривает поволжские памятники первых веков нашей эры как составную часть общей римской культуры, синхронизируя местные захоронения с близкими им по обряду погребениями из некрополей причерноморских городов. Он поставил под сомнение целесообразность членения ее поволжского варианта на самостоятельные культуры (этнографические группы), которое предпринял в свое время П. С. Рыков [11, с. 65, 30, с. 23]. Рау существенно упростил его систему, выделив две, следующие друг за другом культурно-исторические ступени. Как при переходе от эллинистического периода к раннеримскому, так и при переходе от раннеримского к позднеримскому автор отмечает преемственность, постепенные изменения в составе инвентаря, переориентацию погребений и т. п. [11, с. 67, 68]. Тем самым автор обосновал принадлежность погребений этого времени автохтонному населению Нижнего Поволжья, что было признано несколько позднее Б. Н. Граковым [34, с. 154].

По составу инвентаря ступень А (Stufe A) была датирована П. Д. Рау приблизительно I—II вв. н. э. [11, с. 69]. Постепенно, через ряд переходных форм она трансформировалась в ступень Б (Stufe B), которая просуществовала до IV в. В рамках выделенных ступеней он удачно разместил самый типичный материал, тщательно проработав в специальных разделах каждую его категорию. Именно поэтому книга П. Д. Рау стала отправным пунктом для многих исследований в области хронологии и типологии. В частности, целый раздел его работы был посвящен керамике. Автор не ограничивается выделением ведущих форм для каждой ступени. Он стремится найти аналогии керамике, известной ему из погребений Нижнего Поволжья. Совершенно справедливо им было отмечено сильное кавказское влияние на позднем этапе [11, с. 84, 85], что привело к сокращению количества лепной посуды местных типов. В то же время, используя свои широкие знания археологического материала разных эпох на территории Европы, П. Д. Рау без труда нашел массу аналогий, заимствований в керамике Поволжья, не всегда считаясь с тем, что эта керамика отделена от источника подражания огромным расстоянием или не менее значительным временным промежутком [11, с. 84]. По его мнению, зеркала также являются продуктом многостороннего влияния. В схеме, предложенной автором, выступают три основных типа: ионийский, кавказский и сибиро-китайский, на базе которых шло формирование местных форм в разные периоды существования сарматской культуры [11, с. 90—96]. Это была первая и, судя по отзывам специалистов [35, с. 58; 36, с. 56], довольно удачная попытка систематизации всех известных к тому времени сарматских зеркал на территории Восточной Европы.

Высоко оценил профессионализм Рау в изучении такого непростого, требующего специальных знаний материала, как фибулы, А. К. Амброз [37, с. 6]. Фибулы и ряд других украшений стали не только основой для датировки комплексов, но и признаком этнографически единой группы [11, с. 97]. Зачастую важным оказывался не сам факт нахождения того или иного предмета в захоронении, но взаиморасположение вещей в системе погребального комплекса. Так, например, бусы из погребения ступени Б, по мнению автора, составляли устойчивый набор

[3] П. Д. Рау участвовал в этих полевых исследованиях и, по всей видимости, даже сделал рисунки для публикации погребений [33, рис. 1—7].

и по цвету, и по материалу, и по форме [11, с. 98], что отличало их от ожерелий более раннего времени.

В специальном разделе П. Д. Рау рассмотрел оснащение воина-всадника римского времени в Поволжье. На смену позднеэллинистическим приходят мечи и кинжалы с кольцевидным навершием, которые стали важным определяющим элементом культуры, впоследствии получившей название сусловской [38, с. 10]. Рау были известны образцы лишь с коротким клинком, поэтому он отнес их к разряду колющих. Насколько тесно связаны в типологическом отношении мечи эллинистического и римского времени, для автора осталось неясным. Вслед за М. И. Ростовцевым, который сопоставил кольцевое навершие на сарматских мечах с аналогичными на минусинских кинжалах [11, с. 57], он отметил сибирское влияние.

На смену коротким мечам раннеримского времени, согласно представлениям П. Д. Рау, приходят длинные (до 90 см) так называемого пантикапейского типа [11, с. 103; 39, табл III, *5*], повторяющие форму раннелатенских. Заслугой автора является тщательное исследование погребения, где по счастливой случайности хорошо сохранились детали, поясняющие особенности крепления мечей этого типа [15, с. 36; 38, с. 26; 39]. В IV в. н. э. эти мечи, как, впрочем, и весь комплекс материальной культуры ступени Б, исчезают из степей Поволжья, продолжая существовать некоторое время на Северном Кавказе в памятниках типа Борисовского могильника [11, с. 103].

Постепенно, от раздела к разделу своей книги, П. Д. Рау накапливает аргументы, с помощью которых можно вывести археологический материал на исторический уровень, связать его с этносом, засвидетельствованным письменной традицией. При такой постановке проблемы большое значение, естественно, имеют данные антропологии. Однако П. Д. Рау не располагал настолько глубокими познаниями в этой области, чтобы провести обстоятельный анализ имеющейся у него серии образцов [4]. Поэтому им была использована информация, которая не требовала специальных обмеров и расчетов: он обращает внимание на массовость обычая деформирования черепа одним и тем же способом в определенное время (ступень Б) и на ограниченной территории (между Волгой и Уралом) [11, с. 106, 107]. Отмечая, что Нижнее Поволжье для Европы того времени было источником всех этнических передвижений, П. Д. Рау указывает, что аланы, известные по письменным источникам как аорсы, роксоланы и т. п., покинули родное Поволжье несколько раньше, распространив свое влияние до Дуная [11, с. 103]. Позднее в этих местах жили родственные им племена, которые оставили после себя памятники ступени Б, названные автором аланскими в узком смысле этого понятия.

Судя по сохранившимся данным, в 1930 г. П. Д. Рау целенаправленно собирал материалы для написания работы по истории Нижнего Поволжья в эпоху Великого переселения народов. К большому сожалению, этим замыслам не суждено было сбыться. Нам известно лишь то, какую позицию он занял в споре вокруг курганов со следами сожжения либо просто большого костра. Всеми единодушно признавалось, что они появились после исчезновения позднеримской культуры ступени Б. Однако в интерпретации этих курганов мнения разошлись довольно резко, особенно по вопросу, были ли они погребениями с трупосожжением (П. С. Рыков, Т. М. Минаева) или их следует рассматривать как остатки обряда жертвоприношения (П. Д. Рау) [41, с. 26]. К сожалению, и на современном уровне знаний не представляется возможным рассудить их спор [42, с. 103].

Вот по сути дела и все, что нам известно о П. Д. Рау как об ученом. Надеемся, что по мере ознакомления с нашей статьей у читателя будет складываться вполне определенный образ человека, одержимого археологией, большого добросовестного труженика, сумевшего за 5 лет с небольшим (в августе 1930 г. его не стало) вырасти в крупного ученого с европейским именем.

[4] Это было сделано несколько позже с целью решить проблему происхождения сарматов [40].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Näb K., Pochodin P.* Der Kuppelkomissar//Neues Leben, 1965. November.
2. Архив И. В. Синицына//Рукописный архив ЛОИА АН СССР. Ф. 79.
3. *Rau P.* Altertümliche Funde im Seelmaner Bezirk//Beitrag zur Heimatkunde des Deutschen Wolgagebietes. Pokrowsk, 1923.
4. *Rau P.* Über die Gestalt der Grabhügel in den Steppen des unteren deutschen Wolgagebietes//UW. 1923. № 18, 21, 22.
5. *Rau P.* Kurgane und Altertumskunde in der Vorstellung der wolgadeutschen Bauern. Aus dem Volksleben des Flussgebietes Jeruslan-Torgun//UW. 1924. № 23--24.
6. *Rau P.* Archeologische Ausgrabungen in der Republik der Wolgadeutschen (1922)//UW. 1924. № 19.
7. *Rykow P.* Altertümer in der Umgegend von Pokrowsk//UW. 1923. № 3.
8. *Rykow P.* Die Urbevölkerung des deutschen Wolgagebietes//UW. 1923. № 7, 8.
9. *Rykow P.* Die Goten an der Wolga//UW. 1924. № 10.
10. *Rykow P.* Die Oeffnung eines Grabes der römisch-sarmatischen Epoche bei Pokrowsk im Sommer 1923//UW. 1923. № 23.
11. *Rau P. D.* Die Hügelgräber Römischer Zeit an der Wolga (Ergebnisse der Gräberforschungen in der Wolgadeutschen Republik)//Mitteilungen. 1927. Jahrg. 1. Heft 1.
12. Фотокопии бумаг П. Д. Рау//Краеведческий музей г. Энгельса.
13. Общий отчет о результатах археологических разведок в Республике немцев Поволжья в 1925 году (фотокопия)//Краеведческий музей г. Энгельса.
14. *Рау П.* Результаты археологических раскопок 1927 года в Немреспублике//Трудовая правда. 1927. № 135. Ноябрь.
15. *Rau P. D.* Prähistorischen Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebietes im Jahre 1926//Mitteilungen. 1927. Heft. 1. Jahrg. 2.
16. *Рау П.* Исследование древних культур Нижнего Поволжья//Нижнее Поволжье. 1928. № 10.
17. *Малов Н. М.* Историография вопроса срубно-абашевского взаимодействия в Нижнем Поволжье//Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во Сарат. ут-та, 1986.
18. *Рыков П. С.* К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье//Изв. Ниж.-Волж. ин-та краеведения. 1927. Т. 2.
19. *Rau P.* Hockergräber der Wolgasteppe. Ausgrabungsmaterial des Zentralmuseums der Wolgadeutschen Republik//Mitteilungen. 1928. Heft 1. Jahrg. 3.
20. *Гольмстен В. В.* Материалы по археологии Самарской губернии//Бюл. О-ва археологии, истории и этнографии, естествознания при Самарском университете. 1925. № 2.
21. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
22. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46
23. *Rau P.* Neue Funde aus Hockergräbern des Wolgadeutschen Gebiets//ESA. 1929. IV.
24. *Rau P.* Die Gräber der Frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiets. Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitzen//Mitteilungen. 1929. Heft 1. Jahrg. 4.
25. *Grakov B.* Monuments de la culture skythique entre le Volga et les monts Oural//ESA. 1928. 111.
26. *Ebert M.* Südrussland//Reallexicon der Vorgeschichte. 1929. B. XIII.
27. *Robinson D. M.* Metal and minor miscellaneous finds. An original contribution to Greek Life//Excavation at Olynthus. 1941. Pl X.
28. *Чежина Е. Ф.* Художественные особенности звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху//АСГЭ. 1983. № 23.
29. *Маловщкая Л. Я.* Сарматский звериный стиль: Автореф. дис.... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1967.
30. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
31. *Рыков П. С.* Сусловский курганный могильник//Уч. зап. Сарат. ун-та. 1925. Т. IV.
32. *Скрипкин А. С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1984.
33. *Веселовский Н. И.* Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе//Тр. XII Археологического съезда. 1905. Т. 1.
34. *Граков Б. Н.* Пережитки матриархата у сарматов//ВДИ. 1947. № 3.
35. *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал//СА. 1963. № 4.
36. *Книпович Т. Н.* Танаис: историко-археологическое исследование. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
37. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э.— IV в. н. э.//САИ. 1966. Вып. Д 1-30.
38. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
39. *Ростовцев М. И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма//МАР. 1918. № 37.
40. *Тот Т. А., Фирштейн Б. В.* Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л.: Наука, 1970.
41. *Рыков П. С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов: Краевое изд-во, 1936.
42. *Засецкая И. П.* Гунны в Нижнем Поволжье//Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1986.

Институт археологии
РАН, Москва
Краеведческий музей, г. Энгельс

В. Ю. ЗУЕВ

ОБ ОДНОМ ПИСЬМЕ П. Д. РАУ К А. А. ЗАХАРОВУ

Обращаясь к судьбе Павла Давидовича Рау, мы с сожалением должны констатировать, что злой рок, не пощадивший этого талантливого ученого, был столь же безжалостным и к его творческому наследию. Сколь неясны и противоречивы наши сведения о причинах и обстоятельствах гибели П. Д. Рау, столь же отрывочны и запутанны наши современные представления о судьбе его архива. Годы репрессий, уничтожившие многих современников П. Д. Рау, страшная трагедия немцев Поволжья, насильственно лишенных родной земли, и безжалостная по своей сути политика безразличия к культурному наследию сделали свое дело: от ценного собрания бумаг, рисунков и писем П. Д. Рау до нас дошли лишь жалкие крохи.

Занимаясь в архиве Государственного Исторического музея поисками материалов о М. И. Ростовцеве, я неожиданно нашел в фонде А. А. Захарова [1] пять писем П. Д. Рау, одно из которых публикуется здесь. С ним связана следующая история.

В апреле 1928 г. А. А. Захаров сообщил П. Д. Рау о том, что к юбилею В. А. Городцова Секция археологии РАНИОН планирует выпустить сборник в его честь, и предложил принять в нем участие. В ответном письме от 13 апреля П. Д. Рау дал согласие и предложил для сборника статью «о сарматском мече» [2].

Однако, из-за небольшого объема публикации, заданного редакционным комитетом, П. Д. Рау изменил тему и прислал в Москву небольшую заметку «Курганы с кострищами и кострища в курганах Нижнего Поволжья». В ней он рассмотрел курганы, в которых раскопками были обнаружены следы деревянных шатровых конструкций, сжигаемых по завершении погребальных действий. Данный тип памятников скифского времени, ныне хорошо известный от Зауралья до лесостепного Поднепровья, был впервые открыт в Нижнем Поволжье в 20-е годы благодаря раскопкам П. С. Рыкова, Т. М. Минаевой и П. Д. Рау. Исследования ограбленных курганов с кострищами близ г. Покровска в 1925 г., проведенные, с точки зрения методики раскопок того времени, достаточно небрежно, привели П. С. Рыкова и Т. М. Минаеву к выводу о том, что эти курганы содержат в себе остатки погребальных костров (сожжение на стороне); этим они объясняли нахождение в перемешанном слое обломков обгоревшего сопровождающего инвентаря [1, с. 89—134; 2, с. 91—123]. П. Д. Рау выступил против подобной трактовки погребальных памятников данного типа. Опираясь на свой опыт раскопок подобных сооружений, он дал иную реконструкцию их устройства, ныне являющуюся общепризнанной. По мнению П. Д. Рау, в курганах такого типа погребение совершалось почти на уровне древнего горизонта; затем оно закрывалось сложной деревянной конструкцией «шатрового типа». После

[1] К сожалению, о А. А. Захарове (1884—?), талантливом русском археологе, не написано до сих пор ни одной статьи. Автор многочисленных работ о крито-микенской культуре, культуре хеттов, А. А. Захаров в 20-е годы много занимался изучением триполья и памятниками эпохи бронзы нашей страны. Жизнь его сложилась непросто. Выпускник Московского университета, А. А. Захаров преподавал в Московском археологическом институте (после революции — в МГУ) и работал в ГИМе. Будучи репрессированным в 30-е годы, он обосновался в Алма-Ате, где все же не оставил занятий археологией. Точная дата смерти А. А. Захарова неизвестна. Его фонд, в котором содержатся многие ценнейшие материалы (рукописи работ, переписка с ведущими русскими и иностранными археологами, в которой письма А. Эванса, Э. Миннза и др.; неопубликованные материалы раскопок), был передан и обработан его женой, трудившейся долгие годы в музее (см.: ГИМ ОПИ, фонд 453, опись 1).

[2] ГИМ ОПИ, фонд 453, опись 1, ед. хр. № 5, л. 1.

© В. Ю. Зуев, 1992 г.

завершения тризны деревянная конструкция покрывалась земляной насыпью (которая скорее всего также была сложной архитектурной конструкцией из нарезанных вальков земли) и затем поджигалась. Замкнутое пространство не давало возможности прогореть всему сооружению, оно только обугливалось. В заключительной части статьи П. Д. Рау указал на ошибку П. С. Рыкова и Т. М. Минаевой, принявших перекопы грабителей за непотревоженные слои остатков полного сожжения, чем явно задел их. Критика в адрес П. С. Рыкова показалась редакционному комитету, членом которого он состоял, обидной и неуместной в юбилейном сборнике. Редакционный комитет подверг заключительную часть статьи П. Д. Рау переработке, о которой автору сообщила Т. М. Минаева. Объяснения П. Д. Рау и его реакция на это обстоятельство стали темой публикуемого здесь письма. В своем ответе А. А. Захаров успокоил молодого ученого и заверил его, что он отредактирует заключительную часть статьи. Это было сделано, и критическая заметка появилась все же на страницах юбилейного сборника [3, с. 431—436].

Сейчас мы вправе говорить о том, что из всей когорты археологов Нижневолжского края 20-х годов П. Д. Рау был одним из самых лучших полевиков. Он умел не только правильно понять раскапываемый объект, но и точно фиксировать его. Но ситуация тех лет была иной. П. С. Рыков был официальным главой археологов Нижнего Поволжья. За его плечами была подготовка в Московском археологическом институте, годы учения у В. А. Городцова. Он являлся профессором археологии, вдохновителем и организатором активной исследовательской деятельности в крае, и ему было неприятно получить замечание от археолога-самоучки, который к тому же считался его учеником по Саратовскому университету. Расхождения по некоторым научным вопросам, существовавшие между П. С. Рыковым и П. Д. Рау еще до 1928 г., после истории со статьей для сборника в честь В. А. Городцова осложнились неприязненными отношениями, хотя, как мы можем судить теперь на основании публикуемого письма, П. Д. Рау вряд ли был виновен в этом.

Кроме любопытного биографического штриха это письмо интересно еще и тем, что позволяет нам понять те принципы, которыми руководствовался П. Д. Рау в своей полевой деятельности. Провинциальный самоучка, вынужденный перекапывать раскопанные им же курганы, чтобы учиться на своих же ошибках, П. Д. Рау благодаря своему исследовательскому таланту и умению упорно трудиться добился очень больших результатов. Эта принципиальность и последовательность, проявленные им в сфере осмысления археологического материала, стали причиной того, что написанные им работы прочно вошли в историографию отечественной археологии и до сих пор пользуются большим вниманием специалистов.

Ниже публикуется письмо, хранящееся в ГИМ (ОПИ, фонд 453, оп. 1, ед. хр. № 5, л. 2).

Многоуважаемый
Алексей Алексеевич!

Вчера приехавшая из командировки Т. М. Минаева имела доброту сообщить мне, что статья моя «Курганы с кострищами», предназначенная для сборника в честь В. А. Городцова, чрезмерной резкостью тона вызвала недоумение у членов редакционного комитета, и последний счел необходимым вычеркнуть одну фразу, признанную недопустимой в научной статье.

Я теперь уже не представляю себе ясно, как написана эта статья (черновик не могу отыскать), но мне ясно одно: мне тогда в голову не приходило, что я выражаю в ней недоверие, оскорбительное для исследователей, наблюдения которых я подвергаю критическому разбору. Критическое отношение к добытому из земли материалу, столь естественное при несовершенстве наших методов и предвзятости наших наблюдений, вырастает для меня, много копающего и делающего при этом неизбежно

множество ошибок, в основное требование при всяком соприкосновении с археологическим материалом. Мне самому приходится ежегодно исправлять старые ошибки. Копая где-либо, и, не веря себе, перекапываю вновь копанные мной раньше курганы, если осталась хоть какая-нибудь неясность в материале. Естественно поэтому, что я не доверяю и другим, и это недоверие считаю в нашей работе уместным и ни для кого не оскорбительным. Что же касается злополучной статьи, то в ней, вероятно, недоверие к другим сочетается с авторской категоричностью, создавая неблагозвучный для объективного уха аккорд. Это уже вина моего темперамента.

Особенно больно было бы мне, если бы статья содержала что-нибудь оскорбительное для П. С. Рыкова, которого я уважаю и менее всего хотел бы оскорбить. Прошу Вас поэтому, если не поздно, задержать статью и не дать ее в печать. Лучше ничего, чем нечто отрицательное. Если же она в наборе, то за малейшее с Вашей стороны смягчение ее тона, путем изменения оборотов речи, я был бы Вам безгранично благодарен.

Не думаю, конечно, чтобы из-за ее риторических недочетов нельзя было понять, что хочет сказать автор в основном.

Обращаюсь к Вам, зная Вашу доброту и простоту в обращении с людьми.

С приветом, искренне уважающий Вас

Покровск 20.X.1928. П. Рау

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рыков П. С.* Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г.//Изв. Краевед. ин-та изучения Южно-Волжской области. Т. 1. Саратов, 1926.
2. *Минаева Т. М.* Погребения с сожжением близ г. Покровска//Уч. зап. Саратов. ун-та. Т. 6. Вып. 3. Саратов, 1927.
3. *Рау П. Д.* Курганы с кострищами и кострища в курганах Нижнего Поволжья//Василию Алексеевичу Городцову, к 40-летнему юбилею научной деятельности. ТСА РАНИОН. IV. М., (1928) 1929.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

Я. Н. НЕРСЕСОВ

КАСАС ГРАНДЕС — КРУПНЕЙШИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК СЕВЕРНОЙ МЕКСИКИ (К 100-ЛЕТИЮ ИССЛЕДОВАНИЯ)

На изучение древностей Северной Мексики наложили свой отпечаток два фактора: природно-географический (трудные условия для ведения полевых исследований) и исторический (здесь почти не было эффектных археологических памятников с монументальной храмовой архитектурой, скульптурой и живописью, обеспечивающих быстрый успех ученому). Поэтому археологические памятники Северной Мексики довольно долго оставались в забвении.

В некотором роде счастливое исключение составляет лишь крупнейший археологический памятник в центре Северной Мексики (на северо-западе Чиуауа) — Касас Грандес (в переводе с испанского — «Большие Дома» [1]) Вот уже на протяжении многих лет его руины привлекают внимание не только сотен тысяч любителей старины, но и профессиональных археологов. Это единственный археологический памятник Северной Мексики, чья история исследования насчитывает без малого 100 лет. В чем же дело? Касас Грандес — единственный эффектный архитектурный памятник на территории Северной Мексики. Именно поэтому пройти мимо руин Касас Грандес, не обратив на них внимания, было невозможно.

Первые одиночные сведения об этом загадочном памятнике прошлого в Северной Мексике появились еще во времена испанской конкисты. По-видимому, одними из первых европейцев, повидавших Касас Грандес, были побывавшие в Чиуауа, Альвар Нуньес Кабеса де Вака в 1534 — 1536 гг и Франсиско Ибарра в 1564—1565 гг. [1, с. 9, 10] [2] Не исключено, что одним из первых описаний Касас Грандес было сообщение посетившего его в 1766 г. Ла Флора [1, с. 11] Подобные описания содержат, безусловно, интересные и ценные сведения о культуре индейцев Северной Мексики накануне, в период завоевания и после него, но ни о каких настоящих исследованиях тогда не могло быть и речи.

Лишь в 80-х годах прошлого века известный антрополог А. Банделье [2], путешествуя по северо-востоку Соноры и северо-западу Чиуауа, составил первое серьезное описание Касас Грандес как крупнейшего архитектурного памятника древности на территории Северной Мексики. Несколько позднее, в 90-х годах прошлого века — начале нынешнего, корифей североамериканской этнографии К. Лумхольтц [3] побывал в Касас Грандес и его окрестностях. Им была проведена археологическая разведка этих мест, собран подъемный материал и даже осуществлены хоть и ограниченные, но профессиональные археологические раскопки наиболее интересных местных археологических памятников. Он заложил не только основы ныне всемирно известной коллекции керамики культуры Касас Грандес, но и, что самое ценное, исследовал и подробно описал Касас Грандес и его окрестности, экологическую среду и обитавшие там отсталые племена, сопоставив их культуру с археологическими материалами Касас Грандес и соседних с ним памятников.

В 1908 г. уже Э. Хьюитт [4], продолжая исследование Касас Грандес, приходит к выводу о его особой роли в истории древних культур Северной Мексики. Затем в 1916 г. А. Киддер [5] предположил связь между керамикой Касас Грандес и культурой Мимбрес (южный Нью-Мексико, США). Позднее, в 1924 г., подводя итоги своих многолетних исследований [6], он приходит к еще

[1] Не путать с Каса Гранде — одним из крупнейших поздних архитектурных памятников раннеземледельческой культуры Хохокам в южной Аризоне (США).

[2] У нас нет полной уверенности, что они побывали в Касас Грандес, так как хроники дают нам различные сведения об их маршрутах.

© Я. Н. Нерсесов, 1992 г.

более прозорливому предположению, что крайний северо-восток Соноры и северо-запад Чиуауа, по-видимому были частью культурно-географического региона Юго-Запад Северной Америки [3] В 1926 г. Э. Ногера [7] публикует результаты своих кратковременных полевых исследований в Касас Грандес.

Поскольку в ту пору еще часто отсутствовала должная методика раскопок и интерпретации материала, то вполне естественно, что эти работы не могли обеспечить высокого научного уровня исследований.

Затем в истории американской археологии наступает очень важный период, приходящийся на конец 20-х — 30-е годы. Вкратце он характеризуется тем, что к этому времени в результате исследований более ярких древностей в Центральной Мексике уже появились первые гипотезы об основных этапах развития доколумбовых культур Мезоамерики. К этому моменту вышли в свет первые обобщающие работы по проблемам мезоамериканской археологии — от эпохи возникновения земледелия до конкисты. К тому же уже доказали свою ценность метод стратиграфических раскопок и сопоставление данных археологии с этнографическими и письменными источниками. Именно в эти годы серьезные археологические раскопки начинают выходить за пределы долины Мехико (Центральная Мексика) На этом благоприятном фоне полевые исследования в Северной Мексике, наконец, начинают постепенно приобретать размах.

Ключевую роль в последующей истории изучения Касас Грандес сыграла вышедшая в свет в 1928 г. обобщающая работа И. Маркина [8] по крупнейшим памятникам древнеамериканской архитектуры. Включение в нее Касас Грандес обеспечило ему широкую известность в научном мире. К тому же впервые основные положения этой работы были обнародованы с высокой трибуны крупнейшего форума американистов — очередного XXIII Международного конгресса американистов, проходившего в 1928 г. в Нью-Йорке. Поэтому вполне естественно, что в 30-е годы особый подъем в изучении археологии Северной Мексики наблюдается именно в Касас Грандес и его окрестностях.

Первым откликом ученого мира на публикацию Касас Грандес И. Маркина было его исследование в 1929 г. К. Робле [9]. Затем в начале 30-х годов к интересным выводам приходит Г Кэрей [10], занимавшийся вопросами хронологии северомексиканских памятников. Изучив коллекцию К. Лумхольтца по керамике Касас Грандес и открыв несколько южнее Касас Грандес, в Бабикоре, новый двухслойный археологический памятник, он предположил, что, во-первых, Касас Грандес ближе к Юго-Западу США, чем к мезоамериканским цивилизациям Центральной Мексики, и, во-вторых, что самое важное, у него есть своя локальная специфика. В 1932 г. Д. Брэнд [11] завершает работу над докторской диссертацией по исторической географии северо-западного Чиуауа, особо выделив Касас Грандес. Несколько лет спустя, объединив в середине 30-х годов [12] северо-восток Соноры и северо-запад Чиуауа с крайними юго-востоком Аризоны и юго-западом Нью-Мексико (оба — США) в особый культурно-географический район Северная Сьерра [4], он подтвердил прозорливую догадку А. Киддера [6] об относительном культурно-географическом единстве Юго-Запада США и Северной Мексики, т. е. Юго-Запада Северной Америки. Серьезного внимания заслуживает также вышедшая в середине 30-х годов работа Э. Сэйлеса [14], в чьей 7-фазовой хронологической периодизации северо-западного Чиуауа важную роль играл Касас Грандес и родственные ему соседние памятники. Здесь же напечатана своего рода рецензия Х. Глэдвина на Э. Сэйлеса [14, с. 89—105], предлагающего свою концепцию древней истории

---

[3] А. Киддер был одним из первых американистов, поставивших вопрос о необходимости расширения понятия Юго-Запад США до «Юго-Запад Северной Америки» за счет присоединения Северной Мексики.

[4] Правда, еще в 1928 г. М. Амсден [13], завершив разведку 49 памятников Восточной Соноры, предположил, что их восточная часть (24 из северо-восточной Соноры) может, по-видимому, относиться к кругу культуры Касас Грандес.

Северной Сьерры. Обе работы вносят существенный вклад в изучение археологии не только Северной Сьерры, но и Юго-Запада Северной Америки. Это качественно новый, более высокий уровень исследования, пытающегося проследить хронологию развития крупного культурно-экологического района Северной Мексики.

Таким образом, к концу 30-х годов уже был накоплен значительный фактический материал по Касас Грандес с его окрестностями и сделаны первые попытки его интерпретации с привлечением данных из смежных гуманитарных наук. Это, безусловно, способствовало возросшему интересу не только к Касас Грандес, но и к культурному прошлому всей Северной Мексики в целом. К тому же именно в это время (А. Крёбер [15]) появилась возможность с большими, чем прежде (А. Киддер [6]), основаниями обсуждать вопрос об относительном культурном единстве Юго-Запада Северной Америки. Но на дальнейший ход изучения Касас Грандес наложила свой отпечаток Вторая мировая война. Полевые исследования были прерваны [5], хотя аналитическая работа и публикация накопленного фактического материала продолжались. Так, в 1943 г. появляется монография Д. Брэнда [17] по трем вопросам древней истории Северной Сьерры: 1) ее возрасту и ареалу распространения; 2) связям с соседними территориями; 3) культурному уровню.

После войны исследование археологических памятников Северной Мексики продолжилось. К этому времени значительно улучшилась не только методика раскопок и общие знания о хронологии и периодизации археологических памятников Америки, но и существенно вырос уровень интерпретации фактического материала, его связь с важнейшими культурно-историческими проблемами. Казалось бы, самое время продолжить дальнейшее исследование Касас Грандес, но нет — археологи как бы забыли о нем, настолько они были увлечены поисками других интересных, но не столь эффектных памятников прошлого на обширной территории Северной Мексики. Лишь многие годы спустя, начиная с 1958 г. и по 60-е годы, в Касас Грандес проходили первые планомерные широкомасштабные (около 20 га) раскопки под руководством Ч. Ди Песо [1, 18—21]. По значимости и тщательности они могут быть сопоставимы лишь с двумя другими важнейшими исследованиями памятников старины на территории Северной Мексики. Это работы Р. Макнейша в конце 40-х — первой половине 50-х годов в пещерах Тамаулипаса на северо-востоке Мексики [22—24] и раскопки Р. Листера в первой половине 50-х годов пещер по восточным склонам Западной Сьерра Мадре (северо-запад Чиуауа и северо-восток Соноры [25—27]). В результате исследований Ч. Ди Песо были подробно прослежены все этапы развития местной культуры, начиная с собирателей охотников, и сделан вывод о приближении жителей Касас Грандес на заключительном этапе их доколумбовой истории к протогородскому уровню развития. Недавно (в начале 80-х годов) С. ЛеБланк [28] на основании новых археологических данных с территории северного соседа Касас Грандес — культуры Мимбрес на юго-западе Нью-Мексико (США) — аргументированно предложил «омолодить» средний (наиболее развитый) период в истории Касас Грандес.

В результате столетнего исследования этого крупнейшего архитектурного памятника Северной Мексики можно подвести некоторые итоги.

Во-первых, благодаря планомерным и широкомасштабным раскопкам Ч. Ди Песо стало ясно, что истинная ценность Касас Грандес заключается не столько в его неординарной архитектуре (возраст которой исчисляется несколькими столетиями), сколько тем, что, судя по культурным отложениям, он ведет свое начало с собирательско-охотничьих времен и до начала конкисты, тем самым давая уникальную возможность проследить весь путь его исторического развития.

---

[5] Только Дж. Уит [16] успел в 1941 г провести небольшую разведку окрестностей Рамоса на севере долины Касас Грандес.

Во-вторых, будучи местного, «юго-западного» происхождения, но находясь на важном торговом перекрестке между цивилизациями Мезоамерики и менее развитыми культурами Юго-Запада США [6], он оказался под влиянием цивилизаций Центральной и Южной (?) Мексики.

И в-третьих, несмотря на это, он не потерял своей местной специфики, став типичным примером адаптации некоторых мезоамериканских культурных черт к более суровым природным условиям Северной Мексики.

Таким образом, Касас Грандес — это «зеркало» древней истории Северной Мексики с древнейших времен до начала конкисты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Peso C. C.* Archaeology and Ethnohistory of the Northern Sierra // Handbook of Middle American Indians / Eds. Ekholm G. F., Willey G. R. Austin: Univ. of Texas Press, 1966. T. 4.
2. *Bandelier A. F.* The ruins of Casas Grandes // The Nation. Wash. 1890. T. 51. n. 1134.
3. *Lumholtz C.* Unknown Mexico. T. 1, 2. N. Y. 1902.
4. *Hewett E. L.* Les communautes anciennes dans le desert Americain. Geneva. 1908.
5. *Kidder A. V.* The pottery of the Casas Grandes district, Chihuanua // Holmes Anniversary Volume. Anthropology. Essays. Wash, 1916.
6. *Kidder A. V* An introduction to the study of Southwestern archaeology // Yale univ. press. for the Dep. of archeology. Phillys acad., Andover (Mass), 1924.
7. *Noguera E.* Ruinas arqueologicas de Casas Grandes, Chihuahua, Mexico. Serc. de Educac. Publ., Publicaciones. Mexico, 1926. T. 11. № 14.
8. *Marquina I.* Estudio arquitectonico comporativo de los monumentos arqueologicos de Mexico // Contrib. of Mexico to XXIII-rd International Congress of Americanists. N. Y., 1928.
9. *Roble C.* La region arqueologica de Casas Grandes. Mexico, 1929.
10. *Carey H. A.* An analysis of the northwestern Chinuahua culture // AAq. Menasha. 1931. T. 1. № 4.
11. *Brand D. D.* Historical geography of northwest Chihuahua: Doct. diss. Univ. of Calif. Los Angelos. 1932.
12. *Brand D. D.* The distribution of pottery types in northwestern Mexico // AAq. Menasha. 1935. T. 37.
13. *Amsden M.* Archaeological reconnaissance in Sonora // SW Mus. Papers. N. Y., 1928. № 1.
14. *Sayles E. B.* An archaeological of Chihuahua, Mexico // Medallion Papers. Arizona. Globe. 1936. № 22.
15. *Kroeber A. L.* The cultural and natural areas of native North Americans // Univ. of. Calif. Publ. in Archaeol. and Ethnology. Los Angeles, 1939. T. 38.
16. *Wheat J. B.* A double-walled jar from Chihuahua // Kiva. Tuşcon. 1948—1949. T. 14. № 1—4.
17. *Brand D. D.* The Chihuahua culture area // New Mexico Anthrop. Albuquerque. 1943. T. 6. № 3.
18. *Di Peso C. C.* Recent excavations at Casas Grandes (Chihuahua) // Katunob. Arkansas. 1960. T. 1. № 4.
19. *Di Peso C. C.* Casas Grandes, a fallen trading center of the Gran Chichimeca // Masterkey. Santa Fe, 1968. T. 42. № 1.
20. *Di Peso C. C.* Casas Grandes and the Gran Chichimeca // El Palacio. Los Angeles; Berkley. 1968. T. 5. № 4.
21. *Di Peso C. C.* Casas Grandes: a fallen trading center of the Gran Chichimeca // Amer. Foundation Publ. 9. Flagstaff. Arizona, 1974. T. 1—8.
22. *Macneich R. S.* A preliminery report on coastal Tamaulipas. Mexico // AAq. Menasha. 1947. T. 13. № 1.
23. *Macneish R. S.* Preliminary archaeological investigations in the Sierra de Tamaulipas // Tranc. Amer. Philoc. Soc. Philadelphia, 1958. T. 48. № 6.
24. *Macneish R. S.* Archaeological Synthesis of the Sierra // Archaeology of Northern Mesoamerica. HMAI / Eds. Ekholm G. E., Bernal J. Austin: Univ. Texas Press. 1971. T. 11. № 2.
25. *Lister R. H.* Survey of archaeological remains in Northwestern Chihuahua // SW J. Anthr. Albuquerque. 1946. T. 2. № 4.
26. *Lister R. H.* Excavations in Cave Vallyy, Chihuahua, Mexico // AAq. Menasha, 1953. T. 19.
27. *Lister R. H.* Archaeological excavations in the Northern Sierra Madre Occidental, Chihuahua and Sonora Mexico. № 7 Boulder (Colo.) 1958.
28. *LeBlanc S.* The dating of Casas Grandes // AAq. Wash. 1980. T. 45. № 4.

Институт археологии РАН,
Москва

[6] Он находился на севере «западного» культурно-экологического коридора (Западная Сьерра Мадре), по которому шло распространение культурного влияния с юга на север.

Критика и библиография

M.-L. Inizan. Préhistoire à Qatar. Mission archeologique francaise a Qatar. Edition Recherche sur les Civilisations. P., 1988. 242 p.

После выхода в свет в 1967 г. книги датского археолога Х. Капела «Атлас культур каменного века Катара» казалось, что по части исследований каменного века Катару повезло больше, чем соседним регионам Аравийского полуострова. Казалось также трудным в близком будущем превзойти тот источниковый и информационный уровень исследований, который уже достигнут здесь. Однако спустя 10 лет работы были возобновлены французской экспедицией, возглавляемой известным специалистом в области археологии каменного века Ж. Тиксье. Одним из итогов, обобщающим материалы семилетних изысканий экспедиции, и является рассматриваемое здесь монографическое исследование.

Исходными, как уже сказано, были результаты полевых работ Х. Капела. В обобщенном виде они представляли собой схему развития каменного века Катара, состоящую из четырех этапов, охватывающих собой время от палеолита до неолита. Практически все материалы, положенные в основу этой схемы, происходили из местонахождений с разрушенными культурными слоями и были получены сборами с современной поверхности. В этом состояла некоторая изначальная ущербность источников. А интерпретация коллекций существенно затруднялась общей неразработанностью проблематики каменного века Аравийского полуострова. Выйти на качественно новый уровень исследований можно было только через выявление и комплексное многодисциплинарное изучение стратифицированных памятников. Именно с такой новой стратегией исследований приступила к работе французская экспедиция, и нужно сразу отметить, что попытка эта увенчалась полным успехом.

В рассматриваемой книге анализируются материалы пяти новых памятников, открытых и исследованных М.-Л. Инизан. Все они имеют в разной степени сохранившиеся культурные слои и раскопаны на достаточно больших площадях. Раскопки доставили разносторонний материал, который позволяет охарактеризовать, в частности, культурно-хронологическое группирование памятников, тип жилища неолитических рыболовов Восточной Аравии, один из обрядов погребения V тыс. до н. э. В общеисторическом плане археологические находки позволяют ставить такие проблемы, как заселение полуострова Катар и прибрежной полосы стран Персидского залива, эволюция культуры с VI по IV тыс. до н. э., межрегиональные культурные контакты, хронологические и локальные особенности хозяйственных занятий древнего населения Восточной Аравии.

После указанных исследований картина эволюции древнейшей культуры изучаемого региона предстает по-новому и, что очень важно, органично вписывается в общий фон древнейшей истории Ближнего Востока в том виде, каком он сегодня известен науке. Так, все рассматриваемые в книге памятники укладываются в два хронологических этапа, разделенных временем появления убейдской керамики. Граница разделения этих этапов, устанавливаемая радиоуглеродными датировками пяти собственно катарских памятников, а также данными многослойной стоянки Айн Каннас в восточной провинции Саудовской Аравии, лежит примерно в начале V тыс. до н. э. М.-Л. Инизан вполне убедительно опровергает палеолитическую датировку материалов, объединявшихся по схеме Х. Капела в группу А. Обнаружение бифасов в совместном залегании с убейдской керамикой в слоях памятников района Хор (Khor D, Khor F, B и др.) показало ошибочность датировки части старых материалов палеолитом на основе технико-типологических показателей каменных изделий. Исходя их этого по-новому ставится и вопрос о времени заселения п-ова Катар. Памятники с пластинчатой индустрией (например, стоянки 36 и 36H) и датировками более 6 тыс. лет до н. э. и являются теперь индикатором уже не прерывавшегося впоследствии заселения данной территории. Примерно в начале

© Х. А. Амирханов, 1992 г.

V тыс. до н. э. происходит определенная трансформация культуры, фиксируемая переходом от пластинчатой к отщеповой технике, появлением двусторонне обработанных наконечников стрел с черешком и, с другой стороны, убейдской (и по типологии, и по производству) керамики. Говоря другими словами, по полученным археологическим материалам можно утверждать о наложении в начале V тыс. до н. э. на субстратную культуру Восточной Аравии двух новых культурных импульсов, один из которых связан с глубинной территорией самого Аравийского полуострова, а второй — с Южной Месопотамией. Импортный характер убейдской керамики, характер местных по культурному облику кремневых индустрий и особенность погребального обряда, устанавливаемого по единственному пока погребению убейдского времени в Катаре, склоняют автора книги к тому, что наличие здесь южномесопотамских элементов культуры следует объяснять контактами населения и, может быть, обменом, а не притоком сюда нового населения.

Если говорить о хозяйственных занятиях древнего населения Катара, то материалы французской экспедиции и тут вносят определенную конкретность. Можно говорить определенно, что в начале V тыс. до н. э. в Катаре уже сложился особый уклад жизни, базирующийся на морском рыболовстве. Не исключено, что истоки этого типа хозяйства уходят в еще большую древность. Конкретные археологические материалы VI тыс. до н. э. говорят пока об охотничьем хозяйстве на территориях, более или менее отдаленных от побережья Персидского залива.

Ценными являются раскопки жилища рыболовов на стоянке Шагра. Здесь вскрыто удлиненно-овальное основание жилища, выложенное по контуру поставленными вертикально каменными плитами. Жилая площадка разделена поперечной каменной перегородкой на две части. Вход для обеих камер единый. К одной из торцовых сторон жилища с внешней стороны пристроен небольшой подчетырехугольный хозяйственный отсек. Размеры жилища — 3,5×5 м^2. Очаг в пределах самого жилища не зафиксирован. Предполагается, что он находился снаружи.

Для стоянки Шагра получена и абсолютная дата по раковинам морских моллюсков. Она составляет 7520±90 лет назад. Можно вполне присоединиться к сомнениям М.-Л. Инизан относительно достоверности этой даты и считать ее несколько завышенной. Весь археологический материал говорит скорее об одновременности его с теми, которые содержат убейдскую керамику.

Поселение Шагра показывает полное отсутствие керамики при том, что жилище было здесь круглогодичным и рыбная ловля, судя по остаткам ихтиофауны, производилась всесезонно. В этом отражается картина, характерная для Внутренней Аравии, где широко представлена кремневая индустрия, сходная с шагринской, а керамика практически отсутствует.

Выше отмечалось, что исследования неолитических памятников Катара носили комплексный характер. Это отражено и в содержании рассматриваемой книги. В дополнение к основной части текста здесь приводится еще семь самостоятельных статей, посвященных отдельным сторонам преимущественно лабораторных исследований образцов и материалов. Р. Боннефий и Г. Риоле публикуют результаты палинологического анализа образцов из археологических памятников Катара. Статья М. Шоке посвящена определению морских моллюсков. Л. Куртуа и Б. Велде вводят в научный оборот результаты электронного микрозондирования убейдской керамики из Катара. О фауне и роли рыболовства на поселениях Хор Р, Хор F. В и Шагра говорится в статье П. Гехина. Подробное изучение скелета из неолитического погребления в Хоре осуществлено Ж.-Ж. Хюблином, А.-М. Тийе и Б. Вандермеершем. Минералогический и петрографический анализы археологических образцов принадлежат М. Рик де Буар. Включение всех этих статей логично и оправдано самим содержанием общей части книги. Каждая из них вносит свой определенный штрих в палеоисторическую реконструкцию и является при этом относительно самостоятельным исследованием, находящим свое место в специальных разработках соответствующей научной дисциплины.

Результаты названных прикладных работ сжато и строго использованы М.-Л. Инизан и в основном тексте. Это касается заключений об импортном характере убейдской керамики, о всесезонности охоты, геоморфологии и палеогеографии изучаемых памятников, происхождения использовавшегося кремневого сырья и т. д. Приходится, однако, сожалеть, что иногда заключения смежных исследований не очень конкретны (в случае с определением происхождения убейдской керамики), фрагментарны из-за скудости источников (палеоантропологические и палеопедологические данные) или относятся к довольно узкому хронологическому отрезку (палеогеографические реконструкции). Например, если взять палинологические исследования, то их возможности ограничены характером самих памятников. Культурные отложения последних очень слабомощны (почти всегда в пределах 25 см), а многослойные стоянки с представительными разрезами отсутствуют. Но как бы то ни было, такие многосторонние и тщательные исследования служат базой для построения в будущем обширных пространственно-

временных шкал развития исторических и палеогеографических процессов первобытности на территории Юго-Западной Азии.

Что касается собственно археологических исследований, то, конечно, проблемы остаются и здесь. Касаясь, например, одной из рассматриваемых в книге культурно-хронологических групп памятников — группы, предшествующей памятникам с убейдской керамикой, М.-Л. Инизан пишет, что мы до сих пор не знаем ни жилищ носителей этой культуры, ни погребений, ни полного инструментария, ни их происхождения, ни распространенности. Поэтому и главный смысл монографии автор видит не столько в решении основных проблем, сколько в определении больших потенциальных возможностей памятников первобытной археологии Катара для реконструкции древнейшей истории стран Персидского залива и всей Аравии. Соглашаясь с такой установкой, можно отметить, что М.-Л. Инизан удалось не просто открыть новые перспективы преистории Восточной Аравии, но и показать, как этого можно достичь. Открытие целого ряда стратифицированных памятников и их высокопрофессиональное изучение являются большим личным вкладом автора книги в первобытную археологию Аравии. Не менее значительно и то, что на аравийский материал перенесен свойственный для этой исследовательницы высокий уровень технико-типологического анализа кремневых индустрий. Не будет преувеличением сказать, то выход рецензируемой монографии заметно поднимает планку в исследованиях голоценового каменного века Аравии.

Институт археологии РАН,
Москва

Х. А. Амирханов

Хроника

КОНФЕРЕНЦИЯ «СКИФО-СИБИРСКИЙ МИР (СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ)»

(Кемерово, 1989)

Третья Всесоюзная археологическая конференция «Скифо-сибирский мир», посвященная проблематике социальной структуры и общественных отношений населения степной Евразии I тыс. до н. э., была проведена в г. Кемерово 24—26 октября 1989 г. В работе конференции приняли участие более 60 археологов из 24 городов страны, представлявшие научные коллективы Института археологии АН СССР, Гос. исторического музея (Москва), ЛОИА АН СССР и Гос. Эрмитажа (Ленинград), гуманитарных институтов Сибирского и Уральского отделений АН СССР, академий наук Казахской и Узбекской ССР, Института археологии АН ГССР, вузов и краеведческих музеев Барнаула, Днепропетровска, Кемерова, Красноярска, Новосибирска, Омска, Свердловска, Тюмени, Улан-Удэ, Уфы, Челябинска, Елабуги и др. На конференции было заслушано 50 докладов и сообщений, содержание части которых выходило за рамки основной тематики совещания, не снижая при этом к нему интереса и его высокого научного уровня. После официального открытия совещания с докладом «Скифо-сибирский мир — степная скотоводческая цивилизация V—II вв. до н. э.» выступил А. И. Мартынов. По мнению автора, цивилизация — это историческая категория, которая предполагает относительно высокий уровень развития производительных сил и регулярное получение прибавочного продукта. Прежде всего она соответствует классовому обществу, а у некоторых исследователей — той или иной государственной структуре. С цивилизацией связано увеличение плотности населения, выделение правящей социальной прослойки, этническое сплочение, политическая консолидация и самосознание крупных объединений. Ранее цивилизация рассматривалась на примере оседло-земледельческих обществ разного порядка, что, по мнению А. И. Мартынова, является односторонним подходом и не учитывает возможностей получения прибавочного продукта в скотоводческих обществах и обусловленной этим социальной дифференциации и стратификации общества, развития обмена и в конечном итоге становления раннегосударственных образований. Традиционный подход, по словам докладчика, исключал из цивилизации как уровня исторического развития целые регионы мировой истории, в том числе скифо-сибирский и вообще скотоводческий мир, несмотря на достижения, которые он имел. Согласно А. И. Мартынову, основной посылкой возникновения новой скотоводческой цивилизации явился переход к кочевому скотоводству, создавшему возможность интенсифицировать получение прибавочного продукта, который при такой системе ведения хозяйства можно получать легче и в больших количествах, нежели в земледельческих обществах. Отсюда следует развитие ремесла, обмена, установление активных контактов с оседлыми земледельцами, что вело к новому социально-экономическому взрыву. Эти факторы создали возможности для роста численности населения, развития имущественной дифференциации и как следствие появления царей и раннегосударственных кочевнических структур. При организующей роли последних осуществлялось строительство монументальных культовых сооружений типа Салбыкского кургана и оросительных каналов, длина которых достигает у тагарцев 40 км. В соответствии с этим отличительными признаками скотоводческих цивилизаций являются монументальная архитектура погребальных сооружений, монументальное искусство каменных изваяний, пышные и общественно значимые погребения вождей племенных союзов, социально значимое искусство. В то же время усиливаются связи вдоль степей, формируются общие проявления материальной и духовной культуры на огромном их пространстве, отмечаемые как скифская триада. Скифо-сибирское культурно-историческое единство имело характерные для цивилизации особенности: 1) территориальную близость областей в пределах степной Евразии; 2) близость социально-экономического уклада; 3) регулярные торговые, культурные и политические связи вдоль степей; 4) культово-мировоззренческую общность; 5) стратификацию общества и существование в V—II вв. до н. э. ранних государств скифов, саков, в Горном Алтае, верховьях Енисея и Ордосе с определенной сложившейся экономической базой, социальной структурой и идеологией. Эти государства просуществовали 300—500 лет. На рубеже III—II вв. до н. э. с выходом на историческую арену гуннов, усуней и сармат-прохоровцев меняется характер культуры в Южной Сибири, Казахстане, Средней Азии и степях Причерноморья и государственность цивилизации скифо-сибирского мира не достигает уровня расцвета.

Основные положения концепции А. И. Мартынова получили поддержку в докладе К. А. А к и-

© В. А. Могильников, 1992 г.

ш е в а «Социальная стратификация саков», построенном главным образом на анализе материала курганов Бесшатыр, Иссык с привлечением данных Тагискена и других памятников. К. А. Акишев также считает, что при кочевом скотоводстве легче получить прибавочный продукт, чем при орошаемом земледелии. Это создавало предпосылки для быстрого развития социального расслоения и социальной регламентации кочевнического общества. Искусство служило обоснованию сакской государственности, а иссыкская письменность связана с сакской средой, что является дополнительным аргументом в пользу существования кочевнической цивилизации. Большие курганы Бесшатыра и Иссыка принадлежали царям, средние — знати, малые — дружинникам, что отражало социальную стратификацию государства саков.

По вопросу существования кочевнической цивилизации развернулась дискуссия в прениях. Большинство выступавших — Г. Н. Курочкин, К. И. Корепанов, Н. А. Мажитов и др.— поддержали точку зрения о существовании кочевнической цивилизации. Я. А. Шер выразил сомнения в отношении понятия «кочевническая цивилизация», но не привел при этом какой-либо аргументации. Ю. М. Гагошидзе отметил, что скотоводческая цивилизация — это еще не цивилизация, у кочевников нет городов, свойственных цивилизации, а наличие больших курганов еще не говорит о цивилизации. По его мнению, в данном случае понятие цивилизации подогнано под общество, созданное скотоводами. Следует отметить, что при обсуждении вопроса о существовании или отсутствии цивилизации у кочевников необходимо более четко определить критерии понятия «цивилизация», без чего невозможно анализировать данный вопрос с одинаковых исходных позиций и прийти к единому мнению. В связи с этим встает вопрос об определении понятия «город» и роли оседлых поселений, существовавших в некоторых кочевых обществах, например у скифов, меотов, хунну Забайкалья, и отсутствовавших в других, например у сармат, тасмолинцев и др., хотя кочевой скотоводческий уклад существовал в тех и других обществах. Отсюда следует вывод, что само по себе кочевое скотоводство еще не обеспечивает наличия цивилизации. В каждом случае необходим конкретный анализ, из которого становится ясным, что уровень социально-экономического развития разных объединений кочевников был неодинаков, несмотря на существование у тех и других скотоводческого кочевнического базиса.

Ряд докладов был посвящен анализу социальной стратификации общества отдельных культур скифо-сибирского мира. В докладе Т. Н. Т р о и ц к о й «Некоторые вопросы социальной стратификации общества большереченской культуры (V—I вв. до н. э.)» на основе рассмотрения 126 курганов рядового населения констатируется существование большой патриархальной семьи, члены которой могли быть погребены в нескольких расположенных по соседству курганах. Об этом свидетельствует то, что абсолютное большинство центральных погребений являются мужскими. Центральное место занимали захоронения женщин лишь в двух курганах. Отдельные курганы содержали только захоронения мужчин разных возрастов, принадлежавших, вероятно, к одной семье. Среди мужских погребений представлены следующие четыре категории, отражающие различное социальное положение погребенных. 1. Воины-всадники, стоявшие во главе семьи. 2. Погребенные с довольно богатым инвентарем — гривнами, курильницами, иногда с пряслицами, но без оружия. Их социальный статус неясен. В Быстровке I в погребении двух мужчин находились бронзовое зеркало, курильница и другой инвентарь, но не было оружия. 3. Бедные погребения, сопровождавшиеся глиняными сосудами, иногда несколькими наконечниками стрел. 4. Самая многочисленная группа — бедные погребения без оружия, сопровождавшиеся только одним сосудом. При этом надо сказать, что большие «царские» курганы степного левобережья Верхнего Приобья почти не исследовались.

Подобные проблемы анализировались в докладе Н. П. М а т в е е в о й «Опыт выявления социальной стратификации саргатских племен (по материалам Среднего Притоболья)». На основе анализа 120 погребений выделяются три основные социальные группы, коррелируемые с объемом могильных ям и составом инвентаря, и четвертая группа захоронений зависимых лиц, располагавшихся на дне рвов, окружавших курганы. В центральных могилах в отличие от большереченцев были захоронены как мужчины, так и женщины. Половозрастная дифференциация уступает место социальной. Около трети женских захоронений содержит оружие, преимущественно один — пять наконечников стрел. В то же время оружие ближнего боя и оборонительные доспехи в них отсутствуют.

В докладе Ю. С. Х у д я к о в а «Структура военной организации у хуннов» констатируется, что десятичная система организации войска у хунну, элементы которой зародились еще в предшествующее время, свой законченный вид приобрела у монголов Чингисхана. Она была основой организации войска у государств тюркоязычных кочевников I тыс. н. э.

Анализу социальной стратификации населения Кузнецкой котловины эпохи поздней бронзы посвящен доклад В. В. Б о б р о в а «К вопросу о социологическом анализе погребений предскифского времени Кузнецкой котловины». Рассматривая 157 погребений из 22 курганов, содержавших от одного до 17 захоронений, автор приходит к заключению, что в обществе населения ирменской культуры в эпоху поздней бронзы существовали высокоразвитые патриархальные отношения и начала складываться социальная организация, оформившаяся на следующем культурно-хронологическом этапе в военно-демократическую структуру. Об этом свидетельствует расположение в центре курганов погребений мужчин, женские захоронения занимают периферийное положение. Кроме того, под отдельными курганами захоронены только мужчины, что в скифское время получает дальнейшее развитие и может быть связано с захоронениями воинов. Формирование военной общественной организации констатируется также установкой камней-обелисков в отдельных мужских погребениях андроновско-ирменского ареала Западной Сибири и Восточного Казахстана, в которых можно усматривать идеологический прототип оленным камням. Захоронения со столбами и обелисками в Кузнецкой котловине почти не выделяются инвентарем, но отличаются большими размерами могильных ям. В Журавлево IV, кроме того, в изголовье лежал череп медведя, а трое погребенных в центре кургана мужчин были заключены в более сложную деревянную конструкцию.

Ряд докладов был посвящен анализу генезиса, мировоззрения и звериного стиля населения скифо-сибирского мира, в том числе семантике погребального ритуала и связанных с ним каменных изваяний.

В докладе «Горные храмы саков» Я. А. Ш е р проанализировал культовый смысл наскальных рисунков типа Саймалы-таш, Жалтырак-таш в связи с расположением их вблизи древних караванных путей, в примечательных и труднодоступных местах, таких, как горные перевалы, ущелья и пр., где проходили моления, приносились жертвы и производилась выбивка петроглифов.

Доклад Г. Н. К у р о ч к и н а «Евроскифская и тагарская социальные модели» рассматривает интересную проблему различий социальной структуры, идеологических представлений, констатируемых различиями в составе погребального инвентаря, в частности в снабжении погребенных оружием. По мнению автора, для образа жизни и идеологии европейских скифов характерен ярко выраженный милитаризм, который был обусловлен рядом исторических обстоятельств, связанных с постоянными войнами, которые вели скифы,— древневосточные походы, война с местными племенами Северного Причерноморья после завершения переднеазиатского этапа скифской истории, скифо-персидская война, грабежи и набеги, взимание дани. У европейских скифов оружие встречается почти во всех мужских погребениях. При этом чем богаче погребение, тем больше оно содержит оружия, тем оно разнообразнее и совершеннее. Источники фиксируют наличие у скифов дружины в «царском» окружении. С милитаризмом скифского общества связаны религиозные представления — культ меча, человеческие и конские жертвоприношения как элемент погребального обряда, сцены борьбы зверей и терзания в искусстве и т. д. Политическая власть у скифов принадлежала военной верхушке, а жречество находилось от нее в определенной зависимости. В отличие от этого археологические материалы рисуют постепенную демилитаризацию общества тагарской культуры и усиление в нем идеологических и теократических элементов. Погребения воинов с полным набором оружия (топоры или чеканы, кинжалы, наборы стрел) встречаются в основном только в раннетагарскую эпоху VIII—VII вв. до н. э. Позднее количество наконечников стрел, как наиболее распространенного оружия, в тагарских погребениях постепенно сокращается, что хорошо прослеживается на материалах полностью раскопанных, хронологически следующих друг за другом могильников Ягуня, Серебряково и Тисуль, локализующихся в отрезке VI—III вв. до н. э. В первом из них на 450—500 погребенных приходится 102 стрелы, во втором на такое же число погребенных — 57 стрел, а в Тисуле на тысячу погребенных — 7 стрел (из них три — в теле покойников). Во всех трех могильниках найдено всего 45 кинжалов. В тагарских погребениях отсутствуют наконечники копий и оборонительный доспех. В наиболее монументальных и богатых погребениях среднего этапа тагарской культуры оружия нет. Постепенно исчезают топоры, характерные для раннего этапа, на смену боевым чеканам приходят декоративные. В то же время усиливается идеологизация и теократизация представлений, распространяется мумификация, наложение масок, перемещение костей в склепах. Данное явление автор объясняет двумя обстоятельствами: оттоком в VIII—VII вв. до н. э. социально активной части общества на запад в общем потоке военных походов и перемещений этого времени и последующим отсутствием у тагарцев серьезной внешней опасности. Мнение Г. Н. Курочкина оригинально и интересно, но не является бесспорным. В прениях Я. А. Шер отметил интерес доклада Г. Н. Курочкина. Б. Н. Пяткин указал, что к трактовке деталей погребального ритуала надо подходить не с точки зрения состава оружия и его количества, а обращать внимание на семантически значимые вещи, отражающие социальный статус погребенных. По мнению Б. Н. Пяткина, семантически значимыми могут быть необычные вещи, например нагайка, а кинжалы к таковым не относятся, являясь обычной вещью. Отсутствие копий в погребениях тагарцев может объясняться спецификой ритуала, поскольку изображения этого вида оружия есть на енисейских петроглифах данного периода. На наш взгляд, оценка нагайки как семантически значимой вещи вряд ли правомерна. В прошлом она была обычной принадлежностью любого воина-всадника и скотовода-пастуха. Кинжал семантически более значим. Находки остатков нагаек преимущественно в богатых погребениях объясняются их дополнительной дорогой декорировкой, отсутствовавшей у рядовых общинников, из-за чего в их погребениях нагайки не обнаруживаются.

В докладе «К вопросу о семантике кургана Аржан» Л. С. М а р с а д о л о в анализирует конструкцию этого памятника в связи с космогоническими представлениями оставившего его общества, интерпретируя ее как своеобразную модель мира древних кочевников Центральной Азии. Насыпь его ассоциируется с небесным сводом, средняя часть, деревянная конструкция и погребения — со средним миром, подстилающий грунт и ниже — с нижним миром. Наблюдается горизонтальная четырех-восьмичленная структура кургана с выделением четырех секторов по странам света и четырех промежуточных секторов с противостоянием восточной и западной частей при преобладании восточной. С восточной стороны кургана расположено более 300 округлых каменных выкладок, которых нет с западной стороны. Автор считает возможным связать восточный сектор кургана Аржан с весенним периодом, периодом возрождения жизни. Наибольшее число захороненных коней (90) находилось в восточной части кургана, что, возможно, отражало астральную символику и соответствовало 3 месяцам, а общее число захороненных в кургане лошадей (160+15—20 хвостов под полом центральной камеры — всего около 180) равняется периоду около полугода. Поскольку курган Аржан сооружен в сентябре, что установлено методами дендрохронологии, приплюсовав к этому времени полгода, получим, что год у кочевников Саяно-Алтая начинался в марте, возможно, в день весеннего равноденствия. Автор проводит мысль, что курган Аржан является одним из наиболее ранних памятников, где опредмечена идея «конь равен дню». К такого рода курганам относятся также Ульский VI—V вв. до н. э. и кург. 19 у станицы Воронежской V—IV вв. до н. э. в Прикубанье, а также некоторые другие памятники. Точка зрения автора представляет несомненный интерес, хотя и является дискуссионной.

В докладе «„Центры" и „периферия" в раннем скифском зверином стиле степей Евразии» Е. В. Переводчикова отметила, что на раннем этапе выделяются два основных центра формирования скифского звериного стиля — Прикубанье на западе и Тува и Центральный Казахстан на востоке. Лесостепное Приднепровье при наличии ранних образцов скифского звериного стиля показывает элементы воздействия со стороны Прикубанья. Из Прикубанья основные особенности скифского звериного стиля распространялись на периферию и постепенно утрачивали свою специфику. Тагарское искусство сложилось при непосредственном участии карасукского искусства, образ «скифского оленя» является не местным и появляется в V в. до н. э., эволюционируя в дальнейшем в сторону уменьшения выразительности изображений. Скифское искусство в период своего расцвета в раннескифское время внедрилось в тагарскую среду, но не было понятно до конца тагарцам, которые не были кочевниками, и постепенно сходило у них на нет.

В докладе «К вопросу о семантике каменных изваяний Евразийских степей» Л. Н. Чурилова считает, что нет твердых оснований рассматривать каменные статуи как надмогильные памятники. Связь статуи с погребением была более опосредованной в силу социально-психологических особенностей общества, взгляда древнего человека на могилу как на место, где совершается круговорот жизни. Изваяние, стоящее на кургане, могло нести представления о мировом дереве, символе жизни, связывать небо и землю. Семантика статуй во вторичном использовании, зарытых в насыпь кургана, связана с представлением о посмертном существовании души, воплощении ее в новорожденного члена рода. После воплощения души в новой телесной оболочке исчезала необходимость в существовании ее каменной оболочки и статую погребали, разбивали и т. д. Автор признает гипотетичность своих представлений и правильно отмечает, что вопросы семантики каменных изваяний необходимо изучать в связи с исследованием миросозерцания древнего человека.

Общим вопросам экономического базиса кочевников Приуралья и Казахстана был посвящен доклад А. Д. Таирова «Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников Урало-Казахстанских степей в начале I тыс. до н. э.». Автор фиксирует маршруты кочевий населения Урало-Казахстанских степей и приходит к выводу, что оформление ареалов савроматской, тасмолинской и сакской культур связано с маршрутами кочевий носителей этих культур. К маршрутам перекочевок были приурочены также торговые пути, что вполне естественно, поскольку вдоль них располагались водные источники, колодцы и пр.

В нескольких докладах ставились вопросы происхождения культур скифо-сибирского мира и культурно-этнических контактов. Проблема происхождения прохоровской культуры рассматривалась в докладе А. Г. Гаврилюка в аспекте контактов с сакским миром Казахстана и Средней Азии. Докладчик допускает возможность распространения круглодонной тальковой керамики у прохоровцев также от саков, ссылаясь при этом на находку в одном из курганов с усами круглодонного сосуда с примесью талька и с характерным для Зауралья орнаментом в виде резных свисающих треугольных фестонов. Единичность этой находки делает это объяснение неубедительным. Распространение круглодонной керамики с примесью талька в савроматской и прохоровской культурах относятся за счет контактов с Зауральем, однако в отношении их содержания возможна различная интерпретация. Появление круглодонной тальковой керамики у савромат и ранних прохоровцев Приуралья М. Г. Мошкова объясняет проникновением в их среду лесостепного зауральского населения гороховской культуры [1, с. 47—51]. Однако в этот период, в середине I тыс. до н. э., прослеживается давление степных этносов на население лесостепи по всему степному поясу Евразии, и предположение о противоположном движении гороховцев из лесостепного Зауралья в савромато-раннесарматскую среду представляется нам маловероятным. Скорее всего появление и распространение круглодонной тальковой керамики у савромат и ранних прохоровцев в конце VI—IV в. до н. э. объясняется периодическими глубокими проникновениями их в зауральскую лесостепь во время летних перекочевок и возникавшими при этом контактами с населением гороховской и иткульской культур, в свою очередь воспринявших, особенно это касается гороховцев, ряд раннесарматских черт в культуре. С таким объяснением согласуются находки тальковых круглодонных сосудов прежде всего в группе богатых погребений бассейна р. Урал по верхнему и среднему течению р. Илек [2, с. 147]. Как известно из этнографии, богатые семьи имеют более обширный ареал кочевания и в силу этого, а также ряда других социально-экономических факторов бо́льшую вероятность контактов с другими этническими группами. Представители знати чаще вступали в брачные связи со знатью других этносов. Подобная ситуация могла быть при взаимоотношениях савромато-сарматского и зауральского лесостепного населения.

Взаимосвязи населения лесостепи Верхнего Приобья рассматривались в докладе Ю. П. Алехина «К вопросу культурно-этнических связей, социальной организации и идеологии носителей большереченской культуры». По нашему мнению, докладчик несколько преувеличивает воздействие на большереченцев тагарцев и сармат. На преувеличение связей с сарматами указал в прениях также А. Д. Таиров. Контакты с пазырыкцами Алтая и саками Казахстана отмечены автором в основном верно.

Характер продвижения лесного населения с крестовой керамикой в северную лесостепь и на юг таежной зоны и взаимоотношений его с населением лесостепи анализировался в докладе В. А. Могильникова «Взаимоотношения лесного и лесостепного населения в эпоху перехода от бронзового века к железному». Исходным районом продвижения этого этноса в Среднее Прииртышье и в Верхнее Приобье было Сургутское Приобье. Продвижение на юг шло не фронтально, а преимущественно небольшими группами. В лесостепь Верхнего Приобья и Среднего Прииртышья пришло уже население, смешавшееся с местным южнотаежным этносом. При этом почти все поселения с крестово-волнистой керамикой приурочены на юге их ареала к вдающимся в лесостепь лесным массивам, к которым был адаптирован их культурно-хозяйственный тип.

Исследование параллелей некоторых сюжетов угорской и иранской мифологий проведено В. Б. Шиным в докладе «Об использовании данных мифологии при изучении социального

строя народов Сибири в древности». Он усматривает генетическую связь между образами иранского Митры и Мир-Суснэ-Хума, небесного всадника угорской мифологии. Истоки возникновения параллелей в образах иранской и угорской мифологий обоснованно относятся к раннему железному веку, когда ирано-угорские контакты фиксируются также археологическим и лингвистическим материалом.

Возражение в прениях вызвала попытка Д. Н. Ермоленко представить одну из функций бронзовых котлов как сосудов для приготовления кумыса в сообщении «К вопросу о назначении скифских котлов». Медь быстро окисляется, и сосуды из нее не могли использоваться для сбраживания этого напитка.

Новые данные по погребальному обряду кула-жургинской культуры и их социальной интерпретации были изложены в докладе А. С. Васютина и З. С. Самашева «Пространственная структура погребальных сооружений могильника Курук I (к вопросу о социальной атрибуции погребенных)». Могильник Курук I является единственным полностью исследованным некрополем кула-жургинской культуры в Восточном Казахстане. В планиграфии его прослежено увеличение размеров погребальных сооружений от южной к северной части, где сконцентрированы наиболее крупные курганы и кольцевидные выкладки, что при относительной одновременности памятника авторы связывают с социальными различиями погребенных и, возможно, их различным этническим происхождением. По предварительным наблюдениям, устанавливается связь возрастного состава погребенных с определенными конструкциями погребальных сооружений и их локализацией на площади памятника. Детские захоронения образуют особую группу на центральном участке могильника и имеют восточную ориентировку, отличную от ориентации большинства погребенных.

Различным аспектам культуры скифо-сибирского мира и их социальной интерпретации были посвящены также доклады А. П. Бородовского, А. М. Буровского, А. В. Варенова, М. А. Илюшина, С. С. Тихонова, Л. В. Топорковой. А. П. Бородовский, анализируя технологию изготовления орудий, предметов быта и украшений из кости, пришел к выводу о возможном существовании в скифо-сибирском обществе ремесленников-косторезов. С. С. Тихонов указал, что для достоверности социальных реконструкций необходимо использовать материал полностью раскопанных памятников. Для проведения палеоэкономического анализа необходимо знать количество населения, оставившего данный памятник, и длительность его существования. При пользовании статистическими методами при выделении отдельных социальных групп необходимо определять степень погрешности для обеспечения достоверности.

Вопросам увязки археологических и этнографических материалов были посвящены доклады Е. Г. Васильевой и Н. В. Комаровой. Е. Г. Васильева сообщила об использовании в Гусиноозерском дацане, на его центральной площади, оленного камня в качестве золотой коновязи — «алтын сэргэ» для коня бурхана в периоды его приезда из Монголии, а также об обрядах с использованием коня золотистой масти, проводившихся у этого камня до начала 30-х годов нашего века. Н. В. Комарова в докладе «Реминисценции звериного стиля в некоторых атрибутах бурятских шаманов» сопоставила подвески с зооморфными изображениями костюма бурятских шаманов с мотивами скифского и даже луристанского звериного стиля. Однако следует отметить, что такие подвески отливались из меди мастерами коми-зырянами из Ижмы и русскими в Тобольске для продажи сибирским аборигенам, служили украшениями костюма у хантов, ненцев Нижней Оби и в большом количестве найдены среди инвентаря хантыйско-ненецких погребений XVIII—XIX вв. могильника Халас-Погор около Салехарда [3]. Попадали они также в Восточную Сибирь и Забайкалье [4], где могли использоваться бурятскими шаманами в качестве атрибутов культовых действий. В свете такого происхождения этих вещей увязывать их с скифским звериным стилем представляется весьма проблематичным; для таких отделенных увязок необходима разработка соответствующих критериев и методов археолого-этнографических сопоставлений с указанием промежуточных этапов генезиса.

На совещании был заслушан также ряд информационных докладов. Это сообщение Г. Б. Здановича о раскопках Аркаима, укрепленного поселения XVII—XVI вв. до н. э. на Южном Урале, результаты исследования которого являются крупнейшим открытием в деле изучения эпохи бронзы Урало-Казахстанских степей, резко расширяющим наши представления об уровне культуры того периода. Ю. Ф. Кирюшин сообщил о раскопках Алтайским университетом памятников майэмирского и пазырыкского времени в зоне проектируемого строительства Катунской ГЭС. К интересным находкам относится бронзовое зеркало с ручкой в виде верблюда и декорированный кинжал. Об исследовании памятников афанасьевской культуры, скифского и гуннского времени в той же зоне сообщалось в докладе В. Д. Кубарева и Д. В. Черемисина. Е. Е. Филиппова рассказала об изображениях колесниц на плитах карасукского могильника Хара-Хая. Результаты многолетних раскопок в Грузии царского дворца II в. до н. э. Дедоплис-Миндори были доложены Ю. М. Гогашидзе. Результаты изучения курганов I—V вв. и городища XII в. в Ташкентской обл. и прослеженные при этом культурные связи были освещены в докладе М. Р. Тихонина. Раскопки кургана подгорновского этапа в с. Аскиз в Хакассии охарактеризованы А. В. Ковалевым.

В целом совещание было хорошо организовано и прошло интересно. Несмотря на некоторый дефицит времени, в прениях был обсужден ряд вопросов. В то же время совещание выявило ряд проблем, которые продолжают оставаться дискуссионными. К их числу относится проблема существования и специфики «кочевнической цивилизации», своеобразия погребального ритуала и генезиса отдельных культур скифо-сибирского мира, давняя проблема связей восточных и западных частей ареала скифо-сибирских культур в предскифское и раннескифское время и др. Материалы совещания опубликованы в двух сборниках тезисов [5].

Институт археологии
РАН, Москва

В. А. Могильников

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мошкова М. Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974.
2. *Таиров А. Д., Гаврилюк А. Д.* К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры//Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988.
3. *Могильников В. А.* Элементы древних угорских культур в материале хантыйского могильника Халас-Погор на Оби//Археология и этнография Башкирии. 1964. Т. II.
4. *Окладников А. П.* Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея//СА. 1950. Т. XIII.
5. Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Кемерово, 1989. Ч. I—II.

IV НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В. Д. БЛАВАТСКОГО (Москва, 1990)

23—24 февраля 1990 г. в Институте археологии АН СССР проводились очередные чтения по античной истории и археологии, посвященные памяти выдающегося советского исследователя проф. Владимира Дмитриевича Блаватского. Широта научных интересов Владимира Дмитриевича, его обширное творческое наследие, в котором получили отражение самые разнообразные вопросы эллинской и римской культур, обусловили тематическое разнообразие докладов, прочитанных на конференции.

В вступительном слове директор Института археологии АН СССР акад. В. П. Алексеев отметил, что В. Д. Блаватский принадлежал к тому небольшому числу ученых с энциклопедическими знаниями, которые были способны охватить в своих исследованиях изучаемый предмет целиком и продвинуть изучение истории античного мира сразу во многих направлениях. Владимир Дмитриевич был гуманитарием в самом широком смысле этого слова. Он обладал теми чертами человеческого характера, которые делали его не только выдающимся ученым, но и неповторимой личностью, навсегда оставшейся в памяти тех, кто его знал. Поражают масштабы сделанного Владимиром Дмитриевичем, умевшим удачно сочетать полевую экспедиционную работу и чисто научную деятельность. Творческое наследие В. Д. Блаватского — это более 300 опубликованных работ, в которых органически сливаются данные истории и археологии; его исследования базируются на превосходном знании древних языков. При всем этом Владимира Дмитриевича отличало эстетическое видение античной культуры. Наконец, Владимир Дмитриевич сумел создать вокруг себя особый интеллектуальный климат. Его облик стал для учеников и последователей образом настоящего ученого, беззаветно преданного науке. В. Д. Блаватский в отечественном антиковедении является «самостоятельной вершиной» такого же масштаба, как М. И. Ростовцев.

С докладом «Кто изобрел греческую фалангу?» выступил Ю. В. Андреев (Ленинград). Докладчик отметил, что в научной литературе нет единого мнения относительно времени и места становления греческой фаланги. Автор, анализируя данные письменной традиции («Илиада» Гомера, элегии Тертея и др.), археологические свидетельства (в частности, предметы вооружения в архаических погребениях, свинцовые вотивные фигурки середины VII в. до н. э. и др.), детально рассматривая сюжеты в архаической чернофигурной вазописи, приходит к заключению, что, видимо, реформа в боевой тактике воинского строя происходит в конце VII — начале VI в. до н. э. в Спарте, что имело следствием не только серьезные изменения в военной и политической сферах, но и повлекло за собой социально-экономическую (земельную) реформу спартанского общества.

Доклад Н. А. Фроловой (Москва) «Ранние монеты Пантикапея VI—V вв. до н. э.» был посвящен исследованию раннебоспорского чекана, как бесспорно пантикапейского, и монет с изображением муравья и с легендой «АПОЛЛ», атрибуция и интерпретация которых вызывает разногласия. Критикуя классификацию боспорских монет, предложенную недавно В. А. Анохиным, привлекая широкие аналогии, Н. А. Фролова делает вывод, что монеты с изображением муравья представляют собой мельчайший номинал пантикапейского серебра, функционировавший вплоть до появления в чеканке этого полиса медной монеты. Серебряные монеты с легендой «АПОЛЛ» докладчица рассматривает в качестве храмовой чеканки Пантикапея (связанной с культом Аполлона).

В своем докладе «Римское влияние на материальную культуру Херсонеса в I—III вв. н. э.» В. И. Кадеев (Харьков) отметил, что ранее в научной литературе прослеживалась тенденция принижать значение влияния Рима на культуру северопричерноморского региона. Однако по мере расширения раскопок, в частности в Херсонесе и на его хоре, становится все более очевидным, что традиции, находящие многочисленные аналогии в восточноримских провинциях, имели широкое распространение и на периферии античного мира. Далее докладчик остановился на подробной характеристике и сопоставлении архитектурных построек (термы, театр, водопровод), строительных приемов и материалов, керамики, металлических изделий, стекла, украшений и т. п. В результате автор приходит к выводу, что политическая зависимость Херсонеса, наличие здесь воинского гарнизона и широкие экономические связи обусловили масштабность и глубину римских влияний на материальную культуру этого северопричерноморского города.

Н. В. Анфимов (Краснодар) на основе памятников лапидарной эпиграфики, а также мелкой культовой пластики рассмотрел в своем докладе «О культах Гермонассы» вопрос о существовании

© И. А. Емец, 1992 г.

в различное время в этом античном центре ряда культов (Аполлона Врача и Дельфиния, Афродиты Алатуры, Артемиды, Деметры, Зевса Сотера, Диониса, Геракла, Посейдона, Бога Высочайшего).

Широта научных интересов В. Д. Блаватского, его стремление понять не только само античное общество, но и взаимоотношения древнего грека или римлянина с окружавшей его природой обусловило появление специальных исследований по палеоэкологии. Эта сторона творчества Владимира Дмитриевича привлекла внимание ученых неисторического профиля. В частности, продолжая исследования В. Д. Блаватского, А. А. Никонов (Москва) осветил проблемы палеосейсмологии Восточного Крыма и Тамани. Комплексные исследования археологических материалов позволяют, по его мнению, установить серию землетрясений (IV—III вв. до н. э., 63 г. до н. э., III в. н. э., VI в. н. э.).

В докладе В. П. Яйленко (Москва) «Псевдоэпиграфика Северного Причерноморья» было замечено, что в последнее время увеличилось число неудачных, по мнению докладчика, эпиграфических работ, связанных с историей Северного Причерноморья. Далее В. П. Яйленко рассмотрел подобные примеры прочтения некоторых памятников керамической и лапидарной эпиграфики, предложенные Ю. Г. Виноградовым. Докладчик указал, что исторические выводы, делаемые на основании некорректного прочтения этих надписей, необходимо отвергнуть.

Доклад В. М. Зубаря (Киев) «Римско-боспорская война и Херсонес» был посвящен анализу политических взаимоотношений Рима с государствами Северного Причерноморья в I в. до н. э.— I в. н. э. Привлекая данные как письменной традиции, так и нумизматики, исследователь установил, что римский контроль над Херсонесом осуществлялся через Мезию, боспорские территории контролировались через провинцию Вифиния Понт.

Н. В. Молева (Белгород) прочитала сообщение «О культовой принадлежности китейского зольника», осветив результаты 20-летних раскопок. Хронологические рамки существования этого памятника, в основе которого лежит алтарь — эсхара, определяются второй половиной V в. до н. э.— концом IV в. н. э. Анализируя остатки культовых сооружений разного времени, состав вещевых находок, Н. В. Молева делает заключение, что здесь прослеживаются традиции, имевшие отношение к почитанию культов огня, солнца и домашнего очага. Аналогии им можно проследить как у скифов, так и в античном мире. Интересно, что зольные алтари, связанные с очистительной функцией огня, получили распространение только на Европейском Боспоре. По существу они были полифункциональны, но главным образом отражали идею плодородия (основную массу находок терракотовых статуэток составляют фигурки женских божеств — Деметры, Коры, Афродиты, Кибелы, а также мужских божеств, символизировавших животворящие силы природы,— Гермеса, Силена, Эрота).

А. В. Дмитриев (Новороссийск) в докладе «Изображение Геракла и кентавров на чаше из Новороссийского музея» рассказал о вновь обнаруженном памятнике греческой торевтики, опубликованном прежде Б. В. Фармаковским. Исследователь считает, что на серебряной чаше, представляющей рельефное изображение битвы греков с кентаврами, одним из персонажей является Геракл. По мнению А. В. Дмитриева, данный сюжет заимствован с одного из монументальных памятников античной архитектуры — наиболее вероятный прототип — одна из метоп Парфенона.

Е. А. Молев (Белгород) остановился на вопросе «О хронологии правления последних Спартокидов». На основании анализа памятников лапидарной эпиграфики и нумизматических данных предпринята попытка пересмотреть последовательность правления боспорских царей во II в. до н. э.

С. Ю. Сапрыкин (Москва) ознакомил участников конференции с результатами совместного с И. А. Барановым (Симферополь) исследования надписи из Судака, найденной в 1986 г. и датированной концом II — началом III в. н. э. Прежде всего был поднят вопрос о западных границах Боспора этого времени, для чего привлекались также данные других надписей и находки кладов боспорских монет. Отмечая, что в надписи из Судака встречаются имена негреческого происхождения (выходцев с Азиатского Боспора), и опираясь на сведения о победе Савромата II в последней четверти II в. над сираками, С. Ю. Сапрыкин предположил, что указанный боспорский правитель в своей войне на западе государства со скифами опирался на этот контингент. Вероятно, западные границы Боспора простирались вплоть до Аюдага.

Н. П. Сорокина (Москва) в докладе «Интерпретация одной группы сосудов из стекла (к истории Северного Причерноморья I в. н. э.) отметила, что в I в. н. э. Северное Причерноморье включается в орбиту римского влияния, что влечет за собой усиление интенсивности экономических и прочих контактов с римскими провинциями. Изучая только одну группу —выдувных (в форму) сосудов с рельефными украшениями, определяя ареал их распространения, Н. П. Сорокина приходит к выводу о том, что следует отвергнуть традиционное представление о происхождении этих вещей как вышедших из мастерских Сирии. Наиболее многочисленные и полные аналогии упомянутым находкам из Северного Причерноморья имеются среди материалов раскопок в Закавказье, особенно в Армении.

В. А. Латышева (Харьков) рассказала о «Терракотах из раскопок поселения „Маслины"». Большая часть находок связана с домашними святилищами. Преобладают фигурки Деметры и Коры (последняя четверть IV в. до н. э.), что отражает земледельческий характер местного хозяйства. Автор проанализировала также семантическое назначение изображений крылатого юноши в плаще. Рассматривая существующие точки зрения на эти статуэтки, она считает, что подобные изображения Эрота связаны как с погребальным, так и с земледельческим культом. Можно предполагать, что терракотовые фигурки голубей, являвшихся одним из атрибутов Афродиты и менад (?), также, возможно, выполняли определенные функции в земледельческих культах. На поселении кроме названных найдены еще две жанровые статуэтки — изображения молодых женщин («танагра»).

В. Н. Розов (Сочи) охарактеризовал «Новые находки привозных монет на территории Азиатского Боспора». Докладчик фиксирует находки в городах и на сельских поселениях Тамани монеты Кизика

(конец VI—V в. до н. э.), Синопы (середина V в. до н. э.), Родоса (III—II вв. до н. э.), Афин (II в. до н. э.), Ольвии (V в. до н. э.), Феодосии (IV в. до н. э.) и Херсонеса (IV в. до н. э.).

Е. Р. Крестова (Москва) прочитала доклад «Схема социальной дифференциации античного общества в концепции Сен-Круа». Сен-Круа — известный французский ученый-антиковед, рассматривающий историю античного мира с позиций марксизма. Его выводы вызывают большой интерес у специалистов.

Доклад С. В. Дьячкова (Харьков) «Боспорский царь в римской политике в Северном Причерноморье I в. до н. э.— III в. н. э.» характеризует взаимоотношения верховной власти Боспора и Рима, предпринимая попытку реконструировать положения союзного договора государств: римский контроль над наследованием боспорского престола династией Тиберием Юлиев; институт заложничества; культ римских императоров, верховным жрецом которого выступает боспорский царь; включение воинского контингента с Боспора в римские вспомогательные войска (римские подразделения на Боспоре присутствуют лишь эпизодически); денежные субсидии боспорским правителям. По мнению докладчика, до второй половины III в. н. э. Боспору отводилась роль «посредника» между империей и варварами, что позволяло более эффективно использовать римские силы на обширном лимесе.

Ф. И. Тер-Мартиросов (Абовян) в докладе «Царские династии Армении Ервандиды — Аруантиды и Ервандиды — Оронтиды» охарактеризовал события в Армении в 163—165 гг. в свете находок новых эпиграфических источников.

Доклад А. А. Зедгенидзе (Севастополь) «Становление херсонесского полиса» был посвящен вопросу о времени основания Херсонеса Таврического и выделению структурных элементов, положенных в его основу. Вопреки мнению, высказанному Ю. Г. Виноградовым и М. И. Золотаревым, она полагает, что нет достаточных оснований удревнять дату выведения колонии Гераклеи Понтийской. Автор придерживается традиционной датировки, предложенной некогда С. А. Жебелевым (около 422/421 гг. до н. э.). Далее докладчица соотнесла выделенные ею элементы структуры раннего полиса с теоретическими рекомендациями, высказанными Платоном и Аристотелем. Было отмечено, что при основании Херсонеса использовался огромный опыт греческой колонизационной практики (регулярная планировка городских кварталов, правильное размежевание хоры и др.).

В своем сообщении О. Д. Чевелев (Керчь) рассказал о раскопках 1989 г. на горе Хрони, где были вскрыты погребения в склепах, перекрытые плитами, первой половины V в.— рубежа II—I вв. до н. э. В погребениях найдены многочисленные и разнообразные предметы погребального инвентаря (керамическая тара, посуда, украшения, предметы вооружения).

В. Ю. Зуев (Ленинград) ознакомил участников конференции с результатами своего исследования «Скифского логоса Геродота». Структурный анализ текста, по мнению докладчика, в целом позволяет выявить сюжетный стержень «скифского рассказа» Геродота, его источники. Только подобный анализ дает возможность использовать сведения «отца истории» как полноценный источник.

Сообщение Н. Ф. Федосеева и В. Н. Зинько (Керчь) «Исследование курганно-грунтового некрополя в Керчи в 1989 г.» было посвящено характеристике погребальных памятников Пантикапея IV—III вв. до н. э., содержащих весьма разнообразный и интересный материал.

А. В. Буйских (Киев) в докладе «Некоторые аспекты изучения херсонесской дорики» коснулась этапов развития ордерной архитектуры в этом античном центре. По мнению докладчицы, она появляется здесь не ранее первой половины IV в. до н. э. Причем ордерная архитектура импортировалась в колонию в том виде, в каком она имелась в метрополии в то время. Поэтому самые ранние ордерные постройки в Херсонесе должны иметь позднеклассическую форму. Далее процессы в ее развитии в Херсонесе и Греции шли синхронно. Подобная тенденция прослеживается и в других древнегреческих колониях Северного Причерноморья.

Н. Г. Новиченкова (Ялта) выступила с сообщением «Новые данные о таврском святилище в Крыму», в котором остановилась на истории этого культового памятника, функционировавшего с эпохи неолита — энеолита до позднего средневековья. Из наиболее интересных находок последних двух лет докладчица отметила бронзовую статуэтку Ареса, глиняную статуэтку сидящей собаки с калафом на голове, головку от такой же грубой антропоморфной статуэтки, железный сарматский кинжал рубежа н. э., египетские фаянсовые бусы и т. д. Среди подъемного материала встречена серебряная с позолотой статуэтка Тюхе без головы.

А. П. Мартемьянов (Харьков) прочитал доклад «О пахотных орудиях земледельцев Фракии и Нижней Мезии в первые века н. э.». На основании имеющихся источников докладчик пришел к выводу, что главную роль в земледелии в этот период играли рала различных конструкций (бороздящие, пахотные). Из нововведений выступавший отметил появление отвальных устройств.

Л. Г. Шепко (Донецк) посвятила свое выступление теме «Этнические контакты Боспора с Южным Понтом в первые века н. э.». Одним из проявлений таких контактов был приток малоазийских переселенцев на Боспор в рассматриваемое время. Причем они оседали не только в крупных центрах, но и на сельских поселениях, свидетельством чему могут служить грунтовые склепы с коллективными захоронениями у с. Фронтовое, появление которых докладчица связывает с малоазийским влиянием.

Ю. П. Зайцев (Симферополь) в докладе «Домашние культы греков в Неаполе Скифском» высказал предположение, что греки на этом поселении могли занимать отдельный квартал вблизи центральных ворот. Из этого района происходит большое число терракот II в. до н. э. В ряде случаев находки совпадают с жилыми комплексами, где также встречены фрагменты красной расписной штукатурки, а в стенах сделаны ниши, которые могли использоваться для культовых целей. Внутри помещений отмечены терракотовые изображения Афродиты, Тюхи(?), глиняные алтарики и курильницы. В зольнике, расположенном в этом же районе, наряду с уже упомянутыми найдены терракоты, передающие образ Деметры, Коры — Персефоны и Кибелы.

Е. Я. Туровский (Севастополь) осветил вопрос «Денежный кризис в Херсонесе в середине IIй в. до н. э.». По его мнению, он связан с военным давлением скифов, что негативно сказывалось на экономике Херсонесского государства. Кризис нашел выражение в уменьшении веса монет, чеканке мелких номиналов, прекращении серебряного чекана. Докладчик отметил, что в это же время наблюдается монетный кризис в Ольвии и на Боспоре.

С. Ю. Власюков (Москва) в докладе «К вопросу о статусе Дельф в Этолийском союзе», основываясь на эпиграфических источниках, пришел к выводу, что Дельфы в состав союза официально не входили.

П. В. Шувалов (Ленинград) остановился на теме «Археологическая периодизация крепостей лимеса в Нижнем Подунавье». Использовав для хронологических определений массовые находки монет V—VI вв., автор затронул проблему корреляции сообщений письменных источников о событиях в этом районе с археологическими данными.

В. В. Коршунков (Киров) в сообщении «Афинский ареопаг на общегреческом фоне» отметил ошибочность представлений об уникальности для греческого мира такого государственного института, как афинский ареопаг. По мнению докладчика, он развился из совета знати гомеровского периода и был типичен для государств архаической эпохи с аристократическим строем. Однако и позднее сходные институты существовали на Крите, в Коринфе, Аргосе, Массалии.

Всего на конференции было заслушано более 30 докладов, наиболее интересные из них предполагается опубликовать. Следующие Чтения памяти В. Д. Блаватского намечено провести в 1993 г.

Институт археологии РАН,
Москва

И. А. Емец

VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ФИННО-УГРОВЕДОВ
(археологическая проблематика)
(Дебрецен, 1990)

VII Международный конгресс финно-угроведов работал 27 августа — 1 сентября 1990 г. в Венгрии, в г. Дебрецене. В нем приняли участие 888 ученых из 23 стран Европы, Азии и Америки. Были представлены различные отрасли финно-угроведения: лингвистика, археология, антропология, этнография, история, фольклористика, литературоведение, ономастика и искусствознание. По археологической проблематике на секциях «Археология», «Этнические контакты и процессы», «Верования, религия, мифология», «Общественная и территориальная история» и «Народное искусство» было прочитано 46 докладов. Кроме того, 3 доклада были вынесены на пленарные заседания.

Среди выступлений, освещавших древнейшую историю финно-угров, несомненный интерес представляет доклад венгерского исследователя Я. Маккая (Будапешт) «Новые аспекты относительно индоевропейской и уральской/финно-угорской прародин. Контакты и границы между Балтикой и Уралом в неолите», несмотря на значительную спорность некоторых положений, содержащихся в нем. Докладчик исходит из положения, что индоевропейская и уральская языковые общности должны быть отнесены к верхнему палеолиту. В раннем неолите в Европе отчетливо выделяются три древние группы индоевропейцев: 1) степной ареал между Днепром и р. Урал, где получила распространение ямная культура, носители которой составляли индоиранскую этноязыковую общность; 2) центральноевропейский ареал (севернее Альп, между Сеной и Днепром) — территория культуры ленточной керамики, племена которой идентифицируются с древнеевропейской общностью, выделенной Г. Краэ; 3) карпато-балканский ареал — культурно-историческая общность Караново — Старчево — Кереш, носителями которой были протогреки и протофракийцы. Что касается анатолийцев и армян, то они находились в Передней Азии.

Юго-западную часть Европы в это время занимали еще доиндоевропейские племена — палеосредиземноморское население. Севернее ареала культуры ленточной керамики, между Везером и нижним течением Даугавы, включая Ютландию и Южную Скандинавию, жили тоже неиндоевропейцы (культура эртеболле). Земли Северо-Восточной Европы (восточнее Вислы и севернее Припяти и далее до Уральских гор), как полагает докладчик, принадлежали финно-угорской общности (культуры гребенчатой керамики и нарвско-неманская).

Контакты древнеевропейцев с финно-уграми начались в период активности племен культуры воронковидных кубков, а широкое расселение племен культуры шнуровой керамики привело к формированию на части финно-угорского ареала балтов. К этому периоду относится проникновение в финно-угорскую среду значительного числа индоевропейских языковых элементов, фиксируемых в особенности в прибалтийско-финских языках.

Длительное воздействие индоиранцев, позднее — собственно иранцев имело место в более восточных областях ареала финно-угров со стороны населения древнеямной, катакомбной и срубной культур, а также в скифское время. Иранское лингвистическое проникновение касалось в основном пермской и угорской групп.

Около 2000 г. до н. э. началась экспансия индоиранцев в азиатские земли. В результате они дифференцируются на индоарийцев, восточноиранскую и западноиранскую группировки. Докладчик полагает, что уральско-протосамодийское население, жившее восточнее Уральских гор, испытало не

© В. В. Седов, 1992 г.

общеиндоевропейское влияние, а имело контакты с иранцами и тохарами. Уральская же общность, по мнению Я. Маккая, должна быть отнесена к плейстоцену и локализована в регионе Урала и Западной Сибири.

П. В е р е ш (Будапешт) в докладе «Финно-угорская прародина» привел новые палинологические подтверждения в пользу локализации первоначальной территории уральской языковой общности вблизи Урала (включая бассейн Камы) и в соседних областях Западной Сибири. Еще не дифференцированные предки финно-угров и самодийцев проживали здесь в мезолите — раннем неолите. Сравнительно однородная неолитическая археологическая культура этого региона охватывала несколько ландшафтно-климатических зон.

Культурная и этническая дифференциация уральской общности и расселение ее отдельных групп, как полагает докладчик, начались около 2500 г. до н. э., в условиях формирования различных культурно-хозяйственных типов в неодинаковых ландшафтных зонах, при серьезном похолодании в начале суббореального времени. В частности, этногенез древней угорской группировки протекал в западно-сибирской лесостепи вблизи Урала.

Скептическое отношение к попыткам определить место прародины уральской языковой общности было высказано Л. К л и м а (Будапешт) в докладе «Основы критики теорий уральской прародины». Построения докладчика носили теоретический характер. Он утверждал, что культурная и антропологическая прародина не должна покрывать языковую. Существующие гипотезы о локализации прародины уральской общности (Волго-Камье, Польско-Окский регион или Уральско-Западносибирский) не могут быть надежно обоснованы; территории прародины в разное время могли меняться в зависимости от культурно-хозяйственных и климатических условий, а также в связи с миграциями населения. Языковые материалы не дают ответа на вопрос, в какое время и в каком именно регионе сформировалась та или иная лексика.

Большая серия выступлений была посвящена угорской проблематике и тесно связанным с ней вопросам археологии самодийских племен.

В докладе Л. А. Ч и н д и н о й (Томск) «Этапы этнокультурных процессов в Западной Сибири» утверждалось, что самодийский этнос в этом регионе представлен кулайской культурой, а угорские племена — саргатской. Однако имевшие место миграции нередко приводили к образованию более или менее крупных полиэтнических регионов, с середины I тыс. н. э. ощущается существенное влияние тюркских племен. В Томско-Нарымском регионе на основе племен кулайской культуры формируется южносамодийская группа (предки селькупов), с этой же культурой связан генезис самодийцев Алтая и Верхней Оби, а позднее — самодийцев на Саянах. Из племен саргатской культуры вышли предки мадьяр и северных хантов. На Иртыше на угро-самодийском субстрате складывается подчевашская культура, на основе которой в конце I тыс. н. э. формируются южные ханты. В результате миграции угров на запад образуется кушнаренковская культура.

Доклад Л. Н. К о р я к о в о й (Свердловск) «Взаимодействие культур лесостепного междуречья Иртыша и Тобола в эпоху бронзы и в раннем железном веке» был интересной попыткой разобраться в культурных и этнических контактах, как маргинальных, так и внутрирегиональных, внутри древнего угро-самодийского массива крупного региона Западной Сибири. Н. П. М а т в е е в а (Тюмень) в своем выступлении «К этнокультурной истории Западной Сибири в раннем железном веке» охарактеризовала кашинскую группу памятников, занимающую лесное Зауралье и подтаежное Тоболо-Ишимье и датирующуюся второй половиной I тыс. до н. э. — первой половиной I тыс. н. э. Исследовательница утверждала, что эти древности образуют отдельную культуру — кашинскую, которая испытала влияние со стороны саргатских племен и в меньшей степени ананьинского, пьяноборского и мазунинского населения. Носители рассматриваемой культуры — ветвь угров, может быть древние манси, поскольку традиции ее продолжаются в юдинских, петрогромских и макушинских памятниках.

Состоянию изученности древностей неолита и бронзы Западной Сибири в связи с ранней историей финно-угорского этноса был посвящен доклад В. И. М а т ю щ е н к о (Омск), озаглавленный «Отношение памятников неолита и бронзы Западной Сибири к финно-угорской этнической общности». Автор попытался показать, что культурные признаки, характеризующие финно-угорскую общность, ретроспективно прослеживаются в Западной Сибири до эпохи неолита и, таким образом, могут быть выявлены истоки формирования этой общности.

В докладе И. Ф о д о р а (Будапешт) «Язык и культура в древней истории венгров» много места было уделено вкладу тюркских племен в культуру и язык венгров. Вместе с тем докладчик затронул и вопросы предыстории этого этноса. Вслед за советскими археологами И. Фодор считает, что угорская общность датируется II — началом I тыс. до н. э. и локализуется в регионе Уральских гор, Оби, Иртыша и Ишима. Это были охотники и рыболовы таежной и (отчасти) лесостепной зон. В конце бронзового — начале железного века угорская общность разделилась на две части: обско-угорскую и южноугорскую (степи и лесостепь Западной Сибири), которая испытала влияние со стороны соседних ираноязычных племен и овладела новой формой хозяйственной жизни — номадизмом. Около середины I тыс. н. э. часть южной угорской группировки мигрировала на запад, какое-то время проживала между Волгой и Уралом, на территории современной Башкирии. С этого времени предки венгров находились в теснейших контактах с тюрками, в том числе и с волжскими болгарами. Около 800 г. предки венгров расселяются на Дону, где проживают среди населения Хазарского каганата и находятся в тесных отношениях с тюркоязычными племенами. Отсюда через южнорусские степи венгры продвинулись в Карпатскую котловину. Средневековые авторы иногда причисляли венгров к тюркам, как полагает докладчик, из-за их кочевого быта.

Проблема миграции венгров из Западной Сибири в Паннонию была объектом анализа и А. В. Р а с т о р о п о в а (Пенза). В докладе «К проблеме формирования венгров» он соглашается с теми

археологами, которые считают, что основой этого этноса была какая-то часть населения саргатской культуры. В гуннскую эпоху часть этой популяции переселилась в бассейн р. Сылва, а другая группа осела в Волго-Камье, где формируется кушнаренковская культура. А. В. Расторопов полагает, что южная часть последней группировки вошла в состав населения Хазарского каганата, продвинувшись к югу, а другая часть вместе с неугорским населением расселилась севернее — между Верхним Доном и Волгой; она известна в письменных источниках под этнонимом буртасы. В землях мордвы этот этнос известен под именем мещера, или мишари (IX—XI вв.). Только юго-западная часть венгерских племен с Дона переселяется в западном направлении, осев около 895 г. в Паннонии.

Древности угорских и самодийских племен, проникавших в районы Среднего Поволжья, были рассмотрены Е. П. Казаковым (Казань) в докладе «Взаимодействие уральских племен с населением Волжской Болгарии». В VIII—X вв. это были племена, представленные штампо-гребенчатой (кушнаренковско-каряякуповская культура) и гребенчато-шнуровой (ломоватовская и поломская культуры) керамикой. С XI в. обширные области Урало-Поволжья заселяют племена — носители постпетроградской гребенчато-шнуровой посуды. В золотоордынский период уральские этнические группы подверглись тюркизации и мусульманизации, однако еще в XIV в. фиксируются остатки угров (чияликская культура). О контактах волжских болгар с уграми имеются известия в письменных источниках.

В докладе «Серебро Великой Венгрии» Н. В. Федорова (Свердловск) исследовала серию художественных изделий из серебра IX—X вв., происходящих из Прикамья, Северного Урала и Нижней Оби и имеющих аналогии в Дунайской Венгрии. Анализ сюжетов, композиций и изобразительных приемов позволил докладчице говорить о едином центре изготовления рассматриваемых изделий, которому был свойствен собственный художественный стиль, выработанный на основе согдийских и самаркандских прототипов. Этот производственный центр находился в Великой Венгрии, которая большинством исследователей локализуется на территории Башкирии. Он стал истоком формирования паннонского стиля, представленного в памятниках венгров времени освоения Подунавья многими изделиями из серебра — яркими элементами венгерской культуры конца IX—X в.

В выступлении Б. Кюрти (Сегед, Венгрия), озаглавленном «Заметки к реконструкции древневенгерской одежды X в.», изучались варианты мужской и женской одежды и элементы ее украшений, восстанавливаемые на основе археологических раскопок венгерских могильников X в., в частности могильника Альде. В результате детального анализа устанавливается близость венгерского костюма к одежде финно-угорского населения Поволжья и Прикамья, известной по данным археологии и этнографии.

Для изучения тюрко-угорских контактов и вопроса о вкладе тюрок в культуру и генезис угорских племен представляют интерес доклады Г. С. Мартыновой (Кемерово) — «Начало гуннской эпохи в Южной Сибири» и Б. Б. Овчинниковой (Свердловск) — «Реконструкция погребального обряда VI—X вв. тюрков Южной Сибири». Венгерский историк А. Барта (Будапешт) в докладе «Культуры и религии степей (VIII—X вв.)» обратил внимание на то, что роль тюркских и тюрко-иранских племен в политической и культурной истории Юго-Восточной Европы была более значительной, чем это показывается в научной литературе. Тюркское население Юго-Восточной Европы активно участвовало в развитии международной торговли, а его протогородские поселения Итиль, Саркел и Тмутаракань вместе с Волжской Болгарией оказали существенное воздействие на развитие культуры и торговли Древней Руси.

В докладе Б. И. Васильева и Г. И. Сергеевой (Москва) «Следы пребывания угров и самодийцев на территории Дагестана» шла речь о том, что военно-политический союз гуннов, существовавший в V—VI вв. на Северном Кавказе, не был гомогенным в этническом отношении. Среди населения этого государственного образования были также угры и самодийцы, вышедшие из Иртышской лесостепи. Некоторые элементы погребального обряда гуннских памятников Северного Кавказа сопоставимы с западносибирскими (кулайская и среднеиртышская культуры). Следы проживания угров и самодийцев обнаруживаются и в этнонимике Северного Кавказа.

В двух докладах затрагивались вопросы, связанные с изучением финно-угорской общности. Антрополог Р. Я. Денисова (Рига) в докладе «О генезисе финно-угров» утверждала, что формирование уральской расы (по В. В. Бунаку), которая занимает основное место в этногенезе древних финно-угров, относится к мезолиту — раннему неолиту. Это было евразийское метисное антропологическое образование, сложившееся в условиях контакта европеоидного и монголоидного населения. Новые палеоантропологические материалы из памятников ямочно-гребенчатой керамики характеризуют древние финно-угорские племена Восточной Европы как метисный антропологический тип, образовавшийся при взаимодействии пришедшего из Сибири монголоидного и местного европеоидного населения. В выступлении А. П. Журавлева (Петрозаводск), озаглавленном «Предки древних финно-угров в энеолите Восточной Фенноскандии, Урала и Поволжья», была приведена краткая характеристика культур финального энеолита: асбестовой керамики, мадлонской с пористой керамикой, чайновтинской, волосово-гарино-борской, а также уральских. Активизация волосово-гарино-борских племен, по мысли докладчика, способствовала развитию контактов в обширном ареале, представленном названными культурами, и формированию финно-угорской общности на широкой территории от Восточной Фенноскандии до Урало-Сибирского региона.

В следующей большой группе докладов активно обсуждались вопросы археологии и средневековой истории финноязычного населения Среднего Поволжья и Прикамья. Р. Д. Голдина (Ижевск) в докладе «Взаимодействия финно-пермских археологических культур Прикамья с другими этносами в эпоху железа» сосредоточила внимание на контактах между различными этносами, в условиях которых развивались пермские племена. К периоду бронзы — раннего железа относятся активные контакты их с иранским миром, а на Северном Урале — с уграми. В эпоху великого переселения

народов фиксируются активные связи пермского населения с уграми (харинская культура); проникают в Прикамье и славяно-балтские культурные, а может быть, и этнические элементы. Во второй половине I тыс. н. э. финноязычное население Камского региона испытало воздействие со стороны угорского (кушнаренковская и петрогромская культуры) и поволжско-финского населения, в особенности из Волжской Болгарии. В начале II тыс. н. э. продолжались тесные контакты с болгарами, а с запада распространяется влияние славянской и западнофинских культур. Все эти контакты имеют существенное значение в изучении этногенеза пермской общности, особенно — выделившихся из нее этнических группировок.

В докладе К. И. Корепанова (Елабуга) «О влиянии культуры скифо-сарматского населения на ананьинскую культурно-историческую общность» были рассмотрены предметы вооружения, украшения, принадлежности одежды и др. из ананьинских памятников VIII—III вв. до н. э., принадлежащие к скифским типам. Выясняется, что влияние скифо-иранской культуры на древнепермские племена фиксируется не только в материальной культуре, но и в экономике, социальных отношениях, искусстве и мировоззрении. Докладчик утверждает, что воздействие скифо-иранцев стимулировало развитие культуры и быта ананьинского населения. Л. С. Розанова и Н. Н. Терехова (Москва) в докладе «Связи археологических культур Волго-Камья и Северного Кавказа по металлографическим данным» исследовали наборы технологических приемов, характерные для железообрабатывающего дела ананьинской культуры, и указали на значительное сходство его с черной металлургией кобанских племен Северного Кавказа. Сделан вывод о том, что источником технологических знаний ананьинского населения был Кавказский металлургический центр, и в данном случае имело место переселение с Северного Кавказа, из области расселения кобанских племен, какой-то группы населения в Волго-Камье, она и принесла сюда традиции обработки железа.

К. А. Смирнов (Москва) в докладе «Контакты населения Волго-Окского междуречья в I тыс. до н. э.—I тыс. н. э.» проанализировал взаимоотношения племен дьяковской культуры с населением ананьинской и пьяноборской культур, с одной стороны, и с западными соседями, проживавшими на территории Смоленщины и Белоруссии,— с другой. В. С. Патрушев (Йошкар-Ола) в выступлении «Истоки марийско-мерянского родства» попытался показать, что население ахмыловской культуры X—VI вв. до н. э. составляло древнюю общность, из которой вышли раннесредневековые мари, мурома и меря. Этнической ситуации, связанной с проникновением в конце V — начале VI в. н. э. в Камско-Волжский регион племен именьковской культуры, был посвящен доклад П. Н. Старостина (Казань) «Нижнее Прикамье в середине I тыс. н. э. ». Докладчик охарактеризовал культуру местного финноязычного населения, которое принадлежало к потомкам пьяноборских племен. Пришлое население существенно разнится по своей культуре и связано с Поднепровьем.

Этногенез коми-зырян был объектом рассмотрения Э. А. Савельевой (Сыктывкар) в докладе, озаглавленном «Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья». Согласно представлениям докладчика, первый этап формирования этого этноса соответствует ванвиздинской культуре (VI—X вв.), сложившейся на основе гляденовских древностей, при участии пришлых групп населения с юга. На втором этапе (XI — XIV вв.) складывается культура перми вычегодской, носителями которой были прямые предки коми-зырян. Эта культура испытала заметное влияние со стороны Древней Руси и Волжской Болгарии.

В докладе Т. К. Ютиной (Ижевск) «Направление и характер культурных контактов населения Среднего Прикамья в эпоху средневековья» рассматривалось развитие верхнеутчанской и чумойтлинской культур (южноудмуртская этническая группировка) в связи с контактами их носителей с соседними группами населения. В середине I тыс. н. э. фиксируются связи с именьковско-романовскими и кушнаренковскими племенами, в V—IX вв.— с племенами поломской, неволинской, ломоватовской и бахмутинской культур, в IX—XV вв.— с Приуральем, Волжской Болгарией и западными финнами, в XIII—XIV вв.— с тюркскими племенами Нижней Камы и Башкирии. Выступление Н. А. Лещинской (Ижевск) «Особенности и этническая интерпретация средневековых памятников бассейна р. Вятки» было посвящено взаимоотношениям волжско-финских и пермских племен в этом регионе. С V в. н. э. здесь распространяется еманаевская культура, сложившаяся на базе локального варианта пьяноборской. Носителями ее была западная группа древних удмуртов. Уже в IV—V вв. археологически фиксируются контакты с мари. В связи с русской колонизацией начинаются инфильтрация в бассейн р. Вятка поволжско-финского населения и отлив еманаевского населения на Чепцу.

Интереснейшая коллекция резных изделий из кости с памятников чепецкой культуры исследовалась М. Г. Ивановой (Ижевск) в докладе «Зооморфная резная кость чепецких городищ IX—XIII вв.». Было продемонстрировано, что эти предметы связаны с уральским духовным миром и культом и пополняют наши знания о пермском зверином стиле. Орнаментация глиняной посуды из памятников ванвиздинской культуры стала объектом анализа Н. Н. Чесноковой (Сыктывкар) в докладе, озаглавленном (правда, неконкретно) «Декоративно-прикладное искусство раннего средневековья на европейском Северо-Востоке». В выступлении И. В. Белоцерковской (Москва) «Могильник Кораблино и его место в культуре рязанско-окских могильников» в научный оборот вводились новые материалы, полученные при раскопках могильника второй половины I тыс. н. э. Рязанского Поочья. В докладе Н. И. Шутовой (Ижевск) «Общее и особенное в погребальном обряде финноязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья XVI—XIX вв.» содержался обстоятельный анализ погребальных древностей удмуртов, мордвы, коми и марийцев. Автор подчеркивает бытование в это время еще языческих традиций, выделяет элементы тюркского влияния, намечает некоторые региональные особенности. Все это имеет существенное значение для решения этногенетических вопросов и стыковки археологии с этнографией.

Два доклада были целиком посвящены проблеме славяно-финских отношений. В. В. Седов

(Москва) в докладе «Височные кольца поволжско-финских племен» классифицировал и картографировал различные типы височных колец, происходящих из раннесредневековых памятников муромы, мери, марийцев и населения, оставившего рязанско-окские могильники. Появление этих украшений в финских древностях Среднего Поволжья во всех случаях отражает влияние славянского населения. Выступление Л. Д. Макарова (Ижевск) «Взаимодействие славянской и финно-угорской культур в Камско-Вятском междуречье» было построено на археологических и исторических данных. Начало контактов славян с финноязычным населением рассматриваемого региона определяется X—XI вв., когда он стал областью интересов Новгорода и Ростова. Во второй половине XII — начале XIII в. здесь появляются русские переселенцы, и финское население со временем славянизируется. В 1489 г., когда Вятская земля вошла в состав Московского государства, в этом регионе еще сохранялись поселения вятских удмуртов.

В докладах А. В. Богачева (Свердловск) — «Новые материалы к этнокультурной карте Среднего Поволжья накануне образования Волжской Болгарии» и Г. Ф. Сулеймановой-Валеевой (Казань) — «Проблема салтовской культуры в изучении генезиса культур народов Среднего Поволжья» рассматривались вопрос о раннем тюркском населении Волго-Камья и ситуация, связанная с тюрко-финским взаимодействием. Г. Н. Клюева (Ижевск) свое выступление «Социально-демографическая характеристика населения чегандинской культуры. Методы демографических реконструкций» посвятила результатам демографического анализа, выполненного на основе могильных памятников одной из культур раннего железного века Прикамья.

Несколько докладов было посвящено археологии прибалтийско-финского региона. В интересном докладе «От финно-угров к прибалтийским финнам» Э. Ю. Тыниссон (Таллинн) утверждал, что в III тыс. до н. э. Прибалтика и территория Финляндии принадлежали к особой финно-угорской группировке, из которой позднее вышли прибалтийские финны и саамы. Выделение последних обусловлено значительным культурным и языковым воздействием германцев и балтов на ту часть этой древней общности, которая и стала прибалтийскими финнами. Влияние индоевропейцев (культура ладьевидных топоров, культура могильников с каменными ящиками) первоначально локализуется в западной зоне прибалтийско-финского ареала (предки эстов, ливов и суоми), а в его восточной части в культуре и экономике преобладали черты, сопоставимые с волжско-финским и саамским регионами. Формирование восточной части прибалтийско-финских племен (води, корелы, веси, ижоры) происходило только в конце I — начале II тыс. н. э., в условиях контактов со скандинавами и славянами, при участии западных группировок прибалтийских финнов.

Характеристике двух зон прибалтийско-финского ареала, существенно различающихся в культурном отношении, был посвящен доклад С. К. Лаул (Таллинн), озаглавленный «Прибалтийские финны и их соседи (по данным сопоставления древних погребальных памятников)». В западной зоне (Финляндия, Эстония и Северная Латвия) в конце бронзового — начале раннего железного века получают распространение каменные могильники, исходные формы которых находятся в Скандинавии. Начался процесс выделения эстов, ливов и западных финнов из общего массива прибалтийских финнов. Обусловлено это было контактами с балтами и северными германцами. В восточной зоне таких памятников нет, во второй половине I тыс. н. э. здесь распространяются песчаные курганы и сопки. Восточная группа прибалтийских финнов развивалась в иной культурной ситуации, во взаимодействии с поволжскими финнами и с поздними контактами с индоевропейцами.

Датировка и типология ранних каменных могильников Эстонии и Юго-Западной Финляндии стали объектами анализа в выступлении В. Ланга (Таллинн) «Формирование ранних каменных могильников на восточном побережье Балтийского моря». Исследователь утверждал, что такие могильники появились в рассматриваемых землях во второй половине предримского периода и получают широкое распространение в раннем римском периоде.

Я. Я. Граудонис (Рига) в докладе «Финские и балтские племена на территории Латвии в эпоху бронзы» рассмотрел этническую ситуацию II — начала I тыс. н. э. Финские племена этого времени представлены культурой ямочно-гребенчатой керамики, а балты — культурой шнуровой керамики. Территориальное соприкосновение этих этносов, характеризующихся разными культурами и неодинаковыми хозяйственными традициями, вызвало сложные процессы, которые завершились в начале I тыс. до н. э. формированием двух этнокультурных зон: северной (финской) и южной (балтской). Полоса, разграничивающая эти зоны, находилась в Средней Латвии. Доклад В. Я. Шумкина (Ленинград) «Саамы, лопь, лопари: проблемы этнокультурной идентификации» был посвящен этногенезу саамов. Исследователь полагает, что этот этнос начал формироваться в Лапландии и соседних землях Северной Европы еще в финальном палеолите и развивался в арктических условиях в изоляции. Расцвет культуры саамов приходится на период ранних металлов. На рубеже II и I тыс. до н. э. ощущается импульс с востока, что проявляется в керамике, рисунках на камнях и в духовной жизни. В дальнейшем наступает упадок. Фенны Тацита должны идентифицироваться с саамами. Лопь русских летописей — отдельная саамская группа. Если саамы Лапландии были бродячими охотниками и рыболовами, то лопари Онежско-Ладожского региона были знакомы с земледелием.

В выступлении А. И. Саксы (Ленинград) «Финляндия и Карелия в позднем железном веке» речь шла о культурных изменениях VII—VIII вв. в Юго-Западной Финляндии и освоении Ладожской Карелии в эпоху викингов переселенцами с запада, что было обусловлено развитием международных путей и пушной торговли. С. И. Кочкуркина (Петрозаводск) в докладе «Карельская и вепсская народности эпохи средневековья. Историко-культурные контакты со славянским и финно-угорским миром» показала, что в средневековье Юго-Восточное Приладожье, Восточное Прионежье и Белозерье были заселены различными группами веси, каждая из которых имела свой путь исторического и культурного развития. Особенностью культуры корелы является ее развитие в

условиях взаимодействия с другими этносами. Центральное место в контактах с корелой и весью занимали связи с Ладогой и Новгородом, что положительно отразилось на подъеме культуры и социально-экономическом развитии этих племенных группировок. Доклад В. К. Труммал (Тарту) «Некоторые результаты раскопок средневекового города Тарту» был посвящен археологии этого поселения. Анализируя итоги многолетних раскопок города, исследователь обратил внимание на черты в планировке и строительном деле, общие с северонемецкими городами; рассмотрены были также торговые связи Тарту с Западной Европой.

Двум культовым камням с рисунками, обнаруженным в бассейне Северной Двины в Вологодской обл., был посвящен доклад И. Ф. Никитинского (Вологда) «Языческое святилище у д. Тиуновской». Докладчик интерпретировал рисунки на большом камне как изображения бога-громовика, богини и бога с ветвями, бога на олене, мирового дерева и т. п. Он полагает, что рисунки отражают мифологическое понимание мира. Памятник, по мнению И. Ф. Никитинского, принадлежит финно-славянскому языческому населению. Среди рисунков есть кириллическая надпись (XIV—XVI вв.). В конце XVI в. культовый камень был «крещен» посредством изображений рисунков христианских крестов.

Несколько докладов касалось духовной жизни и изобразительного искусства и имеет широкое значение для всего финно-угроведения. Выступление А. И. Мартынова (Кемерово) «Древнейшие памятники финно-угорского изобразительного искусства в Сибири» посвящен был Томской и Новороманов ской писаницам. Сюжетные и стилистические особенности их, как показал докладчик, обнаруживают близость с произведениями художественного литья финно-угорского круга. Личины сердцевидной формы, изображения журавлей и совы, а также образы летящего оленя-солнца и антропоморфного существа с колотушкой по своей мифологической направленности связаны с финно-угорским миром. Петроглифы на Томи, заключает докладчик, должны быть отнесены к древнейшим памятникам финно-угорского культурно-исторического круга в зоне контактов с индоиранским миром.

В докладе Л. И. Ашихминой (Сыктывкар) «Реконструкция модели мира у населения Северного Приуралья в эпоху бронзы и раннего железа» речь шла о находках раннеананьинского времени, идентифицируемых с «древом жизни» как процессом цикличности природы. Такие находки, как полагает докладчица, связаны с миграциями и отражают влияние ираноязычных народов. Л. В. Чижова (Москва) в докладе «Заметки к проблеме реконструкции мировоззрения по археологическим данным» предложила общую схему построения миропонимания древних финно-угров.

А. Х. Халиков (Казань) выступил с докладом «Развитие археологического знания в области уралистики и финно-угроведения за 1960—1990 гг.». В нем были кратко охарактеризованы научные центры СССР, Финляндии и Венгрии, в которых велись археологические изыскания по ранней истории и культуре уральских племен и народов в период между I и VII Международными конгрессами. В. А. Кананин (Ижевск) в докладе «Преподавание курсов уралистики в Удмуртском гос. университете (1985—1990 гг.)» информировал участников конгресса о лекционных курсах по важнейшим вопросам финно-угроведения и удмуртской истории и филологии, читаемых на историческом и филологическом факультетах Удмуртского университета, и о создании информационного банка научных данных по этой проблематике.

Институт научной информации по общественным наукам АН СССР подготовил и издал к конгрессу обзоры литературы и научных результатов, полученных в различных отраслях уралистики за последние 5 лет [1]. Раздел по археологии был написан автором настоящей рецензии [2]. Тезисы докладов и изложение выступлений на пленарных заседаниях были изданы к началу работы конгресса в трех выпусках [3—5].

Очередной VIII Международный конгресс финно-угроведов состоится в 1995 г. в Финляндии.

Институт археологии
РАН, Москва

В. В. Седов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Problems of Uralistics. Contributions to the 7th International Congress of Finno-Ugrists. Debrecen, August 27 — September 2, 1990. V. I, II. Moscow, 1990.
2. *Sedov V.* Archeology of the Uralic peoples//Problems of Uralistics. V. II.
3. Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. 1A. Sessiones plenares dissertationes. Debrecen, 1990.
4. Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum 2A. Summaria dissertationum. Linguistica. Debrecen, 1990.
5. Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. 2B. Summaria dissertationum. Ethnologica et folklorica, literaria, historica, archaeologica et anthropologica. Debrecen, 1990.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград
АЭМК — Археология и этнография Марийского края
БКИЧП — Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода
ВА — Вопросы антропологии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры
ГИМ — Гос. исторический музей. Москва
ГМИИ — Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва
ГЭ — Гос. Эрмитаж. Ленинград
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.-Пг.
ЗРАО — Записки русского археологического общества. СПб.-Пг.
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.-Пг.
ИСОАН — Известия Сибирского отделения АН СССР
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
КБИ — Корпус боспорских надписей/Под ред. акад. В. В. Струве. М.: Наука, 1965
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАЕСВ — Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР — Материалы по археологии России. СПб.-Пг.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
НА ИА АН СССР — Научный архив Института археологии АН УССР
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет археологической комиссии. СПб.-Пг.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников. Москва, Ленинград
СЭ — Советская этнография
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. М., Л.
ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете
AA — American Anthropologist
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
AJA — American J. of Archaeology. New York
AM — Mitteilungen des Deutschen Archaologischen Instituts. Athenische Abteilung
AmA — American Antiquety. Menasha; Solt Lake City
AP — Archeologia Polski. Warszawa
AR — British Archaeological Reports. Oxford
BCH — Bulletin de correspondance hellenique. Paris
CAn — Current Anthropology
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
CGE — Les ceramiques de la Grece de l'Est et leur diffusion en Occident. Paris-Naples, 1978
IOSPE — Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini
JHS — J. of Hellentic Studies. London
MSW — Materialy staroz'ytne i wczeshosredniowieczhe
PZ — Praehistorische Zeitschrift. Berlin, Leipzig
RA — Revue archeologique. Paris
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*
Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 17.10.91 Подписано к печати 07.02.92 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл. печ. л. 24,7 Усл. кр.-отт. 67,4 тыс. Уч.-изд. л 29,1 Бум. л. 9,5
Тираж 2703 экз. Зак. 2052 Цена 3 р. 60 к.

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.Телефон 124-34-42
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В Научно-производственной фирме «ИНТЕРДИСК» разработана оригинальная система управления иерархическими базами данных для персональных компьютеров типа IBM PC СУИБД ARLTree, дополненная предикатными связями и средствами графики.

Накопление огромного количества описаний археологических памятников приводит к необходимости использования достижений современной микроэлектроники для хранения, анализа и обработки документальной информации, полученной в ходе раскопок. До настоящего времени это сдерживалось достаточно сложной структурой информации данных по археологическим памятникам, делающей малоэффективным использование в документальной археологии распространенных СУБД типа dBase, Foxbase, Paradox и др. Более того, наличие пространственных отношений между элементами сложных археологических систем не позволяет ограничиться созданием простых иерархических описаний.

Сотрудниками ИА АН СССР создана модель описания материалов раскопок погребальных памятников «Tumulus» (эпоха неолита — средневековье). Основу описания составили разработки московских и киевских археологов по формализации данных о захоронениях в степных курганах и грунтовых могильниках. Модель совмещает в себе свойства ИПС и исследовательской базы данных:

— рассчитана на максимально полное многоуровневое описание памятников (более 700 показателей включены в 33 таблицы, распределенные по 6 ярусам иерархического дерева);
— предполагает возможности дальнейшего расширения описаний пользователями системы;
— предусматривает при желании пользователей администрирование системы, позволяющее поддерживать ее единство.

Выпускаемый «НПФ Интердиск» пакет программ «ARLTree/Tumulus» позволяет пользователям:

— сформировать из элементов базу данных, отвечающую поставленной задаче, и защитить ее индивидуальным паролем;
— получить простые статистические показатели, не выходя из системы, и экспортировать файлы с целью обработки их в рамках типовых пакетов статистических программ (Statgrafics, Microstat и др.);
— сопроводить описание графическим изображением.

Работая с системой «ARLTree/Tumulus», Вы:

— освобождаете себя от предварительной работы по формализации описаний, содержащихся в письменных источниках;
— без труда введете данные в компьютер, пользуясь сопровождающим программу археологическим комментарием;
— обеспечите полную совместимость Вашей базы данных с базами Ваших коллег;
— получите возможность полностью ввести в ЭВМ информацию собственного полевого отчета, подготовив таким образом Ваши данные к публикации на современном методическом уровне;
— быстро и эффективно обучите студентов и начинающих специалистов методике полевого описания раскопок погребальных памятников.

Заявки на приобретение пакета «ARLTree/Tumulus» высылать:
103287, Москва, К — 287, а/я 33.
Телефон для справок: 213-49-54
Джаникян Гагик Гайкович, Андреева Марина Владимировна

В Научно-производственной фирме «ИНТЕРДИСК» создан и функционирует электронный Справочник «Учреждения, ведущие, финансирующие и поддерживающие археологические и палеоантропологические исследования на территории РСФСР».

В настоящее время Справочник содержит более 600 описаний, включающих в себя название учреждения (при необходимости — название специализированного подразделения в учреждении широкого профиля), его почтовый адрес и телефон, ФИО руководителей, сведения о профилирующих направлениях в работе. В Справочнике представлены следующие основные типы учреждений:

— НИИ;
— ВУЗы;
— музеи, заповедники;
— хозрасчетные организации, ведущие полевые исследования;
— государственные структуры охраны памятников;
— отделения ВООПИК;
— издательства и периодические издания, регулярно публикующие результаты археологических и палеоантропологических исследований;
— поддерживающие организации (реставрация, анализы, чертежные и другие виды работ).

На основе Справочника:

— поставляются полные и сокращенные варианты Справочника на дискетах заказчика;
— поставляются справки на бумажных носителях.

Данные на дискетах могут быть представлены в формате dBase, Paradox, или в виде текстового файла в формате MS DOS.

Если Вы хотите поместить сведения о своей организации в Справочник, что облегчит Вам поиск заказчиков, исполнителей и партнеров и обеспечит бесплатную рекламу, Вы можете прислать свои данные в нашу фирму. Бланк-анкета для описания высылается по запросу.

Наш адрес:
103287, Москва, К — 287, а/я 33.
Телефон для справок: 213-49-54
Джаникян Гагик Гайкович